

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2015. № 396. Июль

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ
- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY, SOCIAL
AND POLITICAL SCIENCES
- CULTURAL STUDIES
- HISTORY
- LAW
- ECONOMICS
- PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
- EARTH SCIENCES

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2015. № 396. July

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцуи, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.;
А.А. Глазунов, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд.
ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р
пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук,
проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**,
канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **О.М. Краснорядцева**,
д-р психол. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал.
наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома
Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Поткаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**,
директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.;
В.А. Уткин, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р
физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.;
В.Г. Шилько, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р
техн. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in
Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor;
Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in
Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology,
Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor;
V. Golikov, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**,
Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of
Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor;
T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr.
of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**,
Dr. of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and
Mathematics, Senior Researcher; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of
Psychology, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and
Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State
University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and
Technical Literature Publishing House; **A. Potkaev**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of
Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate
Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor;
V. Sumarokova, Director of TSU Publishing House;
S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor;
G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy, Associate
Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of
History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor;
E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.;
О.М. Краснорядцева, д-р психол. наук, проф.;
Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.; **В.П. Парначев**,
д-р геол.-минер. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.;
В.Г. Шилько, д-р пед. наук, проф.

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of
History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor;
S. Kulizhskiy, Dr. of Biology, Professor; **O. Krasnoriadtseva**,
Dr. of Psychology, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology,
Associate Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and
Mineralogy, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
E. Chernyak, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of
Education, Professor

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
(http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Боровкова А.В. Пищевая метафора как средство выражения оценки и ценностей (на материале образной лексики и фразеологии русского языка)	5
Гончарук Е.Ю. Эффективность коммуникации в русском бытовом общении: влияние фонетических факторов	14
Пестерев С.К. Персонажи малой прозы М. Алданова: по материалам Бахметьевского архива	21
Тик Н.А. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в итальянской рецепции: к постановке проблемы	27

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Баёва Е.А. Сетевая модель капиталистического мироустройства: способы воспроизводства и оправдания (социологический анализ)	32
Балаклеец Н.А. Terra nullius и отношения власти в социальном пространстве	38
Силинская А.С. Музыкальное высказывание как речевой акт	43

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Иванов Д.И. Специфика постконтркультурной эпохи русского рока	46
Козлова А.Е., Козлов А.Е. Способы визуализации спектакля в современной театральной культуре (на примере постановок Новосибирского театра музыкальной комедии)	54
Попова А.В. Управление временем в гуманитарном знании	59
Черёмушникова И.К. Писал ли Чехов об имидже: к вопросу об использовании художественных текстов в культурологических реконструкциях	64

ИСТОРИЯ

Алтухова С.А. Британские центры изучения современных межэтнических отношений	69
Байкалов Н.С. Молодые города Томской области: социальный опыт и стратегии развития на современном этапе	76
Володина Н.Н., Рашевский В.В. Деятельность геологов Сургутской нефтеразведочной экспедиции по развитию местного здравоохранения в 1957–1965 гг.	81
Дутчак Е.Е. Полевая археография вчера, сегодня и завтра: размышления о новых публикациях Московского университета	85
Лукина Н.В. Культурное наследие хантов в коллекциях Кунсткамеры: компоненты традиционной культуры	91
Нуркина К.К. Повседневная жизнь детей г. Омска в 1960–1970-х гг. в рамках регламентируемого пространства	96
Оропай И.П. Организационные основы туристской отрасли Приморского края (1989–2000 гг.)	102
Шеметова Т.А. О влиянии опиумного вопроса на российско-синцзянские торгово-экономические и политические отношения в 1914–1920-е гг.	108

CONTENTS

PHILOLOGY

Borovkova A.V. Food metaphor as a means of expressing evaluation and values (based on figurative lexis and phraseology of the Russian language)	5
Goncharuk E.Yu. The effectiveness of communication in Russian social interaction: the influence of phonetic factors	14
Pesterev S.K. Characters of M. Aldanov's short stories: investigating the Bakhmeteff Archive materials	21
Tik N.A. Aleksandr Pushkin's novel <i>Eugene Onegin</i> in Italian reception: on stating the problem	27

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Baeva E.A. Network model of capitalistic world order: ways of reproduction and justification (sociological analysis)	32
Balakeets N.A. Terra nullius and power relations in social space	38
Silinskaya A.S. Musical statement as a speech act	43

CULTURAL STUDIES

Ivanov D.I. Peculiarities of the post-counter-cultural epoch of Russian rock	46
Kozlova A.E., Kozlov A.E. Performance visualization in the modern theatre culture (by example of Novosibirsk Theatre of Musical Comedy)	54
Popova A.V. Time management in the humanities knowledge	59
Cheremushnikova I.K. Did Chekhov write about the image phenomenon: on the exploiting of the classical literary texts for cultural reconstructions	64

HISTORY

Altukhova S.A. British centers for the study of contemporary ethnic relations	69
Baikalov N.S. Young towns of Tomsk Oblast: social experience and development strategies at the present stage	76
Volodina N.N., Rashevskii V.V. The activities of the geologists of the Surgut oil-prospecting expedition in the development of local health in 1957–1965	81
Dutchak E.E. Field archaeography yesterday, today and tomorrow: thinking about recent publications of Moscow State University	85
Lukina N.V. Cultural heritage of the Khanty in Kunstkammer collections: components of traditional culture	91
Nurkina K.K. The daily life of children in the city of Omsk in 1960s – 1970s within the regulated area	96
Oropay I.P. Organizational principles of the tourism industry in Primorsky Krai (1989–2000)	102
Shemetova T.A. The influence of the opium problem on Russian-Xinjiang trade, economic and political relations in 1914–1920s	108

ПРАВО

Дмитриева А.А. К вопросу о расширении уголовно-процессуальных мер безопасности участников уголовного судопроизводства	111
Желева О.В. Понятие и признаки злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве	116
Камнев А.С. Формы и основания пересмотра приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, во Франции	122
Лозинский И.В. К проблемам дальнейшего совершенствования норм Главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации	129
Маслов В.А. К вопросу об объекте и предмете мошенничества в сфере страхования	136
Машовец А.О. О путях модернизации процедуры судебного следствия по уголовному делу	141
Обернихина О.В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и обратная сила уголовного закона	146
Пастухов П.С. Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве	149

ЭКОНОМИКА

Банин С.А., Акерман Е.Н. Методология согласования интересов в системе медицинского обслуживания на основе матрицы предпочтения	154
Григорьева К.С. Определение критериев справедливости налоговой системы в современных условиях	161
Никонова Я.И. Проблемы формирования и реализации инновационной политики развития экономических систем в условиях модернизации	166
Остапенко С.Н., Ковалев А.П. Определение экономической эффективности проектов по техническому перевооружению промышленных предприятий	171

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Бызова В.М., Перикова Е.И. Влияние полезависимости-полезависимости на процесс преодоления неопределенных визуальных стимулов	178
Иванова И.В. Сопровождение саморазвития учащихся в дополнительном образовании	183
Киреева П.А. Компетентностный подход к организации курсового проектирования в рамках учебного курса «Экономика организации»	194
Колтошова Т.В. Предпосылки теоретического осмысления понятия кинезиологии в физическом воспитании студентов	202
Крупницкая О.Н., Капилевич Л.В., Лосон Е.В., Неупокоев С.Н., Павлов Н.З. Влияние биомеханической характеристики ударного действия на качество функции равновесия и аэробной выносливости у начинающих спортсменов	208
Курзякова А.А., Вяткина И.В., Хайруллина Э.Р. Значение самореализации в процессе становления обучающегося в вузе	211
Ревенко Е.М. Индивидуально-типологические варианты возрастного развития как проявление гетерохронности динамики двигательных способностей и интеллекта	219

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Дубровская Л.И., Дмитриева Н.С. Сравнительный анализ методов расчета фоновых концентраций главных ионов в водах левобережных притоков Средней Оби	225
Харитоновна Н.А., Вах Е.А. Редкоземельные элементы в поверхностных водах Амурской области. Особенности накопления и фракционирования	232
Шпанский А.В., Маликов Д.Г. Новые местонахождения четвертичных млекопитающих в междуречье рек Белый и Чёрный Июс, Республика Хакасия	245
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	258

LAW

Dmitrieva A.A. On expansion of criminal procedure security measures of participants of criminal legal proceedings	111
Zheleva O.V. The concept and characteristics of abuse of right in criminal proceedings	116
Kamnev A.S. Forms of the reviewing of a jury trial decision and its grounds in France	122
Lozinsky I.V. On the problem of further development of Chapter 22 in the Criminal Code of the Russian Federation	129
Maslov V.A. The object and the subject of fraud in insurance	136
Mashovets A.O. On the development of the procedure for judicial investigation in criminal proceedings	141
Obernikhina O.V. Conditional early release from punishment and retroactive effect of criminal law	146
Pastukhov P.S. Electronic evidence in criminal proceedings	149

ECONOMICS

Banin S.A., Akerman E.N. Methodology for reconciling the interests in the health care system based on the matrix of preference	154
Grigorieva K.S. Determination of the tax system fairness criteria in the present conditions	161
Nikonova Ya.I. Problems of formation and realization of the innovation policy of economic systems development in the context of modernization	166
Ostapenko S.N., Kovalev A.P. Determining the economic efficiency of projects on technical re-equipment of industrial enterprises	171

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Byzova V.M., Perikova E.I. Effect of field dependence-independence on overcoming uncertain visual stimuli	178
Ivanova I.V. Support of self-education of students in additional education	183
Kireeva P.A. Competency-based approach to course designing of the training course "Economics of Organizations"	194
Koltorshova T.V. Premises of the theoretical understanding of the concept of kinesiology in physical education of students	202
Krupitskaya O.N., Kapilevich L.V., Loson E.V., Neupokoev S.N., Pavlov N.Z. Influence of biomechanical characteristics of hitting on the balance function quality and aerobic capacity of beginning athletes	208
Kurzyakova A.A., Vyatkina I.V., Khayrullina E.R. Value of self-realization in university student's formation	211
Revenko E.M. Individually-typological variants of age development as a manifestation of heterochrony in the dynamics of motor abilities and intelligence	219

EARTH SCIENCES

Dubrovskaya L.I., Dmitreva N.S. Comparative analysis of the calculation methods of the background concentrations of major ions in the left tributaries of the Middle Ob River	225
Kharitonova N.A., Vakh E.A. Rare earth elements in surface waters of Priamurye. Features of accumulation and fractionation	232
Shpansky A.V., Malikov D.G. The new sites of mammoth fauna in the Chulym River head, the Khakass Republic	245
BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	258

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81.161.1'06

А.В. Боровкова

ПИЩЕВАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ И ЦЕННОСТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБРАЗНОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-04-00207 а «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: лингвокультурологическое и лексикографическое описание», 2014–2016 гг.).

Представлен аксиологический анализ образных слов и выражений, транслирующих пищевую метафору, которые в своей совокупности составляют образное лексико-фразеологическое поле «Еда / Пища». Освещаются логико-философский и собственно лингвистический аспекты исследования оценочности как языковой категории. Разрабатывается методика аксиологического анализа образных средств языка, транслирующих пищевую метафору. Выявляются различные типы оценок, выраженных в семантике образных единиц, а также основания этих оценок, связанные с метафоризацией определенных свойств блюд и продуктов питания, образы которых задействованы в оценочной характеристике различных явлений окружающего мира. Моделируется фрагмент ценностной картины мира, представленный русской пищевой метафорой.

Ключевые слова: метафора; пищевой код культуры; образная лексика; фразеология; оценка; ценность; картина мира.

Утвердившийся в лингвистике конца XX в. антропоцентрический подход актуализировал исследования субъективной стороны языка и речевой деятельности. Вследствие этого объектом изучения и описания в работах по семантике 1980–2010-х гг. становятся такие функционально-семантические категории, как экспрессивность (Л.Г. Бабенко, Н.А. Лукьянова [1], Т.В. Матвеева, В.Н. Телия [2], Т.А. Трипольская и др.), мотивированность (О.И. Блинова [3], Н.Д. Голев, В.Г. Наумов и др.), образность (О.И. Блинова [4], Н.А. Илюхина, Н.А. Лукьянова, Г.Н. Складаревская, Е.А. Юрина [4, 5] и др.), эмотивность (Л.Г. Бабенко, Н.А. Лукьянова, В.И. Шаховский и др.), интенсивность (Е.В. Бельская, Н.А. Лукьянова, В.П. Мусиенко и др.), оценочность (Н.Д. Арутюнова [6], Е.М. Вольф [7], Н.А. Лукьянова [1], В.Н. Телия [2], В.Н. Цоллер [8] и др.). Исследователи отмечают взаимосвязь этих категорий, взаимодействие в семантике языковых единиц смысловых компонентов, определяющих совмещение свойств образности, экспрессивности, оценочности, интенсивности и эмотивности; вместе с тем выявляются семантические основания и формальные средства выражения, позволяющие дифференцировать данные категории в системе языка (О.И. Блинова [9], Н.А. Лукьянова [10], Е.А. Юрина [11]). Определяется роль внутренней формы лексической и фразеологической единицы в выражении экспрессивной, образной и оценочной семантики; указывается на метафорический характер внутренней формы образных средств языка (Н.Ф. Алефиренко, О.И. Блинова [4], В.Н. Телия [2], Е.А. Юрина [4, 5]).

Проводимое нами комплексное исследование образных средств языка, транслирующих пищевую метафору, предполагает в числе других аспектов аксиологический анализ их семантики и текстового функционирования. Это связано с тем, что образное именование неразрывно связано с выражением ценностной характеристики называемого объекта: «вторичная номинация осуществляется на основе аналогии... что уже предполагает возможность внедрения оценочных категорий в семантику переосмысливаемого имени» [2. С. 16].

Вслед за О.И. Блиновой и Е.А. Юриной, к числу образных языковых единиц относим те, которые посредством метафорической внутренней формы называют одни явления действительности в ассоциативной связи с другими [4]. Под образностью понимается «лексико-семантическая категория, обобщающая структурно-семантическое свойство единиц лексико-фразеологического уровня языка, проявляющееся в способности обозначить определенное явление внеязыковой действительности (предмет, свойство, процесс, ситуацию) в ассоциативной связи с другим, не тождественным обозначаемому, явлением на основе их реального или мнимого сходства посредством метафорической внутренней формы языковой единицы» [5. С. 27]. Системное описание образного строя языка осуществляется методом полевого моделирования, предполагающим описание комплекса лексико-фразеологических средств, отражающих метафоризацию ключевого образа [5]. Актуальным для современной лингвистики является описание образного лексико-фразеологического поля «Еда / Пища», единицы которого отражают пищевую метафору, символическое и метафорическое переосмысление национальной пищевой традиции (А.С. Бойчук [12], Е.М. Кирсанова [13], Е.В. Капелюшник [14], Е.А. Юрина [15]). При этом метафора понимается как когнитивная операция осмысления и описания одной понятийной сферы в терминах другой понятийной сферы (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А.П. Чудинов и др.). В системе языка когнитивная метафора представлена различными по структуре образными единицами: языковыми метафорами, устойчивыми образными сравнениями различной структуры, образными словами с метафорической внутренней формой, двухкомпонентными образными номинациями, идиомами, перифразами. Базовую модель пищевой метафоры можно представить формулой «X – это Еда», при этом исходная сфера метафорических проекций включает представления о продуктах питания, кулинарных изделиях, блюдах, процессах приготовления и поглоще-

ния пищи, субъектах и объектах, задействованных в гастрономической деятельности, их качествах и свойствах. В основе метафорических проекций оказываются различные аспекты исходного образа: размер, форма, консистенция, цвет, вкус, способ приготовления, особенности употребления и т.д. Например, *нос картошкой*, *уши-вареники* (размер и форма), *размазня* (консистенция), *персиковый* (цвет), *медоточивый* 'льстивый' (вкус), *заварить кашу* (способ приготовления), *кашу маслом не испортишь* 'что-л. хорошее, необходимое, правильное не повредит даже в большом количестве' (особенности употребления) и т.д.

Целью данной статьи является исследование аксиологического потенциала русской пищевой метафоры, которое предполагает анализ образной лексики и фразеологии, отражающей метафорическое переосмысление гастрономических образов с точки зрения выражения оценочных смыслов. Аксиологический анализ включает выявление основания оценки, определение типов оценок, изучение характера образной аналогии, описание фрагмента ценностной картины мира. Для решения комплекса поставленных задач необходимо определить сущность оценки и ценности как категорий философского порядка и оценочности как лингвистической категории.

Долгое время оценка рассматривалась в философии в рамках раздела аксиологии и только во второй половине прошлого века стала объектом изучения лингвистики. Аксиология – «философская дисциплина, исследующая категорию “ценность”, характеристики, структуры и иерархии ценностного мира, способы его познания и его онтологический статус, а также природу и специфику ценностных суждений» [16]. В аксиологии вопросы определения оценки как результата ценностного отношения между субъектом и объектом связаны с выявлением ее структуры и функций, исследованием типов оснований оценки, классификацией оценок по типам их основания (А.А. Ивин [17], Г. фон Вригт). В лингвистике круг вопросов, связанных с выражением оценки в семантике языкового знака, складывался вокруг определения оценочности как языковой категории, выявления ее связей с другими языковыми категориями, поиска средств выражения оценки, роли коннотативного и денотативного содержания в выражении оценки (Н.Д. Арутюнова [6], Е.М. Вольф [7], Н.А. Лукьянова [1], В.Н. Телия [2], В.Н. Цоллер [8] и др.). В современных исследованиях в центре внимания находится взаимосвязь оценочности с другими категориями языка, прежде всего с экспрессивностью и эмотивностью (Л.Г. Бабенко, Л.Г. Смирнова [18], Т.В. Маркелова и др.), а также сопоставительный анализ оценочной лексики и фразеологии разных языков (И.А. Мячина, С.Д. Погорелова [19], С.А. Турбекова, Е.А. Шабашева [20] и др.).

В широком понимании оценкой считают любое высказывание о ценности. Определяя структуру оценки, А.А. Ивин включает в нее следующие компоненты: субъект, объект, характер и основание оценки [17. С. 21]. Субъект оценки – лицо (или группа лиц), приписывающее ценность некоторому предмету путем

выражения данной оценки. Объектами оценки считаются те, которым приписываются ценности или объекты, ценности которых сопоставляются [Там же]. Соответственно, выделяются два вида (характера) оценки – абсолютная (хорошо / плохо) и сравнительная оценка (лучше / хуже). Основание оценки – это представление о норме, с точки зрения которой формируются доводы, склоняющие субъекта к одобрению, порицанию или выражению безразличия в связи с разными вещами [Там же. С. 27]. Мы оцениваем нечто как хорошее (ценное) или плохое по отношению к норме, которую составляют «имеющиеся у носителей языка представления о должном по отношению к тому или иному положению дел или состоянию определенного типа объектов» [21. С. 149].

Понятие «ценность», являющееся определяющим для категории оценочности, многозначно. С одной стороны, это различные предметы, обладающие какой-либо значимостью, стоимостью, входящие в круг потребностей человека. С другой стороны, к ценностям относятся явления нематериального мира, такие как добро и зло, красота и безобразие, справедливость, долг и т.д., они выступают ориентирами и критериями для людей, их деятельности. Деление ценностей на положительные и отрицательные (антиценности) зависит от их значимости и последствий реализации для конкретного человека и общества в целом. Это определяет дуалистическую природу оценки, которая существует в виде оппозиции отрицательной (пейоративной) и положительной (мелиоративной) оценки.

Оценка, отраженная в семантике языковых единиц, формирует семантическое свойство оценочности, состоящее в способности выразить субъективное ценностное отношение говорящего к называемому словом или выражением явлению. В лингвистике оценочность рассматривается как универсальная языковая категория, эксплицирующая ценностное отношение субъекта речи к объекту номинации или высказывания, выражающая семантику оценки различных явлений окружающего мира со стороны говорящего. Универсальность данной категории обусловлена тем, что оценочное отношение человека к действительности заложено в природе его мыслительной деятельности и является результатом познания мира. Таким образом, можно говорить о том, что категория оценочности отражает как объективную ценностную квалификацию объекта (то, что он фактически собой представляет), так и субъективное отношение (мнение о нем), т.е. демонстрирует позицию говорящего, сформированную на основании системы ценностей, выработанных обществом и присвоенных субъектом.

При классификации в первую очередь разделяют общеоценочные и частнооценочные типы значений. Общеоценочное значение связано с положительной либо отрицательной квалификацией оцениваемого объекта. Оно формируется вокруг определений *хорошо* – *плохо*, а также их синонимов с разными стилистическими и экспрессивными оттенками (*прекрасный*, *замечательный*, *ужасный*, *скверный*) и не может быть раскрыто в отрыве от объекта оценки [6. С. 75; 7. С. 33].

Частнооценочные значения дифференцируются в зависимости от типа оценочной модальности и вида базовой ценности, на основании которой дается оценка. При выявлении частнооценочных значений Н.Д. Арутюнова и Е.М. Вольф в своих исследованиях ссылаются на работы Г. фон Вригта, который выделил шесть форм добра, основанных на сочетании видов объектов со словом «хороший»: инструментальное, техническое, медицинское, утилитарное, гедонистическое, добро человека [6, 7]. К частнооценочным Н.Д. Арутюнова отнесла сенсорные оценки (сенсорно-вкусовые и психологические), сублимированные / абсолютные оценки (эстетические и этические), рационалистические, связанные с практической деятельностью человека [6. С. 75–76].

Развивая идеи Н.Д. Арутюновой, Е.А. Юрина [22] и Е.А. Шерина [23] в работах, посвященных аксиологическому анализу образных средств языка, на основании типа оценочной модальности и базовой ценности выделили семь видов оценок, каждому из которых соответствует определенная оценочная шкала. В нашем исследовании мы придерживаемся разработанной ими классификации, в которую вводим еще один тип – «гедонистическая оценка»: 1) **этическая оценка** касается поведения человека, его нравственных качеств, поступков, которые оцениваются по шкале «морально + / аморально –», базовая ценность – «добро» / «зло»; 2) **интеллектуальная оценка** относится к речемыслительным возможностям человека, которые оцениваются по шкале «разумно + / неразумно –», «понятно + / непонятно –», базовая ценность – «ум» / «глупость»; 3) **эстетическая оценка** определяет внешний вид человека или какого-либо предмета по шкале «красиво + / некрасиво –», базовая ценность – «красота» / «безобразия»; 4) **валеологическая оценка**, выстраиваемая по шкале «здоровый + / нездоровый –», характеризует состояние человека, его самочувствие, возрастные и физиологические характеристики, базовая ценность – «здоровье» / «болезнь»; 5) **гедонистическая (сенсорно-вкусовая) оценка** характеризует впечатления, ощущения от воспринимаемых человеком явлений по шкале «приятно + / неприятно –», базовая ценность – «удовольствие» / «дискомфорт»; 6) **психологическая оценка** квалифицирует эмоционально-психологическое состояние человека по шкале «спокойствие + / стресс –», базовая ценность – «психологический комфорт» / «психологический дискомфорт»; 7) **утилитарная оценка** квалифицирует качество предметов, их пригодность для деятельности человека, а также социальные явления, связанные с получением прибыли, по шкале «выгодно + / невыгодно –», базовая ценность – «польза» / «вред»; 8) **параметрическая оценка** квалифицирует размер, количество, интенсивность проявления какого-либо действия, процесса, состояния по шкале «норма 0 / чрезмерность + / –», базовая ценность – «стандартные параметры» и «нестандартные параметры».

По способу оценивания различают логическую и эмоциональную оценки. Философский спор о том, какая из них является первичной, не окончен, зачастую это деление считают условным. Тем не менее

способы выражения двух видов оценок в языке различаются, показывая, какое начало лежит в основе суждения о ценности объекта, эмоциональное или рациональное. Так, например, лексические единицы *красота, добро, дружба, предательство* являются рационально оценочными, так как, будучи названиями положительных или отрицательных с точки зрения социальной нормы явлений, содержат оценку в денотативной семантике. Рациональная оценка входит в денотативный компонент значения нейтрального (не экспрессивного) образного слова или выражения. Эмоциональная оценка содержится в семантике экспрессивной образной единицы, в которой, согласно Н.А. Лукьяновой [1], присутствуют коннотативные компоненты «эмотивность», «оценочность» и «интенсивность» (*крендель* 'неприятный человек, вызывающий негативное отношение', *селетка* 'очень худая женщина' и др.).

подавляющее число образных единиц лексико-фразеологического поля «Еда» оценочно. Называя различные явления действительности по аналогии с блюдами и продуктами питания, субъект демонстрирует свое равнодушие к этим явлениям. Но и среди исследуемой нами образной лексики и фразеологии имеются безоценочные языковые единицы. Во-первых, безоценочными являются слова и выражения со значением цвета, окраски в том случае, если они не имеют отношения к внешности человека (*лимонный* 'яркий, прозрачный светло-желтый, подобный цвету плода лимона', *в яблоках* 'окрас лошади, для которого характерны множественные круглые пятна определенного цвета' и т.п.). Во-вторых, образные единицы, обозначающие форму предметов или частей тела, характерные для всех людей и не влияющие на восприятие их внешнего облика (*бананы* 'брюки, расширенные до уровня колен и суженные книзу', *адамово яблоко* 'выпирающий у мужчин кадык' и т.п.). В-третьих, лексические и фразеологические языковые средства, называющие размер объекта, если они не относятся к описанию внешности человека или демонстрируют стандартные размеры каких-либо предметов (*крупка* 'снег или град в виде множества очень мелких твердых округлых частиц' и т.п.). В том случае, когда образные единицы, обозначающие форму, цвет или размер, относятся к наименованию человека или в их значении появляются семы интенсивности, они являются оценочными. Например, персиковый тон кожи считается красивым, характерным для молодых девушек, поэтому прилагательное *персиковый* в таком значении будет содержать положительную оценку: «*Природный персиковый цвет ее лица вызывал у многих жгучую зависть*» (Г. Моспан. Подиум). Образные единицы, отражающие пищевую метафору и называющие формы человеческого тела, как правило, используются для характеристики некрасивых параметров человеческого тела: «*Это были очень красивый мужчина Савелий и очень некрасивая женщина (нос грушей) Рахиль*» (Л. Смирнова. Моя любовь).

Кроме перечисленных случаев к безоценочным относятся единицы, называющие абстрактные явления, такие как идея, основа, суть и др., если они не указывают на качества человека и не характеризуются

интенсивностью (*зерно* 'какая-л. мысль, идея, зарождающаяся в человеке', *день варенья* 'день рождения и т.п.). Сравните: «Дело в том, что *соль* конфликта заключена в давнишней ссоре двух дворян из-за поместья, оставшегося им в наследство» (А. Гулина. Излишняя эклектика) и «В голове у Вали была полная *каша* – она никак не могла понять, как такое могло произойти» (Т. Тронина. Русалка для интимных встреч).

Оценочная лексика стала объектом изучения ценностного потенциала пищевой метафоры. В нашем исследовании представлена реконструкция фрагмента ценностной картины мира, которая предполагала пошаговое выполнение методики аксиологического анализа:

1. Выявление в семантике образной единицы общеоценочного значения – компонента рациональной оценки, выражающего положительную или отрицательную квалификацию объекта. Например, в слове *сахарный* 'нежный, приятный по звучанию (о голосе, музыке) семы 'приятный', 'нежный' выражают положительную оценку объекта: «Бирюков не знал, как повести себя с ней, только сердце его от ее неотрывного взгляда и *сахарного* тающего голоса не вмещалось в груди, и он решил пригласить Сонечку завтра покатаваться» (Ю. Петкевич. Живые цветы зимой). В слове *конфетка* 'милая, внешне привлекательная девушка' семы 'милая', 'привлекательная' отражают положительную оценку внешности: «Бабы хоть молодые? – Курочки-конфетки! Бабы в соку!» (М. Гиголашвили. Чертово колесо). В идиоме *в шоколаде* 'отлично, замечательно, благополучно' все семы выражают положительную квалификацию объекта: «Мы получали возможность сравнить ситуацию, понять, на каком свете находимся, сильно ли отстаем от Европы или, наоборот, ее обгоняем, стоит ли нам приунуть или возгордиться, решив, что мы в полном порядке и *в шоколаде* («Театральная жизнь»).

2. Выявление основания оценки, поиск эталона, отнесенного которого идет формирование оценки. Например, определение *сахарный* характеризует голос относительно доставленных субъекту приятных слуховых ощущений, впечатлений. Метафора *конфетка* квалифицирует внешний вид женщины или девушки на основании ее красоты, притягательности для оценивающего субъекта. Идиома *в шоколаде* называет состояние объекта с точки зрения его успешности, финансового или социального благополучия.

3. Выявление вида оценки, которую демонстрирует образная языковая единица (этическая, эстетическая, интеллектуальная, гедонистическая, валеологическая, психологическая, утилитарная, параметрическая оценки). Метафора *сахарный* включает гедонистическую оценку, *конфетка* – эстетическую, идиома *в шоколаде* – утилитарную.

4. Выявление компонентов экспрессивной коннотации: семы эмотивности (восхищение, ирония, презрение, неодобрение и т.д.) и интенсивности (слишком, 'очень', 'в высокой степени', 'чрезмерно'). Выявление данных сем осуществляется на основании анализа контекстов. Метафора *сладкий*, квалифицирующая приятный голос, включает сему одобрения,

что усиливается в контексте дополнительным эпитетом *тающий*. Метафора *конфетка*, называющая красивую молодую женщину или девушку, содержит сему одобрения, ласки. Идиома *в шоколаде*, характеризующая успех, материальное благополучие, включает сему одобрения, подтвержденную в контексте («мы в полном порядке и в шоколаде»).

5. Исследование объекта оценивания. На этом этапе рассматривается, что именно попадает в фокус оценки, какие качества референта образной номинации подлежат оцениванию. В первом случае (метафора *сладкий*) в фокус оценки попадают характеристики и качество звука, голоса, способные вызвать положительные эмоции, оставить позитивные впечатления у субъекта оценки. Во втором (метафора *конфетка*) оцениванию подлежит внешность объекта, красота девушек и молодых женщин. В третьем (идиома *в шоколаде*) оценивается социальный статус объекта, его успех, финансовое благосостояние.

6. Изучение характера образной аналогии. Какие качества уподобляемого предмета послужили образным основанием для выражения оценки. Сахарные, сладкие продукты, доставляющее удовольствие своим вкусом, уподобляются красивому голосу, доставляющему удовольствие своим звучанием. Конфеты, имеющие приятный вкус, ассоциируются с девушками, имеющими красивую, притягательную внешность. Шоколад, имеющий приятный вкус, высокую пищевую ценность и долгое время доступный только обеспеченным представителям общества, уподобляется благополучию, приносящим выгоду явлениям.

7. Реконструкция фрагмента ценностной картины мира. Этот этап предполагает типологизацию явлений из сфер, подлежащих оценке, и системы образов, послуживших средством выражения оценки. Моделирование ценностной картины мира связано с выявлением и описанием следующих аксиологических параметров: 1) тип частнооценочного значения; 2) референты (объекты оценок из различных сфер внеязыковой действительности); 3) образные основания ценностного отношения (общие качества уподобляемых и характеризующих явлений); 4) вывод о характере образных оснований; 5) статистические данные относительно количества образных лексик и фразеологии, демонстрирующих тот или иной тип оценки.

Исследовательская часть нашей статьи посвящена описанию фрагмента ценностной картины мира, представленного образными средствами русского языка, мотивированными наименованиями блюд и продуктов питания, а также смежных с ними явлений, находящихся на периферии гастрономической сферы (остатки и несъедобные части пищи, несъедобные грибы, которые случайно могут быть съедены, и под.). Всего было проанализировано 947 образных единиц, вошедших в первый выпуск «Словаря пищевой метафоры» [24], в числе которых 487 являются оценочными. Количественный анализ показал следующее распределение образной лексики и фразеологии по типам оценок (рис. 1).

Этическая оценка. Пищевая метафора является средством выражения этической оценки, которая

представлена в 75 языковых единицах, из которых только 3 передают положительную оценку личностных качеств и поведения человека. Собственно образные слова *хлебосольность* и *хлебосольный* выражают положительную оценку проявления радушия и гостеприимства, готовности разделить обед с гостем. Идиома *крепкий орешек* построена на уподоблении решительного человека, обладающего твердыми принципами и убеждениями, прочной скорлупе ореха. Оставшиеся 72 лексических и фразеологических единицы используются для наименования

аморального или малодушного поведения человека, негативных событий и явлений, связанных с ложью, клеветой, лестью. Обман как информация, скрывающая реальное положение вещей, сравнивается с соусом, маскирующим истинный вкус блюда (*соус, подавать под соусом*). Лесть и подхалимство ассоциируются с чрезмерно сладкими продуктами (*сахар, сахарный, сахарно, медовый, медоточивый*) или маслом, способным при смазывании предметов уменьшить трение (*масленный, подмаслить, умаслить*).

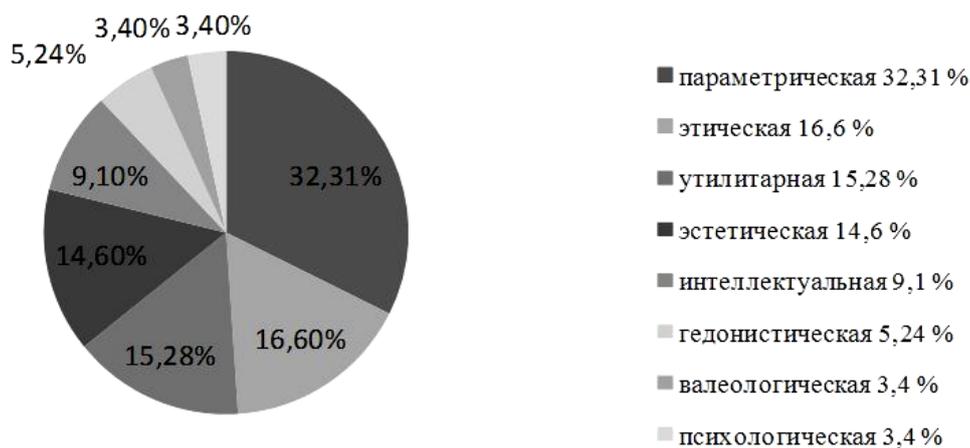

Рис. 1. Виды оценок, выраженных в семантике образных средств языка, транслирующих пищевую метафору

Ненадежный человек, на которого нельзя положиться в серьезном деле, характеризуется через ситуацию невозможности приготовления блюда или напитка (*с ним каши / пива не сварить*). Бесхарактерность и слабоволие человека сравниваются с полужидкими блюдами, приобретающими форму того предмета, в котором они находятся (*квашня, размазня, простокваша, тюрка, кисель, расплыться киселем*), а также продуктами, которые нельзя отнести к какому-л. классу пищи (*ни рыба ни мясо*). Конфликтный характер человека, способного на плохие поступки, уподобляется хлебобулочным изделиям с витиеватой формой (*крендель*), связывается с переизбытком или недостатком в блюде соли, сахара (*не сахар, не сахарный, не мед, укуренный, насолить*). Бесчувственный, эгоистичный человек ассоциируется с сухим хлебом (*сухарь*). Отрицательно оценивается иждивение, поэтому человек, живущий за чужой счет, будто забирает чужой хлеб (*нахлебник, есть чужой хлеб*). Негативная оценка выражается по отношению к людям, ведущим замкнутый образ жизни, не перенимающим опыт других (*гриб, грибовать, вариться в собственном соку, скорлупа, жить в скорлупе*). В сфере семейных отношений порицается потеря мужем авторитета, отчуждение его от семейных дел (*муж объелся груш*).

Интеллектуальная оценка. Интеллектуальная оценка отражена в 42 образных единицах, отрицательно оцениваются глупость, невнятная речь, дилетантство, сложность в понимании и решении каких-л. задач, которые стоят перед человеком, а также запутанные, лишённые логики процессы и явления

(29 единиц). Идиомы *разбираться, как свинья в апельсинах, ничего не понимать в колбасных обрезках, профессор кислых щей, лаптем щи хлебать* выражают неодобрительное отношение к низким умственным способностям человека. Голова людей с низким интеллектуальным уровнем по форме и размеру уподобляется овощам (*дыня, тыква, репа, кочан*). Недалекий, глупый человек, от которого мало толку, ассоциируется с пищевыми отходами, непригодными для дальнейшего употребления (*кочерыжка, мякинная башка*). Пуганица мыслей, бессвязная непонятная речь уподобляются вязким или состоящим из мелко нарубленных и перемешанных ингредиентов блюдам (*каша / винегрет в голове, винегрет, студень, каша во рту, каша во рту стынет*), невнятная речь, смысл которой неясен окружающим, ассоциируется со сложной структурой хлебобулочных изделий (*плести кренделя*). Положительно оценивается сообразительность человека, способность быстро решать сложные проблемы, задачи (*раскусить орешек, целкать как орешки / семечки*), понятные, несложные для понимания явления (13 единиц).

Эстетическая оценка. Объектом эстетической оценки выступает внешний вид человека или предмета с точки зрения его соответствия представлениям о прекрасном. Из 67 образных единиц, представляющих эстетическую оценку, 47 отражают отрицательную оценку, 20 – положительную. Одобрение получают красота и молодость, сияющая гладкая кожа, приятный внешний вид предметов. Женская красота, молодость уподобляются сладким конфетам, ягодам, фруктам (*конфетка, (словно) персик, ягодка, ягода*,

крошка). Бархатистая, нежного цвета кожа напоминает сочные фруктовые плоды (*персиковый, абрикосовый, румяный как яблоко*). Неодобрение высказывается по отношению к молодящимся пожилым мужчинам. Они сравниваются со сморщенными продуктами (*сморчок*), а также с овощами фаллической формы, к наименованиям которых добавляется определение *старый (старый перец, старый хрен)*. Бесформенные контуры тела мужчин и женщин сравниваются с увеличивающимся, быстро поднимающимся тестом, мешком с крупой, тушей крупного скота (*туша, как кисель, (как) квашня, словно мешок с крупой*). Излишняя худоба ассоциируется с сушеными или плоскими рыбами (*как вобла, как килька, (как) селедка*), остатками пищи (*кочерыжка*). Эталоны внешности являются достаточно субъективными, поэтому нельзя говорить о том, что быть худым или полным – это плохо. Например, в некоторых случаях субъект может оценивать полную фигуру как одно из достоинств человека, и тогда положительная оценка выражается через метафоры с уменьшительно-ласкательным суффиксом -к, мотивированные наименованиями пышных хлебобулочных изделий (*пончик, пышка, пампушка, (как) булочка*). Отрицательную эстетическую оценку получает бледный цвет кожи (*мучнисто-белый, мучнистый*). Неровная бугристая кожа по своей структуре напоминает крупитчатые, зернистые продукты (*крупитчатый, творожистый, как протокваша, мучнистый*), продукты с рельефной поверхностью (*апельсиновая корка*), поверхность, на которой измельчают горох (*будто черти горох молотили*). Слишком большие, имеющие некрасивые очертания части тела и лица уподобляются продуктам и блюдам подобной формы и размера: (*как*) *вареники, пельмени* – об оттопыренных ушах; *нос грушей, нос сливой, нос, как слива, нос картошкой; баклажанный нос* – о крупных, бесформенных носах, (*как*) *сардельки, как сосиски* – о толстых пальцах.

Гедонистическая оценка. Образная лексика и фразеология, транслирующая пищевую метафору, задействована при оценивании звуковых, вкусовых и других чувственных ощущений. Данный тип оценки выражают 24 образных единицы. Положительно оцениваются явления, доставляющие человеку вкусовое, обонятельное и акустическое удовольствие, которые ассоциируются со сладкими продуктами и блюдами (*как булочка, как изюм в булочке, как сахар, сахарный, мед, как мед, медовый, как варенье*), маслом, способным сгладить трение (*маслом по сердцу*). Положительную гедонистическую оценку выражают 15 образных слов и выражений. Отрицательно оцениваются явления, неприятные для человека, доставляющие ему дискомфорт (9 единиц). Они противопоставляются сладким продуктам (*не сахар, не мед*), уподобляются испорченным продуктам (*как хлеб черствый*), пищевым отходам (*костью в горле*), или веществам, портящим вкус блюда (*ложка дегтя в бочке меду*).

Валеологическая оценка. Валеологическая оценка связана с выражением ценностного отношения к определенным физическим состояниям человека и его самочувствию. Явления, подлежащие валеологиче-

ской оценке, названы 15 образными словами и выражениями. 11 наименований характеризуют хилых, невысоких, больших, уставших людей и выражают отрицательную оценку. Физически слабые, невысокие люди (чаще мужчины) будто бы не наполнены необходимыми питательными веществами (*мало каши ел*). Инвалиды как неполноценные люди, имеющие ампутированные конечности, сравниваются с остатками пищи (*кочерыжка, огрызок*), что отражает пренебрежительное отношение к ним субъекта оценки. Человек, лишенный сил из-за болезни или усталости и неспособный к физической и умственной деятельности, образно соотносится с неподвижно лежащим на грядке овощем (*превратиться в овощ, овощ*). Уставшие, не способные к деятельности люди уподобляются продуктам, потерявшим свою структуру и сочность (*как выжатый лимон, таять, как мороженое*). Старые и слабые люди сравниваются со сморщенными продуктами (*сморчок*). Четыре образных единицы несут положительную оценку, называя бодрых, крепких, сильных, здоровых людей, которые уподобляются сочным плодам (*как огурчик, сочный, кровь с молоком*).

Психологическая оценка. Данный тип оценки выражают 15 образных единиц, отражающих пищевую метафору. Проявление различных эмоций называют 4 образных единицы, несущие положительную психологическую оценку, и 11 образных единиц – отрицательную. Положительная оценка относится к характеристике таких эмоций, как радость, удовольствие, уверенность в себе: *как масленичный блин, сиять как блин с маслом* выражать своим видом удовлетворение, радость; *держат хвост морковкой* быть бодрым, уверенным в себе; *пьянить, как вино* о том, что вызывает ощущение бодрости, радости, удовольствия (явлениях природы, чувствах, эмоциях). Отрицательно оценивается переживание таких эмоций, как обида, злость, раздражение, уныние: *дуться, как мышь на крупу* сильно обидеться на кого-л., всем своим видом демонстрируя это; *колбасить* раздражать, вызывать чувство недовольства, нервозности; *метать икру* сильно нервничать, суетиться, ругаясь при этом на окружающих и т.п. В некоторых случаях характеристика недовольного человека основывается на его сравнении с кислым или горьким продуктом (*уксусный, как будто лимон съел / разжевал, надоесть хуже горькой редьки*).

Утилитарная оценка. Утилитарной оценке подвергаются явления экономической сферы, обладающие высокой или низкой материальной ценностью; деятельность человека, его социальный статус, дающие доступ к получению выгод, материальных благ; качество предметов, их пригодность для человека. Из 70 образных единиц, выражающих утилитарную оценку, 39 несут отрицательную, 31 – положительную. Прибыль, экономическая выгода и высокий социальный статус уподобляются сладким продуктам и блюдам (*конфетка, малина, сахар, мед, все в шоколаде* и т.п.), хлебобулочным изделиям (*хлеб, пряник, пирог, коврижки, плюшки* и т.п.) а также продуктам, обладающим высокой пищевой ценностью (*пита-*

тельный бульон, крупная рыба, как сыр в масле кататься). Напротив, отсутствие материальных благ сравнивается с непитательными, не насыщающими желудок остатками пищи (*обедки, шелуха, остатки с барского стола, выеденного яйца не стоит* и др.), дешевыми, доступными для всех или непитательными продуктами (*на хлеб не намажешь, не сахар, не фунт изюму* и т.п.) или упаковкой от конфеты, которая без содержимого не представляет никакой ценности (*обертка от конфеты*). Низкую утилитарную оценку получает деятельность человека, связанная с пустыми хлопотами, отсутствием выгоды, небольшими доходами. Во фразеологизмах, отражающих такую оценку, нет общего образного представления. Например, в выражении *как от козла молока* об отсутствии или невозможности получения положительных результатов от чьей-л. деятельности отражено сопоставление безуспешной попытки получить молоко от животного мужского пола с не приносящей результаты деятельностью; в выражении *зарабатывать (себе) на мороженое* подрабатывать, получая незначительные доходы, ситуация получения ребенком денег на мелкие расходы уподобляется ситуации, при которой человек лишен возможности хорошо зарабатывать. Отрицательную утилитарную оценку посредством пищевой метафоры получают непригодные для эксплуатации предметы. Чаще всего они сравниваются с непригодными в пищу отходами (*огрызок*). В некоторых случаях в основу ассоциации ложится визуальный образ (*просить каши* о сапогах, ботинках или другой обуви, разорванной впереди, у которой как будто раскрыт рот).

Параметрическая оценка. Этот вид оценки представлен наиболее широко (146 образных единиц) и отличается от предыдущих тем, что связан с категорией интенсивности, выражением слишком большой или слишком малой степени проявления какого-л. признака. Образные слова и выражения, транслирующие пищевую метафору, отражают нестандартные для предметов и явлений размеры / масштабы, указывают на количество и интенсивность проявления действия или состояния человека. Предметы, кажущиеся слишком маленькими по сравнению со стандартными представителями их класса, метафорически ассоциируются с мелкими зёрнами (*с рисовое зернышко, с горошину, зерно*) или остатками пищи (*крошка, огрызок*). Чересчур большие, не соответствующие представлениям о стандарте предметы уподобляются быстро поднимающемуся тесту, тушам идущего в пищу крупного скота. Наименования, демонстрирующие превышение меры, увеличение в количестве, имеют прецедентный характер (*полезть, как каша из волшебного горшка*), отражают метафорическое уподобление увеличивающимся в количестве объектам, быстро растущим грибам (*появляться, как грибы после дождя*), интенсивно сыплющимся крупам и

зёрнам (*сытаться горохом*), большому количеству тесно уложенных в упаковку продуктов (*как сельдей в бочке, словно кильки в банке, словно шпроты в банке*), насекомым, слетающим на сладкие продукты (*как мухи на мед / варенье*). Образные языковые единицы, обозначающие небольшое количество чего-л., связаны с наименованием зёрен, крупы, остатков пищи (*зерно, по крупинкам*), а полное отсутствие предметов лексически выражено через их отрицание (*ни крошки, ни крупинки*) или сравнением с дырой в хлебулочных изделиях (*дыра от баранки, дыра от бублика*).

Параметрическая оценка редко существует в чистом виде и часто совмещается с другими типами оценки: эстетической, психологической, утилитарной. Например, оценка параметров совмещается с оценкой внешнего вида человека: *«Расползлась как квашня, никто на тебя и взглянуть не захочет, вот ты перед ним и пляшешь»* (Л. Петрушевская. Город Света).

Смешанные оценки обнаруживаются во взаимодействии эстетической оценочной модальности с валеологической и утилитарной. Например, здоровье и молодость совмещаются с представлением о красоте, а старость и болезнь – с утратой красоты и привлекательности: *«Женщине лет тридцать пять, в самом соку, тело крепкое и в бархатном загаре, груди торчком»* (В. Маканин. Сюр в Пролетарском районе); *«Среди пришедших я увидел древнего сморщенного старикашку с палочкой, которого забыли в коридоре: “Инна, что делать с этим сморчком?”»* (В. Катаян. Прикосновение к идолам). Привлекательный внешний вид предметов, имеющих утилитарное предназначение, связывается с их высоким качеством: *«Японская “Тойота-Приус” с гибридным бензиново-электрическим двигателем, конечно, полная конфетка по сравнению с патриотичной “Волгой”, но общность в образе мысли налицо»* («Известия»).

Образная лексика и фразеология в большинстве случаев оценочна, так как иносказательность и идиоматичность помогают выразить отношение языковой личности к объекту высказывания. При анализе образной лексики и фразеологии, транслирующих пищевую код культуры, были выявлены восемь типов оценок, реализованных более чем в 300 единицах. Пищевая метафора зачастую демонстрирует реализацию отрицательного отношения субъекта к объекту оценивания, подчеркивая негативные стороны предметов и явлений. Различные типы оценок не всегда существуют в чистом виде и могут быть разграничены, поэтому можно говорить о смешанных оценках, демонстрирующих сложную ценностную картину мира, в которой одно и то же явление может оцениваться по разным основаниям (параметрическая и эстетическая, параметрическая и психологическая, параметрическая и утилитарная, эстетическая и валеологическая, утилитарная и этическая оценки).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. Новосибирск : Наука, 1986. 230 с.
2. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986. 143 с.
3. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 394 с.

4. Блинова О.И., Юрина Е.А. Образная лексика русского языка // Язык и культура. 2008. № 1. С. 5–13.
5. Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 156 с.
6. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.
7. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М. : Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
8. Цоллер В.Н. Соотношение категорий экспрессивности, эмотивности и оценочности в структуре лексического значения // Научные ведомости БГУ. 1998. № 2. С. 43–54.
9. Блинова О.И. Свойства слова и их иерархия // Известия Алтайского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. Социология. 1997. Вып. 2. С. 48–51.
10. Лукьянова Н.А. Дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии // Вестник Волгоградского государственного ун-та. 2009. Сер. 2. Языкознание. № 1 (9). С. 211–215.
11. Шенделева (Юрина) Е.А. Категории лексикологии в свете новой лингвистической парадигмы // Вестник Кокшетауского университета им. Ш.Ш. Уалиханова. 2000. № 1. С. 178–186.
12. Бойчук А.С. Гастрономическая метафора: структурный, семантический и стилистический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012.
13. Кирсанова Е.М. Прагматика единиц семантического поля «Пища»: системный и функциональный аспекты: на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 294 с.
14. Капелюшник Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 199 с.
15. Юрина Е.А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау, 2013. 238 с.
16. Новая философская энциклопедия. URL: <http://iph.ras.ru>
17. Ивин А.А. Основания логики оценок. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. 230 с.
18. Смирнова Л.Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2013.
19. Погорелова С.Д. Сопоставительное исследование лексики утилитарной оценки в русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 23 с.
20. Шабашева Е.А. Бинарная аксиологическая оппозиция в семантике фразеологизмов с компонентом «красный» в русском и английском языках // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2013. № 12 (13). С. 50–55.
21. Ефанова Л.Г. Норма в языковой картине мира русского человека. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2013. 492 с.
22. Юрина Е.А. Кулинарные образы как средство выражения оценки в русской идиоматике и метафорике // Slovo. Text. Czas XI. Frazeologia slowianska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym. Szczecin. Greifswald : Wydawnictwo “Zapól”, 2012. S. 222–228.
23. Шерина Е.А. Национально-культурная специфика образной лексики русского языка (на материале собственно образных слов, характеризующих человека) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 367 с.
24. Словарь русской пищевой метафоры. Вып. 1 : Блюда и продукты питания / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 432 с.
25. Квашина В.В. Оценочность как языковая категория в современной лингвистике // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5 (21). С. 250–255.
26. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
27. Фомина Ю.А. Аспекты изучения языковой оценки // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 20. С. 154–161.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 мая 2015 г.

FOOD METAPHOR AS A MEANS OF EXPRESSING EVALUATION AND VALUES (BASED ON FIGURATIVE LEXIS AND PHRASEOLOGY OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 5–13. DOI: 10.17223/15617793/396/1

Borovkova Anastasiya V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastya-borovkova@mail.ru

Keywords: metaphor; food code of culture; figurative lexis and phraseology; evaluation; value; picture of the world.

This article presents the axiological analysis of figurative words and phraseology motivated by names of plant foods; models a fragment of the evaluative picture of the world represented by Russian food metaphor. The relevance of the research is due to the attention to the study of culture in language codes that reflects metaphorical and symbolic reinterpretation of food traditions; cognitive research of metaphor as a world-modeling mechanism; analysis and research of evaluation lexis that demonstrate the national characteristics of perception of the world. The object is figurative words and expressions translating the food metaphor and having an evaluative meaning. The source of material was the first edition of *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* (“Dictionary of Russian Food Metaphor”). The article presents a range of questions related to the definition of evaluation as a linguistic category. Interpretation of the basic terms is given, the structure of evaluation (subject, object, character and basis), types of evaluation (general and specific), means of evaluation (rational and emotional) are described. Specific types of values are listed that express the axiological attitude to the object through gastronomic images and corresponding evaluative scales: ethical (moral + / immoral –); aesthetic (nice + / ugly –), intellectual (reasonable + / unreasonable –), psychological (calm + / stress –), healthful (healthy + / unhealthy –), utilitarian (helpful + / useless –), parametric (normal 0 / excessive +/-) evaluation. A method of the axiological analysis of figurative words and expressions is developed; it includes seven stages: 1) identification of the component of rational evaluation expressed as a positive or negative qualification of the object in the semantics of a language unit; 2) identification of the basis of evaluation, a model with respect to which evaluation is formed; 3) determination of the type of evaluation; 4) identification of emotional, evaluative or expressive connotations; 5) research of the object of evaluation, identification of its properties that are the focus of evaluation; 6) research of the nature of the figurative analogy; 7) reconstruction of a fragment of the evaluative picture of the world. Figurative words *SAKHARNIY* (“sugary”): tender, pleasant (voice, music); *KONFETKA* (“candy”): a nice, attractive girl; *SHOKOLADE* (“in chocolate”): excellently, perfectly. The second part of the article demonstrates a fragment of the evaluative picture of the world. The author identifies the main spheres of extra-linguistic reality to be evaluated by a food metaphor (human behavior, human figure, appearance of objects, phenomena of the economic sphere etc.). Figurative analogies and bases of evaluation are described. It is noted that evaluation of objects of reality through food metaphors is predominantly negative. Cases of mixed evaluations that combine different types of evaluation modality are analyzed.

REFERENCES

1. Luk'yanova, N.A. (1986) *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya. Problemy semantiki* [Expressive vocabulary of spoken usage. Problems of semantics]. Novosibirsk: Nauka.

2. Teliya, V.N. (1986) *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit* [Connotative aspect of semantics of nominative units]. Moscow: Nauka.
3. Blinova, O.I. (2007) *Motivologiya i ee aspekty* [Motivology and its aspects]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Blinova, O.I. & Yurina, E.A. (2008) *Obraznaya leksika russkogo yazyka* [The figurative vocabulary of the Russian language]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1. pp. 5–13.
5. Yurina, E.A. (2005) *Obraznyy stroy yazyka* [Imagery of the language]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka.
7. Vol'f, E.M. (2002) *Funktional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS.
8. Tsoller, V.N. (1998) Sootnoshenie kategoriy ekspressivnosti, emotivnosti i otsenchnosti v strukture leksicheskogo znacheniya [The ratio of expressive, emotive, and evaluative categories in the structure of lexical meaning]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Belgorod State University Scientific Bulletin*. 2. pp. 43–54.
9. Blinova, O.I. (1997) Svoystva slova i ikh ierarkhiya [The properties of words and their hierarchy]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. Sotsiologiya – The News of Altai State University. Series: Philology. Journalism. Sociology*. 2. pp. 48–51.
10. Luk'yanova, N.A. (2009) Diskussionnye momenty interpretatsii ekspressivnosti kak kategorii leksikologii [Discussion points of interpretation of expressiveness as a category of lexicology]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Yazykoznanie – Science Journal of VölsU*. 1(9). pp. 211–215.
11. Shendeleva (Yurina), E.A. (2000) Kategorii leksikologii v svete novoy lingvisticheskoy paradigmy [Categories of lexicology in the light of the new linguistic paradigm]. *Vestnik Kokshetauskogo universiteta im. Sh.Sh. Ualikhanova*. 1. pp. 178–186.
12. Boychuk, A.S. (2012) *Gastronomicheskaya metafora: strukturnyy, semanticheskii i stilisticheskii aspekty* [Gastronomic metaphor: structural, semantic and stylistic aspects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
13. Kirsanova, E.M. (2009) *Pragmatika edinit semanticheskogo polya "Pishcha": sistemnyy i funktsional'nyy aspekty: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov* [Pragmatics of units of the semantic field "Food": system and functional aspects: in Russian and English]. Philology Cand. Diss. Moscow.
14. Kapelyushnik, E.V. (2012) *Kulinarnyy kod kul'tury v semantike obraznykh sredstv yazyka* [Culinary culture code in the semantics of figurative means of language]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
15. Yurina, E.A. (2013) *Vkusnyye metafory: pishchevaya traditsiya v zerkale yazykovykh obrazov* [Delicious metaphors: food tradition in the mirror of language images]. Kokshetau: Keleshek 2030.
16. Stepin, V.S. (ed.) (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [The New Encyclopedia of Philosophy]. [Online]. Moscow: Mysl'. Available from: <http://iph.ras.ru/enc.htm>.
17. Ivin, A.A. (1970) *Osnovaniya logiki otsenok* [Foundations of evaluation logic]. Moscow: Moscow State University.
18. Smirnova, L.G. (2013) *Leksika russkogo yazyka s otsenchnym komponentom znacheniya* [Russian vocabulary with evaluative component of meaning]. Abstract of Philology Dr. Diss. Smolensk.
19. Pogorelova, S.D. (2002) *Sopostavitel'noe issledovanie leksiki utilitarnoy otsenki v russkom i angliyskom yazykakh* [Comparative vocabulary research of utilitarian evaluation in Russian and English]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
20. Shabasheva, E.A. (2013) Binary axiological opposition in the semantics of Russian and English idioms containing the colour component "red". *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Scholarly Notes of Komsomolsk-na-Amure State Technical University*. 12(13). pp. 50–55. (In Russian).
21. Efanova, L.G. (2013) *Norma v yazykovoy kartine mira russkogo cheloveka* [The norm in the language picture of the world of a Russian]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
22. Yurina, E.A. (2012) Kulinarne obrazy kak sredstvo vyrazheniya otsenki v russkoy idiomatike i metaforike [Culinary images as a means of expressing evaluation in Russian idioms and metaphors]. In: *Slovo. Text. Czas XI. Frazeologia slowianska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym*. Szczecin. Greifswald: Wydawnictwo "Zapól". pp. 222–228.
23. Sherina, E.A. (2010) *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika obraznoy leksiki russkogo yazyka (na materiale sobstvenno obraznykh slov, kharakterizuyushchikh cheloveka)* [National and cultural identity of figurative vocabulary of the Russian language (in figurative words describing the person)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
24. Yurina, E.A. (ed.) (2015) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian food metaphor]. Is. 1: *Blyuda i produkty pitaniya* [Dishes and food]. Tomsk: Tomsk State University.
25. Kvashina, V.V. (2013) Evaluation as a linguistic category in contemporary linguistics. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and social-educational ideas*. 5 (21). pp. 250–255. (In Russian).
26. The Russian National Corpus. [Online]. Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (In Russian).
27. Fomina, Yu.A. (2007) Aspekty izucheniya yazykovoy otsenki [Aspects of study of language evaluation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 20. pp. 154–161.

Received: 22 May 2015

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ В РУССКОМ БЫТОВОМ ОБЩЕНИИ: ВЛИЯНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Рассматриваются вербальные факторы фонетического уровня, способные положительно или отрицательно повлиять на эффективность коммуникации. Материалом для анализа послужили диалоги из живой разговорной речи и современных художественных фильмов. В результате анализа выделены и описаны следующие фонетические факторы, способные повлиять на эффективность коммуникации: паузы и заполненные паузы (хезитация), растяжка звуков, произнесение слова по слогам, повышение тона голоса, изменение темпа речи.

Ключевые слова: коммуникативный акт; эффективная коммуникация; фонетические факторы; пауза; хезитация; растяжка звука; тон голоса; темп речи.

Изучению понятия «эффективность» посвящено немало работ современных исследователей [1–4]. Эффективность рассматривается как категория, характеризующая деловое общение [2, 3] в узком смысле, и деловое общение, под которым И.А. Стернин понимает любое общение, имеющее цель. Вслед за С.О. Кремлевой мы полагаем, что «любая коммуникация – это деятельность, имеющая цель, при этом цель может быть не всегда осознаваема говорящим» [5]. Т.Г. Винокур разграничивает информационное и фатическое общение. Информативная речь с целью передать информацию собеседнику противопоставляется фатической речи, поскольку та содержит, помимо информации, «социальные потенции языковой личности» [6. С. 111]. Бытовое общение исследователь относит к «неофициальному варианту информативной речи» [Там же], т.е. бытовое общение также имеет цель передачи информации. Следовательно, по нашему мнению, понятие «эффективность» может быть применимо к любому виду общения, поскольку любое общение имеет цель, соответственно, может быть оценено с точки зрения эффективности.

Под эффективной коммуникацией в лингвистике понимается общение, при котором отправитель сообщения использует адекватные речевые действия при передаче своей идеи, а получатель демонстрирует адекватное понимание этой идеи с помощью эффективных речевых действий, не содержащих факторов, способных отрицательно повлиять на эффективность [4. С. 63].

В оценке эффективности коммуникации участвуют следующие параметры: нормативность действий участников общения, результативность действий участников общения, эмоциональный фон коммуникации. Помимо параметров, участвующих в оценке акта коммуникации, существуют факторы, способные повлиять на степень эффективности, повысив или снизив ее. Для определения таких факторов проанализировано 400 коммуникативных актов. Материалом для анализа послужили диалоги из живой разговорной речи (200), а также диалоги из современных художественных фильмов (200). В результате анализа нами выявлены вербальные и невербальные факторы различных уровней. Среди вербальных факторов, способных повлиять на степень эффективности коммуникации, можно выделить группы факторов фонетического, лексического, грамматического, а также коммуникативно-прагматического уровней. В данной работе мы рассмотрим вербальные факторы фонетического уровня.

Факторами, относящимися к фонетическому уровню языка и способными повлиять на степень эффективности коммуникации, повышая или понижая ее, являются: паузы и заполненные паузы (хезитация), растяжка звуков, произнесение слова по слогам, повышение тона голоса, изменение темпа речи. Рассмотрим представленные факторы подробнее.

Паузы в речи относятся к факторам, способным повлиять на степень эффективности коммуникации, поскольку могут вызвать затруднения при восприятии получателем информации, недоверие собеседника к получаемой информации. Также паузы могут быть показателями эмоционального волнения, являющегося следствием того, что говорящий сообщает ложную информацию, испытывает волнение от боязни быть уличенным во лжи, поэтому старается подобрать нужные слова, чтобы не выдать партнеру по коммуникации лишней информации [7. С. 68].

В разговорной речи паузы демонстрируют неуверенность говорящего в сообщаемой информации. Это вызывает недоверие собеседника и снижает степень эффективности коммуникации. Рассмотрим данное положение на примере.

(А) *женщина*; (Б) *бариста, мужчина, в кафе*

(А) *А вот этот с орехом? (указывает пальцем на тарталетку с орехом наверху)*

(Б) *У того что с орехом внутри не орех// (улыбается)*

(А) *Не орех? (удивленно, глаза широко открыты) А что?*

(Б) *Там что-то типа (пауза, жестикулирует, пытаясь подобрать слово) желе// (улыбается)*

(А) *Желе? (с недоверием) Какое желе? (удивленно)*

(Б) *Ну не желе (улыбается)// что-то жидкое такое//сладкое// трудно объяснить// (улыбается)*

В данном диалоге пауза возникает в реплике говорящего (Б), поскольку он затрудняется дать определение тому, что находится внутри пирожного. Пауза сопровождается активной жестикуляцией, демонстрирующей попытку найти нужное слово. Собеседник воспринимает его ответ с недоверием, ему кажется

ся, что (Б) на самом деле не знает, с чем пирожное, так как он долго подбирает слова. Пауза в ответе (Б) в данном случае снижает степень эффективности, так как объяснения (Б) не удовлетворяют говорящего (А). Говорящего (А) не устраивает ответ (Б), так как (А) продолжает спрашивать о пирожном, желая услышать ответ, который бы его удовлетворил.

Пауза в ответе также вызывает недоверие собеседника в приведенном ниже диалоге.

(А) и (Б) женщины, коллеги

(А) Наталья Владимировна/ вам помощь нужна здесь?

*(Б) Ну не знаю//**(пауза)** посмотрим//*

(А) с недоверием смотрит на (Б).

В представленном примере в ответе говорящего (Б) присутствует пауза, которая демонстрирует сомнение, неуверенность в ответе. Пауза вызывает недоверие к словам (Б) у говорящего (А), поскольку (А) считает, что помощь (Б) действительно нужна, только (Б) не хочет прямо об этом сказать. В результате эффективность коммуникации снижается, поскольку (А) сомневается в ответе (Б).

В процессе коммуникации паузы в речи нередко заполняются звуками. Данный прием связан со спонтанностью бытового общения, так как текст рождается непосредственно в момент речи, у говорящего возникает проблема выбора речевых единиц, а также планирования предложения в целом. Представленная особенность называется хезитацией и ее основным проявлением в речи являются паузы, заполненные или незаполненные нелексическими звуками и словами-паразитами. Заполняя паузу звуком, говорящий демонстрирует намерение окончить начатую реплику. Хезитационная пауза дает время для обдумывания, поддерживает коммуникацию, или демонстрирует то, что говорящий подбирает слова, не уверен в том, что он говорит.

(А) муж; (Б) жена

*(А) (задумавшись, растягивая слово) Ну-у-у (**пауза**)// что там было у тебя// (быстро, как будто заинтересованно) А? (не дожидаясь ответа, закрывает за собой дверь в ванную)*

(Б) (немного с вызовом) Что было? Оргия была// (из к/ф «Любовь-морковь», 2007 год).

Говорящий (А) растягивает звук в слове «ну», заполняя паузу, пытаясь вспомнить то, о чем хочет спросить. Подбирает слова, не знает, что сказать, об этом также свидетельствует пауза в речи. Эффективность снижается, поскольку заполненная пауза свидетельствует о незнании говорящим того, что является важным для получателя. Это может вызвать чувство обиды и нарушить эмоциональный фон. Кроме того, действия говорящего демонстрируют отсутствие интереса к ответу собеседника, поскольку он не дожидается ответа, закрывает дверь в ванную. В коммуникации присутствуют отрицательные факторы – переспрос и сарказм. Невербальные сигналы не соответствуют вербальным, поскольку говорящий (А) задает вопрос, проявляет интерес, но при этом уходит в ванную и закрывает дверь, что демонстрирует отсутствие интереса к ответу собеседника.

Таким образом, паузы (незаполненные и заполненные) являются фактором, способным отрицательно повлиять на степень эффективности коммуникации, поскольку затрудняют восприятие информации, вызывают недоверие собеседника к сообщаемой информации.

Растяжка звуков в русском бытовом общении усиливает эмоциональность речи и может сопровождать как положительные, так и отрицательные эмоции.

Рассмотрим пример, в котором растяжка звуков сопровождается выражением радости.

(А) – друг на свадьбе Андрея и Марины; (Б) – жених; (В) – невеста.

(А) Андрей/ Марина/ небольшое интервью/ для будущих поколений (жених и невеста улыбаются, смеются) Что вы сейчас чувствуете?

*(Б) А-а-а// **Лечу**//(тон голоса повышен)*

(В) Мы летим/ мы летим//(тон голоса повышен)

Потому что/ когда мы вместе/ мы в полете// (из к/ф «Любовь-морковь», 2007 год).

В диалоге говорящий (Б) растягивает звуки в словах, тем самым демонстрирует сильное эмоциональное переживание, вызванное, в данном случае, положительными эмоциями. Говорящий (В) поддерживает положительный эмоциональный настрой собеседника. Эффективность коммуникации высокая, поскольку говорящий (А) получает ответ на вопрос, при этом общий эмоциональный фон коммуникации положительный.

Растяжка звука сопровождается выражением отрицательных эмоций и имеет функцию усиления.

(А) мать (Б) дочь

(А) У тебя сегодня сколько пар?

*(Б) Столько/ что мой бедный мозг не выдержит//**ааа**// (кидается на шею и имитирует рыдания)*

(А) улыбается.

Говорящий (Б) растягивает звук «а», демонстрируя нежелание идти на занятия, имитируя рыдания. Данный фактор повышает эффективность, поскольку растяжка звука является частью языковой игры, которая вызывает у собеседника улыбку, сохраняя положительный эмоциональный фон диалога.

Кроме того, растяжка также встречается в ситуациях, когда собеседник подбирает слова, не знает, что сказать, тянет время. Рассмотрим примеры подобных ситуаций.

(А) и (Б) женщины

(А) Что тебе подарить на день рождения?

*(Б) **Ооой**// я даже и не знаю// (задумалась)*

(А) Ну давай/ думай быстрее//

Говорящий (Б) растягивает звук «о» в слове «ой», демонстрируя серьезность и важность вопроса, необходимость хорошо подумать, прежде чем дать ответ. При этом снижается эффективность, поскольку ответ (Б) вызывает у говорящего (А) отрицательные эмоции. Говорящий (А) проявляет нетерпение по поводу того, что собеседник задумался, не дает ответа на вопрос.

Приведенные выше примеры показывают, что растяжка звука может положительно влиять на степень эффективности, если сопровождается выражением положительных эмоций, или является частью языковой

игры. Данный фактор может и отрицательно влиять на степень эффективности коммуникации в случаях, если является свидетельством того, что говорящий подбирает слова или затягивает время ответа.

Произнесение слова по слогам может влиять на степень эффективности как положительно, так и отрицательно. Положительно данный фактор влияет в случаях, когда объективные причины (посторонний шум, плохое качество телефонной связи и др.) требуют произнесения слова по слогам для уточнения информации.

(А) и (Б) полицейские говорят по рации, в которой слышен шум

(А) Ориентировка на мусоровоз//

(Б) Еще раз повторите//

(А) Му-со-ро-воз// (говорит по слогам) (из к/ф «Духлесс», 2012 год).

В данном диалоге говорящий (Б) просьбой повторить сообщение демонстрирует важность сообщенной собеседником информации, желание не допустить ошибок в своих дальнейших действиях. Просьба повторить информацию связана с объективными причинами (плохим качеством связи). Говорящий (А) произносит слово по слогам, тем самым повышает эффективность, так как реагирует на просьбу собеседника, одновременно повышая результативность, информация будет понята адекватно.

Произнесение слова по слогам оказывает отрицательное влияние на эффективность, если связано с внутренними эмоциональными переживаниями, демонстрирует отрицательные эмоции.

(А) муж; (Б) жена

(А) (выглядывает из-за двери, со злостью захлопывает ее за собой за спиной, рывком застегивает брюки. Активно жестикулирует: явно не знает, что сказать, вытянутым указательным пальцем показывает поочередно то на себя, то на чемоданы, то на жену, то в сторону, затем развел двумя руками в стороны) Я не понимаю// Ну/ чего ты добиваешься/ а? У меня// Я// (постучал указательным пальцем себе по голове) Я ра-бо-та-ю//

(Б) (с некоторой долей сарказма) Еще в десять нашу семейную жизнь можно было спасти// Но у тебя своя жизнь// (из к/ф «Любовь-морковь», 2007 год).

В этом диалоге говорящий (А) произносит слово по слогам, усиливая логическое ударение, акцентирует внимание именно на том факте, что он «работает», а не занимается чем-то другим. Кроме того, в данном случае использование приема произнесения слова по слогам имеет оттенок укора, претензии в адрес собеседника, что отрицательно влияет на эмоциональный фон коммуникации, а следовательно, и на степень ее эффективности. Реакцией собеседника становится сарказм, демонстрирующий равнодушие к информации, переданной собеседником.

Итак, произнесение слова по слогам может отрицательно влиять на степень эффективности коммуникации в случаях, когда несет дополнительный эмоциональный оттенок, выражает упрек, недовольство. В случаях, когда произнесение слова по слогам объясняется объективными причинами (собеседник просит

повторить то, что не расслышал), данный фактор положительно влияет на степень эффективности.

Следующим фонетическим фактором является **повышение тона голоса**. Данный фактор свидетельствует о переживаемых человеком эмоциях, которые могут быть как положительными, так и отрицательными. Повышение тона голоса, связанное с переживаемыми отрицательными эмоциями, также отрицательно влияет на степень эффективности коммуникации. Крик указывает на глубину переживаемых эмоций, которые выражаются с помощью агрессии в отношении другого человека. Повышение тона голоса является нарушением коммуникативной гармонии, поскольку повышение тона голоса или крик вызывают в собеседнике сильные отрицательные эмоции, обиду, заставляют его волноваться и переживать. Исходя из этого, можно утверждать, что повышение тона голоса является фактором, способными изменить степень эффективности коммуникации.

В приведенном ниже примере говорящий (А) не пытается изменить возникший отрицательный эмоциональный фон коммуникации, что приводит к снижению эффективности, поскольку его собеседник перестает реагировать на его высказывания, пытается себя защитить.

(А) и (Б) мужчины; ((А) включает свой компьютер и видит, что (Б) пытался обновить систему и в результате удалил информацию, которая находилась на рабочем столе компьютера)

(А) Федя/ я же просил/ не трогай ничего// (огорчен)

(Б) Слав/ я хотел как лучше// (удивлен)

(А) Если руки не из того места растут/ не надо было за это братья// (повышает тон голоса)

(Б) молчит

Говорящий (А) с огорчением и досадой обращается к своему собеседнику. Говорящий (Б) оправдывается и выражает удивление, не понимая причины, по которой его собеседник так огорчен. Говорящий (А) повышает тон голоса, выражая отрицательные эмоции (раздражение, злость, огорчение) и оскорбляет собеседника. Говорящий (Б) реагирует на претензии собеседника молчанием, что свидетельствует об испытываемом им чувстве обиды, ведь он хотел «сделать как лучше». Повышение говорящим (А) тона голоса создает отрицательный эмоциональный фон коммуникации и снижает эффективность в целом.

Повышение тона голоса одного из собеседников может вызывать ответную реакцию другого собеседника, поскольку действует закон отзеркаливания, подобное рождает подобное [8. С. 13].

(А) муж, (Б) жена

(А) Я тебе муж/или кто? (повышает тон голоса)

(Б) Не смей на меня кричать// (тон голоса повышен) жлоб// (тон голоса повышен) (из к/ф «Любовь-морковь», 2007 год).

Говорящий (А) использует неадекватные средства передачи информации (повышает тон голоса), вопрос демонстрирует его силу и доминирование, потому что он муж. Говорящий (Б) указывает партнеру на его

коммуникативную ошибку, также повышая голос, при этом оскорбляет собеседника. Все это отрицательно влияет на эмоциональный фон коммуникации, а значит, и на эффективность.

Повышение тона голоса может сопровождаться улыбкой, которая демонстрирует желание говорящего настроить собеседника на позитивный лад, изменить эмоциональный фон в сторону положительного.

(А) *мужчина*, (Б) *женщина*

(А) *Ну ты мне так и не ответила!*

(Б) *Да ответила я тебе (повышает голос, с упрёком) // че ты начинаешь! (улыбается)*

(А) *Нет! не ответила!*

(Б) *Ну не начинай/ладно!*

В данном примере говорящий (Б) повышает тон голоса, выражая при этом упрёк. Эмоциональный фон разговора становится отрицательным, что снижает эффективность коммуникации. Затем говорящий (Б) пытается перевести тему разговора. Говорящий (Б) старается изменить отрицательный эмоциональный фон, возникший в результате ответа повышенным тоном голоса, на положительный фон с помощью улыбки. Говорящий (А) продолжает начатую им тему (желание получить ответ), несмотря на попытки (Б) уйти от ответа.

Также повышение тона голоса помогает достигнуть желаемого результата, несмотря на то что вызывает у собеседника отрицательные эмоции.

(А) и (Б) *женщины*

(А) *Че так холодно?*

(Б) *Да потому что стоим/ пошли (повышает тон голоса)!*

(А) *Ну пошли! Че ты наезжаешь на меня (повышает тон голоса, улыбается)?*

(Б) *Потому что ты стоишь (повышает тон голоса)!*

(А) *Все идем/ идем! Побежали!*

Говорящий (Б) повышает тон голоса, демонстрируя недовольство тем, что говорящие стоят, а не бегут, и от этого испытывают холод. Говорящий (А) соглашается с тем, что надо идти, но при этом делает замечание о тональности, с которой (Б) отвечала, выражает недовольство ее ответом. Это отрицательно влияет на общий эмоциональный фон коммуникации, а следовательно, и на эффективность. При этом говорящий (А) улыбается, стараясь изменить отрицательный эмоциональный фон в сторону положительного. В следующей реплике (Б) продолжает выражать свое недовольство, повышая тон голоса. Говорящий (А) изменяет отрицательный эмоциональный фон коммуникации и выполняет просьбу (Б).

В случаях, когда тон голоса повышается из-за переживаемых отправителем или получателем положительных эмоций, таких как радость, веселье, интерес, мечтательность, удовольствие, степень эффективности коммуникации не изменяется или повышается, поскольку искреннее выражение положительных эмоций способно вызвать у получателя ответную позитивную реакцию.

(А) и (Б) *подруги*. Лицо (А) *выражает радость, смотрит на подругу*.

(А) *Ммм/ я влюблю в себя Власова/ влюблю/ раз-рушу брак этого альфонса/ и верну нам работу! (тон голоса повысился) (качает головой в такт словам)*

(Б) *Главное/ чтоб нам потом не пришлось бежать из страны! (тон голоса повышен, улыбается)* (из к/ф «На крючке», 2011 год).

В данном диалоге говорящий (А) повышает тон голоса, для того чтобы убедить собеседника поверить в его идею. Тон голоса повышается также потому, что (А) сама искренне верит в возможность осуществить свои намерения и испытывает от этого радость, удовольствие. От удовольствия (А) «мычит». Собеседник в ответе также повышает тон голоса и улыбается, что демонстрирует интерес к идее собеседника.

Таким образом, повышение тона голоса является двусторонним фактором. Указанный фактор может положительно влиять на степень эффективности коммуникации в случаях, когда связан с выражением говорящим положительных эмоций (радость, мечтательность, удовольствие, веселье, интерес), и отрицательно влиять на эффективность коммуникации, когда отправитель повышает тон голоса в связи с переживаемыми им отрицательными эмоциями (гнев, недовольство и др.).

Изменение темпа речи может стать отрицательным фактором, влияющим на эффективность коммуникации, поскольку может вызвать затруднения при адекватном декодировании информации. Быстрота речи может свидетельствовать о внутренних переживаниях, сильном эмоциональном волнении.

Рассмотрим пример, в котором быстрота речи сопровождает переживания, свидетельствующие о трудностях принятия решения.

(А) *жена*, (Б) *муж*.

(А) *(встала из-за стола, обхватила себя руками за плечи, немного поводила руками по плечам вверх-вниз, как будто ей холодно, остановилась на выходе из кухни, вздохнула, на выдохе быстро произносит фразу) Я ухожу от тебя/ Андрей!*

(Б) *(ничего не говорит, сжал губы)* (из к/ф «Любовь-морковь», 2007 год).

Содержание сообщения (А) способно взволновать собеседника. Говорящий (А) на выдохе быстро произносит фразу, демонстрируя насколько тяжело дается решение уйти от мужа. Говорящий (Б) не вступает в диалог, но невербальный сигнал (сжал губы) свидетельствует о внутреннем переживании и состоянии обиды, вызванном словами собеседника. Диалог дальше не продолжается, отрицательным фактором являются внутренние переживания партнеров, которые создают отрицательный эмоциональный фон диалога.

Помимо свидетельства внутреннего переживания, испытываемого говорящим, быстрый темп речи может выражать сильное эмоциональное возбуждение, при этом он сопровождается повышением тона голоса.

(А) *Максим, начальник* (Б); (Б) *менеджер*

(А) *(врывается в кабинет, кричит) Мозг включи/придунок/ кто мог это сделать/если между тем как ты мне принес диск и началом конференции про-*

шло пять минут// (говорит быстро, наклоняет свое лицо к лицу собеседника)

(Б) (уклоняется от Макса, отходит в сторону) Простите Максим Евгеньевич/ я правда не знаю/ кто подменил диск (разводит руками, говорит быстро, лицо с красными пятнами)// я ж никому ничего/ пару раз заходил мсье (протягивает руку в сторону Макса) (из к/ф «Духлесс», 2012 год)

Говорящий (А) использует неадекватные средства передачи информации (вербальные – слово *придурак*, невербальные – кричит, говорит быстро), его действия отрицательно влияют на собеседника. Собеседник проявляет внутреннее волнение (говорит быстро, лицо с красными пятнами). Говорящий (Б) вступает в диалог, оправдываясь, пытается изменить возникший отрицательный эмоциональный фон. Отрицательным фактором является быстрый темп речи, сопровождаемый повышением тона голоса, вследствие испытываемого говорящим (А) чувством гнева.

Кроме быстрого темпа речи, встречается также и замедленный темп. В следующем примере говорящий передает информацию, замедляя темп, демонстрируя нежелание отвечать на вопрос собеседника.

(А) юноша, (Б) юноша

(А) А где ты зуб потерял? (кивает головой в сторону собеседника)

(Б) (закатывает глаза, говорит четко, медленно) Потерял 6 декабря 13 года// послезавтра имплантация//

Говорящий (Б) демонстрирует неудовольствие, связанное с нежеланием отвечать на вопрос собеседника. Об испытываемых им отрицательных эмоциях также свидетельствует невербальный сигнал (закатывает глаза). Отрицательные эмоции вызваны тем, что говорящему (Б) часто задают вопрос о причинах отсутствия у него зуба. Говорящий (Б) не отвечает на вопрос собеседника, не называет причину отсутствия зуба, а сообщает о времени, когда это случилось. Медленный темп речи отрицательно влияет на эффективность, создавая отрицательный эмоциональный фон коммуникации.

Таким образом, быстрый темп речи является показателем внутренних переживаний говорящего. Быстрый темп речи может сопровождаться повышением тона голоса. Медленный темп речи может демонстрировать внутреннее неудовольствие говорящего вопросом собеседника.

Мы попытались выявить частотность различных факторов с помощью статистического анализа материала. Большинство выделенных нами фонетических факторов отрицательно влияют на эффективность коммуникации. Наиболее частотными стали паузы и заполненные звуками паузы (хезитация), указанный фактор встречается в 29% материала, привлеченного к анализу. Вторым по частотности стало повышение тона голоса, связанное с выражением отрицательных эмоций, и составило 18% анализируемого материала. Это свидетельствует о том, что в бытовом общении говорящие часто демонстрируют неуверенность, подбирают слова, что затрудняет восприятие информации и вызывают недоверие у собеседников. Повыше-

ние тона голоса чаще сопровождается выражением отрицательных эмоций (18%), чем положительных (8%). Растяжка звука, отрицательно влияющая на эффективность, в ситуациях, когда говорящий медлит с ответом или подбирает нужные слова, встречается в 14% примеров. Положительно влияющая на эффективность коммуникации растяжка звука, связанная с выражением положительных эмоций (чаще всего радости) или с усилением эффекта языковой игры, в ситуации гиперболизации переживаемого говорящим эмоционального состояния составляет 6% исследуемого материала. Увеличение или снижение темпа речи является фактором, способным снизить эффективность коммуникации. Данный фактор встречается в 13% диалогов, при этом чаще встречается ускорение темпа речи как показатель эмоциональных переживаний. Наименее частотным среди фонетических факторов стало произнесение слова по слогам. Данный фактор является двусторонним. Он положительно влияет на эффективность коммуникации в случаях, когда произнесение слова по слогам обусловлено объективными причинами (4%). Отрицательно данный фактор влияет на коммуникацию в ситуациях, когда несет дополнительный эмоциональный оттенок при выражении говорящим упрека, недовольства. Проведенный статистический анализ показал, что более частотными являются фонетические факторы, отрицательно влияющие на степень эффективности коммуникации. Указанные факторы усиливают выражение испытываемых говорящим отрицательных эмоций или демонстрируют неуверенность говорящего. Таким образом, в бытовом общении отрицательные эмоции более разнообразны в выражении и встречаются чаще, чем положительные.

Итак, анализ примеров бытового общения продемонстрировал наличие фонетических факторов, способных положительно или отрицательно повлиять на эффективность коммуникации:

1. Паузы и заполненные звуками паузы (хезитация), которые снижают эффективность коммуникации, так как показывают неуверенность; говорящий пытается подобрать нужные слова, что может вызвать: а) чувство недоверия и сомнения у собеседника; б) затрудняет восприятие информации.

2. Растяжка звука является двусторонним фактором, который может влиять на степень эффективности коммуникации как положительно, так и отрицательно. Положительное воздействие на эффективность коммуникации данный фактор оказывает, если является: а) выражением положительных эмоций; б) частью языковой игры. Эффективность повышается, так как возникает положительный эмоциональный фон коммуникации. Отрицательное влияние на эффективность коммуникации указанный фактор оказывает в ситуации, когда свидетельствует о том, что говорящий подбирает слова или затягивает время ответа. Эффективность понижается, поскольку данный фактор вызывает отрицательные эмоции у собеседника.

3. Произнесение слова по слогам является двусторонним фактором, который оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на эффектив-

ность коммуникации. Положительное влияние данного фактора можно выявить в ситуациях, когда произнесение слова по слогам вызвано объективными причинами (посторонний шум, плохое качество связи и др.) и связано с необходимостью адекватного понимания передаваемой информации. Данный фактор повышает эффективность, поскольку увеличивает результативность общения. Отрицательное влияние указанного фактора проявляется в ситуации, когда произнесение слова по слогам несет на себе дополнительное логическое ударение, связанное с выражением упрека, недовольства в адрес собеседника. При этом эффективность коммуникации снижается из-за возникновения отрицательного эмоционального фона.

4. Повышение тона голоса – фактор двусторонний. Положительное влияние на эффективность он оказывает, когда повышением тона голоса сопровождается выражение положительных эмоций (радости). Эффективность при это повышается, так как положительные эмоции вызывают позитивный отклик у собеседника. Отри-

цательно указанный фактор влияет на эффективность в ситуациях, когда сопровождается выражение отрицательных эмоций (гнев, страх, агрессия, недовольство и др.). Отрицательные эмоции могут вызвать у собеседника чувство обиды, негодования, заставить защищаться и оправдываться, что снижает эффективность.

5. Изменение темпа речи является фактором, отрицательно влияющим на эффективность коммуникации. Ускорение темпа может являться следствием: а) сильного эмоционального возбуждения, вызванного переживаемыми отрицательными эмоциями (агрессия, гнев, волнение); б) внутренними переживаниями, связанными с необходимостью принятия решения, способного изменить жизнь. Замедление темпа речи демонстрирует неудовольствие говорящего, вызванное вопросом собеседника, нежеланием предоставлять информацию. В описанных случаях изменение темпа речи создает отрицательный эмоциональный фон коммуникации и снижает ее эффективность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Воронеж : Истоки, 2009. 178 с.
2. Фитье Е. Принципы и законы эффективной коммуникации // Фабрика коммуникаций. Коммуникация, PR, маркетинговые коммуникации, брендинг. URL: http://www.fabrikacom.com.ua/publ/principy_i_zakony_ehffektivnoj_kommunikacii/1-1-0-46
3. Непряхин Н.Ю. Основы эффективной коммуникации // Oratorica. URL: http://www.oratorica.ru/news/articles/osnovy_effektivnoy_kommunikacii
4. Гончарук Е.Ю. К вопросу об исследованиях эффективности речевой коммуникации (терминологический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (18) : в 2 ч. Тамбов : Грамота, 2012. Ч. II. С. 60–63.
5. Кремлева С.О. Сетевые сообщества. URL: <http://www.portalus.ru>
6. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М. : Наука, 1993. 172 с.
7. Гончарук Е.Ю. Ложное высказывание как средство отказа партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Владивосток : Изд-во Владивосток. гос. ун-та экономики и сервиса, 2013. № 4. С. 64–72.
8. Стернин И.А. Деловое общение. Воронеж : Родная речь, 2009. 184 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 июня 2015 г.

THE EFFECTIVENESS OF COMMUNICATION IN RUSSIAN SOCIAL INTERACTION: THE INFLUENCE OF PHONETIC FACTORS

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 14–20. DOI: 10.17223/15617793/396/2

Goncharuk Ekaterina Yu. Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: Ekaterina.goncharuk@vvsu.ru; Shopotom2@mail.ru

Keywords: communicative act; effective communication; phonetic factors; pause; hesitation; stretching sound; rising tone of voice; rate of speech.

The purpose of this article is identification and description of the factors related to the phonetic level that can influence the effectiveness of communication. The material of research was dialogs from Russian social interaction and modern feature films. The study of the material demonstrated existence of phonetic factors that have a positive or negative impact on the effectiveness of communication. They are: 1. Speech pauses and hesitations reduce the effectiveness of communication because they demonstrate uncertainty that can lead to a) feelings of distrust and doubt of the interlocutor; b) suspicion that information is false. 2. The stretching sound is a bilateral factor that has either a positive or a negative impact on the effectiveness of communication. This factor has a positive impact on the effectiveness in the in the following cases: a) it expresses positive emotions; b) it is part of speech play. This factor has a negative impact on the effectiveness when the speaker selects words and plays for time. 3) Pronouncing a word in syllables is a bilateral factor that has either a positive or a negative impact on the effectiveness of communication. This factor has a positive impact on the effectiveness in case when pronouncing a word in syllables is due to objective reasons (background noise, poor quality of telephone service etc.). This factor has a negative impact on the effectiveness in case when pronouncing a word in syllables has an additional logical stress that expresses reproach, discontent of the interlocutor. 4. The rising tone of the voice is a bilateral factor. This factor has a positive impact on the effectiveness in case when the rising tone of the voice expresses positive emotions (joy). This factor has a negative impact on the effectiveness in case when the rising tone of voice expresses negative emotions (anger, fear, aggression, dissatisfaction etc.). 5. Change in the rate of speech is a negative factor that reduces the effectiveness of communication. Acceleration of the rate of speech may be a consequence of: a) strong emotional excitement; b) uncertainty about the correctness of the decision.

REFERENCES

1. Sternin, I.A. (2009) *Osnovy rechevogo vozdeystviya* [Fundamentals of speech manipulation]. Voronezh: Istoki.

2. Fit'e, E. (n.d.) Printsipy i zakony effektivnoy kommunikatsii [Principles and laws effective communication]. In: *Fabrika kommunikatsiy. Kommunikatsiya, PR, marketingovye kommunikatsii, branding* [Factory of communications. Communication, PR, marketing communications, branding]. [Online]. Available from: http://www.fabrikacom.com.ua/publ/principy_i_zakony_effektivnoj_kommunikacii/1-1-0-46.
3. Nepryakhin, N.Yu. (n.d.) *Osnovy effektivnoy kommunikatsii* [Basics of effective communication]. [Online]. Available from: http://www.oratorica.ru/news/articles/osnovy_effektivnoy_kommunikacii.
4. Goncharuk, E.Yu. (2012) On question of verbal communication effectiveness researches (terminological aspect). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 7 (18): II. pp. 60–63. (In Russian).
5. Kremleva, S.O. (n.d.) *Setevye soobshchestva* [Network communities]. [Online]. Available from: <http://www.follow.ru/psychology/article22.html>.
6. Vinokur, T.G. (1993) *Govoryashchiy i slushayushchiy. Varianty rechevogo povedeniya* [Speaker and listener. Options of verbal behavior]. Moscow: Nauka.
7. Goncharuk, E.Yu. (2013) Lozhnoe vyskazyvanie kak sredstvo otkaza partneru po kommunikatsii v prave na poluchenie polnotsennoy informatsii [False statement as a means of rejecting the communication partner's right to receive full information]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. 4. pp. 64–72.
8. Sternin, I.A. (2009) *Delovoe obshchenie* [Business communication]. Voronezh: Rodnaya rech'.

Received: 08 June 2015

ПЕРСОНАЖИ МАЛОЙ ПРОЗЫ М. АЛДАНОВА: ПО МАТЕРИАЛАМ БАХМЕТЬЕВСКОГО АРХИВА

Дан обзор материалов Бахметьевского архива, связанных с творческим наследием М. Алданова. В аспекте характерологии прослеживаются типы корреляции черновых вариантов и окончательных текстов таких очерков и рассказов, как «Номер 14», «Грета и Танк», «Фельдмаршал», «Истребитель». Рассматриваются маргиналии рассказа «Грета и Танк». Отмечаются архивные тексты, оставшиеся неопубликованными: незаконченный очерк «Граф Витте», рассказ «Свастика – Серп и молот».

Ключевые слова: Алданов; Бахметьевский архив; Муссолини; рассказ; очерк; черновик; маргиналии.

Одно из условий продуктивной работы исследователя – знакомство с архивом изучаемого автора. Особое значение это фактор приобретает в ситуации, когда речь идёт о литературе русской эмиграции. Знакомство с рукописными материалами позволяет уточнить неизбежные разночтения при публикации и скорректировать исследовательскую логику. Наиболее полное собрание рукописей, черновиков и иных типов документов, связанных с рукописным наследием Марка Алданова, хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке. Известно, что Бахметьевский архив был открыт в 1951 г. и стал частью библиотеки Колумбийского университета. За рубежом это второе по величине собрание материалов по русской истории и культуре¹ [1. С. 161].

Материалы архива Алданова хранятся в 37 коробках (вох), разделённые по жанровому признаку. М.Л. Свойский подсчитал, что в целом это более 6 700 единиц хранения [Там же. С. 156]. Внутри коробки содержатся папки (file), в которых хранятся произведения. В коробках с первой по одиннадцатую находится переписка М. Алданова с русскими эмигрантами, а также зарубежными коллегами. Наибольший объём (две коробки) занимает переписка с И.А. Буниным и Верой Николаевной Буниной; среди адресатов Алданова можно отметить также В. Набокова, Г. Газданова, М. Шагала, А. Керенского, Б. Николаевского. Переписка хранится ещё и в четырёх последних коробках (closed correspondence); подобное разделение объясняется тем, что разрешение на доступ к ней появилось только с 2008 г. Закрытый доступ объясняется наличием в письмах так или иначе конфиденциальной информации (финансовых вопросов, деталей частной жизни и прочего). Письма этого формата пока не систематизированы ни по авторам, ни по хронологии.

Коробки с 12-й по 31-й включают художественные и публицистические тексты: рукописи трёх романов («Истоки», «Повесть о смерти» и «Живи как хочешь»), трактата «Ульмская ночь» и 52 текстов малых жанров – рассказов, очерков, рецензий, большинство которых не публиковалось в доступных для российских читателей и исследователей источниках. Оставшиеся три коробки занимают фрагменты газетных рецензий, посвящённых М. Алданову и его творчеству.

Целостность алдановских архивных текстов варьируется в широком диапазоне – от законченных вариантов до нескольких или даже одной страницы без начала или конца. Большинство текстов в коллекции

Алданова – машинописные (обозреваемые в данной работе – все), с авторской правкой черными чернилами. Пагинация также авторская, неполная.

Из всех единиц хранения наиболее значимыми для нас представляются черновики малой прозы Алданова – очерков и рассказов. Знакомство с ними позволяет проследить этапы авторской работы над текстами. Можно выделить несколько архивных материалов, отмеченных разными типами связи с окончательными вариантами рассказов и очерков. Обнаружение новых текстов писателя способно скорректировать и уточнить представление о системе персонажей. Так, в архиве оказались тексты, которые напрямую связаны с работой над рассказом «Номер 14» (1948): очерк «Mussoliniana» (1941), написанный в Нью-Йорке на французском языке и адресованный, как можно предположить, французскому читателю, и «Донго» (1949). Данных о публикациях «Mussoliniana» не обнаружено, поэтому этот материал на данный момент считается существующим только в архивном варианте. «Донго» – русскоязычная версия опубликованного в лондонской газете «The New Leader» очерка «Mussolini's Lost Treasure». Эти два текста хронологически обрамляют «Номер 14», что позволяет проследить изменение семантики исторического персонажа в текстах разной жанровой природы.

«Mussoliniana» относится к публицистическим текстам; в нём нет устойчивых для художественных очерков Алданова признаков: сквозного сюжета, эпиграфов, литературных аллюзий. Однако основная стратегия автора традиционна для Алданова: опровержение сформировавшегося культа исторической личности, ставшей уже при жизни объектом мифологизации. В начале очерка автор указывает на обилие книг, в которых выстраиваются аналогии между Муссолини и Юлием Цезарем, Августом, Наполеоном, Бисмарком, Фридрихом Ницше и даже Львом Толстым. Встраивание Муссолини в этот ряд представляется автору недопустимым в силу несоответствия масштаба личности Муссолини и сопоставляемых с ним фигур. Большая часть очерка содержит фрагменты устных и письменных высказываний Муссолини. Слово диктатора становится главным доказательством автомифологизации и способом его саморазоблачения. По Алданову, Муссолини загнал себя в безвыходную ситуацию и лишён какого-либо выбора как во внешней, так и во внутренней политике. Невозможность критического взгляда, жизнь в координатах

собственного мифа приводит к искаженной, завышенной оценке окружающей реальности, что катастрофично для него в условиях начинающейся Второй мировой войны. Таким образом «Mussoliniana» содержит идею обреченности диктатора в силу его одержимости идеей собственной непогрешимости и величия. Его сознание монолитно, лишено саморефлексии.

Точечные авторские «уступки» уму Муссолини, его относительной гуманности как бы подготавливают вторичное обращение Алданова к его судьбе в рассказе «Номер 14», посвященном последним дням жизни итальянского диктатора. Фабула рассказа в целом соответствует исторической реальности. Искажения редки и чаще всего обусловлены логикой развития рассказа. После неудачных переговоров в Милане Муссолини выезжает в колонне с другими фашистскими лидерами и министрами в направлении Швейцарии. Клара Петаччи, любовница Муссолини, догоняет их колонну в деревне Акуасерия². В Менаджо Муссолини беседует с маршалом Грациани и там же встречает немецкий отряд, к которому решает присоединиться. Немецкий офицер сообщает, что итальянцев он вывозить не может, и предлагает Муссолини надеть немецкую форму³. Они проезжают несколько километров, и за деревней Муссо их останавливает партизанский отряд. Следует продолжительный обыск колонны, Муссолини прикидывается пьяным, но итальянский партизан в шутку обращается к лежащему в грузовике человеку: «Кавалере Бенито Муссолини!» – и Муссолини, решив, что его разоблачили, откликается⁴. Его отвозят в мэрию, где он пытается вести себя наиболее естественно. Ночью его с Кларой перевозят в деревенский дом, представляя хозяину как немецких пленных, и только утром он узнаёт всю правду от прибывшего туда полковника Валерио, который забирает Муссолини на расстрел⁵. Подъехав к дому номер 14, он выводит их во двор и расстреливает; Клара закрывает его своим телом. Фабула рассказа заканчивается, потом следует рассказ полковника о дальнейших событиях. Политический и организационный контекст захвата Муссолини для автора не самоцель; его занимает сознание, содержание внутренней жизни персонажа, воссоздаваемой по законам психологической прозы. Возрастает значение и объём диалогов, внутренних монологов. Муссолини не думает о будущем, осознавая невозможность его для себя, и обращён в прошлое. Предметом его рефлексии становятся личная политическая судьба, а также природа людей и власти при демократии и тоталитаризме. Муссолини вспоминает свои ошибки и полагает, что проблема в неправильном расчете, но не в самой постановке вопроса. Принципиально, что Муссолини не винит себя ни в чём: «Что же мне было делать, если я иначе жить не мог! Разве я виноват, что эта дешёвая мудрость, земля, дом, сад, что она для других людей, не для меня, не для Сталина, даже не для Черчилля: мы умерли бы в первый год от скуки» [2. С. 258]. Он находит других виновных и непредсказуемые причины собственного падения: так, участие в проигранной войне на стороне Гитлера он объясняет

тем, что «поверил психопату» и не угадал победителя. Военные ошибки оправдывает тем, что ошибаются и профессионалы. Себя он трезво видит гибким и беспринципным политиком: «Принял бы любые убеждения, лишь бы они дали ему власть и славу» [Там же. С. 257]. Как видно, в некоторых местах логические построения дают сбой, уступая место эмоциям, как, например, в кульминационной части рассказа – расстреле Муссолини и Клары. Сцена передаёт отчаяние и растерянность последних минут жизни итальянского диктатора. Повествователь характеризует внутренний мир персонажей через их поведение и жесты. Муссолини: «с трудом что-то вспомнив», «бессмысленным взглядом уставился на дверь», «невнятно спросил», «еле слышно сказал Муссолини и из последних сил постарался улыбнуться», «что-то невнятно бормотал» [Там же. С. 261–263]. Основной способ изображения персонажа, таким образом, – его внутренняя речь. Это справедливо по отношению к Муссолини и Кларе Петаччи, итальянские партизаны не интересуют повествователя и обрисовываются схематично, а убийца Муссолини, полковник Аудизио, выражает себя во многом через дневниковые записи, а также характеризуется в четвертой, очерковой части произведения. Подобные способы портретизации (кроме последнего) резко отличаются от прямой авторской речи в очерке «Mussoliniana», в котором даже речи дуче снабжаются авторским комментарием. В рассказе Муссолини – это загнанный в угол и уставший человек: «Где Эдда? Да, осмотр! Значит, всё кончено...» [Там же. С. 245]; «Завтра убьют... Не могут не убить...» [Там же. С. 255]. Подобное состояние, но без усталости, уже начинало оформляться в «Mussoliniana», в обоих текстах главный персонаж приходит к выводу, что находится во власти обстоятельств и от него уже ничего не зависит. Он пытается не демонстрировать это, однако у него не всегда получается, особенно ближе к развязке. «Я бежать не собираюсь. Я знаю, что в Донго меня никто не тронет, – сказал он наконец. Инстинктом опытного актёра, знающего много самых разных пьес, искал тона... Тон врага-рыцаря теперь выходил у него лучше, но он чувствовал, что плохо соображает» [Там же. С. 249].

Перед расстрелом Муссолини инстинктивно продолжает играть, уже осознавая всю безнадёжность своего положения: «“Выстрелит в спину, когда я выйду?... Подкупить?” – в последний раз привычной мыслью подумал Муссолини и вскрикнул, взмахнув рукой. – “Я дам тебе империю!” Но сам почувствовал, что слова его бессмысленны, и быстро направился к двери» [Там же. С. 262]. И в том и в другом тексте Муссолини пытается лгать и притворяться, признавая себе в заведомой обречённости этого, но не в силах преодолеть стереотипы публичного жизнеповедения. Содержание внутреннего мира Муссолини говорит о том, что автор создаёт образ человека, наделённого самосознанием и самокоррекцией. Предпосылки этого можно было наблюдать в «Mussoliniana», когда автор находил в образе Муссолини не только отталкивающие черты, но и некие притягивающие людей качества. Таким образом, автор не отка-

зывает своему персонажу в праве быть личностью, пусть и заблуждающейся в самооценках. Этим он больше интересен Алданову, чем, например, Гитлер, который более однозначен и играет меньшую роль в его произведениях.

Очерк «Донго», датируемый 15 октября 1949 г., продолжает тематику «Mussoliniana» и «Номера 14», в нём – та же рефлексия о последних днях жизни Муссолини. Однако временная дистанция между их созданием позволяет проследить трансформацию авторской стратегии в создании образа Муссолини, а также уточнить авторскую позицию. Параллели с рассказом «Номер 14» обнаруживаются в начале очерка, где автор пересказывает событийную канву пленения Муссолини, придерживаясь той же логики, что и в «Номере 14». Фраза «Читатель, конечно, помнит» [3. File Dongo. P. 1], с помощью которой вводится пересказ, скорее всего, указывает как раз на опубликованный менее чем за год до этого рассказ. Связь между двумя текстами закрепляется, когда автор уточняет, что в очерке нашли отражение впечатления от путешествия автора по следам героя своего рассказа: «Я проделал тот же путь, который проделал Муссолини в свои последние дни: из Милана выехал в Комо, из Комо в Донго, посетил тот страшный своей зловещей стариной и бедностью средневековый убогий дом, где он и Клара Петаччи провели свою последнюю ночь» [3. Ibid. P. 2]. Место, где был расстрелян Муссолини, в очерке также называется «дом № 14». Отметим, что очерк написан в тех же местах: «С террасы Albergo Dongo, где я пишу эти строки, в ста шагах видна площадка над озером, на которой были расстреляны Паволини, Порта, Ливерани и другие спутники и помощники диктатора» [Ibid]. Предсказав в первом тексте бесславный конец деятельности Муссолини, автор

оформляет его в психологическом рассказе, написанном уже после смерти Муссолини. Затем, как бы желая окончательно убедиться в верности собственных суждений, он предпринимает путешествие по местам последних дней жизни своего персонажа. Спустя восемь лет после формулы «У Муссолини отныне выбор не больше чем между небытием и прихоруженной» [4. File Mussoliniana. P. 1], в «Донго» появляется следующее наблюдение: «Я перелистал коллекцию большой итальянской газеты за последние два месяца и не нашёл в ней ни одного упоминания о бывшем диктаторе» [3. Ibid. P. 2]. Связь «Донго» с ранним очерком «Mussoliniana» также имеет принципиальное значение. Во-первых, благодаря «Донго» проясняется источник авторских сведений в «Mussoliniana»: «Я был в Риме в 1938 году и видел издали Муссолини» [3. Ibid. P. 3]. Во всех трёх текстах, таким образом, автор исследует сознание и судьбу Муссолини, размыкая сюжет его судьбы в контекст осмысления феномена диктатора.

Авторские заметки на полях рукописей также способны повлиять на интерпретацию произведения. В Бахметьевском архиве обнаружился фрагмент черновика рассказа «Грета и Танк», представляющий собой три страницы: первую, вторую и финальную. Этого оказалось достаточно, чтобы уточнить авторскую стратегию. О том, что Алданов не был доволен получившимся рассказом, свидетельствует замечание в финале черновика: «Еще никуда не годится. Нет ни идеи, ни психологии, ни ярких сцен. Есть только канва. Не исключена возможность, что на этой канве можно составить рассказ, однако не для американских журналов. Помимо "морбидитэ", он для них и слишком непонятен, и чужд, и длинен» (рис. 1) [5. File Zhenshchina s udavom. P. 3].

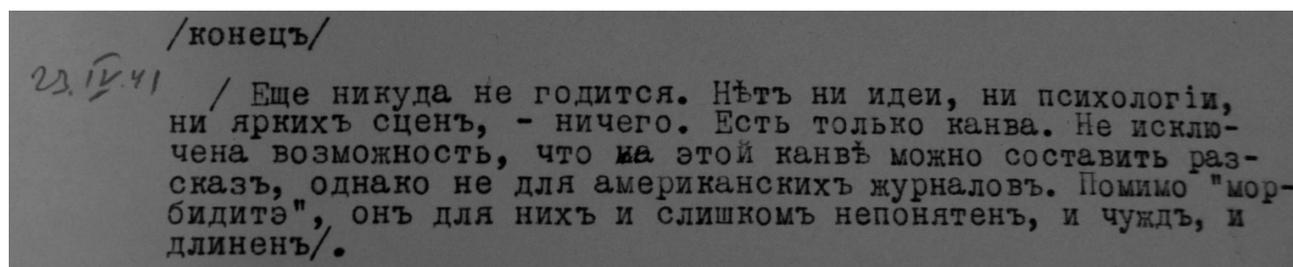

Рис. 1. Фрагмент черновика «Грета и Танк»

В этой самооценке фиксируется, во-первых, значимость для сознания художника экстралитературных факторов (в данном случае – неизбежной ориентации на нового читателя), но гораздо более значима писательская саморефлексия, понимаемая как самооценка творческого потенциала, что, судя по журнальному варианту, привело в итоге к созданию многослойной по авторским интенциям психологической новеллы.

Первые две страницы черновика соответствуют началу рассказа, это портрет главного героя. Вместе с тем наблюдаются явные различия: если в черновике главный герой по определению является талантливым личностью, то в итоговом варианте появляются снижающие черты, как завуалированные, так и

высказанные в прямом слове персонажа. Это позволяет рассматривать его как носителя авторской иронии над собственными достижениями и эстетическим вкусом; персонажу доверено авторское признание творческого кризиса: «Ему пришло в голову, что слова “женщина с удавом” могли бы быть хорошим заглавием для романа. Он, впрочем, жестоко разбранил бы за пошлость всякого другого романиста, который выпустил бы книгу под таким заглавием» [2. С. 89–90]. Черновые фрагменты и маргиналии в данном случае важны прежде всего потому, что рассказ «Грета и Танк», пожалуй, единственный рассказ, в котором Алданов выходит в сферу писательской саморефлексии.

Радикальные изменения чернового и окончательного вариантов связаны с процессом создания рассказа «Истребитель». Автор менял рассказ, начиная с композиции и заканчивая мелкими деталями. Встреча «большой тройки» не была монолитным эпизодом, после приезда трёх лидеров следовал эпизод поездки Марьи Игнатьевны в Ялту к Ивану Васильевичу, затем опять продолжался сюжет конференции. Вероятно, автор, осознавая разнородность материала, решает структурировать текст для активизации читательского внимания. Рождается иная логика текста: если в первоначальном варианте, может быть, закреплялась идея равновеликости «властителей мира» и «маленьких людей», то в окончательном тексте возникает, по меньшей мере, две новые интенции: во-первых, целостный фрагмент позволяет сконцентрировать основной принцип изображения персонажей через их взаимооценки, во-вторых, правители, решающие судьбы мира, и частные обитатели Крымского полуострова оказываются пребывающими в разных измерениях бытия, между ними остается непреходимая граница. Некоторые эпизоды из черновика не дошли до финального варианта. Так, на страницах 19–20 черновика центральными действующими лицами становятся переводчики: «Переводчики вначале были счастливы, что попали на историческую конференцию, – англичане и американцы радостно подумывали о своих будущих воспоминаниях. Однако очень скоро им стало ясно, что, кроме нескольких анекдотов, их работа ничего для воспоминания дать не может: во всем этом потоке возражений, решений, полувозражений и полурешений не было решительно ничего интересного для издателей и читателей. Работа была ответственной, тяжелая, гораздо более утомительная, чем работа делегатов. Со второго же дня они переводили чисто механически, почти не думая о существовании слов и ничего не запоминая, – лишь бы все было переведено точно и по мере возможности гладко: за ними тщательно следили переводчики другой стороны, впрочем, чувствовавшие себя товарищами по несчастью (только между переводчиками и установилась какая-то солидарность в работе)...» [3. File Eksterminator. P. 19]. Казалось бы, введение новых действующих лиц могло внести дополнительный объем в алдановскую характерологию, потому что в силу своей профессии тип переводчика оказывался маргинальным: они одновременно близки и государственным деятелям, но, с другой стороны, остаются на обочине большой истории и только транслируют чужие слова. Можно предположить, что устранение этих эпизодов было вызвано тем, что сюжетная немотивированность противоречила жанру рассказа. Кроме того, близкий переводчику тип инженера радиосвязи был уже «апробирован» в раннем рассказе «Микрофон».

Ещё одна авторская редукция, продиктованная логикой повествования, – признание Ивана Васильевича в своём диагнозе Марье Игнатьевне: «Не хотел говорить, да прорвалось... Не знаю, зачем вам говорю... Да не все ли равно! Мне в четверг сказал доктор, что у меня рак» [3. Ibid. P. 12–13]. Устраняя это признание, автор, во-первых, снижает градус мелодраматиз-

ма, который и без того заявляет о себе в финале рассказа чудесным исцелением героя. Во-вторых, отношения героев обретают психологические нюансы, свойственные русской психологической прозе: Иван Васильевич щадит чувства женщины и не хочет казаться слабым в её глазах. Некоторые части, наоборот, отсутствуют в данной версии черновиков и уже были добавлены позднее: во многом антисоветский монолог Ивана Васильевича изначально представлял собой только замечание насчёт «огрубления» людей в Советском Союзе на примере его визита к доктору. Дальнейшее развитие темы заката русской культуры и лексического обеднения языка появилось уже в окончательном тексте, свидетельствуя об устойчивом интересе Алданова к жизни в метрополии.

Некоторые тексты из архива не связаны с уже известными нам очерками, но, тем не менее, их персонажи помогают дополнить систему образов и уточнить представления о поэтике персонажа у Алданова. В данном случае речь идёт о фигуре С.Ю. Витте. Образ С.Ю. Витте встречается в алдановских произведениях: так, во второй части романа «Самоубийство» ему посвящена одна из глав (VIII), в которой Витте изображается сильным и независимым политиком, имеющим множество врагов, несогласных с его политикой. В очерке «Предсказание Дурново» автора интересуют непростые отношения этих двух деятелей: «Оба высоко ценили друг друга и друг друга недолюбливали» [6].

Очерк «Граф Витте», обнаруженный в архиве, закончен не был, но имеющихся семи страниц достаточно для некоторых наблюдений. Свой очерк автор начинает с размышлений о надписи на могиле Витте: «Граф Витте. 17-ое октября 1905 года», – указывая на ключевое решение в его жизни: разработку Октябрьского манифеста, означавшего переход России на новый уровень государственного управления. Таким образом, первый параграф очерка благодаря одной детали охватывает всю жизнь Витте, а затем автор начинает уточнять отдельные грани сознания персонажа. Выделяются две наиболее значимые для повествователя черты: предельный скептицизм Витте и его отвращение к войне. Говоря о скептицизме Витте, повествователь замечает: «Он не верил ни в диктатуру, ни в демократию, не верил ни в самодержавие, ни в парламентаризм» [3. File Graf Vitte. P. 2]. В этом он во многом схож с Алдановым, чем и можно объяснить пристальное внимание писателя к нему. Вместе с тем упоминание политических режимов позволяет автору выйти к размышлению о более поздних событиях во Франции и Германии, дискредитировавших идеи парламентаризма. Ситуации из прошлого становятся поводом для аналогий с современными автору событиями. Негативное отношение Витте к войне также можно связать с авторскими взглядами. А. Антошин пишет: «Третья мировая война всегда была для Алданова, по его собственному выражению, “худшим” и “невообразимо страшным” методом ликвидации существовавшего в Советском Союзе политического режима» [7]. Витте, в свою очередь, демонстрирует подобное отношение к Первой мировой войне: «Но он считал эту войну подлинным самоубийством Европы,

актом, последствия которого вообще невозможно охватить» [3. Ibid. P. 4].

Автор симпатизирует своему персонажу. Замечая, что ученым человеком он «отноюдь не был», Алданов «видит из каждой страницы» его воспоминаний то, что он страстно любил культуру. Утверждение, начинающееся словами «язык у него был корявый», автор заканчивает так: «...своеобразный, в высшей степени персональный; каждую фразу Витте можно узнать по стилю, этого не скажешь почти ни об одном из пишущих политических деятелей» [3. Ibid. P. 7]. Биография Витте не слишком интересует Алданова. В своём черновике он отводит лишь страницу на описание основных этапов его жизни, но и эту задачу откладывает, оставляя страницу пустой, не считая это своей первоочередной задачей.

Некоторые персонажи неудачных, по мнению автора, архивных текстов в дальнейшем появляются в других произведениях. Так, в рассказе «Свастика – Серп и молот»⁶ фигурирует комендант немецкого пограничного пункта граф Эрих-фон-унд-цу-Фалькенштейн. Автор создаёт образ знатного графа, оппозиционного современной ему безродной власти: «Граф был уже далеко не молод. Он закончил мировую войну в чине капитана, в республиканский Рейхсвер пойти не пожелал и двадцать лет прожил в своем прусском имении, занимаясь сельским хозяйством, работой в местном отделе монархической партии и собиранием материалов по истории рода графов фон-унд-цу-Фалькенштейн. Два раза в неделю он верхом приезжал в город, около которого было расположено его имение; на улицах прохожие снимали шляпы, и у каждого было такое ощущение, точно вдруг стало тесно, как при проезде пожарной команды» [8. File “Svastika – serp i molot. P. 10]. Этот рассказ так и не был опубликован, но уже через год данный персонаж появляется в другом рассказе Алданова – «Фельдмаршал». Автор почти ничего не меняет в портрете

своего персонажа: «Фельдмаршала сопровождал в Берлин подполковник его штаба, носивший титулованную, сложную, со сквозняками, фамилию, перемежавшуюся частицами “фон” и “цу”. Это был не первой молодости офицер, служивший в прошлую войну в кавалерии. <...> После падения монархии он двадцать лет прожил в своём имении, занимаясь сельским хозяйством и собиранием материалов для истории своего рода. <...> Когда он приезжал из имения в соседний городок, на улице прохожие и лавочники почтительно кланялись, за исключением отъявленных социалистов, которые лишь приподнимали шляпу» [2. С. 66]. Вместе с тем он углубляет содержание внутреннего мира персонажа: «для него *настоящая* война кончилась вместе с кавалерией, как *настоящая* жизнь кончилась с прошлой войною» (курсив автора. – С.П.) [Там же]. Можно сделать вывод о существовании у Алданова неких персонажей-типов, по-своему самодостаточных и как бы предназначенных для своеобразной «миграции» из рассказа в рассказ.

Обращение даже к небольшому числу архивных материалов в аспекте их сопоставления с окончательными вариантами позволяет утверждать, что в каждом конкретном случае в процессе работы над произведением происходит трансформация исходного замысла. Обнаружение новых текстов – вариантов уже опубликованных очерков и рассказов – позволяет проследить за развитием представлений автора о своем герое. Среди наиболее показательных изменений следует назвать редукцию тех или иных фрагментов черновиков, противоречащих жанровым законам малой прозы. Работа в поисках нужного слова указывает на уже известную, по отзывам современников, педантичность Алданова и позволяет обратить внимание на значимые для автора фрагменты, точность которых была наиболее для него значима. Маргиналии, хотя и не попадают в финальный вариант произведения, также способны существенно прояснить авторскую стратегию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. также сайт архива: <http://library.columbia.edu/locations/rbml/units/bakhmeteff.html>

² Итальянские источники называют это место Grandola ed Uniti, слово «Акуасерия» (Acquasera) не встречается в них, тем не менее эта деревня, населением в 1000 жителей, располагается в том же районе на пути следования Муссолини.

³ Немецкого офицера звали Франц Бирцер (Franz Birzer), и он был телохранителем Муссолини от СС. Форму он предложил надеть уже после задержания немецкой колонны партизанами.

⁴ Подробностей о том, что Муссолини сам себя выдал, больше нигде не встречается, так что можно считать это авторской версией.

⁵ Существует несколько версий смерти Муссолини. Версия Алданова воспроизводит классическую: Муссолини и Клара были убиты днём 28 апреля Вальтером Аудизио. Помимо этого, существует версия о британском вмешательстве в судьбу Муссолини: до прихода Аудизио он был расстрелян британскими агентами, так как обладал опасной для Черчилля информацией. Эти же агенты выкрали и переписку Муссолини с Черчиллем.

⁶ В папке с рукописью рассказа находится записка М. Алданова, датированная сентябрем 1953: «Черновик рассказа “Свастика – Серп-Молот”, который никогда ни по-русски, ни на иностранных языках напечатан не был и ни в коем случае никогда напечатан быть не должен» (подчеркнуто автором. – С.П.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Свойский М.Л. Из истории Бахметьевского архива в США // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 140–163.
2. Алданов М. Прямое действие. Рассказы. М.: Новости, 1994. 512 с.
3. Bakhmeteff. Archive of Russian and East European History and Culture (далее BAR). Mark Aldanov Collection (далее MAC). Box 20.
4. BAR. MAC. Box 21.
5. BAR. MAC. Box 28.
6. Алданов М. Предсказание Дурново. URL: <https://lib.rus.ec/b/449955/read> (дата обращения: 08.03.15).
7. Антошин А. «Пока войны нет...». Письма М. Алданова // Новый Журнал. 2012. № 267. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2012/267/a41.html> (дата обращения: 06.03.2015).
8. BAR. MAC. Box 26.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 мая 2015 г.

CHARACTERS OF M. ALDANOV'S SHORT STORIES: INVESTIGATING THE BAKHMETEFF ARCHIVE MATERIALS

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 21–26. DOI: 10.17223/15617793/396/3

Pesterev Stanislav K. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: angmar@sibmail.com

Keywords: Aldanov; Mussolini; Bakhmeteff; archive; draft; essay; character; marginalia.

The article is devoted to a number of materials from the Bakhmeteff Archive, connected with M. Aldanov's works. Among the briefly reviewed materials are Aldanov's correspondence with various persons, fiction and non-fiction texts as well as newspaper articles about Aldanov and his works. The texts from the Bakhmeteff Archive are of different consistency varying from complete texts to one random page. Studying drafts vs. published variants leads to some observations in the poetics of the character. The material is four short stories: "Greta and Tank" (1942), "The Field Marshal" (1942), "Number 14" (1948) and "The Exterminator" (1948). The most significant text transformations are change of lexis used to describe a character and introduction of new narration levels. Another method presented in the article is detailing the character semantics using texts of different genres – short story ("Number 14") and essay ("Mussoliniana" (1941) and "Dongo" (1949)). "Mussoliniana" creates an intravital portrait of the Italian dictator and provides a forecast of his further miserable destiny. "Number 14" suggests artistic reconstruction of Mussolini's last minutes, after the History has already sentenced him. "Dongo" is a travelogue where the author follows the path of the "Number 14" main character, Mussolini, fleeing from Italy. The sphere of private life is insubstantial in "Mussoliniana", the author is more concerned about the political and rhetorical demythologization of the Italian leader while "Number 14" becomes more complicated and the last days of Mussolini discover his consciousness and person's inner tragedy. Marginalia notes from the "Greta and Tank" draft unlock the author's self-reflection and irony localized in the main character of the story. The draft title "Zhenshina s udavom" (A lady with a constrictor) becomes an ironic object in the final variant of the text. Unpublished texts from the Bakhmeteff Archive highlight the author's interest in definite historical figures like Count Witte from the cognominal essay. The method of using characters from unsuccessful essays and stories is traced due to the discovery of the drafts of "Swastika – Hammer and Sickle (or Dreams of Men)" (1941), a piece strictly prohibited from publishing by the author's will. All that means that working with material from an archive can allow a researcher to make clear the author's creative and communicative intentions.

REFERENCES

1. Svoyskiy, M.L. (2012) Iz istorii Bakhmet'evskogo arkhiva v SSHA [From the history of the Bakhmeteff Archive in the United States]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1. pp. 140–163.
2. Aldanov, M. (1994) *Pryamoe deystvie. Rasskazy* [Direct action. Stories]. Moscow: Novosti.
3. Bakhmeteff. Archive of Russian and East European History and Culture (BAR). Mark Aldanov Collection (MAC). Box 20.
4. BAR. MAC. Box 21.
5. BAR. MAC. Box 28.
6. Aldanov, M. (1941) *Predskazanie P.N. Durnovo* [Prediction of P.N. Durnovo]. [Online]. Available from: <https://lib.rus.ec/b/449955/read>. (Accessed: 08th March 2015).
7. Antoshin, A. (2012) "Poka voyny net...". Pis'ma M. Aldanova ["As long as there is no war..."]. Letters of M. Aldanov. *Novyy Zhurnal*. 267. [Online]. Available from: <http://magazines.russ.ru/nj/2012/267/a41.html>. (Accessed: 06th March 2015).
8. BAR. MAC. Box 26.

Received: 06 May 2015

РОМАН А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕЦЕПЦИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Обозначено направление воссоздания рецептивной истории романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в итальянской литературе XIX–XXI вв. в двух аспектах: переводческом и литературно-критическом. Ставится проблема перевода «романа в стихах», возможности адаптации подобного произведения с сохранением всех его поэтических свойств.

Ключевые слова: А.С. Пушкин; Евгений Онегин; итальянская литература; рецепция; русская литература; перевод.

Актуальность данного исследования обусловлена возросшим интересом современной гуманитарной науки к проблемам межкультурной коммуникации, интернациональных литературных связей и роли переводов в них. Необходимость раздвинуть рамки национального литературного процесса и обратиться к «чужому» тексту – закономерный этап в истории развития любой литературы, потому что в процессе диалогического взаимодействия происходит самоопределение национальной литературы, уяснение собственной сущности.

В.М. Жирмунский, рассуждая о роли переводной литературы, определяет ее как органическую часть литературы оригинальной, потому что творчески освоенные переводы неотъемлемо входят в состав принимающей литературы, включаясь в процесс ее развития и занимая в ней свое, совершенно особое место, отличное от места оригинала, и в определенных исторических условиях влияют на социальную и культурную жизнь общества не меньше, чем оригинальная литература. «Самый выбор автора или произведения как объекта для перевода является фактом знаменательным, свидетельством наличности определенных исторических установок и художественных вкусов <...> Всякий перевод, как и более отдаленное и свободное подражание литературному образцу, связан с творческим переосмыслением, с частичной перестройкой подлинника на основе стиля самого переводчика, или, по крайней мере, выдвигает, усиливает, раскрывает определенный аспект подлинника, наиболее близкий и потому наиболее понятный переводчику» [1. С. 11–12].

Таким образом, актуальным представляется выявить общественно-исторические и культурные предпосылки и условия, при которых в определенный период «чужой» текст делается необходимым, проследить, каким образом он вписывается в национальный историко-литературный контекст, а также исследовать неизбежные семантико-стилистические трансформации, возникающие при переводе художественного текста в инонациональное культурное пространство.

Методологической базой для подобного исследования выступают работы по литературоведению, переводоведению и компаративистике таких отечественных и зарубежных исследователей, как М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, И.Г. Гердер, А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский, А.В. Федоров, Р. Якобсон, А.В. Михайлов, С.И. Влахов, С.П. Флорин и др.

В настоящее время возникают все новые исследования, посвященные вопросам взаимовлияния литератур, рецепции творчества отдельных писателей, «...но в особенности желательны подобные исследования для классических произведений русской литературы <...> Такие работы затрагивают весьма сложные проблемы, имеющие теоретическое значение для истории интернациональных литературных связей, подчеркивают мировое значение русского языка и литературы, раскрывают основные этапы и направления в истории их воздействия за рубежом, наконец, совершенствуют наше собственное понимание важнейших памятников русской классической литературы во всех тончайших и специфических особенностях их мысли, языка, стилистической структуры» [8. С. 351].

В контексте большого количества работ, посвященных западноевропейской рецепции творчества А.С. Пушкина (особенно английской, французской и немецкой), итальянская история рецепции творчества поэта изучена в меньшей степени, и еще в меньшей – история рецепции романа «Евгений Онегин». Некоторые аспекты истории изучения пушкинского творчества в Италии уже освещались отечественными и итальянскими исследователями: К. Ласорсой [3], С. Гардзонио [4], Э. Дамиани, М. Колуччи [5, 6], Е. Бобровой, Н. Прожогиным и др. Вопросами перевода пушкинского романа занимались М.П. Алексеев, Ю.Д. Левин, К.И. Чуковский, В.И. Нейштадт: одни исследователи дают общее представление о переводах «Евгения Онегина» в мировой литературе, работы других посвящены сравнительному анализу переводов романа на разных языках (французском, английском, немецком, чешском, китайском и др.). Однако до сих пор в отечественном и зарубежном литературоведении не было попыток комплексных исследований, воссоздающих общую картину итальянской рецепции романа Пушкина «Евгений Онегин», а также исследований, посвященных сравнительному анализу итальянских переводов романа. В связи с этим возникает необходимость изучить своеобразие итальянской рецепции «Евгения Онегина», дополнив тем самым общую картину восприятия и функционирования романа А.С. Пушкина в западноевропейском и мировом литературном контексте.

Воссоздание рецептивной истории пушкинского романа в итальянской литературе XIX–XXI вв. планируется вести по двум основным направлениям:

1) лингвостилистический и литературоведческий сопоставительный анализ стихотворных и прозаиче-

ских переводов романа «Евгений Онегин» на итальянском языке;

2) анализ исследований итальянских критиков и литературоведов, посвященных переводным вариантам романа «Евгений Онегин» и вопросам художественно-эстетического соответствия переводов подлиннику.

Также особым образом планируется исследовать влияние романа Пушкина на итальянскую литературу и другие области искусства.

В настоящее время в Италии существует девять полных переводов романа «Евгений Онегин», выполненных с 1856 по 2006 г.:

1. Luigi Delatre, «Eugenii Onegin» 1856 (прозаический перевод).

2. Giuseppe Cassone, «Eugenio Anieghin» 1906 (поэтический перевод).

3. Ettore Lo Gatto, «Evgénij Onégin», 1925 (прозаический перевод).

4. Ettore Lo Gatto, «Evgénij Onégin», 1937 (поэтический перевод).

5. Egidano Bazzarelli, «Eugenio Onieghin», 1960 (прозаический перевод).

6. Giacinta De Dominicis Jorio, «Eugenij Onegin», 1963 (прозаический перевод).

7. Giovanni Giudici, «Eugenio Onieghin», 1975 (поэтический перевод).

8. Pia Pera, «Evgenij Onegin», 1996 (поэтический перевод).

9. Fiornando Gabbrielli, «Eugenio Onegin», 2006 (поэтический перевод).

Из них четыре перевода выполнены в стихах и пять в прозе, всего один перевод выполнен в XIX в., один – в XXI в., и семь – в XX в.

Как можно заметить из соотношения поэтических и прозаических переводов, итальянская традиция переводить поэзию прозой достаточно устойчива, в переводческой практике считается нормой пожертвовать стихотворной формой, чтобы в более полном объеме донести до читателя содержание произведения: «...la poesia tradotta in pura prosa ha una sua giustificazione, in funzione essenzialmente informativa»¹ [9. P. 28].

Тем не менее в XX в. переводчики начинают осознавать, что своеобразие романа «Евгений Онегин» заключается в совокупности содержания и формы, и полнота восприятия не может быть достигнута без учета этой совокупности. И тогда, несмотря на определенные сложности, вызванные различиями итальянской и русской систем стихосложения, они обращаются к оригинальной стихотворной форме романа и начинают искать способы ее воплощения в своих переводах: «...la lettura e rilettura del “romanzo in versi” mi spinse a tradir me stesso. Considerando che il poeta russo in fondo aveva egli stesso in un certo senso negato che il suo “romanzo” potesse essere tradotto in prosa, dato che si trattava di un romanzo sì, ma “in versi”, e in ciò consisteva la ragione della sua dichiarazione: “un romanzo in versi, una differenza diabolica”, la mia decisione fu come una sfida a me stesso»² [10. P. 209].

Даже при беглом взгляде на хронологию переводов возникает закономерный вопрос: почему роман

начали переводить так поздно, учитывая, что другие произведения А.С. Пушкина были переведены уже в XIX в., а некоторые – еще при жизни писателя (например, перевод стихотворений «Демон» и «Пророк» М. Риччи в 1828 г., «Кавказский пленник» в переводе Роккиджани в 1834 г., «Цыгане», «Бахчисарайский фонтан» в переводе Ч. Бочеллы в 1841 г. и т.д.)? Одну из версий ответа на этот вопрос дает исследователь Н.П. Прожогин в статье «Переводчик Пушкина Чезаре Боччела». Прожогин ссылается на сборник переводов Ч. Боччеллы «Четыре главные поэмы Александра Пушкина, переведенные Чезаре Боччеллой» («I quattro poemi maggiori di Alessandro Pouschkin, tradotti da Cesare Bocceola», 1841), в предисловии к которому сам переводчик дает следующее определение пушкинского романа в стихах: «...живописание нравов провинции, весьма далеких от утонченности нравов больших городов, в глазах обитателей которых первые, часто несправедливо, выглядят столь смешными <...> вещь сугубо местная, которая никогда не могла бы представить всеобщего интереса для публики, не знакомой с Россией» [7. С. 61]. Не сумев должным образом оценить «Евгения Онегина», Боччелла не включает одно из лучших творений Пушкина в свой сборник переводов, пребывая в твердой убежденности, что роман не будет интересен публике за пределами России, и формируя это мнение у своих современников и соотечественников.

Тем не менее в 1856 г. во Флоренции все-таки появляется первый (и последний в этом столетии) полный³ перевод «Евгения Онегина» на итальянский язык в составе сборника прозаических переводов француза Луиджи Делатра «Поэтические рассказы Александра Пушкина, русского поэта» («Racconti poetici di Alessandro Puschkin, poeta russo»)⁴. Но перевод этот далек от совершенства. Делатр постоянно отстает от оригинального текста, прибегая к его собственному толкованию, в некоторых местах обнаруживает абсолютное непонимание смысла пушкинских стихов и очевидную некомпетентность в вопросах знакомства с реалиями русской культуры.

В XX в. в связи с развитием русско-итальянских связей интерес к русской литературе вообще и к Пушкину в частности возрастает, ситуация меняется – роман начинают активно переводить.

Первый перевод (1906) Джузеппе Кассоне выполнен традиционным итальянским метром – одиннадцатисложным стихом, это первый стихотворный перевод, о чем сообщается и в заглавии самим автором – «Prima versione metrica italiana».

Авторство второго перевода (1922)⁵ принадлежит Этторе Ло Гатто, известному итальянскому слависту, историку литературы и искусства, играющему ведущую роль в формировании образа России в Италии и посвятившему изучению творчества Пушкина более полувека своей исследовательской деятельности. Перевод выполнен в прозе, отдельный интерес представляет комментарий Ло Гатто, в котором он дает подробные исторические и бытописательные сведения о русской культуре. На этом Ло Гатто не останавливается и через 15 лет (в 1937 г.) предлагает итальян-

скому читателю стихотворный вариант перевода романа (выполненный традиционным одиннадцатисложником), в связи с чем представляется интересным исследовать эволюцию творческой индивидуальности и переводческой стратегии автора. Интересен факт знакомства и творческого взаимодействия Ло Гатто с Всеволодом Ивановым, который, в совершенстве владея итальянским, помогал Ло Гатто на протяжении всей работы над поэтическим вариантом перевода.

Затем в истории переводов романа следует перейти почти в четверть века (здесь представляется необходимым рассмотреть причины этого явления, обусловленные историко-литературным контекстом), и в 1960-х гг. итальянский читатель знакомится с двумя новыми, на этот раз прозаическими версиями романа: переводами Эридано Баццарелли (1960) и Джачинты де Доминичис Йорио (1963).

В 1975 г. своей цели (которую сам он называл «безумием») – перевести «роман в стихах» стихами – достигает итальянский поэт Джованни Джудичи. Изначальным его намерением было перевести роман оригинальным четырехстопным ямбом, в итоге перевод выполнен девятисложным стихом, но это не стандартный итальянский «*poenapio*»⁶, количество слогов в нем варьируется от семи до десяти, и благодаря такой имитации пушкинского метра Джудичи удается сохранить музыкальность оригинала. Этот перевод вызвал достаточно противоречивые оценки среди итальянских критиков и ученых-славистов: от восторженных до прохладных и даже пренебрежительных. Но, несомненно, он заслуживает особого внимания как прекрасный образец восприимчивости поэта-переводчика к «чуждому» тексту, способности выйти за пределы традиционного итальянского поэтического канона, найти подходящий размер и использовать его в своем переводе.

И последние два перевода, также стихотворные, выполнены в 1996 г. Пиа Перой (набоковед, автор нашумевшего романа «Дневник Лолиты») и в 2006 г. Фиорнандо Габриелле. Оба перевода печатаются вместе с оригинальным текстом на русском языке.

Особый интерес представляют вступительные статьи и примечания к переводам самих авторов (Э. Ло Гатто, Дж. Джудичи, Э. Баццарелли), а также отдельные работы, в которых они освещают некоторые вопросы, связанные с собственным восприятием романа и переводческими принципами работы над ним. Так, специального внимания заслуживает статья Ло Гатто «Принципы стихотворного перевода романа “Евгений Онегин”» («*Criteri di traduzione in versi dell’Evgenij Onegin*», 1979) – творческая рефлексия автора спустя почти 40 лет после публикации стихотворного перевода, или его исследование «Пушкин: история поэта и его героя» («*Puskin: Storia di un poeta e del suo eroe*», 1960), в котором Ло Гатто рассматривает роман «Евгений Онегин» как лирический дневник Пушкина, вписывая его в общую концепцию своего понимания творчества писателя.

Несмотря на сравнительно позднее обращение к роману, восемь переводов за последние сто лет свидетельствуют о том, что процесс проникновения «Евге-

ния Онегина» в итальянскую литературу и культуру – процесс сложный, противоречивый, не прекращающийся до сих пор: «*Perché una nuova versione dell’Onegin <...>? Potrei rispondere semplicemente perché a questo mondo non si è mai contenti di nulla, e forse sarebbe la ragione più valida, seguita dall’emulazione, dalla vanità del non così ma cosà, dal piacere di comunicare agli altri le emozioni che un capolavoro del genere (considerato la gemma più preziosa delle lettere russe) suscitò in me fin dalla prima, stentatissima – da autodidatta della lingua – decifrazione dell’originale*»⁷ [11. P. 3].

Несомненно, это связано с тем, что произведение – сложнейшее в совокупности всех его поэтических свойств, и каждый автор ищет собственные способы их воплощения в переводе романа. «Речь идет не только о смысловой сложности его [романа] словесной партитуры, требующей и утонченного понимания ее стилистических ходов, и высокого искусства их полноценного воспроизведения <...> Он [переводчик] должен считаться со всеми специфическими качествами “онегинской строфы” во всем неповторимом своеобразии ее структуры – метрической и стилистической, с бесконечными вариациями строфических окончаний, то отточенных метких афоризмов, то эффектных иронических арабесок, с системой рифмовки, с мелодикой стиха, лирическими партиями, сознательно и искусно переплетенными с естественным звучанием разговорных интонаций во всех регистрах человеческих голосов... Речь идет даже об особых трудностях понимания лексики романа Пушкина <...> о его скрытых цитатах, “пастишах” и пересмыслениях и обо многом другом, что только в наши дни постепенно открывается читателю “Евгения Онегина”, спустя столетие после начала его вдумчивого истолкования» [8. С. 354–355].

В связи с этим возникает вопрос: каковы возможности передачи подобного произведения с сохранением всех его поэтических качеств? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к комплексному анализу переводов⁸. В процессе лингвостилистического и литературоведческого анализа переводов представляется необходимым использовать дифференциацию на прозаические и поэтические переводы с определением различной методики их сопоставления. Целостный анализ выбранных переводов романа позволит выявить индивидуальные особенности восприятия и интерпретации авторами художественного своеобразия романа, творческие методы переводчиков. Также на материале переводов романа представляется необходимым проанализировать теоретические и практические проблемные аспекты переводоведения: перевод реалий, фразеологизмов, имен собственных, иноязычных вкраплений, случаев отхода от литературной нормы, каламбуров, сокращений и пр., а также особым образом исследовать специфику перевода безэквивалентных элементов.

Для воссоздания целостной картины восприятия романа Пушкина в итальянском литературном контексте необходимо также изучить трактовку и оценку романа в истории итальянского литературоведения.

Здесь представляется уместной хронологическая периодизация, обусловленная различными уровнями развития литературной критики и литературоведения.

Конечно, в XIX в. не получил в достаточной мере развитие комплексный литературоведческий анализ, поскольку полноценных переводов еще не было, тем не менее, некоторые литературно-критические отзывы имеют место быть. Так, К. Ласорса в статье об итальянском критике К. Тенке приводит его суждение о романе: «скептицизм с наибольшей силой раскрывается в “Евгении Онегине”, оставляющем после себя острое тоскливое чувство». По мнению Тенки, роман – карикатура на светское официальное общество и «длинная эпиграмма на любовь». К. Ласорса отмечает, что отсутствие понимания художественных достоинств и национального характера «Евгения Онегина» итальянскими критиками в течение всего XIX в. не удивительно, учитывая весьма ограниченное знакомство с русским языком в итальянских литературных кругах, а также «почти непреодолимые трудности, встречаемые тогдашней критикой при исследовании столь многогранного и неожиданного в своем развитии творчества Пушкина» [2. С. 137].

В XX в. ситуация кардинально меняется, особый всплеск интереса к творчеству Пушкина приходится на 1937 г.: выходит сразу несколько сборников статей, посвященных юбилейной дате. На протяжении всего XX в. в своих работах обращаются к роману

С.Л. Пачини (S.L. Pacini), С.Дж. Де Микелис (C.G. De Michelis), Т. Ландолфи (T. Landolfi), Э. Ло Гатто (E. Lo Gatto), Дж. Мавер (G. Maver), Д. Кавайон (D. Cavaion) [17, 18], М. Колуччи (M. Colucci), С. Гардзонио (S. Gardzonio), Р. Поджоли (R. Poggioli) [15, 16], К. Ласорса (C. Lasorsa), Дж. Гини (G. Ghini) и др. [12–14, 19].

Первые литературоведческие работы начала XX в. носят ознакомительный характер (С.Л. Пачини, Т. Ландолфи), для более поздних исследований характерен уже более глубокий и разносторонний подход к изучению романа (Д. Кавайон, Э. Ло Гатто, Дж. Гини). Например, работа Джузеппе Гини «Перевести «Онегина»» («Tradurre l’Onegin», 2003) – это уже попытка комплексного исследования, автор подробно останавливается на анализе разных уровней текста: фонетическом, лексическом, стилистическом, сравнивает некоторые фрагменты стихотворных вариантов переводов, а также исследует интертекстуальный пласт романа.

Таким образом, в процессе последующего анализа итальянских переводов «Евгения Онегина», а также литературно-критических и литературоведческих работ, посвященных роману, представляется возможным воссоздать картину восприятия пушкинского шедевра, сложившуюся в Италии в XIX–XXI вв., дополнив тем самым общую картину восприятия и функционирования романа в западноевропейском и мировом литературном контексте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Единственное оправдание прозаического перевода стихов – в его информативной функции» (перевод мой. – *Н.Т.*)

² «...чтение и перечитывание “романа в стихах” побудило меня предать самого себя. Поскольку я полагал, что русский поэт, в сущности, в каком-то смысле сам отрицал, что его “роман” может быть переведен прозой, в связи с тем, что речь шла о романе, да, но “в стихах”, в чем и заключался смысл его заявления: “роман в стихах, дьявольская разница”, мое решение было неким вызовом самому себе» (перевод мой. – *Н.Т.*)

³ В 1842 г. Э. Монтацио (E. Montazio) дает подробное изложение «Евгения Онегина» и переводит первые пять строф восьмой главы романа.

⁴ Помимо «Евгения Онегина» в сборник входят «Кавказский пленник», «Цыганы», «Граф Нулин», «Бахчисарайский фонтан» и «Полтава».

⁵ Опубликовано в 1925 г.

⁶ «Девятисложный стих» (ит.).

⁷ «Зачем еще один перевод “Онегина” <...>? Я мог бы ответить – всего лишь затем, что в этом мире вы никогда ничем не будете довольны полностью, и возможно, это было бы наиболее веским основанием, вытекающим из соперничества, тщеславия выражения “нужно так, а не иначе”, из удовольствия передавать окружающим эмоции, которые этот шедевр (считающийся самой ценной жемчужиной русской литературы) пробудил во мне с самой первой расшифровки оригинала, наиболее трудной для человека, самоучкой изучившего русский язык» (перевод мой. – *Н.Т.*)

⁸ Для настоящего исследования актуальным представляется остановиться на краткой характеристике каждого перевода и, после предварительного анализа, на трех-четыре наиболее репрезентативных сосредоточиться более детально.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жирмунский В.М.* Гёте в русской литературе: избранные труды. Л.: Наука, 1982. 557 с.
2. *Ласорса К.* К истории изучения Пушкина в Италии. Карло Тенка // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1974. Т. 7. С. 123–141.
3. *Ласорса К.* Первый этап знакомства с Пушкиным в Италии (1828–1856) // Русская литература. 1970. № 4. С. 95–105.
4. *Gardzonio S.* La poesia russa nelle traduzioni italiane del 900. Alcune considerazioni // Toronto Slavic Quarterly, n. 17, Summer 2006. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/17/garzonio17.shtml>
5. *Colucci M.* Del tradurre poeti russi (e non solo russi) // Europa orientalis. 1993. No. 7. P. 107–127.
6. *Colucci M.* Le traduzioni italiane del Novecento di poesia puškiniana // Puškin, la sua epoca e l’Italia. Atti del Convegno Internazionale di studi (Roma 21–23 ottobre 1999)/ Soveria Mannelli (CZ). 2001. P. 105–114.
7. *Прогожин Н.П.* Переводчик Пушкина Чезаре Бочелла // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1981. С. 60–75.
8. *Алексеев М.П.* Пушкин и мировая литература // Разноязычный «Евгений Онегин». Л.: Наука, 1987. С. 351–361.
9. *Ghini G.* Tradurre l’Onegin. Urbino: Quattroventi, 2003. 171 p.
10. *Lo Gatto E.* Criteri di traduzione in versi dell’Evgenij Onegin // La traduzione letteraria dal russo nelle lingue romanze e dalle lingue romanze in russo. Milano, 1979. P. 208–216.
11. *Gabbrielli F.* Premessa alla traduzione dell’ «Eugenio Onegin». 2006. URL: http://www-5.unipv.it/girardi/Aleksandr_Pushkin-Eugenio_Onegin.pdf
12. *Шишкин А.Б., Сульцассо Б.* Переписка Вячеслава Иванова и Этторе Ло Гатто // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. СПб.: Издательство Пушкинского дома, 2010. Вып. 1. С. 759–779.
13. *Alleva A.* La digressione nell’Evgenij Onegin // Europa orientalis. 1984. No. 4. P. 97–111.
14. *Landolfi T.* Fantasia puškiniana // Letteratura: rivista trimestrale di letteratura contemporanea, I. 1937. No. 3. P. 123–127.

15. Poggioli R. Nota su alcune versioni italiane dalla poesia di Pushkin // *Letteratura: rivista trimestrale di letteratura contemporanea*, I. 1937. No. 3. P. 131–141.
16. Poggioli R. Sull'«Eugenio Onegin» // *Europa orientalis*. 1937. No. 15. P. 169–177.
17. Cavaion D. Le traduzioni italiane in versi dell'Eugenio Onegin di Puškin // Premio Città di Monselice per una traduzione letteraria // *Atti del IX convegno sui problemi della traduzione letteraria e scientifica. Le traduzioni dal russo*. 1981. No. 10. P. 43–63.
18. Cavaion D. Le contraddizioni di Eugenio Onegin // *Tre studi di letteratura russa*. Padova, 1978. P. 3–51.
19. Montazio E. Biografia di Alessandro Pouschkin // *Mondo contemporaneo*. 1842. No. 3. P. 309–344.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 мая 2015 г.

ALEKSANDR PUSHKIN'S NOVEL *EUGENE ONEGIN* IN ITALIAN RECEPTION: ON STATING THE PROBLEM

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 27–31. DOI: 10.17223/15617793/396/4

Tik Natalia A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tiknatally@yandex.ru

Keywords: A. Pushkin; Eugene Onegin; Italian literature; reception; Russian literature; translation.

The relevance of this research is determined by the growing interest of the modern humanities to the problems of intercultural communication, international literary connections and the role of translations in these connections. It is necessary to expand the horizons of the national literary process and to go to the “alien” text; this process is a regular stage in every literature history, so self-determination of national literature and understanding of its own essence occurs in the process of the dialogical interaction. More and more new studies appear today. They deal with the issue of the literary interaction and reception of different writers' works. The Italian reception of Aleksandr Pushkin's oeuvre and especially the receptive history of *Eugene Onegin* was studied less than the reception in other West European literary traditions, particularly in English, French and German. The issue of this article is the reception of Aleksandr Pushkin's novel *Eugene Onegin* in Italian literature in the 19th – 21st centuries and the reconstruction of the novel's receptive history in two aspects: translational and literary-critical. There are nine complete translations of the novel *Eugene Onegin* in Italy which were made from 1856 till 2006. In this article, the author gives preliminary descriptions of some of these translations and sets the problem of translating the “novel in verse” as well as the adaptation possibilities for such a novel while preserving its poetic features. To answer this question, the author addresses to the integrated analysis of the translations. It is necessary to classify all the translations into prose and poetic and define various methods of their comparison in the process of linguostylistic and literary analysis. This analysis of the chosen translations allows finding out the personal touch of the writers' perception and their interpretation of the novel's artistic diversity. There is a need to analyze the theoretical and practical aspects of the problem of the Theory of Translation (such as translation of realias, phraseologisms, proper names, alien words, cases of literary deviation, puns, etc.) and investigate the specificity of untranslatable elements using translations of the novel. Also, to recreate the perception of Pushkin's novel fully, interpretation and evaluation of the novel in the Italian literary studies should also be considered.

REFERENCES

1. Zhirmunskiy, V.M. (1982) *Gete v russkoy literature: izbrannyye trudy* [Goethe in Russian Literature: Selected Works]. Leningrad: Nauka.
2. Lasorsa, K. (1974) K istorii izucheniya Pushkina v Italii. Karlo Tenka [The history of the study of Pushkin in Italy. Carlo Tenko]. In: *Pushkin: Issledovaniya i materialy* [Pushkin: Research and Materials]. Vol. 7. Leningrad: Nauka. pp. 123–141.
3. Lasorsa, K. (1970) Pervyy etap znakomstva s Pushkinym v Italii (1828–1856) [The first stage of acquaintance with Pushkin in Italy (1828–1856)]. *Russkaya literatura*. 4. pp. 95–105.
4. Gardzonio, S. (2006) La poesia russa nelle traduzioni italiane del 900. Alcune considerazioni. *Toronto Slavic Quarterly*. 17. [Online]. Available from: <http://sites.utoronto.ca/tsq/17/garzonio17.shtml>.
5. Colucci, M. (1993) Del tradurre poeti russi (e non solo russi). *Europa orientalis*. 7. pp. 107–127.
6. Colucci, M. (2001). Le traduzioni italiane del Novecento di poesia puškiniana. *Puškin, la sua epoca e l'Italia. Atti del Convegno Internazionale di studi*. Rome, 21st to 23rd October 1999. Soveria Mannelli (CZ). pp. 105–114.
7. Progozhin, N.P. (1981) Perevodchik Pushkina Chezare Bochella [Cesare Bocelli, a Translator of Pushkin]. In: *Vremennik Pushkinskoy komissii* [Annals of Pushkin Commission]. Leningrad: Nauka.
8. Alekseev, M.P. (1987) Pushkin i mirovaya literatura [Pushkin and World Literature]. In: *Raznoyazychnyy “Evgeniy Onegin”* [Multilingual “Eugene Onegin”]. Leningrad: Nauka.
9. Ghini, G. (2003) *Tradurre l'Onegin*. Urbino: Quattroventi, 2003.
10. Lo Gatto, E. (1979) Criteri di traduzione in versi dell'Evgenij Onegin. In: *La traduzione letteraria dal russo nelle lingue romanze e dalle lingue romanze in russo*. Milano.
11. Gabbrielli, F. (2006) *Premessa alla traduzione dell' “Eugenio Onegin”*. [Online]. Available from: http://www-5.unipv.it/girardi/Aleksandr_Pushkin-Eugenio_Onegin.pdf.
12. Shishkin, A.B. & Sul'passo, B. (2010) Perepiska Vyacheslava Ivanova i Ettore Lo Gatto [Correspondence of Vyacheslav Ivanov and Ettore Lo Gatto]. In: Lappo-Danilevskiy, K.Yu. & Shishkin, A.B. (eds.) *Vyacheslav Ivanov: issledovaniya i materialy* [Vyacheslav Ivanov: Studies and Materials]. Is. 1. St. Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo doma.
13. Alleva, A. (1984) La digressione nell'Evgenij Onegin. *Europa orientalis*. 4. pp. 97–111.
14. Landolfi, T. (1937) Fantasia puškiniana. *Letteratura: rivista trimestrale di letteratura contemporanea*, I. 3. pp. 123–127.
15. Poggioli, R. (1937) Nota su alcune versioni italiane dalla poesia di Pushkin. *Letteratura: rivista trimestrale di letteratura contemporanea*, I. 3. pp. 131–141.
16. Poggioli, R. (1937) Sull'“Eugenio Onegin”. *Europa orientalis*. 15. pp. 169–177.
17. Cavaion, D. (1981) Le traduzioni italiane in versi dell'Eugenio Onegin di Puškin. Premio Città di Monselice per una traduzione letteraria. *Atti del IX convegno sui problemi della traduzione letteraria e scientifica. Le traduzioni dal russo*. 10. pp. 43–63.
18. Cavaion, D. (1978) Le contraddizioni di Eugenio Onegin. In: *Tre studi di letteratura russa*. Padova.
19. Montazio, E. (1842) Biografia di Alessandro Pouschkin. *Mondo contemporaneo*. 3. pp. 309–344.

Received: 02 May 2015

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.324.8

Е.А. Баёва

СЕТЕВАЯ МОДЕЛЬ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО МИРОУСТРОЙСТВА: СПОСОБЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА И ОПРАВДАНИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Исследуется динамика капитализма в контексте перехода от индустриальной к сетевой модели с помощью концептуальных средств социологической теории. Модернизация капиталистического мироустройства показывается через кардинальные изменения системы разделения труда, обновления духа капитализма, высокотехнологичной экономики, способствующие активному распространению социальных и экономических сетей, изменения организационных форм труда и производственных отношений. Делается вывод, что существуют способы воспроизводства капитализма посредством структур повседневности и механизма разделения труда, а также способы его морального оправдания, обеспечивающие его устойчивое развитие.

Ключевые слова: сетевая модель; капиталистическое мироустройство; разделение труда; великая трансформация; оправдание; дух капитализма.

В условиях «текущей современности» (понятие «текущая современность» (англ. liquid modernity) принадлежит социологу З. Бауману, использовавшему физический термин «текучесть» в качестве главной метафоры для описания современного общества [1]), когда ощущается нехватка устойчивых ориентиров для мировосприятия, социологический анализ сетевой модели капитализма, стремительно распространяющейся по всему миру, поможет обозначить конфигурацию признаков, определяющих ритм и настроение текущей эпохи. Начиная с 1970-х гг. XX в. в мире произошла глубокая реструктуризация мирового устройства, связанная с его переходом к сетевой модели. Итогом реструктуризации стали децентрализация и появление сетевых структур, диверсификация социальных и экономических отношений, интенсификация процессов международного разделения труда, торговли и производства, развитие высоких технологий, дифференциация и дерегулирование финансовых рынков, а также активная урбанизация жизненных пространств. Данные изменения происходили в контексте глобального распространения сетевого капитализма, в котором тесно переплетаются и конкурируют глобально взаимозависимые национальные экономики, большие и малые города, рынки, крупные транснациональные корпорации и небольшие компании, домохозяйства, различные статусные группы и индивиды. Экспансия сетевой модели капитализма, его влияние на различные сферы жизнедеятельности общества позволяют говорить о капиталистическом мироустройстве, имеющем явные и латентные способы воспроизводства.

Капиталистическое мироустройство основывается на экономике знаний и сетей, связывающих между собой социальных и экономических агентов с помощью интернет-технологий в глобальном масштабе в режиме реального времени. Координаты капиталистического мироустройства базируются на взаимозависимости социальных и экономических структур человеческой жизнедеятельности. В этом плане данное понятие соотносится с понятием «мироэкономика» представителя школы «Анналов» Ф. Броделя [2].

В мироэкономике как глобальной системе экономические процессы происходят в обширном экономическом пространстве, устроенном надполитическим образом. Несмотря на острые политические моменты, никто не собирается упускать собственной экономической выгоды, которая в конечном итоге дарует и выгоду политическую. Внутри мироэкономики образуются различные сети экономических акторов, участвующих в разделении труда, циркуляции товаров и услуг, движении потоков рабочей силы и капиталов. Эффективному развитию этих процессов способствует механизм воспроизводства типичных универсальных практик экономического поведения, укорененных в структурах повседневности. Исторически генезис капитализма берет начало в повседневных обменах, взаимодействии, в традиционных рыночных практиках, ремесленничестве, мелких семейных хозяйствах. Результатом повседневного рыночного обмена становится то, что А. Шюц называет наличным знанием, дающим релевантное восприятие социального мира [3]. Вследствие регулярности повседневных практик образуется конфигурация этих взаимодействий, что обеспечивает взаимность перспектив в процессе экономической деятельности. Происходит институционализация типических конструктов в виде совокупности паттернов экономического поведения, которые воспроизводятся в ходе хозяйственной деятельности. Дух капитализма, таким образом, заключен глубоко в многолетних повседневных практиках обмена, которые, усложняясь, создают новые формы капиталистических отношений. В период зарождения капитализма формами таких отношений выступали примитивные формы рыночного обмена, основанные на натуральном хозяйстве, производителями которого являлись община и семья. В ходе «великой трансформации», при переходе к промышленному капитализму, эти повседневные практики стали фундаментом для формирования новых форм капиталистических отношений, связанных с индустриальными и финансовыми институтами. Например, в XVIII в. место ярмарочной деятельности как способа обмена товарами заняли биржи. В результате деятельности бирж в

крупных финансовых центрах Европы капиталы и кредиты стали находиться в свободном обращении, что сделало капитал более доступным, а процесс накопления капитала более рентабельным. Доступность капитала, в свою очередь, стимулировала развитие промышленного производства. Это позволяет сделать вывод, что стимулом для модернизации капитализма становится дифференциация экономической деятельности. Другим стимулом для обновления капитализма стал рост крупных городов в качестве всеобщих экономических центров, каковыми были в разное время Амстердам, Лондон, Женева, Генуя. Смена этих экономических центров сопровождалась продолжительным кризисом всей экономики и ее последующей глубокой реструктуризацией.

Совокупность переходов от докапиталистической эпохи к промышленному буржуазному капитализму и впоследствии к сетевому капитализму свидетельствует о динамичном характере развития капиталистического мироустройства. Вслед за К. Поланьи преобразования капиталистического мироустройства можно обозначить как «великую трансформацию» и зафиксировать ее основные черты [4]. Возникновение промышленного капитализма сопровождалось детрадиционализацией рынков, ростом свободной торговли, активизацией обмена товарами и капиталами, ростом значимости финансовых институтов. Индустриализация привела к росту массовой урбанизации населения и усложнению системы разделения труда. Важным достижением этого перехода стала либерализация экономики и ослабление государственного протекционизма. В этот период внутренние рынки вышли на международный уровень, сформировались международные банковская и финансовая системы. Чтобы подчеркнуть взаимосвязь экономических и политических факторов в этом важном процессе, экономист и социолог К. Поланьи отмечает, что для мирного функционирования этой системы ей на службу была поставлена система равновесия сил, которая действовала вплоть до начала XX в. – начала другой волны великой трансформации. Преобразование мировой цивилизации и наступление следующего этапа развития капитализма связаны с кризисом международного золотого стандарта и прежней системы равновесия сил (1930-е гг. XX в.). Следующая «великая трансформация» начинается приблизительно в 1970-х гг. XX в., когда развитие капитализма сопровождается модернизацией и глобализацией. Общество «поздней современности» не вписывается в прежние прогнозистические рамки, так как все более усложняется, становится менее управляемым, «ускользающим». Глобализация, условием распространения которой становится высокотехнологичная экономика, вводит в действие фактор риска и неопределенности [5].

Изменения в экономических процессах, сопровождающиеся отмиранием прежних и возникновением новых форм, свидетельствуют о неоднородности и волнообразной динамике капитализма. Волнообразные процессы раскрывают природу колебаний в экономике, которые способствуют модернизации структуры капитализма. Согласно теории «кондратьевских

циклов» (по имени экономиста Н.Д. Кондратьева) капитализм имеет право на перманентное обновление, предпосылки которого возникают с приходом «новой волны» его развития [6]. Кондратьевские циклы – это волны, переходы от фазы роста «А» к фазе спада «В» (или сжатия) и наоборот. Направление кривой развития определяется экономической конъюнктурой (совокупностью благоприятных или неблагоприятных обстоятельств, способствующих становлению той или иной фазы развития), что исключает повторения и однообразные директивы движения. Причиной наступления фазы сжатия чаще всего является отсутствие или недостаток инноваций в экономическом хозяйстве (или изменений в технике производства, в организации хозяйства). Продолжительность цикла «В» зависит от протекционистских мер с целью выхода из фазы сжатия. В случае успешных мер переход к фазе роста «А» может быть стимулирован внедрением инновационной отрасли в структуре экономического хозяйства. Последствия выхода из фазы сжатия являются необратимыми и характеристики всей системы меняются радикальным образом. Важным моментом перехода от фазы сжатия к фазе роста является либерализация рынка. О «невидимой руке рынка» как проявлении естественных законов и принципе невмешательства государства в экономику писал еще А. Смит [7]. По естественным законам рынка цены становятся справедливыми, а максимизация прибыли купцами или промышленниками в конечном счете работает на общее благо. Например, бурный рост промышленности в Англии в XVIII–XIX вв. произошел в условиях *laissez-fair*. И. Валлерстайн, опирающийся в своем миросистемном анализе на взгляды Ф. Броделя и Н. Кондратьева, подчеркивает вероятность возрастания роли государства в процессе бесконечного накопления капитала, как бы предостерегая, что излишний и затяжной протекционизм может привести к капиталистическому обогащению госаппарата. «Если государство обладает ресурсами, которые дорого стоят на мировом рынке, то доход государства, по существу, является рентой, и здесь непосредственный контроль над аппаратом также гарантирует, что значительная часть этой ренты может просочиться в частные руки. Неудивительно, что в таких государствах часто случается так, что к власти приходят военные. <...> Когда государственная машина нацелена на капиталистическое обогащение, обычная процедура смены власти отходит в сторону, а результаты выборов подтасовывают, если выборы вообще проводят...» [8. С. 137]. Это становится одним из главных рисков при переходе от фазы сжатия к фазе роста, так как рыночная экономика перестает быть саморегулирующейся системой со свободным обращением товаров. Таким образом, налицо зависимость объема и продолжительности политики протекционизма в каждой отдельно взятой стране от уровня экономических проблем и типа политического режима.

На глобальном уровне в результате очередной «великой трансформации» к концу XX в. мироустройство входит в новую фазу роста в условиях провозглашенного курса на глобализацию, направ-

ленную на открытие границ и обеспечение свободно-го движения товаров и капитала по типу «центр-полупериферия-периферия». Широкое распространение получает практика преумножения капитала посредством инвестирования и реинвестирования в финансы или экономику. Индивидуализация потребительского спроса вынудила экономических игроков усовершенствовать практики диверсификации и коммерциализации предложения, перманентно внедрять инновации в менеджмент. Все это обусловило переход от массового производства к мелкосерийному, отличающемуся дифференцированным и гибким предложением. В результате этого перехода к гибкому производству произошел «второй промышленный переворот». По мысли социологов Л. Болтански и Э. Кьяпелло, признаком обновленного капиталистического мироустройства стал сетевой мир, устроенный как проектный град, противопоставленный семейному и рыночному граду эпохи промышленного капитализма. Проектный град выступает как система ограничений, воздействующая на усложненный сетевой мир, в соответствии с которыми экономические агенты (как участники проектов) следуют в своих действиях определенным правилам и нормам. В ходе последней «великой трансформации» возник «третий дух капитализма», который на волне роста социального пессимизма в отношении капитализма абсорбировал новые механизмы оправдания [9].

Дух капитализма, содержащий личностные предпосылки, выступает моральной поддержкой рациональной организации капиталистического мироустройства. Понятие «дух капитализма» впервые использовал коллега М. Вебера и сооснователь журнала «Архив социальной науки и социальной политики» В. Зомбарт в работе «Современный капитализм» (1902) [10]. Далее эволюция этого понятия разворачивалась в полемике между М. Вебером, с одной стороны, и В. Зомбартом – с другой. Оба мыслителя для анализа данного понятия обращались к методу образования исторических понятий или обнаружению генетических связей, отражающих индивидуалистические признаки времени. М. Вебер придавал большое значение рациональной специфике западного капитализма и упрекал своих оппонентов (В. Зомбарта, Г. Зиммеля и К. Маркса) за игнорирование этого ключевого момента. Зомбарт рассматривает генезис духа капитализма с позиций биологизма, ставя его в зависимость от биологических, а потом уже и от социальных структур [11]. Вебер был решительно против радикального биологизма Зомбарта и, опираясь на Канта, связывал развитие предпринимательского духа с этосом, или совокупностью этических норм и максим. Этика капиталистического мышления имеет религиозное обоснование, о чем свидетельствует взаимосвязь современного капитализма и рациональной этики протестантизма. Вебер сводит характерные стороны религиозной хозяйственной этики к идеальному типу и определяет западную культуру как отличную от других культур – как культуру рационального типа [12].

Несмотря на различия во взглядах, и Вебер, и Зомбарт выделяли роль личностного начала в возникно-

вании и экспансии капиталистического духа. В веберовской трактовке движущей силой капитализма являются не спекулянты и авантюристы, ориентированные на политическую удачу и иррациональную спекуляцию (как полагает Зомбарт), а носители определенного этоса, связанного с чувством исполненного долга в рамках призвания. В качестве такой движущей социальной силы Вебер называет бюргеров. У Зомбарта авантюрное начало сочетается с мещанским, и в союзе эти два начала порождают нового человека – предпринимателя, или буржуа. Авантюрная форма изначально находит воплощение в трех человеческих типах: завоевателе, организаторе, торговце. Именно эти типы в Средние века на этапе раннего капитализма занимались добычей капитала. В следующей фазе развития капитализма авантюрное начало сочетается с мещанским началом, что знаменует переход к высокоразвитому капитализму. Вебер отрицает подобное «героическое», авантюрное и биологическое начало в качестве двигателя западного капитализма. По мнению Вебера, Зомбарт в своих размышлениях недалеко ушел от описания традиционной экономической системы, которая, напротив, выступает барьером для интенсивного и новаторского развития капитализма. Отличительная черта промышленного капитализма – процесс производства, который способствовал отделению класса предпринимателей от домашнего хозяйства. В докапиталистической эпохе не было рационального использования капитала через его внедрение в производство и рациональной организации. Капиталистическое ведение хозяйства основано на получении прибыли посредством обмена, или ненасильственного приобретения товаров и услуг. Основным признаком современного рационального капитализма является калькуляция материальных средств с целью получения рентабельности от своей предпринимательской деятельности и рациональная организация свободного труда (предприятия), ориентированного на товарный рынок. Дух капитализма напрямую связан с разделением труда, где распределение людей по профессиям – выражение божественной воли, а выполнение своей работы есть реализация религиозного долга.

Взгляды Вебера на генезис капитализма имеют не только последователей, но и критиков. Ф. Бродель, рассматривающий средиземноморскую модель капитализма как колыбель европейского, а затем и мирового капитализма, отмечал, что Вебер слишком преувеличивает, и северные страны лишь заняли то место, которое задолго до них занимали старые центры средиземноморского капитализма. «Амстердам копирует Венецию, как Лондон вскоре будет копировать Амстердам, и как затем Нью-Йорк будет копировать Лондон... Благодаря новому возвышению Атлантики происходит расширение экономики в целом, обменов, денежных запасов; и в этом случае так же быстро развивающаяся рыночная экономика, выполняя решения, принятые в Амстердаме, понесет на своей спине выросшее строение капитализма» [2. С. 71]. Кроме религиозных факторов, в формировании духа капитализма следует принимать во внимание и влияние крупных

политических и экономических событий. Таковыми событиями на заре промышленного капитализма стала, с одной стороны, Великая французская революция 1789 г., с другой – Английская промышленная революция. Основными достижениями Французской революции стало, во-первых, то, что политические перемены стали восприниматься как норма; во-вторых, источником суверенитета государства стал народ, а не монарх или законодатель. В результате Английской промышленной революции произошел мощный технологический рывок во многих отраслях промышленности (в частности, текстильной и металлургической), что обусловило интенсивный переход от аграрного хозяйства к индустриальному производству. Именно поэтому в модернизации капитализма большую роль играет научно-технологический прогресс. Этот вывод был сделан еще классическими мыслителями. Развитие и внедрение технологических инноваций связано с повышением всеобщего благосостояния, эволюцией профессиональных навыков и, как следствие, дальнейшим освобождением труда (А. Смит). Демифологизация сознания в эпоху модерна сопровождалась его обособлением от религии и поддерживалась бурным развитием науки, техники, промышленности (М. Вебер). Буржуазия как господствующий класс не может поддерживать свое господство, не революционизируя постоянно орудия производства. Производительность труда в обществе зависит от уровня научного познания и технической оснащенности трудовой деятельности (К. Маркс).

Научно-технологический прогресс дает стимул для модернизации разделения труда, которое, по выражению Э. Дюркгейма, все плотнее окутывает общество своей сетью вследствие усложнения способов индустриального производства и укрупнения капиталов. Отметив его важнейшую роль в экономике и жизнедеятельности общества, А. Смит стал первым, кто предпринял попытку теоретизировать феномен разделения труда. Разделение труда – естественный процесс, его причина заключается в склонности человеческой природы к различным обменным операциям, прежде всего к торговле и обмену. На рынке происходит обмен излишков своего труда, превышающих собственное потребление, на продукты, производимые другими людьми, в которых тот или иной человек испытывает потребность. Это вынуждает человека развиваться в рамках специализации и развивать до совершенства свои способности в данной специальной области. Цена на обмениваемые товары устанавливается конъюнктурой спроса и предложения, что предполагает условия свободного рынка, также являющегося частью естественного порядка. Таким образом, специализация труда способствует приобретению нужных навыков и тем самым служит общему благу (*common best*) [7]. Э. Дюркгейм добавил, что, кроме экономического эффекта, разделение труда производит социальный эффект. Интегрирующая сила разделения труда заключается в создании и поддержке чувства социальной солидарности, столь необходимого для моральной плотности общества. Если в архаических обществах религия всецело являлась ин-

тегрирующей основой, то в индустриальных обществах ее место занимает общественное разделение труда. Постепенно механическая солидарность замещается органической, отражая усложняющийся характер капиталистического общества. Механическая солидарность сегментарных обществ предполагала взаимодействие на основе личных отношений и традиций. В индустриальных обществах с органической солидарностью ему на смену приходит профессиональная дифференциация, все больше укрепляющая коллективное сознание: «Рост разделения труда происходит, следовательно, оттого, что социальные сегменты теряют свою индивидуальность, что разделяющие их перегородки становятся еще более проницаемыми – словом, происходит сращивание, делающее социальное вещество свободным для вступления в новые организации» [13. С. 263]. Делая общий анализ социальной значимости разделения труда, Дюркгейм не может обойти стороной тот факт, что разделение труда не будет действовать, если не будет своевременной модернизации организационных форм труда. В период внедрения инноваций, когда наступает состояние нравственной и правовой аномии, очевидным становится и упадок корпораций как основной формы профессиональной организации. В этом отношении Дюркгейм солидарен с Вебером, который считал, что жизнедеятельность капитализма определяется вовсе не движением товара, как полагал Маркс, а адекватным индустриальному обществу функционированием рациональной организационной структуры – капиталистического предприятия. Основная причина неадекватности предприятий текущим экономическим реалиям заключается в затягивании с их модернизацией и реформированием. В эпоху индустриального капитализма главный ракурс критики корпораций сосредоточился вокруг темы их соответствия утилитарным целям, а их образ связывался со старым режимом, стремлением поддержать и увеличить свои привилегии и монопольное положение. Поэтому корпорации перестали выступать в качестве моральной силы, обеспечивающей социальную солидарность. Когда наступает такой упадок, именно критика на предмет несоответствия профессиональных корпораций современным тенденциям может стать источником их реформирования.

Со второй половины XX в. в результате критики традиционных иерархических форм организации наемного труда на систему разделения труда постепенно распространяются сетевые принципы организации. Это связано с тем, что организации индустриального капитализма – вертикально интегрированные корпорации или малые предприятия – проявили неспособность соответствовать современным веяниям. Постепенно предприятия как формы организации коллективного труда перестают быть обезличенными бюрократическими машинами. По мнению М. Кастельса, этот тренд обозначился в процессе перехода от массового к гибкому производству, а также в результате кризиса крупных корпораций и высокой жизнеспособности малого и среднего бизнеса как проводников инноваций и источников создания рабо-

чих мест [14]. Для того чтобы соответствовать новым организационным трендам, крупные корпорации перешли от вертикальных бюрократий к горизонтальным мультинациональным корпорациям, распространяясь по всему миру путем слияний и поглощений. Вертикальная дезинтеграция производственного процесса посредством перехода в сетевую форму поощряет личностную и корпоративную инициативу. Организация профессиональной деятельности сети экономических и социальных агентов концентрируется вокруг поиска идеи в целях реализации проекта. Источником конкурентоспособности компаний становится не только креативность команды, но и оперативность, мобильность в поиске нужных внешних исполнителей независимо от географических, статусных и культурных барьеров. Границы традиционных предприятий стираются, происходит самоорганизация профессиональной сети, сплачиваемая координатором выполнения проекта. Взаимодействие участников проекта, их оперативность в обратной связи обеспечивают высокотехнологичные интернет-коммуникации в режиме online. Таковы основные изменения в международном разделении труда.

Осуществляя сетевую экспансию, капитализм нуждается в действенных способах морального оправдания, выступающих источником преодоления критического отношения и мобилизующих производительные силы. Анализируя аспекты капиталистического мироустройства, А. Смит, М. Вебер, Э. Дюркгейм заложили основы анализа способов его оправдания. Дух капитализма черпает источники своего оправдания в нерациональных предпосылках, или в личной мотивации человека. По Веберу, например, исходя из иррациональных религиозных предпосылок, оправдание капитализма основывается на том, что труд является высшей ценностью и божественным призванием, следуя которому человек выполняет моральный долг. Этика отвергает наслаждение богатством, призывает сократить потребление и ориентирует человека использовать состояние в практически полезных целях [12]. Классическое моральное оправдание капитализма сформировалось на основе следующих ценностных установок: развитие капитализма, во-первых, способствует значительному росту производства, торговли, что улучшает всеобщее благосостояние; во-вторых, значительное накопление капитала, их постоянная циркуляция используется в поддержании экономического роста.

Социологи Л. Болтански и Э. Кьяпелло развили идею морального оправдания и сделали ее неотъемлемой составляющей этапа «третьего духа капитализма», который наступил в условиях распространения сетевой модели капитализма в конце XX столетия. Современный дух капитализма отражает динамичное сочленение концептов капитализма и его критики, возникшей на волне роста социального пессимизма. Рост таких настроений свидетельствует о наступлении фазы сжатия и необходимости модернизации капиталистической системы. Чаще всего кризис морального оправдания капитализма связан с обостре-

нием многих социальных вопросов, что показали события во Франции в мае 1968 г. Для большей жизнеспособности капитализму стал необходим компромисс между стремлением к накоплению капитала и требованиями социальной справедливости, что потребовало формирования приемлемой системы ценностей. Капитализм не только обновляет идеологическую подоплеку и наполняет его новым ценностным смыслом для оправдания вовлеченности в капитализм, но и стремится предоставить конкретные социальные гарантии для мобилизации производительных сил. В систему ценностей обновленного духа капитализма, помимо традиционного служения общему благу, включаются его оправдание через связь экономических и политических свобод (либерализация наемного труда как способа для самореализации и выражения воли) и следование принципам социальной справедливости. В результате сформировалась совокупность моральных оправданий капиталистического мироустройства, благодаря которым капитализм предстает как единственно возможный и желанный тип мирового устройства. Принятие ценностей морального оправдания означает, что индивид становится частью капиталистического мироустройства [9].

В результате проведенного социологического анализа можно сделать вывод, что существует конфигурация признаков сетевого капиталистического мироустройства, к которым относятся:

а) сетевая модель разделения труда, диверсификация трудовых отношений; б) образование горизонтальных мультинациональных корпораций; в) новые модели менеджмента, обеспечивающие глобальное управление в режиме реального времени; г) высокие технологии, способствующие образованию и распространению экономических и социальных сетей; д) переход от массового к гибкому производству; е) новый дух капитализма, обеспечивающий его моральное оправдание.

Материалом для устойчивого воспроизводства капитализма служат наличные знания, появившиеся в результате примитивных рыночных форм обмена и укоренившиеся в повседневных структурах. Капитализм мобилизует данные наличные знания, благодаря которым индивид органично ощущает себя единицей капиталистического мироустройства. Еще один механизм, обеспечивающий воспроизводство, – это разделение труда, производящее социальный и экономический эффект путем создания чувства социальной солидарности. В сетевом капиталистическом мироустройстве это международное разделение труда, объединяющее экономических и социальных агентов в сети по всему миру. Способы оправдания сетевого капиталистического мироустройства коренятся в обновленном духе капитализма, базирующегося на личной мотивации человека. Дух капитализма представляет собой совокупность связанных с капиталистическим мироустройством верований, которые способствуют его моральному оправданию и поддерживают (через их легитимацию) нужную ему модель экономического поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bauman Z. *Liquid modernity*. Cambridge : Polity Press, 2000.
2. Бродель Ф. *Динамика капитализма*. Смоленск : Полиграмма, 1993.
3. Шюц А. *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. М. : РОССПЭН, 2004.
4. Полanyi К. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб. : Алетейя, 2002.
5. Giddens A. *Runway World. How globalization is reshaping our lives*. London : Profile Books, 2002.
6. Кондратьев Н.Д. *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды*. М. : Экономика, 2002.
7. Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М. : Эксмо, 2007.
8. Вallerстайн И. *Миротестемный анализ: введение*. М. : Территория будущего, 2006.
9. Болтански Л., Кьяпелло Э. *Новый дух капитализма*. М. : Изд-во НЛЮ, 2011.
10. Зомбарт В. *Современный капитализм : в 2 т.* М. : Издание С. Скимунта, 1904–1905.
11. Давыдов Ю.Н. *Макс Вебер и современная теоретическая социология*. М. : Мартис, 1998.
12. Вебер М. *Протестантская этика и дух капитализма*. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013.
13. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда*. М. : Канон, 1996.
14. Кастельс М. *Информационное общество: экономика, общество и культура*. М. : ГУ-ВШЭ, 2000.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 18 мая 2015 г.

NETWORK MODEL OF CAPITALISTIC WORLD ORDER: WAYS OF REPRODUCTION AND JUSTIFICATION (SOCIOLOGICAL ANALYSIS)

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 32–37. DOI: 10.17223/15617793/396/5

Baeva Elena A. AG Partners PR (Moscow, Russian Federation). E-mail: bhelelena@gmail.com

Keywords: network model; capitalist world order; division of labor; great transformation; justification; spirit of capitalism.

The article considers the dynamics of capitalism in the context of the transition from an industrial to a network model using the conceptual tools of sociological theory. Modernization of the capitalist world order is carried out in a wave-like motion of the growth phase to the compression phase, and vice versa, accompanied by radical changes in the division of labor, upgrade of the spirit of capitalism, changes in organizational forms of labor and industrial relations. The network model of the capitalist world order is characterized by the following features: a) network model of the division of labor, diversification of labor relations; b) formation of horizontal multinational corporations; c) new management model providing global management in real-time regime; d) high technology promoting formation and distribution of economic and social networks; e) transition from mass to flexible production; f) new spirit of capitalism providing its moral justification. There are ways of reproduction of capitalism through the structures of everyday life and the mechanism of division of labor, as well as ways of its moral justification, to ensure its sustainable development. Material for sustainable reproduction of capitalism is knowledge which results from primitive forms of market exchange and roots in everyday structures. Capitalism mobilizes this knowledge by which the individual feels an organic unity of the capitalist world order. Another mechanism for reproduction is the division of labor which produces social and economic effect by creating a sense of social solidarity. In the network capitalist world order it is the international division of labor which combines economic and social agents in the network around the world. To mobilize the productive forces, capitalism needs effective methods of moral justification. The modern spirit of capitalism reflects the dynamic connection of the concepts of capitalism and its criticism which emerged in the wave of the growth of social pessimism. The system of values of the renewed spirit of capitalism, in addition to the traditional serving the common good, includes its justification through the link of economic and political freedoms, and adherence to the principles of social justice.

REFERENCES

1. Bauman, Z. (2000) *Liquid modernity*. Cambridge: Polity Press.
2. Braudel, F. (1993) *Dinamika kapitalizma* [The Dynamics of Capitalism]. Smolensk: Poligramma.
3. Shchyuts, A. (2004) *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected Works: World, Glowing with Sense]. Moscow: ROSSPEN.
4. Polanyi, K. (2002) *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: the political and economic origins of our time]. St. Petersburg: Aleteyya.
5. Giddens, A. (2002) *Runway World. How globalization is reshaping our lives*. London: Profile Books.
6. Kondrat'ev, N.D. (2002) *Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya. Izbrannyye trudy* [Big cycles of conjuncture and the theory of foresight. Selected works]. Moscow: Ekonomika.
7. Smith, A. (2007) *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [The Wealth of Nations]. Moscow: Eksmo.
8. Vallersteyn, I. (2006) *Mirosistemnyy analiz: vvedenie* [World-system analysis: introduction]. Moscow: Territoriya budushchego.
9. Boltanski, L. & Chiapello, E. (2011) *Novyy dukh kapitalizma* [The New Spirit of Capitalism]. Moscow: Izdatel'stvo NLO.
10. Sombart, W. (1904–1905) *Sovremennyy kapitalizm* [Modern Capitalism]. In 2 vols. Moscow: Izdanie S. Skirmunta.
11. Davydov, Yu.N. (1998) *Maks Veber i sovremennaya teoreticheskaya sotsiologiya* [Max Weber and contemporary theoretical sociology]. Moscow: Martis.
12. Weber, M. (2013) *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
13. Durkheim, E. (1996) *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the division of social labor]. Moscow: Kanon.
14. Castells, M. (Castells) *Informatsionnoe obshchestvo: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Society: Economy, Society and Culture]. Moscow: GU-VShE.

Received: 18 May 2015

TERRA NULLIUS И ОТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Эксплицируется эвристический потенциал концепта *terra nullius* («ничья земля»), который используется для описания динамики отношений власти в социальном пространстве. *Terra nullius* трактуется автором как пространственная лакуна, незаполненный смыслами элемент в структуре социального пространства. Основанием для применения данного концепта стали труды Г. Гроция, Ж.-Ж. Руссо, Г. Гегеля, Ф. Ницше и других авторов. Показано, что концепт *terra nullius* позволяет раскрыть новый теоретико-методологический горизонт философского исследования феноменов власти и социального пространства.

Ключевые слова: *terra nullius*; социальное пространство; физическое пространство; топос; гетеротопия; власть; дискурс.

В современной философской и гуманитарной мысли появляются концепты, которые позволяют исследовать пространство как гетерогенное, многомерное и многоуровневое образование. Структура пространства анализируется исходя из бинарных оппозиций «социальное – физическое», «частное – публичное», «сакральное – профанное», «обжитое – необжитое» и т.д. Исследуются и отдельные элементы социального пространства – топосы, маркирующие разрывы в его структуре: гетеротопия (М. Фуко), «третье место» (Р. Ольденбург), игровое пространство (Й. Хейзинга).

Целью настоящей статьи является экспликация многомерности и полисемантической концепта *terra nullius*, который может использоваться в философских исследованиях для описания топологических отношений в социальном пространстве.

Terra nullius – латинское выражение, происходящее из римского права и буквально обозначающее: «земля, не принадлежащая никому; ничья земля». В международном праве этот термин используется для обозначения пространства, свободного от действия европейских правовых норм и потому подлежащего «открытию», установлению в нем новых отношений власти, реорганизации и упорядочению. Ограничивая область подобных «свободных пространств», европейские государства очерчивали тем самым территорию, в пределах которой легитимировалось безоглядное применение насилия, и переносили на нее всю тяжесть внутриевропейских конфликтов. Показательно, что наиболее активно концепт *terra nullius* использовался в международно-правовом дискурсе в Новое время – эпоху, когда географические карты приобрели современный вид. Именно в эту эпоху западноевропейец, впервые преодолев локальность привычного мироустройства и столкнувшись с разверзшейся перед ним бездной открытых территорий, был вынужден выработать устойчивые навыки ментальной обработки пространства, рационально-технологического его освоения.

В международно-правовом дискурсе концепт *terra nullius* используется с позиций европоцентричной колониальной логики, как «пустое пространство», которое следует «открыть», захватить и использовать в интересах колонизаторов. Однако при рассмотрении той же самой географической реалии из перспективы автохтонного населения данная земля отнюдь не воспринимается в качестве «ничьей», но, напротив, обре-

тает целый спектр культурных смыслов и коннотаций. Европоцентричный взгляд на колонизируемое пространство – это попытка открыть уже открытое, дать номинацию тому, что уже было именовано, написать новую историю того, что уже обладает культурно-историческим смыслом.

Вместе с тем международно-правовая трактовка «ничьей земли» акцентирует немаловажный аспект и для философского понимания пространства: пространство представляет собой область борьбы различных перспектив, интерпретационных моделей реальности, каждая из которых стремится наделить тот или иной топос собственным смыслом. *Terra nullius* в международном праве есть результат этой смысловой борьбы за пространство, который свидетельствует о победе одной из сторон (европоцентричного дискурса).

Несмотря на то что концепт *terra nullius* применяется преимущественно в работах по международному праву, по своему эвристическому потенциалу он намного превосходит указанные рамки, служа наглядным примером возможности экстраполяции в область философского дискурса терминов из других областей научного знания (подобно концептам «трансгрессия», «сублимация», «ризома», «гетеротопия» и др.). В этом плане показательной является история термина «трансгрессия», первоначально означавшего наступление суши на море и употребившегося в геологических текстах для описания процессов, трансформирующих географическое пространство. Позднее, в постструктуралистской философии, данный концепт начал использоваться для характеристики социального пространства, пространства смыслообразования дискурса. По аналогии с рассматриваемыми процессами возможность укоренения концепта *terra nullius* в философском дискурсе связана, на наш взгляд, с его обширным семантическим потенциалом, способностью описывать не только географическое или физическое пространство, но и процессы, происходящие в социальном пространстве. Кроме того, данный концепт имеет важное методологическое значение, поскольку позволяет интегрировать разрозненные терминологические и концептуально неоднородные исследования пространства, в которых один и тот же пространственный феномен может описываться с помощью различных терминов. Представления о «ничьей земле» присутствуют в работах Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Ницше, Ж. Бодрийяра и многих других авторов. Однако дан-

ные представления во многом носят имплицитный характер, что обусловлено как отсутствием в философском дискурсе вплоть до XX в. разработанной методологии исследования социального пространства и концептуальных средств его описания (что справедливо для авторов прошлых эпох), так и отсутствием самой задачи его анализа.

Перенос международно-правового концепта в русло социальной философии предполагает его очищение от европоцентричных коннотаций, которое позволяет в максимальной степени раскрыть его эвристический и методологический потенциал и значительно расширить семантическое поле его употребления. Философский дискурс изобилует представлениями о «ничьей земле», которые употребляются зачастую на уровне метафор или описательных конструкций, нуждающихся в концептуализации. Так, Б. Рассел в качестве обширной, неизведанной и оспариваемой *terra nullius* рассматривает саму философию: «Между теологией и наукой имеется Ничья Земля, подвергающаяся атакам с обеих сторон; эта Ничья Земля и есть философия» [1. С. 7]. При этом перед нами возникает задача: вскрыть за метафорическим значением концептуальное, перейти от пространства-образа к пространству-концепту.

Важнейшая эвристическая функция концепта *terra nullius* заключается, на наш взгляд, в том, что он позволяет вскрыть онтологический источник динамики социального пространства, осмыслить его как сложноорганизованную систему, развивающуюся не только путем кризиса (революции, войны и т.д.), не только путем деструкции уже сложившихся структур, но и благодаря обращению к областям потенциальных смыслов. Наличие в структуре социального пространства «ничьей земли» – неорганизованных, неоформленных, не подчиненных отношениям власти топосов социального пространства – позволяет описать его динамику через обращение к «нулевому означаемому», элементу, еще не наделенному устойчивым смыслом. Таким образом, социальное пространство понимается нами как сложное гетерогенное образование с наличествующими в его структуре разрывами.

Подобно гетеротопии, представляющей собой разрыв в повседневном бытии человека [2. С. 196], *terra nullius* может служить для характеристики прерывности, трансгрессивности социального пространства. Однако, в отличие от гетеротопии, организованной, упорядоченной, структурированной, пусть и по иным правилам, нежели соседнее место, «ничья земля» – это неоформленный, неупорядоченный, нерасчлененный топос социального пространства. Если в гетеротопии происходит смешение социальных позиций, ролей и статусов при сохранении локализации и относительной закрытости этого топоса, то *terra nullius* обладает свойствами открытости и потенциальности. Гетеротопия может аккумулировать в себе время и историческую память (не случайно в качестве примеров гетеротопий М. Фуко приводит музеи, библиотеки, кладбища [2. С. 198, 201]), тогда как *terra nullius* подобна локковской «чистой доске», на которой истории еще только предстоит начертать свои письмена.

В отличие от Фуко, сконцентрировавшего свой анализ отношений власти в социальном пространстве на топосах, в которых господствуют отношения дисциплины, исчисляемости, муштры и всеподнадзорности (тюрьмы, больницы, образовательные учреждения), мы полагаем необходимым осуществить анализ и тех топосов, которые являются лакунами власти, пробелами в сети властных отношений.

Таким образом, в структуре социального пространства постоянно происходит «открытие» или производство новых топосов, еще не ассимилированных отношениями власти, топосов, в которых не действуют традиционные социальные нормы. Эти пространственные лакуны подлежат ассимиляции со стороны отношений власти и встраиванию в систему иерархий, циркулирующих в социальном пространстве, что способствует поддержанию равновесия всей системы или приводит к ее реорганизации. Так, физическое пространство может быть осмыслено не в качестве «естественной основы» социального, но его продукта, топоса, исключенного из определенной системы уже сложившихся социальных позиций и отношений и подлежащего встраиванию в эту систему.

Социальное пространство, как и физическое, может быть конституировано вещами, но этим вещам придается социально значимые смыслы. В строгом смысле слова, чисто физического пространства, лишенного социального значения, социально-культурных смыслов, ценностной окраски, не существует, ибо любой физический феномен воспринимается человеческим сознанием через призму социального. Так, один и тот же феномен физического пространства, один и тот же физический артефакт приобретает для представителей разных профессий и культур, носителей различных социальных статусов различные смыслы: дерево в лесу может выступать как объект эстетического восприятия (для художника, туриста, путешественника), строительный материал (для лесника), препятствие (для бегуна), объект поклонения (для язычника) и т.д. Объекты физического пространства становятся, таким образом, своеобразным «полем столкновения» различных дискурсов, «бытийно-смысловых перспектив» [3], каждая из которых стремится наделить его собственным смыслом, собственной интерпретацией. Если мы рассмотрим такую отличительную особенность физического и социального пространств, как наличие границ, то обнаружим проблематичность их естественного характера, поскольку даже природные, географические границы были открыты, обнаружены и проведены человеком, т.е. носят не «естественный», но конструктивный характер: «Различия, произведенные посредством социальной логики, могут, таким образом, казаться рожденными из природы вещей (достаточно подумать об идее “естественных границ”）」 [4. С. 50].

Terra nullius, следовательно, не должна пониматься исключительно в качестве чисто физической данности. «Ничья земля» представляет собой лакуну в определенной интерпретационной модели реальности, не заполненный смыслами элемент в структуре социального пространства. Анализ территориальной

структуры социального пространства используется нами в качестве исследовательского приема, позволяющего раскрыть взаимосвязь и взаимопроникновение физической территории и социальных смыслов. Само понятие «территория» представляет собой не физический, но социальный феномен, выражающий символические связи в социальном пространстве. Физические, территориальные элементы могут, маркируя социальные структуры, выражать отношения господства и подчинения в социальном пространстве (такие феномены, как флаг, изгородь, колючая проволока, выполняют зачастую чисто символическую функцию, обозначая ассимилированный или изолированный статус маркируемого ими пространства). Как и в случае с самим социальным пространством, концепт *terra nullius* может служить примером проекции ментальных конструктов в область топологических. Исследование физической территории в качестве *terra nullius* призвано, следовательно, прояснить, как эта территория аккумулирует социальные смыслы и влияет на динамику социальных отношений.

Для удержания данного топоса в сложившейся системе социально-пространственных отношений необходимы определенные условия, что было отмечено уже Ж.-Ж. Руссо. Мыслитель выделяет три условия, позволяющие узаконить право первой заимки на участок земли: во-первых, данный участок должен быть незаселенным; во-вторых, занимать следует пространственный участок в соответствии с собственными потребностями в пропитании; в-третьих, важнейшим условием удержания «ничьей» земли является ее расчистка и обработка (и здесь философ вторит Г. Гроцию, утверждавшему, что «нельзя считать занятым то место, которое не обрабатывается» [5. С. 211]). «Достаточно ли ступить ногою на общий участок земли, чтобы провозгласить себя тотчас же его хозяином? <...> Как может человек или народ завладеть огромною территорией, лишив человеческий род этой территории, иначе, как не в результате наказуемого захвата, поскольку этот акт лишает других людей мест обитания и источников существования, которые природа дает им всем в общее пользование?» – вопрошает Руссо, подчеркивая важность установления господства над территорией, ибо именно оно обеспечивает власть и над проживающими на ней людьми. [6. С. 165–166]. Таким образом, в трактовке Руссо, «ничья земля» – не просто безлюдная территория, но топос, который подлежит окультуриванию и для удержания которого необходимо постоянное вовлечение его в процесс труда. Так понятая *terra nullius*, выражаясь гегелевской терминологией, представляет собой лишь момент, подлежащий снятию («*Aufhebung*»), онтологически не самодостаточный феномен социальной тотальности.

Следует выделить пространственные и временные аспекты употребления концепта *terra nullius*.

В пространственном аспекте *terra nullius* есть исходный топос конституирования новых социальных и культурных отношений, область, в рамках которой не действуют сложившиеся социальные нормы. Это пространство «по ту сторону линии» (К. Шмитт), остаю-

щееся за пределами «правовых, моральных и политических оценок». В этом смысле «ничья земля» может быть уподоблена естественному состоянию общества (Т. Гоббс, Дж. Локк). К. Шмитт выделяет два вида подобных «свободных» пространств, характерных для эпохи Нового времени: во-первых, сухопутное пространство Нового Света (Америка) и, во-вторых, морское (океаническое) пространство [7. С. 87]. Представление об Америке в качестве *terra nullius* далеко не случайно: согласно хрестоматийному выражению Дж. Локка, «вначале весь мир был подобен Америке» [8. С. 290]. Первыми переселенцами-колонистами американская земля воспринималась в качестве пространства, лишённого истоковости и традиций, множественных смыслов и интерпретаций, исторических и социокультурных коннотаций, а потому представляющего собой лишь чистую потенциальность, объект для извлечения прибыли. Отсутствие привязки к земле, ощущения своей причастности ее историческому прошлому (да и нивелирование этого прошлого как такового) способствовало активизации миграционных потоков на этой вновь открытой территории: «Никакой традиции! Никакого старого дела! Все должно быть вновь создано, как бы из ничего. Никакой связи с местом: на чужбине всякое место одинаково безразлично или, раз выбранное, его легко меняют на другое, когда оно дает больше шансов наживы» [9. С. 376].

Неоформленность, неопределенность морской стихии, отсутствие в ней четкого порядка и строгой локализации также позволяют ей выполнять функцию «ничьего пространства». Следует подчеркнуть особый статус моря в знаменитых утопических произведениях: и Т. Мор в «Утопии», и Т. Кампанелла в «Городе солнца» и Ф. Бэкон в «Новой Атлантиде» локализируют идеальный социальный порядок за морем, на острове. Море выступает в данном случае в качестве топоса, разделяющего два различных социально-политических порядка: совершенный и несовершенный, актуальный и потенциальный, справедливый и несправедливый. Однако море выполняет функцию не только демаркационной зоны, но и пограничного топоса, *связывающего* разнородные социальные порядки. На эту объединяющую функцию морской (и – шире – водной) стихии задолго до появления геополитических концепций Ф. Ратцеля, А. Мэхэна, К. Шмитта указывал еще Г.В.Ф. Гегель: «Море вызывает в нас представление о чем-то неопределенном, неограниченном и бесконечном, и когда человек чувствует себя в этой бесконечной стихии, то это внушает ему стремление выйти за пределы ограниченного; море призывает человека к завоеваниям, к разбою, а также и к наживе, к приобретению; низменность прикрепляет человека к земле; благодаря этому он становится зависимым в бесконечном множестве отношений; но море выводит его из этих ограниченных сфер» [10. С. 135].

Водное пространство – это не только посредник для осуществления торговли и важнейшее коммуникативное звено, но и стихия неизвестности и хаоса. Таким предстаёт океан в работах Ф. Ницше: «Мы покинули сушу и пустились в плавание! Мы снесли за

собою мосты – больше, мы снесли и саму землю! Ну, кораблик! Берегись! Вокруг тебя океан: правда, он не всегда ревет и порою лежит, словно шелк и золото, греза о благе. Но наступит время, и ты узнаешь, что он бесконечен и что нет ничего страшнее бесконечности. О, бедная птица, жившая прежде на воле, а нынче бьющаяся о стены этой клетки! Горе тебе, если тебя охватит тоска по суше и дому, словно бы там было больше свободы, – а “суши”-то и нет больше!» [11. С. 439]. Метафора океана у Ницше служит для обозначения пространства, лишённого стабильного и надежного основания, области хаоса, неизвестности, динамики и становления. Океан символизирует мир, лишённый метафизического первоначала, высшей трансцендентной власти, единой универсальной субстанции, и одновременно пространство рождения новой философии. В современном мире происходит тотальная трансгрессия пространства – культурного, духовного, социального, метафизического. Это пространство утрачивает высший, скрепляющий его метафизический смысл, но вместе с тем в этом «открытом море» (Ф. Ницше) человеку предстоит обрести новые смыслы и ценности.

Кроме того, концепт *terra nullius* может употребляться не только в пространственном, но и во временном значении, обозначая некий «нулевой» период истории, доисторическое или внеисторическое состояние общества. При этом следует подчеркнуть тесную взаимосвязь временного и пространственного смыслов данного концепта: пространство является «ничьим», поскольку не аккумулировало исторические традиции, не накопило богатого исторического наследия. Это топос, еще не вовлеченный в мировой исторический процесс, не нагруженный историческими смыслами и потому представляющий собой чистую потенциальность, открытую для будущего. Тем самым отрыв от общемировой цивилизации трактуется не как недостаток или ущербность, но, скорее, как преимущество «ничьей земли», предоставляющее ей значительный исторический шанс. *Terra nullius* – это территория будущего, не отягощенная ошибками прошлого. Социокультурное «открытие» этой территории и встраивание ее в европоцентричный порядок предполагает «обнуление» исторического времени, в котором она существовала до сих пор. С позиций линейной исторической модели, существующей в рамках европоцентризма, статусом *terra nullius* могут быть наделены «архаичные» топосы социального пространства, не вписывающиеся в систему европоцентристского исторического дискурса и создающие тем самым «очаги напряжения» для «передовых» народов. В качестве подобной «ничьей земли», выпавшей из всемирного исторического процесса, Г. Гегель рассматривает пространства Америки и Сибири [10. С. 132, 143]. Как отмечает А. Эткинд, «в рассуждениях русских философов и критиков *terra nullius* – скорее исторический период, чем определенная территория» [12. С. 147]. Потенциальность российского пространства, выявленная П.Я. Чаадаевым, Н.И. Надеждиным, И.М. Ястребцовым, становится впоследствии

одним из лейтмотивов русской философии и культуры. Мысль о скрытом, нереализованном потенциале России была расценена Н.А. Бердяевым как последовательное выражение «русской мессианской идеи». К.Н. Леонтьев считал даже необходимым «подтормозить Россию», чтобы она не повторяла ошибок далеко зашедшего по пути прогресса Запада. Впоследствии эта мысль преломляется в стремление, избежав повторения фаз общественного развития, пройденных западноевропейским социумом, «перепрыгнуть» сразу на более высокую ступень развития. Таким образом, речь идет об области смысловой и идентификационной неразличимости, позволяющей «с чистого листа» реализовать самые смелые исторические замыслы.

Подводя итоги настоящей статьи, затронем вопрос: как возможно в современную эпоху, когда, по выражению К. Хаусхофера, «на планете уже нет ничьей земли» [13. С. 276], существование топосов, которые могут претендовать на статус *terra nullius*? Безусловно, сложившаяся в современном обществе система социальных отношений привела к такому тесному взаимодействию всех агентов, что даже региональные пространственные конфликты моментально перерастают в статус общемировых (примером чего может служить военный конфликт в Донбассе и Луганске). Как справедливо отмечает К. Шмитт, «никто не является *alius* (посторонним. – Н.Б.), когда под вопрос ставится общее пространство и охватывающий всех пространственный порядок» [7. С. 244]. Рождение «ничьей земли» и установление в ней нового центра власти ставит под сомнение равновесие всей существующей системы властных отношений. Поэтому в условиях современного общества для сохранения власти над физической территорией необходимо придать этой территории новый смысл в рамках определенного дискурса. Иными словами, для удержания или присвоения пространства, понимаемого в качестве физической реалии, с принадлежащими ему природными ресурсами, инфраструктурным потенциалом, социокультурным и человеческим капиталом необходимо конструирование знаковой идентичности этого пространственного элемента, осмысление и интерпретация его в рамках нового пространственного поля. Захвату или разделу географической территории предшествует конструирование дискурса, в структуре которого она наделяется определенным смыслом и получает определенную номинацию (к примеру, обозначения «ДНР» или «Донецкая область Украины») относятся к одной и той же географической реалии, однако за ними стоят различные политические дискурсы). Тем самым конфликт между агентами социального пространства переносится в информационное поле, в рамках которого и конституируется *terra nullius*, подлежащая захвату. Динамика социального пространства в современном мире заключается в перманентном конституировании новых его элементов – политического, экономического, информационного, виртуального и прочих пространств, служащих усилению действующих субъектов власти и порождению новых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рассел Б. История западной философии : в 2 т. М. : МИФ, 1993. Т. 1. 509 с.
2. Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.
3. Фаритов В.Т. Онтологический статус феномена дискурса // Эпистемология и философия науки. 2014. № 1. С. 124–136.
4. Бурдьё П. Социология социального пространства. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. 288 с.
5. Гроций Г. О праве войны и мира. М. : Ладомир, 1994. 868 с.
6. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М. : Наука, 1969. 704 с.
7. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб. : Владимир Даль, 2008. 670 с.
8. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. 668 с.
9. Зомбарт В. Собрание сочинений : в 3 т. СПб. : Владимир Даль, 2005. Т. 1. 637 с.
10. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993. 479 с.
11. Ницше Ф. Веселая наука // Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Культурная революция, 2014. Т. 3. С. 313–597.
12. Эткнд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
13. Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // Классика геополитики, XX век. М. : АСТ, 2003. С. 227–598.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 26 апреля 2015 г.

TERRA NULLIUS AND POWER RELATIONS IN SOCIAL SPACE

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 38–42. DOI: 10.17223/15617793/396/6

Balakeets Natalia A. Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: bnatalja@mail.ru

Keywords: terra nullius; social space; physical space; topos; heterotopia; power; discourse.

The aim of the article is to explicate the multidimensional and polysemantic character of the concept “terra nullius” (“no man’s land”) which can be used to describe the topological relationships in the social space. Social space is permeated by power relations interpreted not as a purely political, but as an ontological phenomenon that pervades all areas of social life. One of the concepts based on the understanding of social space as a network of interdependent elements is “terra nullius”. Terra nullius is a Latin expression that comes from Roman law and literally means “the land that does not belong to anyone; no man’s land”. Despite the fact that the concept “terra nullius” is mainly used in works on international law, in its heuristic potential it is beyond the scope of the international law. Notions of “no man’s land” are present in the works of H. Grotius, T. Hobbes, J. Locke, J.-J. Rousseau, C. Schmitt, F. Nietzsche and other authors. Terra nullius should not be understood exclusively as a purely physical reality. The author treats the “no man’s land” as a lacuna in an interpretation model of reality, a semantically incomplete element in the structure of social space. In the spatial aspect, terra nullius is a topos which allows constitution of new social and cultural relations, an area in which there are no established social norms. This space “beyond the line” (C. Schmitt) remains outside the “legal, moral and political evaluations”. In this sense, the “no man’s land” can be likened to the state of nature (T. Hobbes, J. Locke). The article on the material of the works of G. Hegel, F. Nietzsche, W. Sombart describes two types of these “free” spaces: firstly, the land area of the New World (America) and, secondly, marine (ocean) space. In addition, the concept “terra nullius” may be used not only in spatial but also in temporal sense, indicating a null-period of history, prehistorical or non-historical state of society. The close relationship of temporal and spatial meanings of this concept should be emphasized: the space belongs to nobody because it has not accumulated historical traditions and rich historical heritage. This topos has not yet been involved in the world historical process, not laden with historical meanings; therefore, it represents a pure potentiality that is open for the future. The constitution of the “no man’s land” and the establishment of a new center of power within casts doubt on the balance of the existing system of power relations. Therefore, in today’s society to hold or appropriate the space understood as a physical reality, with all its natural resources, infrastructure capacity, socio-cultural and human capital, it is necessary to construct a sign identity of this space element, to understand and interpret it in a new spatial field.

REFERENCES

1. Russell, B. (1993) *Istoriya zapadnoy filosofii* [The History of Western Philosophy]. Vol. 1. Moscow: MIF.
2. Foucault, M. (2006) *Drugie prostranstva* [Other Places]. In: Foucault, M. *Intellektualy i vlast': Izbrannyye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews]. Pt. 3. Moscow: Praksis.
3. Faritov, V.T. (2014) Ontological status of the phenomenon of discourse. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 1. pp. 124–136. (In Russian).
4. Bourdieu, P. (2007) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; St. Petersburg: Aleteyya.
5. Grotius, H. (1994) *O prave voyny i mira* [On the Law of War and Peace]. Moscow: Ladomir.
6. Rousseau, J.-J. (1969) *Traktaty* [Treatises]. Moscow: Nauka.
7. Schmitt, C. (2008) *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [The Nomos of the Earth in the International Law of Jus Publicum Europaeum]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
8. Locke, J. (1988) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
9. Sombart, W. (2005) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
10. Hegel, G.W.F. (1993) *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the Philosophy of History]. St. Petersburg: Nauka.
11. Nietzsche, F. (2014) *Veselaya nauka* [The Gay Science]. In: Nietzsche, F. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 3. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
12. Etkind, A. (2013) *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal Colonization. Russia's Imperial Experience]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
13. Haushofer, K. (2003) *Granitsy v ikh geograficheskom i politicheskom znachenii* [Borders in their geographical and political meaning]. In: Korolyov, K. (ed.) *Klassika geopolitiki, XX vek* [Classical geopolitics of the twentieth century]. Moscow: AST.

Received: 26 April 2015

МУЗЫКАЛЬНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК РЕЧЕВОЙ АКТ

Рассматривается музыка с точки зрения теории речевых актов, исследуется одна из ключевых сторон музыкального искусства – исполнение – и проводится сопоставление музыкального исполнения и высказывания как речевых актов. За основу берутся труды Дж. Остина и Дж. Серля, анализируются основные определения речевых актов, их ключевые особенности, проводятся параллели с актом музыкального исполнения и выявляются сходства и различия на основе трудов М. Бонфельда. По итогам анализа делаются выводы о специфике музыкального исполнения как высказывания.

Ключевые слова: речевой акт; музыкальное высказывание; интенциональность; адресат; контекст.

Поиск определения специфики музыкального языка представляет большой интерес для современной науки. Феномен музыкальности человеческого существа с древних времен служит предметом философских исследований и размышлений. Вопросы о том, какую роль музыка играет в социальном взаимодействии, как происходит процесс смыслообразования в музыкальном языке, являются актуальными для современной философии, в частности для философии языка. Целью данной статьи является исследование музыкального исполнения как акта коммуникации, определение понятия музыкальной речи и его корреляции с понятием языка.

Для того чтобы рассмотреть значение речи в языке, мы обратились к теории речевых актов Дж. Остина и его последователя Дж. Серля. Стоит сразу уточнить, что эта концепция была построена исключительно на высказываниях так называемого естественного, или вербального, языка. Чтобы точнее определить понятие музыкальной речи, в данной статье мы будем апеллировать к исследованиям М. Бонфельда [4], который в своих трудах рассматривал взаимосвязь понятий языка и речи и реконструировал процессы смыслообразования в музыке. Он оспаривает взгляд на речь как на средство объективации языка и доказывает существование речи на неязыковой основе. Бонфельд отталкивается от утверждения, что язык является результатом осуществленных речевых актов, следовательно, речь как средство коммуникации возникла раньше, чем язык. Мы представим основные тезисы теории речевых актов, проведем сравнение с языком музыки и выявим специфику музыкального высказывания.

Остин оспаривал представление о том, что язык имеет только описательную функцию. По его мнению, произнесенное высказывание способно не только констатировать факты, но и оказывать некоторое воздействие на ситуацию. «Высказывание предложения (конечно, в соответствующих обстоятельствах) не является *описанием* того, как было бы квалифицировано мое действие в результате произнесения высказывания, или *утверждением*, что я совершаю данный акт: произнесение высказывания и есть осуществление действия» [1]. Само же произнесение некоторого высказывания определялось Остином как речевой акт. Пустое несвязное произведение звуков речевым актом являться не может, для осуществления последнего обязательно должны присутствовать определенные

правила, наличие некоторого языкового кода, грамматики. Процесс придания осмысленности высказыванию включает в себя соотнесение с действительностью. Остин различает три типа речевых актов: локутивный – акт говорения или произнесения как таковой; иллокутивный – акт говорения, которому придается некоторая интенциональность, именуемая иллокутивной силой, высказывание, направленное на некоторую цель; перлокутивный – акт говорения, воздействующий на адресата, на его поведение или сознание с целью получения определенной реакции. В процессе осуществления речевого акта, по мнению Остина, должны участвовать говорящий и адресат (либо несколько адресатов), которые обладают некими общими языковыми правилами и представлениями об окружающей реальности. Также в речевом акте присутствует часть реальности, которая является предметом обсуждения, и контекст, т.е. обстановка высказываемой речи, без знания контекста правильная интерпретация цели высказывания становится невозможной.

Музыкальный язык является языком искусства, поэтому он в первую очередь реализует экспрессивную функцию, выражает отношение автора к действительности, а прочие функции, в том числе и описательная, становятся подчиненными. Вопрос, который мы хотим прояснить: можно ли считать музыкальное исполнение речевым актом? Бонфельд использует понятие внутренней речи как мысленного потока, который сам по себе не имеет языковой основы. При этом с точки зрения семиотики язык является посредником между мыслью и речью, он делит речь на некоторые значащие единицы. Поэтому речь на незнакомом языке является непонятным набором звуков. Понятие языка ставится в главенствующее положение по сравнению с речью или мышлением. Но действует ли эта формула в музыкальном языке так же, как и в вербальном? Бонфельд производит разделение потоков информации на вербальный и невербальный и утверждает, что они усваиваются человеком разными способами и не могут быть адекватно сопоставимы друг с другом. Автор утверждает, что музыка относится к невербальному способу передачи информации, в котором мышление и речь первичны по отношению к языку, да и самого языка в классическом семиотическом понимании в музыке не существует, поскольку нет возможности определить хоть сколько-нибудь стабильные знаковые образования.

При этом в музыке существует набор правил, определенных традиции, по которым осуществляется написание и исполнение. Эти правила усваиваются субъектами в процессе практики слушания, нарабатывается музыкальная грамотность.

Что касается соотношения с тремя типами речевых актов Остина, музыкальные высказывания, несомненно, можно отнести к локутивным речевым актам как говорение как таковое. Также мы без труда можем отнести музыкальные высказывания к перлокутивным речевым актам, поскольку музыка имеет своей целью воздействие на сознание и эмоциональную сферу слушателя для получения определенной реакции. Однако музыкальные высказывания нельзя отнести к иллюкутивным актам, поскольку последние предполагают определенное указание на цель, а в музыке найти подобное указание можно только в комментариях автора, если таковые вообще имеются. Так же как и в речевом акте Остина, в музыкальном речевом акте присутствует так называемая обсуждаемая часть реальности. Музыка отображает реальность таким образом, которым невозможно это сделать с помощью других способов. При этом невозможно с точностью определить предмет высказывания, говорящий и адресат могут иметь совершенно разные интерпретации, при этом ни одна из них не является неправильной. По мнению Бонфельда, контекст для музыкальной речи имеет решающее значение: если фрагмент произведения звучит вне его, то слушатель воспроизводит контекст, если он ему знаком, либо дорисовывает возможный в зависимости от наличия жанровых, стилевых черт, присущих данному фрагменту. Контекст как обстановка музыкальной речи значительно сужает круг возможных интерпретаций, но всё-таки не определяет их со всей ясностью. Он может быть зафиксирован в комментариях автора или при непосредственном участии в акте «исполнение – слушание».

Серль, развивая теорию речевых актов Остина, обратил внимание на связь интенциональных психических состояний субъекта и речевых актов. Он утверждает, что любое высказывание, устное или письменное, всегда является намерением сообщить что-то: «Если он воспринимает некоторый звук или значок на бумаге как проявление языкового общения (как сообщение), то один из факторов, обуславливающих такое его восприятие, заключается в том, что он должен рассматривать этот звук или значок как результат деятельности существа, имеющего определенные намерения» [2]. По мнению Серля, интенциональное состояние является залогом искренности и успешности выполнения речевого акта. То есть речевой акт является действующим выражением психического состояния субъекта во внешний мир. В своих исследованиях употребления метафор как речевых актов Серль выделяет два вида значений высказывания – буквальное и подразумеваемое. Буквальное значение он определяет как очищенное от всех субъективных намерений говорящего, т.е. значение высказывания самого по себе. Подразумеваемое значение, соответственно, – то, что говорящий субъект пытается передать адресату в процессе осуществления речевого

акта. Если совпадают буквальное и подразумеваемое, т.е. если субъект говорит именно то, что хотел сказать, то мы называем такое высказывание буквальным. А если между буквальным значением и подразумеваемым существует разница, то мы говорим о высказывании в переносном смысле, или метафоре. «Известно, однако, что подобная семантическая простота присуща далеко не всем высказываниям на естественном языке: при намеках, выпадах, иронии, метафоре и т.п. значение высказывания данного говорящего и значение соответствующего предложения во многих отношениях расходятся. Важный класс подобных расхождений составляют случаи, когда говорящий имеет в виду и прямое значение высказываемого им предложения, и, кроме этого, нечто большее» [3]. Для понимания метафоры адресат должен выстроить определенную интерпретацию, это значит, что успешность речевого акта, осуществленного путем метафорического высказывания, главным образом зависит от воспринимающего субъекта, он выбирает, как понимать метафору и какое значение больше соответствует ситуации.

В музыкальном языке психические состояния субъекта играют ключевую роль во всех отношениях. Как и в любом языке искусства, выражение внутреннего состояния во внешний мир происходит путем осуществления некоторого высказывания, или речевого акта. По мнению Бонфельда, музыкальное мышление является невербальной формой информации, которая транслируется слушателю при исполнении, а само исполнение всегда интенционально, направлено к слушателю, при этом фигуры слушателя и исполнителя могут быть одним и тем же субъектом. Таким образом, музыкальное исполнение в силу своей интенциональности может определяться как речевой акт. Что касается соотношения буквального и подразумеваемого значений, то между ними, как и в метафоре Серля, существует разрыв. Если очистить музыкальное высказывание от всех субъективных интенций говорящего, у нас останется только структура и грамматика, а обнаружить какое-то определенное буквальное значение в музыкальной речи не представляется возможным. Для понимания музыкального высказывания воспринимающий субъект должен применить свои модели интерпретации, решить, какое значение придать тому, что высказывается в процессе музыкального речевого акта. И здесь не может существовать неверной интерпретации, особенно если отсутствуют комментарии автора, исполнение и восприятие абсолютно субъективны, а их совпадение может определяться только интуитивно.

Итак, подводя итоги, мы можем определить музыкальное исполнение как некую объективацию музыкального мышления. Опираясь на тезис Бонфельда о том, что музыка является невербальной информацией, а также на то, что музыкальное исполнение является грамматически обусловленным произведением определенного набора звуков, подчиняется определенным правилам и традициям, которые усваиваются субъектами, участвующими в акте «исполнение – слушание», можно заключить, что музыка является речью

на неязыковой основе. При этом исполнение всегда направленное на слушателя, следовательно, является интенционально, представляет собой сообщение, речевым актом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 22–129. URL: http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_1.htm (дата обращения: 6.04.2015).
2. Серль Дж.П. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986 (1). С. 151–169. URL: <http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/i2.htm> (дата обращения: 6.04.2015).
3. Серль Дж.П. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986 (2). С. 195–222. URL: http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_5.htm (дата обращения: 6.04.2015).
4. Бонфельд М. Музыка: Язык. Речь. Мышление. Вологда : Вологодская областная универсальная научная библиотека, 1999. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/bon/fel/bonfeld/01.htm> (дата обращения: 8.04.2015).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 27 апреля 2015 г.

MUSICAL STATEMENT AS A SPEECH ACT

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 43–45. DOI: 10.17223/15617793/396/7

Silinskaya Anna S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Gella5@yandex.ru

Keywords: speech act; musical statement; intentionality; addressee; context.

The purpose of this article is research of the specifics of musical art as language, comparison of musical performance with speech on the basis of the speech act theory of J. Austin and J. Searle. The author solves the following tasks: - outlining the main theses of the speech act theory of J. Austin, defining the speech act itself and determining its characteristics, drawing parallels between a speech act and musical performance, revealing similarities and distinctions of the speech act and the musical statement on the basis of the carried-out comparative analysis; considering J. Searle's additions to development of the theory of speech acts and his research of metaphor as art discourse, comparing Searle's concepts of speech act and metaphor with the phenomenon of musical performance, revealing similarities and specifics of musical performance as a statement on the basis of the carried-out comparison. The author specifies that the theory of speech acts was constructed only for statements of the so-called natural or verbal language. In this article, music is understood as a language having certain rules, grammar, and musical performance is referred to as a musical statement or musical speech. Austin defines pronouncing a statement as a speech act, there necessarily have to be certain rules, a language code, grammar. The sounds made in the process of the musical statement are necessarily subject to certain rules, therefore, the musical statement can be defined as the speech act. Unlike the verbal speech act of Austin, musical speech does not need the addressee. As well as in the speech act of Austin, a musical speech act has the so-called discussed part of reality, but it is impossible to define the subject of the statement with an accuracy. Searle, in turn, pays attention to the role of intentional conditions of the subject. In his opinion, a speech act is the operating expression of a mental condition of the subject in the outside world. In his research of the use of metaphors as speech acts, Searle allocates two types of meanings of the statement – literal and implied. If literal and implied meanings coincide, we call such a statement literal. If they differ, a statement is figurative or a metaphor. The role of the perceiving subject is most important for the understanding of a metaphor. In musical language, mental conditions of the subject play a key role, as well as in all languages of art, expression of internal state in the outside world happens by implementation of a statement or a speech act. As for the correlation of literal and implied meanings, it is possible to say that musical language, from the point of view of Searle's theory, has an exclusively metaphorical character.

REFERENCES

1. Austin, J. (1986) Slovo kak deystvie [The word as action]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 17. pp. 22–129. [Online]. Available from: http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_1.htm. (Accessed: 06th April 2015).
2. Searle, J.R. (1986a) Chto takoe rechevoy akt? [What is a speech act?]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 17. pp. 151–169. [Online]. Available from: <http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/i2.htm>. (Accessed: 06th April 2015).
3. Searle, J.R. (1986b) Kosvennyye rechevye akty [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 17. pp. 195–222. [Online]. Available from: http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_5.htm. (Accessed: 06th April 2015).
4. Bonfeld, M. (1999) *Muzyka: Yazyk. Rech'. Myshlenie* [Music: Language. Speech. Thinking]. Vologda: Vologodskaya oblastnaya universal'naya nauchnaya biblioteka. [Online]. Available from: <http://www.booksite.ru/fulltext/bon/fel/bonfeld/01.htm>. (Accessed: 08th April 2015).

Received: 27 April 2015

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 81.1;008:361

Д.И. Иванов

СПЕЦИФИКА ПОСТКОНТРАКУЛЬТУРНОЙ ЭПОХИ РУССКОГО РОКА

Рассматриваются общие вопросы трансформации «героического» типа рок-эстетики на рубеже XX–XXI вв., определяются специфика постконтракультурной эпохи русской рок-культуры и качественные особенности основных форм рок-искусства, сформировавшихся и функционирующих в современном социокультурном пространстве.

Ключевые слова: рок-культура; рокапопс; постконтракультурная эпоха русского рока; личность рок-музыканта; массовая культура.

К началу 1990-х гг. большинство отечественных рок-музыкантов осознают, что «героическая» (1980-е гг.) эпоха русского рока завершилась, если так можно выразиться, «ничем» [1]. Главная цель, которую ставили перед собой рок-поэты (разрушение системы подавления личности и возрождение духовных идеалов потерянного поколения), так и осталась недостигнутой. Это обусловлено прежде всего тем, что деструктивный пафос контракультурного варианта рок-культуры постепенно приобретает свойства тотальности и начинает разрушать русский рок изнутри. Дело в том, что «контракультура, существуя в форме пародии, критики на официальную культуру, выполняет а) разрушительную функцию, поскольку она сдерживает, подавляет или препятствует развитию официальной культуры; б) революционизирующую функцию, так как способствует обновлению в период стагнации общества и культуры» [2. С. 124–125].

Обесмысливается категория романтического бунта, направленного на победу любой ценой. Абсурдность этой борьбы обусловлена тем, что не определен объект противостояния (фактически он отсутствует); сама рок-культура становится частью «враждебной» системы, голосом иллюзорных перемен. Кроме того, в сознании рок-поэтов «победа» и «беда» (Ю. Шевчук), «торжество» и «поражение» (Е. Летов) отождествляются. В результате тотальный протест, направленный на «торжество» свободы и духа, стремление к духовным и социальным переменам, обернулся тотальным «поражением» «рок-героев», определившим дальнейший вектор развития всей рок-культуры, который можно назвать путем саморазрушения: «А в дурдоме сегодня снова танцы. Oh! Yes! / А после всей тусовки мы пойдем на выборы. / Ах, что за сексапил этот кандидат, / Он похож на солиста моей любимой группы! / Я да ты, да мы в натуре пацаны, / Еще две пробки “спрайт”, и мы получим призы: / Путевку на Багамы, крутую рэп-кассету / И солнцезащитные очки! / Ты прав! Оторвись сегодня до утра! / Киндер-сюрприз, Мумий Тролля, М с медведями и Шура, / Не забудь, предохранись – все равно не будет мамы...» [3. С. 160–161].

Дестабилизация центральных для «героической» эстетики русского рока категорий «победа» и «романтический бунт» закономерно приводит к дискредитации понятия «контракультура», которое начинает восприниматься как нечто искусственное: «Контракульту-

ра как стиль, например, плевок на стене. / Революция как модный прикол, лозунги дискотек. / Капля крови на лезвии мылит шею петле. / Жаль, не домылила – стало б меньше соплей да гнилых телег. / Весь мир – дерьмо, цель – гастроном, а по роже – чисто Курт Кобейн. / Ручки чешутся у твари пострелять прохожих Ульрихой. / Знать, дрожащая попалась. Помечтала? Обломалась? Жри портвейн, / С маманархией на пару сублимируй: “Панки хой”» [Там же. С. 166].

Одновременно с этим активизируются процессы нейтрализации романтической версии рок-эстетики и разрушения романтического типа сознания. Другими словами, кардинально меняется статус «рок-героев». Они становятся простыми людьми, такими как все: «Романтический герой в черном плаще / Покорил все сердца, / Захватил все места в хит-параде. / Но это в песнях, а в жизни у него ларек, / К нему по вечерам подъезжает дружок. На тачке. / С дружком, разумеется, бляди <...> Смерть уже продана – легко рифмовать / Словечки “насрать” и “умирать”, / Особенно, если делать это в майке с портретом Егора» [Там же. С. 54–55].

Все обозначенные выше процессы (духовный кризис, смена статуса рок-поэта, разрушение романтической версии рок-эстетики и т.д.) постепенно становятся необратимыми. Необратимость этих процессов обусловлена тем, что в начале 1990-х гг. начинается мощная интеграция русского рока в пространство массовой культуры, которая со временем начинает доминировать над другими культурными формами.

Прежде чем говорить о специфике интеграции русского рока в поле массовой культуры, необходимо обратить внимание на то, что в современной науке до сих пор не существует единого (универсального) определения «массовая культура» [4–7]. Это связано с тем, что она «включает в себя целых три понятия. Во-первых, “культуру” как особый характер продукта. Во-вторых, “массовость” как степень распространения продукта. В-третьих, “культуру” как духовную ценность» [8]. Особый интерес в контексте данного исследования вызывает третий аспект, так как процесс перехода русского рока в пространство массовой культуры сопровождается коренными трансформациями его духовно-эстетической платформы.

В науке существует два основных подхода к определению духовного потенциала массовой культуры. Первая группа ученых (Л. Уайт, А.Я. Флиер), опира-

ясь, прежде всего, на такие социальные функции массовой культуры, как «а) распространение и популяризация классического наследия; б) трансляция культурных смыслов от специализированной культуры к обыденному сознанию» [2. С. 127], считает, что массовая культура обладает достаточно высоким духовным потенциалом и представляет собой «закономерное следствие НТР, превращающей культуру в “планетарную”. Она не только не отвергает культурное наследие прошлого, но делает его лучшие образцы путем тиражирования и перевода на обыденный язык достоянием широких народных масс» [Там же].

Вторая группа исследователей (Х. Ортега-и-Гассет, Г. Маркузе, Н.А. Бердяев, Д. Белл) полагает, что массовая культура обладает крайне низким духовным потенциалом, а её основными свойствами являются «манипулирование сознанием масс, унифицирование человека – творца культуры, консервативность, ограниченность, примитивизм» [Там же]. Подобную точку зрения высказывает и А.Б. Гофман. Он считает, что массовая культура – это «особое состояние культуры в кризисный период общества, когда развивается процесс распада её содержательных уровней» [9. С. 64]. В результате массовая культура «лишается сущностного содержания и, в частности, традиционной морали» [8].

Другими словами, под массовой культурой понимается «не только “культура для всех”, но и “не вполне культура”» [2. С. 126], так как она «основывается не на образе, ориентированном на реальность, а на системе имиджей, воздействующих на бессознательную сферу человеческой психики. Массовая культура реанимирует низшие аспекты сознания и инстинкты, которые, в свою очередь, стимулируют этическую, эстетическую и интеллектуальную деградацию личности» [8].

Исходя из этого ученые выделяют следующие характерные черты массовой культуры: «1) общедоступность, упрощенность, легкость восприятия; 2) развлекательность, забавность; 3) сентиментальность, доминирование чувственного начала; 4) мифологизация и мистификация реальных процессов, происходящих в природе и в человеческом обществе; 5) примитивизация человеческих отношений, игра на самых низменных чувствах и побуждениях (вплоть до биологических инстинктов); 6) натуралистическое смакование секса, насилия, жестокости; 7) культ сильной личности, культ успеха; ориентация на искусственно создаваемые имиджи и стереотипы; 8) ставка на зрелищность» [2. С. 126].

Отдельно необходимо сказать о том, что массовая культура обладает сложной, многоуровневой структурой. Традиционно исследователи выделяют три основных уровня: «1) кич-культура (низкопробная, даже вульгарная культура); 2) медийная культура (культура “средней руки”); 3) арт-культура (массовая культура, не лишённая определённого, иногда даже высокого художественного содержания и эстетического выражения)» [8].

Заметим, что после изменения культурного статуса рока, обусловленного переходом в пространство

массовой культуры, формируются две специфические, разнонаправленные формы рок-культуры. Первая форма рок-культуры реализуется в рамках арт-культурного уровня. Представители этой «традиционной» формы рок-искусства пытаются возродить «потерянные» идеалы классического русского рока. Очевидно, что они не принимают «искусственную», симулятивную реальность, в которой невозможно отличить копию от оригинала, ложь от истины. Они отрицают псевдоискусство фонограмм и корпоративов и проповедуют «честное», свободное искусство, продолжая нести в мир слово правды и истины. Яркими представителями этой формы рока являются Ю. Шевчук («ДДТ»), К. Кинчев («Алиса»), Д. Ревякин («Калинов мост»), А. Васильев («Сплин»), Илья Черт («Пилот») и т.д. Приведем несколько характерных примеров, отражающих общую когнитивно-прагматическую направленность этой формы рока: «Он разевает свой рот, как карась на песке. / Он на сцене, а в глазах по голубой тоске. / А в глазах по тоске, по куску корочке в них. / Извивается и пляшет все-народный жених. / Главное – это знойная страсть, / Шаг влево, шаг вправо, лишь бы не упасть, / Главное – поза, секс, манера, / И ты будешь пророком, героем, примером. / Фонограмщик...» [10]; «У них стотысячные шоу для себя и для вас. / Они лажают под фанеру, всех вгоняя в экстаз. / Попсой быть очень круто, но запомни одно / Попытка выбраться оттуда кончится прыжком в окно. / Попса – розовая пасть голодного пса. / Они с гордостью носят имя славной попсы. / Под звезд удачно косят, но грызутся, как псы. / Их покровители крутые из-за их широких спин. / Торчат самоубийства и дешевый героин. / Они кичатся извращениями и грязным бельем. / Они избрали королеву и продали её. / Одурманенные рокеры, провалившись туда, / Растворяются, как в водке ключевая вода» [11].

Вторая форма рока, полностью «растворенная» в пространстве массовой культуры, формируется на уровнях медийной и кич-культуры [12. С. 4]. Она представляет собой специфическую, нарочито упрощенную, эклектичную, адаптированную для массового сознания, гибридную музыкальную, текстуальную, имиджевую форму. Важно, что это не только музыкальный стиль, образованный по принципам вторичного синтеза (искусственного смешения) элементов рок- и поп-культуры (попсы), но и отражение особого типа сознания человека, определяющего качественные особенности его мышления и поведения. Попса – это специфическое негативное определение музыкальной популярной культуры, сформировавшееся примерно в середине 1990-х гг. Это определение отражает общий низкий уровень современной поп-культуры, сформированный в результате активизации процессов тотальной примитивизации, стереотипизации и симуляции формы и содержания искусства массового потребления.

Такую форму рока мы будем называть *рокапопсом*. Считается, что впервые термин «рокапопс», как иронический аналог термина «поп-рок», предложил лидер группы «Мумий Тролль» Илья Лагутенко. За-

метим, что в современном социокультурном пространстве этот вид рока является доминирующей формой «рок-искусства».

Особое внимание необходимо обратить на то, что рокапопс, так же как и пространство массовой культуры, которое его «порождает», явление неоднородное. На наш взгляд, в настоящее время существует два основных варианта рокапопса. Причем каждый из них условно соотносится с определённым типом личности. В пространстве рафинированно-гламурного варианта рокапопса формируется «гламурный» тип личности рок-музыканта, а агрессивно деструктивный вариант воспроизводит «симулятивно-героический» тип личности. Важно, что оба варианта рокапопса генетически связаны друг с другом, так как представляют крайние формы реализации одного (общего) симулятивного состояния личности и культуры.

В рамках данного материала мы рассмотрим более подробно *рафинированно-гламурный вариант рокапопса («гламурный» тип личности рок-музыканта)*. Понятие «гламур» пришло в русский язык «из английского, в котором обозначало “магическое обаяние, шарм, внешний блеск, лоск” и первоначально функционировало как заимствование, не окончательно освоенное языком» [13. С. 186]. В настоящее время слово «гламурный» приобретает «чрезвычайно высокую сочетаемость, которая свидетельствует о распространении данного понятия на все сферы современной жизни: *Гламурный человек, ведущий, персонаж, журнал, проект, стиль, сюжет, роман, фильм, жизненный стандарт, образ жизни, образ, лоск, кайф, мир, миф; Гламурная дива, девушка, героиня, литература, жизнь, фотография, политика, вещь, ценность, реальность, тенденция <...> Гламурное направление в литературе, издание, искусство, мышление, сознание, бытие, существо, дитя*» [13. С. 186].

Исходя из этого, некоторые ученые, определяя сущность данного понятия, называют его «образом жизни» [14. С. 104] и воспринимают как особую «идеологему, внедряемую в систему национальных идеологических ценностей» [Там же. С. 106]. Причем её актуализация обусловлена прежде всего «общественно-политическими изменениями в обществе, произошедшими после развала СССР, “философия гламура” в некоторой степени заменила советскую идеологию. “Гламурный человек” – это продукт развития общества потребления (стиль жизни “гламурного человека” – потребление напоказ)» [13. С. 189–190]. Более того, «гламур» в современном социокультурном пространстве – это не только образ жизни, но и «основная форма мышления всей российской культуры нашего времени» [Там же. С. 186].

С.Л. Нистратова выделяет следующие особенности «гламурного человека» как особого типа личности: «1) тотальная вторичность и стереотипизированность сознания, стремление к полному соответствию, выбранному “идеалу”; 2) постоянный позитивный настрой; 3) зависимость от “авторитетного” мнения окружающих; 4) речь наполнена клишированными конструкциями и выражениями, стандартными репликами, взаимными комплиментами, выражениями вос-

торга, в соответствии с гламурным этикетом разговор часто носит поверхностный характер; 5) внутренний мир, собственное “я” должны быть глубоко спрятаны; 6) “избранность”; 7) “эсклюзивность”; 8) “правильность”; 9) “известность”» [Там же. С. 188–189].

Заметим, что большинство представленных характеристик получают особую актуализацию в рафинированном гламурном варианте рокапопса. На наш взгляд, самыми яркими представителями этого направления на современной рок-сцене являются группы «Мумий Тролль» (И. Лагутенко), «Звери» (Р. Зверь (Билык)), «Город 312», «Братья Грим» (К. Грим), «Ранетки», «Ляпис Трубецкой» и некоторые другие. Соответственно, лидеры этих рок-групп могут быть рассмотрены как специфические «гламурные» личности.

В рамках данного раздела мы не будем подробно описывать качественные особенности личности каждого рок-музыканта, так как для этого необходимо отдельное исследование. Мы ограничимся представлением общих особенностей гламурного направления рокапопса и формирующегося в его пространстве «гламурного» типа современной языковой личности (СЯЛ), которая состоит из четырёх основных компонентов: вербального, музыкального, артикуляционного и имиджевого.

Вербальный компонент в пространстве «гламурного» варианта рокапопса предельно упрощается (схематизируется). Причем этот процесс активизируется как на уровне формы, так и на уровне содержания. Структура вербального текста превращается в систему четких (коротких), максимально простых для восприятия фраз и отдельных слов. Одновременно с этим значительно снижается, а зачастую и полностью нивелируется семантическая валентность текста. Как правило, это связано с тем, что его основу составляют симулятивные, искусственно созданные образы. Приведем несколько характерных примеров: «У меня подружки из ближайших дискотек, / Взгляд скользит по парням с полуоткрытых век. / Фигура по “Плейбою”, белье Коко Шанель, / И что не девочка, то просто новая модель. / Алло, Попс! / Скажу, я не таясь. / Алло, Попс! Я выхожу на связь» [15]; «Здравствуй, девочка-попс. / Ты планету вращаешь рукой. / Здравствуй, девочка-попс. / По колено моря за кормой» [16].

«Всеядность» и принципиальная вторичность массовой культуры приводят к тому, что вербальный компонент превращается в набор стереотипных, овеществленных формул. Строительным материалом «оригинального» поэтического рок-текста становятся «чужие» тексты. В результате вербальный компонент превращается в систему интертекстов [17–19]. Причем спектр источников интертекстуальных заимствований чрезвычайно широк. К ним относятся: голливудские и отечественные фильмы, музыкальная поп-культура; звезды российского и западного шоу-бизнеса (Мэрилин Монро, Майкл Джексон и т.д.) («Все потеряло смысл, / Бьюсь головой об пол. / Сегодня Майкл Джексон на пенсию ушел. / Майкл, вернись! / Майкл, вернись! / Майкл, вернись!...» [20]); герои сериалов, комиксов; массовая литература, рекламный и политический дискурсы («Все потеряло смысл, / Бьюсь головой об пол. / Сегодня Боря Ельцин

/ На пенсию ушел. / Боря, вернись! / Боря, вернись! / Боря, вернись!...» [20]) и многое другое.

Отдельно необходимо сказать о таком интертекстуальном источнике конструирования вербального компонента, как дискурс русской рок-культуры. Как правило, обращаясь к этому источнику, современные музыканты идут по пути овеществления, тотальной иронизации, десакрализации ключевых эстетических принципов и установок русского рока. Можно выделить несколько стадий десакрализации «классического» варианта рок-эстетики.

На первой стадии современные рок-музыканты перерабатывают, переосмысливают содержание главных рок-композиций, получивших статус прецедентных текстов [21–23]. Ярким примером подобного переосмысления является композиция С. Шнурова «Перемен» («Мы уже не ждем перемен») [24], которая полностью состоит из переработанных (адаптированных к современным условиям) цитат из различных прецедентных композиций В. Цоя. Рассмотрим эту композицию более подробно.

Текст-симулятор «Перемен» С. Шнурова	Текст-источник В. Цоя
«Все слабей импульсация вен, / Мы уже не ждем перемен...»	«В нашем смехе и в наших сердцах, / И в пульсации вен. / Перемен, мы ждем перемен» («Перемен» («Последний герой»))
«Пламени нет, остался лишь дым...»	«Красное солнце сгорает дотла. / День догорает с ним. / На пылающий город падает тень...» («Перемен» («Последний герой»))
«И никто не умрет молодым...»	«Ночь. / Окурок с оплавленным фильтром, / Брошенный тем, кто хочет умереть молодым...» («Верь мне» («Это не любовь»)). Кроме того, источником этой строчки может считаться трагическая смерть В. Цоя, впоследствии ставшая предметом мифологизации: В. Цой стал одним из идиолов современной массовой культуры
«И любви нет, и нелюбви тоже нет...»	Источник 1: «Смерть стоит того, чтобы жить, / А любовь стоит того, чтобы ждать...» («Легенда» («Группа крови»)). Источник 2: «Ты часто проходишь мимо, не видя меня. / С кем-то другим, / Я стою не дыша. / Я знаю, что ты живешь в соседнем дворе, / Ты идешь не спеша, не спеша / Оо-у, но это не любовь» («Это не любовь» («Это не любовь»))
«Мы закутались в клетчатый плед...»	«Мягкое кресло, клетчатый плед, / Не нажатый вовремя курок. / Солнечный день – в ослепительных снах...» («Группа крови» («Группа крови»))
«Телки вернулись в срок. / И незачем жать курок...»	«Не нажатый вовремя курок. / Солнечный день – в ослепительных снах...» («Группа крови» («Группа крови»))
«Полно в кармане пачек сигарет, / На самолет все посадки нет...»	«Но если есть в кармане пачка сигарет, / Значит все не так уж плохо на сегодняшний день. / И билет на самолет серебристым крылом, / Что, взлетая, оставляет земле лишь тень» («Пачка сигарет» («Звезда по Имени Солнце»))
«Не видно неба из-за стен, / Мы ждем, но не перемен»	Источник 1: «Мы сидим у разбитых корыт и гадаем на розе ветров, / А когда приходит время вставать, мы сидим, мы ждем» («Невеселая песня» («Звезда по Имени Солнце»)). Источник 2: «Перемен требуют наши глаза, / Перемен требуют наши сердца...» («Перемен» («Последний герой»))
«И где бы ты ни был, / Везде открыт тир, / А между землей и небом / Не заключали мир. / А между землей и небом...»	«Земля. Небо. / Между землей и небом – война! / И где бы ты ни был, что б ты ни делал – между землей и небом – война» («Война» («Группа крови»))

Итак, мы видим, что композиция С. Шнурова представляет собой систему переработанных, иронически переосмысленных цитат из прецедентных композиций В. Цоя («Перемен», «Война», «Группа крови», «Пачка сигарет», «Верь мне», «Это не любовь», «Невеселая песня»). Причем их романтический героический потенциал полностью нейтрализуется. Фразы из текстов «Последнего героя» теряют свое первоначальное сакрализованное значение и превращаются в набор искусственно объединённых бессмысленных элементов-штампов, которые являются не более чем материалом для построения вторичного текста-симулятора.

Особое внимание необходимо обратить на то, что одновременно с процессом десакрализации текстов В. Цоя активизируется ситуация стереотипизации, опредмечивания личности рок-поэта (вторая стадия десакрализации «классического» варианта рок-эстетики), который, растворяясь в пространстве массовой культуры, превращается в объект фетиша. В. Цой, так же как и другие рок-герои 80-х (М. Науменко, Б. Гребенщиков и т.д.), превращается в идола, кумира

(«звезду рок-н-ролла») и занимает свое место на полке в «кукольном магазине» рядом с другими «суперзвездами» шоу-бизнеса: «А нам не нужен этот рэп, / Давай нам песни про совдеп / Или про зрелища и хлеб, Ты понимаешь, Серег, ведь у тебя... / Быстрей на кладбище и в склеп. / Вот как подохнешь, не станет мнений, / Все сразу скажут: “Серега – гений”. / Вот когда раньше, мы все стояли, / Один Серега крутил педали. / И будешь ты, как Виктор Цой. / Пусть не живой, зато герой!...» [25].

На третьей стадии десакрализации «классического» варианта рок-культуры опредмечивается само понятие рока: «Муж – инвалид и пьяная бабка, / Из кошки соседа – пошिताя шапка, / За спизженный гвоздь полученный срок. / Вот это, сынок, и есть русский рок! <...> Жрать колбасу, кусая от палки. / Плюнуть в лицо продавщице-нахалке. / Чтобы сморкаться, не нужен платок. / Вот это, сынок, и есть русский рок!» [26]. Заметим, что С. Шнуров не ограничивается этим. Он идет дальше и на примере своего творчества «создаёт» новую формулу рок-искусства: «Мы играем, как умеем, / От души и от яиц. / И перцами не стареем, / Вы спро-

сите у девиц. / Мы круче всех! / Мы круче! / Кто поклонник “Ленинграда”, / Тому слушать нас не надо. / Клади мы на все и всех, / В том числе и на успех. / Мы круче всех! / Мы круче! / Мы – элита говнорока» [27].

Кроме этого, в рамках вербального компонента формируется комплекс мотивов, которые можно считать типичными для «гламурного» варианта рокапопса. К таким мотивам можно отнести следующие:

1. Мотив движения к успеху, стремление стать звездой шоу-бизнеса	«Вперед гастролей километры, вам обратно повернуть нельзя. / И в глазах друзей почти как мэтры, и для мэтров мы почти друзья. / Фальш-билет для творческого роста – это безмитный проездной. / Просто так сошлись на небе звезды и решили быть ещё одной. / СТС зажигает суперзвезду, / СТС открывает двери в мечту» [28]
2. Мотив восхищения, поклонения суперзвездам шоу-бизнеса.	«Кассетный мальчик, мы тебя любим / И истина – / Ты у кассетных девочек герой» [29]
3. Мотивы посещения других планет и встречи с инопланетными гостями	«А может, мы марсиане? / Мы марсиане и ждем спасения. / Мы с тобой марсиане / Из параллельного измерения» [30]
4. Мотив виртуализации и примитивизации человеческого общения	«Я сидела в Интернете и общалась с тобой, / Ты сидел и не заметил, что общался с другой. / Не совпали вдруг ответы, / Хотя вопросы просты, оказалось, что в ответе и не я, / и не ты. / А кто? / Кто? / Это клон, клон, клон...» [31]
5. Мотив «овеществления» симуляции человеческого сознания	«Два кибера запутали программы. / Крути педали. / Спрячем раны, перекроем краны / И завесим шторами глаза. / Ла-ла-ла-ла-ла, ведь мы с тобой одно сплошное “лего”. / Ла-ла-ла-ла-ла, мы стали Барби и Кенами. / Ла-ла-ла-ла-ла, унылой трелью недочеловека. / Ла-ла-ла-ла-ла, стеклянными манекенами» [32]
6. Мотив наслаждения как главной цели жизни	«Наслаждайся. / Наслаждайся. / Не кури сигареты. / Не пей водку. / Катайся на snowboard'e. / Занимайся спортом. / Не ходи в школу. / Люби свою маму, / Его маму. / Рок-н-ролл навсегда. / Наслаждайся. / Вау...» [33]
7. Мотив игры в любовь, дружбу	«Поцелуями нежными ли, нижними ли, / Это будет не трудно, это по любви. / Караванами, пароходами / Я к тебе прорвусь, mon amie. / Рациями, факсами, / Телефонами пока завязаны мы. / Удивления хочешь, vis-a-vis, / Это будет не трудно, это по любви» [34]

В результате описанных выше процессов, реализующихся на уровне вербального компонента, общая когнитивно-прагматическая программа моделирования «гламурной» СЯЛ рок-музыканта утрачивает свойства уникальности. Она превращается в искусственную систему, которая строится на основе «вторичного материала» штампов и стереотипов. КПП не создается рок-музыкантом, а автоматически воспроизводится по принципам спонтанных реакций симулятивного субъекта, который из автора (творца), превращается в скриптора [35. С. 384–386].

Музыкальный компонент в рамках «гламурного» варианта рокапопса строится по типизированным, клишированным моделям, заимствованным из музыкальных композиций популярной эстрадной музыки. Это приводит к тотальному упрощению структуры музыкального компонента, которая состоит из совокупности однотипных музыкальных фраз, механически связанных между собой.

Можно выделить несколько основных характеристик музыкального компонента этого типа: 1) однообразие музыкальных фраз и однотипность ритмизации музыкального трека; 2) замена «чистого» «живого» звука искусственно созданным компьютерным звучанием; 3) использование «мягких», «релаксирующих», «гламурных» музыкальных гармоний; 4) использование музыкальной «подложки», на фоне которой звучат все остальные инструменты (чаще всего в качестве фонового компонента используются различные варианты «космических», «природных» (шум моря, звуки леса и т.д.) или «искусственных», «электронных» музыкальных форм, сыгранных на синтезаторе или написанных с помощью специальных компьютерных музыкальных программ); 5) отказ от жесткого

гитарного звучания, которое заменяется «легким» гитарным ритмом; 6) ориентация на дискотечную и клубную музыкальные культуры; 7) использование приемов стилизации и «декорирования» музыкального трека за счет введения в его структуру легкоузнаваемых и легкозапоминаемых гармоний.

В результате музыкальные компоненты рок-композиций разных групп, работающих в пространстве «гламурного» рокапопса, часто просто невозможно идентифицировать. Все мелодии похожи друг на друга, так как создаются примерно по одной модели. Более того, исчезает индивидуальный стиль игры музыканта. Это связано с тем, что его основной задачей является не создание, а всего лишь воспроизведение стереотипизованного музыкального образа, ориентированного на «среднего потребителя» массовой культуры.

Особыми свойствами в пространстве «гламурного» рокапопса наделяется *артикуляционный компонент*. На наш взгляд, голоса большинства исполнителей «гламурного» рокапопса (причем как женщин, так и мужчин) обладают схожими характеристиками. Можно выделить три базовых (типовых) особенности исполнения вокальных партий: 1) отсутствие резких «дисгармоничных» интонационных и тембровых переходов (переходы от одного регистра к другому осуществляются плавно); 2) голоса «мягкие», нежные, спокойные, отчасти даже самодовольные, лишённые «трагических» обертонов; 3) часто встречается нарочито сентиментальные, «рафинированные», «сладкие», «кукольные» голоса (здесь можно вспомнить «обволакивающий», «мурлыкающий» голос И. Лагутенко и голоса «Ранеток»).

Заметим, что представленные артикуляционные характеристики голосов исполнителей «гламурного»

рокапопса отражают качественные особенности процесса симуляции эмоциональных состояний личности в пространстве массовой культуры. Здесь голос пере-стаёт быть средством выражения чувств (любовь, дружба, преданность и т.д.), «живых», «очищенных» человеческих эмоций (радость, грусть, печаль, ненависть и т.д.) и превращается в средство воспроизведе-ния стереотипных «овеществленных», «правильных» с точки зрения массового сознания, искусственных «псевдоэмоциональных» состояний.

Особое внимание представители «гламурного» ро-капопса уделяют своему внешнему виду (*имиджевый компонент*), основным элементом которого является концертный костюм. Анализ концертных выступле-ний групп «Мумий Тролль» [36] и «Братья Грим» [37] показал, что формы концертных костюмов лидеров этих групп достаточно многообразны. Это могут быть разноцветные футболки, тельняшки, рубашки, узкие джинсы, брюки-клёш, кожаные куртки, пиджаки (яр-ко-красного, голубого, синего, желтого, черного цве-тов), строгие однотонные и разноцветные (в том чис-ле клетчатые) костюмы, часто используются галстуки, бейсболки, кепки и многое другое.

Заметим, что, несмотря на внешнее многообразие вариантов концертного костюма, все его формы так или иначе направлены на визуализацию определён-ных стереотипизированных, типовых вторичных си-мулятивных образов модного «гламурного» человека, сложившихся под влиянием «диктатуры брендов»

[13. С. 188]. Причем все эти формы воспринимаются массовым сознанием как «правильные», образцовые.

На наш взгляд, можно выделить несколько базо-вых разновидностей образов «гламурных» рок-музыкантов, актуализируемых в пространстве кон-цертной визуализации. Первый образ – *денди XXI века* [Там же] (обязательными атрибутами воплощения этого образа на сцене являются: различные варианты костюмов (как однотонных, так и цветных), рубашка, застегнутая на все пуговицы, узкие брюки и галстук). Второй образ – *тусовщик (типичный представитель клубного сообщества)*. Для создания этого образа рок-музыканты используют цветные пиджаки, рваные джинсы, футболки и т.д. Третий образ – *свободный художник (представитель современной богемы)*. Для этого типа характерна внешняя небрежность в одеж-де. Для создания этого образа могут использоваться растянутые свитера, жилетки, вытертые джинсы, май-ки (разных цветов), рубашки (навыпуск) и многое другое. В этом образе реализуется свойственный «гламурной» личности принцип двойного кодиро-вания. Формально в имидже рок-музыканта «нет ничего бросающегося в глаза, но посвященным он говорит сам за себя» [Там же].

В завершение отметим, что рок-музыканты, пред-ставляющие «гламурный» вариант рокапопса, в совре-менных условиях просто обязаны выглядеть на сцене современно, ярко, модно и стильно, иначе они могут потерять определённый процент своих поклонников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лето Е. Выступление на Мемориале Александра Башлачева. БКЗ «Октябрьский», 1990.
2. Теория культуры в вопросах и ответах : учеб. пособие / под ред. Н.М. Мухамеджановой, С.М. Богуславской. Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2007.
3. Непомнящий А. О нашем поражении // Александр Непомнящий. Стихотворения / сост. О. Непомнящая, Е. Кувтырева. М. : Выргород, 2013.
4. Флиер А.Я. Массовая культура и её социальные функции // ОНС: Общественные науки и современность. 1998. № 6.
5. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация общества. М., 1991.
6. Маркова Г.И. Массовая культура: содержание и социальные функции : дис. ... канд. культурологии. М., 1996.
7. Кравченко А.И. Культурология: хрестоматия для высшей школы. М. : Академический Проект, 2000.
8. Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Специфика и тенденции массовой культуры: анализ основных аспектов. URL: ethics.roerich.com/doc/kultura/html (дата обращения: 23.10.2014).
9. Гофман А.Б. Мода и люди: новая теория моды и модного поведения. М., 1994.
10. Шевчук Ю. Фонограмщик // ДДТ. Любовь. 1996.
11. Рок-группа (Ю. Шевчук, М. Горшенев, А. Князев, И. Черт и др.). Попса // Рок-группа. Попса. 2003.
12. Конрадова Н.А. Кич как социокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2001.
13. Нистратова С.Л. Новый тип языковой личности в современной русской культуре – «Гламурный человек» // XII конгресс междуна-родной ассоциации преподавателей русского языка и литературы «Русский язык и литература во времени и пространстве» / под ред. Л.А. Вербичкой, Лю Лиминя, Е.Е. Юркова. Шанхай, 2011. Т. 2.
14. Вепрева И.Т., Кутина Н.А. Гламур // Русский язык за рубежом. 2006. № 4.
15. Лагутенко И. Алло, Попс // Шамора. Ч. 1 : Мумий Тролль. 1998.
16. Братья Грим. Девочка-попс // Крылья титана. Братья Грим. 2010.
17. Ильин И.П. Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики : сб. науч.-аналитических трудов. М., 1989.
18. Кристева Ю. Слово, диалог и роман // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004.
19. Смирнов И.П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. СПб., 1995.
20. Шнуров С. Я и о. Б.Г // Дачники. Ленинград. 2000.
21. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Русский язык и языковая личность. М., 1987.
22. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004.
23. Сорокин Ю.А., Михалева И.М. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993.
24. Шнуров С. Перемен // Аврора. Ленинград. 2011.
25. Шнуров С. Песня старого фаната группы «Ленинград» // Хлеб. Ленинград. 2005.
26. Шнуров С. Русский рок // Сдачи не надо. Рубль. 2010.
27. Шнуров С. Легенды Говнорока // Сдачи не надо. Рубль. 2010.
28. Ранетки. СТС зажигает суперзвезду // Ранетки Mania. Ранетки. 2008.
29. Лагутенко И. Касетный мальчик // Шамора. Ч. 1 : Мумий Тролль. 1998.

30. *Братья Грим. Марсиане // Марсиане. Братья Грим. 2007.*
31. *Ранетки. Клон // Не забуду никогда. Ранетки. 2010.*
32. *Братья Грим. Барбикены // Иллюзия. Братья Грим. 2006.*
33. *Ранетки. Наслаждайся // Ранетки. Ранетки. 2006.*
34. *Лагутенко И. Это по любви // Мемуары. Мумий Тролля. 2002.*
35. *Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.*
36. *Мумий Тролля. Концерт в «Горбушке» (ДК им. Горбунова). 17, 18 декабря 1998.*
37. *Братья Грим. Концерт в клубе «Б-2». Москва. 2008., Братья Грим. Концерт в Саратове. 7 августа 2012.*

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 21 мая 2015 г.

PECULIARITIES OF THE POST-COUNTERCULTURAL EPOCH OF RUSSIAN ROCK

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 46–53. DOI: 10.17223/15617793/396/8

Ivanov Dmitry I. Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation). E-mail: Ivan610@yandex.ru

Keywords: rock culture; rockapops; post-countercultural epoch of Russian rock; personality of a rock musician; mass culture.

By the early 1990s, most Russian rock musicians realise that the “heroic” epoch (1980s) of Russian rock ended, so to speak, in nothing. The key reason is that the destructive pathos of the countercultural type of the rock culture step by step becomes total and starts destroying Russian rock from inside. The notion of romantic rebellion aiming to win at any cost loses its sense. The absurdity of this struggle is due to the fact that the object of confrontation is not defined (it is actually absent), and the rock culture itself becomes a part of the “enemy” system, a voice of illusory changes. As a result, the total protest wanting a “triumph” of freedom and mind longing for mental and social changes ended up in a total “defeat” of the “rock heroes”, which determined the further development of the whole rock culture – and it may be described in terms of self-destruction. Destabilisation of the notions of victory and romantic rebellion that are central for the Russian rock “heroic” aesthetics discredits the notion of counterculture that begins to be perceived as artificial. At the same time, the romantic version of the rock aesthetics gets neutralised and the romantic type of consciousness is destroyed. After transition of rock music into the mass culture space two specific and divergent forms of rock culture emerge. The first one is actualised on the art culture level. Representatives of the “traditional” rock art form do not accept the “artificial”, simulational reality where it is impossible to distinguish a copy from the original and a lie from the truth. They deny the pseudoart of phonograms and corporate parties and speak for an honest and free art while continuing to spread the word of truth. The second form of rock music, completely “dissolved” in the mass culture space, belongs to the levels of media and kitch cultures. It is a hybrid musical, textual and image form which is deliberately simplified, eclectic and adapted for the mass consciousness. This is not only a music style based on the principles of secondary synthesis (artificial mixing) of rock and pop elements, but also a reflection of a particular type of consciousness defining the peculiarities of a person’s mind and behaviour. The author shall call this form of rock *rockapops*. It is important to notice that rockapops is a heterogeneous phenomenon, just like the mass culture space bringing it to life. At present, there are two main types of rockapops and each of them may be correlated with a certain type of personality. It is the glamour type of a rock musician personality that is formed within the purified glamour rockapops version and the simulational heroic type of personality within the aggressively destructive version.

REFERENCES

1. Letov, E. (1990) *Vystuplenie na Memoriale Aleksandra Bashlacheva* [Speech at Alexander Bashlachev’s Memorial]. St. Petersburg: BKZ Oktyabr’skiy.
2. Mukhamedzhanova, N.M. & Boguslavskaya, S.M. (eds.) (2007) *Teoriya kul’tury v voprosakh i otvetakh* [The theory of culture in questions and answers]. Orenburg: IPK GOU OGU.
3. Nepomnyashchii, A. (2013) O nashem porazhenii [On our defeat]. In: Nepomnyashchaya O. & Kuvtyreva E. (eds.) *Aleksandr Nepomnyashchii. Stikhotvoreniya* [Aleksandr Nepomnyashchii. Poems]. Moscow: Vyrgorod.
4. Flier, A.Ya. (1998) *Massovaya kul’tura i ee sotsial’nye funktsii* [Mass culture and its social functions]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*. 6.
5. Ortega y Gasset, J. (1991) *Degumanizatsiya iskusstva* [The Dehumanization of Art]. Moscow: Iskusstvo.
6. Markova, G.I. (1996) *Massovaya kul’tura: sodержanie i sotsial’nye funktsii* [Mass culture: content and social functions]. Cultural Studies Cand. Diss. Moscow.
7. Kravchenko, A.I. (2000) *Kul’turologiya* [Cultural Studies]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
8. Ableev, S.R. & Kuz’minskaya, S.I. (n.d.) *Spetsifika i tendentsii massovoy kul’tury: analiz osnovnykh aspektov* [The specifics and trends of mass culture: an analysis of the main aspects]. [Online]. Available from: <http://www.lomonosov.org/friend-esses/fourfriend-esses15054.html>. (Accessed: 23rd October 2014).
9. Hoffman, A.B. (1994) *Moda i lyudi: novaya teoriya mody i modnogo povedeniya* [Fashion and people: a new theory of fashion and fashionable behavior]. Moscow: Kanon.
10. Shevchuk, Yu. (1996) *Fonogramshchik* [A lip syncher]. In: DDT. *Lyubov’* [Love]. Russia: DDT Records.
11. Shevchuk, Yu., Gorshene, M., Knyazev, A., Chert, I. et al. (2003) *Rok-gruppa. Popsa* [Rock band. Pops].
12. Konradova, N.A. (2001) *Kich kak sotsiokul’turnyy fenomen* [Kitsch as a sociocultural phenomenon]. Abstract of Cultural Studies Cand. Diss. Moscow.
13. Nistratova, S.L. (2011) [A new type of language personality in modern Russian culture, “a glamour person”]. *XII kongress mezhdunarodnoy assotsiatsii prepodavateley russkogo yazyka i literatury: “Russkiy yazyk i literatura vo vremeni i prostranstve”* [XII Congress of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature “Russian language and literature in time and space”]. Proc. of the Congress. Vol. 2. Shanghai. (In Russian).
14. Vepreva, I.T. & Kupina, N.A. (2006) *Glamur* [Glamour]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 4.
15. Lagutenko, I. (1998) *Allo, Pops* [Allo, Pops]. In: Mumi Troll. *Shamora* [Shamora]. Pt. 1.
16. Bratya Grim. (2010) *Devochka-pops* [A pops girl]. In: Bratya Grim. *Kryl’ya titana* [Wings of a Titan]. Russia: Soyuz.
17. Il’in, I.P. (1989) *Stilistika intertekstual’nosti: teoreticheskie aspekty* [The stylistics of intertextuality: theoretical aspects]. In: *Problemy sovremennoy stilistiki* [Problems of modern stylistics]. Moscow.
18. Kristeva, Yu. (2004) *Slovo, dialog i roman* [Word, dialogue and novel]. In: Kristeva, Yu. *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki* [Selected Works: The destruction of poetics]. Moscow: ROSSPEN.
19. Smirnov, I.P. (1995) *Porozhdenie interteksta. Elementy intertekstual’nogo analiza s primerami iz tvorchestva B.L. Pasternaka* [Generation of intertextuality. Elements of intertextual analysis with examples from the works of B.L. Pasternak]. St. Petersburg: Glagol’.

20. Shnurov, S. (2000) Ya i.o. B.G [I am an acting Boris Grebenshchikov]. In: Leningrad. *Dachniki* [Cottage People]. Russia: Gala Records.
21. Karaulov, Yu.N. (1987) Rol' pretsedentnykh tekstov v strukture i funktsionirovanii yazykovoy lichnosti [The role of precedent texts in the structure and functioning of the language personality]. In: Karaulov, Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Nauka.
22. Slyshkin, G.G. (2004) *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguocultural concepts and meta-concepts]. Abstract of Philology Dr. Diss. Volgograd, 2004.
23. Sorokin, Yu.A. & Mikhaleva, I.M. (1993) Pretsedentnyy tekst kak sposob fiksatsii yazykovogo soznaniya [Precedent text as a way of fixing the language consciousness]. In: Tarasov, E.F. (ed.) *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'* [Language and consciousness: the paradoxical rationality]. Moscow: Institut yazykoznaniya.
24. Shnurov, S. (2011) Peremen [Changes]. In: Leningrad *Avrora* [Aurora]. Russia: Misteriya zvuka.
25. Shnurov, S. (2005) Pesnya starogo fanata gruppy "Leningrad" [Song of an old fan of the Leningrad band]. In: Leningrad. *Khleb* [Bread]. Russia: Misteriya zvuka.
26. Shnurov, S. (2010) Russkiy rok [Russian rock]. In: Rubl'. *Sdachi ne nado* [Keep the change].
27. Shnurov, S. (2010) Legendy Govnoroka [Legends of the shit-rock]. In: Rubl'. *Sdachi ne nado* [Keep the change].
28. Ranetki. (2008) STS zazhigaet superzvezdu [STS lights a superstar]. In: Ranetki. *Ranetki Mania*.
29. Lagutenko, I. (1998) Kasetnyy mal'chik [Tape Boy]. In: Mumiy Troll. *Shamora* [Shamora]. Pt. 1.
30. Bratya Grim. (2007) Marsiane [Martians]. In: Bratya Grim. *Marsiane* [Martians]. Russia: CD Land.
31. Ranetki. (2010) Klon [A Clone]. In: Ranetki. *Ne zabudu nikogda* [I will never forget]. Russia: Megaliner Records.
32. Bratya Grim. (2006) Barbikeny [Barbiekens]. In: Bratya Grim. *Illyuziya* [An illusion]. Russia: Megaliner Records.
33. Ranetki. (2006) Naslazhdaysya [Enjoy]. In: Ranetki. *Ranetki* [Ranetki]. Russia: Megaliner Records.
34. Lagutenko, I. (2002) Eto po lyubvi [It is for love]. In: Mumiy Troll. *Memuary* [Memoirs].
35. Barthes, R. (1994) Smert' avtora [The death of the author]. In: Kosikov G.K. (ed.) *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress, Univers.
36. Mumiy Troll'. (1998) *Kontsert v "Gorbushke" (DK im. Gorbunova)* [The concert in the "Gorbushka" (Palace of Culture n.a. Gorbunov)]. 17, 18 December 1998. Moscow: Palace of Culture n.a. Gorbunov.
37. Bratya Grim. (2008) *Kontsert v klube "B-2"* [The concert at the Club "B-2"]. Moscow: Klub B-2.

Received: 21 May 2015

СПОСОБЫ ВИЗУАЛИЗАЦИИ СПЕКТАКЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОСТАНОВОК НОВОСИБИРСКОГО ТЕАТРА МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ)

Анализируются глобальные изменения в современном культурном пространстве, рассматриваются предпосылки для создания новой культурной парадигмы. На материале спектаклей Новосибирского театра музыкальной комедии анализируются основные способы визуализации сценического сюжета: эргономизация пространства, экстерииоризация интерьера, буквализация метафоры и диссипация героя. Изучение описанных способов позволяет сделать вывод о том, что визуальная составляющая спектакля, представляя результат коммуникативного взаимодействия режиссера и зрителя, не исчерпывается планом выражения и непосредственно связана с содержательным планом произведения.

Ключевые слова: визуализация; визуальное мышление; культурология; Новосибирский театр музыкальной комедии.

Состояние современной гуманитарной науки, представляющее затяжной интеллектуальный кризис, обостряется «войной дискурсов» [1] и «восстанием масс» [2]. Значительное количество исследований, основанных на концепции культуры-игры [3, 4], способствует размытию границ между культурными и внекультурными феноменами, научными и вненаучными методами. Многие работы, посвященные современным культурным проблемам, в частности визуализации, носят ярко выраженный провокативный характер. В то же время современное культурное пространство требует упорядочивания отдельных разобщенных элементов, попытку систематизации которых представляет настоящее исследование. Современное состояние культуры, связанное с «понижением резкости оптических линз» [5], заставляет многих авторов и режиссеров обращаться не только к образам, обусловленным языком культуры, но и к архетипам. Архетипы органично входят в сознание «культурного дикаря» [6] и обуславливают целостность бриколажа [7]. В этом контексте изучение методов визуализации, характерное для классической науки [8], требует определенной корректировки, связанной с фактором адресата. Продуктивное исследование визуальной доминанты через археологию культуры [5], моделирование структур различного уровня сложности [9] или изучение истории видения [10, 11] показывает, что наряду с генерализацией, процессом накопления культурных знаний, развивается редукция – потеря многих культурных смыслов и значений.

Термин «визуальное мышление» ввёл в научный оборот в середине прошлого столетия Р. Арнхейм. Его исследования положили начало современным теориям, развитие которых в некотором смысле означает завершение классической структуральной парадигмы. Изучение *визуального* в отечественной науке имеет продолжительную историю. Ключевые практики анализа формы в её неразрывной связи с содержанием и семантикой разработаны отечественной формальной школой [13–15], взгляд на произведения искусства как сложное соединение культурных кодов, образующих комплексную структуру, представлен исследованиями московско-тартусской семиотической школы [16–19].

Поскольку один из авторов настоящего исследования (А.Е. Козлова) является специалистом в области

музыкального театра, наше внимание преимущественно сфокусировано на постановках музыкальных театров Сибирского региона со второй половины 1990-х гг. и в частности Новосибирского театра музыкальной комедии. Анализ театрального репертуара в данном случае позволяет типологизировать некоторые часто повторяемые приемы.

1. Эргономизация пространства. Частотным театральным приемом можно назвать эргономизацию пространства, т.е. процесс уравнивания антропологического пространства сцены и эстетического пространства спектакля. Как правило, эргономизация сценического пространства подразумевает полифункциональность в использовании сценических предметов.

Для Новосибирского театра музыкальной комедии в этом отношении знаковым становится мюзикл А. Колкера «Свадьба Кречинского» (Э. Титкова) (здесь и далее в скобках после названия спектакля указано имя режиссера). Спектакль создавался с учётом экономических сложностей, имеющих место в 1998 г. Художник В. Окунёв предложил оптимальное в эстетическом отношении решение: по всему пространству сцены, вдоль «трёх стен» (Станиславский) была натянута обыкновенная марля, на которую с помощью проектора переводились изображения, переносившие зрителя в то или иное место действия либо же имеющие символическое значение. Например, символическое изображение русского храма выполняло две функции: для создания эффекта городской улицы и в качестве знака нравственной чистоты и духовной силы. В частности, напряжение и драматизм в сценах кошмаров Кречинского дают яркий свет, проецируемая на марлю колода игральные карты и символические фигуры с зажжёнными свечами в руках.

Прием эргономизации сценического пространства наиболее характерен для режиссуры А. Лебедева. В его спектаклях «Ходжа Насреддин», «Двенадцать стульев», «Сирано де Бержерак» и других наиболее распространен прием «театра в театре», за счет чего один и тот же предмет наделяется неограниченным количеством функций.

Так, в спектакле «Ходжа Насреддин» (А. Лебедев) после открытия занавеса в начале спектакля перед зрителем предстаёт пустая чёрная сцена. В абсолют-

ной тишине появляются мужчины в смокингах и тюрбетейках – бродячие музыканты с музыкальными инструментами на плечах. Они разыгрывают «сцену с дыней», которую изображает футбольный мяч (этот же мяч в дальнейшем действии будет обозначать судьбоносный камень на дороге, а в финале спектакля, попадая под платье избранницы Насреддина прямо на глазах у зрителя, символизировать то, что влюблённые скоро станут родителями). Но уже через несколько минут на сцене «оживает» Восток: бурлит шумная толпа пёстро одетых людей, гудит базар, по улицам Бухары ходят верблюды.

Необходимо отметить, что спектакль был поставлен с минимальными финансовыми затратами, средства для создания визуальных эффектов очень просты и предполагают активную работу воображения зрителя, это:

- несколько небольших конструкций на колёсах, обмотанных рулонами пёстрой ткани, которые изображают повозки, арык, покои и т.п.;
- несколько кусков ткани, подвешенных на штанкетах (декорационные подъёмы), имитирующих шторы, занавеси, балдахины и т.п.;
- многочисленный, разнообразный реквизит;
- решения художника по свету;
- костюмы, решённые в характерном восточном стиле;
- насыщенная хореография, пластический и мизансценический рисунок спектакля;
- работа актёров.

2. Буквализация метафоры. Сущность данного процесса заключается в визуальном представлении метафорического образа. Учитывая многозначность метафоры и ее несводимость к плану выражения, справедливо именовать данный процесс буквализацией.

Так, например, в мюзикле «Гадюка» (Г. Абайдулов) из текста повести в либретто переходит множество деталей, нюансов. Это и «жадная мечта» Лялечки о Париже, заразившая сотрудниц редакции, и тщательный осмотр комнаты «гадюки» соседями Зотовой, и характеристика цыганской внешности и нрава героини (в 1-м акте в дуэтной сцене с Емельяновым она будто гадает любимому на счастье), и «дальний берег» прошлой жизни (песня Ольги из первого действия), и «тонкий ледок девичьих грёз» («Вперёд, на тонкий лёд!» – сцена новогодней ночи в доме гимназистки Зотовой), и чай из сушёной моркови, и пр. Отдельные слова художественного текста сообщают действию потенциальную энергию, представляя переход от реплик к символическим сценам.

Негативный пример буквализации метафоры представляет визуальная составляющая «Женитьбы Бальзамина» (М. Заец). По замыслу режиссёра, действие комедии происходит в буквальном смысле на крышах города – все герои спектакля стремятся взмыть в небеса, поднявшись над обыденностью, но удаётся это лишь Мише Бальзаминову, бесхитроственному простаку, нашедшему партнёра для своих мечтаний – Домну Белотелову, предстающую на сцене в виде необъятного облака. Лоскутные одеяния артистов массовки, специфические головные уборы и реквизит доверша-

ют впечатление излишней метафоризации. Спектакль оставляет впечатление несвязанности режиссёрской концепции не только с идеей комедии А.Н. Островского, но и с художественным миром писателя в целом. Многочисленные отзывы зрителей свидетельствуют о том, что из-за несоответствия *внешнего внутреннему* при просмотре спектакля возникает отторжение и визуального ряда, и звукового сопровождения. Таким образом, в данном случае мы сталкиваемся с ярким примером «злоупотребления знаками». «В случаях явной недобросовестности цель достигается тем, что употреблённым знакам придаются характеристики утверждений, имеющих синтаксическое и семантическое измерения, так что они кажутся логически доказанными и эмпирически подтверждёнными, хотя в действительности ни того ни другого нет» [20], – пишет Ч.У. Моррис о подобных случаях злоупотребления.

Наиболее распространенный способ буквализации представляют спектакли, построенные по принципу вертикального и горизонтального членения. Так, в спектакле «Гадюка» (Г. Абайдулов) сценическое пространство организовано по иерархическому принципу. Находящийся сверху партийный функционер, даже внешне подражающий «отцу народов» (пышные усы, потяжелевшая фигура, традиционные фуражка и куртка, ассоциирующиеся с представителями высшей власти из партийного аппарата), находится выше остальных героев – на верхнем уровне декорации, откуда и произносит свой пламенный монолог. Во время этой сцены на персонажей, находящихся внизу и воздевающих к нему руки, сверху начинает падать бумага – стандартные листы приказов, декретов, постановлений и пр., едва не погребаящие под собой людей (ср. у Толстого: «забелели листочки декретов, призывающих чинить, отстраивать, строить»; «листки декретов настойчиво требуют – творчества, творчества, творчества...» [21]).

Иную функцию выполняет вертикальное членение в «Зойкиной квартире» (М. Заец). Сцена оформлена трёхуровневой декорацией, обозначающей кассы вокзала и два верхних этажа, где, по всей видимости, расположены комнаты ожидания для пассажиров первого класса. Кроме того, на сцене стоят скамьи и расположен громадный чёрный громкоговоритель (можно вспомнить главу № 15 «Сон Никанора Ивановича» романа «Мастер и Маргарита», в которой присутствовал такой же громкоговоритель [23]), через который передаются сообщения о прибытии, опоздании, отправке поездов, следующих до Парижа, Шанхая и др. К тому же из громкоговорителя звучит голос с характерным грузинским акцентом, что вызывает прямые ассоциации с голосом «вождя народов» Сталина.

Дальнейшее действие «Зойкиной квартиры» разыгрывается в пространстве этого зала ожидания. На скамьях располагаются все обитатели и посетители квартиры, а шесть дверей кассового обслуживания становятся дверями, ведущими в шесть комнат апартаментов Зои Пельц.

Верхний уровень декорации в то же время обозначает идеальный, возвышенный мир – в моменты зву-

чания музыкальных номеров на этом этаже зритель видит живые пластические картины, символизирующие мечтания героев спектакля. Эти картины обволакивает золотой свет, а фоном им служит трепещущая масса золотого воздуха (специальная лёгкая ткань, приводимая в движение при помощи сценических механизмов).

Знаменательно, что в финале спектакля большинство действующих лиц оказывается погребено под золотым пологом, символизирующим как небытие, так и вечный покой (идейным лейтмотивом либретто становится вольный перевод из Гёте «Горные вершины» М.Ю. Лермонтова).

3. Персонализация вещи и экстерниоризация интерьера. Сущность данного приема заключается в олицетворении, наделении антропоморфными свойствами неодушевленных предметов.

В спектакле «Двенадцать стульев» (А. Лебедев) гостинный гарнитур Воробьянинова является *idée fixe* всех без исключения персонажей спектакля. Самые разнообразные стулья: старые и новые, винтажные и современные – играют важную роль в художественном оформлении спектакля. Заветный гостинный гарнитур тётки Воробьянинова в буквальном смысле оживает (в роли стульев выступают двенадцать артисток балета) и активно и полноценно участвует в действии спектакля. Кульминации олицетворение вещи достигает в сцене, представляющей «расправу» полубезумного отца Фёдора с гарнитуром генеральши Поповой. Представая в этой сцене палачом, орудия которого напоминают и эмблематику инквизиции, и герб Советского Союза, исполнитель роли вступает в поединок с изображающими стулья артистками балета, что представляет собой музыкально-пластическую сцену.

Фамильный гарнитур вместе с призраком покойной тётки, владеющей секретом несметного богатства, становится галлюцинацией, кошмаром, преследующим Ипполита Матвеевича. В финале спектакля постановщики используют гротесковый сцениграфический приём. Вскрывая последний стул, Воробьянинов приводит в действие пружинный механизм, выдающий прямо под нос персонажа в буквальном смысле «кукиш» – тщательно выполненный бутафорами предмет, изображающий соответствующую фигуру. Благодаря этому визуальному эффекту постановщики углубляют трагизм ситуации.

В противоположность Воробьянинову вновь появляющийся в финале Остап Бендер поднимается вверх по лестнице из стульев, а специально созданный для спектакля видеоряд, транслируемый при помощи проектора, позволяет достичь эффекта полёта героя сквозь времена и пространства. Таким образом авторы спектакля делают акцент на романтизации героя, который следует за своей мечтой даже после физической смерти, и утверждают бессмертие Остапа как литературного героя.

Следует отметить, что использование подобного приема оживления вещи в следующем спектакле этого режиссера «Сирано де Бержерак» лишено глубокой семантической нагрузки. Окружающие де Гиша

скрипки, хореографический рисунок танца которых заставляет вспомнить движения в «Двенадцати стульях», представляют «интерьерный элемент», не затрагивающий сюжета произведения.

4. Диссипация героя. Распределение «семантической энергии образа» обусловлено сцениграфическими решениями. Большинство сюжетов, к которым обращается современный театр, имеет несколько киноплощений (одно из которых, как правило, считается эталонным). Современный театр регулярно представляет буквальное расщепление героя на определенные составляющие части: диады, триады, – что, экстраполируя данный термин, может быть названо диссипацией героя.

Так, например, в постановке «Шведской спички» (А. Варсимашвили) повествователь, которому принадлежат слова автора, выступает в конце произведения в роли исчезнувшего героя – Клязува. Аналогичным образом сказители в «Ходже Насреддине», выполняя коммуникативную задачу повествования о событиях, играют в то же время роль жителей Бухары.

В спектакле «Гадюка» (Г. Абайдулов) на уровне композиции два действия соединяют героини-двойники: бандит Валька Брыкин перевоплощается в начальника пишбюро Педотти, а красноармейский командир Емельянов – в крупного партийного деятеля (в повести – директор Махорочного треста). Основанием подобного приёма для либреттистов стали, прежде всего, мотивы воспоминания, отражающие различные эпизоды в сознании Зотовой. Подлость Брыкина как человека старого мира и лицемерие Педотти как представителя нового представляют здесь неожиданное тождество. Особенно драматичным в художественной ткани романа становится образ революционера Емельянова, в котором соединяются две разнонаправленные идеологические силы. Образ героя-революционера в первом действии связан с *культурой-1*, революционной и авангардной в своей сути, выходящий на сцену партийный функционер олицетворяет фундаментально-официальную, связанную с бюрократическим миром партийного аппарата *культуру-2*. Таким образом, либреттисты дают ещё один вариант приспособления личности к среде и требованиям времени [23].

Однако классический пример «диссипативной сцениграфии» представляет постановка спектакля «Сирано де Бержерак». А. Лебедев вновь обращается к своему излюбленному приёму «театра в театре», и в данном случае выбранный способ изложения материала выглядит более чем оправданным, поскольку в оригинальном произведении граница, отделяющая автора от героя и сцену от зрительного зала, часто оказывается проницаемой.

Загадочный и неоднозначный образ поэта Берже-рака режиссёр визуализирует оригинально: историю несчастного поэта рассказывают три гасконца – Си, Ра и Но, каждый из которых олицетворяет одну из сторон личности Берже-рака. Си – вояка, задира и поэт, Ра – поэт, романтик, нежный влюблённый, а Но – шут, сатирик, пересмешник и философ. Создатели спектакля внимательнейшим образом изучили драма-

тургию либретто, разделяя сцены, диалоги и монологи Бержерака на фрагменты, которые в соответствии с эмоциональным содержанием и темами, озвученными в них, распределялись между тремя гасконцами. Каждый герой-гасконец – это один из слогов целого имени. Составляя целое в едином слове, они составляют многогранную личность поэта.

Кроме того, внутренняя диалогичность образа главного героя задана самим Ростаном. Сирано де Бержерак является не только героем произведения, но и автором большинства строк героической комедии. Он произносит монологи, импровизирует на сцене, сочиняя баллады и эпиграммы, он, как кукловод, управляет Кристианом, вдыхая в молодого красавца-барона свою душу, воплощённую в поэтических строфах. В концепции А. Лебедева мы наблюдаем визуализацию отношений автора и героя не в плоскости художественного текста, а в моделируемой на сцене действительности (что соотнобразуется с теорией М.М. Бахтина [24]).

Извечно существующий в культуре конфликт между *внутренним* и *внешним*, выразимым и невыразимым находит свое разрешение в визуализации художественного образа. В известном смысле визуализация представляет воплощённую антиномию, данную не как конструкт отвлечённого философского знания, а как умопостигаемый объект эмпирической действительности. Поэтому изучение феномена визуализации культуры имеет значение в контексте рассмотрения эстетической деятельности, объединяющей автора и героя, зрителя и режиссера, объекты тексто-

вой и внетекстовой действительности. Очевидно, что избранный подход отвечает «вызовам современности», позволяя найти универсальный язык, объединяющий часто несводимые страсти, группы и формации. Говоря языком М. Фуко, время современной культуры представляет явление «...качественно иной дискурсивной формации» [25].

Поскольку процессы, связанные с визуализацией, немислимы без реципиента, аспект прочтения зрителем визуализируемых объектов (спектаклей) представляется нам немаловажным. Изучение рецепции и сознания современного зрителя, находящегося в постмодернистском культурном пространстве, составляет отдельную проблему. Взаимосвязи авторских интенций, режиссерских интерпретаций и зрительских потенций, разное прочтение нескольких культурных кодов составляют суть театрального искусства.

На основании проведённого исследования можно сделать вывод о том, что современный театр стремится не только к расширению жанровых границ, но и к интеллектуальному проникновению вглубь творческого мира того или иного автора, расшифровке лейтмотивности и полифоничности его произведений, нахождению идейных смыслов и связей всего литературного наследия писателя и его эпохи. С помощью различных перечисленных выше приемов авторы постановок пытаются найти ответы на животрепещущие вопросы современности, устанавливая связи бытия и небытия, затрагивают философские темы, касающиеся онтологической проблематики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
2. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. Антология литературно-эстетической мысли. М.: Радуга, 1991.
3. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. М.: Прогресс, 1997.
4. Деррида Ж. Диссеминация. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.
6. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. Сер. Мыслители XX века. М.: Республика, 2006.
7. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Академический проект, 2008.
8. Лессинг Г.Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии. М.: Художественная литература, 1957.
9. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2006.
10. Ямпольский М.Б. Ткач и визионер. Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М.: НЛЮ, 2007.
11. Ямпольский М.Б. Наблюдатель. Очерки истории видения. СПб.: Сеанс, 2012.
12. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М.: Наука, 1974.
13. Гьяннов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977.
14. Эйхенбаум Б.М. Теория формального метода // Эйхенбаум Б.М. Избранные работы. М.: Аграф, 2007.
15. Шкловский В.Б. Гамбургский счет: статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М.: Сов. писатель, 1990.
16. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
17. Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе // Aequinox. М., 1993.
18. Лотман Ю.М. Семиотика сцены // Театр. 1980. № 1.
19. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
20. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983.
21. Толстой А.Н. Гадюка // Собр. соч.: в 15 т. М.: ОГИЗ, 1948. Т. 6.
22. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Собр. соч.: в 5 т. М.: Худ. лит., 1990. Т. 5.
23. Козлова А.Е., Козлов А.Е. К вопросу о визуализации кода литературного произведения на сцене: «Гадюка» А.Н. Толстого и «Гадюка» А. Колкера // Опозиция «свой – чужой» в языке, фольклоре, литературе, музыке, культуре: материалы Регион. гуманит. форума научн. молодежи. Новосибирск: ИФЛ СО РАН, 2015.
24. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975.
25. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине. М., 1996.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 15 февраля 2015 г.

PERFORMANCE VISUALIZATION IN THE MODERN THEATRE CULTURE (BY EXAMPLE OF NOVOSIBIRSK THEATRE OF MUSICAL COMEDY)

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 54–58. DOI: 10.17223/15617793/396/9

Kozlova Anastasia E., Kozlov Alexey E. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

Keywords: visualization; visual thinking; cultural studies; Novosibirsk Theatre of Musical Comedy.

The article studies different types and methods of visualization in the context of organization of the new post structural paradigm. The first part of the article presents different points of view on the *visual* as a phenomenon and *visualization* as a process. The tradition of the Classic philosophy (Gotthold Ephraim Lessing) is not adequate for description of modern and postmodern process in culture. So, this process in visual formation can be investigated in the discourse conception (Roland Barthes, Michel Foucault) or in the theory of focalization or visual dominant (Mikhail Yampolsky, Rudolf Arnheim, Marcus Levitt). Our research is based on the Russian formalism conception (Yuri Tynyanov and Boris Eikhenbaum) and methods of structural semiotic studies (Tsyvyan, Lotman, Toporov). The visual dominant of modern theater culture as the object of investigation (on the material of different performances of Novosibirsk Theatre of Musical Comedy: *Viper*, *The Twelve Chairs*, *Hodja Nasreddin*, *Cyrano de Bergerac* etc.) is researched further. The main part of the article presents different methods and ways of visual representation: ergonomics of the scene, deconstruction of metaphor, externalization of the interior and dissipation of characters. *Ergonomics of the scene*. Polyfunctionalism of each thing in the scene makes equal the space of the scene and the esthetic topos. This method is researched on the material of *Krechinsky's Wedding* and *Hodja Nasreddin. Deconstruction of metaphor*. The way of deconstruction of metaphor is closely connected with the opposition “vertical / horizontal”. This way is analyzed on the material of *Viper* and *Zoyka's Apartment*. The visual dominant of *Balzaminov's Marriage* is investigated in the context of the visual simulation and designation of sense (Charles W. Morris). *Personification of an object and externalization of the interior*. The essence of this technique is personification endowing inanimate objects with anthropomorphic properties. This method is researched on the material of *The Twelve Chairs* and *Cyrano de Bergerac. Dissipation of characters*. Modern theater regularly presents a literal splitting of the hero into certain parts: dyads, triads, which can be called dissipation of a hero. This phenomenon is connected with relationship between the author and the hero (Mikhail Bakhtin). It is researched on the material of *Swedish Match*, *Viper* and *Cyrano de Bergerac*. In conclusion, it is stated that eternally existing in the culture the conflict between the internal and the external, the expressible and the inexpressible finds its resolution in the visualization of the artistic image. On the basis of the study it can be concluded that the modern theater is committed to the intellectual penetration into the creative world of authors, deciphering the leitmotif and polyphony of their works.

REFERENCES

1. Barthes, R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Moscow: Progress.
2. Ortega y Gasset, J. (1991) *Degumanizatsiya iskusstva i drugie raboty. Antologiya literaturno-esteticheskoy mysli* [The Dehumanization of Art and other works. Anthology of literary and aesthetic thought]. Moscow: Raduga.
3. Huizinga, J. (1997) *Homo Ludens; Stat'i po istorii kul'tury* [Homo Ludens; Articles on the history of culture]. Moscow: Progress.
4. Derrida, J. (2007) *Disseminatsiya* [Dissemination]. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
5. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archaeology of the Humanities]. St. Petersburg: A-cad.
6. Baudrillard, J. (2006) *Obshchestvo potrebleniya: ego mify i struktury* [Consumer Society: Myths and its structure]. Series: Mysliteli XX veka [The thinkers of the twentieth century]. Moscow: Respublika.
7. Levi-Strauss, C. (2008) *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow: Akademicheskii proekt.
8. Lessing, G.E. (1957) *Laokoon, ili o granitsakh zhivopisi i poezii* [Laocoon: An Essay on the Limits of Painting and Poetry]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
9. Eko, U. (2006) *Otsustvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [A lack of structure. Introduction to semiology]. St. Petersburg: Simpozium.
10. Yampol'skiy, M.B. (2007) *Tkach i vizioner. Ocherki istorii reprezentatsii, ili O material'nom i ideal'nom v kulture* [A Weaver and a Visionary. Essays on the history of representation, or On the material and the ideal in culture]. Moscow: NLO.
11. Yampol'skiy, M.B. (2012) *Nablyudatel'. Ocherki istorii videniya* [An Observer. Essays on the history of vision]. St. Petersburg: Seans.
12. Arnheim, R. (1974) *Iskusstvo i vizual'noe vospriyatie* [Art and Visual Perception]. Moscow: Nauka.
13. Tynyanov, Yu.N. (1977) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. The history of literature. Cinema]. Moscow: Nauka.
14. Eikhenbaum, B.M. (2007) *Teoriya formal'nogo metoda* [The theory of the formal method]. In: Eikhenbaum, B.M. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Agraf.
15. Shklovskiy, V.B. (1990) *Gamburgskiy schet: stat'i – vospominaniya – esse (1914–1933)* [The Hamburg account: articles, memories, essays (1914–1933)]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
16. Toporov, V.N. (1983) *Prostranstvo i tekst* [Space and text]. In: Tsyvyan, T.V. (ed.) *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow: Nauka.
17. Toporov, V.N. (1993) *Veshch' v antropotsentricheskoy perspektive* [A thing in the anthropocentric perspective]. In: Rabinovich, E.G. & Vishnevskiy, I.G. (eds.) *Aequinox. MCMXCIII*. Moscow: Carte blanche.
18. Lotman, Yu.M. (1980) *Semiotika stsena* [Semiotics of the scene]. *Teatr*. 1.
19. Lotman, Yu.M. (1970) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the literary text]. Moscow: Iskusstvo.
20. Morris, C.W. (1983) *Osnovaniya teorii znakov* [Foundations of the theory of signs]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Raduga.
21. Tolstoy, A.N. (1948) *Gadyuka [Viper]*. In: Tolstoy, A.N. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: OGIZ.
22. Bulgakov, M.A. (1990) *Master i Margarita [Master and Margarita]*. In: Bulgakov, M.A. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
23. Kozlova, A.E. & Kozlov, A.E. (2015) [On the issue of a literary workcode visualization on the stage: “Viper” by A. Tolstoy's and by A. Kolker]. *Oppozitsiya “svoy – chuzhoy” v yazyke, fol'klоре, literature, muzyke, kul'ture* [Opposition “alien – own” in language, folklore, literature, music and culture]. Proc. of the Forum. Novosibirsk: IFL SO RAN. (In Russian).
24. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
25. Foucault, M. (1996) *Poryadok diskursa* [The order of discourse]. In: Foucault, M. *Volya k istine* [Will to the truth]. Moscow: Kastal'.

Received: 15 February 2015

УПРАВЛЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Рассматриваются некоторые свойства времени как достижения теоретического знания. Описывается параллель с результатами практической дисциплины, тайм-менеджмента, выраженными в максимах, в призыве к конкретным действиям. Тем самым показано, что коммуникация между различными областями знания позволит обогатить решение проблемы. Идея полихронности как культурного сконструированного времени, перенесенная на социальный и индивидуальный уровни, скрывает в себе потенциал для познания времени.

Ключевые слова: управление временем; полихронность; монохронность; приоритет; измерение времени.

Мы так поздно замечаем, что абсолютно не справляемся со временем, потому что оно невидимо и неосознаваемо, бесформенно, неуловимо, эфемерно. Метафора субстанции поможет осознать время как реально существующее. Человек есть во времени до того, как он определит свое отношение к нему, время же к человеку безразлично. Человек временен – не из-за некоей случайности конституции, но в силу внутренней необходимости. Временность и субъективность целиком и полностью переплетены и неотделимы друг от друга [1]. Целостность временности превращает ее, таким образом, из атрибута в субстанцию.

Каждый человек всегда движется к тому моменту, когда он потребит, растратит, истребит, израсходует время до конца. Независимо от того, в каких условиях начнется трата времени и как она будет происходить, она в некоторый момент завершится. Теория систем называет это свойство эквивинальностью. Несмотря на универсальность и абсолютность смерти, она в то же самое время всегда уникальна и единственна. Как пишет Ж. Деррида в «Даре смерти»: «Смерть есть единственная ситуация человеческого существования, в которой данный конкретный индивид оказывается незаменимым, когда он полностью идентифицируется с самим собой в том смысле, что он не может передать свою смерть кому-то другому. Никто не может умереть за меня, вместо меня, это я, тот, кто умирает; только в этой ситуации я остаюсь наедине с собой, мир уходит, и я наконец обретаю самого себя» [2. С. 48–49]. Будучи ответственным перед самим собой, мы сталкиваемся с необходимостью оптимально распорядиться своим временем, чтобы не жалеть о том, что мало путешествовали и мало любили. Никому, кроме вас, не построить вашу жизнь.

Идея изменить свою жизнь, свой способ обращения со временем может столкнуться с внутренними препятствиями. Осознание ограниченности времени впереди и сожаление о прошлом могут помешать изменению. На пути к самосовершенствованию для начала нужно будет простить себя за потраченное время.

Человек приходит к проблеме времени, к вопрошанию о времени либо вместе с конкретной проблемой нехватки времени, которая сказывается на эффективности и производительности, либо вместе с более абстрактным вопросом о наполненности жизни смыслом. Не будем фокусировать внимание на первом вопросе, он связан больше с объектами, а не с субъектами реальности. Здесь не следует говорить о таких ве-

щах, как списки, расписания, ежедневники и др., потому что они служат только средствами. Кроме того, окружающие люди, да и сам субъект, начинают восприниматься как объекты манипуляций.

Методы. В качестве метода исследования был выбран компаративный анализ, который по своей сути является междисциплинарным методом.

Результаты. Для того чтобы работать со временем, необходимо разобраться в других ресурсах, необходима их предсказуемость, неподвижность, стабильность для прогнозирования будущего, которое затем повлияет на настоящее. Человек всегда «окружен» относительно автономными конечными областями смысла. Каждая область не противоречива сама по себе, но необходимо их гармоничное взаимодействие. «Реальность такова, что качество жизни, по природе своей, взаимозависимо» [3. С. 165]. Время – самый главный ресурс, он первичен, производит все остальные. Время – произведенный нематериальный актив, который производит другие активы. Например, круглосуточный или удлиненный режим работы разнообразных заведений десинхронизирован с работой общественного транспорта. Не так давно было время, когда магазины не работали по выходным, вечерам и в обед, т.е. время, свободное для похода за покупками, практически не совпадало со временем работы магазина. Также здоровье может очень сильно влиять на время. Иногда оно может быть отрицательно приоритетным, но и в этом случае нужно действовать согласно принятым решениям, ценить каждую секунду.

Первым шагом на пути управления временем будет расстановка приоритетов. Она важна не только в работе, но и в жизни. В управлении временем эта максима формулируется в таких понятиях, как главное дело на день, концентрация внимания, принцип полета орла [4]. Для жизни его лучше переформулировать в «управление по принципу “изнутри наружу”» [5] или «каждому свое», будь то семья, друзья, здоровье, деньги, карьера и т.д. Максима легла в основу названий книг по тайм-менеджменту: «Главное внимание главным вещам» Стивена Кови и «Больше времени для существенного» Лотара Зайверта [6]. Этому же посвящена знаменитая речь Брайана Дэйсона, бывшего CEO Coca-Cola. Сферы жизни – работа, семья, здоровье, друзья и душа – обладают разной ценностью, что-то достаточно легко возвращается в норму, а что-то никогда не будет таким, как раньше. Марисса Майер, исполнительный директор компании

«Yahoo!», которая с 2008 по 2011 г. была включена в список 50 самых влиятельных американских женщин в бизнесе по версии журнала Fortune, советует ставить приоритетные дела в самое начало [7]. Это может относиться не только к работе, но и к жизни в целом. Банально, но если больше всего вы хотите развиваться в спорте, то зачем вы концентрируетесь на работе, думаете о том, как пойдете на нее с утра. Поставьте в списке дел сначала посещение спортивного комплекса. Иначе, возможно, вы не доберетесь до конца списка.

Расстановка приоритетов основывается на оценке времени. «Измерение времени тревожит, поскольку привязывает нас к социальным обязанностям, но и действует успокоительно, поскольку превращает время в субстанцию и разделяет его на порции, словно некий предмет потребления» [8. С. 28]. Заключение времени в систему вещей позволяет нам его потреблять, это успокаивает, дает чувство защищенности, будто бы мы владеем временем по-настоящему.

Время обладает потребительской стоимостью, на этой функциональной, практической ступени время становится объектом потребления в виде средства для других потребностей. Его потребительская стоимость очевидна в удовлетворении простейших потребностей, в поддержании жизни. Однако первичной для времени выступает меновая экономическая стоимость, основанная на логике эквивалентности. «Время – товар редкий, драгоценный, подчиненный законам меновой стоимости» [9. С. 195]. Время в процессе труда обменивается на другой товар – на деньги.

Следуя логике символического обмена, время должно обладать и символической стоимостью. «Настоящая потребительная ценность времени, та, которую безнадежно пытается восстановить досуг, – это свойство быть потерянным» [Там же. С. 197]. Если его удастся привязать к символу, оно не является потерянным до конца, остается возможность его вновь актуализировать. Тогда его можно подарить, пожертвовать другому, «подаренный предмет обладает символической меновой стоимостью» [10. С. 40]. Время в таком случае становится уникальным и единственным. В процессе труда время также обменивается на символы престижа, власти и др.

То, что не может войти в логику дара, в логику символического обмена, являет собой знак. Время превращается в знак, подчиняясь логике стоимости / знака, когда разговор заходит о досуге (не считая созидания). И только время смерти по-настоящему может быть частной собственностью, тогда и только тогда время может быть по-настоящему потеряно.

Время очевидно асимметрично, но эту асимметрию скрадывает возможность из соображений будущего действовать в настоящем. Асимметрия времени восстанавливается через образ будущего. Теперь будущее влияет на настоящее, что есть заботливое забегание вперед и при этом возвращение к собственному прошлому и настоящему, проектирование самого себя.

Расстановка приоритетов также помогает убирать лишнее, несрочное, неважное. Важно, однако, не только расставлять приоритеты, но и периодически их пересматривать в зависимости от масштаба связанных дел.

Бюджет времени необходимо делится на рабочее и нерабочее (в том числе домашний труд и удовлетворение бытовых потребностей; удовлетворение физиологических потребностей; свободное время). Но время является непрерывным, нельзя (трудно) разложить его в две отдельные коробки достать, открыть, использовать, закрыть одну и, самое главное, не задеть другую коробку. Человек частично погружен во время, то погружен, то нет, погружен частями в разные времена, время – это то, что составляет его целостность, один из видов целостности. Нельзя отрицать непрерывность времени как его свойство, с одной стороны, выходящее из самой его сущности, а с другой – из форм его существования – например, повсеместного распространения графика круглосуточной ежедневной работы. Можно «составить собственный график, внося свой вклад в движение к неупорядоченному времени» [11. С. 93]. Непрерывность времени ведет к его ускорению. Так как скорость – это изменение пространства во времени, а количество времени принято за константу, и пространство в связи с развитием технологий «сжимается», т.е. пространство за это же время изменяется сильнее, то скорость, очевидно, возрастает, что есть общая тенденция современности. Мы действуем, как будто мы бежим от времени, поэтому мы движемся настолько быстро, насколько это возможно. Даже тогда, когда это не нужно, мы действуем, думаем, чувствуем, принимаем решения со стремительностью. Этот вид состояния, в котором человек чувствует необходимость спешить, на самом деле не имея оснований, называется болезнью загнанности. Это состояние может показаться нормальным адаптивным механизмом, однако это болезнь современного мира. «Трудности начинаются тогда, когда скорость становится единственным критерием» [12. С. 31]. Скорость годится для коротких спринтерских дистанций, для марафона же нужен постоянный темп.

В тайм-менеджменте рекомендуют оставлять пару свободных часов, планировать время для ничегонеделания и торопиться не спеша. Педагог коррекционного образования и мама двоих детей Рэйчел Мэйси Стафффорд в своем блоге «Жизнь-Со-Свободными-Руками» написала о том, как она пришла к этой же идее про день, когда она перестала торопиться [13]. Это был обычный день, когда она увидела, что ее способ существования наносит вред ее детям. Здесь время проявляет себя как социально сформированное. Она начала учиться не торопиться у своей младшей дочери, начала обращать внимание на действительно важное.

Если первоначально управление временем было направлено на производительность и эффективность (делать больше за это же / меньшее время), то сейчас акцентируется необходимость наполнить это же время большей глубиной, смыслом. Можно сказать, что тайм-менеджмент только начал превращаться в лайф-менеджмент, но другие области знаний уже накопили опыт и информацию. Так, время как социальный конструкт занимало многих антропологов [14–17].

Обратимся к исследователю, чьи идеи остались актуальными, послужили основой для перехода меж-

ду дисциплинами. Эдвард Холл в книге «Молчаливый язык» пишет: «Время говорит. Оно говорит более ясно, чем слова. Сообщение, которое оно несет, проходит насквозь громко и ясно. Потому что оно манипулирует менее сознательно, оно подлечит меньшим искажениям, чем разговорный язык. Оно может кричать правду там, где слова лгут» [18. С. 23]. Вот с чем может быть связано чувство тревоги, незащищенности, страха, грусти, внутреннее беспокойство при внешнем успехе. И далее люди культуры монохронного типа «думают о времени как о чем-то фиксированном в природе, что окружает нас и чего мы не можем избежать; вездесущая часть окружающей среды, как воздух, которым мы дышим» [Там же. С. 28].

В своей второй книге «Скрытое измерение» Э. Холл повторяет идеи монохронного и полихронного времени в связи с пространством [19]. Полихронный человек стремится работать в коллективе, общение с человеком важнее рабочего расписания, и 15-минутные дела могут растягиваться до ужина. Существуют техники, устраняющие этот недостаток. Для полихроника стирается грань не только между рабочим и нерабочим временем, но и между социальным и личным пространством.

Затем полихронность стала изучаться как измерение человека, как индивидуальная переменная. Индивидуальные предпочтения могут отличаться от культурных норм.

В 1999 г. А. Блюдорн и его коллеги определили полихронность как культурную переменную: «...как степень, в которой индивид, во-первых, предпочитает быть включенным в решение нескольких задач или осуществление нескольких деятельностей одновременно и, во-вторых, полагает, что именно такое запараллеливание задач является наилучшим способом вести дела» [20. С. 207]. И позднее он тематизирует полихронность как фундаментальный аспект большинства человеческих отношений, в том числе отношений вида «руководитель и подчиненный» [21]. Опыт повседневности определяется в конечном счете трудовой деятельностью. В отношениях монохронного руководителя и полихронного подчиненного обязательно возникнут трудности. Но это не следует понимать как желание (из вредности) доставить неудобства руководителю или некомпетентность, безответственность, лень подчиненного. Существуют разные способы делать одни и те же вещи, и то, что чей-то способ отличается от моего собственного, еще не делает его плохим. Руководителю следует сосредоточиться на результатах работы, а не на рабочем процессе, т.е. на качестве работы, а не на том, работает ли подчиненный монохронно или более полихронно.

Не следует понимать полихронность только как многозадачность, это одна из реализаций полихронности, но не единственно возможная. Многозадачность актуализируется, если она удобна. Многозадачность должна быть правильной. Можно заполнить свободные минуты разговорами с родственниками или коллегами, как это советует Мариса Майер.

Полихронность включает в себе способность к одномоментному восприятию и оценке объектов,

цельность восприятия информации, движение потоков информации, возможность работать сразу по многим каналам и, в условиях недостатка информации, восстанавливать целое по его частям. Видение целой картины, всего многообразия, всей сложности, всей полноты может указать на закономерности, на причинно-следственные связи. Для полихронности прошлое, настоящее и будущее могут сливаться в одну точку. «Спецификой нынешнего восприятия времени становится поглощение настоящим прошлого и будущего, что делает нашу эпоху исторически абсолютно самодостаточной. Человек информационного общества не чувствует своей органической связи с прошлым и не в состоянии помыслить собственное будущее» [22. С. 27].

Конечно, монохронность и полихронность – это не единственные варианты, скорее, существуют бесконечные степени, начиная абсолютной монохронностью и заканчивая абсолютной полихронностью. Не обязательно кардинально меняться и становиться не тождественным самому себе, достаточно стать чуть менее монохронным. Представьте себе человека с крайней степенью монохронности и его повседневность. Рабочий день его будет, скорее всего, включать в себя, кроме 8-часового рабочего дня с перерывом на обед, еще и дорогу от работы и до работы, которая может занимать очень много времени, все это слито в такой монолит, что невозможно представить, что его нарушит музыка, книга, случайная встреча или прекрасная погода. Но ведь когда блок работы завершен, возможности могут быть уже упущены. Несовершенные и хаотичные системы должны некоторым образом поворачивать хаос себе на пользу. Этому нет места в строгой дихотомии рабочего и нерабочего времени, в монохронном обращении со временем.

Как современные организации развивают в подчиненных полихронность? Тренажерный зал, массаж, курсы иностранных языков, автоматы с напитками и едой, корпоративный отдых, некоторая подвижность рабочего дня, с одной стороны, создают комфорт, а с другой, это развивает полихронность: вы объединяете нерабочее время с рабочим, нерабочие задачи с рабочими, в то же время либо не успевая полностью выключиться из процесса (не работаете на работе), либо с мыслью, что скоро вернетесь к рабочему процессу (работаете не на работе).

Одна из главных возможностей и потребностей человека – это созидание: будь то нечто материальное, абстрактное или создание, образование самого себя, своей личности. И, кажется, именно эта потребность может стать основой преодоления границы свободного и рабочего времени: если человек с помощью работы удовлетворяет не только базовые потребности (потребности выживания), но и высшие потребности, то мотивация его как работника должна возрасти.

Выводы. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что образы времени, сформированные в современной философии и менеджменте, как минимум частично совпадают. Различия могут исчерпываться лексическими и стилистическими особенностями соответствующих областей,

особенностями их языков. Непрерывность времени, влияние будущего на настоящее, виды стоимости времени, ускорение времени – рассмотренные свойства – влекут за собой необходимость управления временем, которое выражается в расстановке приоритетов, отбрасывании лишнего, сохранении сво-

бодного времени, удобной многозадачности. Действовать согласно этим принципам легче, находясь в режиме полихронности. И если свойства времени в основном являются результатом философских изысканий, то максимы – результат теории управления временем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб. : Ювента, 1999. 605 с.
2. Derrida J. Donner la morte // Rabate J.-M., Wetzell M. (Hrsg.). *L'éthique du don. Jacques Derrida et la pensée du don*. P., 1992.
3. Кови С., Меррилл Р., Меррилл Р. Главное внимание главным вещам. Жить, любить, учиться и оставить наследие : пер. с англ. М. : Альпина Паблишерз, 2014. 325 с.
4. Сидорова Н.А., Анисинкова Е.Б. Тайм-менеджмент: создание оптимального расписания дня и эффективная организация рабочего процесса. М. : Дашков и Ко, 2008. 220 с.
5. Моргенстерн Дж. Тайм менеджмент. Искусство планирования и управления своим временем и своей жизнью. М. : Хорошая книга, 2001. 264 с.
6. Seiwert L. Noch mehr Zeit für das Wesentliche. Kreuzlingen, 2006. 333 s.
7. Marissa Mayer got this 'profound' time management advice from a college friend. URL: <http://www.businessinsider.com/marissa-mayer-time-management-2013-12> (дата обращения: 14.12.2014).
8. Бодрийяр Ж. Система вещей. М. : Рудомино, 1999. 222 с.
9. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Культурная революция, 2006. 269 с.
10. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д. Кралечкина. М. : Академический Проект, 2007. 335 с.
11. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. М. : АСТ, 2008. 569 с.
12. Зайверт Л. Если спешишь – не торопись: новый тайм-менеджмент в ускорившемся мире : семь шагов к эффективности и независимости в использовании времени / пер. с нем. Н.С. Сироткина. М. : АСТ; Астрель, 2007. 255 с.
13. The day I stopped saying «Hurry up». URL: <http://www.handsfreemama.com/2013/07/16/the-day-i-stopped-saying-hurry-up> (дата обращения: 14.12.2014).
14. Kluckhohn Fl., Strodtbeck F.L. Variation in Value Orientations. Evanston, Ill, Elmsford, New York : Row Peterson, and comp., 1961. 437 p.
15. Hofstede G. Values and Attitudes across nations and Time // International Studies in Sociology and Social Anthropology. 1998. Vol. 69. P. 16–31.
16. Trompenaars F. Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business. London : Economist Books, 1993. 166 p.
17. Время и менеджмент: межкультурная перспектива : материалы междунар. симпозиума. Нижний Новгород : ННГАСУ, 2012. 185 с.
18. Hall E.T. The Silent Language. N.Y. : Doubleday, 1959. 240 p.
19. Hall E. Hidden Dimensions. N.Y. : Anchor Books, 1990. 217 p.
20. Bluedorn A.C., Kalliath T.J., Strube M.J., Martin G.D. Polychronicity and the Inventory of Polychronic Values (IPV): The development of an instrument to measure a fundamental dimension of organizational culture // Journal of Managerial Psychology. 1999. Vol. 14. P. 205–230.
21. Bluedorn A.C. The Human Organization of Time: Temporal Realities and Experience. Stanford, CA : Stanford University Press, 2002. 367 p.
22. Hartog F. Régimes d'historicités. Présentisme et expériences du temps. Paris : Seuil, 2003. 258 p.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 16 марта 2015 г.

TIME MANAGEMENT IN THE HUMANITIES KNOWLEDGE

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 59–63. DOI: 10.17223/15617793/396/10

Popova Alena V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 3niti@sibmail.com

Keywords: time-management; polychronicity; monochronicity; priority; measuring time.

The urgency of the discussed issue is caused by the role of time in the modern world. The problem is the limited amount of time for one life, the need to share it into two unequal parts at first sight. Natural man comes to the problem of time, to questioning about the time with the actual problem of lack of time, which affects the efficiency and productivity, or with a more abstract question about the fullness, meaning of life. The main aim of the study is to describe time through the prism of philosophy and management. The results of the study are as follows. Communication between different areas of knowledge will enrich the solution. Different methodologies lead to intersected results. The idea of time in modern philosophy is similar to the idea of time in management. Differences may be in lexical and stylistic features of the areas, their languages. The continuity of time, the impact of the future on the present, the types of value of time, the acceleration of time (properties of time) entail the necessity of time management which is reflected in setting priorities, postponing unnecessary activities, preserving free time, easy multitasking. To act in accordance with these principles is easier in a polychronic mode. Polychronicity is defined as 1) the extent to which people in a culture prefer to be engaged in two or more tasks or events simultaneously and 2) the belief their preference is the best way to do things. of course, monochronicity and polychronicity are not the only option, rather there are infinite degrees, starting with absolute monochronicity and ending with absolute polychronicity. The idea of polychronicity constructed as a cultural time is transferred to the social and individual levels, because individual preferences may differ from cultural norms. Also, polychronicity is the most fundamental aspect of human relations, including relations of the leader and the followers. The idea of polychronicity hides a potential for cognition of time. If time properties are mainly the result of philosophical investigations, the maxims are the result of the theory of time management. Natural man can not be reduced to the concrete, the everyday, the practical or only to the abstract and the categorical. Time-management without subjectivity does not necessarily provide success and sense of accomplishment, as well as abstract without action. Polychronicity includes the ability to immediately perceive and evaluate objects, wholeness of the perception of information, the flow of information, the ability to work with many channels at once, and in a lack of information to recover the whole by its parts.

REFERENCES

1. Merleau-Ponty, M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. St. Petersburg: Yuventa.
2. Derrida, J. (1992) Donner la morte. In: Rabate, J.-M. & Wetzell, M. (eds.). *L'éthique du don. Jacques Derrida et la pensée du don*. Paris.

3. Covey, S., Merrill, A.R. & Merrill, R. (2014). *Glavnoe vnimanie glavnym veshcham. Zhit', lyubit', uchit'sya i ostavit' nasledie* [First things first: To live, to love, to learn, to leave a legacy]. Moscow: Al'pina Publisherz.
4. Sidorova, N.A. & Anisinkova, E.B. (2008) *Taym-menedzhment: sozdanie optimal'nogo raspisaniya dnya i effektivnaya organizatsiya rabochego protsesssa* [Time management: the creation of an optimal schedule of the day and the effective organization of the work process]. Moscow: Dashkov i Ko.
5. Morgenstern, J. (2001) *Taym menedzhment. Iskusstvo planirovaniya i upravleniya svoim vremenem i svoey zhizn'yu* [Time management. The art of planning and management of one's time and one's lives]. Moscow: Dobraya kniga.
6. Seiwert, L. (2006) *Noch mehr Zeit für das Wesentliche*. Kreuzlingen.
7. Tay, L. (2013) *Marissa Mayer got this 'profound' time management advice from a college friend*. [Online]. Available from: <http://www.businessinsider.com/marissa-mayer-time-management-2013-12>. (Accessed: 14th December 2014).
8. Baudrillard, J. (1999) *Sistema veshchey* [The system of things]. Moscow: Rudomino.
9. Baudrillard, J. (2006) *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [The consumer society. Its myths and structures]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
10. Baudrillard, J. (2007) *K kritike politicheskoy ekonomii znaka* [o the Critique of the Political Economy of a Sign]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
11. Toffler, E. & Toffler, X. (2008) *Revolyutsionnoe bogatstvo* [Revolutionary Wealth]. Moscow: AST.
12. Seiwert, A. (2007) *Esli speshish' – ne toropis': novyy taym-menedzhment v uskorivshemsya mire: sem' shagov k effektivnosti i nezavisimosti v ispol'zovanii vremeni* [If in a hurry – do not hurry: a new time management in the accelerated world: seven steps to the effectiveness and independence in the use of time]. Moscow: AST; Astrel'.
13. Rachel. (2013) *The day I stopped saying "Hurry up"*. [Online]. 16th July 2013. Available from: <http://www.handsfreemama.com/2013/07/16/the-day-i-stopped-saying-hurry-up>. (Accessed: 14th December 2014).
14. Kluckhohn, Fl. & Strodtbeck, F.L. (1961) *Variation in Value Orientations*. Evenston, Ill, Elmsford, New York: Row Peterson, and comp.
15. Hofstede, G. (1998) Values and Attitudes across nations and Time. *International Studies in Sociology and Social Anthropology*. 69. pp. 16–31.
16. Trompenaars, F. (1993) *Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business*. London: Economist Books.
17. Arzhenovskiy, I.V. (ed.) (2012) *Vremya i menedzhment: mezkul'turnaya perspektiva* [Time and Management: Cross-Cultural Perspective]. Proc. of the International Symposium. Nizhniy Novgorod: NNGASU.
18. Hall, E.T. (1959) *The Silent Language*. N.Y.: Doubleday.
19. Hall, E.T. (1990) *The Hidden Dimension*. N.Y.: Anchor Books.
20. Bluedorn, A.C., Kalliath, T.J. Strube, M.J. & Martin G.D. (1999) Polychronicity and the Inventory of Polychronic Values (IPV): The development of an instrument to measure a fundamental dimension of organizational culture. *Journal of Managerial Psychology*. 14. pp. 205–230. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/02683949910263747>
21. Bluedorn, A.C. (2002) *The Human Organization of Time: Temporal Realities and Experience*. Stanford, CA: Stanford University Press.
22. Hartog, F. (2003) *Régimes d'historicity. Présentisme et expériences du temps*. Paris: Seuil.

Received: 16 March 2015

ПИСАЛ ЛИ ЧЕХОВ ОБ ИМИДЖЕ: К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ

Обоснована возможность привлечения классических художественных текстов в качестве источников для культурологической реконструкции социокультурной реальности и раскрытия содержания культурных феноменов прошлого. В рамках культурологического подхода приведены примеры литературно-художественной рефлексии феномена имиджа.

Ключевые слова: текст культуры; феномен имиджа; художественная рефлексия; культурологическая реконструкция; культурологический подход.

Современный культуролого-антропологический дискурс озабочен поиском инструментов и методик, позволяющих реконструировать живую ткань культур, отстоящих от нас во времени, раскрыть способ взаимопроникновения личностного и интересубъективного, обнаружить культурно-исторический компонент в пространстве жизненного мира единичной личности. Именно культурология с ее вниманием к деталям повседневности способна, на наш взгляд, решить сложнейшую задачу: объединить макро- и микроуровни существования человека.

Повседневная жизнь представляет собой «единственную значимую реальность», она «интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [1. С. 38], но именно она постоянно ускользает от исследователей и трудно поддается реконструкции. Имея слишком мало эмпирического материала, мы не способны представить, как ощущал себя человек другой эпохи в своей социокультурной реальности. Где же найти источник надежных фактов о жизни индивидуума конкретной культурно-исторической эпохи? Нельзя не учитывать тот факт, что большинство документов и материалов, традиционно привлекаемых наукой для реконструкции прошлого, сами являются продуктом многократного толкования и отражают процессы и явления схематично, искаженно, дробно, так как находятся под влиянием господствующих мифологем своего времени. Любая мифологема, «опыленная идеологией, подменяет реальность удобным объяснением этой реальности, при этом связь с реальностью не только утрачивается, но не осознается даже сама эта утрата» [2. С. 113–120]. А.С. Лаппо-Данилевский указывал, что попытка историка обобщить всегда приводит к исчезновению из исторического контекста индивидуальных состояний, которые должны быть признаны существенными, поскольку без психологического (на уровне индивидуума) истолкования исторического факта невозможно приблизиться к его пониманию [3. С. 162–166, 279]. М. Шелер считал чрезвычайно важным, подвергая анализу конкретные исторические «срезы», выйти за границы доктрин и теорий, вовлечь в сферу культурологического рассмотрения весь социокультурный опыт человека и сосредоточить свое внимание на мельчайших феноменах, которые позволяют понять, как на разных этапах своего бытия человек «себя мыслил, созерцал, чувствовал, рассматривал включенным в порядок бытия» [4. С. 71].

В поле зрения современного культурологического знания все чаще попадают явления, которые всегда присутствовали в ткани повседневной жизни, но редко подвергались рефлексии по причине их обыденности, привычности, знакомости. То, с чем мы постоянно имеем дело в повседневной реальности, редко вызывает удивление и интерес исследователя. Это тем более верно, если речь идет о телесных практиках, ведь отстраниться от собственного тела, взглянуть на него со стороны, осознать манипуляции с телом как продукт культуры и выражение ментальных представлений очень непросто. «Обыденность» и «привычность» таких феноменов мешают выхватить их из текучки повседневности, а ведь именно с этого начинается анализ любого явления.

Поскольку эти феномены всегда были растворены в реалиях повседневной жизни, большая часть из них долгое время не имела даже названия, (ситуация лексического запаздывания в отношении культурных феноменов встречается довольно часто), их содержание выглядело скорее метафоричным, чем научно-рациональным. По этой причине, обретя название, они начинают восприниматься нами как «сверхновые», хотя таковыми не являются. Ведь социальные феномены, встроенные в повседневное бытование человека, не начинают существовать в момент, когда появляется термин, фиксирующий тот факт, что человек, наконец, осознал их присутствие и значение в своей жизни.

О необходимости изучения таких феноменов «постоянно говорят, их исследования планируют, но мало кто берет на себя ответственность всерьез заняться этим» [5. С. 16]. Такие феномены часто имеют статус маргинальных, поскольку в их исследовании трудно выйти на уровень теоретических обобщений. Тем не менее в глазах исследователя культурных феноменов даже пища может быть предметом глубокого исследования, поскольку «пища – это система коммуникации, собрание образов, свод обычаев, ситуаций и поступков, различия в системе пищи и диететике имеют и экономическую, и даже идеологическую обусловленность» [6. С. 369–370].

Нередки случаи, когда идеи, имеющие значение для понимания природы таких «ускользающих феноменов», рождаются у авторов, которые не ставили перед собой задачи их осмысления. Еще чаще бывает, что такие суждения рождаются в художественных произведениях, поскольку писатель может позволить

себе удовольствие писать о них, не задумываясь о теоретизировании. Художественные тексты зачастую являются тончайшими выразителями ментальности своей эпохи, они позволяют раскрыть содержание культурных феноменов прошедших эпох, позволяют сравнить наше представление о них с представлениями наших предшественников. При этом научный интерес исследователя должен быть направлен на поиск таких «уловимых» и «осязаемых» элементов культуры, в которых совокупно отражаются смысловые структуры. Или, как говорил М.М. Бахтин, рассуждая о значимости образа в культуре, понять, как через образ происходит «овнешнение внутреннего и оживлении внешнего» [7. С. 366–367].

Художественный текст, сохраняя для нас образ, фиксируя его, подобно фотоаппарату дает возможность многих последующих, более поздних интерпретаций, которые с течением времени раскрывают в этом схваченном образе культурные смыслы, присущие данной эпохе. Речь идет именно о смысле, поскольку только они являются «квантами культурного пространства» и через них выявляется «ментальная изнанка наличной эмпирии» [8. С. 69].

Современное знание еще не имеет достоверных методик реконструкции содержания культурных феноменов [9]. Наша попытка культурологической реконструкции смыслов основывается на важном представлении о том, что в современном дискурсе отсутствует классическая интерпретация текста как произведения, созданного конкретным автором, ибо текст – есть постоянный процесс смыслопорождения, часто уже не зависящий от автора-творца. На новом витке времени Читатель и Текст заново встречаются в новом вербально-дискурсивном пространстве, и процесс смыслообразования продолжается. Читатель, не являющийся современником автора и живущий в системе других парадигм, заново овладевает произведением, набрасывает на него свою систему смысловых координат и из пассивного потребителя превращается в производителя текста.

Не будем отрицать, что в современном научном дискурсе сохраняется и классическая парадигма Автор – Текст. Однако мы сосредоточим свое внимание на интерпретации текста как самостоятельного смыслопорождающего феномена, вне его прямой связи с автором. Мы хотим привести пример того, как подобные феномены становятся «героями» не научных, а художественных текстов, и обратиться к произведениям А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, С. Мюэма, Г. де Мопассана. Этот список может быть продолжен именами А.Н. Островского, У. Теккерея, Стендаля и других представителей реализма этой эпохи, чье творчество сосредоточено на приемах социального детерминизма. Все они, на наш взгляд, дают пример блестящей рефлексии и вербализации того, что сегодня принято называть имиджем.

Имя А.П. Чехова в заголовке статьи является до некоторой степени метафорой и собирательным образом, поскольку именно Чехов обладал блестящей способностью превратить знак в смысл. Произведения А.П. Чехова пронизаны пониманием того, что каждая

деталь в облике человека социально нагружена и дает возможность соотнести его с той или иной группой или ролью в обществе. Так, «порыжевшая от времени тальма» вырастает у Чехова в социальный знак, отражающий одновременно и наступившую бедность, и стремление сохранить былое достоинство, и утраченные связи с той средой, из которой когда-то вышла героиня [11. С. 269].

Феномен конструирования имиджа хотя и позиционируется сегодня некоторыми авторами как феномен XX в., на наш взгляд, имеет универсально-антропологический характер и может быть назван социокультурным рефлексом, имманентным бытованию человека. Процесс создания имиджа может быть описан как постоянный процесс телесно-знакового моделирования, т.е. использование человеком собственного тела для создания образов, выражающих смыслы, значимые в культуре. Типические или нормативные образы существуют в любом обществе. Они создаются по принципу конкурирующего отбора и трансформации. Возникающий в результате такого моделирования образ можно считать телесно-знаковым выражением ментальности конкретной культурно-исторической эпохи. При этом общество работает одновременно и как создатель образов, и как «фильтр, отсекающий чуждое и приводящий в соответствие с не рефлекслируемыми, но значимыми представлениями о важном, праведном, естественном, актуальном» [10. С. 90].

И здесь мы задаемся вопросом: присутствовало ли такое знание в смысловом универсуме предшествующей эпохи или мы являемся «первооткрывателями» сверхновых культурных феноменов? Естественно, само слово «имидж» не присутствовало ни в научном, ни в художественном дискурсе XIX в. Однако когда читаешь классиков, ясно, что речь идет именно об этом явлении, и совсем нетрудно провести четкие параллели с современным знанием о феномене имиджа.

Понятие «образа» становится основополагающим в отечественной и зарубежной литературе второй половины XIX в. Писатель или драматург создает сценический образ не только словами и поступками героя, но и упоминанием различных деталей его облика. Искусством создания цельного образа из россыпи отдельных деталей обладал английский писатель С. Мюэм. Перечисляя детали дорогого, но безвкусного наряда героини своего рассказа «Джейн», в котором сочетались *«черная соломенная шляпа и кружевная вуаль, золотая цепочка и прочные башмаки, очки в золотой оправе и несколько нижних юбок»*, он выносит ей безжалостный приговор: *«Безошибочно понимаешь, что перед тобой добропорядочное ископаемое из семейства наших богатых северных промышленников»*.

Мы существуем в реальности другого человека в виде цветковых пятен, звуков, силуэтов, движений. Эти визуальные знаки собираются в единый эмоционально окрашенный образ [12]. Однако этот образ не воспринимается в своем исходном виде, он дотраивается, видоизменяется и уже в таком превращенном виде начинает функционировать в социальных связях,

определяет их качество и характер. В рассказе Ф.М. Достоевского «Скверный анекдот» есть такая зарисовка: *«Он припомнил теперь молодого человека с длинным горбатым носом, с белобрысыми и клочковатыми волосами, худосочного и в невозможном до неприличия вицмундире. Он вспомнил, как у него мелькнула мысль, не определить ли ему десяток рублей к празднику для поправки. Но так как лицо этого человека было слишком постное, а взгляд крайне несимпатичный и вызывающий отвращение, то добрая мысль сама собой как-то испарилась».*

Современный человек, творя свой образ, не задумывается о его соответствии нормативным образцам, поскольку в современной клипово-мозаичной культуре их практически нет. В эпоху «восстания масс» единичный носитель культуры избавлен от любого давления извне и становится активным творцом своего образа. В отличие от него человек предыдущих столетий «жил как актер на сцене и подвергал свое поведение постоянному контролю, сверяя его с общепринятыми нормами и образцами. Он нес на себе груз культурных обязательств, связанных с подобающей одеждой, прической, поведением» [13. С. 152–166]. Вот несколько примеров, подтверждающих такое отношение к образу. У В.А. Соллогуба в повести «Большой свет» находим: *«В большом свете есть такие вещи, которые нельзя не иметь: скорее сделать дурное дело, скорее украсть, скорее умереть со стыда, чем сознаться в своем недостатке... Житель степной деревни не может постигнуть, сколько грядущих урожаев уничтожается в один вечер для пустой чести занять почетное место между людьми».* У Мопассана в «Милом друге» сходное представление о необходимости жесткого соответствия общепринятым нормам: *«У тебя нет фрака? Вот тебе на! В Париже, к твоему сведению, лучше не иметь кровати, чем фрака».*

Особое внимание уделялось ритуализированному поведению, которое строго регламентировалось. Тот же В.А. Соллогуб в повести «Аптекарьша» так описывает поведение своего героя: *«С мужчинами он был учтив, но не искателен; он только соизмерял свою учтивость и поклоны с уменьшением номера класса и с увеличением знаков отличия, так что Анне с короной он кланялся с развязной улыбкой, а Андрею Первозванному – с чувством глубокого почтения».* Н.В. Гоголь в поэме «Мертвые души» упоминает о существовании огромного количества особенностей, различий и оттенков поведения в свете, при котором *«с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, чем с тем, у кого их триста, а с тем, у кого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у кого их пятьсот... – словом, хоть восходи до миллиона, все найдутся оттенки».* Мопассан, описывая своего Дюруа, рисует, как *«он принялся, точно актер, разучивающий роль, репетировать перед зеркалом. Он улыбался, протягивал руку, жестикулировал, старался изобразить на своем лице то удивление, то удовольствие, то одобрение...».* Нельзя при этом не вспомнить, как тщательно репетировал свои гримасы перед зеркалом и делал антраша Чичиков.

Умение одеваться в соответствии с приличиями возводится в произведениях О. де Бальзака в ранг искусства и жизненной философии: *«Пустой человек украшается, только умный человек умеет одеваться. Истинно светский человек должен проходить среди толпы так, чтобы его не замечали... чтобы быть совершенно похожим на других и в то же время отличаться неуловимой печатью тона и приличия: пусть он будет не узан толпою – его узнают и замечают свои».*

Если рассмотреть имидж в контексте теории информации А. Моля, то его можно представить как сложное информационное сообщение, которое состоит из «конечного упорядоченного множества элементов восприятия, взятых из некоторого набора и объединенных в некоторую структуру» [14. С. 40]. В этом сообщении можно выделить следующие наборы элементов:

– *элементы, связанные с движением:* элементарные жесты, элементарная мимика, мускульная техника, дыхание, положения тела в пространстве, ритм дыхания;

– *элементы, связанные со зрительными опциями:* формы, объемы, размеры, пропорции, расстояния, цветовые пятна, оттенки, игра светотени;

– *элементы, связанные с вокально-вербальной сферой:* произношение, благозвучие, ассонанс-диссонанс, ритм, паузы, интонации, темп.

Современный исследователь имиджа А.Ю. Панасюк ввел понятие имиджформирующей информации, подробно рассмотрел механизм превращения имиджформирующей информации в мнение о носителе имиджа. Его заслугой является и то, что он выявил роль сфер сознания и подсознания в процессе формирования имиджа и показал, что для создания положительного отклика на образ необходимо влиять одновременно на обе сферы – сознание и подсознание, уделяя особое внимание сфере подсознания. Он же выделил структурные компоненты имиджа в соответствии со сферами, их образующими (габитарный, кинетический, вербальный, средовой, овеществленный), а также их взаимосвязь [15]. Если мы обратимся к рассказу А.П. Чехова «Общее образование», то не без восхищения заметим, что Чехов с удивительной точностью, устами своего героя, не только системно и структурированно перечисляет все компоненты имиджа, но и с точностью профессионального консультанта объясняет значение каждого из них в передаче смыслов и формировании эффективной коммуникации между врачом и пациентом. Налицо не только вышеперечисленные компоненты, но и примеры того, как *«вся эта механика устроена».*

В рассказе автор пересказывает диалог двух врачей, один из которых, немец Осип Францыч, имеет собственные дома и массу самоуверенности, а другой, Петр Ильич, *«яко наг, яко благ, яко нет ничего».* Оба они *«в училище курс кончили, вместе работали, оба недурно зубы рвать умеют».* Но какая между ними разница из-за того, что Петр Ильич *«не имеет, общего образования, апломба».* а говоря современным языком, навыка формирования и продвижения собственного имиджа в глазах пациентов.

Чехов, устами своего героя, начинает с утверждения о необходимости приличной обстановки (средового имиджа), поскольку «публика только по ней и судит». Обстановка включает в себя: «подъезд, бархатную мебель, вывеску с медалями, электрические звонки, кресло с фокусами на винтах, машину для веселящего газа». Для усиления впечатления об учености доктора он предлагает добавить элементы «страшные и таинственные», такие как «череп, кости, банки с адамовыми головами, инструменты», которые «чем крупнее и страшнее, тем лучше». Продолжением успешного имиджа является коляска, поскольку транспортное средство едва ли не с момента своего появления стало не только функцией, но и статусным знаком.

Чтобы усилить овеществленный имидж, Осип Францыч, проявляя чудеса практического смысла, советует «издать брошюрку “О содержании зубов”, изобрести зубной порошок и продавать его в коробочках со штемпелем и предостережением опасаться подделок, эликсир какой-нибудь наболтать, продавать зубные щетки». Особое внимание он уделяет объявлениям и считает, что от «простых объявлений мало толку, поэтому нужны объявления с фокусами: с зубами и без зубов», а еще лучше «текст напечатать вверх ногами» и «просить публику не смешивать его с другими дантистами».

Опытный и успешный доктор Осип Францыч обстоятельно объясняет, как нужно «обращаться с публикой». И здесь он демонстрирует не только удивительное знание жизни (роль подсознания в коммуникации), но и ясное представление о таких составляющих имиджа, как речь, интонация, позы, жесты, мимика. Сам он прекрасно понимает, как пациент расшифровывает знаки, которые врач демонстрирует в общении. Поучая своего незадачливого коллегу, он объясняет, что ученый человек «должен держать себя по-ученому», поэтому сам он «разговаривает авторитетно, любит философствовать». С посетителями, «будь то барыня или кто другой», он слов не тратит и пользуется только жестами: молча указывает на кресло. Это означает, что «ученым, мол, людям некогда разговаривать». В зубе, «даже если там чепуха», он советует «копаться долго, с расстановкой», раз десять всунуть зеркало в рот, поскольку именно длительность и повторяемость действия трансформируется в представление о том, что «их болезнями долго занимаются». Осип Францыч умеет «величественно и трагически» произносить хорошо зарекомендо-

вавшие себя в общении с пациентами формулы как то: «мой долг облегчить ваши страдания», «прошу относиться ко мне с доверием».

Кроме этого, в рассказе есть поражающее своей глубиной замечание, сделанное Чеховым вскользь: «Публика нынче хоть и образованная, но дикая и бессмысленная. Для нее все доктора. И Боткин доктор, и я доктор, и ты доктор». Что означает это наблюдение? А вот что: независимо от степени образования, жизненного опыта, способности к анализу, человек всегда находится в плену зрительных образов, которым он неосознанно доверяет больше всего. Так, знаки почтенного возраста превращаются в представление об опытности доктора и человека вообще, а молодость, наоборот, воспринимается как недостаток профессионализма и жизненного опыта. Значимость зрительных образов в жизни человека трудно преувеличить. Примат зрительного восприятия является важнейшей биологической особенностью когнитивной деятельности человека, которая приводит к их непревзойденной значимости в социально-культурных контактах. Человеческий взгляд – это мгновенное соотношение внешней формы и содержания, проникновение в сущность опознаваемого объекта. Зрение несет нам информацию не только о внешних характеристиках объекта: через внешние очертания мы проникаем внутрь познаваемого объекта. Ведь еще Сократ замечал, что абсолютно все – «здоровье, силу, прекрасное и доброе мы обнаруживаем только с помощью тела, доверяя зрению, слуху и другим телесным свойствам», которые являются «нашими единственными спутниками в познании» [16. С. 90]. Чехов настаивает на профессиональном умении врача «подладиться под характер публики», иначе «будь ты хоть распрепрофессор, она скорее к коновалу пойдет, чем к тебе». Это умение (а по сути речь идет о целенаправленном использовании профессионального имиджа в коммуникации) он ставит выше всех других узкопрофессиональных навыков. Вызывает восхищение и само название рассказа «Общее образование». Не найдя специального термина, Чехов поднимает интуитивное умение формирования своего образа до уровня феномена, которому трудно дать имя, но который представляет собой процесс социальной репрезентации единичной личности в социокультурном пространстве своей эпохи, выражает значимые культурные смыслы и может быть назван культурным кодом своей эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. : Медиум, 1999.
2. Климова С.М., Губарева О.В. Миф и симулякр // Человек. 2006. № 6. С. 113–121.
3. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории : в 2 т. М. : РОССПЭН, 2010. Т. 1.
4. Шелер М. Человек и история // Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994.
5. Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века. М. : Текст, 2008.
6. Барт Р. К психосоциологии современного питания // Система моды. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003.
7. Бахтин М.М. Достоевский // Собр соч. : в 7 т. М. : Русские словари, 1996. Т. 5.
8. Пелипенко А.А. Рождение смысла // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 3 (37). С. 69–78.
9. Черёмушикова И.К. «Ускользающий феномен»: к вопросу о методе исследования имиджа // Философия социальных коммуникаций. Научный теоретический журнал ВИЭСП. Волгоград, 2011. № 1 (14). С. 123–130.
10. Яковенко И.Г. История в общекультурном контексте: проблемы бытования форм исторического сознания // Личность. Культура. Общество. Т. XI, вып. 4. № 51–52. С. 89–100.
11. Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре. М. : Большая Российская энциклопедия, 1995.

12. Петрова И.А., Черёмушникова И.К. Роль цвета в познании и оценке человека человеком // Свет и цвет в экономике и обществе / под ред. О.В. Иншакова. Волгоград, 2008.
13. Дубницкий Д. Особенности мотивации в современной культуре // Символы, образы и стереотипы современной культуры : сб. науч. ст. СПб. : Эйдос, 2000. С. 152–166.
14. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М. : МИР, 1966.
15. Панасюк А.Ю. Формирование имиджа: стратегии, психотехники, психотехнологии. М. : Омега-Л, 2007.
16. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе // Памятники мировой эстетической мысли : в 2 т. М. : Изд. АХ СССР, 1962. Т. 1.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 24 апреля 2015 г.

DID CHEKHOV WRITE ABOUT THE IMAGE PHENOMENON: ON THE EXPLOITING OF THE CLASSICAL LITERARY TEXTS FOR CULTURAL RECONSTRUCTIONS

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 64–68. DOI: 10.17223/15617793/396/11

Cheremushnikova Irina K. Volgograd State Medical University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: inhabitus@mail.ru

Keywords: text of culture; phenomenon of image; literary reflection; cultural reconstruction; cultural approach.

Contemporary culture-anthropological discourse is concerned with the search of instruments and methods which make it possible to reconstruct the cultural space of historical epochs, to reveal the cultural-historical component in the individual, to unite the macro- and micro-levels of human existence. Having too little empirical material, one is not capable to realize how a person of a different historical epoch existed in their socio-cultural reality. The phenomena that have always been present in the daily life and have never been recognized because of their “triviality” are brought in the focus of contemporary culture discourse more and more frequently. We call them “disappearing phenomena”. The phenomenon of image is one of them. The phenomenon of the construction of image has a universal anthropological nature and can be represented as a social reflex. The process of image construction can be described as an expression of general cultural senses by means of body-signs. This image (typical model) can be considered as an expression of the mentality of a concrete historical epoch. It is known that most of the documents and materials we usually use for the cultural reconstruction of the past are themselves a product of interpretation, so they reflect cultural processes and phenomena schematically. At the same time many ideas important for understanding of the nature of the so called “disappearing phenomena” can be found in the texts of the authors who never intended to investigate them. Still it is more common that some important ideas appeared in literary texts which are the finest and most precise reflection of everyday life and mentality. They make it possible to restore the living tissue of the culture of the bygone epochs. The literary text as a photo camera fixes and preserves some moments of life for us and gives an opportunity of many following cultural interpretations which reveal cultural senses of the past for us. In the article, some examples from the classical literature of the 19th century are represented. These examples reveal the ideas about the methods and the importance of the construction of the individual image for effective communication. Contemporary people are absolutely unrestricted in the process of creating their image, but man of the previous centuries was under total cultural pressure. S/he felt as an actor on the stage and was to subject their behavior to constant control, comparing it with the adopted standards and models. Their image was subjected to the cultural obligations, connected with the conventional clothing, hairstyle, etiquette. The contemporary science states that we exist in the mind of another person in the form of color spots, sounds, silhouettes, movements. These visual signs are assembled into a united emotional image. However, this image is not only received, but also transformed and in such a modified condition participates in social contacts, determines their quality and nature. The same ideas are found in the literature of the 19th century. Although authors did not use the term “image” and did not investigate the process of image construction particularly, it is absolutely clear that their literary texts reflect the notions of this phenomenon. This gives us confidence in the fact that literary texts are invaluable sources for cultural and historical reconstructions.

REFERENCES

1. Berger, P. & Luckmann, T. (1999) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [The Social Construction of Reality]. Moscow: Medium.
2. Klimova, S.M. & Gubareva, O.V. (2006) Mif i simulyakr [Myth and simulacrum]. *Chelovek*. 6. pp. 113–121.
3. Lappo-Danilevskiy, A.S. (2010) *Metodologiya istorii* [Methodology of History]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
4. Scheler, M. (1994) *Chelovek i istoriya* [Man and history]. In: Scheler, M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Gnozis.
5. Le Goff, J. & Truong, N. (2008) *Istoriya tela v srednie veka* [History of the body in the Middle Ages]. Moscow: Tekst.
6. Barthes, R. (2003) *K psikhosotsiologii sovremennogo pitaniya* [To the psychosociology of modern nutrition system]. In: Barthes, R. *Sistema mody* [Fashion]. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyykh.
7. Bakhtin, M.M. (1996) *Dostoevskiy* [Dostoevsky]. In: Bakhtin, M.M. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari.
8. Pelipenko, A.A. (2007) *Rozhdeniye smysla* [Birth of sense]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 3(37). pp. 69–78.
9. Cheremushnikova, I.K. (2011) “Uskol'zayushchiy fenomen”: k voprosu o metode issledovaniya imidzha [The “disappearing the phenomenon”: the question of the method of study of the image]. *Filosofiya sotsial'nykh kommunikatsiy*. 1 (14). pp. 123–130.
10. Yakovenko, I.G. (2009) *Istoriya v obshchekul'turnom kontekste: problemy bytoviya form istoricheskogo soznaniya* [History in the general cultural context: the problem of existence of the forms of historical consciousness]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. XI, 4 (51–52). pp. 89–100.
11. Kirsanova, R.M. (1995) *Kostyum v russkoy khudozhestvennoy kul'ture* [Costume in the Russian artistic culture]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya.
12. Petrova, I.A. & Cheremushnikova, I.K. (2008) *Rol' tsveta v poznanii i otsenke cheloveka chelovekom* [The role of color in the knowledge and evaluation of a person by a person]. In: Inshakov O.V. (ed.) *Svet i tsvet v ekonomike i obshchestve* [Light and Color in the economy and society]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo.
13. Dubnitskiy, D. (2000) *Osobennosti motivatsii v sovremennoy kul'ture* [Features of motivation in modern culture]. In: Moreva, L. (ed.) *Simvol, obrazy i stereotipy sovremennoy kul'tury* [The characters, images and stereotypes of modern culture]. St. Petersburg: Eydos.
14. Moles, A. (1966) *Teoriya informatsii i esteticheskoe vospriyatie* [Information theory and aesthetic perception]. Moscow: MIR.
15. Panasyuk, A.Yu. (2007) *Formirovaniye imidzha: strategii, psikhotehniki, psikhotehnologii* [Formation of image: strategy, psychotechniques, psychotechnology]. Moscow: Omega-L.
16. Xenophon. (1962) *Vospominaniya o Sokrate* [Memoirs of Socrates]. In: *Pamyatniki mirovoy esteticheskoy mysli* [Monuments of World Aesthetic Thought]. Vol. 1. Moscow: Izd. AN SSSR.

Received: 24 April 2015

ИСТОРИЯ

УДК 930:001.12

С.А. Алтухова

БРИТАНСКИЕ ЦЕНТРЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Систематизирован материал о британских исследовательских и аналитических организациях, работающих с проблематикой современных межэтнических отношений. Автором предложена типология этих организаций. С опорой на информацию, представленную на их официальных сайтах, на основе четырех критериев (цель деятельности, локализация, финансирование, сферы и методы деятельности) было выделено четыре типа: правительственные комитеты, аналитические неправительственные центры, информационно-аналитические издания и СМИ, университетские научно-исследовательские центры.

Ключевые слова: Великобритания; современные межэтнические отношения; исследовательские и аналитические организации; типология.

С середины XX в. в Великобритании в условиях формирования культурно, этнически и религиозно неоднородного общества правительственные круги разрабатывают определенные мероприятия по управлению сложившимся этнокультурным многообразием. Как правило, эти мероприятия осуществляются в контексте интеграционной работы с иммигрантами. Первый закон по иммиграционной политике был принят в 1948 г., затем последовали законы 1965 и 1976 гг., имевшие антидискриминационный характер. В идеологическом плане была выбрана стратегия равных возможностей для представителей различных этнокультурных групп.

В данной связи под эгидой правительства учреждались и продолжают учреждаться организации, которые призваны отслеживать реализацию политики британского правительства, а также проводить исследование межкультурных и межэтнических отношений внутри британского социума. Кроме того, возникает необходимость создания аналитических моделей, позволяющих оперативно оценивать реальное состояние дел, анализировать возможные последствия управленческих решений, прогнозировать возможные тенденции развития. В сферах общественно-экспертного обсуждения и научно-академического изучения создаются объединения политиков, экспертов, ученых, внимание которых акцентируется на исследованиях современных межэтнических процессов.

Первые организации, основанные как по правительственной инициативе, так и экспертно-научным сообществом, появились в середине XX в. (Институт расовых отношений, Комиссия по расовому равенству), однако их расцвет приходится на начало 2000-х гг. в связи с увеличением интенсивности и разнообразия межэтнического взаимодействия в Великобритании. В настоящее время функционирует большое число подобных организаций, различающихся как в организационном отношении, так и по целям деятельности, методам работы, составу участников.

Первым этапом работы с разрозненным материалом в процессе научного осмысления является его упорядочивание и выстраивание в логически стройную систему, разделение элементов на группы на ос-

нове характерных признаков с целью дальнейшей их характеристики и типологизации. В данном случае типология (типологизация) понимается как метод научного познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью типа, т.е. обобщенной, идеализированной модели [1]. Типологический анализ позволяет углубить и конкретизировать выявленные признаки, описать и обосновать типы элементов с последующим построением их классификационной иерархии [2].

Цель данной статьи – охарактеризовать сложившиеся британские исследовательские и аналитические организации, работающие с проблематикой межэтнических отношений, и провести первичную типологизацию данных организаций на основе следующих критериев: цели деятельности, локализация, финансирование, сферы и методы работы. В процессе работы были использованы материалы официальных сайтов анализируемых организаций. Специфика данной статьи заключается в первичной систематизации многочисленного фактического материала, накопленного за более чем полувековой период деятельности этих организаций. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в дальнейшем для более глубоких аналитических исследований и характеристики в целом опыта работы британского научного и экспертного сообщества в области исследований межэтнических отношений.

В результате анализа было выявлено четыре типа организаций:

1. Правительственные комитеты, размещенные в столице, а также имеющие свои представительства в крупнейших городах Великобритании.
2. Аналитические неправительственные центры, также, как правило, расположенные в столице.
3. Информационно-аналитические издания и СМИ, имеющие транснациональный и национальный масштаб.
4. Региональные научно-исследовательские центры на базе университетов.

В настоящее время и отечественные, и зарубежные ученые обращаются к изучению преимущественно второго вида названных организаций, а именно так

называемых «мозговых центров», или «think-tank». Наиболее подробно деятельность аналитических центров описана в работах В.А. Филиппова [3], Ф.Г. Войтоловского [4], Е.В. Костылева [5], к рассмотрению британских «фабрик мысли» обращается Е.Е. Баринава [6–8]. Среди зарубежных исследователей «мозговых центров», в том числе и британских, можно отметить работы Д. Макганн [9, 10], А. Миссироли [11]. Однако полномасштабного комплексного исследования вопроса пока не предпринято¹.

К *первой группе исследовательских и аналитических организаций* нами отнесены государственные комиссии, советы и рабочие комитеты, в компетенцию которых входят вопросы урегулирования межкультурных и межэтнических отношений внутри британского общества. Эти организации, созданные на основе государственного финансирования, призваны оказывать помощь правительственным структурам в разработке законодательных решений, обеспечивать условия их реализации, участвовать в публичном обсуждении проблем национального масштаба. Не менее важной сферой деятельности данных организаций является исследовательская, в рамках которой осуществляется сбор необходимой информации, проведение целевых изысканий и публикация проведенных исследований. Эта группа исследовательских организаций является самой малочисленной, однако ее значение заключается в том, что эти организации представляют правительственную точку зрения.

В качестве примера можно назвать Комиссию по равенству и правам человека (Equality and Human Rights Commission, далее EHRC), которая является вневедомственным органом, работающим под эгидой Правительственного управления по вопросам равенства (Government Equality Office). Она работает с 2007 г.² и имеет свои представительства как в столице, так и в других крупнейших британских городах – Манчестере, Глазго, Кардиффе. Штат работников EHRC на 2013 г. составляет 10 коммиссионеров и 258 штатных сотрудников. Первоначально ее бюджет равнялся 70 млн фунтов стерлингов, к 2015 г. планируется его снижение до 26 млн фунтов стерлингов. В настоящее время работу EHRC возглавляет Б. О'Нейл.

Исследовательскими сферами деятельности EHRC провозглашаются проблемы гендерной дискриминации и дискриминации людей с ограниченными возможностями, а также вопросы расового и этнического неравенства. Обозначенная в программных документах цель EHRC гласит: «Обеспечение равенства возможностей для всех категорий граждан страны в современных экономических, политических и социальных условиях в соответствии с потребностями экономики и общества» [12. С. 4].

Важным направлением деятельности EHRC являются собственные исследования и предоставление грантов другим исследовательским организациям (за восемь лет работы реализовано более 100 проектов). Из последних проектов, связанных с межэтническими отношениями, можно назвать: «Цыгане и кочевники» [13]; «Насколько справедлива Великобритания» [14];

«Иммиграция и рынок труда: теория, данные, политика» [15].

Другим направлением деятельности EHRC является участие в законодательном процессе и представление в парламент брифинг-докладов. Также эта организация осуществляет работу с населением посредством телефона доверия, юридических консультаций, просветительской деятельности через сайт (<http://www.equalityhumanrights.com>) и печатные публикации. EHRC имеет право делать официальные запросы, возбуждать судебные иски (за 2013 г. рассмотрено 34 жалобы), контролировать деятельность государственных органов в области равенства и прав человека.

Наряду с Комиссией по равенству и правам человека типологически к группе правительственных комитетов можно отнести Научно-исследовательский совет по экономическим и социальным вопросам (ESRC, Economic and Social Research Council, исполнительный директор профессор П. Бойл, <http://www.esrc.ac.uk/index.aspx/>).

Во *вторую группу исследовательских центров*, изучающих проблематику межэтнических отношений, нами включены негосударственные аналитические центры (think-tank, «фабрики мысли», «мозговые центры»), которые на основе собственных исследований и аналитических разработок предоставляют информацию и рекомендации для лиц, принимающих политические решения, содействуют выработке и реализации эффективной государственной политики. По мнению Е.Е. Баринавой, большинство аналитических центров в Великобритании создаются как благотворительные организации и стремятся дифференцировать источники своих доходов с целью сохранения независимости от корпоративных, партийных и иных интересов [6].

Эксперты «мозговых центров» имеют личные контакты с представителями политического истеблишмента Великобритании, регулярно выступают перед парламентариями, вступают в неформальные сетевые связи с неправительственными организациями, гражданскими служащими, политиками, учеными и другими заинтересованными кругами. Можно сказать, что «фабрики мысли», сосредотачиваясь на освещении альтернативных вариантов политики, создают конкуренцию для государственного аппарата как основного источника рекомендаций по публичной политике [3].

Данная группа исследовательских организаций является самой многочисленной. Всего в Великобритании, по данным на 2013 г., более 200 «мозговых центров» [9. С. 23] и примерно 20 из них занимаются исследованиями современного культурного многообразия, а именно вопросами политических и гражданских прав; социальной и экономической интеграции иммигрантов; урегулирования межрелигиозных отношений, проблем экстремизма, исламофобии, терроризма.

Одним из «мозговых центров», занимающихся вопросами равенства политических и гражданских прав, является расположенный в Лондоне Институт расовых отношений (Institute of Race Relations, далее IRR). Этот неправительственный аналитический центр был создан по инициативе Института стратегических ис-

следований и Фонда Форда в 1958 г. для исследования межрасовых отношений в колониях Британского Содружества. В 1972 г. он был преобразован в «анти-расистский мозговой» центр. Текущая работа в IRR осуществляется силами шести или семи исследователей, десяти членов Совета и около 25 человек, принятых на добровольной основе. Финансовый оборот IRR за 2013 г. составил 250 тыс. фунтов стерлингов, полученных в результате дохода от своих публикаций, а также благотворительных пожертвований от спонсоров. В настоящее время IRR возглавляет Л. Фекете.

Целями деятельности IRR провозглашаются повышение, изучение, сбор и обмен информацией об отношениях между различными расами и народами, проживающими на территории Великобритании, а также разработка предложений по улучшению этих отношений. Первое направление деятельности IRR – исследовательское: изучение проявлений расизма по отношению к беженцам и мусульманам в прессе, в полиции, в школе, в тюрьме, влияние антитеррористического законодательства на политику мультикультурализма. IRR также проводит изыскания – как в Великобритании, так и в других европейских странах. Второе направление – просвещение населения через сайт организации (<http://www.igt.org.uk/>), а также выпуск ежеквартального журнала «Раса и класс», бесплатных информационных материалов, отдельных книг, брошюр и отчетов. В рамках своей воспитательной работы IRR разработал ряд образовательных электронных ресурсов, например «*HomeBeats: борьба за расовую справедливость*» [16]. Данный ресурс представляет собой мультимедийный проект-путешествие во времени, знакомящий с помощью музыки, графики, видео и анимации с культурой темнокожего населения Великобритании.

Также из последних проектов IRR можно назвать «Альтернативные точки зрения на интеграцию: в Австрии, Франции, Германии, Нидерландах и Великобритании» [17]; «Насилие на расовой почве: лицом к лицу с реальностью» [18]; «Новая география расизма: Питерборо» [19].

В группу аналитических «мозговых» центров нами отнесены также те, которые занимаются изучением британского мультикультурного общества в связи с его миграционными изменениями, проблемами экономической, социальной и культурной интеграции иммигрантов. В качестве примера можно назвать Британскую сеть мигрантов (Migration's right Network, далее MRN) – независимый неправительственный агитационный самофинансируемый аналитический центр, созданный в 2006 г. В организационном отношении MRN – это сеть, состоящая из различных организаций, общин мигрантов, групп добровольцев, профсоюзов, религиозных групп и насчитывающая более 1 800 участников, в том числе и зарубежных. Центральный офис MRN находится в Лондоне. Председателем совета директоров MRN является У. Фарах, руководителем лондонской исследовательской группы из пяти человек – Д. Флинн. В 2011–2012 гг. доходы MRN составили около 300 тыс. фунтов стерлингов, при этом главным источником по-

ступления являются добровольные благотворительные пожертвования. Средства MRN расходуются на заработную плату сотрудников центра, проводимые исследовательские проекты и целевую поддержку.

MRN был создан с целью объединения работы отдельных активистов, ученых и представителей государственной власти, а также сторонних аналитических организаций и религиозных объединений для оказания помощи в защите прав отдельных мигрантов и миграции в целом. Одним из направлений его деятельности является создание онлайн-пространства для высказывания мигрантами своего мнения в рамках общественно-политического дискурса. В 2011 г. под руководством MRN была создана Всепартийная парламентская группа по вопросам миграции для предоставления парламентариям независимой информации. Результаты работы всех проектов MRN публикуются в свободном доступе на сайте организации (<http://www.migrantsrights.org.uk>).

Интерес с точки зрения проблематики изучения межэтнических отношений представляют следующие реализованные проекты: брифинг-отчет для палаты лордов о потенциальных последствиях введения проверок домовладельцами иммиграционного статуса у арендующих жилье [20], участие в проекте «Clandestino» по исследованию нелегальной иммиграции совместно с европейским центром PICUM [21].

Также к группе «мозговых центров» можно отнести Институт исследований гражданского общества Civitas (Institute for the Study of Civil Society Civitas, директор Д.Д. Грин, <http://www.civitas.org.uk/>); Demos (директор Ф. Коллинз, <http://www.de-mos.co.uk>); Королевский институт международных отношений (Chatham House, директор Р. Найблетт, <http://www.chathamhouse.org>); MigrationWatch UK (руководитель сэр Э. Грин, <http://www.migration-watchuk.com>); Центр содействия иммигрантам Praxis (Praxis Community Projects, председатель Б. Рош, <http://www.praxis.org.uk/index.php>) и др. Вопросы, связанные с межрелигиозным взаимодействием в британском обществе, изучают также центры: Ekklesia (руководители Дж. Бартли и С. Бэрроу, <http://www.ek-klesia.co.uk/>); Quilliam (руководители М. Наваз, И. Ваххаб др., <http://www.quilliam-foundation.org/>); Theos (директор Э. Олдфилд, <http://www.theosthink-tank.co.uk>) и др.

К третьей группе исследовательских организаций, занимающихся проблемами межэтнического взаимодействия, отнесены информационно-аналитические издания и средства массовой информации, отражающие общественное мнение, которое является специфическим проявлением общественного сознания и выражается публично в устной или письменной форме. Однако публикуемые в СМИ материалы, обзоры ведущих экспертов, исследовательские статьи известных ученых являются не только отражением общественного мнения, но и инструментом его конструирования. Тиражируемые посредством информационно-аналитических изданий и СМИ интерпретации экспертного и научного сообщества и есть тот механизм, с помощью которого их индивидуальные точки

зрения приобретают массовый характер и поддерживаются большинством.

Наиболее яркий пример подобной организации – британское отделение журнала Eurozine, входящее в сеть европейских некоммерческих информационно-аналитических журналов, занимающихся вопросами современной культуры. Эта сеть объединяет более 100 журналов-партнеров в 34 странах, издающихся на 32 языках. В своем настоящем виде сеть работает с 1995 г. В Консультативный Совет, собирающийся ежегодно и играющий большую роль в управлении Eurozine, от Великобритании входит Дж. Видал-Холл. Финансируется журнал Eurozine спонсорами, одним из которых является программа Еврокомиссии «Образование и культура». Информация о них представлена на сайте журнала (<http://www.eurozine.com/sponsors.html>).

Целями деятельности Eurozine провозглашаются содействие работе ведущих европейских журналов, посвященных современной культуре, активизация общения и обмена между ними, формирование общественного пространства нового типа для открытого и критического обсуждения глобальных тем и вопросов культурной сферы на транснациональном уровне. Представляя общеевропейский обзор текущих тем и обсуждений, Eurozine предлагает богатый выбор источников информации для читателя, облегчает общение и обмен между национальными отделениями журнала, открывает новое пространство для транснациональных дебатов. Количество авторов трудно подсчитать, они указаны на сайте в алфавитном порядке, и на одну только литеру «А» – несколько десятков имен исследователей.

Практически ежемесячно на страницах журнала публикуются обширные статьи ученых, получивших мировую известность. Эти работы посвящены проблематике межэтнических отношений, анализу тенденций современного межэтнического, межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, обзорам публикаций на заданную тематику. Среди авторов можно назвать К. Малик, В. Уберой, а также всемирно признанных теоретиков мультикультурализма: С. Бенхабиб, У. Кимлику, Т. Модуда, Я. Алибхай-Браун и др.

Наряду с Eurozine в группу организаций, отнесенных к типу информационно-аналитических изданий и СМИ, можно назвать The Guardian (главный редактор А. Расбриджер, <http://www.theguardian.com/uk>); OpenDemocracy (главный редактор Р. Беклер, <https://www.opendemocracy.net>); The Times (главный редактор Джеймс Хардинг, <http://www.thetimes.co.uk/tto/news>) и др.

К последней, *четвертой группе организаций*, исследующих тенденции современного межкультурного взаимодействия, отнесены научно-исследовательские центры, сформированные на базе университетов. Кроме проведения практических исследований современных межэтнических отношений, они являются центрами разработки теоретических основ феномена мультикультурализма, концептуальных вопросов природы государственности, универсализма культурных и ценностно-этических норм, проблем нацио-

нальной и культурной идентичности, а также приоритета групповых или индивидуальных прав. В данных центрах работают представители академических наук (философии, социологии, политологии), а также смежных дисциплин. В географическом отношении эта группа организаций охватывает практически всю территорию Великобритании. Финансируется их работа преимущественно посредством грантов и целевых программ на исследования.

Наиболее известна среди университетов, реализующих научно-исследовательскую деятельность, Лондонская школа экономики и политических наук (сокращенно Лондонская школа экономики, далее LSE), которая является частью Лондонского университета. Она была основана в 1895 г. и за более чем столетнюю историю приобрела выдающуюся академическую репутацию. Провозглашенный девиз университета – «*знать причины вещей*» – подразумевает, что кроме преподавательской деятельности в LSE ведется широкая научная работа.

В настоящее время на базе LSE функционирует 19 исследовательских центров. В этих центрах ведется исследовательская работа студентов в сотрудничестве с профессорами. В частности, в Центре по правам человека проводятся исследования, связанные с проблемами глобальной бедности и международного права в области прав человека, возможностям развития идей космополитизма, условиями реализации политики солидарности и ненасилия (<http://www.lse.ac.uk/humanRights/home.aspx>). Другой центр – Центр анализа социального исключения (CASE), проводит изучение различных аспектов социального неблагополучия и анализирует влияние государственной политики на интеграционные процессы (<http://sticerd.lse.ac.uk/case>).

Кроме того, в LSE работают признанные теоретики мультикультурализма, известные в международном научном сообществе создатели современных научных концепций урегулирования межэтнических отношений: Ч. Кукатас, профессор политической теории, автор книги «Либеральный архипелаг: теория разнообразия и свободы» (2003); П. Келли, профессор политической теории, автор книги «Пересмотренный мультикультурализм» (2002) и др.

Не менее известен в настоящее время Центр по изучению этничности и гражданства (Centre for the Study of Ethnicity and Citizenship, далее Центр), который был основан в 1999 г. при Школе социологии, политологии и международных исследований (SPAIS) Бристольского университета. В нем работают 12 человек основного персонала, есть аффилированные (от SPAIS) и почетные члены (из других университетов Великобритании), а также порядка десяти молодых исследователей-студентов. Основатель и руководитель Центра – профессор социологии Т. Модуд.

Центр координирует и реализует исследования по изучению этнической принадлежности в трех широких областях: «Внешняя отличительность, политика и гражданство» (изучение политики мультикультурализма, проблем секуляризации, появления новых форм политического участия); «Этничность и нера-

венство» (вопросы исключения по расовому, возрастному, профессиональному признакам, этнической стратификации и конкуренции, социальной мобильности); «Миграция и транснациональные сети» (проблемы трудовой миграции, взаимосвязь семьи, гендера и миграции; вопросы подвижности элит и непривилегированных слоев общества, миграционной политики; транснационализма и диаспоры). Ключевой подход Центра – сочетание практических исследований повседневной практики мультикультурализма с теоретическими исследованиями в области нормативной идеологии в сотрудничестве с другими исследователями Великобритании и прочих стран Европы и Северной Америки. Публикация результатов изысканий Центра осуществляется на сайте (<http://www.bris.ac.uk/ethnicity>), на страницах международного журнала «Этносы», а также в серии книг «Политика идентичности и гражданства».

Из последних проектов Центра интерес с точки зрения проблематики межэтнических отношений представляет проект «Строительство моста», посвященный изучению процессов взаимоотношений между коренными жителями Бристолья и местной общиной иммигрантов азиатского происхождения [22]. Другой проект международного масштаба под названием «Евроислам: выбор места для ислама в Европе» посвящен изучению практики взаимодействия между иммигрантами-мусульманами и принимающим европейским сообществом, а также вопросам согласования ценностей ислама и норм европейской секуляризованной культуры [23].

Среди других центров, типологически отнесенных к группе университетских научно-исследовательских организаций, можно назвать: Центр по изучению демократии Вестминстерского университета (директор исследовательского отдела профессор Г. Смит, <http://www.westminster.ac.uk/csd/home>); Центр миграционной политики и общества COMPAS Оксфорда (директор – профессор антропологии М. Кит, <http://www.compas.ox.ac.uk>); Центр социально-правовых исследований Оксфорда (руководитель – профессор социальной антропологии Ф. Пири, <http://www.csls.ox.ac.uk>); Центр социальных и политических исследований университета г. Йорк (директор профессор Р. Сейнсбери, <http://www.york.ac.uk/inst/spru>) и др.

Подводя итоги, можно сказать, что в условиях формирования современного культурно-неоднородного общества Великобритании осуществляется процесс осмысления и изучения современных межэтнических отношений. На наш взгляд, типологически в зависимости от местоположения, источников финансирования, а также целей и сферы деятельности бри-

танские организации, исследующие межэтнические отношения, можно разделить на четыре группы: правительственные комитеты, «фабрики мысли», информационно-аналитические издания и СМИ и университетские научно-исследовательские центры.

В географическом отношении первые три типа организаций имеют свои представительства в столице. При этом организации второго типа располагаются, как правило, в Лондоне, организации первого и четвертого типа имеют более разветвленную структуру, представляя крупные города Великобритании, тогда как организации третьего типа могут носить межнациональный характер. Только первая группа организаций получает государственное финансирование, остальные, обладая большей свободой, финансируются посредством собственной деятельности, благотворительных пожертвований и грантов под целевые исследования. Все организации имеют свои сайты и осуществляют издательскую деятельность, активно представляя свою точку зрения в пространстве мультикультурного дискурса.

Все центры осуществляют практические исследования, однако их цели и тематика различаются. Организации, причисленные нами к первому типу, представляя позицию власти и политического истеблишмента, более других связаны с реализацией национальной политики правительства. Вторая группа центров, самая многочисленная, занимается экспертными исследованиями практики межкультурного и межэтнического взаимодействия внутри британского социума. Организации этой группы, так называемые «мозговые центры», исследуют вопросы гражданского, политического и социально-экономического равенства, проблемы интеграции иммигрантов во всех сферах жизни, проблемы сегрегации, экстремизма и исламофобии, проводят мониторинг общественного мнения.

Центры, объединенные в третью группу, представляют собой аналитически-информационные издания и СМИ. Их главной целью провозглашается создание единого пространства мультикультурального дискурса, предоставление возможности для высказывания всех точек зрения: правительственных структур, общественного и экспертного сообщества, академических кругов. Наконец, четвертая группа занимается формированием мультикультуральных концепций, теорий и идеологии на основе практических исследований современного британского культурно-неоднородного общества.

Практическая значимость проведенной работы заключается в получении возможности оценить опыт и результаты работы этих организаций, сравнить цели их деятельности, подходы и методологию работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В процессе работы над статьей возникла трудность в формулировании собирательного понятия, которое бы охарактеризовало данные организации, поскольку среди них есть типологически и институционально разные структуры: центры, комиссии, институты, СМИ, ассоциации, сети и др. Исследователи используют различные дефиниции: аналитические центры [3] или центры, институты, советы и ассоциации исследовательско-аналитического характера [4]. В рамках данной статьи применено понятие «исследовательские и аналитические организации».

² В истории Великобритании существовали три последовательно сменявших друг друга организации, созданные для реализации соответствующих законов о равенстве и расовых отношениях. С 1965 по 1976 г. функционировало Управление по вопросам расовых отношений, в 1977 г. оно было преобразовано в Комиссию по расовому равенству, а с 2007 г. ее сменила Комиссия по равенству и правам человека, которая объединила в своей работе функции и полномочия Комиссии по правам инвалидов и Комиссии по равным возможностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новая философская энциклопедия. М., 2003. URL: <http://iph.ras.ru/elib/3019.html>
2. Сукиасян Э.Р. Классификация или типология? URL: <http://www.gpntb.ru/win/ntb/ntb96/10/f101.html>
3. Филиппов В.А. Аналитические центры – стратегический интеллектуальный ресурс. М. : Ленанд, 2007. 104 с.
4. Войтоловский Ф.Г. «Производство» интеллектуального пространства мировой политики. URL: <http://www.intertrends.ru/eleveth/008.htm>
5. Костылев Е.В. Зарубежные и отечественные «мозговые центры» // Российская гуманитарная наука: генезис и состояние. 2007. Вып. 2. С. 234–332.
6. Баринаева Е.Е. «Мозговые центры» в современной политической аналитике // Государственная служба. 2012. № 2. С. 78–81.
7. Баринаева Е.Е. Королевский институт международных отношений: механизмы участия «мозгового центра» в политическом дискурсе Великобритании // Государственная служба. 2012. № 3. С. 107–109.
8. Баринаева Е.Е. «Мозговые центры» Великобритании: история, типология и значение // Государственная служба. 2012. № 5. С. 107–109.
9. Макганн Д. Всемирный индекс-рейтинг аналитических центров за 2013 г. и сокращенный текст доклада. Филадельфия, 2013. 125 с.
10. McGann J.G. The 2012 GLOBAL GO to think tanks report and policy advice. Philadelphia, 2013. 128 p.
11. Missiroli A., Ioannides I. European think tanks and the EU. URL: http://ec.europa.eu/bepa/pdf/publications_pdf/brief-policy/berl_papers_issue_2.pdf
12. Equality and Human Rights Commission. Strategic plan 2012–2015. London : The Stationery Office, 2012. 26 p.
13. Gypsies and Travellers: Simple solutions for living together. London, 2009. URL: http://www.equalityhumanrights.com/sites/default/files/documents/gypsies_and_travellers.pdf
14. How fair is Britain? URL: <http://www.equalityhumanrights.com/about-us/our-work/key-projects/how-fair-is-britain>
15. Somerville W., Sumption M. Immigration and the labour market – theory, evidence and policy. London, 2009. URL: http://www.equalityhumanrights.com/sites/default/files/documents/raceinbritain/immigration_and_the_labour_market_-_theory_evidence_policy.pdf
16. Homebeats: struggles for racial justice (single user licence). URL: <http://www.irr.org.uk/publications/issues/homebeats-struggles-for-racial-justice-single-user-licence>
17. Alternative Voices on Integration in Austria, France, Germany, the Netherlands and the UK / ed. by L. Fekete et al. London, 2010. URL: <http://www.irr.org.uk/pdf2/AlternativeVoicesOnIntegration.pdf>
18. Racial violence in the UK. URL: <http://www.irr.org.uk/research/geographies-of-racism>
19. The new geographies of racism: Peterborough. URL: <http://www.irr.org.uk/news/the-new-geographies-of-racism-peterborough>
20. Immigration bill briefing for House of Lords: The implications of landlord checks for migrants in the UK. London, 2014. URL: http://www.migrantsrights.org.uk/files/publications/MRN_briefing-landlord_checks-House_of_Lords-Feb_2014.pdf
21. Irregular Migrants: the urgent need for a new approach. London, 2009. URL: http://www.migrantsrights.org.uk/files/publications/irregular-migrants_fullbooklet.pdf
22. Building the Bridge: Muslim community engagement in Bristol. URL: <http://www.publicspirit.org.uk/assets/Building-the-Bridge-Report-2014.pdf>
23. Eurislam: Finding a Place for Islam in Europe. URL: <http://www.bris.ac.uk/ethnicity/projects/eurislam/index.html>

Статья представлена научной редакцией «История» 20 апреля 2015 г.

BRITISH CENTERS FOR THE STUDY OF CONTEMPORARY ETHNIC RELATIONS

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 69–75. DOI: 10.17223/15617793/396/12

Altukhova Svetlana A. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ana.asol@mail.ru

Keywords: United Kingdom; modern inter-ethnic relations; research and analysis organization; typology.

The culturally, ethnically and religiously heterogeneous society has been formed in the UK since the middle of the 20th century. In these circumstances, the government circles have been developing certain activities to manage the ethnic and cultural diversity. Organizations have been established under the auspices of the government designed to monitor the implementation of the policy of the British government, as well as to conduct research of intercultural and inter-ethnic relations within the British society. In addition, there is a need to build analytical models to quickly assess the real state of affairs, to analyze the possible consequences of management decisions, to predict possible developments. Associations of politicians, experts, scientists come together in public and expert discussions and scientific and academic study. The attention of these associations is focused on the study of contemporary ethnic processes. Currently, the country has a large number of such organizations which differ both in terms of their organization and purposes of activities, working methods, participants. The first stage of the work with the disparate material in the process of its scientific understanding is its ordering and alignment in a logically sound system, classifying elements into groups on the basis of characteristic features for their further characteristics and typology. The purpose of this article is to characterize the existing British research and analysis organization working with the problems of inter-ethnic relations and to conduct an initial typology of these organizations on the basis of the following criteria: goals, location, funding, scope and methods of work. The author used the official websites of the analyzed organizations in the process of work. Four types of organizations were revealed for the analysis: 1) governmental committees stationed in the capital with offices in major cities in the UK; 2) analytical non-governmental centers, as a rule, located in the capital; 3) research and information editions and media of transnational and national level; 4) regional research centers at universities. The practical significance of this work is to provide opportunities to evaluate the experience and results of these organizations, to compare their performance objectives, approaches and methodology of work.

REFERENCES

1. Stepin, V.S. (ed.) (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [The New Encyclopedia of Philosophy]. [Online]. Moscow: Mysl'. Available from: <http://iph.ras.ru/enc.htm>.
2. Sukiasyan, E.R. (c. 1995) *Klassifikatsiya ili tipologiya?* [Classification or typology?]. [Online]. Available from: <http://www.gpntb.ru/win/ntb/ntb96/10/f101.html>.
3. Filippov, V.A. (2007) *Analiticheskie tsentry – strategicheskii intellektual'nyy resurs* [Analytical centres as a strategic intellectual resource]. Moscow: Lenand.
4. Voytolovskiy, F.G. (n.d.) *“Proizvodstvo” intellektual'nogo prostranstva mirovoy politiki* [“Production” of intellectual space of the world politics]. [Online]. Available from: <http://www.intertrends.ru/eleveth/008.htm>.

5. Kostylev, E.V. (2007) Zarubezhnye i otechestvennye “mozgovye tsenry” [Foreign and domestic “think tanks”]. *Rossiyskaya gumanitarnaya nauka: genezis i sostoyanie*. 2. pp. 234–332.
6. Barinova, E.E. (2012) Think tanks in contemporary political analysis. *Gosudarstvennaya sluzhba – Public Administration*. 2. pp. 78–81. (In Russian).
7. Barinova, E.E. (2012) The Royal Institute of International Affairs: participatory mechanisms in British political discourse. *Gosudarstvennaya sluzhba – Public Administration*. 3. pp. 107–109. (In Russian).
8. Barinova, E.E. (2012) British Think Tanks: History, Typology and Impact. *Gosudarstvennaya sluzhba – Public Administration*. 5. pp. 107–109. (In Russian).
9. McGann, J.G. (2013) *2013 Global Go to Think Tanks Index Report*. Philadelphia.
10. McGann, J.G. (2013) *The 2012 Global Go to Think Tanks Index Report and Policy Advice*. Philadelphia.
11. Missiroli, A. & Ioannides, I. (2012) European think tanks and the EU. [Online]. Available from: http://ec.europa.eu/bepa/pdf/publications_pdf/brief-policy/berl_papers_issue_2.pdf.
12. Equality and Human Rights Commission. (2012) *Strategic plan 2012–2015*. London: The Stationery Office.
13. Equality and Human Rights Commission. (2009) *Gypsies and Travellers: Simple solutions for living together*. [Online]. Available from: http://www.equalityhumanrights.com/sites/default/files/documents/gypsies_and_travellers.pdf.
14. Equality and Human Rights Commission. (2010) *How fair is Britain?* [Online]. Available from: <http://www.equalityhumanrights.com/about-us/our-work/key-projects/how-fair-is-britain>.
15. Somerville, W. & Sumption, M. (2009) *Immigration and the labour market – theory, evidence and policy*. London. [Online]. Available from: http://www.equalityhumanrights.com/sites/default/files/documents/raceinbritain/immigration_and_the_labour_market_-_theory_evidence_policy.pdf.
16. *Homebeats: struggles for racial justice* (single user licence). [Online]. Available from: <http://www.irr.org.uk/publications/issues/homebeats-struggles-for-racial-justice-single-user-licence>.
17. Fekete, L., Bouteldja, N. & Mühe, N. (2010) *Alternative Voices on Integration in Austria, France, Germany, the Netherlands and the UK*. [Online]. London: Institute of Race Relations. Available from: <http://www.irr.org.uk/pdf2/AlternativeVoicesOnIntegration.pdf>.
18. Institute of Race Relations. (n.d.) *Racial violence in the UK*. [Online]. Available from: <http://www.irr.org.uk/research/geographies-of-racism>.
19. Institute of Race Relations. (2012) *The new geographies of racism: Peterborough*. [Online]. Available from: <http://www.irr.org.uk/news/the-new-geographies-of-racism-peterborough>.
20. Migrants’ Rights Network. (2014) *Immigration bill briefing for House of Lords: The implications of landlord checks for migrants in the UK*. London. [Online]. Available from: http://www.migrantsrights.org.uk/files/publications/MRN_briefing-landlord_checks-House_of_Lords-Feb_2014.pdf.
21. Migrants’ Rights Network. (2009) *Irregular Migrants: the urgent need for a new approach*. London. [Online]. Available from: http://www.migrantsrights.org.uk/files/publications/irregularmigrants_fullbooklet.pdf.
22. Lewicki, A., O’Toole, T. & Modood, T. (2014) *Building the Bridge: Muslim community engagement in Bristol*. [Online]. Available from: <http://www.publicspirit.org.uk/assets/Building-the-Bridge-Report-2014.pdf>.
23. Centre for the Study of Ethnicity and Citizenship. (c. 2012) *Eurislam: Finding a Place for Islam in Europe*. [Online]. Available from: <http://www.bris.ac.uk/ethnicity/projects/eurislam/index.html>.

Received: 20 April 2015

МОЛОДЫЕ ГОРОДА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ: СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №11-06-90761-моб_ст (рук. Максимова И.Е.).

Рассматриваются стратегии развития поселений нефтяников Томской области – городов Стрежевого и Кедрового – в период постсоветской деиндустриализации и на современном этапе, анализируются возможные сценарии развития моногородов, описываются социальный опыт и локальные инициативы населения. Автор считает, что неиспользование властями имеющегося потенциала местных сообществ по преодолению монопрофильной ориентации населенных пунктов представляет угрозу их дальнейшему существованию.

Ключевые слова: моногорода; монопрофильная экономика; градообразующая отрасль; деиндустриализация; стратегии развития; социальная адаптация.

Реализация позднесоциалистической модели освоения территорий Севера Сибири, начавшаяся в 1960-х гг., привела к формированию сети моногородов – монопрофильных поселений, вся экономическая, социальная и культурная жизнь которых ориентирована на градообразующее предприятие. Такие города проектировались как разведомственные рабочие поселки при производстве, часто не имеющие генерального плана застройки, со значительным сектором стихийно возникшего ветхого временного жилья.

В условиях рыночной трансформации общества, когда большинство проектов индустриального освоения территорий Сибири и Дальнего Востока было свернуто, многие моногорода оказались на грани выживания. Это связано с такими проблемами, как монопрофильность экономики, слабое развитие предпринимательства, транспортная удаленность от развитых экономических центров, однородность профессиональной структуры населения и т.д. Местные власти и сообщества пытаются ответить на вызовы времени, используя каждый свои уникальные преимущества и потенциал. В процессе адаптации населения к изменившимся условиям становится актуальным и социальный опыт, накопленный в советское время.

В данной работе будут рассмотрены стратегии развития двух нефтяных моногородов Томской области – Стрежевого и Кедрового в условиях постсоветской деиндустриализации и на современном этапе. В статье не уделяется внимания еще одному крупному монопоселению Томской области – городу Северску, который в силу специфики закрытых административно-территориальных образований требует самостоятельного исследования.

В региональном дискурсе, включая официальные тексты и социально-экономическую литературу, для обозначения феномена нефтяного моногорода часто фигурирует термин «нефтеград», незафиксированный в словарях русского языка. Известно, что при основании поселения нефтяников в будущем Стрежевом существовало предложение назвать город Нефтеградом, но советское руководство отказалось от такого названия. Если официальной причиной отказа стала формулировка «в связи с большим количеством городов, начинающих на “нефте”», то глубинные истоки

такого решения скрывались в желании избежать колониальной риторики в отношении позднесоветской Сибири. Программа развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока декларировала развитие не только добывающих, но и производственных отраслей в ходе индустриальной модернизации восточных регионов страны. В результате город получил название Стрежевой от русского диалектного *стреж*, *стрежень* – «крутой берег реки, русло, протока». Современные попытки оперирования термином «нефтеград» являются способом легитимации идеи моногорода в местных сообществах, насаждением «идеологии моногорода», что может иметь серьезные и неоднозначные последствия.

Город Стрежевой расположен на севере Томской области, на левобережье реки Оби. Строительство началось с 1966 г. в ходе освоения первого в Томской области Соснинско-Советского нефтяного месторождения. Активное участие в возведении поселка нефтяников приняли студенческие стройотряды. Поэтому главная улица города носит название Студенческая. От тех времен сегодня остались воспоминания. «Северные болота знаете, как затягивают... Вот мы и поехали по комсомольской путевке на всесоюзную стройку. Тогда нас манили новые места, хотелось увидеть все своими глазами, испытать на себе» [1. С. 143]. В 1978 г. Стрежевой получил статус города областного подчинения. «Хорошо жили тогда, спокойно и весело... Молодежи было много, стройотряды, песни, конкурсы» [Там же. С. 120].

Вторым базовым городом нефтяников Томской области должен был стать Кедровый, расположенный на северо-востоке Васюганской равнины. Он строился с 1983 г. для обслуживания вахтовым методом новых Лугинецкого и Калинового нефтяных месторождений Пудинского нефтегазового района. Городской статус Кедровый приобрел в 1987 г., в разгар перестройки, что, по мнению местных жителей, не позволило ему развернуться в настоящий город. Сегодня Кедровый представляет центр постоянного проживания работников вахтовых поселков, созданных вокруг нефтяных месторождений.

Предельно высокая доля нефтегазодобывающей промышленности в структуре экономики рассматри-

ваемых населенных пунктов привела к формированию классических моногородов, которые в настоящий момент полностью зависят от основной отрасли. Оба поселения не имеют постоянного сухопутного сообщения с областным центром. И если в Стрежевой осуществляются регулярные авиарейсы, в период навигации функционирует речной транспорт, то до Кедрового можно добраться только авиатранспортом нефтяников (вертолетами «Ми-8», «Ми-2») либо по зимней автодороге также с помощью специальных транспортных средств.

С 1990-х гг. политика предприятий градообразующей отрасли в обоих городах направлена на сокращение численности рабочих. Свертывание инвестиций, задержки в выплате заработной платы, рост внешних долгов вызвали интенсивный отток населения. Численность населения Стрежевого составила в 2001 г. – 45,8 тыс. чел., в 2010 г. – 42,2 тыс. чел. [2. С. 90–91; 3]. В Кедровом насчитывалось 5,5 тыс. чел. в 2001 г., и только 2,4 тыс. чел. – к середине 2011 г. [4]. Руководство ОАО «Томскнефть» списывало возникшие трудности на сложную сырьевую базу, 80% которой относится к трудноизвлекаемым запасам. Кроме того, разработка мелких удаленных друг от друга участков добычи вела к удорожанию затрат на ЛЭП, дороги и прочие объекты инфраструктуры к ним.

Население почувствовало себя обманутым, что было обусловлено скорее не «разоблачением» коммунизма, но посягательствами на то, что делали и во что искренне верили. А верили, конечно же, в освоение Севера, его необходимость для страны, в богатства сибирских недр. «Падение объемов проходки произошло тогда обвально. Сразу и везде. По всей Западной Сибири. Где они, прославленные миллионы метров проходки? Где престиж буровика, его непререкаемый авторитет? Мало кого манило гробить здоровье в таежной глуши. Буровых бригад в Стрежевом на ту пору осталось вдвое меньше – 8 из 14... Поди-ка при такой дороговизне и финансовом голоде запасы на всех материалы, трубы, оборудование. Простой следовали за простоями» [1. С. 24–25].

Из сложившейся ценностной системы был выбит ее стержень, смыслообразующее ядро. «По буровикам новая экономическая действительность ударила больнее всего. Вместе с распавшимися коллективами уходило самое ценное – их уникальный, накопленный в сложных условиях на своих и чужих ошибках и победах опыт» [Там же. С. 26].

Сегодня существующие в городах предприятия малого бизнеса не могут обеспечить необходимый уровень занятости населения. Несмотря на сравнительно высокий уровень жизни, в городах нефтяников постоянно увеличивается число людей, относящихся к категории малообеспеченных граждан, у которых среднедушевой доход ниже установленного прожиточного минимума. Растет количество безработных и социально неблагополучных семей. По данным статотчетов, город Стрежевой занимает первое место в области по числу ВИЧ-инфицированных и наркоманов. В 2008 г. количество преступлений на 10 000 чел. составило 269,9 случаев [2. С. 94–95].

Таким образом, в долгосрочной перспективе ориентация на увеличение объемов добычи нефти и газа будет консервировать существующие в городах нефтяников социальные проблемы. Поэтому основной задачей развития должно стать преодоление монопрофильности экономики города путем развития сервисного кластера и малого бизнеса. И если в Стрежевом данный процесс прослеживается по основным социально-экономическим документам – Стратегии развития города, Программе социально-экономического развития, Плану модернизации моногорода, то в Кедровом подобной дискуссии не ведется. Вопрос о существовании поселения остается открытым.

Однако и возможные сценарии развития Стрежевого, обозначенные в Стратегии города, не содержат описания сколько-нибудь конкретных механизмов этого процесса. Согласно одному из них («сценарий нефтеграда») основной задачей развития Стрежевого будет «удержание ситуации на существующем положении с небольшими изменениями в отдельных (преимущественно социальных) сферах города» [5. С. 55]. Другой вариант развития, названный авторами «Стрежевой – город для комфортной жизни», предусматривает «улучшение качества городской среды для комфортного проживания населения», которое также будет зависеть «от продолжительности добычи нефти и газа» [Там же. С. 57].

Только один сценарий (с названием «Стрежевой – город для активной жизни») строится на основе диверсификации экономической базы города за счет размещения сервисных предприятий и небольших производств [Там же. С. 59]. Однако такие природно-географические факторы, как удаленность города, его транспортная изолированность, сложные климатические условия, делают развитие индустриальных производств экономически нерентабельным. Кроме того, монопрофессиональная структура населения, ориентированная, прежде всего, на нефтегазовый комплекс, также является препятствием развития данного направления. Малый и средний бизнес, согласно статистическим данным, выполняет только функцию поставки продовольствия и основных хозяйственных товаров, что обуславливает незначительную долю данного сектора в формировании городского бюджета.

Поэтому основной ресурс развития несвязанной с нефтью городской экономики местные власти видят в формировании регионального рынка сопредельных муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа (агломерация Нижневартовск–Стрежевой–Мегион–Лангепас), что выходит за пределы их компетенции и возможно только в долгосрочной перспективе. Таким образом, преодоление монопрофильной экономики и комплекса моногорода является проблемой для властей и населения не только города, но и региона в целом. Однако Программа социально-экономического развития Томской области не содержит каких-либо рекомендаций или проектов и ссылается на программы и стратегические планы самих моногородов [6].

Неоднозначно при этом выглядит восприятие рассматриваемых моногородов населением области и

областного центра. Наблюдения автора показали, что многие жители Томска относятся к проблемам городов нефтяников равнодушно, часто не подозревают об их существовании. Очень распространенным в обыденном сознании является мнение местных жителей об отсутствии в области «настоящих» городов, кроме Томска, о невозможности отнесения советских индустриальных поселений к категории городов. В качестве аргументации такого взгляда приводятся молодой возраст поселений («*Вот Томск уже 400 лет существует, а эти что?*»); удаленность от областного центра и транспортная изолированность населенных пунктов (чаще всего в разговорах первые отзывы томичей о городах нефтяников – «глухомань», «дыра»); вахтовая организация труда, когда население города расплывается по поселкам вокруг месторождений; несоответствующий городу стиль жизни жителей моногородов («*Им там все равно, что вокруг все разваливается, зато машина за два миллиона есть*») и т.д. Даже в Стратегии развития Стрежевого читаем: «Эти города только по внешнему виду, форме (численность населения, инженерные и транспортные коммуникации и т.д.) соответствуют понятию города. Если рассматривать российские города с гуманитарной точки зрения как сложно организованную пространственную и социокультурную среду, которая дает возможность человеку полноценно использовать и капитализировать ресурс свободного времени, которая способствует формированию новых видов деятельности, то окажется, что в России из 1 000 с лишним существующих городов городами являются лишь немногие» [5. С. 6].

На формирование подобного отношения к моногородам оказывает влияние также «исторический снобизм» коренных томичей: Томск как культурный и исторический центр Сибири, «Сибирские Афины» часто противопоставляется другим региональным центрам («*Для нас Новосибирск – большая деревня, Новониколаевка, что уж тут о Стрежевом говорить*»). Наконец, негативное отношение населения к ОАО «Томскнефть» и властям, превратившим, по мнению жителей, область в сырьевой придаток, колонию, переносится и на города нефтяников: «*Они там всегда лучше нас жили – высокие зарплаты, спецснабжение...*». Таким образом, на уровне повседневного сознания жителей Томской области и, прежде всего, Томска мы наблюдаем некоторое равнодушие, граничащее с презрением, в отношении молодых городов нефтяников. Возможно, этим объясняется невнимание к данной проблематике гуманитарного сообщества томских ученых. Начиная с 1990-х гг. не издавалось практически ни одной научной исторической или социологической работы о Стрежевом или Кедровом.

Многие жители самих городов, в первую очередь стрежевчане, рассматривают свои поселения исключительно как городские. При этом они называют такие признаки города, как тип застройки, объекты социальной инфраструктуры, отсутствие сельского хозяйства, наличие городского социума. В обстановке изолированности, жилищной неустроенности, безра-

ботицы и забвения горожане создают различные культурные, экологические, образовательные общественные объединения. «Уважение и несоизмеримо высокие заработки – вот на чем десятилетиями держался престиж буровика. Теперь ни того ни другого». «Раньше с буровиками считались. Буровики пользовались таким почетом, как никто на Севере. О них писали очерки, о них снимали фильмы. Имена их знала вся область...» [1. С. 24–25]. Коллективизм являлся одним из основных ресурсов выживания на больших сибирских стройках в период социализма и в качестве такового оказался востребован на современном этапе. «Испытаний у первых нефтяников было больше, чем достаточно. Может, поэтому они и сейчас не привыкли жаловаться на судьбу...» [7. С. 3]. Учителя, педагоги, библиотекари, работники домов культуры, журналисты пытаются выжить, объединяясь в различные творческие организации. Подобные общественные инициативы и творческие объединения характерны для старшего поколения пенсионного и предпенсионного возрастов, которые не собираются куда-либо выезжать из региона.

В Стрежевом действуют 12 детских садов, 9 общеобразовательных средних школ, филиалы и представительства 12 вузов. Дополнительное образование представлено Детской юношеской спортивной школой, Центром экологического воспитания детей, Центром дополнительного образования детей, Детской школой искусств, станцией юных туристов. В городе работает Дворец искусств «Современник», историко-краеведческий музей, музей томской нефти, три массовые универсальные библиотеки, телестудия. Имеются 4 театральные коллектива, ансамбль «Мистификация» и другие самодеятельные коллективы. Также функционируют спортивно-развлекательный центр «Планета», развлекательные центры для детей «Бродвей» и «Развивай-ка!», военно-спортивный клуб для молодежи «Десантник», спортивно-оздоровительные комплексы «Нефтяник», «Буровик», «Кедр» [3].

В Кедровом на сегодняшний день остались один детский сад «Родничок», средняя школа, больница и поликлиника, Дом культуры, Центральная библиотека, Детская музыкальная школа, работают ВИА «Дилижанс» и «Absent», студия изобразительного искусства «Палитра», театральная студия «Арлекино», клуб «50+», кружки самодеятельности [4].

По утверждению руководства ОАО «Томскнефть», Стрежевой и Кедровый являются одними из лучших по Западносибирскому нефтегазовому комплексу: «Города эти по праву считаются самыми современными в Западносибирском нефтяном регионе, где есть все необходимое для нормального труда и отдыха людей» [8. С. 57]. На страницах местной прессы постоянно можно видеть статьи о проблемах благоустройства города, состоянии дорог, ремонте зданий, зеленых насаждениях, субботниках и конкурсах. В 2010–2011 гг. в центре города Стрежевого была даже организована «Доска позора» с изображениями территорий, на которых не соблюдался порядок. К юбилею Стрежевого еженедельной газетой «Томская нефть» была организована фотовикторина «Где эта улица, где этот дом?», в которой горожанам предлагалось узнать по старым фото-

графиям городские ландшафты и ответить на вопросы по истории города [9. С. 2].

Горожане гордятся сравнительно низким уровнем преступности, который достигается как за счет небольшой численности населения («все друг друга знают»), транспортной оторванности поселений нефтяников от «большой земли», так и за счет самоконтроля местного социума. Например, когда на одной из детских площадок школьники разместили свои граффити, на следующий день виновные были найдены и в газете «Томская нефть» появилась статья «Как 6 “Г” наследил» [10. С. 4].

Таким образом, локальные сообщества рассматриваемых моногородов располагают некоторыми внутренними ресурсами самоорганизации, позволяющими оторваться от градообразующих предприятий. Но на практике эти ресурсы не используются ни местными, ни региональными властями. Хотя необходимость преобразования моногородов в «полно-

ценные» города осознается на всех уровнях власти и общества, реальный процесс трансформации сопровождается крайними трудностями. В программных документах правительства Томской области скольконибудь ясные меры и предложения по проблеме отсутствуют. Из программ развития муниципальных образований самих городов напрашивается вывод о необходимости комплексного регионального и межрегионального планирования. Общественные и частные инициативы старшего поколения местных жителей концентрируются на создании различных культурных объединений и творческих организаций. Доминирующее число жизненных стратегий молодежи ориентировано на заработки и в конечном итоге выезд с территории. Наиболее остро сегодня угасание Кедрового. Если не будут приняты меры, подобный сценарий может повториться в Стрежевом. Пока же жизнь данных поселений полностью зависит от нефти и газа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Северная надбавка: страницы летописи нефтяного края* / В.Д. Юшковский. Томск : Тоян, 2011. 160 с.
2. *Города и районы Томской области (2008–2009)* : стат. сб. Томск, 2010. 105 с.
3. *Официальный сайт органов местного самоуправления городского округа Стрежевой*. URL: <http://admstrj.tomsk.ru>
4. *Сайт администрации МО г. Кедровый*. URL: <http://kedradm.tomsk.ru/infom.html>
5. *Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «Город Стрежевой» на период до 2015 г.* URL: <http://admstrj.tomsk.ru/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-gorodskogo-okruga.html>
6. *Программа социально-экономического развития Томской области на 2006–2010 гг. и на период до 2012 г.* URL: duma.tomsk.ru/files2/10885_Programma_SER.pdf
7. *Томская нефть*. 2011. 07 августа. С. 3.
8. *Земля Томская. Проблемы, их решения, размышления* / под ред. М.Г. Николаева. Томск : Красное знамя, 1998. 192 с.
9. *Томская нефть*. 2011. 18 июня. С. 2.
10. *Томская нефть*. 2011. 23 июля. С. 4.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 марта 2015 г.

YOUNG TOWNS OF TOMSK OBLAST: SOCIAL EXPERIENCE AND DEVELOPMENT STRATEGIES AT THE PRESENT STAGE

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 76–80. DOI: 10.17223/15617793/396/13

Baikalov Nikolay S. Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: baikalov@bsu.ru

Keywords: company towns; single-industry economy; city-forming industry; deindustrialization; development strategies; social adaptation.

The late-Soviet model of development of the Northern Siberia led to the formation of a network of company towns – single-industry settlements, all the economic, social and cultural life of which is focused on urban development enterprises. During the period of market transformation in Russia, most of the Siberian industrial projects were minimized. Many Siberian company towns were on the verge of survival. The article deals with the development strategies of two oil-company towns of Tomsk Oblast, Strezhevoy and Kedrovoy, during the post-Soviet de-industrialization and in the modern stage. An extremely high proportion of oil and gas industry in the economy resulted in classic company towns in these localities. In the regional discourse, there is a term “neftegrad” (oil-town) which refers to the phenomenon of oil company towns. The attempts to use such a term are a way to legitimize the company town’s idea in the local communities. Since the 1990s urban enterprises’ policy aimed at reducing the number of workers. Disinvestment, the delay in payment of wages, the growth of external debt had led to intense out-migration. Today, small businesses of the towns cannot provide the desired level of employment. The number of poor people and socially disadvantaged families is constantly increasing. In the long term, the focus on oil and gas industry will preserve the existing social problems of the towns. Therefore, the main objective must be to overcome single-industry economy through the development of service clusters and small businesses. According to municipal programs, settlements’ development strategies do not contain descriptions of any specific mechanisms of this process. The overcoming of single-industry economy is a challenge not only for the local authorities and population of the towns, but also for the whole region. In the everyday consciousness of Tomsk Oblast population there is social indifference towards oil settlements. Local communities have some internal resources of self-organization allowing to break away from town enterprises. But in practice, the authorities do not use these resources. Community-based initiatives focus on building various cultural associations and creative unions. The dominant number of life strategies among the young people is oriented for work and leave the territories. The most noticeable process is in the fading of Kedrovoy today. If the overcoming steps are not taken, the same scenario could be repeated in Strezhevoy. In the meantime, the life of the settlements is entirely dependent on oil and gas.

REFERENCES

1. Yushkovskiy, V.D. (2011) *Severnaya nadbavka: stranitsy letopisi neftyanogo kraya* [North allowance: chronicles of the oil region]. Tomsk: Toyan.
2. Anon. (2010) *Goroda i rayony Tomskoy oblasti (2008–2009): stat. sb.* [Cities and regions of Tomsk Oblast (2008–2009): Statistics]. Tomsk.
3. The official website of the local government of the city district Strezhevoi. [Online]. Available from: <http://admstrj.tomsk.ru>. (In Russian).
4. The site of the administration of the municipal district Kedrovyy. [Online]. Available from: <http://kedradm.tomsk.ru/infom.html>. (In Russian).
5. The strategy of socio-economic development of the municipality “City Strezhevoi” for the period up to 2015. [Online]. Available from: <http://admstrj.tomsk.ru/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-gorodskogo-okruga.html>. (In Russian).
6. The program of social and economic development of Tomsk Oblast in 2006–2010 and for the period up to 2012. [Online]. Available from: duma.tomsk.ru/files2/10885_Programma_SER.pdf. (In Russian).
7. *Tomskaya nefi'*. (2011). 07 August. p. 3.
8. Nikolaev, M.G. (ed.) (1998) *Zemlya Tomskaya. Problemy, ikh resheniya, razmysleniya* [The Land of Tomsk. Problems and their solution, reflections]. Tomsk: Krasnoe znamya.
9. *Tomskaya nefi'*. (2011). 18 June. p. 2.
10. *Tomskaya nefi'*. (2011). 23 July. p. 4.

Received: 31 March 2015

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕОЛОГОВ СУРГУТСКОЙ НЕФТЕРАЗВЕДОЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПО РАЗВИТИЮ МЕСТНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В 1957–1965 гг.

Статья посвящена изучению роли геологов Сургутской нефтеразведки в развитии здравоохранения Сургутского и Ларьякского (Нижевартовского) районов Ханты-Мансийского национального округа в 1957–1965 гг. Авторы пришли к выводу, что до прибытия геологов в Сургут медицинское обслуживание находилось на низком уровне. Деятельность геологоразведчиков, направленная на улучшение местного здравоохранения, способствовала качественным изменениям в отрасли. Расширилась сеть лечебных учреждений, появилась медицинская техника, улучшилась ситуация по ряду заболеваний. Многие начинания шли от геологов «снизу», задолго до начала активной деятельности государственных структур в этом регионе. Повышение качества медицинского обслуживания способствовало сохранению работоспособности ценных кадров в системе геологии. Это повышало результативность геологопоисковых работ в регионе – были открыты месторождения нефти.

Ключевые слова: геологи; Сургутская нефтеразведочная экспедиция; здравоохранение; повседневность.

В современной исторической науке все большее значение приобретает история повседневности. В ее задачи входит изучение не столько производственной и политической деятельности, культурных и научных достижений человечества, сколько самого человека и его жизни [1. Л. 125]. Одними из составляющих повседневной жизни выступают уровень и качество медицинского обслуживания населения. В профессиональной среде геологов, вынужденных по долгу службу мириться с непростыми бытовыми и климатическими условиями, этот аспект повседневности приобретает особое значение. От грамотной и своевременно оказанной медицинской помощи, ее профилактики во многом зависели не только здоровье и жизнь человека, но и сохранение ценных кадров в геологической отрасли.

Во вновь организованных геологоразведочных партиях, экспедициях вопросы обустройства и создания приемлемых условий для работы и быта являлись первостепенными. Создавать базу нефтеразведки приходилось самим геологам. Геологоразведчики, прибывшие под руководством Ф.К. Салманова в Сургут в сентябре 1957 г. из села Ивановка Кемеровской области, не были исключением. При их непосредственном участии инфраструктура поселка получила новый импульс развития. Геологи оказывали посильную помощь в строительстве поселковых объектов. В первые годы пребывания на сургутской земле при их участии были возведены детский сад, стадион, Дом культуры [2. Л. 139–140]. Положительная тенденция стала прослеживаться и в области местного здравоохранения.

До прихода геологов медицинское обслуживание в Сургуте и районе было на низком уровне. Большинство зданий больниц, фельдшерских пунктов было построено в 1930-х гг. и к началу 1960-х гг. не отвечало санитарным нормам, давно требуя капитального ремонта [3. Л. 82]. Как правило, учреждения здравоохранения (здравпункты, медпункты, амбулатории, больницы, аптеки) располагались в приспособленных ветхих помещениях с печным отоплением, не отвечающих минимальным санитарным требованиям. Выполнять профессиональные обязанности врачам приходилось при свете керосиновых ламп [4. Л. 98].

В Сургутском районе фактически работали 7–8 врачей на 26 тыс. населения. Некоторые специалисты попросту отсутствовали. В начале 1960-х гг., в течение двух лет, в районе не было гинеколога, окулиста, дерматолога, невропатолога, работали только один терапевт и хирург [5. Л. 79]. Чтобы попасть на прием к врачу, требовалось потратить 2–3 дня, выстоять большие очереди. Подобное положение складывалось вплоть до начала 1965 г., в то время как численность населения значительно возросла [6. Л. 20 об.].

Ввиду нехватки персонала медикам зачастую приходилось совмещать должности и выполнять функции разных специалистов. Местные власти официально выдавали разрешение на работу по совместительству. Один и тот же врач мог лечить от глазных и кожных заболеваний, заниматься хирургией и гинекологией [7. Л. 33].

Довольно часто возникали проблемы со снабжением медикаментами и оборудованием. Не хватало перевязочного материала, хирургического инструментария, необходимых лекарств, гипса, хлорной извести [8. С. 10].

Окрздравотдел, осуществлявший снабжение, не всегда своевременно выполнял свои функции. Даже к концу 1964 г. эта проблема оставалась одной из первоочередных. На заседании областного комитета партии была высказана просьба увеличить Сургутскому району коэффициент медицинских товаров, поскольку в некоторых районных участковых больницах отсутствовали даже элементарные термометры, шприцы и зонды [9. Л. 113].

Приезд геологов ознаменовал собой не только начало геолого-поисковых работ на территории Среднего Приобья, но и изменения в социально-бытовом положении местного населения, в развитии инфраструктуры. Геологоразведчикам для продуктивного проведения нефтепоисковых работ требовалась хорошо подготовленная и организованная материально-техническая база. Любое производство несет в себе угрозу состоянию здоровья трудящихся и получения травм. Отсюда возникла необходимость создания оптимальных условий для оказания медицинской помощи работникам экспедиции и жителям поселка геологов. Помимо создания собственных фельдшерско-акушерских пунктов на местах проведения поисковых

работ, геологоразведчики старались улучшить существующую медицинскую базу в Сургуте и районе.

Имея в своем распоряжении буровое оборудование, работники экспедиции частично разрешили проблему с водоснабжением. Были изысканы новые скважины, где качество воды соответствовало санитарным требованиям [10. Л. 23]. Для организации водоснабжения стали использовать артезианские скважины, а параллельно проводить бактериологические исследования самой воды [11. С. 30]. Это позволило сократить использование населением поселка проточной воды из реки, что существенно снизило количество больных с желудочно-кишечными заболеваниями.

Геологоразведчики способствовали и тому, что в больнице Сургута появилось электрическое освещение: в операционной были установлены аккумуляторы, от которых во время операции зажигали 12-вольтовые лампочки [11. С. 7].

Производственный травматизм в экспедиции, повышение мобильности при транспортировке больных в пределах округа требовали организации в поселке пунктов базирования медицинской техники. С 1957 по 1965 г. в Сургутской нефтеразведочной экспедиции, по официальным данным, отмечен 101 случай производственной травмы, из них 7 – смертельных и 4 – тяжелых, в том числе в 1960 г. – 25, смертельных – 1, тяжелых – 0; в 1961 г. – 16, смертельных – 1, тяжелых – 1 [12. Л. 108, 128, 140, 154–155, 170–171].

Мы склонны не полностью полагаться на данную статистику, поскольку не все случаи производственного травматизма находили отражение в сводках. Это влекло за собой наложение строгих санкций на экспедицию, штрафов и порой снятие с занимаемых должностей квалифицированных кадров нефтеразведки. Отмечались в статистике лишь серьезные производственные нарушения, которые выливались в тяжелые травмы, а мелкие попросту не учитывались.

На сургутской партийной конференции еще в 1957 г. была высказана просьба о выделении району санитарного самолета, которая осталась без внимания [13. Л. 257]. В 1960 г. начальник экспедиции Ф.К. Салманов говорил: «Настало время решить вопрос о том, чтобы в Сургуте постоянно базировался один санитарный самолет, в противном случае не исключена возможность несчастных случаев со смертельным исходом. Кроме того, мы просим дать Сургуту одну санитарную машину, которая бы обслуживала население рабочего поселка, раскинувшегося почти на 8 км в длину» [14. Л. 38].

Неоднократные просьбы геологов и представителей здравоохранения способствовали тому, что в 1961 г. сургутской райбольнице облздравотделом была выделена одна санитарная машина марки УАЗ-450А, доставленная водным путем [15. Л. 136]. За этим последовало открытие пункта скорой медицинской помощи в рабочем поселке Сургут, где постоянно работали две выездные бригады [16. Л. 314]. В 1963 г. положительно разрешился вопрос об организации в Сургуте межрайонной санавиации и выделении катера «Ярославец» для обслуживания рабочих по месту производства [17. Л. 80].

Работники экспедиции способствовали расширению сети лечебных учреждений. Для обеспечения медицинской помощи на производстве организовывались фельдшерские или фельдшерско-акушерские пункты, где всем нуждающимся оказывалась первая помощь. Главным недостатком подобных медицинских объектов служила слабая материально-техническая база. Помимо простейших мединструментов, кровоостанавливающих и болеутоляющих лекарственных средств, обычной «зеленки», в фельдшерских пунктах больше ничего не было. Всю остальную помощь могли оказать либо в местах, где базировалась геолого-разведочная партия и был свой медпункт, либо в крупных районных больницах округа [18].

В поселках геологоразведчиков под медпункт старались выделить отдельное здание. Сложности возникали в том, как разместить на ограниченной площади кабинеты разных медицинских профилей. В Сургуте медпункт располагался в небольшом деревянном доме. В Нефтеюганске медицинская помощь оказывалась в выделенных двух вагончиках, где находились перевязочная и аптека, зубной кабинет и родильное отделение на два места, а также осуществлялся прием больных [19. Л. 71]. В соседнем Ларьяжском (Нижевартовском) районе, где также трудились геологи из Сургутской экспедиции, наблюдалась аналогичная ситуация. В Мегионе геологи выделили двухквартирный дом для организации врачебного участка. Однако в нем не было предусмотрено места под лаборатории, рентген и прочее оборудование [20. Л. 42].

Оказание профилактической помощи непосредственно геологам не было отлажено. Слесарь нефтеразведочной экспедиции из Нефтеюганска тов. И. говорил: «Очень плохо у нас с медицинским обслуживанием. Хоть бы раз в месяц приезжали к нам хирург, терапевт, зубной врач» [21. Л. 79]. В Нижневартовске геологи просили райбольницу один раз в квартал направлять квалифицированных работников для оказания помощи и профилактики среди рабочих нефтеразведки [22. Л. 11].

Такое положение дел побуждало работников экспедиции обращаться за медицинской помощью в больницы по месту пребывания. Однако, если с прибытием геологоразведчиков и открытием первых месторождений нефти ситуация в здравоохранении стала меняться к лучшему – увеличилось финансирование отрасли, появилась техника, стало поступать новое оборудование и медикаменты, то с ростом численности населения остро встал вопрос с размещением больных в лечебных учреждениях. Построенная еще в 1929 г. на 25 мест районная больница являлась главным медицинским учреждением поселка. В 1960-е гг. больница работала с большой перегрузкой. Население поселка Сургут возросло на 4 тыс. человек, а больница осталась в старом помещении. Больные находились в тяжелом положении, их размещали в коридоре и в операционной, что считалось недопустимым. Здесь постоянно лежали не менее 75 человек. При больнице не было родильного, инфекционного, хирургического отделений [23. Л. 224]. В Нефтеюганске больница вовсе отсутствовала, там имелось лишь здание здравпункта [24. Л. 91].

Для решения проблемы нехватки мест в медучреждениях требовалось строительство новых больничных зданий. Геологи оказывали свою посильную помощь и в этом направлении. Государственный геологический комитет РСФСР в 1964 г. передал 730 тыс. руб. для строительства типовых больниц в Мегионе и Нефтеюганске на 240 коек, а в Сургуте – на 600 [25 Л. 67]. Уже в 1965 г. состоялось открытие поликлиники, которую возвели сургутские геологи. Необходимо отметить, что если до 1960 г. в Сургуте существовали лишь одна больница, одна амбулатория и один здравпункт, то в 1965 г. было открыто шесть лечебных учреждений [8. С. 24].

Таким образом, здравоохранение в Сургутском районе до прихода геологов характеризовалось слабой материально-технической базой, отсутствием крупных ассигнований в медицинскую отрасль, ввиду отдаленности района от центра и его малонаселенности, а также его непромышленного профиля. Оказание квалифицированной помощи населению при таком положении дел было крайне затруднительным. С момента прибытия первых геологов в 1957 г. начинается новый этап в развитии здравоохранения Сургута и района.

Геологоразведчики выступали инициаторами «снизу», поскольку план развития «сверху» не предполагал быстрейшего развития не только медицинской отрасли, но и всего региона. Вкладывание крупных денежных средств в малоперспективный регион

могло оказаться для государства убыточным. Все вышеназванные факторы вынуждали руководство геологии, начальников партий и экспедиций самим заботиться об организации и функционировании всех особо важных объектов. Медицинское обслуживание являлось одним из важных направлений, поскольку было обусловлено необходимостью профилактики заболеваний работников геологической отрасли, лечения производственного травматизма и поддержания здоровья в суровых климатических условиях Севера. Сохранение здоровья работников экспедиции напрямую сказывалось на работоспособности коллектива. Это, в свою очередь, способствовало повышению результативности проведения геологоразведочных работ.

Геологи оказывали помощь учреждениям здравоохранения в бурении артезианских скважин, ускорении сроков поставки необходимой техники, строительстве медицинских объектов. Помимо фельдшерско-акушерских пунктов, строительство крупных стационарных объектов здравоохранения велось в малом объеме. Вектор геологических работ постоянно перемещался в сторону Ямала, что требовало перемещения временных поселков геологов вместе с необходимыми производственными и бытовыми объектами. Стационарные постройки, объекты инфраструктуры строились лишь в тех населенных пунктах, где сосредоточивались большие материальные и людские ресурсы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поляков Ю.А. Человек в повседневности // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 125–127.
2. Салманов Ф.К. Жизнь как открытие. М., 2003. 607 с.
3. Государственный архив Тюменской области (далее ГАТО). Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 3861.
4. ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 4114.
5. ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 3861.
6. Сургутский городской архив (далее СГА). Ф. 40. Оп. 1. Д. 12.
7. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (далее ГАХМАО). Ф. 100. Оп. 2. Д. 55.
8. Иванов Н.В. Записки хирурга. Сургут, 2005. 154 с.
9. ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 3861.
10. СГА. Ф. 90. Оп. 1. Д. 71.
11. Сенькина З.С. Под знаком Гигиен. Сургут, 2003. 95 с.
12. ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 94.
13. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее ГАСПИТО). Ф. П-124. Оп. 1. Д. 3677.
14. ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4045.
15. ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 3638.
16. ГАХМАО. Ф. 100. Оп. 2. Д. 51.
17. ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 3861.
18. Из воспоминаний Теплякова Е.А., 1934 г.р.
19. ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 3755.
20. ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 3861.
21. ГАСПИТО. Ф. П-2010. Оп. 1. Д. 212.
22. ГАТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 1948.
23. ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 3861.
24. ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 4114.
25. ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 4113.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 апреля 2015 г.

THE ACTIVITIES OF THE GEOLOGISTS OF THE SURGUT OIL-PROSPECTING EXPEDITION IN THE DEVELOPMENT OF LOCAL HEALTH IN 1957–1965

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 81–84. DOI: 10.17223/15617793/396/14

Volodina Natalia N. Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: VNN.tmn@mail.ru

Rashevskii Vasily V. Surgut History Museum (Surgut, Russian Federation). E-mail: vasily_bfmv87@mail.ru

Keywords: geologists; Surgut oil-exploration expedition; health service; everyday life.

The article studies the role of geologists of the Surgut oil exploration in the development of health of Surgut and Lariak (Nizhnevartovsk) Khanty-Mansi national districts in 1957–1965. The article explains the role and contribution of geological parties in the

development of local infrastructure in the settlements, great attention is paid to the organization of medical care, the level of which influenced the preservation of valuable human resources in geology. The authors come to a conclusion that before the arrival of geologists in Surgut, the development of medicine in the district was low. Most local health facilities did not meet minimum health requirements and needed major repairs. There was a shortage of necessary medical specialists, which, against the background of increasing population, led to a permanent queue. In view of this, local authorities were forced to allow physicians to combine the functions of different specialists. Quite often there were problems with the supply of medicines and equipment. Geologists' activities directed at improving the health of the population, promoted qualitative change in the branch. In addition to creating their own obstetric units in the field conducting prospecting, exploration geologists tried to improve the existing medical infrastructure in the settlements. Patient care institutions were broadened, medical equipment appeared, situation in quite a number of diseases was improved. Thanks to geologists, the problem of water supply was solved, there were artesian wells that contributed to the reduction of gastrointestinal diseases. In urban hospitals there appeared electric lighting. Repeated requests of geologists resulted in an ambulance car in Surgut, there opened an emergency medical care. Geologists' initiative helped to organize permanent air ambulance and inter-district water boats serving workers at the place of production and the local population. This made it possible to deliver critically ill people to district center hospitals in the shortest time. In the villages, explorers had a separate building for a medical station with rooms of various medical profiles. This greatly facilitated necessary medical care to all in need in one place. Many initiatives came from ordinary geologists, "from below" well in advance of similar activities of the state structures in this region. Improving of medical care favored the efficiency of valuable workers in geology. This raised effectiveness of geological exploration in the district where oil fields were discovered.

REFERENCES

1. Polyakov, Yu.A. (2000) Chelovek v povsednevnosti [Man in everyday life]. *Voprosy istorii*. 3. pp. 125–127.
2. Salmanov, F.K. (2003) *Zhizn' kak otkrytie* [Life like a discovery]. Moscow: RTK-Region.
3. The State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund R-814. List 1. File 3861. (In Russian).
4. The State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund R-814. List 1. File 4114. (In Russian).
5. The State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund R-814. List 1. File 3861. (In Russian).
6. Surgut City Archive (SGA). Fund 40. List 1. File 12. (In Russian).
7. The State Archive of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (GAKhMAO). Fund 100. List 2. File 55. (In Russian).
8. Ivanov, N.V. (2005) *Zapiski khirurga* [Notes of a surgeon]. Surgut: Neft' Priob'ya.
9. The State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund R-814. List 1. File 3861. (In Russian).
10. Surgut City Archive (SGA). Fund 90. List 1. File 71. (In Russian).
11. Sen'kina, Z.S. (2003) *Pod znakom Gigei* [Under the sign of Hygeia]. Surgut.
12. The State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 1903. List 1. File 94. (In Russian).
13. The State Archive of Social and Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund P-124. List 1. File 3677. (In Russian).
14. The State Archive of Social and Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund P-124. List 1. File 4045. (In Russian).
15. The State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund R-814. List 1. File 3638. (In Russian).
16. The State Archive of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (GAKhMAO). Fund 100. List 2. File 51. (In Russian).
17. The State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund R-814. List 1. File 3861. (In Russian).
18. From the memoirs of E.A. Teplyakov, born in 1934.
19. The State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund R-814. List 1. File 3755. (In Russian).
20. The State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund R-814. List 1. File 3861. (In Russian).
21. The State Archive of Social and Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund P-2010. List 1. File 212. (In Russian).
22. The State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund P-107. List 1. File 1948. (In Russian).
23. The State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund R-814. List 1. File 3861. (In Russian).
24. The State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund R-814. List 1. File 4114. (In Russian).
25. The State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund R-814. List 1. File 4113. (In Russian).

Received: 20 April 2015

ПОЛЕВАЯ АРХЕОГРАФИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О НОВЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы «Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета» в 2014–2015 гг.

На примере публикаций, посвященных старообрядческой книжной культуре Верхоямья и Южной Вятки, рассматриваются современное состояние и перспективы развития одной из старейших гуманитарных дисциплин – полевой археографии.

Ключевые слова: полевая археография; кириллическая рукописная и старопечатная книга; поиск и презентация старообрядческих книжных собраний.

Археографии в ряду научных дисциплин, имеющих дело с «полем», принадлежит особое место. Изучающая воплощенную в памятнике письменности или печати жизнь общества, она давно является комплексной областью знания, где историко-документальная экспертиза *реальных* книг дополняется реконструкцией социальных сетей, рожденных их *интерпретациями*.

Тем более парадоксально, что полевая археография, еще в 1960-е гг. обратившая внимание на «культурно-бытовое и историческое окружение» религиозного текста [1], сегодня остается малоизвестной как своей «ровеснице» – англо-американской антропологии письма и чтения [2], так и относительно молодым отечественным опытам анализа «социальных проявлений письменного» [3]. Видимо, можно назвать ряд идеологических, научных и социальных факторов, действием которых дисциплина зачастую воспринимается в отрыве от исследований феномена грамотности (*literacy studies*) и ассоциируется с изучением отдельных конфессий или книжных собраний. Во-первых, это обусловлено разницей национальных вариантов гуманитарного знания и непониманием особенностей их становления: для европейцев обращение к термину «археография» было кратким эпизодом конца XVIII в., в России именно «путешествующая археография» стала способом спасения культурного наследия прошлого и формирования источниковой базы историка XIX–XX в. [4]; во-вторых – трудностями вхождения постсоветской гуманитаристики в пространство мировой науки и надеждами на то, что перенос актуальных «там» терминов, концепций и направлений преодолет разрывы «здесь».

Практика показывает, что заимствование и диалог – принципиально разные по результатам процессы, потому сейчас особое значение приобретают исследования, развивающие отечественную интеллектуальную традицию и одновременно ориентированные на презентацию ее достижений интернациональному академическому сообществу. Именно к таким, на мой взгляд, относится цикл работ археографов Московского государственного университета – одного из ведущих центров по изучению кириллической книги и ее хранителей – староверов [5, 6]. Выход в свет этих исследований дает повод для возвращения к разговору о перспективах полевой археографии, используемых методах сбора материалов и принципах введения их в научный оборот [7].

Этос «поля». Как известно, еще П.М. Строевым – родоначальником полевой археографии – была высказана гипотеза о том, что в руках староверов могут находиться кириллические тексты, написанные или напечатанные до никоновских реформ [8. С. 68]. И хотя ее состоятельность была подтверждена еще В.И. Срезневским (1901–1905) и В.И. Малышевым (1930-е гг.) при обследовании книжных собраний Русского Севера [9, 10], планомерная работа с общинными и семейными библиотеками староверов началась лишь в 1956 г. после восстановления по инициативе М.Н. Тихомирова при Академии наук СССР Археографической комиссии [11].

Полевая археография XX в., как прочие гуманитарные дисциплины, испытала влияние идеологии, но ее изначальный академизм и обязательность профессиональной подготовки участников экспедиций привели к тому, что ей оказалось чуждым изучение староверия с «перевоспитательной» целью, характерное для советского религиоведения [12]. Она всегда оставалась отраслью научного знания и развивалась в русле господствовавших парадигм. Так, в 1960–1970-е гг. выявление и помещение кириллических текстов в государственные хранилища согласовывалось с задачами расширения доказательной базы теории формаций и уточнения религиозной природы антифеодальных движений. В 1980–1990-е гг. – определялось поворотом отечественной гуманитаристики к феномену «культуры», в логике которого старообрядческая книжность оценивалась как фактор сохранения национальных традиций, народный вариант освоения христианского наследия.

В равной мере дискуссии последних лет о целях и методах археографического поиска имеют научную природу и вызваны, с одной стороны, структурными изменениями в социогуманитарном знании, с другой – сокращением памятников книжности в старообрядческих общинах вследствие масштабных экспедиций прошлых лет [13–15]. В настоящее время они привели к складыванию и в известной мере дистанцированию двух подходов к полевым исследованиям. Первый, если воспользоваться метафорами М.М. Бахтина «книги-вещи» и «книги-личности» [16. С. 339], строится на просветительской концепции науки как гуманистической ценности и исходит из того, что системное изучение религиозного сообщества возможно

в условиях физического изъятия его литургических, уставных, четких текстов. Второй сформировался под влиянием идей о неоднозначном влиянии научного прогресса на общество, рассматривает «текст» в качестве полноправного агента коммуникаций, утрата которого трансформирует социальную жизнь.

Размывание задач дисциплины с почти двухвековой историей вряд ли следует оценивать в минорных тонах. Скорее, оно характеризует ситуацию, когда документальная и нарративная база перерастает имеющиеся аналитические рамки и предполагает обращение к типологиям и классификациям источниковедения XXI в., пригодным для описания находящихся в «живом обращении» книг.

Именно момент поиска устойчивых иллюстративно-объяснительных моделей отражают публикации московских археографов, чье значение не ограничивается подведением итогов работы в Верхокамье и на Южной Вятке, как это скромно обозначено в заглавиях. Причем в данном случае можно говорить именно о методическом значении, поскольку ими продемонстрирован кумулятивный эффект соединения целевых установок полевой археографии, восходящих к разным типам научного знания.

В итоге реализуется археографическое исследование, развивающее традиции собственной «школы» – комплексных экспедиций Московского университета [17, 18]: оно ориентировано на изучение условий и форм сочетания «письменных» и «устных» компонентов старообрядческой культуры и вместе с тем стремится переосмыслить круг знаний о региональной книжности в соответствии с новыми условиями работы в «поле». И это сочетание оказывается продуктивным. Сопровождение археографического описания действующих общинных библиотек материалами разного происхождения – от государственных до личных – дает исследователю-читателю информацию не только о «книжных миграциях», но и обстоятельствах складывания социальных практик, восходящих к религиозному тексту и повседневности.

На последнем остановлюсь особо. Жизненные стратегии, предлагаемые христианской литературой, исследуются в рамках многих научных направлений, но, например, в медиевистике опасность принять идеологические по характеру суждения за реальные поведенческие акты достаточно высока. Эмпирическая ценность полевой археографии заключается как раз в ее возможности наблюдать бытование конфессионального текста в мирской среде и, соответственно, реконструировать социальные воплощения рефлексий о вере. Археограф, имеющий дело с локальным коллективом, видит, как с помощью доступного набора религиозных текстов он легитимирует нужные ему действия, подчас игнорируя их уязвимость с канонической точки зрения. Именно легкость совмещения сакрального и профанного фиксируют верхокамская и южновятская «народные Библии» – фрагменты интервью, открывающие религиозную картину мира старовера XX – начала XXI в., представленные в изданиях московских коллег.

Не знакомому с тонкостями «археографического ремесла» может показаться, что их запись не состави-

ла труда. На самом деле за этой публикацией стоит кропотливый труд *нескольких* поколений ученых МГУ, из сезона в сезон формировавших доверие и уважение к своим исследованиям. Без них беседа о вере невозможна, и «чужаку» мягко, но твердо дадут это понять. Зато каждому археографу, долго работающему на одном месте, знакомо труднопередаваемое словами ощущение, когда становится понятно – страх перед расспросами ушел, и сам факт «приезда – изучения» становится предметом гордости старообрядческой общины, значимым событием ее истории.

Однако у медали есть обратная сторона: археограф – не просто спрашивающий наблюдатель, годы общения делают его собеседником во всей полноте значений слова.

Это обстоятельство сегодня, по мнению Е.Б. Смилянкой, выступает основой для кристаллизации исследовательского интереса к феномену разговора как средства формирования мировоззренческих и поведенческих установок его участников [19. С. 8]. Этические аспекты проблемы анализируются сегодня в рамках всех российских дисциплин, чья источниковая база складывается в ходе коммуникации «исследователь – респондент» [20]. Полевая археография способна внести вклад в разработку ее научной составляющей, поскольку все чаще изучение «социальной оболочки» конфессионального текста сопровождается «встречным опросом» – ситуацией, когда старообрядческая община обращается к знаниям и советам археографа.

Причины явления вполне прозаичны – современное староверие в подавляющем большинстве не получило теологической подготовки у «своих стариков», чувствует себя неуверенно в массиве канонической и учительной литературы и, как следствие, не владеет навыками превентивного управления собственными изменениями. В этих условиях велика вероятность того, что результатом наших рассказов об истории церковного раскола или помощи с поиском информации о христианских обычаях и установлениях может стать новый вариант «народной Библии», отвечающий всем признакам *trail-lore* – контактного нарратива, возникшего в ходе общения [21. С. 48–53].

Первые опыты осмысления такого рода рисков также являются заслугой участников археографической экспедиции МГУ – лингвистов С.Е. Никитиной и Е.М. Сморгуневой, настаивающих на необходимости прогнозировать последствия научного вмешательства в изучаемую религиозную культуру [22, 23]. Не менее ценным представляется развитие этих идей Санкт-петербургским этнологом О.М. Фишман об обратном воздействии респондентов на исследователя и, соответственно, о многослойности и тенденциозности его полевых записей [24].

Новый разворот исследовательских саморефлексий позволяет предположить, что в ближайшем будущем археографической корпорации наряду с продолжением разговора о методах работы «в поле» потребуется обсуждение форм введения в научный оборот материалов региональной конфессиональной книжности. В этом смысле публикации московских ученых также могут служить точкой отсчета.

Этос презентации. Еще десятилетие назад вопрос о том, как полевая археография должна знакомить коллег со своими достижениями, не стоял в принципе – казалось, что восходящая к XIX в. традиция публикации каталогов со справочными материалами-указателями решает его оптимальным образом. Сегодня такие издания не удовлетворяют исследователей – не-археографов, рассчитывающих наряду с детальным описанием книжного памятника получить развернутые сведения о социокультурных обстоятельствах его бытования. У конфликта интересов есть объяснение: правила, созданные для демонстрации *прямых и поддающихся унификации* результатов историко-документальной экспертизы, не годятся для систематизации *неструктурированной контекстной* информации, полученной в ходе бесед, помощи по хозяйству, совместных визитов в гости и т.д.

Очевидно, чтобы представить конечную совокупность книг и бесконечное многообразие интеллектуальных практик, действием которых в сообществах их хранителей формируются знания, иерархические связи и идентичности, требуются иные подходы. При всей тривиальности вывода следует заметить, что «путешествующая археография» – дисциплина с почти двухсотлетним полевым стажем – обращалась к проблеме комплексной презентации лишь эпизодически [25]. Видимо, это определяется, с одной стороны, разной сохранностью территориальных конфессиональных комплексов и сложностью создания универсальной методики выявления их письменных и устных воплощений; с другой – трудностью описания всех интеракций, возникающих при прямом и опосредованном влиянии на индивидов и коллективы религиозного текста.

В связи с этим заслуживает внимания замысел московских археографов с помощью документов и нарративов охарактеризовать социально-коммуникативную среду, где определяется необходимый и желательный круг чтения, устанавливается порядок использования функционально несхожих текстов. Это оказывается эффективным средством продемонстрировать своеобразие книжных культур Южной Вятки и Верхотурья и историческую динамику старообрядческого письма и чтения в двух территориальных вариантах. Преимущества такого рода презентации очевидны: наряду с информацией о людях и текстах – древних и новых, авторских и компилятивных – она предоставляет сведения косвенного характера, например, о смене в системе авторитетов, догматических и обрядовых нововведениях.

Переориентация от явлений и институтов к процессам, их порождающим или разрушающим, расширяет научные горизонты полевой археографии и вместе с тем ставит ее перед другой проблемой. Известно, что смена целеполагания сопровождается ревизией источниковой базы, маркированием ее как неадекватной актуальным задачам, и нередко состояние неопределенности, когда исследовательский интерес еще не обрел фактографическую основу, ведет к «изобретению традиции» в логике модерн-проекта [26].

Непреднамеренная «правка реальности» в ходе введения в научный оборот материалов полевых исследований давно исследуется этнологией и социальной антропологией [27]. Очевидно, полевая археография стоит на пороге этого. Московские археографы попытались решить ее, как бы самоустранившись, – они остаются «в тени», сознательно отказываясь от интерпретаций собственных материалов, предоставляя право делать выводы коллегам-читателям. Думается, избранный путь перехода от ознакомительных каталогов к формированию банка данных по региону, ориентированному на интересы специалистов разных областей знания, – не единственный.

Принципиально новые перспективы для полевой археографии открывают современные технические средства, позволяющие создавать комплексные цифровые ресурсы и систематизировать большие массивы текстовых, визуальных и картографических данных. Идея археографического интернет-проекта не нова [28], но в условиях возрастания количества и качества виртуальных научных коммуникаций, как показывает опыт уральских археографов, становится все более востребованной [29]. Причем сегодня равным эвристическим значением обладают презентации не только территорий с определенным уровнем сохранности книжной традиции, но и отдельных конфессиональных собраний, чье складывание шло в контексте развития конкретных поселенческих и церковно-приходских структур, формальных и неформальных религиозных центров [30].

Понимание конфессионального собрания как части регионального культурного ландшафта предполагает определение формата представления «человека читающего» и «книги читаемой», который минимизировал бы риск разрушения действующей религиозной традиции и отвечал современному уровню знаний о конфессиональной книжности. В данном случае речь идет именно о *выборе* формата и, соответственно, о коллегиальном решении проблем этического и содержательного характера.

Прежде всего это касается конфиденциальной информации респондентов. Полевой археографии пора разработать средства ее защиты и, например, перечислить ситуации, когда указание персональных данных (имя, возраст, образование, профессия и пр.), места и времени интервьюирования является обязательным для обеспечения валидности выводов исследования. В аналогичных охраняемых мерах нуждаются старообрядческие общинные и семейные собрания, в составе которых находятся древние книги высокой антикварной стоимости. В настоящее время есть настоятельная необходимость, во-первых, в правовом обеспечении системы резервного копирования, когда община сохраняет свои книги и получает их инвентарную опись, государственное учреждение – цифровые копии и возможность учета книжных памятников из частных собраний; во-вторых, в классификации «пользователей» археографических интернет-сайтов и организации разных зон доступа к его материалам для профессиональных исследователей, «интересующихся» и «любопытствующих».

Не менее сложным является вопрос об электронном формате кириллической книги. Исследователям христианской литературы известно, что научное значение кириллической книги не исчерпывается текстом и изображениями. Принятая сегодня полистная оцифровка ориентирована на их передачу, но она не способна донести важность тактильного контакта со старинной книгой и, соответственно, объяснить не державшим ее в руках, почему в народном православии она воспринимается как святыня, а в староверии по сей день существуют правила ее хранения и даже похорон. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования новосибирских археографов по определению контента полистно оцифрованной христианской книги, передаче как ее специфики – принадлежности к мирам вещей и духовных сущностей, так и истории бытования [31].

Археографический информационный ресурс, объединяющий разные отрасли социогуманитарного знания, – неважно будет реализован он в традиционном печатном или электронном виде – наряду с определением, какие данные, в каком объеме и для какой аудитории будут предоставлены, требует от «создателей» понимания – что он даст для развития самой дисциплины?

Ответ на него, вероятно, требует отказа от восприятия полевой археографии как инструмента по поиску и перемещению книжных памятников в государственные книгохранилища. Она давно вышла за рамки позитивистской научной парадигмы и в ходе работы со старообрядческими собраниями, включающими рукописи, печатные книги периода Средневековья и сочинения современных идеологов движения, выработала разные подходы к анализу сложных, подвижных комплексов текстов и сопровождающего их «знания», воплощенного в нормах и практиках обращения с конфессиональной книгой.

Как убеждают издания московских археографов, несоответствие понятийного аппарата полевой археографии собственным задачам – проблема, поставленная еще в 1980-е гг. [32], – может быть решена только «открытием границ» и целенаправленным формированием научного и общественного интереса к своим исследованиям. Только в этом случае изучение религиозных групп «бумажного мира», для которых обладание «бумажной» книгой остается смыслом жизни, позволит одной из старейших российских гуманитарных дисциплин осваивать новые академические ниши сегодня и выбирать точки роста завтра.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Проблемы полевой археографии*. М. : [б.и.], 1979. 163 с.
2. Goody J., Watt I. The Consequences of Literacy // *Comparative Studies in Society and History*. 1963. Vol. 5, is. 3. P. 304–345.
3. Мельникова Е.А. «Воображаемая книга»: очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 182 с.
4. Валк С.Н. Избранные труды по археографии. СПб. : Наука, 1991. 365 с.
5. *Материалы к истории старообрядчества Южной Вятки (по итогам комплексных археографических экспедиций МГУ имени М.В. Ломоносова)* : сб. документов / сост. В.П. Богданов и др. ; отв. ред. В.П. Богданов. М. : МАКС Пресс, 2012. 308 с.
6. *Материалы к истории старообрядчества Верхочамья: по итогам экспедиций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова* : сб. документов / отв. ред. В.П. Богданов, В.П. Пушкин. М. : МАКС Пресс, 2013. 276 с.
7. Поздеева И.В. Полевая археография XXI века // *Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России (1965–2005)*. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2008. Т. 1. С. 132–148.
8. Барсуков Н. Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. 668 с.
9. Срезневский В.И. Описание рукописей и книг, собранных для Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913. XVIII, 688 с.
10. Мальшев В.И. Задачи собирания древнерусских рукописей // *Труды отдела древнерусской литературы*. Л. : Наука, 1964. Т. 20. С. 303–332.
11. Покровский Н.Н. Пути изучения истории старообрядчества российскими исследователями // *Археографический ежегодник за 1998 год*. М. : Наука, 1999. С. 3–20.
12. Шамаро А. Кержацкие тропы // *Наука и религия*. 1959. № 4. С. 68–76.
13. Бахтина О.Н., Керов В.В., Дутчак Е.Е. «Егда чтем, Господь к нам беседует»: к вопросу об институционализации социальной археографии // *Вестник РУДН. Сер. История России*. 2006. № 1. С. 73–85.
14. *Традиционная книга и культура позднего русского Средневековья*. Труды Всерос. науч. конф. к 40-летию полевых археографических исследований Московского университета им. М.В. Ломоносова : в 2 ч. / отв. ред. И.В. Поздеева. Ч. 2 : История, книжность и культура русского старообрядчества. Ярославль : Ремдер, 2008. 356 с.
15. *Язык, книга и традиционная культура позднего русского Средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе XXI в.* : тр. II междунар. науч. конф. / отв. ред. И.В. Поздеева. М. : [б.и.], 2011. 711 с.
16. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с.
17. Кобяк Н.А., Леренман М.М., Поздеева И.В., Смилянская Е.Б. Задачи и результаты комплексных археографических экспедиций Московского университета 1966–1980 гг. // *Русские письменные и устные традиции и духовная культура (По материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.)*. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 11–39.
18. *Традиционная культура Пермской земли: К 180-летию полевой археографии в Московском университете, 30-летию комплексных экспедиций Верхочамья*. Ярославль : Ремдер, 2005. 480 с.
19. Смилянская Е.Б. Предисловие // *О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива)* / под ред. Е.Б. Смилянской. М. : Индрик, 2012. С. 7–12.
20. *Этические проблемы полевых исследований* // *Антропологический форум*. 2006. № 5. С. 7–166.
21. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М. : ОГИ, 2004. 544 с.
22. Никитина С.Е. О «нас» и о «них» // *Живая старина*. 2001. № 1. С. 5–7.
23. Сморзунова Е.М. Что же такое «устный нарратив» и что мы от него ждем // *О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива)* / под ред. Е.Б. Смилянской. М. : Индрик, 2012. С. 33–46.
24. Фишман О.М. «Лицом к лицу»: из опыта полевой коммуникации // *О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива)* / под ред. Е.Б. Смилянской. М. : Индрик, 2012. С. 15–32.

25. Поздеева И.В. Поливидовой территориальный архив Верхокамья: история формирования, состав, перспективы сохранения и использования (результаты комплексных экспедиций Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова 1972–1988 гг.) // Отечественные архивы. 2000. № 4. С. 24–35.
26. Шемякина О.Д. О принципах описания границ традиционной культуры в модерн-эпоху // Цивилизации. М. : Наука, 2014. Вып. 9. С. 121–139.
27. Исследователь и объект исследования // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 9–134.
28. Бахтина О.Н., Носков А.В., Хасанов В.Я. Концепция создания компьютерного археографического атласа Томской области // Археографический ежегодник за 1998 г. М. : Наука, 1999. С. 54–62.
29. Совместный проект Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета и Британской библиотеки: URL: <http://hist.igni.uurfu.ru/lai/digital.htm>
30. Дутчак Е.Е., Васильев А.В., Ким Е.А., Полежаева Т.В. Православный ландшафт таежной Сибири // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–89.
31. Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. «Археография книжных памятников» в Федеральной целевой программе «Интеграция» (2002–2006) // Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России (1965–2005). Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2008. Т. 1. С. 23–40.
32. Амосов А.А., Бударягин В.П., Морозов В.В., Пихоя П.Г. О некоторых проблемах полевой археологии (в порядке обсуждения) // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1983. С. 5–18.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 апреля 2015 г.

FIELD ARCHAEOGRAPHY YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW: THINKING ABOUT RECENT PUBLICATIONS OF MOSCOW STATE UNIVERSITY

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 85–90. DOI: 10.17223/15617793/396/15

Dutchak Elena E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dee010@mail.ru

Keywords: field archaeography; manuscript and early-printed book in Church Slavonic Cyrillic; search and presentation of the Old-Believers' book collections.

Using the example of publications about the Old-Believers' book culture of the Upper Kam and South Vyatka areas based on the results of complex expeditions arranged by Moscow University, this article considers a current state and development prospects of one of the oldest Russian humanitarian branches of science – field archaeography. Field archaeography is a branch of science connected with search, expertise and introduction of historical and literary documents in the scientific sphere. Yet in the 1960s, it put a question of studying text / book in everyday life. Despite long and efficient research in studying folk Christian culture of writing and reading, its analytic practices are still poorly known and unclaimed by both domestic and foreign researchers of literacy studies phenomenon. It is caused by a number of ideological, scientific and social factors such as both a lack of the term “archaeography” in the European scientific discourse and a critical attitude to the scientific heritage of the Soviet period. In these conditions the research aimed at developing national intellectual tradition and, at the same time, at presenting its achievements to the international academic society is of great importance for field archaeography. One of it is a series of studies considered in this article performed by archaeographers from Moscow State University – one of the leading Russian centers of studying the Cyrillic book and its keepers – the Old-Believers. The significance of these publications is not limited by providing the documents on regional “Old-Believers' History” and catalogues from community and private book collections. Arranging scientific materials in these collections indicates new techniques necessary for working with book collections being in “live use” and new ways of presenting both field and archive materials showing socio-communicative processes where interpenetration of oral and written elements of the Old-Believers' culture takes place as well as ideological values and behavioural strategies of the Old-Believers in the 21st century are shaped. Thus, the publications of Moscow archaeographers allow the author to state the tendency to plastic correction of the field archaeography targets, adding traditional tasks on forming a scientific regional database to it and discovering texts / books of great scientific and cultural values by other research programmes. Their constituents are readiness to discuss the targets of archaeological research, ethic and scientific principles of introducing field materials in the scientific use and development of the digital presentations content of the Old-Believers' book collections as a historically formed information complex. The efficient performance of these research tasks will influence the ability of field archaeography to assimilate new academic niches these days and define its own development tomorrow.

REFERENCES

1. Chernykh, V.A. & Schmidt, S.O. (eds.) (1979) *Problemy polevoy arkheografii* [Problems of Field Archeography]. Moscow.
2. Goody, J. & Watt, I. (1963) The Consequences of Literacy. *Comparative Studies in Society and History*. 5 (3). pp. 304–345.
3. Mel'nikova, E.A. (2011) “*Voobrazhaemaya kniga*”: *ocherki po istorii fol'klora o knigakh i chtenii v Rossii* [“Imaginary Book”: Essays on folklore stories about books and reading in Russian]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo un-ta v Sankt-Peterburge.
4. Valk, S.N. (1991) *Izbrannye trudy po arkheografii* [Selected works on Archeography]. St. Petersburg: Nauka.
5. Bogdanov, V.P. (ed.) (2012) *Materialy k istorii staroobryadchestva Yuzhnoy Vyatki (po itogam kompleksnykh arkheograficheskikh ekspeditsiy MGU imeni M.V. Lomonosova)* [Materials for the history of Old Believers of South Vyatka (the results of archeography expeditions of Lomonosov Moscow State University)]. Moscow: MAKS Press.
6. Bogdanov, V.P. & Pushkov, V.P. (eds.) (2013) *Materialy k istorii staroobryadchestva Verkhokam'ya: po itogam ekspeditsiy istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomo-nosova* [Materials for the history of Old Believers of the Upper Kama: the results of the expeditions of the Historical Faculty of Lomonosov Moscow State University]. Moscow: MAKS Press.
7. Pozdeeva, I.V. (2008) Polevaya arkheografiya XXI veka [Field Archeography of the 21st century]. In: Dergacheva-Skop, E.I. & Alekseev, V.N. (eds.) *Drevnerusskoe dukhovnoe nasledie v Sibiri: nauchnoe izuchenie pamyatnikov traditsionnoy russkoy knizhnosti na vostoке Rossii (1965–2005)* [Old Russian Spiritual Heritage in Siberia: the scientific study of the monuments of traditional Russian literacy in the east of Russia (1965–2005)]. Vol. 1. Novosibirsk: GPNTB SO RAN.
8. Barsukov, N. (1878) *Zhizn' i trudy P.M. Stroeva* [Life and Works of P.M. Stroyev]. St. Petersburg.
9. Sreznevskiy, V.I. (1913) *Opisanie rukopisey i knig, sobrannykh dlya Akademii nauk v Olonetskom krae* [Description of manuscripts and books collected for the Academy of Sciences in the Olonets region]. St. Petersburg.
10. Malyshev, V.I. (1964) Zadachi sobiraniya drevnerusskikh rukopisey [The tasks of collecting ancient manuscripts]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 20. Leningrad: Nauka.

11. Pokrovskiy, N.N. (1999) Puti izucheniya istorii staroobryadchestva rossiyskimi issledovatelyami [Ways to study the history of the Old Believers by Russian researchers]. In: Schmidt, S.O. (ed.) *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1998 god* [Archeography Yearbook 1998]. Moscow: Nauka.
12. Shamara, A. (1959) Kerzhatskie tropy [Kerzhak trails]. *Nauka i religiya*. 4. pp. 68–76.
13. Bakhtina, O.N., Kerov, V.V. & Dutchak, E.E. (2006) “When we are reading, the Lord is talking to us”: The question of institution of social archeography. *Vestnik RUDN. Ser. Istoriya Rossii – Bulletin of PFUR. Series Russian History*. 2(6). pp. 73–85. (In Russian).
14. Pozdeeva, I.V. (2008) *Traditsionnaya kniga i kul'tura pozdnego russkogo Srednevekov'ya* [Traditional and book culture of the late Russian Middle Ages]. Proc. of the All-Russian Scientific Conference to the 40th anniversary of the Field Archeography Studies of Lomonosov Moscow University. Pt. 2: *Istoriya, knizhnost' i kul'tura russkogo staroobryadchestva* [History, culture and book culture of Russian Old Believers]. Yaroslavl: Remder.
15. Pozdeeva, I.V. (ed.) (2011) *Yazyk, kniga i traditsionnaya kul'tura pozdnego russkogo Srednevekov'ya v zhizni svoego vremeni, v nauke, muzeynoy i bibliotечноy rabote XXI v.* [Language, the book and the traditional culture of the late Russian Middle Ages in the life of the time in science, museum and library work of the 21st century]. Proc. of the II International Scientific Conference Moscow.
16. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.
17. Kobayak, N.A., Lerenman, M.M., Pozdeeva, I.V. & Smilyanskaya, E.B. (1982) Zadachi i rezul'taty kompleksnykh arkheograficheskikh ekspeditsiy Moskovskogo universiteta 1966–1980 gg. [Objectives and results of complex archaeography expeditions of Moscow University in 1966–1980]. In: Pozdeeva, I.V. & Koval'chenko, I.D. (eds.) *Russkie pis'mennye i ustnye traditsii i dukhovnaya kul'tura (Po materialam arkheograficheskikh ekspeditsiy MGU 1966–1980 gg.)* [Russian written and oral traditions and spiritual culture (the materials of archaeological expeditions of Moscow State University in 1966–1980)]. Moscow: Moscow State University.
18. Pozdeeva, I.V. (ed.) (2005) *Traditsionnaya kul'tura Permskoy zemli: K 180-letiyu polevoy arkheografii v Moskovskom universitete, 30-letiyu kompleksnykh ekspeditsiy Verkhokam'ya* [The traditional culture of the Perm land: the 180th anniversary of Field Archeography in Moscow University, the 30th anniversary of complex expeditions of the Upper Kama]. Yaroslavl: Remder.
19. Smilyanskaya, E.B. (2012) Predislovie [Preface]. In: Smilyanskaya, E.B. (ed.) *O svoey zemle, svoey vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv. (k izucheniyu biograficheskogo i religioznogo narrativa)* [On the land, the faith, the present and the experiences in Russia of the 20th – 21st centuries. (The study of biographical and religious narrative)]. Moscow: Indrik.
20. Forum. (2006) Eticheskie problemy polevykh issledovaniy [Ethical issues of fieldwork]. *Antropologicheskoye forum*. 5. pp. 7–166.
21. Panchenko, A.A. (2004) *Khristovshchina i skopchestvo: fol'klor i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [Hristovschina and Skopchestvo: folklore and traditional culture of Russian mystical sects]. Moscow: OGI.
22. Nikitina, S.E. (2001) O “nas” i o “nikh” [About “us” and “them”]. *Zhivaya starina*. 1. pp. 5–7.
23. Smorgunova, E.M. (2012) Chto zhe takoe “ustnyy narrativ” i chto my ot nego zhdem [What is the “oral narrative”, and what we expect from it]. In: Smilyanskaya, E.B. (ed.) *O svoey zemle, svoey vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv. (k izucheniyu biograficheskogo i religioznogo narrativa)* [On the land, the faith, the present and the experiences in Russia of the 20th – 21st centuries. (The study of biographical and religious narrative)]. Moscow: Indrik.
24. Fishman, O.M. (2012) “Litsom k litsu”: iz opyta polevoy kommunikatsii [“Face to Face”: the experience of field communication]. In: Smilyanskaya, E.B. (ed.) *O svoey zemle, svoey vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv. (k izucheniyu biograficheskogo i religioznogo narrativa)* [On the land, the faith, the present and the experiences in Russia of the 20th – 21st centuries. (The study of biographical and religious narrative)]. Moscow: Indrik.
25. Pozdeeva, I.V. (2000) Polividoynoy territorial'nyy arkhiv Verkhokam'ya: istoriya formirovaniya, sostav, perspektivy sokhraneniya i ispol'zovaniya (rezul'taty kompleksnykh ekspeditsiy Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova 1972–1988 gg.) [Polyspecific territorial archive of the Upper Kama: history of formation, structure, prospects for conservation and use (the results of complex expeditions of Lomonosov Moscow State University in 1972–1988)]. *Otechestvennyye arkhivy*. 4. pp. 24–35.
26. Shemyakina, O.D. (2014) O printsipakh opisaniya granits traditsionnoy kul'tury v modern-epokhu [On principles of describing the boundaries of the traditional culture in the era of modern]. In: Chubar'yan, A.O. (ed.) *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Is. 9. Moscow: Nauka.
27. Forum. (2005) Issledovatel' i ob'ekt issledovaniya [The researcher and the object of study]. *Antropologicheskoye forum*. 2. pp. 9–134.
28. Bakhtina, O.N., Noskov, A.V. & Khasanov, V.Ya. Kontseptsiya sozdaniya komp'yuternogo arkheograficheskogo atlasa Tomskoy oblasti [The concept of creating a computer archeographic atlas of Tomsk Oblast]. In: Schmidt, S.O. (ed.) *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1998 god* [Archeography Yearbook 1998]. Moscow: Nauka.
29. A joint project of the Laboratory of Archeography Research of the Ural Federal University and the British Library. [Online]. Available from: <http://hist.igniu.ru/lai/digital.htm>. (In Russian).
30. Dutchak, E.E., Vasil'ev, A.V., Kim E.A. & Polezhaeva, T.V. (2013) Orthodox Landscape of the Siberian Taiga Region: the Concept of Research. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 1. pp. 79–89. (In Russian).
31. Dergacheva-Skop, E.I. & Alekseev, V.N. (2008) “Arkheografiya knizhnykh pamyatnikov” v Federal'noy tselevoy programme “Integratsiya” (2002–2006) [“Archeography of book monuments” in the federal target program “Integration” (2002–2006)]. In: Dergacheva-Skop, E.I. & Alekseev, V.N. (eds) *Drevnerusskoe dukhovnoe nasledie v Sibiri: nauchnoe izuchenie pamyatnikov traditsionnoy russkoy knizhnosti na vostoke Rossii (1965–2005)* [Old Russian Spiritual Heritage in Siberia: the scientific study of the monuments of traditional Russian literacy in the east of Russia (1965–2005)]. Vol. 1. Novosibirsk: GPNTB SO RAN.
32. Amosov, A.A., Budaragin, V.P., Morozov, V.V. & Pikhoya, R.G. (1983) O nekotorykh problemakh polevoy arkheografii (v poryadke obsuzhdeniya) [On some problems of Field Archeography (a discussion)]. In: Sutyryn, B.A. (ed.) *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' dorevolutsionnogo Urala* [Political thought of the prerevolutionary Urals]. Sverdlovsk: Ural State University.

Received: 26 April 2015

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ХАНТОВ В КОЛЛЕКЦИЯХ КУНСТКАМЕРЫ: КОМПОНЕНТЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00263
«Этническая и книжная традиции в культурном наследии Западной Сибири».*

Статья посвящена коллекциям Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН, отражающим культурное наследие хантов. Коллекции поступили в 1880–1978 гг., их число – 40, количество хантских предметов – 1 640. Вместе с иллюстративным материалом они дают информацию о разных сферах материальной и духовной культуры народа. В предлагаемой статье рассматриваются средства передвижения, постройки, утварь, одежда, игры и игрушки, предметы искусства и культа.

Ключевые слова: Кунсткамера; хантские коллекции; культурное наследие; компоненты материальной и духовной сферы.

В Музее антропологии и этнографии (Кунсткамере) РАН хранится 40 коллекций, содержащих 1 640 предметов культурного наследия одного из народов Севера – хантов. В связи с большим объёмом имеющегося материала его исследование пришлось разделить на две части. В первой статье [1] были изложены вводные вопросы и дана общая характеристика указанных коллекций, а также рассмотрены орудия труда, инструменты и разный инвентарь, относящийся к хозяйственным занятиям хантов (Блок 1). Предлагаемая статья посвящена другим компонентам традиционной культуры народа, а именно средствам передвижения (Блок 2), постройкам (Блок 3), утвари (Блок 4), одежде (Блок 5), играм и игрушкам (Блок 6), изделиям искусства (Блок 7), предметам культа (Блок 8). Описание этих предметов на основе личных наблюдений, сделанных непосредственно в быту хантов, приводят многие авторы. Их работы указаны в списке литературы к первой статье (источники [4, 6, 12, 14, 16]) и к данной статье [2–7].

Блок 2. Средства передвижения. Традиционные способы и средства передвижения хантов определялись географическими условиями их проживания и хозяйственными занятиями. Основная часть народа расселялась в лесной и лесотундровой зоне, вдоль рек Обь-Иртышского бассейна, а самые северные группы совершали переколёвки с оленями в тундру вплоть до Полярного Урала. Для рыболовства требовались лодки, для охоты и оленеводства – лыжи и нарты.

2.1. Лодки. У хантов было известно три типа лодок из дерева: 2.1.1. Долблёнка (обласок), полностью выдолбленная, иногда с невысокими надставными бортами. 2.1.2. Калданка, с выдолбленным дном и бортами из досок. 2.1.3. Каюк, построенный полностью из досок. Вёсла различались в зависимости от назначения (гребные и рулевые) и половозрастной принадлежности (мужские, женские, детские).

2.1.1. В коллекциях МАЭ долблёнки представлены одним полноценным изделием (376-41) и одной моделью (859-121).

2.1.2. Калданок имеется две (5541-114, 115); есть также модель этой лодки (2383-7) и калданка-игрушка (5541-113). К калданке относятся вёсла-гребни (5541-116-120).

В Кунсткамере хранится интересный экземпляр женского весла для гребли на обласке либо на калданке, часто упоминаемого в хантском фольклоре;

его рукоять украшена подвижными фигурками-погремушками, а лопасть и резная часть рукояти окрашены красной краской (5160-14).

2.1.3. Каюк – это большая дощатая, крытая лодка, используемая для дальних переездов семьи. В Кунсткамере находится две модели такой лодки (376-42-46; 859-122). У первой модели в средней части лодки устроен полусферический каркас из прутьев, покрытый берестой; внутрь каркаса вложены гребное и рулевое вёсла, а также два свёртка бересты. К элементам каюка относятся флюгер для мачты (2383-72) и ляпка из бересты, которую надевает человек, когда тянет каюк, и при неводьбе (2383-73). Фотографии крытых лодок видим в иллюстративном фонде музея (И-123, ф. 67; И-2421, ф. 59).

2.2. Лыжи и посохи. У хантов бытовало два вида лыж: 2.2.1. Голицы; 2.2.2. Подволоки, т.е. подшитые, а точнее, подкленные на скользящей поверхности шкурами с ног оленя или лося. Посохи для ходьбы на лыжах имели на верхнем конце лопатку для разгребания снега. В фондах Кунсткамеры хранится несколько экземпляров этого средства передвижения. О некоторых известно только, что это – лыжи (376-13) и посохи (376-14; 859-89 – модель).

2.2.1. Голицы представлены тремя взрослыми экземплярами (592-25 а, б; 859-88; 5541-106 а, в) и одним детским (2383-74).

2.2.2. Подволоки также в трёх экземплярах (592-26 а, б; 859-90; 6375-16). Все посохи – с кольцом на одном конце и лопаткой на другом (5541-104, 105; 5111-111). Представление о подволоках с подставкой для ноги и посохе с лопаткой даёт фотоснимок (И-1357, ф. 3).

2.3. Нарты и упряжь. Нарты использовались хантами и как средство передвижения человека, и как средство перевозки грузов. Некоторые виды нарт сочетали в себе обе функции. Устройство и размеры нарт зависели от того, кто служил тягловой силой. По данному признаку нарты делятся на: 2.3.1. Собачьи. 2.3.2. Ручные / собачьи (тянут вместе человек и собаки). 2.3.3. Оленьи. Упряжь также предназначена для человека, собак и оленей. Оленьи нарты и упряжь различались ещё и по назначению. В Кунсткамере имеются некоторые из названных видов нарт и упряжи.

2.3.1. Наиболее информативной является модель, включающая нарту с четырьмя запряженными соба-

ками, т.е. полный комплект собачьей упряжки (376-40). Имеется и модель собачьей нарты без упряжи (859-118).

2.3.2. Ручные / собачьи нарты представлены тремя экземплярами (5111-101; 5541-110, 112).

Имеются также детские нарточки для катания (5541-107, 108, 109).

Полный комплект упряжи для собак можно видеть в упомянутой выше модели (376-40). Кроме того, в музее хранятся лямки для человека (5093-35, 74), собачьи лямки для нарт (5093-34, 73) и пояс из собачьей упряжи (5541-211). На одной из фотографий видим собачью нарту с сидящими в ней детьми (И-1357, ф. 13).

2.3.3. Из оленьих нарт в оригинале представлен только один вид – грузовая нарта (5541-111); имеются также модели оленьих нарт (859-119; 6375-14). На фотографиях изображены мужская нарта и хорей с железным копьём на ней (И-2421, ф. 179), а также женская нарта со спинкой (И-2421, ф. 62).

Оленья упряжь различалась в зависимости от того, какому оленю она предназначена. В Кунсткамере хранятся упряжь передового (головного, коренного) оленя (5541-95/1, 2), второго пристяжного (5541-96/1, 2), третьего пристяжного (5541-97) и упряжь для двух оленей (6375-15). Отдельные элементы упряжи: узда (2383-68), узда и пояс коренного оленя (859-123, 126), узда и пояс пристяжного оленя (859-124, 127), хомут-лямка для оленя (859-125; 2383-67), вожжа (859-128, 129), часть упряжи (5541-230), блоки для тяжа, соединяющего передового и пристяжных оленей (2383-64, 65), ещё один экземпляр блоков – к женской упряжке имеет украшения.

Блок 3. Постройки. Для хантов было характерно большое разнообразие жилых, хозяйственных и культовых построек, но в Кунсткамере имеются лишь их отдельные элементы либо иллюстрации с изображением этой части культурного наследия народа.

3.1. Жилище представлено единственной полной постройкой – небольшим по размеру чумом роженицы (5541-229). В виде модели в музей поступил шалаш (5823-4). К элементам жилища относятся берестяные полотнища «тиски» для покрытия крыши бревенчатых построек (5111-92, 93, 94) и чума (5541-204, 205–207). В иллюстративном фонде находим фотографии полусферического шалаша (И-1357, ф. 11), избушки и её внутреннего вида (И-123, ф. 15, 28), а также хлебной печи недалеко от жилища (И-123, ф. 24, 25, 27; И-2421, ф. 95, 104) и устройств для сушки рыбы (И-123, ф. 71, 73).

3.2. Хозяйственные постройки отражены на фотографиях: коровий хлев (И-2421, ф. 23), амбар (И-2421, ф. 36), олений сарай (И-2421, ф. 81).

4. Утварь. Предметы хантской утвари в фондах Кунсткамеры можно разделить на несколько групп: 4.1. Убранство жилища. 4.2. Люльки. 4.3. Вместилища.

4.1. Убранство жилища включает в себя спальные принадлежности: полог из ткани (5111-143), подушку (5541-210) и разного рода покрытия, сплетённые или связанные из травы или камыша, квадратной либо круглой формы: ковры и коврики (592-8, 9; 859-55, 79), скатерть-циновку (1152-1; 5541-199; 5823-5),

подстилку на нары (5541-192), циновку для нар с орнаментом или без него (1152-19; 5541-193, 197, 198; 5823-6).

Сюда же относятся столики для еды (2383-16; 5541-217), доски для обработки рыбы (5541-44, 83), для выделки шкур оленя (5541-45, 84), для кройки и шитья (5541-38, 43), деревянные лопатки для выскребания крови из рыбы (5541-51), роговая разгребалка для углей (5541-26), деревянные выбивалки пыли и снега (2383-36, 5541-22, 23, 24), опахало / веник из крыльев птиц (592-10, 2383-39, 5541-186, 187, 213).

4.2. Люлька в хантском быту – это переносной предмет, который может находиться как внутри жилища, так и вне его. В Кунсткамере хранятся дневные люльки из дерева и бересты (5111-102; 5160-21; 5541-210/1; 5823–56/1, 2), а также их модели (376-38; 859-63; 5160-22) и фотографии (И-123, ф. 59, 62; И-1158, ф. 1; И-2421, ф. 97). Ночные люльки изготовлены только из бересты (5111-132; 5823-55/1, 2). Как дневные, так и ночные люльки из бересты украшены орнаментом. Имеются также вложения для люлек: гнилушки (5111-145), детское одеяло (5541-210/3), берестяная подстилка (5541-210/2), наколенник из бересты (5823-61).

4.3. Вместилища, или ёмкости. Из всех видов хантской утвари в Кунсткамере особенно богат набор предметов, которые можно объединить под общим названием «вместилища» (ёмкости). Большинство из них изготовлено из местных растительных материалов: 4.3.1. – из бересты; 4.3.2. – из древесины, веток, корней; 4.3.3. – из местных животных материалов (шкур, кожи, кости) и / или покупных. Некоторые изделия скомбинированы из разных материалов, в нашей классификации они рассматриваются по основному материалу.

4.3.1. Вместилища из бересты: ведро для воды (592-13; 2383-28; 5111-147) и костяная ручка к нему (106-11), ковш для воды (268-10; 2383-27), куженька – чаша для рыбы, мяса и др. (268-11, 12; 376-29), тусок для рыбьего жира, соли, чая (2383-29, 30, 32, 33; 5111-30; 5541-11), кузов для сбора ягод (2383-34, 35; 5111-25, 26; 5541-8, 5823-3, 42; 6375-18, 19), застежка костяная для кузова (5111-52, 53), клееварка (592-21), корытце для умывания (5823-8), мыльница (5823-9), коробка для рукоделия (859-65; 5541-9, 10; 5823-49), табакерка (268-9; 2383-47; 5823-41/1, 2; 6375-22); вместилища из бересты разного назначения (268-11; 592-11; 859-56–61; 5111-1–24, 28, 29, 31–38, 44, 45, 133–136, 148, 199, 200, 210). Большинство берестяных вместилищ орнаментировано разной техникой.

4.3.2. Вместилища из древесины: ковши, черпаки, ложки (268-3, 4, 5; 376-28, 39; 592-14; 859-53; 2383-18–21; 5111-19, 158–161; 5160-17, 18; 5541-1–7, 21; 5823-10; 6375-20), блюда для рыбных и мясных продуктов (2383-17; 5541-12, 13, 15–19), корытце для умывания (2383-23), чашка для еды (859-52; 2383-22; 5111-48; 5541-14, 20), солонка (5111-47), бочка (5111-91), ступа и пест (376-12, 24, 2383-44, 45; 5111-49); табакерка (2383-46; 5541-29; 6375-21); вместилища из корней кедра либо сарги (пластинки из ветки черёмухи): коробка (859-62; 1152-13; 2383-24; 5111-39, 40, 41; 5150-19, 20), тарелка (859-54).

4.3.3. Вместителища из животных материалов: сумки, мешочки для продуктов – из кожи налима (859-85, 86; 2383-25, 26; 5541-214) и животных (5111-118), кисет для табака из кожи разных животных и тканей (5093-20, 21, 37, 38, 40), табакерка из кости, жести (5541-27; 5823-41; 6375-22), охотничий мешок из камусов и ровдуги (5093-31), сумка для швейных принадлежностей из камусов и ровдуги (2383-37; 5541-138–141; 6375-11, 12), сумка для одежды из ровдуги и шкур оленя (5541-142–144; 5823-7), сумочка для мелочей из кожи и ткани (859-87; 2383-95, 96). Многие из названных вместителищ украшены узорами.

Блок 5. Одежда. В фондах Кунсткамеры хранится разнообразная одежда хантов: 5.1. Мужская. 5.2. Женская. 5.3. Детская. 5.4. Разная (одежда, не имеющая в описях указаний на принадлежность к первым трём группам, либо разновидовая одежда, представленная на одном и том же фотоснимке).

5.1. Мужская одежда включает в себя рубаху из ткани (859-7; 5823-26, 28, 29), штаны из налимьей кожи (859-84) и из ткани (5823-27), верхнюю одежду – халат (859-11) и промысловый шабур (5093-24), сорочку-навершницу для малицы (859-12), зимний головной убор – капор из меха и ткани (859-6; 5970-1), промысловую шапку-колпак из холста (5093-30, 68, 69), пояс из сукна или кожи с деревянными ножнами (2383-93, 94; 5541-35, 212), рукавицы из ткани и меха (5093-26, 27), обувь зимнюю из камусов и летнюю из кожи (859-9, 10, 5093-32). Фотографии дают информацию о разных видах одежды: шабуре, короткой кожаной обуви (И-123, ф. 44), рубашке-косоворотке, подтяжках, летней обуви с длинным голенищем (И-123, ф. 45–47, 54), рубашке с орнаментом (И-1098, ф. 12), малице с поясом и шейном платке (И-1160, ф. 69; И-2421, ф. 202), распашной шубе и обуви из меха и сукна (И-1357, ф. 3).

5.2. Женская одежда и украшения. В Кунсткамере наиболее ценной с точки зрения культурного наследия хантов является давно исчезнувшая рубашка-платье из самодельного крапивного холста с вышивкой (592-1; 859-17; 2417-1, 2); имеются и другие виды рубашки-платья, сшитые из покупных тканей и украшенные полосками либо аппликативным орнаментом (2383-75; 5093-22; 5823-14–16), и украшение к платью (5093-6, 8, 18). Другие виды женской одежды, представленные в музее: набедренная повязка, штаны (5823-11–13), халат (859-18; 5823-17–19) и украшение к нему (859-21), кафтан (5093-23, 78), шуба из оленьих шкур (5541-133; 5823-20; 6375-1, 2), украшение на шубу из сборного меха (5093-2, 3, 4, 9, 10, 19, 57, 63; 5111-181), пояс из ткани и ровдуги, украшенный бисером (859-19; 5093-1), зимняя шапка (2383-76) и платок (2383-77; 5541-136; 5823-21, 22), обувь (2383-78; 5541-130; 6375-3; 6730-4), чулки вязаные (5823-23; 6375-4). Разные виды женской одежды представлены на фотографиях: шуба из сборного меха и головной платок (И-123, ф. 43, 48, 49, 58, 59; И-1357, ф. 4), платье, платок, бусы (И-123, ф. 50, 52, 65, 90), кафтан (И-123, ф. 60, 61).

Съёмные женские украшения, хранящиеся в Кунсткамере: головная повязка из бисера (2417-3),

серьги из бисера (2383-79, 84; 5093-11), наконик из ткани, бисера (5093-7, 12, 76; 5111-138, 140; 5541-137; 6375-5) и медные подвески к нему (106-20, 21; 5093-13, 14 а-д; 5111-139 а, в), шейное украшение из ткани, ровдуги, бисера (592-2; 859-23, 2383-80, 81; 2417-4; 5093-5, 16–17, 77), бусы оловянные и стеклянные (5093-15, 58), нагрудное украшение из сукна, бисера, бляшек (859-24; 6375-6), кольца (И-2421 – 67).

5.3. Детская одежда состоит из тех же элементов, что и взрослая: рубашка, платье из ткани (2383-86, 87, 88; 5823-31, 34), нагрудник из ровдуги (5541-232), штаны девочки (5823-33), халат девочки (2383-91, 5823-35), шубка из сборного меха (1152-2, 5093-28), малица из оленьего меха (5541-134, 135), рукавицы стёганые (5093-25), обувь, летняя и зимняя, из ровдуги, камусов, мягких шкурок (2383-89, 90; 5541-131, 132; 5823-32, 38); съёмные украшения: головная повязка (2383-84), браслетик из бисера (5823-54).

5.4. Разная одежда и аксессуары включает в себя штаны из холста (5823-39), шапку из птичьих шеек (1151-8), рукавицы из ткани и меха (5093-66, 67); обувь: летнюю, поршневидную, высокую, из ровдуги, с орнаментом (2928-1; 5160-23; 5823-30, 36, 37), летнюю, высокую, из покупной кожи (5093-32), летнюю короткую (5823-24, 25), ноговицы из медвежьих лап (3248-20), обувь зимнюю, высокую, из кожи, оленьих камусов, сукна (5093-39, 40; 5160-7), онучи из сена (859-78).

Некоторые виды мужской, женской и детской одежды отражены на фотоиллюстрациях: штаны и рубашка мальчика (И-123, ф. 63), шубка девочки (И-123-64), платье и кафтан девочек (И-1357, ф. 11, 12), мужчины и мальчики в малицах с навершницами, женщины в шубах из оленьих шкур и платках-покрывалах, на всех длинная обувь из камусов (И-1160, ф. 20), женщина и девочка в шубе из сборного меха (И-1357, ф. 5), девочки в платье и платках (И-1357, ф. 11; И-2421, ф. 196), девочка в головной повязке из бисера (И-2421, ф. 200), меховые рукавицы с узором (И-1160-45). Промысловая одежда: мужчина в шабуре и колпаке, женщина в шубе и платке (И-123, ф. 78), мужчины и мальчики в шубах и шабурах, на голове промысловые шапки (И-1357, ф. 6); мужчины в шубах и шабурах, женщины в шубах и кафтанах (И-1357, ф. 7).

К аксессуарам, связанным с одеванием человека, относятся изделия для защиты глаз от снежной слепоты: налобник из беличьих хвостов (859-16), самодельные очки в виде полумаски из сукна или шкурки, у которой на месте глаз вшиты жестяные кружочки с узенькими прорезями (592-3; 859-15; 2383-82; 5823-2; 5160-12), либо деревянной оправы со стеклами, обшитой ровдугой (5160-5, 6), платок от свадебного посоха (5093-59).

Блок 6. Игры и игрушки. Из игр для взрослых в Кунсткамере имеются шашки – четырнадцать деревянных фигур зверей и птиц, надетых на шнур (2383-108), бабки – четырнадцать оленьих костей (5111-197), камень для метания (5160-16).

Детские игрушки: лук со стрелами (5111-186), лодка с веслом (2393-87; 5541-113), лабаз (2383-98), музыкальный инструмент (2383-70), бубен с коло-

тушкой (2383-7–10), фигурки сороки, оленя, лошади (2383-99, 5111-120, 164), кукла-женщина и кукла-мужчина из ткани и клюва утки (592-7; 2383-100–107; 5541-147, 148–149, 162–165, 174, 179, 182–183; 5823-57–60), кукольные вещи – одежда, сумочка, чашка и др. (2383-105, 106; 5541-146, 150–160, 166–173, 175–178, 181, 184, 218), люлька (376-37; 5541-177, 185).

Блок 7. Предметы искусства. Эта сфера культурного наследия хантов представлена в Кунсткамере двумя разделами: 7.1. Музыкальные инструменты. 7.2. Образцы орнамента.

7.1. Музыкальные инструменты: домбра – мужской музыкальный щипковый инструмент, ладьеобразной формы, с камешками внутри (268-2; 376-60; 2383-69; 5111-182–185; 5160-24), «лебедь», типа арфы (592-16; 5160-25), труба (376-53), варган – женский инструмент в виде пластинки с прорезным язычком (376-26; 5111-127, 128, 177; И-123-90).

7.2. Образцы орнамента. К ним относятся заготовки узоров для утвари и одежды: полоса бересты (2383-109–114; 5111-27; 5823-63–70), лента из налимьей кожи (592-4, 5), полоска коровьей шкуры (5823-51), узор на ткани (5823-52, 53), мозаика по меху (5823-70), узор из бисера (5111-141, 142). Многие орнаменты имеют названия: рыба, соболь, лось, медведица, зуб шуки, ветки берёзы, рог быка, соболь с топором, крыло чайки, земляной зверь-бык и др.

Блок 8. Предметы культа. Их можно разделить на следующие группы: 8.1. Изображения духов, священных мест и приношения для духов. 8.2. Предметы культа медведя. 8.3. Шаманские принадлежности. 8.4. Погребальный инвентарь. 8.5. Разное.

8.1. Изображения духов, священных мест и приношения для духов.

8.1.1. Изображения духов: антропоморфная фигурка из дерева (106-22/1-5; 5093-46, 52, 54, 60, 61), антропоморфная фигурка из металла (5093-62, 71, 72); зооморфные фигурки из дерева: собака (5111-154–157; 5111-202), лось (5111-188–190), рыба (859-3, 4; 5111-193, 201); зооморфные фигурки из металла: выдра (5111-122), гусь (5111-123); фигурка из шкурки белки (5093-51); хвост и лапы лисицы (5111-191); неопределённое животное (5111-121, 187); разные фигурки (1145-3; 2383-15).

8.1.2. Изображения священных мест и приношения для духов / богов: священная роща (И-123, ф. 82, 89), дерево с приношением / прикладом (И-123, ф. 78–80, 84); приношения духам / богам на священных местах: малица из шкур (1145-5), распашная «одежда бога» из ткани (5093-41–45, 79; 5823–73), халат лесного духа (6730-3), черепа оленя и коровы с веткой берёзы (5541-220–226), музыкальный инструмент «домбра» (И-123, ф. 91), священные молоты и процесс их переноски (И-123, ф. 78–81, 83, 84, 86), полосы ткани (5093-47, 48, 75), платок (5093-49, 50), игольник (5093-56), куженька из бересты (5111-192; И-123, ф. 85), стрела (5823-71), щиток бронзовый (5823-72), полено для рубки мяса на культовом месте (5541-220).

8.2. Предметы культа медведя. Части медведя: череп и кости (2383-1, 2; 5111-194), лапа (106-15; 2383-3), зубы (106-34, 859-5); снаряжение для медве-

жьего праздника: берестяная маска (859-2; 2383-5, 6), рукавицы (2383-4).

8.3. Шаманские принадлежности: шапка из бересты и ткани (5160-26), шапка из сукна с опушкой из меха (И-1158, ф. 5), бубен и колотушка (859-1/ а, б; 5160-27; 2383-11–14), бубен (1145-2; 5532-1–4; 5541-219), сабля (1145-4), деревянная стрела с наконечником из металла (5111-99, 100, 211), сосуд из меди и олова (5111-124, 149, 151–153).

8.4. Погребальный инвентарь хантов собран во время раскопок «остяцких» могильников и при этнографическом изучении погребального обряда. Список этих предметов в описях Кунсткамеры довольно большой; для нашей статьи сделана выборка, отражающая разные стороны народной культуры и привозных вещей, используемых в быту хантов и вложенных в погребение при похоронах. Это табакерка из бересты (2383-116; 5542-12, 13), из оленьего и коровьего рога (5542-7, 11, 21), деревянная ложка (2383-117; 5542-22), железный нож (2383-118; 5542-6, 19, 20, 40), железный топор (2383-119; 5542-39), фаянсовая и деревянная чашки (2383-121; 5542-1); обломки сосуда из бересты (5542-42), ящик из дерева (2383-122), женская коробка-корневатик (5160-19), сосуд медный (5542-42), напёрсток (2383-125), юрок от ниток (2383-115), чернильница (2383-120), украшения из меди: цепочка, кольцо, бляха, бубенчик (2383-123–130; 5542-28), кукла-женщина (2383-131), имитация одежды женщины-самоубийцы (5541-227), фигурка духа (5542-8–10), изображения умерших и их детали (7013-1–65).

8.5. Разное. Некоторые культовые предметы имеют разное или неизвестное назначение: нож с фигуркой всадника (1145-1); кузовок с последом (5111-37); жертвенное покрывало (5823-74); культовые тарелочки (коллекция № 5708).

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы, касающиеся только материальной и духовной сфер культуры, рассмотренных в предлагаемом тексте. Объём информации неоднозначен в отношении разных групп предметов, входящих в рассмотренные блоки. Наиболее полно в Кунсткамере представлены хантыйская утварь и одежда. Обнаруживается и ряд лакун: в средствах передвижения не полно представлен олений транспорт, фактически отсутствует материал по постройкам, мало глухой меховой одежды, в предметах народного искусства присутствуют не все виды музыкальных инструментов, предметы культа отражают лишь часть бытующих в народе сакральных вещей.

Общие выводы по теме содержат два положения. Результаты проведённого анализа позволяют заключить, что коллекции Кунсткамеры в достаточной мере отражают культурное наследие хантыйского народа в целом. Недостаточность информации о части предметов может быть восполнена при более подробном анализе иллюстративного фонда музея. Вместе с тем этот вывод может считаться корректным лишь с точки зрения культурологии, но не этнографии. Этнографам-угроведам хорошо известно о локальной специфике традиционных компонентов культуры у разных групп

хантов. В коллекциях Кунсткамеры наиболее полно отражены нижнеобская, казымско-берёзовская и ва-сюганская группы; слабо представлены или вообще не упоминаются в описях ханты Демьянки, Ваха, Агана, Тромъёгана, Югана, Пима, Салыма, Назыма, Куновата, Сыни, Соби. Впрочем, этнические тради-

ции некоторых групп настолько близки, что музейные предметы одной из них можно вполне соотносить с другой. Так, культурные традиции хантов с реки Демьянки близки иртышским, несомненно и культурное сходство хантов, проживающих на реках Тромъёган и Казым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукина Н.В. Культурное наследие хантов в коллекциях Кунсткамеры: хозяйственные занятия // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 90–97.
2. Прыткова Н.Ф. Одежда хантов // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Вып. XV. С. 123–233.
3. Альбом хантыйских орнаментов (восточная группа) / сост. и введ. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 239 с.
4. Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 365 с.
5. Утварь обских угров (ханты и манси): альбом этнографических рисунков / ред.-сост. Т.А. Молданова. Ханты-Мансийск, 2012. 232 с.
6. Karjalainen K.F. Die Religion der Jugra-Völker. Helsinki; Porvoo, 1921. Bd. I. 204 s.; 1922. Bd. II. 386 s.; 1927. Bd. III. 352 s.
7. Saar E. Põhjantide kodune tarbevara ja selle ornament 20. sajandi viimase veerandi. Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. 302 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 апреля 2015 г.

CULTURAL HERITAGE OF THE KHANTY IN KUNSTKAMMER COLLECTIONS: COMPONENTS OF TRADITIONAL CULTURE

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 91–95. DOI: 10.17223/15617793/396/16

Lukina Nadezhda V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lunv@mail.ru

Keywords: Kunstammer; the Khanty collection; cultural heritage; material and spiritual spheres.

The article is devoted to the collections of the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstammer), Russian Academy of Sciences, reflecting the cultural heritage of one of the peoples of Siberia – the Khanty (former name – Ostyaks). The total number of the Kunstammer's collections, containing Khanty items is 40, 35 of them are designated as belonging to Ostyaks / the Khanty. There are 1640 depository items in the whole. The author has studied more than 30 collection inventories. In addition, some items are examined and described directly in the funds. Also the early collection of illustrative fund was studied. Information obtained was systematized on the following topics: economic activity, vehicles, buildings, utensils, clothes, toys and games, art and religion items. This article is a continuation of the first article of the author (Lukina, N.V. (2014) Cultural heritage of the Khanty in Kunstammer collections: economic activity. *Tomsk State University Journal*. 387. pp. 91–97), where the general analysis of Khanty Kunstammer collections was given and items relating to economic activities were reviewed. Below are considered vehicles, constructions, utensils, clothes, toys and games, art and religious items. In the museum among vehicles there are boats made of wood (dugouts, kaldanki, covered cayucos) with oars; skis (golitsy and hemmed with skins) with staffs; hand / husky and reindeer sledges with an appropriate harness for animals and a strap for humans. Information about buildings is available, mainly, in the pictures with the images of a tent, a cabin, farm buildings, a bread oven. The only complete construction is a tent for a woman in labor. Utensils and presented very well: bedding and cots; mats and coatings; tables, working boards and blades; containers made of birch bark, wood, leather, skins and fabrics. Many items are decorated with ornaments. Clothing includes male types: a shirt, pants, a coat, a deerskin overcoat and a shirt for it, hats, belts, mittens, winter and summer shoes, glasses for protection from snow blindness. Female types of clothing are a shirt-dress, a loincloth and pants, a coat, a caftan, a fur coat, a belt, a scarf, a hat, different types of shoes, removable ornaments (headband, plait decoration, earrings, necklaces, neck and chest ornament). Children's clothing consists of the same elements as the adults'. Games and toys of the Khanty in Kunstammer are presented by checkers, knucklebones, a small bow and arrows, a musical instrument, a tambourine, animal figurines, dolls and things for them. In the Kunstammer folk art items are represented by musical instruments (a dombra, a tool like a harp, a jaw harp) and samples of ornaments on birch bark, skins and leather, beads; many patterns have their own names. Ceremonial objects are presented by anthropomorphic and zoomorphic images of spirits and offerings for them (clothing, pieces of cloth, an arrow and others); bear body parts and equipment for the bear festival; shamanic accessories (a hat, a tambourine, an arrow); burial items from the excavations of "Ostyak" burial grounds and ethnographic collections (mostly household items). Among all items of the Khanty cultural heritage surveyed in the article in MAE collections, the most informative are utensils and clothes; in the section "vehicles" deer transport is represented incompletely; constructions are virtually not presented; in the section "folk art items" some kinds of musical instruments are absent, cult objects reflect only part of sacred things prevailing among the people.

REFERENCES

1. Lukina, N.V. (2014) Cultural heritage of the Khanty in Kunstammer collections: economic activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 387. pp. 91–97. (In Russian).
2. Pрыткова, N.F. (1953) Odezhdа kхantov [Clothing of the Khanty]. In: Tolstov, S.P. (ed.) *Sbornik Muzeя antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Is. XV. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
3. Lukina, N.V. (1979) *Al' bom kхantyysskikh ornamentov (vostochnaya gruppа)* [Album of Khanty ornaments (Eastern Group)]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Lukina, N.V. (1985) *Formirovanie material'noy kul'tury kхantov (vostochnaya gruppа)* [Formation of the material culture of the Khanty (Eastern Group)]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Moldanova, T.A. (ed.) (2012) *Utvar' obskikh ugrov (kхanty i mansi): al' bom etnograficheskikh risunkov* [Homeware of the Ob-Ugric peoples (Khanty and Mansi): album of ethnographic drawings]. Khanty-Mansiysk.
6. Karjalainen, K.F. (1921) *Die Religion der Jugra-Völker*. Vol. 1–3. Helsinki; Porvoo.
7. Saar, E. (2012) *Põhjantide kodune tarbevara ja selle ornament 20. sajandi viimase veerandi*. Suomalais-Ugrilainen Seura.

Received: 26 April 2015

К.К. Нуркина

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДЕТЕЙ г. ОМСКА В 1960–1970-х гг. В РАМКАХ РЕГЛАМЕНТИРУЕМОГО ПРОСТРАНСТВА

Представлен обзор регламентируемого пространства, к которому относятся главные социализирующие институты – детский сад, школа, пионерская организация. Обозначено направление государственной политики, рассмотрены обустройство, повседневные практики в детских учреждениях, организация жизнедеятельности детей г. Омска, в том числе на основе воспоминаний современников, собранных посредством интервью. Особое внимание уделено восприятию окружающей обстановки и событий интервьюируемыми.

Ключевые слова: повседневность; регламентируемое пространство; советское детство; детский сад; школа; пионерская организация.

Важную часть повседневного пространства советского ребенка занимали детский сад, а потом школа и пионерская организация. Жизнедеятельность детей организуется здесь взрослыми, а влияние «взрослой» культуры, как отмечает М.В. Осорина [1. С. 78], является одним из главных факторов, определяющих формирование модели мира ребенка. Цель работы – исследовать поведенческие практики и восприятие организуемого, регламентируемого пространства в повседневной жизни детей г. Омска в 1960–1970-е гг.

В связи с повышением рождаемости, ростом занятости в производстве женщин, а также с усиленным вниманием к «коллективному воспитанию» расширялась сеть детских дошкольных учреждений, садов и яслей. В 1960-е гг. в СССР этому уделялось особое внимание, ряд руководящих документов регулировали строительство и деятельность детских садов, яслей и комбинатов. В 1959 г. вышло Постановление бюро ЦК КПСС по РСФСР, Совета Министров РСФСР от 28.07.1959 № 1287 «О мерах по дальнейшему развитию детских дошкольных учреждений, улучшению воспитания и медицинского обслуживания детей дошкольного возраста», строительство дошкольных учреждений должно было соответствовать типовым проектам, а единым государственным обязательным документом, которым руководствовались дошкольные учреждения в своей работе, была «Программа воспитания и обучения детей в детском саду» под редакцией М.В. Васильевой, принятая в 1962 г. [2. С. 65].

Постановлением было решено, с учетом местных условий и возможностей, объединить два типа детских учреждений – ясли и сад – в единое дошкольное детское учреждение в интересах осуществления единой системы коммунистического воспитания детей дошкольного возраста, отвечающей задачам последующего обучения в школе [3. С. 88, 200].

В Омске, на областном совещании работников дошкольных учреждений, уже в 1961 г. отмечается рост количества детских садов и яслей. Если в 1959 г. было построено 484 детских учреждения на 26 900 мест, то в 1961 г. – 645 на 39 000 с лишним мест, и в основном за счет инициативы и сверхплановых накоплений предпрятий (самыми активными являлись «Большевичка», нефтеперерабатывающий завод, строительный трест № 1, ТЭЦ № 2).

Тем не менее наблюдается нехватка мест в детских садах и яслях, а перегруз, что связывают с низкими

темпами строительства; предъявляются претензии к совнархозу, ограничившемуся принятием постановления о завершении строительства детских учреждений, но не проконтролировавшему его исполнение. Совнархоз, в свою очередь, ссылаясь на плохую организацию строительства, распыление средств, слабую базу стройиндустрии, рассчитывает на улучшение положения со вступлением в строй домостроительного комбината и железобетонного завода [4. С. 2].

В ходе исследования были использованы методы устной истории. Эмпирическим материалом для статьи стали интервью людей, родившихся в 1955–1970-е гг. и проживавших с детства в г. Омске. Анализ указанных источников не претендует на всеохватность и полноту описания, но дает возможность обозначить субъективность восприятия детства в данный период.

Из числа интервьюируемых 53,3% посещали детский сад, 26,7% посещали ясли-сад и 20% не посещали никакое детское дошкольное учреждение. А 25% из числа посещавших на тот момент детский сад / сад-ясли, отмечают, что были проблемы с устройством ребенка в садик, «приходилось возить» [5].

В самых молодых, только застраиваемых районах города особенно остро ощущалась нехватка детских садов и яслей, как, например, в городке Нефтяников (новый район, где в большинстве жили работники Омского НПЗ), пока он был застроен бараками [6. С. 305], что отмечается и самими жителями городка: «В детский сад не ходил, напряженка была, бегал у себя в бараке» [7]. «Ясли были. Три месяца ребенку, и отдавали его, на работу надо было выходить... <...> В садик ходили от завода, был он у Почтамта, с Нефтяников возили, шесть дней в неделю. Всю жизнь ненавижу автобусы, приходилось рано вставать» [8].

В 1960-е гг. здесь появляются первые отдельно стоящие детские сады и происходит распределение их по организациям. Местные партийные и советские органы обязывались осуществлять строгий контроль за бесперебойным снабжением детских дошкольных учреждений качественными продуктами, необходимым инвентарем и оборудованием, организацией лечебно-профилактического обслуживания детей [6. С. 308].

Кроме всего прочего, что хорошо прослеживается в местной периодике, обозначается проблема неудовлетворительности условий во многих детских учреждениях: недостает мебели, посуды, оборудования, детской литературы [4. С. 2]. По воспоминаниям ин-

тервьюируемых, основными игрушками были куклы, кубики, машинки. Куклы, особо любимые девочками, имелись в ограниченном количестве, и зачастую играли ими по очереди или приносили из дома, в некоторых случаях наблюдалась и соревновательность: «Помню, фотографировались группой, я хотела с куклой сфотографироваться, мне ее не дали, дали кому-то другому, это было досадно» [8]. Практиковалось и привлечение родителей в обеспечении игрушками, «делили на собрании, кто и что сделает, мамы шили, а мой папа сделал поющего соловья, я потом всегда в садике хвасталась» [5].

Детские площадки при садиках, по воспоминаниям интервьюируемых, были оснащены песочницами, горками, качелями, гимнастическим бревном, каруселью. Особое значение имели занятия музыкой / пением, танцами, рисованием. Музыкальные занятия, которые проходили с определенной периодичностью, были самыми ожидаемыми и запоминающимися. Таковыми были и праздничные утренники. «Я всегда был в главных ролях, новогодние утренники запомнились прежде всего, и 23 февраля, когда к нам в группу приходили солдаты, рассказывали о Советской армии, действующие солдаты с ближайшей воинской части. Они дарили всем звездочки, на пилотки которые, это было очень трогательно» [9]. «Новогодний утренник, 23 февраля – изображали мы солдат-матросов, переодевались, бескозырки, пилотки дома шили» [10].

С 1959/60 учебного года внедряется всеобщее обязательное восьмилетнее образование, школы активно реорганизуются из десятилетних в одиннадцатилетние (так, в 1960 г. в Омске вместо 50 школ было реорганизовано 120) [3. С. 88]. За счет укрупнения школ и сокращения числа начальных школ, при одновременном увеличении количества восьмилетних и средних школ, а также росте числа учащихся в них на 138 553 чел. наблюдается некоторое сокращение общей численности школ в 1965 г. по сравнению с 1959 г. (на 244 единицы) [3. С. 102–103].

Расширение сети школ, так же как и укрепление материальной базы, ремонтные работы, возлагались не только на государственный бюджет, но и на местные организации, заводы, но для детей чаще всего этот факт оставался не освещенным. В случае добросовестного сотрудничества школьники непосредственно ощущали шефство в организации досуга. «Безусловно, у нас было шефство! У нас школа была от завода “Полет”, там в старших классах мы практику проходили. Каждый завод отвечал за свои школы, ремонтировали, спонсировали. У каждого завода был свой Дворец культуры, там у них свои коллективы были: и танцевальный, и музыкальный, и цирковой. Почти каждые выходные мы ездили куда-нибудь выступать» [10].

Производственные практики, посещение заводов соответствовали установке сближения школы и производства, обозначенной и в Законе «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Хотя отмечается, в том числе и в официальных документах, что некоторая часть учащихся считает зазорным после

окончания школы работать на заводах и стройках. Вина за это возлагается на школьные комсомольские организации, на их недостаточную работу в идейном, эстетическом воспитании учащихся [11. С. 63]. В 1980 г. из 100 опрошенных учеников 8-х классов омских школ подавляющее большинство отрицательно отнеслись к перспективе работать на производстве, особенно успевающие ученики [12. С. 100]. Такая картина свидетельствует о сменяющихся приоритетах, снижении престижности работы на производстве к концу исследуемого периода.

Преимущественное большинство интервьюируемых с удовольствием посещали школу. Отношение к обучению и тому или иному предмету связывают прежде всего с личностью учителя: «В школе изначально понравилось, учительница у нас была очень хорошая, мы ее очень любили, прохода не давали» [13]. «Любимые предметы? Это от учителя зависело. Вообще, отношение к учителю тогда другим было. Их уважали и боялись» [14].

Воспитание настоящего строителя коммунизма, преданного Родине и находящегося в курсе событий своей страны, осуществлялось и посредством классных часов, на которых решались не только вопросы общего характера, вопросы дисциплины и успеваемости. Проводилась политинформация, и в зависимости от подачи и личных качеств ученика она могла либо заинтересовать («О-ой, помню! Мы собирали вырезки по разным темам, которые нам раздавали, и рассказывали всему классу потом на политинформации» [14]), либо навевать скуку («Ну бывали классные часы, куда денешься, слушали, разные темы были...» [15]).

Пионерская организация в жизнедеятельности детей имела большое значение, так, активисты «всю перемену обычно бегали по делам дружины» [16], «постоянно помогали отстающим, распределяли шефство над детскими садами, ветеранами, собирали материал для музея, вели летопись» [5].

В 1967 г., не только с целью военно-патриотического воспитания, но и в связи со снижением интереса к армии со стороны молодежи и объективными требованиями времени, вводится предмет НВП (начальная военная подготовка), ставший одним из любимых учениками: «Нас обучали простым военным знаниям, уставу, мы разбирали и собирали автоматы на скорость, и на физкультурных занятиях вместе с преподавателем приходили военные, и показывали всякие интересные упражнения, которые в армии применялись, подтягивания с переворотом, и прямо в спортзале мы это делали, а в классах разбирали автоматы и ручные пулеметы» [7].

Кроме того, учащиеся сдавали нормы ГТО, и, как отмечают сами интервьюируемые, сложности это не вызывало. Военно-патриотическое воспитание было обязательной составляющей школьной жизнедеятельности, работали и штаб-поиски, осуществлялось активное сотрудничество с ветеранами, проводились военно-спортивные игры («Зарница», «Орленок»).

Пионерская организация, будучи каналом формирования и передачи определенных идеалов молодому поколению, была призвана учить детей «жить и рабо-

тать по-коммунистически». Агитационно-пропагандистская лексика, видоизменявшаяся в зависимости от исторически сложившихся обстоятельств, на стадии «строительства коммунизма» и «развитого социализма» сохраняла общую линию.

В деле воспитания коммунистического поколения, пионерская работа должна была охватывать все стороны жизни детей, воспитывать их в духе любви к Родине, давать им первоначальные навыки труда на благо общества и общественной деятельности [17. С. 64]. Основная часть пионерской работы приходилась на главное детское учреждение – школу – с целью строить всю воспитательную и организационную работу в тесной связи с обучением.

Непосредственным включением детей в пионерскую организацию можно назвать время принятия их в пионеры. Именно момент торжественного посвящения, повязывания красного галстука (вместо октябрятского значка), имел значение для ребенка. При описании своих чувств респонденты используют слова «гордость», «трепет», «торжественность», «эйфория», помнят особенность и важность мероприятия: «Переживала я дико!» [16], «Помню, идешь уже после, и галстук завязан, а ты счастливый, нараспашку!» [18].

Принятие в пионеры было приурочено к значимым событиям, таким как День рождения Ленина, День пионерии; проходило в торжественной обстановке, у одного из памятников В.И. Ленину, в зависимости от расположения школы, или в актовом зале, или «в фойе, где стоял бюст Ленина» [5]. Как вспоминает один из информантов: «Уже во время позднего пионерства появляется состояние комплекса... девочки где-то даже пытались снять, прятали галстук» [9], а Клевакина Л. отмечает, что «в комсомол уже с трудом пошла» [8]. Порой прием в комсомол, и деятельность его характеризуются равнодушием, с чем призывают бороться на заседаниях горкома ВЛКСМ: «Возьмем даже такой факт, как прием в комсомол. В райкоме торжественно вручают комсомольский билет, а дальше этого дело и не идет. Приходишь в школу, а там, в 8 классе, где всего 5 комсомольцев, не знают, что в комсомол принят новый товарищ. При таком равнодушии товарищей слабовольные начинают попадать под другое влияние» [19. С. 46].

Знамя, отождествляющий символ революционной борьбы и побед, и его частичка – красный пионерский галстук, как и значки, горн, барабан, были непременными атрибутами пионерской принадлежности. Однако большее значение при определении себя пионером имели не внешние признаки, а конкретные действия: «Мы все знали “Тимура и его команду”, обязательно уступали место в транспорте, бабушек переводили, и считали это за гордость – сделать доброе дело. Это хорошее воспитание!» [8]; «Ветеранам помогали» [10]; «Обязательно субботники, уборка вокруг школы, сбор металлолома, макулатуры, несколько раз в год, кто больше» [7]; «Если были отстающие – обязательно подтягивали, собирали макулатуру» [16].

Пионерской организации, наряду с семьей, приписывают определяющую роль в воспитании: «Я считаю, она многое сыграла, отпечаток наложила: воспи-

тание, дисциплинированность, уважение к старшим, учителям, они примером были для нас» [14]. При этом деятельность пионерской организации не отделяют от школы: «Была какая-то духовность, прививались идеалы, ценности детям. Естественно, и родители лепту вносили, но я считаю, что в мое детство школьный период, со всей общественной деятельностью, был интересным, ярким, насыщенным» [20].

Информанты признают значимость прививания самых элементарных проявлений человеческих качеств: «Говорят плохо-плохо, но нас-то злу не учили... плохо, что сейчас этой организации нет, творческие всякие есть, а единой нет» [5]. Некоторые интервьюируемые не отождествляют становление личностных качеств с существовавшей системой образования и воспитания: «Это чисто человеческие качества были, не связанные с коммунистическим воспитанием, я, кстати, в комсомол-то уже с трудом пошла...» [8], отрицают масштабность мероприятий: «ходили помогали старикам... ну как, помогали, придем, что-нибудь поделаем, они нас чаем поили, угощали чем-нибудь» [18].

Организуемые в целях приобщения к труду на благо страны выезды на уборку урожая трактуются информантами как яркие воспоминания из детства: «С 4-го класса ездили на уборку, каждый класс, на автобусе. Запасались едой, пели песни, которые переписывались и на музыку, и про любовь, про дружбу песни, собирали урожай, потом накрывали поляну, играли в активные игры, пока домой ехали, тоже пели, только часов в пять дома были!» [5]. А.А. Рудаев рассказывает: «С 5-го класса ездили в стройотряды, помогали все убирать колхозникам. Мы жили у них в общежитии. Мальчишки, кто посильнее, на коровнике крышу разбирали, а девочки пололи. Помогали дояркам. С удовольствием ездили, это интересно было, а главное, все сплываются!» [7]. Такого рода мероприятия для детей имели досугово-развлекательный фактор.

Напротив, респонденты не расположены вспоминать о «делах советской пионерии» (борьба за звание «отряд – спутник семилетки», участие в пионерской двухлетке, Всесоюзном смотре работ дружин «Сияйте, ленинские звезды», пионерские сборы в честь юбилейного Дня рождения пионерии или присвоения ей имени В.И. Ленина и т.д.) [21. С. 3], так часто фигурирующих в периодике, в литературе того периода. Однако подобные всесоюзные марши включали в себя те мероприятия, которые были заложены в деятельности пионерии, и те обязательства, которые она на себя брала (работа в трудовых лагерях, сбор металлолома, макулатуры, тимуровские дела, сбор историко-революционного материала по родному краю и т.д.).

В Программе КПСС (1961 г.) подчеркивается значение физической культуры и спорта как важной составляющей в воспитании «нового человека» и, несомненно, подрастающего поколения. Занятия спортом, туризм приобретают общесоюзный размах и занимают прочное место в работе областных организаций. К 40-летию пионерской организации ежегодно в 40 видах спорта занимались более 140 тыс. пионеров и

школьников. В 1963 г. в лыжных соревнованиях на приз газеты «Пионерская правда» только в Омске участвовало более 13 тыс. пионеров. Ребята из школы № 6 завоевали приз газеты «Пионерская правда». Популярными стали соревнования «Олимпийская снежинка» по конькам, на приз «Золотая шайба», на кубок клуба «Кожаный мяч» [22. С. 73]. Представленный план спортивных мероприятий горкома ВЛКСМ на зиму 1969–1970 гг. свидетельствует о том, что игры прочно вошли в практику и расширяются. Среди них соревнования на приз «Золотая шайба», массовые соревнования по конькам на приз Полякова В.Е., городские соревнования по конькам «Олимпийская снежинка» среди подростков, городские лыжные соревнования на приз газеты «Пионерская правда», зимняя спартакиада дворовых и уличных команд (лыжи, хоккеем с шайбой, коньки, шахматы), лыжные соревнования на приз газеты «Омская правда», лыжные соревнования на приз им. Бударина, соревнования на приз «Смена», «Молодость» по хоккею с шайбой, соревнования по хоккею с мячом «Плетеный мяч» [23. С. 106].

В конце 1960–1970-х гг. все больше внимания уделяется всесторонней работе с подрастающим поколением, обозначается необходимость работы пионерской организации по месту жительства, что нашло отражение в Постановлении Секретариата ВЦСПС и Секретариата ЦК ВЛКСМ «Об улучшении работы профсоюзных и комсомольских организаций с детьми и подростками по месту жительства» (1969) [17. С. 64]. Реализация постановления ложилась на школы и комсомольские организации. Летом 1969 г. отмечалась активная работа школы № 39, клуба 5-го треста, школы № 45, клуба «Ландыш» домоуправления завода Баранова, ОАЗ, где были выделены вожатые для проведения работы с детьми. В то же время некоторые клубы бездействовали, это такие, как «Огонек», «Гайдар» Куйбышевского района, Омжилстрой Центрального района, клубы Ленинского района [23. С. 32].

В материально-техническом оснащении дворового пространства г. Омска и в помощи от прикрепляемых шефов наблюдается недостаточность: «У нас был пустырь, почти ничего вообще не было» [8], или: «ходили мы на качели в соседний дом» [14]. Однако приоритетной является не оснащенность, а степень вовлеченности детей прошедшей поры в дворовую жизнь, взаимосвязь со сверстниками: «Во дворе минимум был, и то, со временем все разломали. Но я хочу сказать, что в наше детство были в основном активные игры, волейбол, баскетбол, футбол, казаки-разбойники, резинки, прятки-жмурки, вышибалы, штандер. Сейчас дети в эти игры не играют... Тогда если собирались во дворе – человек 6–8, как минимум» [20].

Больше внимания в указанный период уделяется организации досуга школьника во внеурочное время. Кроме общественно полезной деятельности, предполагаются мероприятия развлекательного характера,

что соответствует общим тенденциям роста интереса к спорту, научно-технической революции. Дети г. Омска посещали танцевальные кружки, музыкальные школы, различные спортивные секции. Естественно, очевидны гендерные различия. Секции по футболу, боксу, кружок радиолюбителей, по резьбе по дереву, судомодельный, авиакружок указывали мальчики. А девочки – кружки по шитью, вязанию, театральные, драмкружок, художественную школу. Посещали и такие интересные кружки, как шахматный, цирковой, фотокружок. Важной характеристикой кружков и секций информанты называют их доступность.

Увеличение числа детских садов, организация массы новых кружков (клубы будущих космонавтов, радиолюбителей и др.), соревнований, реорганизация школы служат преобразованию и расширению, по сравнению с предыдущими годами, пространства детства. Расширение сети детских дошкольных учреждений в г. Омске было значительным благодаря наличию крупных заводов, содействовавших в строительстве и обустройстве.

Ребенок, вырастая между домом и государственными основными социализирующими институтами – школой и пионерской организацией, – растет в контролируемых пространствах, которые, несомненно, испытывали влияние пропагандистской сети с ее духом воспитания советского самосознания и «коммунистической сознательности». Государством транслировались идеал всесторонне развитой, гармоничной личности, с особым отношением к партии, Родине, труду, досуговому времяпрепровождению, образ активного маленького строителя коммунистического общества. Стремление подключить школу к хозяйственной системе неэквивалентного производства, проводимые всесоюзные марши должны были служить реализации идеологических образов. Это свидетельствует об исключительной роли государственных институтов в воспитании подрастающего поколения тех лет, в этом же было и олицетворение революционного пафоса. Многие мероприятия для детей были прежде всего досугово-развлекательными, а внешние показатели принадлежности к системе порой просто отвергались.

Для респондентов, рожденных в 1955–1970-е гг. в г. Омске и проживавших здесь, с течением времени характерно ностальгическое восприятие ушедшей эпохи, что наложило отпечаток на восприятие детства и пространства вокруг себя в том числе. Такая ностальгия не обязательно преобразовывается в просоветскую политическую позицию, так как для многих детство четко связано с особым жизненным периодом. При этом характерно постоянное сравнение с современностью, и советское детство, ассоциируемое с высокими идеалами, характеризуется как «на ранг выше».

ЛИТЕРАТУРА

1. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб. : Речь, 2000. 245 с.
2. Бабкина Н.Ф. История дошкольного воспитания в Омской области: очерки / под ред. Л.В. Тимошенко. Омск : ОмГТУ, 2007. 79 с.
3. Азаров А.И. Из истории народного образования Омской области. Омск : Амфора, 2004. 260 с.

4. Омская правда. 1961. 16 декабря. № 294 (7364).
5. Беседа с Деревянкиной Н.Н. 1970 г.р. // Архив автора.
6. Жидченко А.В., Рыженко В.Г. История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950–60-е гг. Омск : Амфора, 2013. 444 с.
7. Беседа с Рудаевым А.А. 1957 г.р. // Архив автора.
8. Беседа с Клевакиной Л. 1958 г.р. // Архив автора.
9. Беседа с Щегловым А.А. 1963 г.р. // Архив автора.
10. Беседа с Зятковым В.Н. 1968 г.р. // Архив автора.
11. XVIII городская отчетно-выборная комсомольская конференция (23–24 января 1960 г.) // ИАОО. Ф. 2400. Оп. 5. Д. 38. Л. 1–214.
12. Гольдферд С.А. Влияние передовиков производства на профессиональные интересы подростков // Молодежь в производственном коллективе. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 165 с.
13. Беседа с Соловьевой И.Н. 1970 г.р. // Архив автора.
14. Беседа с Сагалбековой М.Г. 1964 г.р. // Архив автора.
15. Беседа с Осинцовым П.А. 1969 г.р. // Архив автора.
16. Беседа с Ишковой И.Н. 1962 г.р. // Архив автора.
17. Розенберг А.Я. Пионерская организация, общественность, семья : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1982. 142 с.
18. Беседа с Асановой Д.А. 1968 г.р. // Архив автора.
19. Протокол заседания актива Горкома ВЛКСМ 24 февраля 1960 г. // ИАОО. Ф. 2400. Оп. 5. Д. 42. Л. 46.
20. Беседа с Дрозжащих А.А. 1960 г.р. // Архив автора.
21. Молодой сибиряк. 1962. 22 июня. № 74 (3171).
22. Михайлова В.А. «Самые первые»: Исторический очерк об истории Омской пионерской организации // ИАОО. Ф. 4. Оп. 56. Д. 140. Л. 1–119.
23. Протокол заседания бюро горком ВЛКСМ от 19 сентября 1969 г. // ИАОО. Ф. 2400. Оп. 7. Д. 34. Коробка № 71. Л. 1–163.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 марта 2015 г.

THE DAILY LIFE OF CHILDREN IN THE CITY OF OMSK IN 1960S – 1970S WITHIN THE REGULATED AREA

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 96–101. DOI: 10.17223/15617793/396/17

Nurkina Kymbat K. Omsk State Technical University (Omsk, Russia). Russian Federation). E-mail: kuba_1716@mail.ru

Keywords: regulated space; Soviet childhood; kindergarten; school; pioneer organization.

The article studies the regulated space in the life of Omsk children in the 1960s – 1970s. The purpose of the work is to investigate the behavioral practices and perception of the organized, regulated space in everyday life of children of Omsk in the 1960s – 1970s. The research belongs to the micro-history area, in particular, to the developing directions in historical science – the history of daily life and history of childhood. Most works on the history of everyday life of children has a fragmentary character, but this subject cannot be excluded as an object of research as childhood is an important period in the formation of not only the personality, but also the future generation, society in general. In the research, methods of oral history were used. Interviews of people who were born in 1955–1970 and lived in Omsk in their childhood became the empirical material for the article. The analysis of the specified sources does not apply for the inclusiveness and completeness of the description, but gives a chance to designate the subjectivity of the perception of childhood. The informants reconstruct the events and emotions they experienced in the past and evaluate their childhood in the course of time. Materials of Historical Archive of Omsk Oblast (Funds of the Regional Committee and the City Committee of the All-Union Leninist Young Communist League) were also used. This article considers the role of kindergarten, school and pioneer organization in everyday life of children of Omsk in the 1960s – 1970s, the state policy in this sphere, the main events and their influence both on the appearance of the daily space, and on the content of educational work. The actively introduced practice of “patronage”, activities of children’s clubs, numerous circles and sections, labor camps and their importance for children are considered. Besides, the existing problems, such as, for example, shortage of places in kindergartens or formal performance of some orientations of the pioneer organization, are presented. Each component of the regulated space in the specified period endured changes, was supplemented with innovations which could not but influenced the world of the child representing part of the world of the adult. The description of not only life, but also emotions, experiences, perception of contemporaries is important, for it allows to designate the personal qualities, values formed in the specified period in certain conditions. of course, there was an external influence, and ideological propaganda worked, but childhood implies its own features, both on the material and emotional levels.

REFERENCES

1. Osorina, M.V. (2000) *Sekretnyy mir detey v prostranstve mira vzroslykh* [The secret world of children in the space of the adult world]. St. Petersburg: Rech’
2. Babkina, N.F. (2007) *Istoriya doshkol’nogo vospitaniya v Omskoy oblasti: ocherki* [The history of pre-school education in Omsk Oblast: Essays]. Omsk: OmGTU.
3. Azarov, A.I. (2004) *Iz istorii narodnogo obrazovaniya Omskoy oblasti* [From the history of public education of Omsk Oblast]. Omsk: Amfora.
4. *Omskaya pravda*. (1961) 16 December, 294 (7364).
5. Derevyankina, N.N. (n.d.) *Beseda s Derevyankinoy N.N. 1970 g.r.* [Interview with N.N. Derevyankina born in 1970]. [Interview].
6. Zhidchenko, A.V. & Ryzhenko, V.G. (2013) *Istoriya povsednevnoy zhizni omskogo gorodka Neftyanikov v 1950–60-e gg.* [The history of everyday life of the Omsk town of Oilers in 1950s – 1960s]. Omsk: Amfora.
7. Rudaev, A.A. (n.d.) *Beseda s Rudaevym A.A. 1957 g.r.* [Interview with A.A. Rudaev born in 1957]. [Interview].
8. Klevakina, L. (n.d.) *Beseda s Klevakinoy L. 1958 g.r.* [Interview with L. Klevakina born in 1958]. [Interview].
9. Shcheglov, A.A. (n.d.) *Beseda s Shcheglovym A.A. 1963 g.r.* [Interview with A.A. Shcheglov born in 1963]. [Interview].
10. Zyat’kov, V.N. (n.d.) *Beseda s Zyat’kovym V.N. 1968 g.r.* [Interview with V.N. Zyat’kov born in 1968]. [Interview].
11. The Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 2400. List 5. File 38. P. 1–214. *XVIII gorodskaya otchetno-vybornaya komsomol’skaya konferentsiya (23–24 yanvarya 1960 g.)* [XVIII City Report and Election Conference of the Komsomol (23–24 January 1960)].
12. Gol’dferd, S.A. (1980) *Vliyanie peredovikov proizvodstva na professional’nye interesy podrostkov* [Influence of production advanced workers on the professional interests of teenagers]. In: Mel’nikov, G.I. (ed.) *Molodezh’ v proizvodstvennom kollektive* [Youth in the work group]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Solov’eva, I.N. (n.d.) *Beseda s Solov’evoy I.N. 1970 g.r.* [Interview with I.N. Solov’eva born in 1970]. [Interview].

14. Sagalbekova, M.G. (n.d.) *Beseda s s Sagalbekovoy M.G. 1964 g.r.* [Interview with M.G. Sagalbekova born in 1964]. [Interview].
15. Osintsov, P.A. (n.d.) *Beseda s Osintsovym P.A. 1969 g.r.* [Interview with P.A. Osintsov born in 1969]. [Interview].
16. Ishkova, I.N. (n.d.) *Beseda s Ishkovoy I.N. 1962 g.r.* [Interview with I.N. Ishkova born in 1962]. [Interview].
17. Rozenberg, A.Ya. (1982) *Pionerskaya organizatsiya, obshchestvennost', sem'ya* [Pioneer organization, the public, family]. Moscow: Prosveshchenie.
18. Asanova, D.A. (n.d.) *Beseda s Asanovoy D.A. 1968 g.r.* [Interview with D.A. Asanova born in 1968]. [Interview].
19. The Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 2400. List 5. File 42. P. 46. *Protokol zasedaniya aktiva Gorkoma VLKSM 24 fevralya 1960 g.* [Minutes of the meeting of the Municipal Committee of Komsomol Activists, February 24, 1960].
20. Drozhashchikh, A.A. (n.d.) *Beseda s Drozhashchikh A.A. 1960 g.r.* [Interview with A.A. Drozhashchikh born in 1960]. [Interview].
21. *Molodoy sibiryak.* (1962). 22 June. 74 (3171).
22. The Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 4. List 56. File 140. P. 1–119. Mikhaylova, V.A. “*Samye pervye*”: *Istoricheskiy ocherk ob istorii Omskoy pionerskoy organizatsii* [“The very first”: a historical essay on the history of Omsk Pioneer Organization].
23. The Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 2400. List 7. File 34. Box 71. P. 1–163. *Protokol zasedaniya byuro gorkom VLKSM ot 19 sentyabrya 1969 g.* [Minutes of the meeting of the Bureau of the Komsomol City Committee, September 19, 1969].

Received: 31 March 2015

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ТУРИСТСКОЙ ОТРАСЛИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ (1989–2000 гг.)

Рассматриваются организационные основы и условия формирования системы управления сферой туризма в Приморском крае. Анализируются причины структурных преобразований органов управления, обозначаются особенности формирования новой государственной политики в области туризма. Дается оценка материально-технической базе предприятий и их экономической составляющей. Автор обращает внимание на отсутствие определенности в выделении туризма в отдельную структуру, а также во взаимосвязи с конкретными отраслями хозяйствования.

Ключевые слова: туризм; Приморский край; государственный аппарат; архивные материалы.

Конец 1991 г. был ознаменован распадом российской государственности. Страна осталась в глубоком финансовом кризисе, неудачные попытки правительства скрыть инфляцию за счет поднятия цен только усиливали дефицит, усугубляли положение и создавали условия для развития черного рынка. Вместе со всеми отраслями страны, которые были задействованы в развитии государства, страдал, конечно, и туризм. Кризисная ситуация отразилась на всех отраслях экономики, однако, несмотря на сложный период, который переживала страна, туризм планомерно развивался, создавая новые рабочие места и формируя материальную базу.

На момент распада Советского Союза руководство сферой туризма осуществлял Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС). В период середины 1960-х гг. создаются центральные советы по туризму и экскурсиям (ЦСТЭ) на местах. В рамках ЦСТЭ было создано Главное экскурсионное управление. Для точечной проработки экскурсионных программ и контроля за их выполнением создаются бюро путешествий и экскурсий. Таким образом, туристская отрасль обрела рабочими местами и материально-технической базой, превращаясь в крупную отрасль по обслуживанию населения.

Докризисный период развития туризма в Советском Союзе был охарактеризован массовым вовлечением граждан страны в различные виды туризма, в походы, экскурсии. Спрос на услуги существенно превышал предложение, и это с учетом того, что Всесоюзной научно-исследовательской лабораторией по туризму и экскурсиям был разработан Перспективный ассортимент туристско-экскурсионных услуг, который включал в себя около 700 наименований [1]. Государством предусматривалось создание мощной материально-технической базы, повышение квалификации кадров, расширение отделений бюро по путешествиям и экскурсиям. В 1980–1990 гг. управление сферой туризма осуществлялось тремя организациями-монополистами – Центральным советом по туризму и экскурсиям, Госкоминтуристом СССР, Бюро международного молодежного туризма «Спутник». Основные направления развития туризма и его регулирования закладывали высшие органы власти ЦК КПСС, ВЦСПС, Министерство культуры СССР, Госкоминтурист СССР.

Важным документом, послужившим в дальнейшем основой для развития туризма в стране, стала про-

грамма «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986–1990 гг.». На XXVII съезде КПСС было озвучено, что необходимо продолжать развивать и совершенствовать организацию отдыха трудящихся, т.е. туризм.

С 1980 по 1990 г. развитие законодательства о туризме происходит в рамках именно Центрального совета по туризму и экскурсиям, и в Дальневосточном регионе действовали краевые, областные, городские и районные советы по туризму и экскурсиям, подведомственные ЦСТЭ.

Совет по туризму Центрального туристско-экскурсионного управления являлся общественным органом и ставил перед собой цель привлечь широкую общественность и специалистов, а также организации и ведомства к работе по дальнейшему развитию массового туризма. В задачи Совета входило рассмотрение и внесение рекомендаций по разработке типовых проектов туристских сооружений и новых типов оборудования, по расширению сети туристского хозяйства и строительству туристских баз, организации туристских маршрутов, организации и проведению всесоюзных мероприятий по туризму, безопасности туристских походов и путешествий, организации международных туристских связей.

В Приморском краевом совете по туризму и экскурсиям велась управленческая, плановая работа в сфере туризма, соответствующая установленным нормативам ЦСТЭ. В условиях централизации краевой совет по туризму и экскурсиям стал ведущим опорным звеном в системе дальнейшего развития и совершенствования туризма и экскурсий.

Волна реорганизационных преобразований государственного аппарата докатилась и до регионов Дальнего Востока, и Постановлением Всесоюзного совета профессиональных союзов в 1990 г. Центральный совет по туризму и экскурсиям был переименован в Республиканский совет по туризму, а Приморский краевой совет по туризму и экскурсиям – в туристско-экскурсионную фирму «Приморсктурист».

К концу 1980-х гг. деятельность ЦСТЭ перестала соответствовать реалиям, сложившимся в туристской отрасли. Одним из ярких проявлений сложности в новых рыночных условиях стал ряд обращений руководства ТЭФ «Приморсктурист» к местным органам власти в лице райисполкомов, горисполкомов, крайисполкомов, Совета народных депутатов. При-

морская туристско-экскурсионная фирма «Приморсктурист», как и другие предприятия социальной сферы, не только осуществляла обслуживание приморцев, но и задействовала значительное количество высвобождающихся из других отраслей в кризисный период граждан. В связи с изменением розничных цен и последовавших за ними компенсационных выплат, а также налогов с продаж платежи в стабилизационный фонд и прекращение финансирования со стороны Центрального и Российского советов по туризму и экскурсиям фирма и ее отделения попали в число предприятий, оказавшихся на грани банкротства. Введение компенсационных выплат работникам привело к росту цен на путевки туристско-экскурсионного обслуживания, что, в свою очередь, привело к снижению спроса и реализации. По сравнению с первым полугодием 1990 г. количество обслуженных туристов за этот же период в 1991 г. сократилось на 40%, особенно на сокращение повлиял резкий спад обслуживания школьников, учащихся ПТУ, студентов [2. Л. 26].

В результате недополученной прибыли не произошло должного отложения в бюджете на развитие туризма: строительство, реконструкцию туристских объектов, приобретение оборудования, автотранспорта. В связи с этим ТЭФ «Приморсктурист» не смогла реализовать Постановление Совета министров РСФСР и Совета Федерации независимых профсоюзов № 216 «О неотложных мерах по организации летнего отдыха детей и подростков в 1991 году». Таким образом, очевидно, что слабое взаимодействие ЦСТЭ с такими органами, как Министерство путей сообщения, Министерство гражданской авиации, привело к тому, что планы перевозок туристов перестали включаться в планы министерств, тем самым не подпадая под государственный заказ.

Тем временем, несмотря на положительные и оптимистичные показатели и прогнозы, ситуация на рынке постоянно менялась и требовала корреляции. В первую очередь это проявилось в том, что ТЭФ «Приморсктурист» в 1991 г. вступила в Российскую ассоциацию социального туризма (РАСТ), включив в свою стратегию целую программу по развитию семейного туризма [3. Л. 45]. Нарботки в области развития семейного отдыха были озвучены еще в 1990 г., но свое применение в полной мере нашли только при вступлении в РАСТ. Собрание коллегии Приморского краевого совета по туризму отмечает, что туристские предприятия проводили определенную работу по развитию семейного отдыха. Положительный опыт был накоплен на турбазе «Тихий океан», которая осуществляла комплексное обслуживание семейных пар, родителей с детьми, предлагала ряд платных дополнительных услуг, специальные маршруты и т.д. [2. Л. 151].

Не менее важным событием в развитии социального туризма в крае стало создание 16 апреля 1991 г. Союза туристов Приморья, работа которого должна была облегчить переход самостоятельного туризма к новым условиям хозяйствования [4. Л. 126].

Стоит отметить, что период 1989–1992 гг., ознаменованный переходом к новой системе хозяйствования,

не сопровождался новыми нормативными актами в сфере туризма, поскольку существовала несогласованность законодательных актов на высшем государственном уровне. Система управления туризмом распалась вместе с государством. Из-под контроля вышли профсоюзный, самостоятельный, внутренний туризм. Политический и экономический кризис начала 1990-х гг. заставил государство пересмотреть свою политику в отношении туристской отрасли. И уже в марте 1992 г. Указом Президента РФ № 311 было утверждено Положение о Министерстве культуры и туризма РФ с одновременным упразднением Министерства культуры РСФСР [5]. При этом утвержденное министерство не выступало правопреемником Государственного комитета СССР по иностранному туризму в связи с тем, что он был ликвидирован еще во времена перестройки совместно с «Интуристом», а имущество Госкоминтуриста СССР поделено между фрагментами его дочерних организаций.

В процессе разработки Министерством культуры и туризма новой концепции развития туризма, с разной периодичностью, относили либо к экономической сфере, либо к спортивной. Данная неопределенность тормозила формирование системы органов управления туризмом в регионах. Тем не менее административно туризм был «выделен» в отдельную структуру. Через два месяца, 30 сентября 1992 г., был образован Комитет Российской Федерации по туризму (Роскомтуризм). И, как ни странно, Правительство решило закрепить имущество Госкоминтуриста СССР за Роскомтуризмом с помощью Постановления Правительства РФ в 1993 г., тем самым установив, что Роскомтуризм является правопреемником Госкоминтуриста. Пока проходили структурные формирования органов исполнительной власти в сфере туризма, страна все же была задействована в туристском процессе, которой не останавливался ни на день.

Проводимая с конца 1992 г. массовая приватизация породила сотни новых туристских фирм и агентств, а снятие ограничений со стороны государства на выезд российских граждан за границу способствовало росту выездного туризма быстрыми темпами. Так, одним из способов совершенствования структуры управления ТЭФ «Приморсктурист» стал процесс по созданию акционерного общества, который нашел свое отражение в Приказе № 28 от 6.02.1992 [6. Л. 43]. Ликвидация государственной монополии происходила на основании рекомендаций Совета Федерации профсоюзов Приморского края и комиссии РАСТа. Таким образом, пока строилось новое суверенное государство, росла и туристская отрасль, изначально ориентированная на развитие и массовость международного выездного туризма.

В подчинении ТЭФ «Приморсктурист» к концу 1991 г. находились 5 туристских баз, 8 экскурсионных отделений, 4 туристских гостиницы, 1 специализированная автобаза, 1 предприятие питания [7. Л. 13]. Помимо основных фондов, на балансе фирмы имелся центральный склад, контрольно-спасательная служба. Но решением фирмы № 4-2 от 27.07.1991 г. заявлено о ликвидации Шмаковского отделения турфирмы, и к

началу 1992 г. в ТЭФ «Приморсктурист» входит уже 4 туристские базы [7. Л. 1]. Так, к 1992 г. в состав фирмы «Приморсктурист» входят 14 отделений: автобаза «Турист», гостиница и ресторан «Амурский залив», турбазы «Тихий океан», «Лазурный берег», «Горные ключи», «Владивостокская», бюро путешествий и экскурсий «Владивостокское», «Находкинское», «Уссурийское», «Спасское», «Дальнереченское», «Арсеньевское», «Артемовское». Медленной и неслаженной работе туристских объектов между собой способствовали существующие разногласия. В основном споры касались процесса выхода из-под владений ТЭФ «Приморсктурист». Особенно ярким сторонником выхода из организации стала гостиница «Амурский залив». Как отмечала сама директор гостиницы на депутатской комиссии по физической культуре, спорту и туризму, в 1990 г. гостиница вышла на прибыльный уровень, и перевыполнение плана составило 300%. Особенностью данной гостиницы стала возможность приема большого количества туристов – до 600 человек в день. Помимо этого, гостиница «Амурский залив» была включена в список гостиниц, имеющих право с 1991 г. принимать иностранных туристов. Л.В. Лозовой неоднократно

отмечалось, что финансовой помощи от головного отделения не поступало, и гостиница была введена в состав фирмы без предварительного обсуждения [8. Л. 13, 31]. Лишение гостиницы Устава и счета в банке стало причиной невозможности заключения договоров подряда с инопфирмами на ремонт гостиницы, ее переоборудование. В связи с этим коллектив гостиницы был вынужден обратиться с письмом в ВЦСПС о подчинении непосредственно Российскому совету по туризму.

Такое положение дел, безусловно, приводило к авралам, отсутствию системы в работе, отсутствию слаженности в коллективе, что не только вело к замедлению всех процессов по развитию туризма в крае, но и к невозможности поддерживать текущее положение финансовых дел и состояние объектов материально-технической базы.

Одним из востребованных маршрутов был железнодорожный, пропускавший через себя более 70 тыс. чел. туристского потока. Помимо этого, одними из основных катализаторов выступали гостиницы, турбазы и арендованные помещения, имевшие в 1990 г. турпоток от 70–90 тыс. чел. (рис. 1).

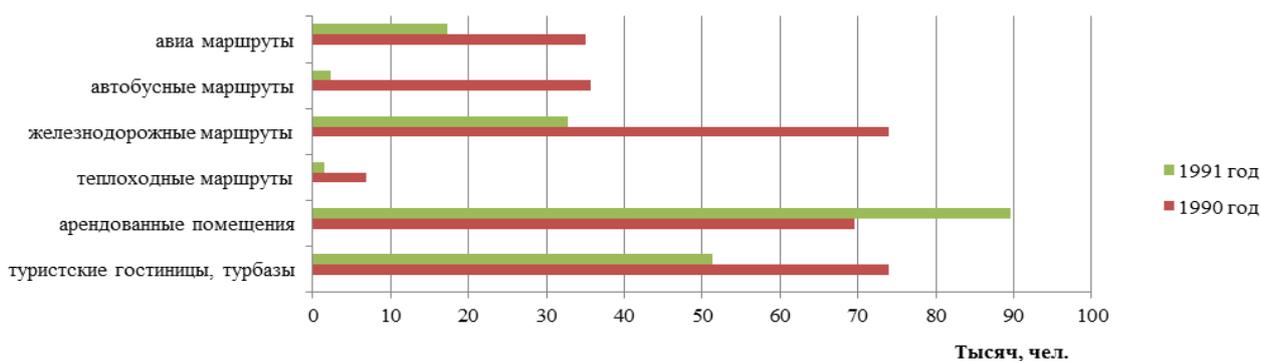

Рис. 1. Соотношение видов обслуживания и объема туристского потока.

График составлен на основании отчетов туристско-экскурсионной фирмы «Приморсктурист» за 1990–1991 гг.

Согласно приведенным данным, в 1991 г. в Приморском крае было обслужено 215 900 туристов, что составило 73% от плановых показателей. Самым активным экскурсионным учреждением стало Владивостокское отделение, обслужившее 94 000 экскурсантов, перевыполнив план на 102% [7. Л. 13]. По сравнению с предыдущим 1990 г. ТЭФ «Приморсктурист» в 1991 г. упустила порядка 79 000 советских туристов.

Объем оказанных услуг за 1991 г. составил 50 939,4 тыс. руб., из них дополнительные услуги – 2 762,7 тыс. руб., тем самым составив прибыль ТЭФ «Приморсктурист» 792,6% [7. Л. 13]. Такое значительное перевыполнение плана объясняется тем, что формирование плана проводилось без учета роста цен, которые сложились по факту. В течение года были заключены договоры с зарубежными фирмами, осуществлялся обмен туристскими группами, маршруты пользовались значительным спросом, поскольку в 1991 г. было зарегистрировано 210 туристских групп по краю, из них 186 – пешеходных, 12 – водных, 6 – велосипедных [7. Л. 9]. Перевыполнение плана относится в основном к гостинице «Амурский

залив», туристской базе «Тихий океан», Владивостокскому отделению, автобазе «Турист».

Следующий этап структурных преобразований в Приморском крае пришелся на 1993 г., когда был создан Комитет по туризму Администрации Приморского края. В течение нескольких лет Комитетом была проведена значительная работа по наведению порядка в законодательных и нормативных документах. Комитет по туризму разработал и утвердил «Временные правила организации туристских поездок и оказания услуг в сфере туризма на территории Приморского края», «Положение о страховании российских граждан, выезжающих в туристские поездки за рубеж», «Постановление Губернатора края «О мерах по регулированию пребывания граждан КНР на территории Приморского края», а также многие другие нормативно-правовые акты, определяющие место и порядок работы туристской отрасли Приморья. Все перечисленные документы были учтены при разработке федерального отраслевого закона.

После структурных преобразований в 1993 г. в Приморском крае сложилась коллаборация ТЭФ

«Приморсктурист» и Комитета по туризму администрации края. Акционерное общество и исполнительный орган власти вынуждены были осуществлять процесс совместной деятельности для достижения поставленных целей.

Такие коренные изменения в деятельности и работоспособности ТЭФ «Приморсктурист» не могли не отразиться на финансово-хозяйственной составляющей предприятия. Одним из убыточных отделений в составе фирмы стала туристская база «Горные ключи». В деятельности турбазы были существенные недостатки и упущения. Предприятие не выполняло план по объему прибыли, помимо этого, в головное Владивостокское отделение неоднократно поступали жалобы от туристов на организацию приема и размещения в турбазах, некачественное питание, срывы экскурсионной программы, грубость водительского состава. Достаточно оценить количество туристов, обслуженных в туристской базе «Горные ключи» за 1991 г. В плане турбазы значилось, что необходимо обслужить 10 тыс. чел., в том числе по путевкам – 5 тыс. чел. Фактически турбазой план не был выполнен: было принято 6 тыс. чел., в том числе по путевкам – 600 чел. [9. Л. 23]. Очевидно, что такой разрыв показателей план-факта привел к ликвидации отделения. Помимо невыполнения планов, недостаточно уделялось внимания сохранению собственности. Так, в гостинице «Амурский залив» было выявлено недостач и хищений на 7 тыс. рублей [6. Л. 10].

В 1990 г. ТЭФ «Приморсктурист» освоил объем капиталовложений на 147%. Управлением фирмы было заложено 951 тыс. руб., направленных на техническое перевооружение, приобретение оборудования, инвентаря, строительство жилья и других объектов социально-культурного назначения. Однако строительство шло медленно, особенно автопрофилактория, летних спальных корпусов турбазы «Владивостокская», очистных сооружений. Помимо этого, строились летние спальные корпуса турбазы «Горные ключи», автостоянка у гостиницы «Амурский залив» [Там же]. Основное количество объектов строительства было заложено в 1990 г., дольше всех шла стройка корпусов турбазы «Владивостокская» (с 1984 г.).

Кроме жилых помещений в материально-техническую базу ТЭФ «Приморсктурист» входило автотранспортное предприятие «Турист», имеющее 106 транспортных единиц под своим контролем. В автопарк входили туристские автобусы, грузовые, легковые машины, специализированный транспорт.

Период 1990–1993 гг. определяется как один из самых активных в становлении постсоветского туризма. ТЭФ «Приморсктурист» принимает активное участие во всесоюзных оптовых ярмарках «Туризм-92» и «Туризм-93» [6. Л. 52]. В тот же период туристско-экскурсионная фирма «Приморсктурист» получает приглашения на ярмарку-выставку по развитию экономических отношений между КНР и СССР и странами Восточной Европы в г. Харбине и на совещание по созданию Дальневосточной ассоциации делового сотрудничества туристско-экскурсионных организаций в г. Хабаровске [4. Л. 10, 219]. организо-

вываются один за другим круизы в Японию (Кобе, Токио) по поиску условий для сотрудничества в сфере туризма двух стран [10. Л. 170, 262]. С ответным визитом последовало несколько японских делегаций, прием которых вел «Приморсктурист», размещая их в гостинице «Амурский залив» [4. Л. 107], налаживая связи с Японией. Приморский край активно начинает сотрудничать с Китайской Народной Республикой как с самым близким по территориальным признакам соседом. Этому способствуют открытие приграничного маршрута в 1991 г. и прием китайской делегации из г. Харбина, а также решение Приморского совета по туризму и экскурсиям на организацию безвалютных приграничных маршрутов между г. Уссурийском и г. Суйфеньхэ [4. Л. 30, Л. 107]. Также особенно активно в апреле 1991 г. осуществлялись командировки в штат Аляска (США) и прием корейской делегации в целях налаживания контактов и подписания контрактов [4. Л. 117].

Заслугой работы Комитета по туризму явилась, в том числе, и продуманная кадровая политика, которая нашла свое отражение в создании Совета руководителей территориальных органов управления туризмом Дальневосточного региона. Помимо работы Совета, Комитетом устраивались выставки, семинары для работников туристской сферы, преподавателей, аспирантов, студентов. Повышение квалификации сотрудников и участников туристского рынка Приморского края затрагивало вопрос перехода к работе в условиях рыночной экономики. В целях повышения уровня обслуживания туристов и экскурсантов, совершенствования профессионального мастерства работников туристских учреждений на базе ресторана «Амурский залив» проводились всесоюзные смотры-конкурсы «Лучший по профессии». В г. Уссурийске проводилось обучение экскурсоводов по вопросам экологии окружающей среды, а во Владивостокском отделении работали семимесячные курсы подготовки руководителей туристских групп. По самодеятельному туризму в течение года проводятся обучающие семинары краевого значения. В семинарах на постоянной основе принимала участие Всемирная туристская организация, федеральные, краевые, местные органы власти, работники турфирм [11]. Таким образом, за 1990 г. квалификацию повысили 572 чел., из них по самодеятельному туризму – 290 чел., курсы контрольно-спасательной службы прошли 30 чел., а руководителей тургрупп было выпущено 89 чел.

Именно период 1990-х гг. определил характер и роль территорий Дальнего Востока в структуре политических процессов в ближайшем будущем. Несмотря на предпринимаемые усилия Комитета по туризму Администрации Приморского края, Федеральная целевая программа по экономическому и социальному развитию Дальнего Востока и Байкальского региона по состоянию на 1996 г. характеризует территорию как слабую, способную генерировать только внешние потоки.

Одной из заслуг Комитета по туризму Администрации Приморского края стало проведение первой на Дальнем Востоке международной туристской вы-

ставки «Дальтур-97», организованной в 1997 г. В течение нескольких лет выставка приобрела статус федеральной. «Дальтур» проводится до сих пор и собирает множество турпредприятий края, Дальневосточного региона, стран-соседей [12]. Проведение выставки способствовало формированию имиджа Приморского края как благоприятной территории для туризма. В выставке «Дальтур-2003» принимали участие 45 туристских, санаторно-курортных, транспортных, страховых предприятий. Иностранцы были представлены 5 турфирмами из Таиланда, 2 предприятиями Республики Кипр, 1 из которых рекламировала недвижимость на Кипре, и 1 турфирмой Республики Вьетнам [13]. Инвестиционные туристские проекты представлялись отдельным стендом. Всего участие в выставке принимали 60 экспонентов, представляющих свои туры и сувениры. В 2003 г. в работе выставки принимал участие Почетный консул Королевства Таиланд В.Г. Кулюшин.

Также Приморский край активно участвует в Тихоокеанской международной туристской выставке PITE, проводящейся с 1997 г. Главной целью выставки служит привлечение иностранных туристов из стран АТР в Российскую Федерацию. Особая ставка делается на раскрытие туристского потенциала муниципальных образований края. Каждый год в выставке принимают участие порядка 220–250 участников из разных стран. Тихоокеанская выставка пользуется популярностью у стран-соседей, таких как Китай, Корея, Япония, а также Сингапур, Тайвань, Гуам (США), Таиланд, Филиппины, Соединенные Штаты Америки. Следует отметить, что год от года доля иностранных представителей на рынке по отношению к отечественным компаниям растет. Так, средний показатель последних 5 лет составляет 56% – столько иностранных представителей присутствуют на туристской выставке, судя по информационным бюллетеням.

По сравнению с другими субъектами Дальневосточного округа, Приморье стало первым, кто приступил к разработке стратегий и концепций по развитию туризма. Главным шагом по улучшению состояния туризма в Приморском крае стала целевая программа «Развитие туризма в Приморском крае до 2005 года», утвержденная Постановлением губернатора края 13.09.1996 г. В программе Комитет по туризму администрации края делал упор на формирование нормативно-правовой базы и механизмов государственного регулирования, на развитие социального туризма, на создание системы подготовки кадров для туристской отрасли. В частности, в 1996–1998 гг.

Комитетом вносились предложения по разработке и доработке отраслевого закона «О туризме», налаживались связи с другими дальневосточными регионами, принималось участие в лицензировании туристской деятельности, разрабатывался и продвигался туристский продукт на российском и международном рынке посредством организации региональных и международных выставок, а также разработки туристских инвестиционных проектов. Помимо работы над нормативно-правовой областью Комитет по туризму Приморского края содействовал развитию материальной базы, а также принимал непосредственное участие в разработке конкретных программ развития Южно-Приморской рекреационной зоны, районов Северного Приморья, свободной экономической зоны в г. Находка.

Тем не менее реструктуризация и упорядочивание органов исполнительной власти шло достаточно продолжительное время. Так, в 2000 г. Комитет по туризму принял под свой контроль санитарно-курортное дело и включил это направление деятельности в название. В том же году в составе комитета была создана Комиссия по лицензированию международной туристской деятельности. За первый квартал 2001 г. были проведены проверки по соблюдению лицензионных требований. В связи с выявленными нарушениями была приостановлена деятельность 19 турфирм (для сравнения, за 2000 г. по причинам несоблюдения лицензионных требований было закрыто 14 турфирм). Основные нарушения касались закона «О защите прав потребителей», законодательства о трудовой деятельности, межправительственного соглашения по международным безвизовым перевозкам, в результате чего многие туристы оставались невыездными из КНР.

Таким образом, для каждого периода нашей истории характерен «свой туризм». Во времена Советского Союза действия правительства были сконцентрированы на развитии внутреннего туризма, а чуть позже также на том, чтобы он стал массовым. Очевидно, что государство пыталось влиять на туристскую отрасль, создавая строгую вертикаль власти. Свои коррективы в развитие отрасли и становление управленческого аппарата в сфере туризма вносили политические и экономические реалии. На сегодняшний день метаморфозы туристской отрасли не прекращаются. Это обусловлено множеством объективных факторов, включающих в себя новый международный порядок, доступность информации, научно-технический прогресс, политическое и экономическое сотрудничество между странами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путрик Ю.С. Всесоюзная научно-исследовательская лаборатория по туризму и экскурсиям: изучаем... отдых // Турист. 1990. № 8. С. 9.
2. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 559. Оп. 1. Д. 115.
3. ГАПК. Ф. 559. Оп. 1. Д. 105.
4. ГАПК. Ф. 559. Оп. 1. Д. 113.
5. Российская газета. 2002. 25 июля.
6. ГАПК. Ф. 559. Оп. 1. Д. 122.
7. ГАПК. Ф. 559. Оп. 1. Д. 116.
8. ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 52.
9. ГАПК. Ф. 559. Оп. 1. Д. 118.
10. ГАПК. Ф. 559. Оп. 1. Д. 106.

11. *Гатауллина С.Ю.* Оценка вклада туризма в региональную экономику // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 5-летию кафедры «Социально-культурный сервис и туризм» (г. Хабаровск, 27–28 марта) / под ред. А.С. Брейтмана. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2008. 192 с.
12. *Ходили мы походами...: очерки истории туризма Приморского края* / А.Г. Смирнов, А.А. Берестовой. Владивосток : Русский остров, 2009. 258 с.
13. *Манич С.Н.* Туризм в Приморском крае // Материалы Пятого международного инвестиционного форума. Секция «Туризм», г. Хабаровск. 16–17.09.2003.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 апреля 2015 г.

ORGANIZATIONAL PRINCIPLES OF THE TOURISM INDUSTRY IN PRIMORSKY KRAI (1989–2000)

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 102–107. DOI: 10.17223/15617793/396/18

Oropay Irina P. Far East Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: editor.irenn@mail.ru

Keywords: tourism; Primorsky Krai; state apparatus; archival materials.

The development of the law on tourism in the Soviet Union was formed under the Central Council for tourism and excursions (CSTE). In the Far East region there were regional, provincial, city and district councils on tourism and excursions within the jurisdiction of CSTE. The Primorsky Regional Council for Tourism and Excursions managed and planned work in the field of tourism. Under the conditions of centralization, the Regional Council for Tourism and Excursions became the leading reference link in further development and improvement of tourism and excursions. The reform of the state apparatus in the Far East of Russia began with the renaming of the Central Council for Tourism and Excursions into the National Tourism Board, and the Primorsky Regional Council for Tourism and Excursions into a tourist firm Primorsktourist. In 1991, Primorsktourist joined the Russian Association of Social Tourism (RAST) and included a program on domestic family tourism development in its strategy. A characteristic feature of the transition period of 1989–1992 was the absence of new regulations in the field of tourism. The reason for this fact was the inconsistency of legislative acts at the highest state level. It should be noted that with different periodicity and new attempts to develop the concept of tourism development, the industry itself was attributed either to the economic sphere, or sports. The result of the uncertainty was inhibition in the formation of the system of tourism authorities in the regions. The next stage of structural transformation in Primorsky Krai was marked by the establishment of the Committee on Tourism of the Administration of Primorsky Krai in 1993. The importance of this event was to fast track the establishment of order in the legislative and normative documents. Also, the period of 1990–1993 is defined as one of the most active in the formation of post-Soviet tourism. Primorsktourist takes an active part in the national fair Tourism-92 and Tourism-93. However, the restructuring and streamlining of the executive authorities was quite a long time. Primorsky Krai made a major step forward when it developed strategies and concepts for tourism development until 2005. The conclusion is that the study of the organizational framework, conditions for the establishment of the management system, reasons for its structural transformation allows using the unique historical experience for the development of a regional policy in the sphere of tourism.

REFERENCES

1. Putrik, Yu.S. (1990) *Vsesoyuznaya nauchno-issledovatel'skaya laboratoriya po turizmu i ekskursiyam: izuchaem... otdykh* [National Research Laboratory for Tourism and Excursions: studying . . . holidays]. *Turist*. 8. P. 9.
2. The State Archive of Primorsky Krai (GAPK).Fund 559. List 1. File 115. (In Russian).
3. The State Archive of Primorsky Krai (GAPK).Fund 559. List 1. File 105. (In Russian).
4. The State Archive of Primorsky Krai (GAPK).Fund 559. List 1. File 113. (In Russian).
5. *Rossiyskaya gazeta*. (2002) 25 July.
6. The State Archive of Primorsky Krai (GAPK).Fund 559. List 1. File 122. (In Russian).
7. The State Archive of Primorsky Krai (GAPK).Fund 559. List 1. File 116. (In Russian).
8. The State Archive of Primorsky Krai (GAPK).Fund 85. List 9. File 52. (In Russian).
9. The State Archive of Primorsky Krai (GAPK).Fund 559. List 1. File 118. (In Russian).
10. The State Archive of Primorsky Krai (GAPK).Fund 559. List 1. File 106. (In Russian).
11. Gataullina, S.Yu. (2008) [Evaluation of the contribution of tourism to the regional economy]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 5-letiyu kafedry "Sotsial'no-kul'turnyy servis i turizm"* [Proc. of the international scientific-practical conference dedicated to the 5th anniversary of the Socio-Cultural Service and Tourism Department]. Khabarovsk, 27–28 March. Khabarovsk: Izdatel'stvo DVGUPS. (In Russian).
12. Sмирнов, А.Г. & Берестовой, А.А. (2009) *Khodili my pokhodami...: ocherki istorii turizma Primorskogo kraya* [We went hiking . . . Essays on the history of tourism Primorsky Krai]. Vladivostok: Russkiy ostrov.
13. Manich, S.N. (2003) [Tourism in Primorsky Krai]. *Materialy Pyatogo mezhdunarodnogo investitsionnogo foruma. Sektsiya "Turizm"* [Proc. of the Fifth International Investment Forum. Section "Tourism"]. Khabarovsk. 16–17 September. (In Russian).

Received: 20 April 2015

О ВЛИЯНИИ ОПИУМНОГО ВОПРОСА НА РОССИЙСКО-СИНЬЦЗЯНСКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1914–1920-е гг.

На основе нового источниковедческого материала автором были проанализированы причины появления «опиумного вопроса» и его влияние на развитие торгово-экономических и политических отношений китайской провинции Синьцзян с царской, а затем и Советской Россией и СССР. Выявлены основные этапы развития «опиумного вопроса», его особенности. Опий неоднократно становился препятствием в российско-китайских переговорах об установлении дипломатических и торгово-экономических отношений, а также стал одной из основных причин, способствовавших активному развитию контрабанды с этой провинцией. Влияние фактора опиумного вопроса сойдёт на нет, по существу, только во второй половине 30-х гг. XX в.

Ключевые слова: опиум; торговля; Россия; Синьцзян; белогвардейцы.

Так называемый опиумный вопрос, т.е. влияние на внутривнутриполитическое и международное положение Китая масштабного завоза и распространения здесь английскими купцами опия, довольно подробно рассматривался советскими, российскими и зарубежными учеными [1, 2].

Однако его влияние на развитие торгово-экономических и политических отношений с китайской провинцией Синьцзян сначала с царской, а затем Советской Россией и СССР оказалось за рамками интереса исследователей. Между тем анализ документов показывает, что в дореволюционный и постреволюционный период, по крайней мере до конца 20-х гг. XX в., опиум наряду с золотом, серебром, сайговыми рогами стал не только основной валютой в расчетах за товары из Синьцзяна, но и одной из основных причин, способствовавших активному развитию контрабанды с этой провинцией. Известно, что опиум в указанный период был «предметом торга» в выстраивании политических отношений с центральными и местными китайскими властями, неоднократно становился препятствием в российско-китайских переговорах об установлении дипломатических и торгово-экономических отношений.

Опиум в мире был известен давно. В Китае его начали курить в конце XVII в. В этот период основные поставки опиума в страну осуществлялись из Индии и Персии, с XIX в. главным поставщиком стала английская Ост-Индская компания. Уже в конце XVIII в. англичане завозили в Китай около 4 тыс. ящиков. В первые годы XIX в. в Китай ежегодно ввозилось до 4 тыс. ящиков опия, а в 1838 г. ввоз достиг 40 тыс. ящиков. При этом каждый ящик весил около четырёх пудов.

Развитие опийного дела в российском Туркестане было положено в 60-е гг. XIX в., когда из Кульджинского округа китайской провинции Синьцзян в его пределы переселились дунганы. Они знали культуру опийного мака, и первые опыты по его выращиванию были проведены в районе сел Токмак и Каракунз Александровского (Пишпекского) уезда. В дальнейшем посевы опиумного мака из Джаркента и Токмака распространились в соседний Пржевальский (Каракольский) уезд. Вследствие отдаленности Семиречья от железных дорог, отсутствия инфраструктуры и

транспорта местное население, не имея других источников доходов, было вынуждено переходить к более интенсивному, хотя и незаконному, виду хозяйственной деятельности, которая заключалась в выращивании опиума. Культивирование этой культуры приносило 60–80 руб. чистой прибыли с десятины в дополнение к основному занятию – земледелию (30–40 руб. в год) [3. С. 20].

Российские власти первоначально не воспользовались сложившейся практикой возделывания опиума на своей территории, предпочитая покупать его за границей. Более того, ими был предпринят ряд жестких мер по его запрету. Поэтому инициативу в этом деле перехватили китайские купцы. Каждый год весной они стали договариваться с населением российского приграничья о количестве посевов опиумного мака, а осенью увозили готовую продукцию в Китай. За разрешение выращивать опиум население российского приграничья получало свои дивиденды. Так сложилась и получила распространение практика «макосеяния», которая неоднократно становилась одной из основных причин конфликта между китайским правительством сначала с властями царской, а затем Советской России.

Позиция российского правительства в отношении опиума стала меняться с началом Первой мировой войны. В связи с сокращением, а с 1916 г. прекращением его импорта из-за границы военно-медицинские учреждения стали испытывать недостаток в морфине, кодеине и других препаратах, созданных на его основе. Вследствие этого власти были вынуждены искать возможности его производства внутри страны. С этой целью в Семиречье прибыл Уполномоченный санитарной части принц Ольденбургский-Вильнев вместе со студентами-химиками. После проведения соответствующих исследований качества опиума было принято решение о легализации его посевов. Согласно архивным данным производство опиумного мака после этого получило широкое распространение в Семиреченской области, «доходя порой до десятков тысяч десятин» [4. Л. 96].

Однако запоздалая организация его производства и объявленная монополия государства на выращивание этой культуры, а также невысокая цена в сравнении с той, что предлагали китайские купцы, приводи-

ли к тому, что часть опиума по-прежнему уходила в Китай. Особенно сильно китайская конкуренция сказывалась в момент отсутствия твердой валюты, недостатка мануфактуры и других товаров широкого потребления.

После октябрьских событий 1917 г. в России, в период повсеместного социально-экономического кризиса, в стране наметился спад производства опиума. В то же время возрос интерес к этой культуре как со стороны большевиков, так и их оппонентов в гражданском противостоянии в приграничных с Западным Китаем территориях. Опиум на определенное время стал экономической и политической основой их взаимоотношений с администрацией Синьцзянской провинции. Ситуация объясняется тем, что в период Гражданской войны в России обе противоборствующие стороны были заинтересованы в сотрудничестве с Синьцзяном. Богатая сырьевыми ресурсами сопредельная китайская территория представляла интерес и как поставщик продовольствия, одежды, конского состава, и как возможный политический союзник в нараставшем накале борьбы. Для решения поставленных задач торговые представители Советской России при отсутствии конвертируемых товаров были вынуждены торговать с властями провинции за золото, серебро, сайгачьи рога или опиум, который был востребован на ее рынках. К торговле с Синьцзяном в качестве посредников привлекались китайские «макосевы». Как следует из доклада консула в Чугучаке В. Долбежева колчаковскому правительству в Омск, «они (т.е. «макосевы». – *Т.Ш.*) доставляли большевикам все необходимое, даже ружья и порох», в обмен на разрешение выращивать опиумный мак в российском приграничье и после переработки вывозить его в провинцию [5. Л. 30]. Нужно отметить, что подобные торговые сделки с большевиками находили поддержку в Синьцзяне у чиновников самого высокого уровня, заинтересованных в поставках опиума.

Согласно архивным данным именно этот взаимный интерес стал одной из причин, по которой правящие круги Синьцзяна первоначально отказывали в помощи белогвардейцам в их борьбе с Советами. «При существующем положении вещей рассчитывать на помощь китайцев против большевиков нет основания», – писал В. Долбежев в своей телеграмме за № 376 от 25 июля 1919 г. на имя военного министра в Омск [5. Л. 30]. Заинтересованность представителей китайской элиты в поставках опиума в провинцию отмечали и представители советской власти, так как опиум неоднократно становился препятствием в практической реализации российско-синьцзянских договоренностей.

Наглядной иллюстрацией влияния опиумного вопроса на выстраивание отношений советского руководства с властями провинции является проблема, связанная учреждением в Кульджинском округе поста советского комеранта. Сначала местные власти согласились с этим предложением Советской России. Как только отдел Внешторга в Джаркенте в апреле 1920 г. ужесточил борьбу с контрабандой в российской приграничной зоне, в рамках которой была за-

держана партия опиума, принадлежавшая кульджинским купцам, якобы полученного ими от областного совнархоза по договорам за поставку на Семиреченский фронт лошадей и полушубков, так сразу наметившееся с Синьцзяном сближение было приостановлено. Эти совершенно законные, с точки зрения международного права, действия советских органов власти не нашли понимания у провинциальных властей Китая. Как следует из документов, все дело оказалось в том, что «в получении этого опия были заинтересованы Чжен Шоуши (начальник пограничной охраны) и даоинь (гражданский правитель округа)». В результате «переписка с Китаем почти прекратилась, а без того слабая торговля замерла» [6. Л. 169].

Белогвардейцы также довольно часто выстраивали свои взаимоотношения с властями собственно Китая и его западной провинции, используя тему опиума. Так, в 1919 г. в штабе адмирала Колчака было принято решение сформировать отряды из российских беженцев, находившихся в Синьцзяне. Через своих представителей белогвардейцы попросили разрешения на проведение этого мероприятия у пекинских властей, но вначале получили отказ. Китай не хотел осложнения отношений с большевиками. Тогда министр иностранных дел Омского правительства И.И. Сукин предложил увязать решение этого вопроса с «удовлетворением» просьбы китайской администрации и принять закон «об ограничении макосеяния в наших пограничных с Западным Китаем областях» [7. Л. 59]. Но при этом призывал колчаковские власти действовать крайне осторожно, так как появление подобного закона могло вызвать «неудовольствие местных китайских властей», которые были заинтересованы в поставках опия в Синьцзян [Там же]. Дело в том, что Центральное правительство Китая уже длительное время боролось с опиокурением в своей стране и в связи с этим неоднократно обращалось к властям царской, а затем и Советской России с просьбой о запрете «макосеяния» на ее приграничных территориях. Однако понимания со стороны российских властных структур эти просьбы в то время не находили.

Несмотря на то что вопрос о формировании отрядов из русских беженцев был положительно разрешен лишь после перехода значительных сил белогвардейцев на территорию Синьцзяна, факт использования темы опиума как «рычага давления» в отношениях с китайцами свидетельствует о ее значимости в рассматриваемый период.

Необходимо отметить и то, что опиум в годы Гражданской войны в России был основным компонентом всех видов контрабанды на российско-китайской границе. Это объясняется тем, что он являлся одним из эквивалентов валюты для оплаты за приобретаемые товары, «ибо опиераб, продав опий в Китай, оттуда ввозит все предметы первой необходимости» [4. Л. 96]. Известный исследователь Дм. Илимский писал в своей статье, посвященной вопросам контрабанды: «Что касается опия, то его вывоз в Западный Китай будет соблазнять контрабандистов до тех пор, пока китайцы будут курить его»

[8]. Решить проблему контрабанды опиума удалось только к концу 20-х гг. XX в. уже после создания СССР. В силу приведённых выше обстоятельств опиумный вопрос на протяжении всех 1920-х гг. ещё не раз становился препятствием в становлении и развитии советско-китайских отношений в целом и в советско-синьцзянских отношений в частности.

Таким образом, можно сделать вывод, что в рассматриваемый период опиумный вопрос оказывал

реальное и вполне действенное влияние на весь комплекс политических и торгово-экономических взаимоотношений с Китаем и Синьцзяном сначала царского и временного правительств России, затем, в годы Гражданской войны, правительств большевиков и Белого движения и, наконец, правительства Советского Союза. Влияние фактора опиумного вопроса сойдёт на нет, по существу, только во второй половине 30-х гг. XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутаков А.М., Тизенгаузен А.Е. Опиумные войны: Обзор войн европейцев против Китая в 1840–1842, 1856–1858, 1859 и 1860 годах. М., 2002. 400 с.
2. Фан Вэнь-лань. Новая история Китая. Т. 1 : 1840–1901. М., 1955. 630 с.
3. Шебалин П.И. Опиум – его обработка и добывание в Казахстане // Народное хозяйство Казахстана. 1926. № 2. С. 19–42.
4. Российский Государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 413. Оп. 14. Д. 355. Л. 96.
5. РГАЭ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 420. Л. 30.
6. РГАЭ. Ф. 1111. Оп. 3. Д. 105. Л. 169.
7. РГАЭ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 322. Л. 59.
8. Илимский Д. Контрабанда // Внешняя торговля. 1928. № 7. С. 53–55.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 апреля 2015 г.

THE INFLUENCE OF THE OPIUM PROBLEM ON RUSSIAN-XINJIANG TRADE, ECONOMIC AND POLITICAL RELATIONS IN 1914–1920S

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 108–110. DOI: 10.17223/15617793/396/19

Shemetova Tamara A. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ist-vi@uni-altai.ru

Keywords: opium; trade; Russia; Xinjiang; White Guards.

The so called “opium problem”, that is the influence of a large-scale import and distribution of opium by English merchants on inner and international situation of China, was investigated by Soviet, Russian and foreign scientists very closely. But its influence on the development of trade, economic and political relations between the Chinese province of Xinjiang and Tsarist and later on Soviet Russia and the USSR was not within the frame of investigation. The analysis of the documents shows that in pre-revolutionary and post-revolutionary periods, at least up to the end of the 1920s, opium as well as gold, silver and saiga antlers became not only the main currency in the trade with Xinjiang but also one of the main reasons which encouraged the active development of smuggling in this province. It is known that in the stated period opium was a subject of bargaining in building political relations with central and local Chinese authorities. Not once it became a hindrance in Russian-Chinese negotiations on establishing diplomatic, trade and economic relations. The problem with the establishment of a post of a Soviet commercial agent in Kuldjing district is a vivid illustration of the influence of the opium problem on forming the relations between the leaders of the Soviet state and the authorities of the province. At first, the local authorities agreed with this suggestion of Soviet Russia. But when in April 1920 Vneshtorg Department in Jarkent toughened the fight against smuggling in the Russian border line zone. The Department detained a part of opium belonging to Kuldjing merchants as if received from the regional council of national economy according to the treaties for bringing horses and short fur coats to the Semirechensky front. As a result, the rapprochement between Russia and Xinjiang was suspended. White Guards also built their relations with the authorities of China and its western province using opium. It is necessary to note that during the Civil War opium was the main component of smuggling at the Russian-Chinese border. It is explained by the fact that it was one of the equivalents of currency for payment for acquired goods. The problem of opium smuggling was solved only by the end of the 1920s after the foundation of the USSR. So the opium problem really affected all the complex of political, trade and economic relations with China and Xinjiang which were established at first by the Tsarist and Provisional governments of Russia, and during the Civil War by the governments of the Bolsheviks and White Guards and, at last, by the government of the Soviet Union. The influence of the opium problem will come to the end only in the second half of the 1930s.

REFERENCES

1. Butakov, A.M. & Tisengausen, A.E. (2002) *Opiumnye voyny: Obzor voyn evropeytssev protiv Kitaya v 1840–1842, 1856–1858, 1859 i 1860 godakh* [The Opium Wars: the Review of the Wars of Europeans against China in 1840–1842, 1856–1858, 1859 and 1860s]. Moscow: AST.
2. Fang Wen-Lan. (1955) *Novaya istoriya Kitaya* [New History of China]. Vol. 1: 1840–1901. Moscow: Inostrannaya literatura.
3. Shebalin, P.I. (1926) Opiy – ego obrabotka i dobyvanie v Kazakhstane [Opium: Its Processing and Extraction in Kazakhstan]. *Narodnoe khozyaystvo Kazakhstana*. 2. pp. 19–42.
4. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 413. List 14. File 355. P. 96.
5. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 200. List 1. File 420. P. 30.
6. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 1111. List 3. File 105. P. 169.
7. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 200. List 1. File 322. P. 59.
8. Ilimskiy, D. (1928) Kontrabanda [Smuggling]. *Vneshnyaya trgovlya*. 7. pp. 53–55.

Received: 20 April 2015

ПРАВО

УДК 343.1

А.А. Дмитриева

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Рассматриваются предусмотренные УПК РФ уголовно-процессуальные действия, прямо направленные на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства. Утверждается, что обеспечение безопасности участников уголовного процесса средствами только уголовно-процессуального характера является недостаточным. Предлагается применять для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства не только процессуальные действия, но и внепроцессуальные, в частности оперативно-розыскные меры, установленные в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», что обусловливается некоторым сходством по характеру и направленности их проведения.

Ключевые слова: безопасность участников процесса; защита потерпевших; меры безопасности; борьба с преступностью.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает пять мер безопасности, которые перечислены в ч. 3 ст. 11 «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве»: ч. 9 ст. 166 (не приводить данные об их личности в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель), ч. 2 ст. 186 (осуществлять контроль и запись телефонных и иных переговоров потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц), ч. 8 ст. 193 (провести опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым), п. 4 ч. 2 ст. 241 (рассмотрение уголовного дела в закрытом судебном разбирательстве) и ч. 5 ст. 278 (допросить в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, без оглашения подлинных данных о личности свидетеля). Эти меры принято называть уголовно-процессуальными, так как они регулируются нормами УПК РФ и применяются только при производстве по уголовному делу. На наш взгляд, этот перечень может быть расширен с целью увеличения гарантий права на защиту при производстве по уголовному делу участников процесса, содействующих уголовному правосудию, повышения эффективности такого содействия и участия и, в конечном счете, – достижению цели уголовного процесса.

Обратим внимание на то, что возможность расширения защитительных уголовно-процессуальных и иных средств в отношении участников уголовного судопроизводства, к которым применяются меры безопасности, являлась ранее и является в настоящее время объектом пристального внимания [1–5].

Среди имеющихся в настоящее время правовых средств государственной защиты и обеспечения безопасности участников уголовного процесса уголовно-процессуальные средства не являются единственными. Так, например, принятый 20 августа 2004 г. Федеральный закон № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [6] содержит внушительный перечень аналогичных, альтернативных средств защиты. Кроме того, в Федеральном законе «Об опера-

тивно-розыскной деятельности» [7] также установлены определенные средства безопасности. Можно привести достаточно внушительный перечень правовых актов, направленных на детальное регулирование применения мер государственной защиты и безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства [8–10].

Вместе с тем в отдельных работах отмечается возможность применения, кроме предусмотренных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, иных процессуальных средств безопасности. Так, например, А.Ю. Епихин отмечает возможность применения меры пресечения в виде заключения под стражу как меры безопасности, на основании п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК, в котором отмечается принятие такого решения, в случае обоснованной вероятности, что подозреваемый или обвиняемый «может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства...» [11. С. 69–70; 12. С. 115–122].

Среди перечисленных пяти уголовно-процессуальных мер безопасности обратим внимание на одну из них, установленную в ч. 2 ст. 186 (осуществление контроля и записи телефонных и иных переговоров потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц). Это процессуальное действие, по нашему мнению, в определенной мере имеет сходные черты, по крайней мере, еще с тремя уголовно-процессуальными действиями, которые могут быть применимы для безопасности участников уголовного судопроизводства:

- 1) недопустимость разглашения данных предварительного расследования (ч. 2 ст. 161 УПК РФ);
- 2) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ);
- 3) получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1).

Позволим более подробно рассмотреть перечисленные процессуальные действия с точки зрения возможности их применения не только для собирания доказательств и достижения назначения уголовного судопроизводства, но и в целях обеспечения безопасности содействующих производству по делу участников.

1. Недопустимость разглашения данных предварительного расследования (ч. 2 ст. 161 УПК РФ) установ-

ливаает возможность следователя или дознавателя предупредить участников уголовного процесса о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения ставших им известными данных предварительного расследования. Эти сведения (информация) могут относиться непосредственно к лицам, в отношении которых принимаются (либо уже приняты и осуществляются или были приняты ранее) меры безопасности (фамилия, имя, отчество, место проживания или пребывания, место работы или учебы и т.п.).

Предполагаем, что при возбужденном уголовном деле такая подписка о неразглашении сведений не вызовет особых затруднений. Однако в настоящее время в теории нет единства мнений о возможности обязать участников процесса хранить тайну до возбуждения уголовного дела. Так, например, по мнению А.П. Кругликова, «участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ» [13. С. 45–50]. Вместе с тем Л.В. Брусницын, напротив, считает, применительно к материалам прокурорской проверки, материалы которой послужили поводом для решения вопросов о возбуждении дела, что «до его возбуждения противодействие проверке сообщения о преступлении со стороны гражданина, получившего доступ к материалам прокурорской проверки на основании п. 4 ст. 5 ФЗ “О прокуратуре Российской Федерации”, возможно» [14. С. 49–52].

Вместе с тем, на наш взгляд, в целях расширения возможности обеспечить гарантии права участников процесса на безопасность необходимо установить возможность предупреждения о неразглашении данных досудебного производства на самом раннем этапе производства по уголовному делу, т.е. начиная с проверки повода к возбуждению уголовного производства, для чего внести соответствующие дополнения в ст. 144 УПК РФ.

2. Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ), по нашему мнению, могут рассматриваться и применяться в качестве самостоятельной меры безопасности участников уголовного процесса. Основание проведения этого действия установлено в ч. 1 ст. 185 УПК РФ: наличие «достаточных оснований полагать, что предметы, документы или сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться соответственно в бандеролях, посылках или других почтово-телеграфных отправлениях либо в телеграммах или радиogramмах...». Установление фактов противоправного воздействия в отношении участников процесса имеет непосредственное отношение к производству по делу.

В этой связи Т.Ю. Вилкова верно обращает внимание на современные тенденции развития науки и техники, которые приводят к постепенному появлению новых видов и средств связи (например, электронной почты, мобильной связи и т.д.), в том числе и «необходимость защиты сведений об IP-адресах, с которых осуществляется выход в сеть Интернет» [15. С. 44–47]. Такая осознанность правового регулирования

отмечена в определении Конституционного Суда РФ от 16 июля 2013 г. № 1156-О [16]. По нашему мнению, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку следует рассматривать как самостоятельную уголовно-процессуальную меру безопасности.

3. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1) как следственное действие получило закрепление в УПК РФ 1 июля 2010 г. на основании ФЗ от № 143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [17]. Аналогичные изменения были внесены в ч. 2 ст. 13 «Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» и ч. 2 ст. 29 УПК РФ, определяющую перечень действий, осуществляемых не иначе как по решению суда, была дополнена новым п. 12 «о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» [18. С. 18–21; 19. С. 2–5; 20. С. 12–15].

Этим же законом дополнено содержание и ст. 5 УПК РФ новым пунктом: «24.1) получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами – получение сведений о дате, времени, продолжительности соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами (пользовательским оборудованием), номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов, а также сведений о номерах и месте расположения приемопередающих базовых станций». Такая информация может эффективно повысить обеспечение безопасности в целях выявления лиц, оказывающих неправомерное воздействие на защищаемых лиц.

Как это следует из содержания Пояснительной записки к проекту этого закона, изменения и дополнения вызваны тем, что «возможность получения информации о входящих и об исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов не предусмотрена ст. 186 УПК РФ, регулирующей вопросы контроля и записи переговоров, поскольку в соответствии с п. 14.1 ст. 5 УПК РФ под контролем телефонных и иных переговоров понимаются прослушивание и запись переговоров путем использования любых средств коммуникации, осмотр и прослушивание фонограмм». Кроме того, до указанных изменений операторы телефонной связи в качестве доводов невозможности представления без судебного решения соответствующей информации приводят определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 № 345-О [21], в котором отражено, что право каждого на тайну телефонных переговоров по своему конституционно-правовому смыслу предполагает комплекс действий по защите информации, получаемой по каналам телефонной связи, независимо от времени поступления, степени полноты и содержания сведений, фиксируемых на отдельных этапах ее осуществления [22].

По поводу отдельных проблем применения исследуемого процессуального действия (ст. 186.1 УПК РФ) А.В. Резцов отмечает, что «законодатель предусматривает проведение следственного действия, в свою очередь регламентированного ст. 176 УПК РФ.

Отметим, что в соответствии с ч. 1 указанной статьи (ст. 186.1 УПК РФ) осмотр документов может производиться в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Эта оговорка является принципиально важной, так как такой цели осмотра в ст. 186.1 УПК РФ законодатель не указал» [23. С. 19–21]. Продолжая эти размышления, представляется, что выяснение фактов противоправного воздействия на участников процесса может быть выявлено как раз с помощью получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Рассмотренные процессуальные действия по своей природе тяготеют к оперативно-розыскным мероприятиям.

Между тем обеспечение безопасности участников уголовного процесса средствами только уголовно-процессуального характера представляется недостаточным. По нашему мнению, целесообразно рассмотреть и внепроцессуальные, в частности оперативно-розыскные меры, установленные в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», которые также возможно применять для обеспечения безопасности в производстве по делу. Такой вывод следует из некоторого сходства по характеру и направленно-

сти их проведения. Отличие состоит в субъектах их проведения и их правовом статусе (регулировании).

Так, например, при сопоставлении отдельных оперативно-розыскных мероприятий и уголовно-процессуальных действий представляется затруднительным установить принципиальную разницу между прослушиванием телефонных переговоров и контролем и записью переговоров, опросом как процессуальным действием и допросом как следственным действием, исследованием предметов и документов и производством судебной экспертизы, сбором образцов для сравнительного исследования и получением образцов для сравнительного исследования. Такое близкое «соседство» оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных действий является причиной установления надежных средств контроля и обеспечения законности при проведении оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных действий [24. С. 26–35; 25. С. 44–52], внешне сходных, но различных по процедуре, результатам и прочим свойствам. Отметим, что имеющиеся уголовно-процессуальные средства, установленные в нормах УПК РФ, могут и должны быть расширены в правоприменительной практике расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зайцев О.А.* Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 446 с.
2. *Брусницын Л.В.* Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 520 с.
3. *Епихин А.Ю.* Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижегородская академия МВД России. Н. Новгород, 2004. 460 с.
4. *Епихин А.Ю.* Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие. Сыктывкар, 2004.
5. *Андреева О.И.* Проблемы применения мер безопасности в отношении лиц, содействующих правосудию в уголовном производстве по УПК Российской Федерации // Современные проблемы уголовного права и уголовного процесса : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Красноярск : ИЦ КрасГУ, 2003. Т. 2. С. 111–116.
6. *Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ* (ред. от 03.02.2014, с изм. от 04.06.2014) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // *Собрание законодательства РФ*. 23.08.2004. № 34. Ст. 3534.
7. *Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ* (ред. от 21.12.2013) «Об оперативно-розыскной деятельности» // *Собрание законодательства РФ*. 14.08.1995. № 33. Ст. 3349.
8. *Постановление Правительства РФ от 13.07.2013 № 586* (ред. от 05.09.2014) «Об утверждении Государственной программы “Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы”» // *Собрание законодательства РФ*. 22.07.2013. № 29. Ст. 3965.
9. *Постановление Правительства РФ от 21.09.2012 № 953* (ред. от 30.01.2015) «Об утверждении Правил применения меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // *Собрание законодательства РФ*. 24.09.2012. № 39. Ст. 5290.
10. *Постановление Правительства РФ от 27.10.2006 № 630* (ред. от 15.10.2014) «Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // *Собрание законодательства РФ*. 06.11.2006. № 45. Ст. 4708.
11. *Епихин А.Ю.* Общие условия эффективности функционирования безопасности личности в уголовном судопроизводстве // *Уголовное право*. 2003. № 4. С. 69–70.
12. *Епихин А.Ю.* Совершенствование правового регулирования безопасности личности в новом УПК РФ // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Сер. Право. 2003. № 1. С. 115–122.
13. *Кругликов А.П.* Дополнение УПК РФ новой главой о дознании в сокращенной форме и некоторые проблемы дифференциации уголовного судопроизводства // *Российская юстиция*. 2013. № 7. С. 45–50.
14. *Брусницын Л.В.* Ознакомление граждан с материалами прокурорской проверки // *Законность*. 2014. № 1. С. 49–52.
15. *Вилкова Т.Ю.* Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии // *Российская юстиция*. 2014. № 10. С. 44–47.
16. *Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2013 г. № 1156-О* об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чичина Виталия Валерьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 24.1 статьи 5, частью первой статьи 13, пунктом 12 части второй статьи 29, частью первой статьи 144, частью первой статьи 165 и частью первой статьи 186.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // СПС Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.02.2015).
17. *Федеральный закон от 01.07.2010 № 143-ФЗ* «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 05.07.2010. № 27. Ст. 3427.
18. *Соколов Ю.Н.* Использование информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в ходе предварительного расследования преступлений // *Российский следователь*. 2011. № 11. С. 18–21.
19. *Латин Е.С.* Технология получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами при расследовании преступлений против интеллектуальной собственности // *Российский следователь*. 2011. № 3. С. 2–5.

20. Вольнская О.В., Шишкин В.С. К вопросу о доказательственном значении сведений о телефонных соединениях // Российский следователь. 2011. № 2. С. 12–15.
21. Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 № 345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года “О связи”» // Российская газета. № 250. 2003. 10 дек.
22. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона № 7176-5 “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации”» // СПС Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.02.2015).
23. Резцов А.В. Информация о соединениях между абонентами сотовой связи при установлении обстоятельств совершенного преступления // Законность. 2011. № 11. С. 19–21.
24. Трубникова Т.В. Отграничение провокации от правомерного оперативно-розыскного мероприятия в практике ЕСПЧ и судов РФ // Уголовный процесс. 2012. № 10. С. 26–35.
25. Трубникова Т.В. Отграничение провокации от правомерного оперативно-розыскного мероприятия в практике ЕСПЧ и судов РФ // Уголовный процесс. 2012. № 12 (96). С. 44–52.

Статья представлена научной редакцией «Право» 9 июня 2015 г.

ON EXPANSION OF CRIMINAL PROCEDURE SECURITY MEASURES OF PARTICIPANTS OF CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 111–115. DOI: 10.17223/15617793/396/20

Dmitrieva Anna A. South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: annadm@bk.ru

Keywords: safety of witnesses; safety of participants of process; protection of victims; security measures; control and record of negotiations; survey; criminal case production; fight against crime; participants of criminal trial.

The current Criminal Procedural Code of the Russian Federation (CPC of the RF) sets five security measures enlisted in Article 11, Part 3. Being regulated by the norms of the CPC of the RF and applied only in criminal procedure, these measures are called criminal procedural ones and can be referred to the group of legal means of state protection and security measures for the participants in a criminal trial. The Federal law “On state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings” includes a wide range of alternative remedies. Moreover, the Federal law “On operational search activities” provides for definite security means. One of five security measures is the control and recording of both telephone and other conversations of victims, witnesses, their close and relatives, relatives and connected people. This procedural act has much in common with, at least, other three criminal procedural acts which can be applied for the security of the participants in criminal proceedings. Inadmissibility of the divulgence of the preliminary investigation data enables an investigator to notify the participants in criminal proceedings about the inadmissibility to divulge the preliminary investigation data without a special permission. These data can be relevant to those upon whom the security measures were taken, are taken or will be taken. Arrest of postal telegraph messages, their removal and inspection can be considered and used as a separate security measure for the participants in criminal proceedings. The author pays attention to modern tendencies in the development of science and technology that give rise to some new types and means of communication, including “the necessity to protect IDs for the Internet connection”. The acquisition of information about the connections between subscribers and (or) subscriber units can increase the security provisions in order to find those who exercise an undue influence on the people under protection. The right to the telephone calls privacy implies a complex of actions in the sphere of protection of information obtained in the course of telephone conversations irrespective of the arrival time, volume and content of this information at various stages of conversations. Due to their nature, the above procedural actions tend to be similar with investigative operations. However, the security of the participants in criminal proceedings cannot be ensured by the criminal procedural means only. The author thinks that some non-procedural measures such as operational search ones can also serve as security measures and are worth developing.

REFERENCES

1. Zaytsev, O.A. (1999) *Teoreticheskie i pravovye osnovy gosudarstvennoy zashchity uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva v Rossiyskoy Federatsii* [Theoretical and legal foundations of the state protection of participants in criminal proceedings in the Russian Federation]. Law Dr. Diss. Moscow.
2. Brusnitsyn, L.V. (2002) *Teoretiko-pravovye osnovy i mirovoy opyt obespecheniya bezopasnosti lits, sodeystvuyushchikh ugovnomu pravo-sudiyu* [Theoretical and legal foundations and international experience to ensure the safety of persons contributing to criminal justice]. Law Dr. Diss. Moscow.
3. Epikhin, A.Yu. (2004) *Kontseptsiya obespecheniya bezopasnosti lichnosti v sfere ugovnogo sudoproizvodstva* [The concept of human security in criminal proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. N. Novgorod.
4. Epikhin, A.Yu. (2004) *Obespechenie bezopasnosti lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve* [Ensuring the safety of the individual in criminal proceedings]. Syktyvkar.
5. Andreeva, O.I. (2003) [Problems of application of safety measures for the persons assisting in criminal proceedings by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Sovremennyye problemy ugovnogo prava i ugovnogo protsesssa* [Modern problems of criminal law and criminal process]. Proc. of the International scientific-practical conference. Vol. 2. Krasnoyarsk: ITs KrasGU. (In Russian).
6. Russian Federation. (2004) Federal Law of 20.08.2004 No. 119-FZ (ed. of 02.03.2014, as amended on 04.06.2014) “On state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings”. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 23rd August. 34. Art. 3534. (In Russian).
7. Russian Federation. (1995) Federal Law of 12.08.1995 No. 144-FZ (ed. of 12.21.2013) “On operative-search activity”. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 14th August. 33. Art. 3349. (In Russian).
8. Russian Federation. (2013) RF Government Decree of 13.07.2013 No. 586 (ed. of 05.09.2014) on Approval of the State Program “Ensuring the safety of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings for 2014–2018”. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 22nd July. 29. Art. 3965. (In Russian).
9. Russian Federation. (2012) RF Government Decree of 21.09.2012 No. 953 (ed. of 01.30.2015) “On approval of the application of security measures in the form of relocation of the protected person to another place of residence for victims, witnesses and other participants in criminal proceedings”. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 24th September. 39. Art. 5290. (In Russian).
10. Russian Federation. (2006) RF Government Decree of 27.10.2006 No. 630 (ed. of 15.10.2014) “On approval of the application of certain security measures in relation to victims, witnesses and other participants in criminal proceedings”. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 06th November. 45. Art. 4708.
11. Epikhin, A.Yu. (2003) *Obshchie usloviya effektivnosti funktsionirovaniya bezopasnosti lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve* [General terms of efficiency of functioning of the security of the individual in criminal proceedings]. *Ugovnoe pravo*. 4. pp. 69–70.

12. Epikhin, A.Yu. (2003) Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya bezopasnosti lichnosti v novom UPK RF [Improving the legal regulation of security of the person in the new Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser. Pravo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. Juridical sciences. 1. pp. 115–122.
13. Kruglikov, A.P. (2013) Addition to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, a new Chapter of inquiry in an abbreviated form, and some problems of differentiation of criminal proceedings. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 7. pp. 45–50. (In Russian).
14. Brusnitsyn, L.V. (2014) Familiarization of citizens with prosecutorial findings. *Zakonnost'*. 1. pp. 49–52. (In Russian).
15. Vil'kova, T.Yu. (2014) The secret of correspondence, telephone and other conversations, postal, telegraph and other messages in criminal proceedings: legal basics, maintenance, warranty. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 10. pp. 44–47. (In Russian).
16. Konsul'tant Plyus. (c. 2013) Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 16, 2013 no. 1156-O to refuse to accept for consideration the complaint of the citizen Vitaly Chichin about a violation of his constitutional rights by Paragraph 24.1 of Article 5, Part 1 of Article 13, Paragraph 12 of Part 2 of Article 29, Part 1 of Article 144, Part 1 of Article 165 and Part 1 of Article 186.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. [Online]. Available from: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 14th February 2015). (In Russian).
17. Russian Federation. (2010) The Federal Law of 01.07.2010 No. 143-FZ "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 05th July. 27. Art. 3427.
18. Sokolov, Yu.N. (2011) Use of Information on connections between the subscribers and (or) appliances in the course of preliminary investigation. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 11. pp. 18–21. (In Russian).
19. Lapin, E.S. (2011) Tekhnologiya polucheniya informatsii o soedineniyakh mezhdubonementami i (ili) abonentskimi ustroystvami pri rassledovanii prestupleniy protiv intellektual'noy sobstvennosti [The technology of obtaining information about the connections between subscribers and (or) subscriber units in the investigation of crimes against intellectual property]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 3. pp. 2–5.
20. Volynskaya, O.V. & Shishkin, V.S. (2011) To the matter of proof of significance of information about telephone connections. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 2. pp. 12–15. (In Russian).
21. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2003) Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 02.10.2003 no. 345-O "On refusing to accept for consideration the request of the Soviet District Court of Lipetsk on the constitutionality of Paragraph 4 of Article 32 of the Federal Law of 16 February 1995 "On communication"". *Rossiyskaya gazeta*. 10th December. 250. (In Russian).
22. Konsul'tant Plyus. (n.d.) *Poyasnitel'naya zapiska "K proektu Federal'nogo zakona № 7176-5 "O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii""* [The explanatory note "To the draft of the Federal Law No. 7176-5 "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"".] [Online]. Available from: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 14th February 2015).
23. Reztsov, A.V. (2011) Informatsiya o soedineniyakh mezhdubonementami sotovoy svyazi pri ustanovlenii obstoyatel'stv sovershennogo prestupleniya [Information about connections between subscribers of mobile communication in establishing the circumstances of offenses]. *Zakonnost'*. 11. pp. 19–21.
24. Trubnikova, T.V. (2012) Otgranichenie provokatsii ot pravomernogo operativno-rozysknogo meropriyatiya v praktike ESPCh i sudov RF [Delimitation of provocation from legitimate operational-search activities in the practice of the ECHR and the courts of the Russian Federation]. *Ugolovnyy protsess*. 10. pp. 26–35.
25. Trubnikova, T.V. (2012) Otgranichenie provokatsii ot pravomernogo operativno-rozysknogo meropriyatiya v praktike ESPCh i sudov RF [Delimitation of provocation from legitimate operational-search activities in the practice of the ECHR and the courts of the Russian Federation]. *Ugolovnyy protsess*. 12 (96). pp. 44–52.

Received: 09 June 2015

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Приводится анализ различных подходов к понятию «злоупотребление правом», сложившихся в юридической науке, на основе которого делается вывод, что данное явление представляет собой реально существующий и распространенный вид правового поведения участников уголовного судопроизводства. Сформулировано авторское определение злоупотребления правом, перечислены его основные признаки.

Ключевые слова: осуществление права; злоупотребление правом; правонарушение; правомерное поведение; обход закона; уголовное судопроизводство.

Закрепление в ст. 6 УПК РФ в качестве назначения уголовного судопроизводства защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод привело к последовательному расширению законодателем совокупности прав участников уголовно-процессуальных отношений. В большей степени это коснулось обвиняемого и подозреваемого, которые правомочны самостоятельно выбирать тактику своей защиты и в соответствии с ней использовать любые средства, как предусмотренные, так и не запрещенные УПК РФ. Между тем появилась опасность, что, руководствуясь собственными интересами, данные участники будут осуществлять предоставленные им права в противоречии с их назначением, причиняя тем самым вред интересам других субъектов, обществу, государству. Такое поведение в литературе именуется злоупотреблением правом [1. С. 7].

Несмотря на то что данный термин не известен уголовно-процессуальному законодательству, он часто встречается в текстах постановлений, определений Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации применительно к уголовно-процессуальной деятельности. Например, в Определении от 17 июня 2010 г. № 795-О-О [2] об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жданова Д.М., посчитавшего, что его права были нарушены в результате удаления из зала судебного заседания, Конституционный Суд РФ подчеркнул: «Удаление подсудимого из зала судебного заседания... как мера воздействия за нарушение порядка в судебном заседании, не лишает его права участвовать в нем и осуществлять в суде свою защиту в установленных процессуальных формах, а исключает возможность злоупотребления им своими правами (курсив мой. – О.Ж.)».

В юридической науке отсутствует общепризнанное понятие «злоупотребление правом». Помимо этого, до сих пор ведутся споры относительно допустимости существования самого термина. Существует точка зрения, что использование этого понятия некорректно, оно лишено всякого смысла, поскольку фактически означает действие, совершенное за пределами права, а следовательно, сама правовая возможность не может быть противоправной [3. С. 426].

Однако наибольшее распространение получила противоположная точка зрения, сторонники которой отстаивают самостоятельность исследуемой катего-

рии [4. С. 117]. Эта позиция представляется более убедительной, поскольку в процессе злоупотребления пределы права не нарушаются, происходит искажение его назначения за счет неправомерных мотивов, целей управомоченного лица. К этому выводу можно прийти, обратившись к правилам языковой логики: «глагол “злоупотреблять” тяготеет к существительному, позитивная смысловая нагрузка которого бесспорна. Употребить что-либо во вред себе или другим – значит обратить хорошее средство для плохой цели» [5. С. 75].

Необходимо отметить, что сторонники допустимости термина «злоупотребление правом» не сходятся в определении его сущности. Как следствие, в литературе выделяется несколько позиций.

Согласно первой злоупотребление правом – это особый вид правонарушения, совершаемый управомоченным лицом и представляющий собой использование неправомерных форм реализации права в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения [6. С. 115]. В.П. Грибанов определил, что при злоупотреблении субъект превышает пределы осуществления гражданских прав, под которыми следует понимать определенные запреты, ограничивающие свободу управомоченного лица [7. С. 63]. В качестве таковых могут выступать предметные (круг деяний, допустимых для лица на основе его субъективного права); субъектные (характеристика правового статуса управомоченного субъекта); временные (время осуществления конкретного субъективного права) пределы. В отличие от него, О.А. Порошкова понимает под границами осуществления прав «отраслевую разновидность общеправовых сдерживающих стимулов поведенческой активности, призванных оказать внешнее упорядочивающее воздействие на мотивацию, способы, средства и характер использования заложенных в содержании субъективного гражданского права возможностей» [5. С. 30].

Придерживаясь вышеизложенной позиции, Я.В. Грель определил, что злоупотребление правом можно назвать правонарушением только в случае, когда под последним подразумевается всякий отход от правовой нормы, поскольку такие признаки данного противоправного деяния, как вина, общественная опасность, наличие особого состава характерны лишь для некоторых видов злоупотреблений [8. С. 68].

В целом сторонниками указанной позиции были сформулированы исходные, ключевые положения, необходимые для определения рассматриваемого

правового явления. Среди них можно выделить следующие: злоупотребление правом может быть допущено только лицом, имеющим субъективное право; оно возможно только при осуществлении права; злоупотребление правом – это, прежде всего, использование права «во зло». Однако нельзя согласиться с тем, что это явление является разновидностью правонарушения. Так как, в отличие от злоупотребления правом, последнее представляет собой деяние, не основанное на праве, которое носит противоправный характер уже в момент совершения и влечет за собой наступление негативных последствий в виде юридической ответственности. Следовательно, «злоупотребление правом» и «правонарушение» представляют собой самостоятельные правовые категории.

Вторая позиция именуется в литературе теорией целевых прав-обязанностей, в соответствии с которой под злоупотреблением правом понимается «нарушение управомоченным лицом установленной законом или договором обязанности осуществлять субъективное гражданское право в интересах другого лица» [9. С. 41]. Однако, по мнению её сторонников, состав правонарушения «злоупотребление правом» совпадает с элементами состава преступления «злоупотребление должностными полномочиями», что представляется не совсем обоснованным, поскольку последняя правовая категория является уголовно наказуемым деянием, совершенным специальным субъектом (должностным лицом) и особым способом. Данные признаки не характерны для исследуемого явления.

Сторонники третьей позиции считают, что злоупотребление правом – это исключительно правомерное поведение, состоящее в реализации норм объективного права в противоречии с их назначением и в целях удовлетворения личных интересов субъектов права [10. С. 8]. С такой концепцией вряд ли можно согласиться, поскольку, несмотря на внешнее соответствие действий управомоченного субъекта нормам права, их нельзя однозначно назвать правомерными, ведь они не соответствуют общим принципам права и направлены на достижение социально неприемлемых целей. П.А. Избрехт критикует эту теорию с той точки зрения, что «субъективное частное право по своей природе не может иметь иной цели, кроме реализации частного интереса его субъекта» [11. С. 15], поэтому нельзя сказать, что это действие, осуществляемое в противоречии с назначением права.

Следующая позиция не столь однозначна, как предыдущие. В соответствии с ней злоупотребление правом одновременно является и правомерным поведением, и правонарушением [12. С. 9]. Например, А.А. Малиновский, считая, что злоупотребление правом – это действия субъекта по реализации своего права, которые могут осуществляться как в пределах осуществления права, так и нарушающие их, выделяет, соответственно, две его составляющие: правомерную и противоправную [13. С. 222]. Под первой им понимается такое осуществление субъективного права, которое соответствует норме права, но противоречит ее назначению, нормам морали и нравственности. Вторая представляет собой осуществление субъектив-

ного права противоправным способом. При этом автор не исключает возможности перехода всех правомерных злоупотреблений в форму противоправных деяний.

Такая позиция привела к смешению двух противоположных правовых категорий: правомерного поведения и правонарушения, хотя, в сущности, подразумевается противоправное деяние, совершение которого возможно различными способами. Руководствуясь этим определением, квалифицировать то или иное действие в качестве злоупотребления правом представляется затруднительным.

Есть еще одна позиция, согласно которой злоупотребление правом представляет собой одну из форм «обхода закона». Основываясь на этом, С.Г. Зайцева определила рассматриваемое правовое явление как «попытку представления неправомерных действий с точки зрения объективного права при помощи любых способов и форм в качестве правомерных» [14. С. 11]. Действительно, «злоупотребление правом» и «обход закона» обладают общими признаками: это недобросовестные типы поведения субъектов, цель действий которых – получение незаконных преимуществ. Однако им присущи и определенные отличия. Во-первых, при обходе закона действия участника правоотношения заключаются в игнорировании положений закона, подлежащего применению, либо в применении закона, не распространяющегося на эти отношения ввиду отсутствия у лица соответствующего субъективного права. Во-вторых, обход закона – это обход законодательного запрета либо использование пробелов в нормативном регулировании для удовлетворения собственных интересов и создания выгодного для себя положения. Из этого следует, что обход закона представляет собой неправомерное действие, противоправность которого с первого взгляда неочевидна. Таким образом, «злоупотребление правом» и «обход закона» являются самостоятельными правовыми категориями.

В связи с тем, что злоупотребление правом невозможно однозначно отнести к тому или иному виду правовых явлений, можно считать убедительной позицию исследователей в области уголовно-процессуального права, согласно которой злоупотребление правом – это самостоятельный вид правового поведения [15. С. 26].

Если обратиться к зарубежной литературе и законодательству, следует отметить, что и там подход к определению правовой природы злоупотребления правом различный. В странах романо-германской правовой системы сложились две позиции относительно данного понятия [5. С. 61]. Согласно первой позиции злоупотребление правом – это осуществление права с нарушением его пределов либо содержания. В соответствии со второй исследуемое явление представляет собой действия управомоченного субъекта по осуществлению права вопреки «добрым нравам» с целью причинения вреда другим участникам правоотношений. Такое поведение признается деликтом, недопустимость совершения которого закреплена, в частности, в § 226, 826 Германского Гражданского Уложения 1896 г.; в ст. 2 Гражданского кодекса Швейцарии 1907 г.

В странах англосаксонской правовой системы используется термин «зловредность», обозначающий поведение лица, преследующего скрытую корыстную цель, независимо от того, осуществляет оно право или нет [16. С. 45]. Следовательно, нельзя однозначно отождествлять понятия «злоупотребление правом» и «зловредность». В связи с тем, что главным источником англосаксонского права является судебный прецедент, невозможно утверждать, признает ли оно учение о злоупотреблении правом.

Несмотря на полярность вышеизложенных позиций, как отечественной, так и зарубежной литературы, их сторонники сходятся на том, что злоупотребление обладает такими признаками, как осуществление конкретного права в противоречии с его назначением; возможность причинения субъектом в процессе реализации права вреда другим участникам правоотношений, а также умысел носителя права на неправомерное его использование.

Перечисленные черты характерны и для злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве, но с определенными особенностями.

Во-первых, следует исходить из наличия конкретного субъективного права как гарантированной меры возможного поведения управомоченного лица. Содержание права в виде совокупности конкретных правомочий определено законом, а процесс его осуществления зависит от воли и усмотрения субъекта. Однако в уголовно-процессуальных отношениях необходимо учитывать особый характер взаимоотношений между личностью и государством. Последнее обязано не только не посягать на права лица, но и создать необходимые условия для их осуществления, в том числе путем установления в законе всех важнейших элементов права, включая порядок его реализации [17. С. 17]. Одной из гарантий, обеспечивающих использование прав участниками уголовного судопроизводства, является надлежащее исполнение обязанностей соответствующих должностных лиц. Например, праву подозреваемого, обвиняемого приносить жалобы на действия (бездействие) и решения суда, прокурора, следователя и дознавателя (п. 10 ч. 4 ст. 46 УПК РФ, п. 14 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, ст. 123 УПК РФ) корреспондируют обязанности указанных должностных лиц. Так, лицо, производящее дознание, и следователь обязаны направить поступившую жалобу вместе со своими объяснениями прокурору и руководителю следственного органа. Прокурор, руководитель следственного органа в течение 3 суток обязаны рассмотреть жалобу и уведомить заявителя (ст. 124 УПК РФ). Предусмотрен также и судебный порядок рассмотрения жалоб (ст. 125 УПК РФ).

В случае, если лицо не обладает соответствующим правом или заблуждается относительно факта его наличия, то речь уже идет о совершении правонарушения.

Кроме того, в структуру субъективного права не входят полномочия и обязанность. Последняя представляет собой меру должного поведения, и ее неисполнение или ненадлежащее исполнение может расцениваться как правонарушение и влечь за собой

применение соответствующих мер юридической ответственности. Правовая природа «полномочия» заключается в его принадлежности должностному лицу, для которого в силу статуса оно является не просто правом, а обязанностью. При его осуществлении субъект не может свободно выбрать способ, вид реализации или воздержаться от его исполнения. Так, например, согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной УПК РФ, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. Данное нормативное положение свидетельствует о наличии у перечисленных должностных лиц особого полномочия, которое реализуется только ими и выступает в качестве обязанности, нарушение которой нельзя расценивать как злоупотребление правом.

Во-вторых, злоупотребление представляет собой не только противоправные действия, но и бездействие лица в процессе осуществления права. Так, обвиняемый, обладая правом ознакомления с материалами уголовного дела (п. 12, ч. 4 ст. 47 УПК РФ), фактически может не приступить к его активной реализации, ссылаясь на плохое самочувствие, отсутствие подходящих условий и другие причины. В связи с этим представляется ошибочным мнение о том, что при бездействии лицо отказывается от осуществления права, и злоупотребление в этом случае невозможно [18. С. 12].

В теории права выделяют несколько форм право-реализации: исполнение, соблюдение, использование и особый вид составляет применение [19. С. 325].

Исполнение представляет собой активные действия субъекта по выполнению возложенных на него обязанностей, установленных уголовно-процессуальным законодательством. Например, согласно ч. 1 ст. 96 УПК РФ дознаватель, следователь не позднее 12 часов с момента задержания подозреваемого уведомляет кого-либо из близких родственников, а при их отсутствии – других родственников или предоставляет возможность такого уведомления самому подозреваемому. То есть исполнение указанной обязанности означает точное следование требованиям, указаниям, предусмотренным для совершения этого процессуального действия. Неисполнение данной обязанности может считаться уголовно-процессуальным правонарушением, а не злоупотреблением правом.

Соблюдение предполагает следование лица правовым предписаниям путем воздержания от совершения запрещенных правом деяний. Сложно согласиться с мнением Н.А. Дурново, что и «соблюдение права может привести к злоупотреблению, так как добросовестно совершенное деяние, когда лицо не знает и не может знать, что оно приведет или может привести к нарушению прав другого лица, фактически может причинить вред» [12. С. 24]. Особенностью уголовного судопроизводства является то, что его участникам неоднократно разъясняются их права и обязанности,

содержание которых устанавливается законодательством. Следовательно, несоблюдение субъектами нормативных требований относительно способа и условий реализации прав будет расцениваться как осознанное нарушение порядка уголовного судопроизводства, а не как злоупотребление.

Использование права является активной формой реализации субъектом предоставленных им правовых возможностей. В связи с тем, что оно предполагает определенную свободу лица при осуществлении тех или иных действий, именно при данной форме возможно злоупотребление правом. Например, при реализации обвиняемым права заявлять ходатайства и отводы, предусмотренного п. 5 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, возможно выйти за пределы разумного его использования. Как это произошло в одном судебном заседании, в котором данным участником уголовного судопроизводства было заявлено 17 ходатайств об отводе поочередно и неоднократно состава суда, государственного обвинителя, секретаря судебного заседания [15. С. 7].

Что касается правоприменения, представляется, что в этом случае злоупотребление правом невозможно вследствие осуществления этой деятельности особым видом субъектов – должностными лицами, которые наделены полномочиями, а не субъективным правом, наличие которого требуется для квалификации действий в качестве злоупотребительных.

В-третьих, «злоупотребление связано не с содержанием права, а с его осуществлением, механизмом его реализации» [20. С. 134]. То есть лицо не нарушает конкретных норм, действует в рамках общедозволительного типа поведения, но при этом подменяет цель осуществления права на неправомерную, выгодную исключительно для его процессуального положения. В этом случае право выступает не столько средством защиты, сколько средством для удовлетворения собственных интересов, в качестве которых уголовном процессе могут выступать: улучшение своего процессуального положения, желание затянуть судебное разбирательство, прекратить уголовное преследование и другие. Это наблюдается, например, при многократном заявлении обвиняемым ходатайства при неизменности оснований и условий его заявления.

В-четвертых, субъект осознает, что реализует право в противоречии с его назначением, смыслом, поскольку ему важно достичь своей цели. Предоставленные участникам правовые возможности являются средством защиты их процессуальных интересов, поэтому лицу предварительно разъясняются его права и обязанности, что является одной из гарантий их реализации. В связи с этим в уголовно-процессуальных отношениях невозможно представить ситуацию, когда лицо, зная свои права и их назначение, злоупотребляет ими без прямого умысла, по неосторожности.

И последнее: в результате злоупотребления правом субъект причиняет вред интересам других лиц, общества, государства, нарушает принципы уголовного судопроизводства. Эти последствия находят выражение в созданных препятствиях для реализации

прав другими участниками уголовно-процессуальных отношений; в затягивании сроков судебного разбирательства и другом.

Рассмотрим данные признаки на примере.

Постановлением Челябинского областного суда от 16 октября 2013 г. [21] был установлен срок ознакомления с материалами уголовного дела в связи со злоупотреблением предоставленным законом правом осужденным М.В. Горностаевым. Последнее проявилось в явном затягивании процедуры ознакомления. Так, лицо неоднократно отказывалось ознакомиться с делом со ссылкой на отсутствие письменного стола, на плохое зрение и утрату очков. В связи с последним заявлением по запросу суда проводилось повторное обследование М.В. Горностаева окулистом, при этом было выявлено некоторое снижение зрения, не препятствующее его способности читать в очках либо без них. Позднее осужденный отказывался от ознакомления с делом и при наличии очков, мотивируя неподходящими для этого условиями. Каждое его заявление проверялось судом первой инстанции, в том числе путем направления соответствующего запроса по месту содержания осужденного с требованием подтвердить либо опровергнуть его доводы, при этом было установлено, что они надуманны. М.В. Горностаев стал сам определять время для ознакомления с материалами уголовного дела, а также делал ложные записи об ознакомлении с тем или иным томом, фактически не читая их. Во всех действиях данного лица скрывалась главная цель – затянуть процесс ознакомления с материалами уголовного дела.

Подобное поведение полностью соответствует признакам злоупотребления правом. Во-первых, лицо имеет право ознакомиться с материалами уголовного дела, с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания в соответствии с п. 17 ч. 4 ст. 47 УПК РФ. Во-вторых, начало процесса злоупотребления совпадает с началом осуществления предоставленного законом права (использования субъективного права). В-третьих, субъект не нарушает конкретную правовую норму, он использует неправомерный способ осуществления своего права. В-четвертых, интерес лица связан с явным затягиванием процесса ознакомления с материалами дела, а следовательно, и всего судопроизводства в целом. В-пятых, лицо осознает, что действует в противоречии с назначением предоставленного ему права. В-шестых, в результате такого поведения субъекта были нарушены права и интересы других лиц, интересы правосудия, созданы препятствия для рассмотрения дела в разумный срок.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве – это особый вид правового поведения участника уголовно-процессуальных отношений, который осуществляется путем нарушения порядка реализации принадлежащего ему субъективного права в противоречии с его смыслом, назначением, причиняющий вред интересам других участников, общества, государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доманжо В.П. Ответственность за вред, причиненный путем злоупотребления правом // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1913. Книга пятая, май. С. 1–16.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2010 г. № 795-О-О // Информационно-правовая система «Консультант-Плюс».
3. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия Академии наук СССР. 1946. № 6. С. 424–436.
4. Бару М.И. О статье 1 Гражданского кодекса // Советское государство и право. 1958. № 12. С. 117–120.
5. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М. : Волтерс Клувер, 2007. 256 с.
6. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб. : Издат. дом СПб. гос. ун-та, 2005. 360 с.
7. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. 411 с.
8. Грель Я.В. Злоупотребление сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2006. 240 с.
9. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, не злоупотребление гражданскими правами. М. : Лекс-Книга, 2002. 160 с.
10. Наумов А.Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.
11. Избрехт П.А. Злоупотребление гражданскими правами в сфере предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 27 с.
12. Дурново Н.А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 27 с.
13. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М. : Юрлитинформ, 2007. 352 с.
14. Зайцева С.Г. «Злоупотребление правом» как правовая категория: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2003. 25 с.
15. Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России. Челябинск : Цицеро, 2013. 152 с.
16. Дженкс Э. Свод английского гражданского права. Обязательственное право. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 303 с.
17. Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Томск, 2007. 48 с.
18. Ковалева Н.А. Злоупотребление правом по гражданскому законодательству Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 25 с.
19. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учеб. М. : Юрист, 2004. 512 с.
20. Андреева О.И. Злоупотребление процессуальными правами в уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности. 2010. Ч. 47. С. 133–137.
21. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18 февраля 2014 г. № 48-АПУ 14-5 // Информационно-правовая система «Консультант-Плюс».

Статья представлена научной редакцией «Право» 19 апреля 2015 г.

THE CONCEPT AND CHARACTERISTICS OF ABUSE OF RIGHT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 116–121. DOI: 10.17223/15617793/396/21

Zheleva Olga V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zheleva.olga@gmail.com

Keywords: realization of right; abuse of right; offense; lawful behavior; evasion of right; criminal procedure.

While realizing his/her rights, each participant of criminal proceedings acts in his/her own interests which can conflict with the interests of other people and justice. In law such a behavior is called the abuse of right. It is pointed out that despite the prevalence of this legal phenomenon, the term itself is a disputable one. Taking into account the fact that in the course of abuse the limits of the right are not violated, but the right is misrepresented by virtue of undue motives on the part of an authorized person, the author argues the independence and reasonableness of the concept under question. Meanwhile, it is stressed that the existence of different and even opposite views on the legal nature of the abuse of right does not enable us to formulate its generally acceptable definition. The article deals with several opinions on the essence of the phenomenon. First, the abuse of right is considered to be a type of an offense. Second, the abuse of right is a form of lawful behavior. Third, the abuse of right can be both a lawful and unlawful act contemporaneously. Fourth, the type of behavior under study is a form of “evasion of law”. Moreover, the article provides brief characteristics of the approaches to the determination of the essence of the right in the Romano-Germanic and Anglo-Saxon law systems. The following characteristics of the abuse of right are based on the critical analysis of the views of both Russian and foreign lawyers: the exercise of subjective right is inconsistent with its purpose; the possibility on the part of one person to inflict harm to others when realizing his /her right; the intent of the right holder to abuse the right. The enumerated characteristics are specified in respect to criminal procedural relations and their peculiarities. It has been noted that the abuse of right is not linked with the violation of concrete legal prohibitions but with the order of exercising the right. A special role of the state in determining the legislative mechanism for the realization of legal opportunities is emphasized. The mechanism is called upon both to guarantee the rights of the participants in criminal proceedings and to establish certain limits for their exercise. Having studied the problem, the author developed the definition of the abuse of right applicable in criminal proceedings.

REFERENCES

1. Domanzho, V.P. (1913) *Otvstvennost' za vred, prichinenenny putem zloupotrebleniya pravom* [Responsibility for harm caused by the abuse of the right]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta*. Book 5, May. pp. 1–16.
2. Garant. (c. 2010) Decision of the Constitutional Court of June 17, 2010 No. 795-O “On refusing to accept for consideration the complaint of citizen Dmitry Alexandrovich Zhdanov about a violation of his constitutional rights in Articles 256 and 258 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”. [Online]. Available from: <http://base.garant.ru/1795859/#ixzz3h3KWCghR>. (In Russian).
3. Agarkov, M.M. (1946) *Problema zloupotrebleniya pravom v sovetskom grazhdanskom prave* [The problem of abuse of rights in the Soviet civil law]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR*. 6. pp. 424–436.
4. Baru, M.I. (1958) *O stat'e 1 Grazhdanskogo kodeksa* [On Article 1 of the Civil Code]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 12. pp. 117–120.
5. Porotikova, O.A. (2007) *Problema zloupotrebleniya sub'ektivnym grazhdanskim pravom* [The problem of the abuse of subjective civil law]. Moscow: Volters Kluver.

6. Yudin, A.V. (2005) *Zloupotreblenie protsessual'nymi pravami v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Abuse of procedural rights in civil proceedings]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
7. Griбанov, V.P. (2000) *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [Exercise and protection of civil rights]. Moscow: Statut.
8. Grel', Ya.V. (2006) *Zloupotreblenie storon protsessual'nymi pravami v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse* [Abuse of procedural rights of the parties in civil and arbitration process]. Law Cand. Diss. Novosibirsk.
9. Emel'yanov, V.I. (2002) *Razumnost', dobrosovestnost', ne zloupotreblenie grazhdanskimi pravami* [Reasonable manner, without non-abuse of civil rights]. Moscow: Leks-Kniga.
10. Naumov, A.E. (2010) *Zloupotreblenie pravom: teoretiko-pravovoy aspekt* [buse of the right: theoretical and legal aspect]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
11. Izbrekht, P.A. (2005) *Zloupotreblenie grazhdanskimi pravami v sfere predprinimatel'skoy deyatel'nosti* [Abuse of civil rights in the field of entrepreneurship]. Abstract of Law Cand. Diss. Ekaterinburg.
12. Durnovo, N.A. (2006) *Zloupotreblenie pravom kak osoby vid pravovogo povedeniya (teoretiko-pravovoy analiz)* [Abuse of the right as a special kind of legal behavior (theoretical and legal analysis)]. Abstract of Law Cand. Diss. N. Novgorod.
13. Malinovskiy, A.A. (2007) *Zloupotreblenie sub"ektivnym pravom (teoretiko-pravovoe issledovanie)* [Abuse of a subjective right (theoretical and legal research)]. Moscow: Yurlitinform.
14. Zaytseva, S.G. (2003) *"Zloupotreblenie pravom" kak pravovaya kategoriya: voprosy teorii i praktiki* ["Abuse of right" as a legal category: the theory and practice]. Abstract of Law Cand. Diss. Kolomna.
15. Darovskikh, O.I. (2013) *Zloupotreblenie pravom v ugovnom sudoproizvodstve Rossii* [Abuse of rights in criminal proceedings in Russia]. Chelyabinsk: Tsitsero.
16. Jenks, E. (1941) *Svod angliyskogo grazhdanskogo prava. Obyazatel'stvennoe pravo* [The Code of English Civil Law. Liability law]. Moscow: NKYu SSSR.
17. Andreeva, O.I. (2007) *Kontseptual'nye osnovy sootnosheniya prav i obyazannostey gosudarstva i lichnosti v ugovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii i ikh ispol'zovanie dlya pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti po rasporyazheniyu predmetom ugovnogo protsessa* [The conceptual basis of the ratio of the rights and obligations of the state and the individual in the criminal trial of the Russian Federation and their use for the legal regulation of the order of the subject of criminal proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk.
18. Kovaleva, N.A. (2005) *Zloupotreblenie pravom po grazhdanskomu zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii* [Abuse of the right of civil legislation of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
19. Matuzov, N.I. & Mal'ko, A.V. (2004) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Yurist.
20. Andreeva, O.I. (2010) *Zloupotreblenie protsessual'nymi pravami v ugovnom sudoproizvodstve* [Abuse of procedural rights in criminal proceedings]. In: Eliseev, S.A. & Utkin, V.A. (eds.) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 47.
21. Konsul'tant-Plyus. (c. 2014) Appeal of the Supreme Court on February 18, 2014 No. 48-APU 14-5. (In Russian).

Received: 19 April 2015

ФОРМЫ И ОСНОВАНИЯ ПЕРЕСМОТРА ПРИГОВОРОВ, ПОСТАНОВЛЕННЫХ СУДОМ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ, ВО ФРАНЦИИ

Рассматриваются формы и основания пересмотра приговоров суда присяжных во Франции, которые получили свое первое законодательное закрепление в период Великой французской буржуазной революции 1789–1894 гг. Приведены основные положения функционирования суда присяжных и реализации права на пересмотр приговора в вышестоящих судах по Уголовно-процессуальному кодексу Франции 1808 г. и Уголовно-процессуальному кодексу Франции 1957 г. Акцентируется внимание на реформе порядка пересмотра приговоров суда присяжных и введении для его приговоров возможности апелляционного обжалования. Сделаны выводы об отличительных чертах пересмотра приговоров суда присяжных во Франции.

Ключевые слова: суд присяжных; формы пересмотра приговоров во Франции; основания пересмотра приговоров суда присяжных; вердикт; апелляция; кассация.

В континентальной Европе суд присяжных заседателей впервые был заимствован Францией в период Великой французской буржуазной революции 1789–1799 гг. и явился не результатом многовекового развития правовой системы по примеру английского или американского образца, а как итог революционной борьбы и в большей степени как политический институт [1. С. 10; 2. С. 9–10]. Однако этот институт подвергся значительной переработке, что позволяет говорить о появлении новой формы суда присяжных заседателей, отличной от англо-американской модели. В последующем суд присяжных нашел свое распространение среди стран-представительниц континентальной правовой системы: в Бельгии, Швейцарии (1842–1863 гг.), Италии (1859 г.), Испании [3. С. 63].

В правосознании населения Франции накануне революции 1789 г. прочно обосновалась идея о необходимости учреждения народного представительства при рассмотрении уголовных дел¹. 7 апреля 1790 г. выдающийся деятель Французской буржуазной революции М. Робеспьер в Учредительном собрании произнес речь о необходимости введения суда присяжных по уголовным и гражданским делам. Национальное собрание декретом о присяжных в уголовных и гражданских делах 30 апреля 1790 г. и декретом, касающимся суда присяжных, 30 апреля 1790 г. постановило, что в указанной форме судопроизводства будут рассматриваться только уголовные дела, и дало поручение конституционному комитету и комитету о преобразовании уголовного судопроизводства разработать соответствующий законопроект [5. С. 87–89].

Результатом законотворческой работы стали три законопроекта, которые главным образом регламентировали судопроизводство с участием присяжных заседателей. Их авторами были видные юристы и государственные деятели своего времени: Туре, Дюпор, Сийес. Не вдаваясь во все нюансы представленных проектов, лишь укажем, что суд присяжных в них имел свои особенности по формированию коллегии, ее составу, порядку вынесения вердикта, а также форме пересмотра соответствующих приговоров². Одной из отличительных черт названных законопроектов, по нашему мнению, являлась недостаточная регламентация судопроизводства в судах вышестоящих инстанций по пересмотру приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей.

Суду присяжных в Декрете об организации судопроизводства 16–24 августа 1790 г. была посвящена единственная норма – п. 15 ст. 1, в соответствии с которой «уголовные дела будут подлежать суду присяжных; расследования будут производиться публично, и будут установлены пути предания его гласности» [5. С. 91]. Также вводились суды апелляционной инстанции, которыми по отношению друг к другу выступали суды дистриктов³; апелляционный суд определялся на договорной основе либо согласно установленному порядку; обжалование судебного акта допускалось не ранее недельного срока «после дня рассмотрения дела» и не позднее «чем три месяца спустя после доведения судебного решения до сведения заинтересованного лица или доставки копии решения ему на дом» (п. 2, 14 ст. 1) [Там же. С. 94–95].

Относительно роли и организации кассационного суда в учредительном собрании было больше единства взглядов, которые точно были выражены М. Робеспьером: «Он (кассационный суд. – А.К.) предназначен не для того, чтобы применять закон к спорам частных лиц или высказываться по существу дела, а для того, чтобы защищать формы и принципы установления законодательства от возможных их нарушений со стороны судов. Он является не судьей для граждан, а защитником законов, надзирателем за судьями и их цензором. Одним словом, он поставлен за пределами судебного порядка и над ними для того, чтобы удерживать его в границах и правилах, предписанных Конституцией» [7. С. 67].

Суд кассационной инстанции был создан Декретом об учреждении, составе и полномочиях кассационного трибунала 27 ноября 1790 г. Так, в кассационном трибунале подлежали рассмотрению решения, принятые трибуналами дистриктов (на решения мировых судей кассация запрещалась), основанием к отмене соответствующего решения и направлению дела на новое рассмотрение могли быть только «нарушение требуемых законом форм» и «явное противоречие с текстом закона»; также закреплялось правило, согласно которому «ни под каким предлогом и ни в каком случае трибунал не будет рассматривать существо спора» (п. 2–4 ст. 1) [5. С. 96–97]. Н.И. Тургенев в одной из своих работ, посвященной суду присяжных, назвал кассационный суд одним из «счастливейших и полезнейших учреждений нового французского законодательства» [8. С. 43].

20 января 1791 г. М. Робеспьер, выступая с критикой доклада Дюпора «О принципе и плане организации судебного ведомства», представил Учредительному собранию свой законопроект об организации суда присяжных во Франции. По законопроекту предполагалось, что «апелляция на решения присяжных приноситься не будет, но если два члена уголовного трибунала сочтут, что обвиняемый осужден несправедливо, то он сможет потребовать нового жюри для вторичного рассмотрения дела» [7. С. 88]. Тем не менее большая часть отредактированных предложений Дюпора нашла свое отражение в первом конституционном акте Франции.

Конституция Франции от 3 сентября 1791 г., которая действовала до августа 1792 г., ознаменовала собой рождение новой государственно-правовой системы, неотъемлемым элементом которой стал суд присяжных. Глава 5 Конституции «О судебной власти» наряду с принципами нового судостроительства (самостоятельность и независимость суда от исполнительной власти, устность судебного следствия, публичность и состязательность судебного разбирательства), предусматривала, что присяжные заседатели устанавливали только фактический состав деяния, применение закона осуществлялось судьями-профессионалами, судебное следствие было публичным (п. 9). Кроме того, в указанном пункте содержалось положение, согласно которому «ни одно лицо, оправданное законным составом присяжных, не может быть вновь привлечено к ответственности или подвергнуто обвинению по поводу того же деяния», что исключало возможность обжалования приговора, постановленного на оправдательном вердикте [9. С. 256–257]. Пунктами 19, 20 рассматриваемой главы учреждался единый для всего королевства кассационный суд, в его полномочия входило рассмотрение жалоб на приговоры судов, по результатам рассмотрения которых кассационная инстанция могла только направить дело на новое рассмотрение. Основанием к такому направлению было нарушение «порядка судопроизводства» или «явное нарушение закона» [Там же. С. 257]. Указанные положения Конституции нашли свою дальнейшую конкретизацию в Декрете о сыскной полиции, уголовном процессе и институте присяжных 16 сентября 1791 г.

Политические волнения, сохраняющиеся во Франции, и расширение иностранной интервенции побудили Национальный Конвент в целях противодействия контрреволюционной деятельности внутри страны и после активных дискуссий о необходимости участия присяжных заседателей в учреждаемом органе принять Декрет от 10 марта 1793 г. о создании Чрезвычайного Трибунала [10. С. 217–219; 11. С. 5; 12. С. 71]. Статьи 2, 5, 13 декрета предусматривали, что Трибунал «ведал контрреволюционными делами, всеми преступлениями против свободы, равенства, единства и нераздельности Республики... всеми заговорами...», в его состав входили 12 присяжных заседателей и 5 профессиональных судей, избираемых Национальным Конвентом, к компетенции последних относилось применение закона к фактическим обстоя-

тельствам дела, установленным присяжными заседателями; решения Трибунала не подлежали обжалованию [13. С. 307–308]. Единственной и ни к чему не обязывающей формой контроля за деятельностью Трибунала являлся «общественный контроль», который реализовывался при «публичном» и «громком» заявлении присяжными заседателями своего мнения относительно предъявленных обвинений [14. С. 98]. Рассмотрение дел в революционном трибунале отличалось, по выражению М. Робеспьера, «преступной медлительностью» [15. С. 45]. По замечанию П.Л. Михайлова, институт присяжных заседателей в Трибунале был «извращен», поскольку «сама сущность его подвергалась значительным изменениям, а самые характерные особенности – тайное голосование, быстрая сменяемость – были отброшены... Кроме того, отсутствовала кассация, что создавало условия для произвола» [6. С. 148].

Несмотря на то что революционный период Франции представлял собой «поле конституционного экспериментирования» [16. С. 217], положения, посвященные основам суда присяжных и пересмотру приговоров в кассационном порядке, переходили из одного конституционного акта в другой с завидным постоянством. Так, в Конституции 24 июня 1793 г., которая, по мнению историков, отличалась от своей предшественницы большим демократизмом, революционностью и радикальностью подходов в духе Руссо к проблеме прав и свобод [17. С. 190–191; 18. С. 36–41], наблюдается преемственность подходов к суду присяжных: по-прежнему было четкое разделение на судей факта и права, сохранялась возможность кассационного обжалования приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, только по формальным основаниям (соблюдение норм материального и процессуального права) [9. С. 264]. Однако судебной власти в целом и суду присяжных в частности, а также порядку пересмотра их приговоров было уделено меньше места, чем в Конституции 3 сентября 1791 г.

Указанные принципы организации суда присяжных и пересмотра их приговоров были сохранены и в Конституции 5 фрюктидора III года (22 августа 1795 г.) [5. С. 338–339].

Одна из самых важных ролей в регламентации судостроительства Франции была отведена Уголовно-процессуальному кодексу (УПК) 1808 г., который вступил в силу с 1 января 1811 г. Указанный кодекс просуществовал полтора столетия, вплоть до принятия действующего в настоящее время Уголовно-процессуального кодекса Франции 1957 г.

По УПК Франции 1808 г. при уголовных палатах департаментских апелляционных судов учреждались суды присяжных (*cours d'assises*), состоящие из трех профессиональных судей (один из которых выступал президентом) и коллегии из 12 присяжных заседателей [19. С. 15, 17–18]. Приговоры суда ассизов, постановленные на основании вердиктов⁴, могли быть обжалованы только в кассационный суд с соблюдением установленного порядка (ст. 252, 262 УПК Франции 1808 г.⁵). На стадии подготовки дела к судебному

разбирательству подсудимым (его представителем) и прокурором в кассационную инстанцию могли быть обжалованы «приговоры об отсылке к суду ассизному (arret de renvoi)», аналогией которых позднее по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. [21] стали определения о предании суду⁶. Основаниями к такому обжалованию являлись следующие причины: «1) по причине неподсудности; 2) если деяние не признается законом за преступление; 3) если не была выслушана государственная прокуратура; 4) если приговор постановлен не тем числом судей, которое положено по закону» (ст. 296, 298–301 УПК Франции 1808 г.).

Обвинительный приговор суда ассизов мог быть отменен по «требованиям» осужденного или государственной прокуратуры в связи с «нарушением или несоблюдением некоторых из тех формальностей, неисполнение которых влечет за собой, согласно настоящему Уставу, недействительность» (ст. 408 УПК Франции 1808 г.). Примером нарушений или несоблюдений таких «формальностей» служили нарушения требований, предъявляемых к присяжным заседателям и перечисленных в отделении I «Об условиях, необходимых для того, чтобы быть присяжным» раздела первого гл. V УПК Франции 1808 г. Также «под опасением недействительности» запрещалось участие в качестве присяжного заседателя, если лицо выступало по делу в качестве судебной полиции, свидетеля, переводчика, эксперта или стороны (ст. 392 УПК Франции 1808 г.). Основанием к отмене приговоров суда ассизов являлись нарушения при формировании коллегии присяжных заседателей: сообщение подсудимому ранее или позднее однодневного срока списка кандидатов в присяжные заседатели до дня формирования коллегии (ст. 395 УПК Франции 1808 г.), лишение сторон права отводов присяжных заседателей (ст. 406 УПК Франции 1808 г.). Поводами французской кассации также служили: нарушение правил подсудности и «определение судом другого наказания, а не того, которое положено в законе» [22. С. 408–409].

К.Ю.А. Миттермайер в работе, посвящённой европейским и американским судам присяжных, указывает, что по прошествии 70 лет введения указанный формы судопроизводства во Франции, при рассмотрении жалоб на соответствующие приговоры «по причине неправильностей, допущенных при производстве дела... кассационный суд сам различным образом решает бесчисленные вопросы о формах и обрядах уголовного процесса» [23. С. 83]. При этом автор обращает внимание на две закономерности судебной практики: во-первых, суд кассационной инстанции во избежание «ослабления» авторитета и власти президента ассизного суда «смотрел сквозь пальцы» на допущенные им нарушения; во-вторых, нарушения форм судопроизводства должны были быть зафиксированы в протоколе судебного заседания, в противном случае кассационная жалоба оставлялась без удовлетворения [Там же]. Последнее было свойственно и для отечественной кассационной практики по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.⁷ Однако нарушения судопроизводства, расцениваемые отечествен-

ной кассационной практикой как основание отмены приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, французской кассационной практикой к таковым не относились. Например, допускалась возможность прокурором «представлять в самом дурном свете поведение подсудимого», разрешалось зачитывать письменные показания свидетелей, данные на предварительном следствии, что нарушало принцип устности судебного разбирательства. Больше всего нарушений форм судопроизводства, оставляемых кассацией без последствий, допускалось именно президентом ассизного суда: допуск лиц к участию в деле в качестве свидетелей, которые не могли быть таковыми согласно закону, выборочное исследование доказательств, искажение фактических обстоятельств дела и обвинительный уклон при произнесении заключительной речи (resume) и т.д. [23. С. 105, 110, 112].

Тем не менее оправдательный приговор суда ассизов мог быть отменен по требованию прокурора только во имя интересов закона, а не во вред оправданному подсудимому (ст. 409 УПК Франции 1808 г.).

При отмене приговора на основании «недействительности, последовавшей в суде ассизном» кассационный суд направлял дело на новое рассмотрение в другой суд ассизов, при кассации приговора по причине неправильного назначения наказания дело направлялось в суд ассизов для постановления нового приговора на основании прежнего решения присяжных заседателей (ст. 429, 434 УПК Франции 1808 г.).

Следующие существенные изменения суд присяжных претерпел в период фашистской оккупации: произошло объединение коллегий присяжных заседателей и профессиональных судей, приговор выносился 6 присяжными и 3 судьями. Ордонансом от 25.02.1945 г. правительство, не внося изменений в процедуру рассмотрения дел номинального суда присяжных, увеличило лишь количество присяжных заседателей с 6 до 7 [6. С. 195].

Действующий в настоящее время Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1958 г. предусматривает, что суд присяжных, представляя собой единую коллегию, состоит из суда в собственном смысле (председателя и двух ассессоров) и жюри в составе 9 присяжных заседателей (ст. 240, 243, 248, 296)⁸. Решения принимаются большинством голосов, однако решения, неблагоприятные для подсудимого, могут быть приняты только квалифицирующим числом голосов [27. С. 725].

Приговоры, постановленные судом с участием присяжных заседателей, могут быть отмены в кассационном порядке, а с принятием закона от 15.06.2000 г. – и в апелляционном порядке.

Одним из экстраординарных способов обжалования по УПК Франции 1958 г. является кассационное производство, которое пересматривает дела в связи с нарушениями норм материального или процессуального права. Кассационное производство делится на кассацию в интересах сторон и кассацию в интересах закона [28. С. 13; 29. С. 374–384; 30. С. 57–80].

Кассация в интересах сторон допускается по жалобам прокурора или стороны, интересам которой

нанесен ущерб, в течение 5 дней со дня вынесения приговора. Кассационный суд, занимая высшую ступень во французской судебной иерархии, принимает решения по сложившейся традиции на основании фактов, выявленных при рассмотрении дела по существу, т.е. в судах первой и апелляционной инстанции. При отмене приговоров по мотивам их несоответствия закону Кассационный суд направляет дело на повторное рассмотрение в другой суд или в тот же суд, но в другом составе [31. С. 32–33].

Основания кассационного обжалования исчерпывающе изложены в УПК Франции 1958 г.⁹ Так, ст. 591 предусматривает, что приговоры и постановления суда, вынесенные по последней инстанции, могут быть обжалованы в кассационном порядке лишь по основаниям нарушения закона. К таким нарушениям относятся:

– незаконный состав суда, вынесшего решение, отсутствие в судебном заседании представителя прокуратуры (ст. 592 УПК Франции 1958 г.);

– превышение судом своих процессуальных полномочий (например, суд не принял к рассмотрению или отказал в рассмотрении одно или несколько заявленных сторонами ходатайств) (ст. 593 УПК Франции 1958 г.);

– нарушение уголовно-процессуального закона, если они влекут согласно закону недействительность соответствующих процессуальных действий;

– неправильное применение норм уголовного права (ст. 596 УПК Франции 1958 г.). Необходимо отметить, что в соответствии со ст. 598 УПК Франции 1958 г., если наказание, назначенное судом, соответствует наказанию, предусмотренному законом за совершение деяния такого рода, ошибочная ссылка на другую норму уголовного закона не может служить основанием обжалования приговора.

Оправдательный приговор суда присяжных может быть обжалован в кассационном порядке только в интересах закона без ухудшения положения оправданной по суду стороны (ст. 572 УПК Франции 1958 г.). Кассация в интересах закона имеет своей целью не пересмотр вступившего в законную силу приговора, который непоколебим, а получение толкования закона вышестоящим судом на будущее время [33. С. 60]. Постановления суда о результатах рассмотрения гражданского иска могут быть обжалованы сторонами в кассационную инстанцию в общем порядке независимо от того, какой был вынесен вердикт (ст. 371–372, 573 УПК Франции 1958 г.).

Коренные изменения в пересмотре приговоров суда присяжных произвел закон от 15.06.2000. Как указывает Л.В. Головкин, названный закон, по мнению французских процессуалистов, явился «самой яркой реформой после появления кодекса 1958», «самым впечатляющим» положением самого закона ученое сообщество признало учреждение апелляционного порядка пересмотра приговоров суда присяжных, введение которого было расценено не иначе как «смерть догмы», царившей в уголовном процессе Франции более 200 лет [34. С. 89, 95]. Автор пишет, что «согласно концепции периода Великой француз-

ской буржуазной революции «народ-суверен» не ошибается в принципе... Любое его решение по существу должно восприниматься как истина в последней инстанции, поэтому ни о каких двух судебных инстанциях рассмотрения такого рода уголовных дел «первой и апелляционной» речь идти не могла» [Там же. С. 95].

Апелляционному обжалованию подлежат только обвинительные приговоры, постановленные с участием присяжных заседателей, по жалобам осужденного, прокурора, гражданского истца и ответчика (в части гражданского иска), подаваемым через Кассационный суд Франции в течение 10 дней с момента вынесения приговора (ст. 380-1, 380-2, 380-9, 380-14 УПК Франции 1958 г.). Апелляционным судом выступает другой суд ассизов, назначаемый уголовной палатой Кассационного суда Франции, но в расширенном коллегиальном составе¹⁰, производство ведется по правилам суда первой инстанции (ст. 296, 380-1 УПК Франции 1958 г.). Обвинительный приговор апелляционного суда ассизов может быть обжалован в кассационную инстанцию в общем порядке; оправдательные приговоры – только в порядке кассации в интересах закона (ст. 572 УПК Франции 1958 г.).

Изучение форм и оснований пересмотра приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей во Франции, позволяет сформировать представление о таковых.

Пересмотру приговоров суда ассизов во Франции присущи следующие особенности:

1) организация форм пересмотра приговоров суда ассизов с четким разделением вышестоящих судов на суды апелляционной и кассационной инстанции;

2) основания отмены приговоров предусмотрены процессуальным законодательством и представляют собой перечень нарушений и / или их критерии, при наличии которых то или иное нарушение признается судом вышестоящей инстанции основанием отмены соответствующего приговора;

3) вердикт присяжных заседателей не является объектом пересмотра судей-профессионалов в суде вышестоящей инстанции, поскольку вопросы факта либо вообще не подлежат пересмотру в суде кассационной инстанции, либо подлежат пересмотру новой коллегией присяжных заседателей в суде апелляционной инстанции;

4) основанием отмены (изменения) приговоров, как правило, является нарушение норм материального и / или процессуального права;

5) оправдательные приговоры не подлежат обжалованию, либо право на обжалование существенно ограничено;

6) сторона обвинения ограничена в праве на обжалование в судах вышестоящих инстанций;

7) возможна отмена (изменение) приговора, постановленного судом с участием присяжных заседателей, либо направление дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о стремлении законодателя сохранить незыблемость вердикта присяжных заседателей. Оно находит свое воплощение в создании особых

условий пересмотра приговоров суда присяжных в виде ограничений судей-профессионалов на пересмотр вердикта присяжных заседателей или уста-

новления возможности его пересмотра только первой коллегии присяжных заседателей в суде апелляционной инстанции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н.Н. Полянский отмечает, что «среди имен публицистов, в сочинениях которых нашли себе яркое выражение назревшие требования судебной реформы, блещут имена Монтескье и Вольтера... Монтескье высказывался за то, чтобы граждане судились не профессиональными судьями, но лицами, которые в известные времена года брались бы из народа» [4. С. 77].

² По проекту, например, Дюпора «никто не мог выступать против решения присяжных, но обвиняемый, так же как сторона публичная, сможет апеллировать на приговор судей, и эта апелляция будет принесена большим судьям» [4. С. 80–84; 6. С. 104].

³ Административно-территориальная единица Франции.

⁴ Законы о числе голосов, необходимых для вынесения вердикта, неоднократно менялись вплоть до 1853 г., когда законодатель остановился на простом большинстве [20. С. 249].

⁵ Здесь и далее Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1808 г. приведен по: Михайлов П.Л. Суд присяжных во Франции: становление, развитие и трансформация [6. С. 355–389].

⁶ По Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. судебная палата, признав предварительное следствие по делам, подсудным суду с участием присяжных заседателей, полным и произведенным без нарушения существенных форм и обрядов судопроизводства, на основании заключения прокурора выносила окончательное определение о предании суду, направлении дела на следствие или его прекращении (ст. 523, 534).

⁷ Решение Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената от 1874 г. № 74 по делу Еникуцова [24. С. 733], решение Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената от 01.09.1867 № 393 по делу крестьянина Тимофея Иванова [25. С. 421–422].

⁸ И.А. Андреева указывает, что закон от 10.08.2011 сократил количество присяжных заседателей в суде первой инстанции до трех [26. С. 90].

⁹ Здесь и далее Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1958 г. приведен по: Уголовно-процессуальный кодекс Франции [32].

¹⁰ И.А. Андреева указывает, что закон от 10.08.2011 сократил количество присяжных заседателей в суде апелляционной инстанции до шести [26. С. 90].

ЛИТЕРАТУРА

1. Щегловитов И.Г. Суд присяжных. СПб. : Сенатская типография, 1913. 49 с.
2. Радутная Н.В. Зачем нам нужен суд присяжных. М. : Изд-во РПА МЮ РФ, 1994. 39 с.
3. Яровая М.В. Особенности англо-американской и континентальной моделей суда присяжных и проблемы его реставрации в России // Российская Юстиция. 2006. № 1. С. 61–66.
4. Полянский Н.Н. Судебное законодательство Учредительного и Законодательного собраний в эпоху первой французской революции (1789–1792 гг.) // Советское государство и право. 1939. № 5. С. 71–89.
5. Документы истории Великой французской революции : учеб. пособие / отв. ред. А.В. Адо. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. Т. 1. 527 с.
6. Михайлов П.Л. Суд присяжных во Франции: становление, развитие и трансформация. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 428 с.
7. Робеспьер М. Революционная законность и правосудие. Статьи и речи / пер. с фр. Н. Лапшиной ; под ред. и с предисл. А. Герцензона. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1959. 275 с.
8. Тургенев Н.И. О суде присяжных и о судах полицейских в России : часть IV. тетрадь I. М. : Книга по требованию, 1860. 152 с.
9. Антология мировой правовой мысли : в 5 т. Т. III : Европа. Америка: XVII–XX вв. / Нац. обществ.-научн. фонд ; рук. научн. проекта Г.Ю. Семигин. М. : Мысль, 1999. 830 с.
10. Воллин В.П., Тарле Е.В. Французская буржуазная революция 1789–1794. М. : Издательство Академии наук СССР, 1941. 856 с.
11. Идельсон Н.И. Революционный трибунал во Франции. Судебно-исторический очерк. СПб. : Типография тов-ва «Обществ. Польза», 1913. 84 с.
12. Страхов Н.Н. Основные закономерности становления буржуазного государства и права в Англии, Франции, Германии и Северной Америке. Харьков : Юридический институт, 1978. 97 с.
13. Конституции и законодательные акты буржуазных государств в XII–XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия // Сборник документов / под ред. проф. П.Н. Галанзы. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1957. 587 с.
14. Полянский Н.Н. Судебное законодательство Конвента // Советское государство и право. 1940. № 1. С. 91–110.
15. Робеспьер М. Избранные произведения : в 3 т. М. : Наука, 1965. Т. 3. 318 с.
16. Жакке Ж.-П. Конституционное право и политические институты : учеб. пособие / пер. с франц. М. : Юрист, 2002. 363 с.
17. Батьер К.И. История государства и права Франции периода буржуазной революции 1789–1794 гг. М. : РИО ВЮЗИ, 1984. 81 с.
18. Манфред А.З. Великая Французская буржуазная революция XVIII века. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1956. 286 с.
19. Боботов С.В. Правосудие во Франции. М. : ЕАВ, [б. г.]. 198 с.
20. Батьер К.И., Поликарпова Е.В. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран : учеб. пособие : в 2 т. М. : Проспект, 2011. Т. 2. 519 с.
21. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая. Вводная статья. СПб. : Издание Государственной Канцелярии, 1866. 504 с.
22. Брауер Э. Суд присяжным по законодательствам Германии. СПб. : Типография Правительствующего сената, 1865. 470 с.
23. Миттермайер К.Ю.А. Суд присяжных в Европе и Америке. Юрико-политическое издание под ред. Ламанского. Петербург : Типография Куколь-Яснопольского, 1865. Т. 1. 129 с.
24. Алфавитный указатель вопросов, разрешенных уголовным кассационным и общим собранием кассационных департаментов Правительствующего Сената 1866–1876 / сост. Г.И. Трахтенберг. СПб. : Типография Ф.С. Сушинского, 1878. 892 с.
25. Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената за 1867 год. СПб. : Типография правительствующего сената, [б. г.]. 815 с.
26. Андреева И.А. Судебная система Франции. М. : Юрилитинформ, 2013. 216 с.
27. Сухарев А.Я. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник. М. : Норма, 2000. 832 с.
28. Калиновский К.Б. Уголовный процесс современных зарубежных государств. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводск. гос. ун-та, 2000. 48 с.
29. Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М. : Зеркало-М, 2001. 480 с.
30. Заксон А.Ю. Экстраординарные способы обжалования в уголовном процессе Франции как функция уголовного правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 201 с.

31. Маклаков В.В. Судебная власть во Франции: Новое законодательство. М. : ИНИОН РАН, 2007. 139 с.
32. Уголовно-процессуальный кодекс Франции. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 411 с.
33. Боботов. Буржуазная юстиция. Состояние и перспективы развития. М. : Наука, 1989. 256 с.
34. Головки Л.В. Реформа уголовного процесса во Франции // Государство и право. 2001. № 8. С. 89–98.

Статья представлена научной редакцией «Право» 14 мая 2015 г.

FORMS OF THE REVIEWING OF A JURY TRIAL DECISION AND ITS GROUNDS IN FRANCE

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 122–128. DOI: 10.17223/15617793/396/22

Kamnev Aleksandr S. Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: aleksandr-kamnev@mail.ru

Keywords: jury trial; forms of the reviewing a jury trial decision in France; grounds for reviewing of a jury trial decision; verdict; appeal; cassation.

This article examines the forms of the reviewing of a jury trial decision and its grounds in France which were legally recognized with the establishment of the jury system during the French Revolution period. It reveals the fundamentals of trial by jury and implementation of the right to appeal a judicial decision in courts of superior jurisdiction as stipulated in the French Code of Criminal Procedure of 1808 and the French Code of Criminal Procedure of 1957. Under the French Code of Criminal Procedure of 1808, Assize Courts (*cour d'assises*) were established at criminal divisions of department appellate courts. Cases were tried by a panel of 3 professional judges (one of them was a president of the court) and a jury of 12 jurors. Their verdicts could only be appealed to the Court of Cassation at the request of a person convicted of a crime or the public prosecutor and only on points of procedure; their verdicts could not be appealed to the Court of Appeal. The French Code of Criminal Procedure of 1957 stipulates that Assize Court decisions can be considered in cassation and quashed, since June 15, 2000 the decisions can be appealed. The Court of Cassation reviews judicial decisions on the grounds of the violations of substantive or procedural law; it hears cassations in the interest of the parties and in the interest of the law. Cassation proceedings in the interest of the parties are initiated by the prosecutor or an aggrieved party within 5 days of the conviction. The Court of Cassation is a French court of last resort; it delivers decisions based on the facts revealed by first instance and appellate courts which rule on the merits of the case. If lower courts do not apply the law correctly, the Court of Cassation sets aside a decision and the case is remanded back to another court or the originating court (never with the same judges). The verdict of not guilty rendered by a jury trial can be appealed only in the interest of the law and the acquitted person cannot be put in a worse position. Cassation in the interest of the law gives future interpretation of the law; it is not aimed at reviewing a final court decision. Only the guilty verdict of the jury can be appealed. An appeal to the Court of Cassation is initiated by a person convicted of a crime, a prosecutor, a civil plaintiff and a defendant (in case of a civil appeal). The Criminal Division of the French Court of Cassation commits an applicant to stand trial before a larger jury at another Assize Court, which in this case acts as a first instance court. The article concludes that there exist special conditions for reviewing a jury trial decision: professional judges are restricted from reviewing a jury verdict; a verdict can be reviewed by a newly convened jury of an appellate court.

REFERENCES

1. Shcheglovitov, I.G. (1913) *Sud prisyazhnykh* [Jury trial]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.
2. Radutnaya, N.V. (1994) *Zachem nam nuzhen sud prisyazhnykh* [Why we need a jury trial]. Moscow: Izdatel'stvo RPA MYU RF.
3. Yarovaya, M.V. (2006) *Osobennosti anglo-amerikanskoy i kontinental'noy modeley suda prisyazhnykh i problemy ego restavratsii v Rossii* [Features of the Anglo-American and Continental models of the jury and the problem of its restoration in Russia]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 1. pp. 61–66.
4. Polyanskiy, N.N. (1939) *Sudebnoe zakonodatel'stvo Uchreditel'nogo i Zakonodatel'nogo sobraniy v epokhu pervoy frantsuzskoy revolyutsii (1789–1792 gg.)* [Judicial legislation of the Constituent and the Legislative Assembly in the era of the first French Revolution (1789–1792)]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 5. pp. 71–89.
5. Ado, A.V. (ed.) (1998) *Dokumenty istorii Velikoy frantsuzskoy revolyutsii* [Documents of the history of the French Revolution]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University.
6. Mikhaylov, P.L. (2004) *Sud prisyazhnykh vo Frantsii: stanovlenie, razvitie i transformatsiya* [A jury trial in France: formation, development and transformation]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
7. Robespierre, M. (1959) *Revolutsionnaya zakonnost' i pravosudie. Stat'i i rechi* [Revolutionary legality and justice. Articles and Speeches]. Moscow: Gosudarstvennoe izdanie yuridicheskoy literatury.
8. Turgenev, N.I. (1860) *O sude prisyazhnykh i o sudakh politseyskikh v Rossii* [About the jury trial and police courts in Russia]. Pt. IV. Book I. Moscow: Kniga po trebovaniyu.
9. Semigin, G.Yu. (ed.) (1999) *Antologiya mirovoy pravovoy mysli* [Anthology of the world legal thought]. Vol. III: *Evropa. Amerika: XVII–XX vv.* [Europe. America: 17th – 20th centuries]. Moscow: Mysl'.
10. Volgin, V.P. & Tarle, E.V. (1941) *Frantsuzskaya burzhuaznaya revolyutsiya 1789–1794* [French bourgeois revolution of 1789–1794]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
11. Idel'son, N.I. (1913) *Revolutsionnyy tribunal vo Frantsii. Sudebno-istoricheskiy ocherk* [Revolutionary Tribunal in France. A forensic historical essay]. St. Petersburg: Tipografiya tov-va "Obshchestvennaya Pol'za".
12. Strakhov, N.N. (1978) *Osnovnye zakonomernosti stanovleniya burzhuaznogo gosudarstva i prava v Anglii, Frantsii, Germanii i Severnoy Amerike* [Basic laws of formation of the bourgeois state and law in England, France, Germany and North America]. Kharkov: Yuridicheskiy institut.
13. Anon. (1957) *Konstitutsii i zakonodatel'nye akty burzhuaznykh gosudarstv v XII–XIX vv. Angliya, SShA, Frantsiya, Italiya, Germaniya* [The Constitutions and the laws of bourgeois states in 17th – 19th centuries. England, USA, France, Italy, Germany]. In: Galanza, P.N. (ed.) *Sbornik dokumentov* [Collection of documents]. Moscow: Gosudarstvennoe izdanie yuridicheskoy literatury.
14. Polyanskiy, N.N. (1940) *Sudebnoe zakonodatel'stvo Konventa* [The judicial legislation of the Convent]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 91–110.
15. Robespierre, M. (1965) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
16. Jacqué J.-P. (2002) *Konstitutsionnoe pravo i politicheskie instituty* [Constitutional Law and Political Institutions]. Moscow: Yurist'.
17. Batyr, K.I. (1984) *Istoriya gosudarstva i prava Frantsii perioda burzhuaznoy revolyutsii 1789–1794 gg.* [History of State and Law of the French period of the bourgeois revolution of 1789–1794]. Moscow: RIO VYuZI.
18. Manfred, A.Z. (1956) *Velikaya Frantsuzskaya burzhuaznaya revolyutsiya XVIII veka* [The Great French bourgeois revolution of the 18th century]. Moscow: Gosudarstvennoe izdanie politicheskoy literatury.
19. Bobotov, S.V. (n.d.) *Pravosudie vo Frantsii* [Justice in France]. Moscow: EAV.

20. Batyr, K.I. & Polikarpova, E.V. (2011) *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [Readings on the history of state and law of foreign countries]. Vol. 2. Moscow: Prospekt.
21. Anon. (1866) *Sudebnye Ustavy 20 noyabrya 1864 goda, s izlozheniem rassuzhdeniy, na koikh oni osnovany* [Judicial Charters of November 20, 1864, outlining the arguments they are based on]. Pt. 1: *Vvodnaya stat'ya* [Introductory article]. St. Petersburg: Izdanie Gosudarstvennoy Kantselyarii.
22. Brauer, E. (1865) *Sud prisyazhnym po zakonodatel'stvam Germanii* [A jury trial under the laws of Germany]. St. Petersburg: Tipografiya Pravitel'stvuyushchego senata.
23. Mittermaier, C.J.A. (1865) *Sud prisyazhnykh v Evrope i Amerike* [A jury trial in Europe and America]. Vol. 1. Peterburg: Tipografiya Kukol'-Yasnopol'skago.
24. Trakhtenberg, G.I. (1878) *Alfavitnyy ukazatel' voprosov, razreshennykh ugovolnym kassatsionnym i obshchim sobraniam kassatsionnykh departamentov Pravitel'stvuyushchego Senata 1866–1876* [Index of issues resolved by the Criminal Cassation and the General Meeting of Cassation Departments of the Governing Senate in 1866–1876]. St. Petersburg: Tipografiya F.S. Sushinskogo.
25. Anon. (n.d.) *Resheniya Ugovolnogo kassatsionnogo departamenta Pravitel'stvuyushchego senata za 1867 god* [The decisions of the Criminal Cassation Department of the Senate for 1867]. St. Petersburg: Tipografiya pravitel'stvuyushchego senata.
26. Andreeva, I.A. (2013) *Sudebnaya sistema Frantsii* [The judicial system in France]. Moscow: Yurlitinform.
27. Sukharev, A.Ya. (2000) *Pravovye sistemy stran mira. Entsiklopedicheskiy spravochnik* [The legal systems of the world. Encyclopedic reference book]. Moscow: Norma.
28. Kalinovskiy, K.B. (2000) *Ugovolnyy protsess sovremennykh zarubezhnykh gosudarstv* [Criminal proceedings of modern foreign states]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
29. Gutsenko, K.F., Golovko, L.V. & Filimonov, B.A. (2001) *Ugovolnyy protsess zapadnykh gosudarstvakh* [Criminal proceedings in western states]. Moscow: Zerkalo-M.
30. Zakson, A.Yu. (2011) *Ekstraordinarnyye sposoby obzhalovaniya v ugovolnom protsesse Frantsii kak funktsiya ugovolnogo pravosudiya* [The extraordinary means of appeal in criminal proceedings in France as a function of the criminal justice system]. Law Cand. Diss. Moscow.
31. Maklakov, V.V. (2007) *Sudebnaya vlast' vo Frantsii: Novoe zakonodatel'stvo* [The judicial power in France: The new legislation]. Moscow: INION RAN.
32. Anon. (2004) *Ugovolno-protsessual'nyy kodeks Frantsii* [The Code of Criminal Procedure in France]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
33. Bobotov, S.V. (1989) *Burzhuznaya yustitsiya. Sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Bourgeois justice. State and prospects of development]. Moscow: Nauka.
34. Golovko, L.V. (2001) *Reforma ugovolnogo protsessa vo Frantsii* [Reform of criminal proceedings in France]. *Gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 89–98.

Received: 14 May 2015

К ПРОБЛЕМАМ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМ ГЛАВЫ 22 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Проводится анализ изменений, внесённых законодателем в Главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации в июле – декабре 2014 г., а также в марте 2015 г. На основании указанного анализа автор определяет направления дальнейшего совершенствования норм, составляющих обозначенную Главу.

Ключевые слова: совершенствование; Уголовный кодекс Российской Федерации; преступления в сфере экономической деятельности.

Во II полугодии 2014 г. в Главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, охраняющую общественные отношения в сфере экономической деятельности, законодателем вновь были внесены серьёзные поправки.

На основании Федерального закона РФ от 21 июля 2014 г. № 218-ФЗ указанная Глава дополнилась ст. 172.1, которой устанавливается ответственность за «фальсификацию финансовых документов учёта и отчётности финансовой организации». Как видно из диспозиции обозначенной уголовно-правовой нормы, цель запрещаемого ею деяния – сокрытие признаков банкротства кредитно-финансовых организаций. На наш взгляд, дополнение Главы 22 УК РФ указанной новеллой обусловлено необходимостью усиления борьбы с рассматриваемым деянием. Следует иметь в виду, что в диспозиции ст. 195 УК РФ, предусматривающей ответственность за неправомерные действия при банкротстве, законодателем не была установлена ответственность за фальсификацию каких-либо документов финансовых организаций. Таким образом, имел место серьёзный законодательный пробел, препятствующий эффективной борьбе с преступными посягательствами, совершаемыми в рассматриваемой сфере. Поэтому дополнение данной Главы ст. 172.1 является правомерным и обоснованным шагом законодателя.

Федеральным законом РФ от 21 июля 2014 г. № 277-ФЗ Глава 22 УК РФ была дополнена ст. 191.1 – «Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины». Криминализация обозначенного деяния обусловлена необходимостью усиления борьбы с имеющей в настоящее время достаточно широкое распространение деятельностью «чёрных лесорубов». Как и в предыдущей, в рассматриваемой ситуации дополнение законодателем Главы 22 УК РФ данной новеллой позволило устранить значительный пробел в российском уголовном законодательстве.

Одновременно, согласно Федеральному закону РФ от 22 декабря 2014 г. № 430-ФЗ, значительным изменениям подверглась редакция ст. 171.2 УК РФ. В отличие от предыдущей, в действующей редакции имеет место «расширение» действия рассматриваемой нормы. В частности, из ч. 1 её законодателем исключён такой элемент состава, как «сопряжённые с извлечением дохода в крупном размере». В действующей её редакции указанный элемент выделен в от-

дельный квалифицирующий признак – п. «б» ч. 2. Кроме этого, в указанную часть законодателем добавлен новый квалифицирующий признак – п. «а» – совершение деяния «группой лиц по предварительному сговору». Также указанный уголовно-правовой запрет законодатель дополнил ч. 3, предусматривающей ответственность за совершение данного деяния:

- «а) организованной группой;
- б) сопряжённое с извлечением дохода в особо крупном размере;
- в) лицом с использованием своего служебного положения».

Таким образом, внесение рассмотренных изменений законодателем в ст. 171.2 УК РФ является обоснованным, поскольку в ранее действующей её редакции было возможным привлечение виновного лица к ответственности только в случае извлечения им дохода в крупном размере, равном не менее 1,5 миллиона рублей. В 2012 г. Д. Теллиным и Н. Осиповым было справедливо отмечено, что в «указанной редакции данная норма выглядела “мёртворождённой”, поскольку оказалось невозможно точно определить сумму вырученных денежных средств, из которых складывается обозначенный размер дохода» [1. С. 32]. Представляется, что в результате внесения рассмотренных изменений станет возможным «оживление» ст. 171.2 УК РФ.

На основании Федерального закона РФ от 31 декабря 2014 г. № 530-ФЗ Глава 22 УК РФ вновь подверглась серьёзным изменениям и дополнениям. В частности, значительные изменения законодателем были внесены в ст. 171.1 УК РФ. В результате в новой её редакции законодателем установлена ответственность и за «производство, приобретение, хранение, перевозку в целях сбыта или продажу немаркированных табачных изделий, подлежащих маркировке специальными (акцизными) марками». Таким образом, с одной стороны, имеет место «расширение» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности. С другой стороны, обозначенное расширение представляет собой результат усиления со стороны государства мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий. Поэтому рассматриваемое «расширение» является обоснованным.

Одновременно на основании указанного Федерального закона было изменено заглавие ст. 180 УК РФ. В новой её редакции вместо «Незаконного ис-

пользования товарного знака», указанную статью законодатель озаглавил «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)». Несмотря на внесение обозначенного изменения, в диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы законодатель по-прежнему использует термин «товарный знак». По смыслу ст. 1477 Гражданского кодекса РФ, товарный знак является «обозначением, служащим для индивидуализации товаров». Таким образом, в исследуемом случае законодатель вносит некоторую точность в отдельный элемент ст. 180 УК РФ. Кроме обозначенного изменения заглавия ст. 180 УК РФ, законодателем была изменена и санкция, предусмотренная её ч. 1. В отличие от предыдущей, в её новой редакции, наряду с ранее действующими видами уголовного наказания, законодателем установлены и иные виды его. В частности, в указанной редакции, наряду с принудительными работами, предусмотрено и лишение свободы. Также в новой редакции рассматриваемая уголовно-правовая норма законодателем была дополнена и Примечанием, в котором размер «крупного ущерба» установлен индивидуально для неё. В её предыдущей редакции указанный размер был установлен законодателем в Примечании к ст. 169 УК РФ, он составлял 1,5 миллиона рублей. В новой редакции обозначенный размер составляет 250 000 рублей. Таким образом, имеет место «расширение» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности. Данное «расширение» вполне обосновано в целях усиления борьбы с оборотом различной контрафактной продукции, получившим в России достаточно широкое распространение.

Также на основании рассматриваемого Федерального закона были внесены изменения и в ст. 194 УК РФ. В отличие от ранее действующей, в её новой редакции установлена ответственность и за совершение исследуемого преступления «организованной группой», о чём законодателем отмечено в её ч. 4. Таким образом, как и в предыдущем, в данном случае наблюдается «расширение» уголовно-правового вмешательства в рассматриваемую сферу. На наш взгляд, указанное «расширение» также вполне обосновано, поскольку в результате его окажется устранённым серьёзный пробел в отечественном уголовном законодательстве в части борьбы с различными уклонениями от уплаты таможенных платежей.

На основании рассматриваемого Федерального закона Глава 22 УК РФ была дополнена ст. 200-2, предусматривающей ответственность за совершение «контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий». В данной ситуации фактически имеет место частичное «восстановление» декриминализованной в 2011 г. товарной контрабанды (ст. 188 УК РФ). Указанное «восстановление» вполне обосновано, поскольку в настоящее время со стороны государства усиливаются меры противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий.

Несмотря на внесение законодателем указанных изменений, проблемы совершенствования норм, со-

ставляющих Главу 22 УК РФ, фактически остались нерешёнными. В юридической литературе отмечалось, в частности, о проблемах, которые могут возникнуть с применением на практике ст. 193.1 УК РФ, введённой в обозначенную главу в 2013 г. П.С. Яни справедливо отметил сложности, возникающие при понимании как объективной стороны преступления, ответственность за совершение которого установлена рассматриваемой нормой, так и о моменте его окончания [2. С. 31].

Одновременно им же отмечались и сложности, возникающие при практическом применении «антиотмывочных» норм УК РФ (ст. 174, 174.1) [2. С. 29]. Последние изменения в указанные нормы законодателем были внесены в 2013 г. Несмотря на внесение данных изменений, проблемы, возникающие при практическом применении «антиотмывочных» норм, оказались по-прежнему нерешёнными [3. С. 51].

Нерешёнными оказались и проблемы применения на практике ст. 178 УК РФ, охраняющей отношения конкуренции. В 2012 г. А.В. Денисовой справедливо отмечалось «о несоответствии положений ст. 178 УК РФ нормам антимонопольного законодательства» [4. С. 24]. Одновременно она же говорила о «неверном определении законодателем субъекта этого преступления» [5. С. 44]. Таким образом, в рассматриваемой ситуации законодателем оказался нарушен один из важных принципов криминализации деяний в сфере экономической деятельности – принцип согласованности норм уголовного права с положениями охраняемых отраслей права [6. С. 110]. В результате обозначенная уголовно-правовая норма, несмотря на внесение в неё в 2009–2011 гг. изменений и дополнений, по-прежнему оказалась практически неприменимой. Для решения указанных проблем, на основании Федерального закона РФ от 8 марта 2015 г. № 45-ФЗ, в ст. 178 УК РФ законодателем были внесены значительные изменения. В частности, в её новой редакции обозначенная норма озаглавлена «Ограничение конкуренции» вместо «Недопущение, ограничение и устранение конкуренции» в предыдущей редакции. Одновременно изменениям подверглась и диспозиция рассматриваемой нормы – из неё законодателем исключена уголовная ответственность за «ограничение доступа на рынок». Также в новой редакции ст. 178 УК РФ существенно увеличены «крупный» и «особо крупный» размеры как дохода, извлекаемого в результате совершения запрещаемого ею преступления, так и ущерба, причиняемого рассматриваемым преступлением. Таким образом, в указанной редакции наблюдается «сужение» действия данной уголовно-правовой нормы. Обозначенное «сужение», по нашему мнению, следует оценивать с двух сторон. С одной стороны, в результате внесения перечисленных выше поправок имеет место экономия уголовной репрессии, что свидетельствует о некоторой демократизации действующего уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности. С другой – вне зоны действия исследуемого уголовно-правового запрета оказался такой «инструмент» устранения и подавления конку-

ренции, как «ограничение доступа на рынок». Фактически в новой редакции ст. 178 УК РФ предусмотрена ответственность только за «ограничение конкуренции путём заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещённого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации». На наш взгляд, в результате проведённого реформирования возник значительный пробел в уголовном законодательстве, охраняющем общественные отношения в рассматриваемой сфере. Фактически имеет место парадоксальная ситуация, когда внесение изменений приводит, вместо устранения, к появлению пробелов в указанном законодательстве. Таким образом, необходимо дальнейшее совершенствование ст. 178 УК РФ. Представляется, что для устранения обозначенных пробелов необходимо проведение мониторинга практического применения указанного уголовно-правового запрета.

На основании Федерального закона РФ от 30 марта 2015 г. № 67-ФЗ в Главу 22 Уголовного кодекса РФ вновь были внесены изменения. Указанные изменения коснулись ст. 173.1–173.2 УК РФ, устанавливающих ответственность за создание фирм – «однодневок». В результате их внесения существенно «расширено» действие ст. 173.1 – в отличие от предыдущей, в новой её редакции законодатель установил ответственность и за «представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах». Одновременно, в отличие от ранее действовавшей, в новой редакции законодателем существенно изменено и понятие «подставных лиц», имеющее место в Примечании к указанной норме. В частности, в новой редакции Примечания к ст. 173.1 УК РФ, под «подставными лицами» понимаются не только «лица, которые являются учредителями (участниками) юридического лица или органами управления юридического лица и путём введения в заблуждение которых было образовано юридическое лицо», но «либо и лица, без ведома которых были внесены данные о них в единый государственный реестр юридических лиц, а также лица, которые являются органами управления юридического лица, у которых отсутствует цель управления юридическим лицом». Таким образом, в обозначенной редакции законодателем даётся более точная дефиниция указанного элемента. Одновременно данная дефиниция может применяться и к ст. 173.2 УК РФ. На основании рассматриваемого Федерального закона от 30 марта 2015 г. исследуемая норма также подверглась изменениям – в новой её редакции ответственность наступает тогда, когда деяния, указанные в её ч. 1–2, «совершены для внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице». В предыдущей редакции ответственность устанавливалась за «совершение деяний для образования (создания, реорганизации) юридического лица в целях совершения одного или нескольких преступлений, связанных с финансовыми операциями

либо сделками с денежными средствами или иным имуществом». Обозначенный элемент оказался достаточно «размытым», благодаря чему стало возможным прекращение уголовного преследования лиц, виновных в совершении преступлений, ответственность за совершение которых установлена как ст. 173.2 УК РФ, так и ст. 173.1 УК РФ. Таким образом, имел место серьёзный законодательный пробел. Представляется, что в результате внесения рассмотренных изменений данный пробел окажется устранённым, что позволит «оживить» уголовно-правовые нормы, направленные на борьбу с фирмами-«однодневками». На наш взгляд, в обозначенной ситуации необходимо проведение мониторинга практического применения указанных норм.

Рассмотренные примеры являются далеко не единичными. О наличии иных серьёзных пробелов в отечественном уголовном законодательстве, охраняющем общественные отношения в сфере экономической деятельности, высказывают мнение не только учёные-теоретики, но и практические работники. В частности, последними высказывается вполне обоснованное мнение о необходимости установления уголовного ответственности за создание «финансовых пирамид», заметно активизировавшееся в настоящее время [7. С. 3]. Обозначенный уголовно-правовой запрет предлагается озаглавить «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества». Под действие указанного запрета, в случае его принятия, подпадут организаторы привлечения денег граждан, если «выплата дохода лицам, чьи денежные средства или имущество привлечены ранее», осуществляется за счёт новых участников и без осуществления предпринимательской деятельности [8. С. 5]. Таким образом, в результате криминализации деятельности по созданию «финансовых пирамид» может быть ликвидирован один из значительных пробелов, имеющих место в уголовном законодательстве, охраняющем общественные отношения в рассматриваемой сфере.

О необходимости принятия указанных поправок в Уголовный кодекс РФ свидетельствует и то, что «финансовые пирамиды» представляют собой реальную угрозу экономической безопасности государства, поскольку они препятствуют притоку капитала в реальный сектор экономики, «так как граждане, мотивированные обещанием высокого размера дохода», передают свои денежные средства различного рода мошенникам [8. С. 5]. В свою очередь, прекращение выплат обманутым гражданам приводит к различным тяжким последствиям, например, к достаточно серьёзным социальным конфликтам, представляющим, по мнению В.В. Лунеева, «серьёзную угрозу государству» [9. С. 32]. Не менее серьёзную угрозу, на наш взгляд, представляет и подавление конкуренции. В обозначенной ситуации возможен уход отдельных субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность, в «теневую» экономику, что также способно привести к различным серьёзным последствиям, таким как сокращение поступления в бюджеты различных уровней налоговых платежей. По нашему

мнению, не исключается и тот факт, что доходы, полученные в результате «теневой» экономической деятельности, могут быть направлены и на финансирование террористической деятельности.

Таким образом, последствия совершения рассматриваемых преступлений представляют собой значительную угрозу не только экономике, но и безопасности государства. Однако указанный факт законодателем во внимание не принимается. Вносимые им в Главу 22 Уголовного кодекса РФ поправки часто являются как «декларативными», так и «незавершёнными». «Декларативной» поправкой, по нашему мнению, следует рассматривать дополнение УК РФ ст. 200-2, о необходимости которого нами отмечено ранее. Иные вносимые в указанную Главу поправки, несмотря на кажущееся желание законодателя совершенствовать составляющие её нормы, выглядят логически «незавершёнными». Пример тому – последние поправки, внесённые законодателем в ст. 178 УК РФ. Следует отметить, что в результате внесения не только рассмотренных, но и иных поправок в Главу 22 УК РФ по-прежнему имеют место значительные пробелы в уголовном законодательстве, охраняющем общественные отношения в сфере экономической деятельности.

В качестве примера следует привести нормы, устанавливающие уголовную ответственность за отдельные злоупотребления на рынке ценных бумаг. В частности, ст. 185 УК РФ, устанавливающую ответственность за «злоупотребления при эмиссии ценных бумаг». Несмотря на постоянно вносимые законодателем поправки в обозначенную Главу, диспозиция указанной нормы после 2002 г. так и не подверглась им. В результате по-прежнему не ясно, кого следует считать субъектом рассматриваемого преступления [6. С. 165].

Также «проблемной» является и ст. 185.1 УК РФ, которая предусматривает ответственность за «злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах». Диспозиция рассматриваемой нормы – бланкетная, поэтому в целях уяснения состава запрещаемого ею преступления необходимо исходить из положений Федеральных законов РФ «О рынке ценных бумаг» и «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг». В связи с этим за весь период её действия указанная норма ни разу не была применена на практике. Введение её в Главу 22 УК РФ имело целью устранение отдельных пробелов, имеющих место в ст. 185 УК РФ. Однако в результате данной поправки интересы инвесторов по-прежнему оказались незащищёнными. Следует отметить, что в зарубежных странах основным инструментом защиты инвесторов являются именно уголовно-правовые нормы. Не является исключением и Российская Федерация. Нами ранее отмечалось, что для эффективного применения на практике ст. 185.1 УК РФ законодателю следует применительно к ней сформулировать в виде Примечания соответствующий понятийный аппарат, в котором были бы подробно раскрыты некоторые элементы, составляющие её диспозицию [6. С. 170].

Таким образом, несмотря на внесение законодателем указанных поправок, по-прежнему возникает необходимость дальнейшего совершенствования норм, составляющих обозначенную Главу. Данное совершенствование, наряду с внесением изменений и дополнений в уже действующие нормы, возможно и путём криминализации новых деяний, а также путём декриминализации уже запрещённых уголовным законом деяний. Для правильного решения поставленной выше проблемы законодатель обязан принять во внимание мнение не только учёных-теоретиков, но и практических работников. В результате проведённого в ходе настоящего исследования анализа поправок, внесённых законодателем в отдельные нормы, составляющие Главу 22 УК РФ, складывается мнение, что последний при решении вопроса о внесении обозначенных поправок руководствовался исключительно собственной интуицией, часто не учитывающей социально-экономическую ситуацию, сложившуюся на момент принятия указанного решения. Нами отмечалось, что данная ситуация свидетельствует о несоблюдении законодателем такого важного принципа криминализации деяний, как принцип научного подхода к криминализации последних [6. С. 98]. Результат – имеющие место логически незавершённые поправки, внесённые в нормы, составляющие рассматриваемую Главу.

Пример последних – внесённые законодателем во II полугодии 2013 г. поправки в ст. 189–190 УК РФ. В результате их внесения по-прежнему не ясно, в каком случае возможно практическое применение указанных норм. Ранее нами уже вносились отдельные предложения по их совершенствованию. В частности, для «оживления» ст. 189 УК РФ предлагалось в диспозицию обозначенной нормы включить разделительные союзы «или» между перечисленными в ней действиями [6. С. 168]. Для устранения затруднений, которые могут возникнуть с применением на практике ст. 190 УК РФ, необходимо дополнить рассматриваемую норму Примечанием, в котором содержится дефиниция «культурные ценности».

Наряду с внесением научно обоснованных поправок в нормы, составляющие Главу 22 УК РФ, в процессе совершенствования указанной Главы не исключена и криминализация новых деяний. Представляется, что введение уголовной ответственности за создание «финансовых пирамид» окажется не единственным направлением указанной криминализации. Нами ранее отмечалось о необходимости криминализации как промышленного шпионажа, так и иных деяний, посягающих на отношения конкуренции [6. С. 70]. Одновременно не исключается криминализация и других деяний, посягающих на указанные отношения. В целях правильного решения обозначенной проблемы необходимо постоянное проведение мониторинга криминогенной ситуации в сфере экономической деятельности. Проведение данного мониторинга невозможно без привлечения учёных. Как показывает практика, игнорирование их мнения приводит к «перегрузке» уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в рассматриваемой сфере,

практически неприменимыми нормами, что делает указанное законодательство неэффективным [9. С. 38].

Таким образом, во избежание обозначенной «перегрузки» возможна и декриминализация отдельных деяний, ответственность за совершение которых установлена нормами Главы 22 УК РФ. Как и в предыдущем случае, необходимо проведение мониторинга криминогенной ситуации в рассматриваемой сфере с обязательным принятием во внимание мнения учёных и практических работников. В ходе проведённого нами анкетирования 148 судей в городе Томске, Кемерово и Новосибирске последние единогласно высказались именно за декриминализацию отдельных деяний, ответственность за совершение которых установлена нормами, составляющими обозначенную главу УК РФ [6. С. 122]. На наш взгляд, приведённое мнение вполне обоснованно, поскольку в результате указанной декриминализации возможна либерализация уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности. Одновременно, благодаря обозначенной декриминализации, возможно избежать и конкуренции между отдельными нормами Уголовного кодекса РФ. Пример – ст. 169 УК РФ, запрещающая воспрепятствование законной предпринимательской деятельности. Рассматриваемая норма является специальной по отношению к ст. 285 УК РФ, устанавливающей ответственность за совершение должностного преступления. В указанной ситуации окажется неизбежной конкуренция между данными уголовно-правовыми нормами. По нашему мнению, возможна декриминализация деяния, запрещённого ст. 169 УК РФ, с одновременным внесением необходимых изменений и дополнений в ст. 285 УК РФ. Представляется, что аналогичным способом возможна декриминализация и «регистрации незаконных сделок с землёй», запрещённой ст. 170 УК РФ.

Одновременно в перспективе не исключается декриминализация и иных деяний. На наш взгляд, в связи с дополнением Уголовного кодекса РФ ст. 159.1, устанавливающей ответственность за совершение мошенничества в сфере кредитования, возникнет необходимость в декриминализации «незаконного получения кредита», запрещённого ст. 176 УК РФ. В результате анализа последней из указанных норм Уголовного кодекса РФ возможно сделать вывод, что деяние, запрещаемое ею, является разновидностью собственности. При этом любопытна ситуация, когда лицо, которое имеет умысел на получение обманным путём кредита в размере 1,5 миллиона рублей, во избежание привлечения его к уголовной ответственности по ст. 176 УК РФ может зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя, поскольку применение ст. 159.1 УК РФ возможно только тогда, когда сумма кредита, полученного незаконным путём, превысит указанный размер. В случае получения обманным путём кредита лицом, не являющимся индивидуальным предпринимателем, до дополнения Уголовного кодекса РФ ст. 159.1 данное лицо можно бы-

ло привлечь к уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ, т.е. за совершение мошенничества. В связи с этим, ст. 176 УК РФ оказалась практически неприменимой. Также указанной уголовно-правовой нормой решаются искусственно созданные задачи, которые противоречат уголовно-правовым принципам вины и справедливости, отражённым в ст. 5–6 УК РФ [6. С. 55]. Одновременно, в отличие от ст. 176 УК РФ, ст. 159.1 УК РФ имеет более «широкую» зону действия и является более эффективной.

Также представляется возможной и декриминализация «злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности», ответственность за совершение которого установлена ст. 177 УК РФ. Рассматриваемая норма является специальной по отношению к ст. 315 УК РФ, которой установлена ответственность за преступление против правосудия – «неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта». Таким образом, не исключается и конкуренция между указанными нормами. На наш взгляд, в обозначенной ситуации законодателю следует внести необходимые изменения и дополнения в диспозицию ст. 315 УК РФ. В результате исключение из УК РФ ст. 177 станет обоснованным.

По нашему мнению, реально исключение из УК РФ и ст. 179, устанавливающей ответственность за совершение такого деяния, как «принуждение к совершению сделки или к отказу от её совершения», являющегося разновидностью запрещаемого ст. 163 УК РФ вымогательства. Проанализировав диспозицию ст. 179 УК РФ, следует отметить, что обозначенная норма, как и ст. 176 УК РФ, решает искусственно созданную задачу, что входит в противоречие с отражённым в ст. 5 УК РФ принципом вины в уголовном праве. Рассматриваемая ситуация свидетельствует об ошибке законодателя, которая заключается в формулировании для надлежащей охраны общественных отношений, возникающих в сфере экономической деятельности, как можно большего количества уголовно-правовых запретов. Результат – парадоксальная ситуация, когда из постоянно увеличивающегося количества указанных уголовно-правовых запретов наиболее частое практическое применение получили только 5 (!) из них: незаконное предпринимательство (ст. 171); изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186); незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191); уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица (ст. 198); уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации (ст. 199). Остальные же уголовно-правовые запреты, составляющие главу 22 УК РФ, либо применялись очень редко, либо вообще не применялись. Данная ситуация, по мнению практических работников, обусловлена точностью формулирования составов в диспозициях уголовно-правовых норм, запрещающих указанные деяния. В иных случаях у практических работников возникали определённые затруднения при применении «проблемных» норм, составляющих обозначенную главу. По мнению последних, это обусловлено существованием в диспози-

циях большинства уголовно-правовых норм, охраняющих общественные отношения в сфере экономической деятельности, большого количества как пробелов, так и противоречий [6. С. 180]. Некоторые результаты такой «деятельности» законодателя нами рассматривались и в ходе настоящего исследования.

Таким образом, проблемы дальнейшего совершенствования уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, невозможно решать путём исключительно криминализации деяний либо путём исключительно декриминализации деяний. В первом случае возникает опасность появления не только практически неприменимых и «мёртвождённых» новелл, но и новелл, являющихся по своей сути «карательными», что не способствует эффективной охране указанных общественных отношений. В случае же декриминализации возможно даже исключение уголовно-правового запрета, необходимого для эффективной борьбы с преступлениями рассматриваемой группы. Пример – декриминализация в 2011 г. «товарной» контрабанды. Впоследствии обозначенный уголовно-правовой запрет оказался частично «восстановлен» законодателем в 2013–2014 гг. Во избежание указанных законодательных «ошибок» необходимо постоянное проведение мониторинга не только криминальной ситуации в рассматриваемой сфере, но и уже действующих уголовно-правовых запретов, составляющих Главу 22 Уголовного кодекса РФ. Исходя из этого, возможно установление наиболее оптимального соотношения объёмов как криминализации, так и декриминализации деяний в сфере экономической деятельности. При этом в результате «расширения» криминализации деяний и, соответственно, уголовно-правового вмешательства в охраняемую сферу возможно ухудшение ситуации в отечественной эконо-

мике, поскольку большая часть осуществляющих экономическую деятельность субъектов вынуждена будет уйти в «теневую экономику», что приведёт к существенному сокращению как поступлений налоговых платежей в бюджеты различных уровней, так и количества рабочих мест. По нашему мнению, в новых социально-экономических условиях правильное решение проблем дальнейшего совершенствования Главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации возможно путём именно декриминализации отдельных деяний, ответственность за совершение которых установлена составляющими её нормами. Одновременно в обозначенных условиях необходимо пересмотреть и санкции, установленные за совершение преступлений рассматриваемой группы. Об этом же отмечалось судьями Томска, Кемерово и Новосибирска. Согласно их мнению, установленные Уголовным кодексом РФ 1996 г. наказания за совершение преступлений в сфере экономической деятельности по строгости не отличаются от наказаний, которые были установлены Уголовным кодексом РСФСР 1960 г. за совершение аналогичных преступлений. Также, по их мнению, в рассматриваемой ситуации наиболее строгое наказание не даст желаемого эффекта, поскольку изоляция лиц, совершивших преступления рассматриваемой группы даже на длительные сроки, позволит последним «сохранить» доходы, полученные ими в результате совершения указанных преступлений. Представляется, что для наиболее эффективной борьбы с преступлениями в сфере экономической деятельности за совершение их законодателю следует устанавливать наказания, альтернативные лишению свободы, например денежные штрафы. Одновременно за совершение указанных преступлений не исключается установление законодателем и иных наказаний, альтернативных лишению свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теллин Д., Осипов Н. Привлечение к уголовной ответственности организатора незаконных азартных игр // Законность. 2012. № 8. С. 28–32.
2. Яни П.С. Изменения уголовно-экономического законодательства // Законность. 2014. № 2. С. 28–32.
3. Ляскало А.Н. Спорные вопросы соотношения предикатных преступлений и легализации (отмывания) преступных доходов // Законодательство. 2014. № 3. С. 51–57.
4. Денисова А.В. Уголовно-правовая защита конкуренции // Российская юстиция. 2012. № 11. С. 23–24.
5. Денисова А.В. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции: субъект преступления // Уголовное право. 2015. № 1. С. 44–47.
6. Лозинский И.В. Проблемы реализации принципов криминализации и положений законодательной техники применительно к нормам Главы 22 УК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. 231 с.
7. Григорьева Е. Следствием установлено // Российская газета. 2015. 27 февраля. С. 3.
8. Козлова Н. Уголовный кодекс против фараонов // Российская газета. 2014. 4 сентября. С. 5.
9. Лунев В.В. Проблемы противодействия экономической преступности // Государство и право. 2014. № 2. С. 32–40.

Статья представлена научной редакцией «Право» 19 апреля 2015 г.

ON THE PROBLEM OF FURTHER DEVELOPMENT OF CHAPTER 22 IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 129–135. DOI: 10.17223/15617793/396/23

Lozinsky Igor V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lozin@mail.tsu.ru

Keywords: development; Criminal Code of the Russian Federation; crimes in the sphere of economic activity.

Chapter 22 of the Criminal Code of the RF protecting social relations in the sphere of economic activity within the second half-year of 2014 and March 2015 has been considerably amended by the legislator. Under the Federal Law of 21 July 2014 No. 218-FZ, the indicated Chapter has been supplemented with Article 172.1 that establishes the responsibility for ‘falsification in fiscal accounting and finance organization accountability’. According to the Federal Law of 21 July 2014 No. 277-FZ, Chapter 22 of the Criminal Code of the RF has been amended by introducing Article 191.1 that establishes the responsibility for “illegally obtained, stored,

transported, processed timber for the distribution purpose⁷. In compliance with Federal Laws of 22 December 2014 No. 430-FZ, 31 December 2014 No. 530-FZ, 8 March 2015 No. 45-FZ, 30 March 2015 No. 67-FZ, significant changes were made into the disposition of Articles 171.1, 171.2, 173.1, 173.2, 178, 180 and 194 of the CC of the RF. By the Federal Law of 31 December 2014, Article 200.2 was introduced in the Chapter which establishes responsibility for ‘smuggling alcoholic and tobacco goods’ and it was decriminalized in December 2011. Despite the amendments, Chapter 22 of the Criminal Code of the RF still has serious gaps, for example, the lack of a regulation aimed at establishing criminal responsibility for ‘financial pyramid schemes’. The necessity of the criminal responsibility for such acts is pointed out by both jurists and legal practitioners. Simultaneously, following the indicated legislative amendments, some problems concerning the development of other regulations in Chapter 22 of the CC of the RF appeared to be unsolved. In particular, there were no changes either introduced in the disposition of ‘anti-laundering’ legal norms (Articles 174–174.1 of the CC of the RF) and in the disposition of Article 193.1 of the CC of the RF in spite of their complexity in practice application. There also exist problems arising in the practical application of Articles 185, 185.1, 189–190 of the CC of the RF. To solve the problems of further development of Chapter 22 of the CC of the RF, the optimal ratio both for criminalization and decriminalization of acts in the sphere provided by the Chapter can be presented. In jurists’ and legal practitioners’ views, within new, social and economic conditions decriminalization of some acts must prevail where the responsibility for them is fixed by the regulations included into this Chapter. At the same time, under the following conditions it is important to revise punishment imposed for the crimes in the sphere of economic activity. For more effective measures to combat those crimes, the legislator must stipulate punishment that can serve an alternative to imprisonment.

REFERENCES

1. Tellin, D. & Osipov, N. (2012) Privlechenie k ugovnoy otvetstvennosti organizatora nezakonnykh azartnykh igr [Criminal liability of the organizer of illegal gambling]. *Zakonnost'*. 8. pp. 28–32.
2. Yani, P.S. (2014) Izmeneniya ugovno-ekonomicheskogo zakonodatel'stva [Changes in criminal economy laws]. *Zakonnost'*. 2. pp. 28–32.
3. Lyaskalo, A.N. (2014) Spornye voprosy sootnosheniya predikatnykh prestupleniy i legalizatsii (otmyvaniya) prestupnykh dokhodov [Contentious issues of relation of predicate offenses and legalization (laundering) of criminal incomes]. *Zakonodatel'stvo*. 3. pp. 51–57.
4. Denisova, A.V. (2012) Criminal-legal protection of competition. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 11. pp. 23–24.
5. Denisova, A.V. (2015) Nedopushchenie, ogranichenie ili ustranenie konkurentsii: sub'ekt prestupleniya [Prevention, restriction or elimination of competition: the perpetrator]. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 44–47.
6. Lozinskiy, I.V. (2010) *Problemy realizatsii printsiptov kriminalizatsii i polozeniy zakonodatel'noy tekhniki primenitel'no k normam Glavy 22 UK RF* [Problems of implementation of the principles of criminalization and provisions of legislative technique in relation to the norms of Chapter 22 of the RF Criminal Code]. Law Cand. Diss. Tomsk.
7. Grigor'eva, E. (2015) Sledstviem ustanovleno [Investigation established]. *Rossiyskaya gazeta*. 27 February. p. 3.
8. Kozlova, N. (2014) Ugolovnyy kodeks protiv faraonov [The Criminal Code against the Pharaohs]. *Rossiyskaya gazeta*. 4 September. p. 5.
9. Lunev, V.V. (2014) Problemy protivodeystviya ekonomicheskoy prestupnosti [Problems of counteraction to economic crimes]. *Gosudarstvo i pravo*. 2. pp. 32–40.

Received: 19 April 2015

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ И ПРЕДМЕТЕ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ

Анализируются объект и предмет мошенничества в сфере страхования с целью получения ответа на вопрос об уголовно-правовой направленности нормы, устанавливающей ответственность за мошенничество в сфере страхования (ст. 159⁵ УК РФ). В заключение предлагаются меры по совершенствованию уголовного законодательства путем корректировки диспозиции ст. 159⁵ УК РФ.

Ключевые слова: мошенничество; мошенничество в сфере страхования; предмет мошенничества в сфере страхования.

Мошенничество в сфере страхования как явление действительности отнюдь не ново, однако периодом активизации преступности в сфере страхования (в том числе и мошеннических посягательств на собственность страховых организаций) в отечественной истории принято считать именно конец 1990-х гг. Значительно возрос удельный вес данных преступлений с вступлением в силу в 2002 г. закона, обязавшего владельцев транспортных средств страховать свою гражданскую ответственность.

Как до принятия указанного нормативно-правового акта, так и в течение последующих 10 лет ответственность лиц, получающих путем обмана денежные средства страховых организаций, выплачиваемые в качестве страхового возмещения, наступала по ст. 159 УК РФ Мошенничество.

Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» дополнил Уголовный кодекс РФ рядом новых составов преступлений, среди которых ст. 159⁵ УК РФ «Мошенничество в сфере страхования». С момента вступления в силу данных поправок встал ряд вопросов: что же охраняется данной нормой, чем обоснована проведенная дифференциация ответственности за мошеннические посягательства, каким образом проводить разграничение данных составов между собой и с общей нормой о мошенничестве, не является ли данный федеральный закон «слепым» заимствованием зарубежных уголовно-правовых норм и т.п.

Ввиду ограниченности объема статьи не представляется возможным дать ответы на все возникшие вопросы. В данной публикации мы попытаемся через призму объекта мошенничества в сфере страхования ответить на вопрос об уголовно-правовой направленности статьи, устанавливающей ответственность за мошенничество в сфере страхования, и предложить вариант совершенствования уголовного законодательства касательно рассмотренного аспекта.

Значимость определения объекта преступления не вызывает споров, равно как и устоявшаяся в теории уголовного права классификация объекта по широте круга общественных отношений, на которые происходит воздействие, на общий, родовой, видовой и непосредственный объекты.

Расположение ст. 159⁵ УК РФ в разделе VIII Особенной части УК РФ свидетельствует о том, что родовым объектом анализируемого состава преступления

являются общественные отношения, охраняющие экономическую составляющую сферы общественных отношений. Размещение данного состава преступления именно в указанном разделе вызвано тем фактором, что страхование относится к сфере экономической деятельности и правоотношения в сфере страхования имеют под собой экономическую составляющую.

Так, в соответствии с Законом РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации», одной из задач страхования является установление принципов страхования и формирование механизмов страхования, обеспечивающих экономическую безопасность граждан и хозяйствующих субъектов на территории Российской Федерации.

Говоря об экономической составляющей сферы страхования, можно отметить, что, в соответствии со ст. 2 вышеупомянутого закона, под страхованием понимаются «отношения по защите интересов физических и юридических лиц Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при наступлении определенных страховых случаев за счет денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счет иных средств страховщиков».

Логичным выводом из данной дефиниции будет то, что сфера страхования как объект уголовно-правовой охраны является одной из экономических составляющих сферы общественных отношений.

Видовой объект состава преступления, предусмотренного ст. 159⁵ УК РФ, включает в себя общественные отношения по производству, распределению, обмену и потреблению материальных благ, а также правомочия страховых организаций по владению, пользованию и распоряжению своим имуществом. В данном случае мы исходим из размещения ст. 159⁵ УК РФ в гл. 21 УК РФ, охраняющей правомочия собственников, к каковым, в соответствии с Гражданским законодательством РФ, традиционно относятся права владения, пользования и распоряжения своим имуществом.

Говоря о сфере страхования как объекте уголовно-правовой охраны, следует отметить, что нормативную основу отношений между лицами, осуществляющими виды деятельности в сфере страхового дела или с их участием, а также отношений по осуществлению надзора за деятельностью субъектов страхового дела, а также иных отношений, связанных с организацией

страхового дела, составляют положения Гражданского кодекса РФ, Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации», Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», а также ряда других законов и подзаконных актов.

Необходимо понимать, что непосредственный объект может совпадать с родовым по форме собственности и совокупности правомочий собственника, но он всегда отличается от родового объемом общественных отношений собственности, которым причиняется вред, нормальное функционирование которых нарушается при совершении преступления. Указание же на конкретную форму собственности лишь конкретизирует субъекта общественных отношений, но не обозначает их объем. В этой связи следует согласиться с Л.Д. Гаухманом, который отмечает, что общественные отношения первичны и нарушаются преступлением в конечном счете, тогда как право собственности (и, соответственно, его форма) – вторичны и нарушаются как бы «попутно» [1. С. 184].

Наша точка зрения состоит в том, что непосредственным объектом мошенничества в сфере страхования являются общественные отношения по охране правомочий страховщиков по владению, пользованию и распоряжению имуществом, принадлежащим им на праве собственности.

Для раскрытия сути общественных отношений, охраняемых ст. 159⁵ УК РФ, признаем необходимым последовательно проанализировать такие категории, как «страховщик» (страховая организация), «имущество страховщика», а также «правомочия страховщика по распоряжению имуществом, принадлежащим ему на праве собственности».

Гражданский кодекс РФ в ст. 938 определяет, что в качестве страховщиков договоры страхования могут заключать юридические лица, имеющие разрешения (лицензии) на осуществление страхования соответствующего вида.

В свою очередь, под страховщиками в соответствии со ст. 6 Закона РФ № 4015-1 понимаются страховые организации и общества взаимного страхования, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации для осуществления деятельности по страхованию, перестрахованию, взаимному страхованию и получившие лицензии на осуществление соответствующего вида страховой деятельности в установленном порядке.

Таким образом, для целей уголовно-правовой науки имеют значение два ключевых признака страховщика: организационно-правовая форма юридического лица и полученная в установленном законодательством порядке лицензия на право осуществления страховой деятельности.

Говоря об имуществе страховщика, отметим, что имущество, принадлежащее страховщику на праве собственности, именуется страховыми резервами. Анализ страхового законодательства позволяет выделить три источника формирования данных страховых резервов:

1. Собственный капитал (собственные средства страховой организации), формируемый, в свою очередь, за счет взносов учредителей и за счет получаемой прибыли.
2. Страховые взносы страхователей.
3. Доходы от инвестиционной деятельности.

Отметим, что в отношении данного имущества страховая организация имеет правомочия собственника, под которыми традиционно понимается право владения, пользования и распоряжения.

Под правом владения применительно к ст. 159⁵ УК РФ понимается возможность удержания вещи во владении страховщика (фактическое обладание денежными средствами, находящимися у страховой организации). Право распоряжения имуществом страховой организации характеризуется возможностью изменять принадлежность, отчуждать данное имущество (выплачивать в качестве страхового возмещения, использовать в текущих расходных операциях и т.п.). Право пользования имуществом страховой организации означает возможность извлечения из данного имущества доходов и иных полезных свойств (размещение данного имущества в качестве инвестиций).

Так, в соответствии с Указаниями Банка России от 16 ноября 2014 г. № 3445-У страховщики инвестируют собственные средства (капитал) в следующие виды активов:

- государственные ценные бумаги Российской Федерации и ценные бумаги, исполнение обязательств по которым гарантировано Российской Федерацией (в том числе путем гарантирования исполнения обязательств, вытекающих из банковских гарантий и (или) поручительств, обеспечивающих исполнение обязательств, вытекающих из указанных ценных бумаг);
- государственные ценные бумаги субъектов Российской Федерации;
- муниципальные ценные бумаги и т.п. [2].

Следует отметить, что существует точка зрения, согласно которой непосредственным объектом мошенничества в сфере страхования выступают отношения собственности, а дополнительным объектом – отношения в сфере страхования [3. С. 105]. Мы склонны не согласиться с данным утверждением, основываясь на следующих аргументах:

Во-первых, наименование ст. 159⁵ УК РФ «Мошенничество в сфере страхования» является своеобразным ориентиром и само по себе направляет нас на непосредственный объект, охраняемый данной нормой.

Во-вторых, целью появления ст. 159⁵ УК РФ является дифференциация ответственности за мошеннические посягательства, совершаемые именно в сфере страхования, о чем свидетельствует пояснительная записка к законопроекту [4].

В-третьих, следует иметь в виду более узкий круг правоотношений, охраняемый данной нормой, тогда

как причисление к непосредственному объекту отношений собственности не позволит в полной мере разграничить общую норму о мошенничестве и специальную норму о страховом мошенничестве.

Говоря о дополнительном объекте преступления, мы обращаемся к устоявшейся в теории уголовного права так называемой классификации объектов преступления по горизонтали. В данном случае речь принято вести в первую очередь о сложных преступлениях, конструкция которых включает в себя два и более объекта, вследствие чего выделяется основной и дополнительный объект. Отметим, что критерием такого выделения служит не значимость объекта, а общая направленность деяния [5. С. 215].

Дополнительный объект, в свою очередь, может быть обязательным или факультативным. Обязательный объект прямо закреплён в диспозиции соответствующей уголовно-правовой нормы ввиду того, что при совершении некоторых преступлений помимо основного объекта неизбежно ставится в опасность причинение вреда еще в какой-либо сфере общественных отношений. Факультативный объект, в свою очередь, в статье не указывается либо указывается в альтернативной форме. В первом случае он выступает обстоятельством, влияющим на назначение наказания, во втором – основанием уголовной ответственности будет причинение вреда любому из названных объектов, даже если другим объектам вреда не причиняется [6. С. 104]. Поддерживая данные утверждения, необходимо отметить тот факт, что факультативный объект, не являясь необходимым элементом соответствующего состава преступления, в определенных случаях влияет на повышение степени общественной опасности совершенного преступления.

С учетом вышеизложенного, резюмируем, что дополнительного обязательного объекта в рассматриваемой нами норме нет, поскольку ст. 159⁵ УК РФ направлена исключительно на защиту одного объекта, каковым выступают полномочия собственника страховой организации.

В то же время, осознавая повышенную общественную опасность мошенничества в сфере страхования, совершаемого лицом с использованием своего служебного положения, законодатель признал данное обстоятельство квалифицирующим и закономерно закрепил в ч. 3 ст. 159⁵ УК РФ повышенную уголовную ответственность за такое деяние. Данное обстоятельство позволяет нам утверждать тот факт, что факультативным объектом рассматриваемого нами преступления выступают общественные отношения, охраняющие:

- 1) интересы службы в коммерческих и иных организациях;
- 2) нормальную деятельность конкретного звена публичного аппарата управления в лице:
 - государственных органов;
 - органов местного самоуправления;
 - государственных и муниципальных учреждений.

Говоря об интересах службы в коммерческих и иных организациях как факультативном объекте мошенничества в сфере страхования, следует указать, к

примеру, случаи злоупотребления сотрудниками страховых организаций при заключении договоров страхования «задним числом», т.е. после наступления страхового случая. В данном случае указанные должностные лица коммерческих организаций используют свои полномочия по оформлению договоров страхования вопреки интересам службы.

Интересы службы в коммерческих организациях ставятся под угрозу, к примеру, при выдаче служащим экспертной организации заведомо ложного экспертного заключения по значимым для решения вопроса о выплате страхового возмещения фактам. К данным фактам относятся оценка стоимости восстановления застрахованного имущества, наличие в конкретной ситуации оснований для страховой выплаты и т.п.

Посягательство на нормальную деятельность государственных и муниципальных учреждений как факультативный объект мошенничества в сфере страхования происходит, к примеру, при заведомо незаконной выдаче листка нетрудоспособности лицу, намеревающемуся получить по данному документу страховую выплату. В данном случае работник, к примеру муниципального медицинского учреждения, использует полномочия по выдаче больничных листов вопреки интересам службы в муниципальном учреждении.

Рассматривая точку зрения И.В. Кузнецова о том, что предмет преступления имеет значение признака не во всех составах преступлений, а лишь в тех, когда на его необходимость указывает соответствующая уголовно-правовая норма [7. С. 32], следует отметить, что для преступлений, непосредственным объектом которых выступают общественные отношения по охране правомочий собственника, установление предмета является первостепенной задачей.

Мошенничество, ответственность за которое предусмотрена ст. 159⁵ УК РФ, о чем уже было сказано, относится к преступлениям против собственности. С учетом данного обстоятельства следует указать точку зрения Н.В. Вишняковой о том, что предметом преступлений против собственности является чужое, обладающее экономической стоимостью, не изъятое из гражданского оборота (преимущественно не ограниченное в обороте) имущество, составляющее объект права собственности [8. С. 6].

Для того чтобы стать предметом преступления, ответственность за которое закреплена ст. 159⁵ УК РФ, имущество должно обладать рядом обязательных свойств (признаков).

1. Материальность – предмет мошенничества в сфере страхования является частью материального мира, обладает признаком вещи. Данный признак наиболее актуален для преступлений, посягающих на интеллектуальную собственность, компьютерных преступлений и ряда иных составов. Применительно к преступлениям против собственности относительно признака «материальности» споров, как правило, не возникает.

2. Экономический (социальный) признак, означающий, что:

– предметом мошенничества в сфере страхования может быть только такая вещь, которая имеет определенную экономическую ценность;

– предметом мошенничества в сфере страхования может быть только такая вещь, в которую вложен труд человека. Данный признак имеет существенное значение при ограничении хищений от ряда экологических преступлений (ст. 256, 258, 260 УК РФ и т.п.).

3. Юридический признак имущества как предмета мошенничества в сфере страхования означает, что данное имущество является чужим и лицо, совершающее хищение путем обмана, знает о том, что не имеет никакого права на это имущество (действительного или предполагаемого).

Ранее нами был приведен ряд доводов, обосновывающих позицию о правомочиях страховой организации как непосредственном объекте ст. 159⁵ УК РФ. В контексте вопроса о предмете мошенничества в сфере страхования позволим себе указать их повторно, не раскрывая суть:

– наименование статьи «Мошенничество в сфере страхования» как целевой ориентир;

– сущность дифференциации ответственности за мошенничество, подразумевающая наличие отличий в дифференцируемых составах, в частности в объективных признаках;

– более узкий круг правоотношений, охраняемый ст. 159⁵ УК РФ, в сравнении с общей нормой о мошенничестве.

Логичным умозаключением из вышеизложенного является то, что предмет мошенничества в сфере страхования будет отличным от предмета общего состава мошенничества. Наша точка зрения состоит в том, что предметом преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 159⁵ УК РФ, является имущество страховщика, выплачиваемое в качестве страхового возмещения.

Кроме вышеизложенных аргументов, уместным считаем привести точку зрения В. Тюнина, согласно которой «...потерпевшей стороной (по ст. 159⁵ УК РФ. – *Авт.*) является страховщик – организация, осуществляющая страхование» [9. С. 39]. Причисление к потерпевшему исключительно страховой организации является вполне оправданным и соответствующим целям дифференциации ответственности за мошенничество суждением. Исходя из данного положения, можно сделать вывод и о предмете мошенничества в сфере страхования, каковым будет имущество страховой организации.

Таким образом, с учетом вышеизложенных обстоятельств, предметом преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 159⁵ УК РФ, необходимо считать имущество страховщика. В то же время в диспозиции анализируемой нормы содержится формулировка «чужого имущества».

По нашему мнению, данная формулировка признается оправданной в том случае, когда объективно существуют различные вариации предмета преступления. В случае же с мошенничеством в сфере страхования предмет преступления строго определен и не предполагает возможности выступления в качестве предмета какого-либо имущества помимо имущества страховщика.

Основываясь на указанных выше аргументах, с учетом требований законодательной техники, а также в целях разграничения общей нормы о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) и специальной нормы о мошенничестве в сфере страхования (ст. 159⁵ УК РФ), признаем целесообразным изменение диспозиции ст. 159⁵ УК РФ путем замены формулировки «чужое имущество» на «имущество страховщика».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная* : учеб. / под общ. ред. проф. Л.Д. Гаухмана, проф. Л.М. Колодкина и проф. С.В. Максимова. М. : Юриспруденция, 1999. С. 184.
2. *О порядке инвестирования собственных средств (капитала) страховщика и перечне разрешенных для инвестирования активов*: указание Банка России от 16.11.2014 № 3445-У // Вестник Банка России. 2014. № 114.
3. *Уголовное право. Особенная часть* : учеб. пособие / Н.В. Вишнякова, О.Н. Расшупкина. Омск, 2013. С. 105.
4. *О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части дифференциации мошенничества на отдельные составы)*: законопроект № 53700-6. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%20%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=53700-6&02>
5. *Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1* : Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002. С. 215.
6. *Уголовное право Российской Федерации. Общая часть* / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2005. С. 104.
7. *Кузнецов И.В.* Понятие и виды предметов преступлений в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 32.
8. *Вишнякова Н.В.* Объект и предмет преступлений против собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 6.
9. *Тюнин В.* «Реструктуризация» уголовного законодательства об ответственности за мошенничество // Уголовное право. 2013. № 2. С. 39.

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 мая 2015 г.

THE OBJECT AND THE SUBJECT OF FRAUD IN INSURANCE

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 136–140. DOI: 10.17223/15617793/396/24

Maslov Villi A. Ural's Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: villi@e1.ru

Keywords: fraud; fraud in insurance industry; subject of fraud in insurance.

The Federal Law of November 29, 2012 no. 207 “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” added a number of new offenses to the Criminal Code of the Russian Federation, including Art. 159.5 of the Criminal Code “Fraud in the Insurance Industry”. Insurance means “attitude to protect the interests of individuals and legal entities, of the Russian Federation, subjects of the Russian Federation and municipal entities upon the occurrence of certain insurance claims due to monetary funds formed by insurers from paid insurance premiums (insurance fee), as well as by other funds of insurers”. The conclusion of this definition is that the scope of insurance as an object of criminal law protection is one of the

components of the economic sphere of social relations. The direct object of fraud in the insurance industry is public relations in the sphere of protection of the powers of insurers to own, use and dispose of property belonging to them by the right of ownership. It is established that for the purposes of criminal law theory two key attributes of the insurer are essential: the legal form of a legal entity and the license for insurance activity received in accordance with legislation. It is noted that there is a point of view that the direct object of fraud in the insurance industry is property relations and the additional object relations in the field of insurance. The author does not agree with this statement based on a number of arguments. In view of the circumstances discussed, it is concluded that the object of the crime responsibility for which is provided by Art. 159.5 of the RF Criminal Code must be the property of the insurer. At the same time, the disposition of the analyzed legal norm contains the phrase “other people’s property”. This wording is recognized as justified when there are different variations of the subject of the crime. In case of fraud in the insurance industry, the subject of crime is strictly defined and does not imply a different object other than the assets of the insurer. The author makes a substantiated conclusion about the desirability of changing the disposition of Art. 159.5 of the RF Criminal Code by replacing the phrase “people’s property” to “property of the insurer”.

REFERENCES

1. Gaukhman, L.D., Kolodkin, L.M. & Maksimov, S.V. (eds.) (1999) *Ugolovnoe pravo: Chast' Obshchaya. Chast' Osobennaya* [Criminal Law: General Part. Special Part]. Moscow: Yurisprudentsiya.
2. The Bank of Russia. (2014) O poryadke investirovaniya sobstvennykh sredstv (kapitala) strakhovshchika i perechne razreshennykh dlya investirovaniya aktivov: ukazanie Banka Rossii ot 16.11.2014 № 3445-U [On the procedure of investment of the insurer’s own funds (capital) and the list of assets allowed for investment: Order of the Bank of Russia of 16.11.2014 No. 3445-U]. *Vestnik Banka Rossii*. 114.
3. Vishnyakova N.V. & Rasshchupkina, O.N. (2013) *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal Law. Special Part]. Omsk: OMA MVD Rossii.
4. Russian Federation. (n.d.) Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation (the differentiation of fraud for certain elements): Bill No. 53700-6. [Online]. Available from: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%20%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=53700-6&02>. (In Russian).
5. Kuznetsova, N.F. & Tyazhkova, I.M. (eds.) (2002) *Kurs ugovolnogo prava. Obshchaya chast'* [The course of the criminal law. General part]. Vol. 1: *Uchenie o prestuplenii* [The doctrine of the crime]. Moscow: Zertsalo.
6. Inogamova-Khegay, L.V., Rarog, A.I. & Chuchaev, A.I. (eds.) (2005) *Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya chast'* [Criminal Law of the Russian Federation. General part]. Moscow: Kontrakt, Infra-M.
7. Kuznetsov, I.V. (2007) *Ponyatie i vidy predmetov prestupleniy v ugovolnom prave Rossii* [Concept and types of objects of crimes in the criminal law of Russia]. Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
8. Vishnyakova, N.V. (2003) *Ob'ekt i predmet prestupleniy protiv sobstvennosti* [The object and subject of crimes against property]. Abstract of Law Cand. Diss. Omsk.
9. Tyunin, V. (2013) “Restrukturizatsiya” ugovolnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za moshennichestvo [“Restructuring” of the criminal legislation on liability for fraud]. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 35–41.

Received: 15 May 2015

О ПУТЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОЦЕДУРЫ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Анализируется проект Федерального закона № 272128-6, подготовленный Пленумом Верховного Суда России. Аргументируется вывод, что новый закон, если будет принят, кардинально не изменит к лучшему правовое регулирование в стадии судебного разбирательства. Господство следственной идеологии не позволит реформировать уголовное судопроизводство. Делается вывод, что необходимо решительнее переходить к построению новой теории доказательств, основанной на состязательной идеологии.

Ключевые слова: судебное следствие; доказывание; формирование доказательств; проект Федерального закона № 272128-6.

Уровень развития уголовно-процессуального права не может быть выше уровня развития уголовно-процессуальной науки. Социально-политический строй сменился, уголовно-процессуальное законодательство тоже, а следственные стереотипы по-прежнему определяют образ мыслей отечественных ученых. Они вполне согласны с тем, что уголовно-процессуальное доказывание имеет место в ходе досудебного производства [1. С. 45; 2. С. 1–2; 3. С. 353–354], презюмируют возможность собирания, формирования «готового» уголовно-процессуального доказательства на предварительном следствии, так что суду приходится иметь дело с доказательствами, полученными на предварительном расследовании [4. С. 60–63; 5. С. 92] или даже в стадии возбуждения уголовного дела [6. С. 111].

Ставшее модным в нашей уголовно-процессуальной и криминалистической литературе понятие «формирование системы доказательств» используется безотносительно к тому, о какой системе идет речь: обвинительной или оправдательной. И это не случайно: так маскируется следственная технология уголовно-процессуального доказывания, в которой главным субъектом доказывания является следователь. Таким образом, досудебное доказывание полностью подчиняет себе судебное, последнее превращается в пустую формальность, обряд.

В последнее время наблюдается определенное оживление дискуссии относительно базовых понятий теории уголовно-процессуальных доказательств. Впрочем, пока дело не идет далее терминологических изысканий: «предположительные доказательства» [7. С. 35–37], «исходная доказательственная информация» [8. С. 11–14], «источник осведомленности» [9. С. 84], «материальные носители информации» [10. С. 240] и пр. Даже те авторы, которые указывают на невозможность собирания «готовых» доказательств в ходе предварительного расследования, исходят из того, что формируются они все же следователем: путем составления протокола следственного действия, тем самым отождествляя доказательства с протоколами [11. С. 125]. Рассуждая подобным образом, Р.В. Костенко приходит к выводу, что преобразование информации в процессуальную форму происходит в результате закрепления и описания всех доказательственных свойств и характеристик доказательства в установленном законом порядке: составления протокола [12. С. 177].

Отечественные специалисты считают, что следственные действия непосредственно направлены на формирование и проверку доказательств [13. С. 10]. Производство следователем «следственных действий» приводит к формированию доказательств [14. С. 190–192]. Комментируя последние изменения УПК, касающиеся процесса доказывания на стадии возбуждения уголовного дела, они рассуждают о преемственности доказывания на досудебных стадиях, единстве процесса доказывания не только в досудебном производстве, но во всех стадиях процесса [6. С. 111]. Большинство отечественных ученых рассматривают формирование доказательства как солидарную деятельность органов предварительного расследования и суда. Суду надлежит провести проверку и оценку уже собранного и представленного сторонами доказательственного материала [15. С. 18–20]. В подобной правовой модели судебное-следственная власть государства, единая и неделимая, проводит доказывание сквозь все стадии процесса к единой цели – объективной истине (достоверности) [16. С. 83, 90; 17. С. 103].

Все эти построения можно квалифицировать как упражнения в рамках следственной парадигмы. Именно такую оценку им дают в своих статьях В.П. Гмырко и И.А. Зинченко [18. С. 9–17; 19. С. 67–70]. Солидаризуемся с ними. Вполне разделяем и еще одну мысль указанных авторов, а именно: наши теоретики не понимают или по идеологическим причинам отвергают состязательность. Между тем только состязательная модель отвечает стандартам справедливого судебного разбирательства и более того – всего процесса. Для того чтобы сказать действительно что-то новое в теории уголовно-процессуальных доказательств, надо менять мировоззрение. Состязательная технология доказывания существенным образом отличается от следственной, потому надо менять не только термины, но и смыслы.

Первое, что надо понять, – это различие между доказательствами, которыми оперируют стороны при подготовке к судебному разбирательству, и собственно судебными доказательствами. Второе – это то, что только судебное доказывание, доказывание перед судьей есть собственно уголовно-процессуальное доказывание. Третье: доказывание – всегда спор, это убеждение стороной судьи в наличии фактов, имеющих существенное значение для принятия решения по делу или отдельному спорному вопросу. Доказатель-

ства – это средства разрешения уголовного спора. Поэтому все, с чем имеют дело стороны до суда, доказательствами (судебными) не является, это «фактический материал», «носители информации» и пр. Можно сказать еще – «сведения, из которых могут сформироваться доказательства». Но это еще не доказательства, но заготовка, полуфабрикат доказательства. Мы исходим из того, что досудебную деятельность сторон следует вывести за пределы уголовного судопроизводства, и исходить из того, что она не может порождать для суда юридически значимых последствий до тех пор, пока ее результаты не будут представлены суду и исследованы с участием всех заинтересованных в исходе спора участников процесса.

Сказанное выше является введением для анализа проекта Федерального закона № 272128-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который принят в первом чтении 19 ноября 2014 г. Государственной Думой РФ [20]. Указанным законопроектом предполагается внесение в УПК РФ следующих изменений: 1) часть вторую ст. 274 дополнить следующим предложением: «Обязанность обеспечения явки в судебное заседание лиц, показания которых представляются в качестве доказательств обвинения или защиты, возлагается на соответствующую сторону»; 2) в ст. 281: а) часть вторую дополнить п. 5 следующего содержания: «5) если принятыми стороной обвинения или защиты всеми возможными мерами установить местонахождение потерпевшего или свидетеля не представилось возможным»; б) статью дополнить ч. 2.1 следующего содержания: «2.1. В случаях, перечисленных в пунктах 2–5 части второй настоящей статьи, показания потерпевшего или свидетеля могут быть оглашены лишь при условии, если обвиняемый (подсудимый) в предыдущих стадиях производства по делу имел возможность задать вопросы показывающему против него потерпевшему или свидетелю на очной ставке и высказать свои возражения».

Хотя проект Федерального закона № 272128-6 в целом поддержан Государственной Думой РФ, возможно, ко второму чтению встанет вопрос о его существенной корректировке. Это вытекает из замечаний, которые поступили на данный законопроект от Комитета Государственной Думы РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству [20]. Замечания комитета сводятся к следующему:

– возложение на стороны обвинения и защиты обязанности обеспечить явку свидетелей или потерпевших не согласуется с действующим законодательством Российской Федерации. В частности, в соответствии со ст. 42, 44, 45, 47, 53–55 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации стороны обвинения и защиты не наделены полномочиями по установлению местонахождения вызываемых в суд лиц;

– согласно ст. 231 и 232 УПК РФ вопрос о вызове в судебное заседание лиц по спискам, представленным сторонами, решает суд. Как установлено в ст. 232 УПК РФ, судья дает распоряжение о вызове в судеб-

ное заседание лиц, указанных в его постановлении. При этом данное распоряжение исполняется секретарем или аппаратом суда. В случае уклонения лиц от явки по вызову суда судебные приставы в соответствии с Федеральным законом «О судебных приставах» осуществляют привод этих лиц;

– возложение на стороны обвинения и защиты обязанности обеспечить явку свидетелей или потерпевших нарушает равенство сторон, поскольку лица, представляющие сторону защиты, не наделены властными полномочиями и располагают меньшими возможностями по обеспечению явки свидетелей или потерпевших по сравнению с лицами, представляющими сторону обвинения;

– вызывает сомнение предложение законопроекта об оглашении ранее данных потерпевшим или свидетелем показаний при условии, что обвиняемый (подсудимый) в предыдущих стадиях производства по уголовному делу имел возможность допросить показывающих против него потерпевшего или свидетеля на очной ставке. Согласно ст. 192 УПК РФ следовательно предоставляется право провести очную ставку, если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия. Таким образом, очная ставка, в том числе между обвиняемым и свидетелем (потерпевшим), может вообще и не производиться. В этом случае реализация проектной ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ станет невозможной.

Депутатам предстоит нелегкое решение в случае, если они попытаются доработать проект с учетом замечаний профильного комитета. Это может повлечь за собой или искажение основной идеи законопроекта, или фактический отказ от нее. Независимо от того, каким будет окончательное решение законодателя, уже сейчас можно сделать определенные выводы.

Нельзя не обратить внимание на усложнение законодательной техники, посредством которой получают закрепление уголовно-процессуальные предписания. Закон становится все сложнее, а правоприменительная практика, напротив, примитивизируется.

Считаем, что предлагаемая редакция статьи – паллиатив. В условиях следственного процесса – это попытка формально соответствовать стандартам справедливого судопроизводства, одним из которых является непосредственность, устность судебного разбирательства, что предполагает получение показаний непосредственно из их первоисточника – от осведомленного лица, а не из следственного протокола его допроса [21. С. 36–45].

Есть серьезные опасения по поводу того, что, как и любая половинчатая мера, данная новация не достигнет желаемой цели. Объясним почему. Общий смысл нашего закона и инерция мышления правоприменителя таковы, что, скорее всего, новые нормы будут истолкованы так, как удобно судье, следователю и прокурору, а именно: оглашаться будут протоколы очных ставок, проведенных в ходе предварительного расследования. Разумеется, прокурором – руководителем следственного органа – будут даны (уже даются, по нашим сведениям) следователям и дознавателям обязательные для исполнения указания о прове-

дении очных ставок между обвиняемым и всеми свидетелями обвинения, независимо от наличия противоречий между ними (на всякий случай). Увеличится объем бумаги в уголовном деле. Но ничего не изменится по существу в нашем судебном следствии и в уголовно-процессуальном доказывании. Непосредственности в нем не станет больше. Оглашаться в судебном следствии будут показания, данные в ходе очной ставки, а также в ходе следственных допросов, предшествовавшего или следовавшего после очной ставки. Таким образом, следственная – несправедливая формула уголовно-процессуального доказывания остается без изменений.

В связи с этим предлагаем обратить внимание на то, как изящно решена данная проблема грузинским законодателем. В УПК Грузии имеется ст. 14 «Непосредственное и устное исследование доказательств» такого содержания: «1. Доказательства не должны представляться суду (присяжным заседателям), если стороны не имели равной возможности их непосредственного и устного исследования, кроме исключений, предусмотренных настоящим Кодексом. 2. Стороны вправе требовать в суде непосредственного допроса свидетелей и представлять собственные доказательства». И все. Как просто и ясно!

В состязательном процессе стороны являются хозяевами своих доказательств; они, а не суд ответственны за их представление суду. Поэтому в ч. 2 ст. 9 УПК Грузии («Равенство и состязательность сторон») говорится буквально следующее: «2. Сторона вправе в порядке, установленном настоящим Кодексом, заявлять ходатайства, собирать, истребовать через суд, представлять и исследовать все соответствующие доказательства».

Иными словами, ответственность за свои доказательства не исключает для стороны возможности обращения к суду с ходатайством о принятии решения о применении принудительного привода свидетеля, явку которого иным образом сторона (защиты) обеспечить не может. Это прописные истины, о которых забыли наши законодатели, но не грузинский. Согласно ч. 2 ст. 240 УПК Грузии, сторона вправе заявить суду ходатайство о принудительном приводе подлежащего вызову лица.

И, наконец, последний довод – регламентация порядка исследования доказательств, предусмотренного ст. 242 УПК Грузии. Указанная статья имеет следующее содержание: «1. Исследование доказательств начинается с представления сторонами вступительных слов. 2. Первоначально исследуются доказательства, представленные стороной обвинения, а затем – стороной защиты. Очередность и объем представленных для исследования доказательств определяет сама представляющая сторона. 3. В исследовании доказательств, представленных стороной обвинения, участвует сторона защиты, а в исследовании доказательств, представленных стороной защиты, – сторона обвинения».

Надо ли говорить, что УПК Грузии подробно прописана процедура прямого, перекрестного, повторного прямого и перекрестного допросов (ст. 244–246 УПК Грузии). Все это соответствует состязательной классической теории судебных доказательств. Факты являются данными судебного следствия и формируются или по результатам перекрестного допроса, или в результате отказа от проведения такого [22. С. 25–30].

Имеется в грузинском уголовно-процессуальном праве и институт депонирования показаний, как, впрочем, он имеется и в новейшем уголовно-процессуальном законодательстве Казахстана, Украины, Молдовы, Литвы, Латвии, Эстонии. Именно через депонирование показаний следственным судьей в ходе досудебного производства и решаются проблемы, над которыми в данном случае бьется российский законодатель. Нам этот институт не известен даже на уровне теории.

Все это, т.е. создание уголовно-процессуального порядка, соответствующего европейским стандартам справедливого уголовного судопроизводства, стало возможным только после реформы предварительного расследования. Без ее проведения все попытки улучшить существующий уголовно-процессуальный порядок, вроде той, о которой мы говорим в данной статье, обречены на провал [23. С. 49–57]. Для того чтобы перейти на более высокий уровень решения проблем нашего уголовного процесса, надо усвоить азы состязательной идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев А.Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России : науч.-практ. пособие. М., 2002. 160 с.
2. Белкин А.Р. Теория доказывания : науч.-метод. пособие. М. : Норма, 1999. 429 с.
3. Семенов В.А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы права России и стран СНГ : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. 29–30 марта 2007. М., 2007. С. 353–354.
4. Шейфер С.А. О понятии и цели доказывания в уголовном процессе // Государство и право. 1996. № 9. С. 60–66.
5. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма, 2008. 239 с.
6. Ляхов Ю.А. Единство процесса доказывания в досудебном уголовном судопроизводстве России // Государство и право. 2014. № 11. С. 109–112.
7. Демидов И.Ф. Реструктуризация уголовного судопроизводства (Концепция как гипотеза) // Государство и право. 2012. № 1. С. 33–44.
8. Балакишин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. академия, 2004. 297 с.
9. Жажицкий В.И. Источники в доказательственном праве // Государство и право. 2013. № 10. С. 72–84.
10. Белкин А.Р. УПК РФ: нужны ли перемены? М. : Норма: ИНФРА-М, 2013. 415 с.
11. Доля Е.А. О собирании и формировании доказательств по УПК РФ // Новый уголовно-процессуальный кодекс России в действии. Материалы круглого стола. 13 ноября 2003 года. М., 2004.
12. Костенко Р.В. Новое понимание сущности доказательств в науке российского уголовного процесса // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4. С. 170–183.

13. Семенцов В.А. Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 58 с.
14. Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты). М. : Юрлитинформ, 2014. 391 с.
15. Смирнов Г.К. О необходимости восстановления в УПК РФ объективной истины как цели доказывания // Уголовный процесс. 2012. № 4. С. 18–20.
16. Мезинов Д.А. Необходимо ли закрепление понятия «объективная истина» в уголовно-процессуальном законе? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 82–94.
17. Свиридов М.К. Задача установления истины и средства ее достижения в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 101–116.
18. Гмырко В.П., Зинченко И.А. Парадоксы доказательственного права // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 2. С. 9–17.
19. Зинченко И.А. Регламентация статуса источников доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2. С. 67–70.
20. Государственная Дума. Официальный сайт. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=272128-6>
21. Трубникова Т.В. Право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей: подход ЕСПЧ // Уголовный процесс. 2014. № 3 (111). С. 36–45.
22. Александров А.С., Гришин С.П. Перекрестный допрос в уголовном суде // Российская юстиция. 2005. № 11. С. 25–30.
23. Александров А.С. Реформа полиции, реформа обвинительной власти России – путь к евроинтеграции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4 (26). С. 49–57.

Статья представлена научной редакцией «Право» 9 июня 2015 г.

ON THE DEVELOPMENT OF THE PROCEDURE FOR JUDICIAL INVESTIGATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 141–145. DOI: 10.17223/15617793/396/25

Mashovets Asiya O. Ural State Law University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: okeanovna@me.com

Keywords: judicial investigation; evidence; criminal proceedings; draft Federal Law No. 272128-6

Changes in the social and political systems and criminal proceeding legislation have not lead to changes in the mentality of Russian scientists, who presume possibility of gathering evidence during pretrial investigation. In this situation, the court should use evidence received during pretrial investigation or received even at the stage of initiation of a criminal case. Pretrial evidence subjects court evidence so that the latter becomes only a formal fact. It can be concluded that these are “steps of investigative framework”. Meanwhile, only an adversarial system of a criminal proceeding corresponds to fair trial. Adversary techniques of proof are different from investigative techniques, that is why it is necessary to change not only notions, but their content too. It is essential to distinguish evidence which is used by both parties while preparing to trial and court evidence. Only court evidence, evidence taken before the judge, is criminal proceeding proof. Pretrial activity of both parties should be excluded from criminal proceedings. It cannot make legally valid consequences for the court until its results are presented in court and examined by those interested in the outcome of a case. Analysis of the draft Federal Law No. 272128-6 “On making amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” and comments of the Committee of the State Duma on Civil, Criminal, Arbitration, Civil and Criminal Procedure showed that if deputies try to improve this draft law considering all comments of the Committee, the draft law will change or even lose its main idea. Nothing will change in judicial investigation and criminal proceeding evidence. In this situation, the author suggests paying attention to the Criminal Procedure Code of Georgia. It provides that evidence should not be presented in court, if both parties did not have an equal opportunity to examine it with exceptions provided by the law. Parties are entitled to demand the witness testimony itself or present their own evidence. In such a case the criminal procedure law of Georgia provides an opportunity to move a motion to court to use a compulsory process for a witness who did not come to court. There is an institute of consignment in the criminal procedure law of Georgia. With the help of consignment, several problems of pretrial investigation are solved by the investigative judge. This step of the trial is unknown for the Russian theory of criminal procedure. Creation of the criminal proceeding order, which is relevant to European standards of fair trial, is possible only following the reform of pretrial investigation. Without this reform all attempts to improve the criminal proceeding order are futile.

REFERENCES

1. Solov'ev, A.B. (2002) *Dokazyvanie v dosudebnykh stadiyakh ugovnogo protsesssa Rossii* [Proving in pre-trial stages of the criminal trial of Russia]. Moscow: YurLitinform.
2. Belkin, A.R. (1999) *Teoriya dokazyvaniya* [The theory of proof]. Moscow: Norma.
3. Sementsov, V.A. (2007) [Formation of evidence in the structure of the criminal procedure proof]. *Aktual'nye problemy prava Rossii i stran SNG* [Topical problems of law in Russia and the CIS countries]. Topical problems of law in Russia and the CIS countries: Proc. of IX International scientific and practical conference. 29th to 30th March, 2007. Moscow. pp. 353–354. (In Russian).
4. Sheyfer, S.A. (1996) O ponyatii i tseli dokazyvaniya v ugovnom protsesse [On the concept and purpose of proof in a criminal trial]. *Gosudarstvo i pravo*. 9. pp. 60–66.
5. Sheyfer, S.A. (2008) *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow: Norma.
6. Lyakhov, Yu.A. (2014) Edinstvo protsesssa dokazyvaniya v dosudebnom ugovnom sudoproizvodstve Rossii [The unity of the process of proving in pre-trial criminal proceedings of Russia]. *Gosudarstvo i pravo*. 11. pp. 109–112.
7. Demidov, I.F. (2012) Restrukturizatsiya ugovnogo sudoproizvodstva (Kontseptsiya kak gipoteza) [The restructuring of the criminal proceedings (concept as a hypothesis)]. *Gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 33–44.
8. Balakshin, V.S. (2004) *Dokazatel'stva v teorii i praktike ugovno-protsessual'nogo dokazyvaniya* [Evidence in the theory and practice of criminal procedure proof]. Ekaterinburg: Ural State Law Academy.
9. Zazhitskiy, V.I. (2013) Istochniki v dokazatel'stvennom prave [Sources in the law of evidence]. *Gosudarstvo i pravo*. 10. pp. 72–84.
10. Belkin, A.R. (2013) *UPK RF: nuzhny li peremeny?* [The RF Code of Criminal Procedure: does it need changes?]. Moscow: Norma: INFRA-M.
11. Dolya, E.A. (2014) [On the collection and formation of evidence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Novyy ugovno-protsessual'nyy kodeks Rossii v deystvii* [The new Code of Criminal Procedure of Russia in action]. Proc. of the round table. 13th November 2003. Moscow. (In Russian).

12. Kostenko, R.V. (2013) Novoe ponimanie sushchnosti dokazatel'stv v nauke rossiyskogo ugovnogo protsesssa [A new understanding of the nature of evidence in the science of the Russian criminal process]. *Biblioteka kriminalista*. 4. pp. 170–183.
13. Sementsov, V.A. (2006) *Kontseptual'nye osnovy sistemy sledstvennykh deystviy v dosudebnom proizvodstve* [Conceptual bases of investigative actions in pre-trial proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Ekaterinburg.
14. Borulenkov, Yu.P. (2014) *Yuridicheskoe poznanie (nekotorye metodologicheskie, teoreticheskie i prakseologicheskie aspekty)* [Legal knowledge (some methodological, theoretical and praxeological aspects)]. Moscow: Yurлитinform.
15. Smirnov, G.K. (2012) O neobkhodimosti vosstanovleniya v UPK RF ob"ektivnoy istiny kak tseli dokazyvaniya [The need for restoration in the RF Code of Criminal Procedure of objective truth as a goal of proving]. *Ugolovnyy protsess*. 4. pp. 18–20.
16. Mezinov, D.A. (2013) Is it necessary to secure the notion "objective truth" in the criminal procedural law? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2(8). pp. 82–94. (In Russian).
17. Sviridov, M.K. (2013) The task of ascertaining the truth and the means of its achievement in criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2 (8). pp. 101–116. (In Russian).
18. Gmyrko, V.P. & Zinchenko, I.A. (2014) Paradoxy dokazatel'stvennogo prava [Paradoxes of evidentiary law]. *Biblioteka kriminalista*. 2. pp. 9–17.
19. Zinchenko, I.A. (2014) Reglamentatsiya statusa istochnikov dokazatel'stv v ugovno-protsessual'nom zakonodatel'stve [The regulation of the status of sources of evidence in the criminal procedure legislation]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior Affairs of Russia*. 2. pp. 67–70.
20. The State Duma. The official site. (n.d.) *Automated system for ensuring legislative activity*. [Online]. Available from: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=272128-6>. (In Russian).
21. Trubnikova, T.V. (2014) Pravo obvinyaemogo doprashivat' pokazyvayushchikh protiv nego svideteley: podkhod ESPCh [The right of the accused to examine witnesses against him/her: the approach of the ECHR]. *Ugolovnyy protsess*. 3 (111). pp. 36–45.
22. Aleksandrov, A.S. & Grishin, S.P. (2005) Perekrestnyy dopros v ugovnom sude [The cross-examination in a criminal trial]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 11. pp. 25–30.
23. Aleksandrov, A.S. (2013) Reforma politzii, reforma obvinitel'noy vlasti Rossii – put' k evrointegratsii [Police reform, reform of the prosecutorial authorities of Russia as a path to European integration]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. 4 (26). pp. 49–57.

Received: 09 June 2015

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ И ОБРАТНАЯ СИЛА УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

При исполнении (отбывании) наказаний возникают вопросы о применении обратной силы уголовного закона в связи с внесением дополнений в ч. 3 ст. 79 УК РФ, устанавливающих новые сроки отбывания осужденным наказания при условно-досрочном освобождении.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение; обратная сила уголовного закона; исполнение (отбывание) наказания; гуманизация наказания; улучшение положения осужденного.

Проблема личности преступника наряду с такими проблемами, как сама преступность, её причины, условия и предупреждение, является одной из главных в криминологии. Без знания особенностей личности преступника невозможно эффективное предупреждение преступлений, поскольку именно личность является носителем причин их совершения.

Гуманизация современной уголовно-исполнительной политики России привела к либерализации мер уголовно-правового воздействия на осужденных. Важную роль стала играть дифференциация применения средств исправительного воздействия к разным категориям с учетом тяжести совершенных ими преступлений для достижения поставленных в ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса (далее УИК) целей.

Законодатель определил, что условно-досрочное освобождение (далее УДО) является одним из важнейших институтов, стимулирующих правоупотребительное поведение. Так, Приказом Генерального прокурора РФ от 30 января 2007 г. № 19 «Об организации надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» прокурорам прописано осуществлять надзор за исполнением требований закона при применении УДО от отбывания наказания.

Несмотря на то что основаниями применения УДО к лицам, лишенным свободы, является вывод суда о том, что осужденный для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного наказания, следует иметь в виду, что ч. 3 ст. 79 УК РФ устанавливает дифференцированные сроки, которые необходимо отбыть, в зависимости от категории совершенного преступления (ст. 15 УК РФ).

Актуализация темы УДО в научных кругах произошла по причине освобождения осужденных, совершивших преступления сексуального характера, в том числе и против несовершеннолетних, а также связанных с изготовлением, распространением и т.д. наркотических средств и психотропных веществ, и других преступлений, обладающие повышенной степенью общественной опасности.

Характер и содержание устанавливаемых уголовным законом мер должны определяться исходя не только из их обусловленности целями защиты конституционно значимых ценностей, но и из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том

числе для лица, в отношении которого эти меры применяются) тому вреду, который был причинен в результате преступных деяний [1].

При ослаблении защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, избыточном применении государственного принуждения законодатель обязан привести уголовно-правовые предписания в соответствие с новыми социальными реалиями.

Обращаясь к международному законодательству, стоит отметить, что в п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека четко указано: при осуществлении своих прав и свобод каждый человек может быть подвергнут ограничениям, предусмотренным законом, для обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

Логичным будет предположить, что именно поэтому в последние годы государством в этом направлении было принято и реализовано несколько законодательных инициатив. Так, Федеральными законами от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ, от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ, от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ, от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних, за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также связанные с незаконным оборотом наркотических средств внесены изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации, в том числе в Уголовный кодекс [2. С. 31].

Таким образом, ужесточение наказания в отношении определенной категории лиц привело к тому, что в органы прокуратуры, суды и иные ведомства и учреждения стало поступать множество жалоб, поскольку осужденные воспринимают условно-досрочное освобождение как обязанность государства.

Однако нормы уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации об УДО рассматриваются только в качестве одного из элементов правового статуса лиц, отбывающих наказания, относящегося к законным интересам [3. С. 51].

Практические сотрудники также дискутируют касательно понимания и толкования указанной нормы. Одни высказывают мнение о том, что принятый закон обратной силы не имеет, а значит, не распространяется на лиц, совершивших преступления до его вступления в законную силу, другие придерживаются иной

позиции – исполнение наказания осуществляется в соответствии с действующим законодательством.

Одни суды, классифицируя указанные убийства, предусмотренные старым УК, как тяжкие преступления, применяют УДО при отбытии лицом половины срока наказания, другие суды рассматривают их как особо тяжкие преступления и, соответственно, применяют УДО после отбытия лицом не менее 2/3 срока наказания (ст. 15, 79 УК РФ).

В рассматриваемых случаях следует руководствоваться позицией, сформулированной Верховным Судом РФ, в соответствии с которой в плане УДО – это особо тяжкие преступления. Также следует помнить, что согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 19 октября 1971 г. № 9 вопрос о возможности применения или неприменения УДО и замены наказания должен решаться в соответствии с законом, действующим в данный момент, а не с законом, действовавшим в момент осуждения.

Представляется, что ценность человеческой жизни, степень и характер общественной опасности преступления не могут зависеть от того, когда было совершено убийство: в период действия старого или нового УК РФ. В противном случае ценность человеческой жизни и общественная опасность совершенно преступления зависят от даты принятия того или иного уголовного закона [2. С. 34].

Относительно изменений, внесенных указанными выше Федеральными законами в ч. 3 ст. 79 УК РФ об увеличении необходимых сроков отбытия наказания, можно сделать вывод о том, что новый закон действительно ухудшает положение отдельных категорий осужденных.

Вместе с тем в рассматриваемой нами правовой ситуации надо вспомнить об императивном методе регулирования общественных отношений, возникающих в процессе исполнения (отбывания) наказаний, в соответствии с которыми введение в действие норм может влечь за собой ухудшение положения отдельных осужденных. Так, для лиц, содержащихся в колониях общего и строгого режимов, нормами УИК была предусмотрена возможность перевода с 1 июля 1997 г. на строгие условия (ч. 4 ст. 121, ч. 3 ст. 123), где они содержатся в запираемых помещениях, что не было предусмотрено ИТК 1970 г. Нормы УИК РФ, регламентирующие действие закона во времени, такую возможность допускают [4. С. 58]. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными и Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых заключению в какой бы то ни было форме, не содержат каких-либо положений на этот счет [5].

Об этом также отмечается в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 4-П: «Конвенция о защите прав человека и основных свобод прямо не формулирует правило, обязывающее применять новый закон, принятый после совершения правонарушения, если он устраняет или смягчает ответственность в любых проявлениях, а Международный пакт о гражданских и политических правах непосредственно обязывает придавать обратную силу лишь закону, устанавливающему более легкое наказание».

В ином случае, толкование ч. 1 ст. 10 УК таким образом, что новый закон, ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет (в нашем случае – ФЗ об увеличении срока отбытия наказания за отдельные категории преступлений), ставит в неравное положение тех осужденных, в отношении которых приговор выносится после вступления нового уголовного закона в силу.

Так, нормы ст. 10 УК устанавливают обратную силу уголовного закона непосредственно к правонарушению, общественно опасному деянию, преступлению, за которое лицо отбывает наказание, а не к исполнению наказания, которое регулируют нормы уголовно-исполнительного законодательства. Об этом непосредственно отмечается в комментарии к ст. 10: «Обратная сила означает распространение действия нового закона на преступления, совершенные в период действия прежнего уголовного закона» [6. С. 28]. Обратная сила уголовного закона охватывает вопросы: а) обратной силы норм Особенной части УК; б) декриминализации деяния; в) состава преступления.

В этом случае, и только в этом, уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, т.е. распространяется на лиц, совершивших соответствующее деяние до вступления такого закона в силу. Поэтому, если изменениями УК устранена преступность деяния, лица, ранее осужденные за его совершение, подлежат освобождению от наказания.

С учетом указанных обстоятельств можно сделать вывод о том, что при рассмотрении судами материалов об условно-досрочном освобождении применяется новый ФЗ, устанавливающий по отдельным видам преступлений сроки отбытия наказания не менее 3/4 и 4/5 и в отношении лиц, совершивших указанные преступления до вступления ФЗ в законную силу, т.е. в соответствии с законом, действующим во время их исполнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона “О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации”, Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации” и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других»* // СЗ РФ. 2006. № 18. Ст. 2058.
2. *Вырастайкин В.* Условно-досрочное освобождение // *Законность.* 2006. № 2. С. 31–34.
3. *Закаржевский Н.Н.* Законные интересы осужденных: правовые аспекты реализации // *Законность.* 2011. № 3. С. 51–52.
4. *Уголовно-исполнительное право* : учеб. / под ред. В.И. Селиверстова. М. : Проспект, 2009. 400 с.

5. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными. Женева, 30 августа 1955 г. // Международная защита прав и свобод человека : сб. документов. М. : Юрид. лит., 1990. С. 290–311.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Т.К. Агузаров, А.А. Ашин, П.В. Головненков и др. ; под ред. А.И. Чучаева. М. : КОНТРАКТ, 2012. 624 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 мая 2015 г.

CONDITIONAL EARLY RELEASE FROM PUNISHMENT AND RETROACTIVE EFFECT OF CRIMINAL LAW

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 146–148. DOI: 10.17223/15617793/396/26

Obernikhina Olesya V. Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: Olesia.Obernikhina@yandex.ru

Keywords: release on parole; retrospective law; execution (serving) punishment; humanization of punishment; advancement of the convicted.

The article is an attempt to systematize the procedure of the use of parole to persons who, at the time of entry into force of the new provisions of the criminal law, are already serving sentences by an effective court judgment. Thus, if the new law improves the situation of the convicted person and there appears a possibility of being released earlier than it was stated in the verdict of the court, it is necessary to speak about the retroactive effect of the criminal law. It is important to note that parole is not a duty of the state, but rather an incentive to the law abiding behavior of the convicted person and his/her correction. However, with the weakening of the protection of constitutionally significant values or, conversely, excessive use of state coercion, the legislator is obliged to bring criminal legislation in line with new social realities. In Paragraph 2 of Article 29 of the Universal Declaration of Human Rights, International law defines the fact that in exercising their rights and freedoms any person shall be subject to limitations provided by law. However, to ensure proper recognition and respect for the rights and freedoms of others and of meeting the just requirements of morality, public order and general welfare, these restrictions must conform to the realities of the time in which they take place. It is logical to assume that this is why in recent years, the state passed and implemented several legislative initiatives in this direction. Thus, the Federal Laws of November 3, 2009 No. 245-FZ, of December 9, 2010 No. 352-FZ, of March 1, 2012 No. 18-FZ, of February 29, 2012 No. 14-FZ amended certain legislative acts of the Russian Federation, including laws of the Criminal Code, in order to strengthen responsibility for crimes of a sexual nature committed against a minor, for grave and especially grave crimes, as well as crimes connected with illegal drug trafficking. Thus, tougher penalties for certain categories of persons have resulted in the fact that prosecution bodies, courts and other departments and agencies began to receive a lot of complaints, because prisoners perceive parole as a government responsibility. The author believes there is a reasonable question about deciding on the possibility to apply parole or not, and replace punishment in accordance with the law in force at the moment, not with the law in force at the time of condemnation. Otherwise, the value of human life and social danger of the crime depends on the date of adoption of the criminal law. However, it is worth considering how the position of persons changes.

REFERENCES

1. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2006) The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 20, 2006 No. 4-P “On the case on the constitutionality of Paragraph 2 of Article 10 of the Criminal Code of the Russian Federation, Part 2 of Article 3 of the Federal Law “On introduction of the Criminal Code of the Russian Federation”, Federal Law “On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation” and a number of provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation concerning the procedure for bringing the judicial decisions in line with the new criminal law that eliminates or mitigates the responsibility for the offense in connection with the complaints of citizens A.K. Ayzhanov, Yu.N. Aleksandrov and others”. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 18. Art. 2058. (In Russian).
2. Vyrastaykin, V. (2006) Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie [Parole]. *Zakonnost'*. 2. pp. 31–34.
3. Zakarzhvskiy, N.N. (2011) Zakonnye interesy osuzhdennykh: pravovye aspekty realizatsii [The legitimate interests of convicts: legal aspects of the implementation of the law]. *Zakonnost'*. 3. pp. 51–52.
4. Seliverstov, V.I. (ed.) (2009) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Criminal enforcement law]. Moscow: Prospekt.
5. Anon. (1990) Minimal'nye standartnye pravila obrashcheniya s zaklyuchennymi. Zheneva, 30 avgusta 1955 g. [The Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners. Geneva, 30 August 1955]. In: Melkov, G.M. (ed.) *Mezhdunarodnaya zashchita prav i svobod cheloveka: sb. dokumentov* [The international protection of human rights and freedoms: collection of documents]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
6. Chuchaev, A.I. (ed.) (2012) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy)* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)]. Moscow: KONTRAKT.

Received: 15 May 2015

ЭЛЕКТРОННОЕ ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Исследуются сущность и основные признаки вещественных доказательств по уголовному делу; выявляются различия, которые существуют между электронной информацией, имеющей доказательственное значение, и «обычными» вещественными доказательствами. Обосновывается вывод о том, что электронные вещественные доказательства формируются объективно как следы преступной деятельности, а не создаются специально для передачи информации о фактах.

Ключевые слова: доказывание; вещественное доказательство; электронная информация.

В теории уголовно-процессуальных доказательств под вещественными доказательствами понимаются предметы, вещи, в том числе документы. Содержанием вещественного доказательства являются те следы, свойства, признаки, которые непосредственно запечатлелись на предмете, доступны непосредственному восприятию и могут быть обнаружены путем осмотра [1; 2. С. 649; 3. С. 112]. Вещественные доказательства используются в уголовном процессе в качестве предметов, их индивидуальных (физических) признаков или местоположения.

Во многих современных исследованиях распространена позиция, согласно которой существуют различия между электронной информацией, имеющей доказательственное значение, и «обычными» вещественными доказательствами. Ряд ученых предлагает компьютерную информацию рассматривать в качестве вещественного доказательства. При этом данное положение обосновывается тем, что «носителем этой информации является предмет, а доказательственное значение имеют содержание, свойства этого предмета» [4. С. 51]. Так, Н.А. Зигура пишет, что вещественное доказательство – это предмет, компьютерная информация – это содержание сведений. Доказательное значение имеет лишь сама информация, а не ее носитель [5. С. 58–59].

Мы считаем, что отношение к указанному признаку предметности, или, иначе говоря, материальности вещественного доказательства, надо пересмотреть. Информация нематериальна, но в наше время информационная среда, существующая в телекоммуникационных каналах связи, стала полноценным заменителем материального мира. Происходящие в нем события, в том числе преступления, отражаются на различных «объектах», а также в сознании субъектов. Если совершается преступление с использованием компьютера, будет оправданным считать, что его информационные следы могут по праву считаться аналогом материальных следов, оставляемых обычным преступлением.

Как известно, основным признаком вещественного доказательства является его объективная связь с предметом доказывания; в силу этой связи оно и может служить средством установления доказываемых фактов. Этот признак в полной мере можно отнести к электронной информации, которая может служить и орудием преступления (например, компьютерная программа, содержащая вирус), выступать предметом

преступления (например, перевод денежных средств с одного счета на другой) и представлять собой след преступления, вроде попытки несанкционированного доступа, зафиксированного в журнале регистрации конкретной программы. Деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, скажем акции, иные ценные бумаги, средства электронного платежа, также могут быть в электронном виде и, таким образом, выступать средством доказывания.

При рассмотрении доказательственного значения электронной информации необходимо учитывать, что им являются не физические свойства материального носителя компьютерной информации, его состав, внешний вид, как это наличествует у вещественных доказательств, а содержание данной информации.

В.А. Мещеряков, введя специальный термин «виртуальный след», определил его как «...любое изменение состояния автоматизированной информационной системы (образованного ею “кибернетического пространства”), связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации (то есть информации в виде, пригодном для машинной обработки) на материальном носителе, в том числе на электромагнитном поле» [6. С. 104]. Кроме того, В.А. Мещеряков ввел понятие «электронно-цифровой объект», определив его как «помеченную систему дискретных электронных сигналов, предназначенную для обозначения (по установленной системе кодирования) какой-либо информации и представленную в форме, пригодной для её автоматизированной обработки, хранения и передачи с использованием средств вычислительной техники (компьютеров)» [7. С. 163]. Этими объектами оперируют автоматизированные информационные системы.

Данная категория должна занять промежуточный уровень между представлением информации в виде дискретных электронных сигналов и объектами, несущими определённое смысловое значение (информации о чём-либо), которые непосредственно воспринимаются человеком.

В наиболее законченном виде учение о следах киберпреступлений сформулировано В.Б. Веховым. Он дает такое определение рассматриваемым следам: «Электронно-цифровой след – это любая криминалистически значимая компьютерная информация, т.е. сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на мате-

риальном носителе либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов. Эти следы являются материальными невидимыми следами. В основе механизма их образования лежат электромагнитные взаимодействия двух и более материальных объектов – объективных форм существования (представления) компьютерной информации» [8. С. 28–29].

Для компьютерной информации неприменимо механическое элементарное отражение фактов. Механизм формирования компьютерной информации определяется алгоритмом, который задан разработчиком (коллективом разработчиков) и реализуется в конкретной программе; таким образом, программа является средством отражения фактов. В данном случае мы имеем дело с отражением, происходящим посредством аппаратных и программных средств опосредованно через интеллектуальное сознание человека (разработчика программы) [5. С. 63].

Специфика информационных объектов, ставших предметом, орудием совершения киберпреступлений, не исключает возможности отнесения их к традиционно выделяемому в теории судебных доказательств источнику – «вещественным доказательствам». Мы можем уточнить, что более уместно относить эту разновидность вещественных доказательств к техногенному объекту или процессу.

Вещественное доказательство – это часть той среды, в которой происходило преступление. Оно всегда связано с изменениями в окружающей среде вследствие совершения преступления и поэтому служит средством установления наличия или отсутствия этих изменений. По своему характеру изменения могут быть самыми различными: перемещение предметов в пространстве; изменения в самом предмете; уничтожение предмета; создание нового предмета и т.д. Таким образом, вещественные доказательства необходимо рассматривать как предметы, бывшие частью той среды, в которую преступлением либо иными установленными по делу обстоятельствами внесены (или должны быть внесены) какие-либо изменения [9. С. 11]. Сказанное вполне применимо к некоторым электронным доказательствам, которые представляют собой следы преступлений, оставленные в специфической, электронной (цифровой) среде.

Электронное доказательство понимается как объект, несущий информацию, имеющую смысловое значение, и существующий только в электронной среде [10. С. 67–70]. Значит, можно сказать, что электронные доказательства возникают из электронной среды, но не все они могут быть квалифицированы как документы. Есть электронные доказательства – документы (электронные), и есть электронные вещественные доказательства.

Вопрос о процессуальной форме электронного доказательства является неоднозначным. Дискуссионность его вызвана не физическими особенностями электронного вещественного доказательства, а тем, что в теории неоднозначно трактуется само понятие вещественного доказательства. Некоторые ученые пришли к выводу о целесообразности отказа от такого понятия и исключения вещественного доказательства

из числа видов доказательств, названных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

По нашему мнению, различия между личным и вещественным доказательствами в плане раскрытия их информационного содержимого отсутствуют. И те, и другие есть сведения, которые должны быть получены должностными лицами, осуществляющими производство по делу. При доказывании и из личных, и из вещественных доказательств субъекты доказывания получают сведения об обстоятельствах дела. Правовой формой любого доказательства являются те действия, которые действующим законом расцениваются как допустимые средства получения и интерпретации информации из источников: лиц, предметов, других объектов. Главная специфика вещественного доказательства состоит в том, что его получают не от живого лица посредством общения с ним, а из предмета (его информационного аналога). Принципиально важно то, чтобы должностные лица, осуществляющие производство по делу, непосредственно, а не из документов получали бы информацию из объекта, представленного в качестве вещественного доказательства. Необходимо подчеркнуть, что доказательственная информация может исходить от лица, но она не будет личным доказательством, если лицо передавало ее без намерения информировать субъекта доказывания. Поэтому, на наш взгляд, результаты контроля и записи телефонных и иных переговоров как следственного действия, равно как и результаты контроля телеграфных и иных сообщений, снятия информации с технических каналов связи, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, образуют вещественные доказательства. Ввиду использования цифровой техники при их получении указанные выше результаты будут электронными вещественными доказательствами. Следственная форма их документирования, практикующаяся сейчас, как представляется, является временным явлением.

Мы вполне разделяем мнение о том, что при использовании такого рода комплексных доказательств (в основании которых лежат результаты прослушивания) первоисточником является информационный процесс, протекающий в каналах связи, который перехватывается и записывается. Скопированная информация (в виде аудио-, видеофайлов) накапливается в базах данных технических служб правоохранительных органов, а оттуда уже поступает в орган предварительного расследования, где «легализуется», и далее – в суд в виде следственных материалов. Изготавливаемые компетентными государственными органами процессуальные документы в связи с получением и предоставлением суду в качестве доказательств (рапорт, протокол следственного осмотра материалов, поступивших из органа, осуществлявшего аудио-, видеозапись, фонограмма, прилагаемая к протоколу) получают статус «источников доказательств», как и приобретаемый к делу в качестве вещественного доказательства материальный носитель электронной информации. Но эти доказательства являются производными от первично записанной информации (цифровые компьютерные файлы в базе данных органа,

который непосредственно проводил ПТП). При использовании таких доказательств критически важной является возможность проверки цепочки законных пользователей электронной информацией [11. С. 27].

Итак, предметность электронного доказательства относительна; вещественность вторична, информативность первична. А потому, во-первых, электронным доказательством обязательно должен быть документ (протокол), а во-вторых, само по себе вещество по своей сути не информативно, доказательством не является, пока не будет субъекта доказывания. А вот кем будет презюмироваться в законе этот субъект – следователем, который проводит всестороннее, полное, объективное предварительное расследование (доказывание), или офицером, уполномоченным на досудебный уголовный розыск (уголовное преследование), который осуществляет поиск обвинительных доказательств, – это принципиальный вопрос. В первом случае следователь формирует доказательство, во втором – это только обвинительный материал, из которого в суде, возможно, будет сформировано доказательство. Так же и в случае с электронной информацией: она становится доказательственной тогда, когда субъект доказывания интерпретирует ее в качестве таковой, делая объектом познания / доказывания изменения, произошедшие в информационной среде.

Рассмотрим признак «предметности» для разграничения документов и вещественных доказательств применительно к электронным доказательствам. Электронная информация используется (задействуется) в процессе доказывания с целью получения сведений, выраженных в знаковой (цифровой) форме. И если «вещественное доказательство является непосредственным носителем информации, необходимой для установления обстоятельств дела» [12. С. 91], то компьютерная информация выступает средством фиксации сведений с помощью аппаратных и программных средств (заложенного в программе алгоритма). Доказательственное значение компьютерной информации определяется ее содержанием, а не физическими свойствами носителя данной информации [5. С. 67].

Необходимо указать, что признаком вещественного доказательства могут быть место и время обнаружения определенного криминалистически значимого объекта – следа преступления. Обнаружение электронного следа преступления есть доказательственный факт. Сам этот след нематериален, хотя может «опредмечиваться» на разных носителях. Вещественным доказательством будет этот информационный объект.

Та электронная информация, которая не подпадает под понятие электронного документа, т.е. средства осознанной передачи информации, является объективным результатом преступного действия, запечатлелась в информационной среде и может быть определена как вещественное доказательство. В частности, таковыми могут быть признаны деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, например акции в бездокументарной форме, web-money.

Для того чтобы иметь основания утверждать о самостоятельном значении электронного вещественного доказательства, надо идти иным путем: не связывать его

по традиции с «материей», а различать с личным доказательством – показаниями, а также с производным личным доказательством – электронным документом. Электронное вещественное доказательство, на наш взгляд, отличается и от того и от другого, поскольку оно сформировалось независимо от воли источника информации.

Посредническая роль компьютера и операций по кодированию и декодированию информации, равно как и посредничество эксперта и специалиста, оперирующих необходимым оборудованием при прочтении информации, имеющейся на объекте, роли не играют в определении природы электронного доказательства. Природа вещественного доказательства в другом – быть носителем информации, которая может быть воспринята одинаковым образом любым субъектом доказывания как с помощью специальных технических средств, так и без таковых.

Свойства любого вещественного доказательства – «незаменимость и уникальность» [13. С. 110] – отличают и электронное вещественное доказательство. В основе данного признака лежит тот факт, что ни у одного образа события нет и не может быть тождественного ему двойника. Специфика электронного вещественного доказательства состоит в способности сохранения в неизменном виде информации при ее копировании и других операциях (при условии корректности их проведения). Это родовое свойство всех электронных доказательств, которому оно обязано вычислительной технике и программному обеспечению.

Итак, электронная информация может быть вещественным доказательством. Безличный, бессубъектный характер позволяет отнести определенную разновидность электронной информации к категории вещественных доказательств. В отличие от обычного вещественного доказательства, каковым выступает предмет, а его доказательственное значение определяется физическими свойствами или местоположением, электронное вещественное доказательство – это след, оставленный преступлением в информационной среде, т.е. это информация. Получается своего рода оксюморон – беспредметное вещественное доказательство. Верно то, что электронная информация находится на материальном носителе, иначе она не может быть признана доказательством. Но внешний вид этого носителя никак не отражает ту информацию, которая на нем записана: доказательное значение имеет сама информация, а не ее носитель.

Механизм образования «обычного» вещественного доказательства и электронного доказательства различен. «Обычные» вещественные доказательства возникают в результате взаимодействия материальных объектов друг с другом. След преступления представляет собой элементарное отражение события в электронной среде. Механизм формирования электронного доказательства определяется алгоритмом, который реализуется в конкретной программе. Но не программа выступает определяющим условием или средством формирования электронного доказательства. Главным условием его формирования являются процессуальная форма и правовой статус субъекта, уполномоченного оценивать эту информацию как факт.

Исходная характеристика вещественного доказательства как информационного следа остается. След преступления – это то изменение, которое произошло в информационной среде вследствие действий преступника. То, что преступные действия осуществлялись особым способом в особой среде, не меняет сути феномена электронного вещественного доказательства. Его исходные свойства – объективность и уникальность – присущи и электронному вещественному доказательству. Как известно, ни одно действие в электронно-информационной среде не остается бесследным. При всех технических трудностях, с которыми сопряжено выявление субъекта действий в этой среде, это возможно.

И, наконец, по признаку среды существования электронных вещественных доказательств, разумеет-

ся, есть отличие от вещественных доказательств, являющихся частью аналоговой среды. Компьютерная информация – это среда программных и технических средств, т.е. электронная среда. Данная особенность сказывается на работе с этими доказательствами, но не затрагивает их правовой сущности.

Главное, что делает некоторые электронные доказательства доказательствами вещественными, – это их отличие от личных доказательств, в том числе любых документов, которые являются в принципе производными личными доказательствами. Отличие это состоит в том, что электронные вещественные доказательства формируются объективно, как следы преступной деятельности, а не создаются специально для передачи информации о фактах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выдря М.М.* Вещественные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1955. 118 с.
2. *Теория доказательств в советском уголовном процессе.* 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. 735 с.
3. *Орлов Ю.К.* Основы теории доказательств в уголовном процессе : науч.-практ. пособие. М.: Проспект, 2000. 140 с.
4. *Кудрявцева А.В., Худякова Ю.В.* Вещественные доказательства в уголовном процессе России. Челябинск : Юж.-Урал. гос. ун-т, 2006. 176 с.
5. *Зигура Н.А.* Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России : дис... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 234 с.
6. *Мещеряков В.А.* Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. 408 с.
7. *Мещеряков В.А.* Электронные цифровые объекты в уголовном процессе и криминалистике // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. тр. Воронеж, 2004. Вып. 5. С. 153–169.
8. *Вехов В.Б.* Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки : автореф. дис... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. 45 с.
9. *Селиванов Н.А.* Вещественные доказательства. Криминалистическое и уголовно-процессуальное исследование. М., 1971. 198 с.
10. *Кужарникова Т.Э.* Электронный документ в уголовном процессе и криминалистике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2003. 24 с.
11. *Александров А.С., Бостанов Р.А.* Использование производных доказательств в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2013. 318 с.
12. *Зуев В.Л.* Доказывание по делам о преступлениях с административной преюдицией : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 190 с.
13. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 470 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 июня 2015 г.

ELECTRONIC EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 149–153. DOI: 10.17223/15617793/396/27

Pastukhov Pavel S. Perm State National Research University (Perm, Russian Federation). E-mail: pps64@mail.ru

Keywords: proof; physical evidence; electronic information.

There is a viewpoint in the current domestic criminal procedural doctrine that physical evidence implies objects, things and documents, and the content of physical evidence covers the traces, features and characteristics reflected on the above objects; they are available for immediate perception and can be found in the course of examination. The development of electronic technical means and their use for the commission of crimes have raised a question about the nature of information and correlation between electronic information of evidentiary value and “ordinary” physical evidence. Nowadays, there is a popular view point that it is necessary to draw a distinction between electronic information of evidentiary value and “ordinary” physical evidence. Some authors consider computer information to be physical evidence and claim that the data storage device is an object but only the content and characteristics of this object are of evidentiary value. Thus, it is the information itself but not a storage device that has evidentiary value. It is possible to revise the attitude towards the characteristics of thingness and materiality of physical evidence. Information has no material character, but today IT environment, existing in telecommunication channels, is a full-featured substitute of the material world. Events, which happen in this world, including crimes, reflect in different “objects”, in minds of subjects. When a cybercrime is committed, its information traces are similar to the material traces of an “ordinary” crime. An essential feature of physical evidence is its objective link with the fact to be proven, thus, it serves as a means for ascertaining facts that are being proved. This feature can be referred to electronic information which serves as a crime instrument, target of crime or a trace of crime, e.g., an attempted unauthorized access fixed in the register of a definite program. Considering evidential significance of electronic information, it is necessary to take into account that it is not a physical characteristic of a material carrier of information, its structure, its external view, but it is the content of the given information. To understand computer information, we cannot rely on the elementary mechanical reflection of facts. The algorithm developed by software engineers determines the mechanism of the computer information presentation; that is why this software is a means of fact reflection. Features of information objects, which are the object, instrument of a cybercrime, do not exclude a possibility to refer it to physical evidence. In such a case, it is necessary to specify that this type of physical evidence should refer to technology-related objects or processes. Despite the fact that electronic evidence occurs in the electronic environment, not all of it can be classified as documents: it is necessary to separate electronic evidence-documents (electronic) and electronic physical evidence.

REFERENCES

1. Vydrya, M.M. (1955) *Veshchestvennyye dokazatel'stva v sovetskom ugolovnom protsesse* [Physical evidence in the Soviet criminal trial]. Moscow: Gosyurizdat.
2. Zhogin, N.V. (ed.) (1973) *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [The theory of evidence in the Soviet criminal trial]. 2nd ed. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
3. Orlov, Yu.K. (2000) *Osnovy teorii dokazatel'stv v ugolovnom protsesse* [Fundamentals of the theory of evidence in criminal proceedings]. Moscow: Prospekt.
4. Kudryavtseva, A.V. & Khudyakova, Yu.V. (2006) *Veshchestvennyye dokazatel'stva v ugolovnom protsesse Rossii* [Physical evidence in the criminal trial of Russia]. Chelyabinsk: South Ural State University.
5. Zigura, N.A. (2010) *Komp'yuternaya informatsiya kak vid dokazatel'stv v ugolovnom protsesse Rossii* [Computer information as a form of evidence in the criminal trial of Russia]. Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
6. Meshcheryakov, V.A. (2002) *Prestupleniya v sfere komp'yuternoy informatsii: osnovy teorii i praktiki rassledovaniya* [Crimes in the sphere of computer information: basic theory and practice of investigation]. Voronezh: Voronezh State University.
7. Meshcheryakov, V.A. (2004) [Electronic digital objects in the criminal process and forensics]. *Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya* [Voronezh criminology readings]. Is. 5. Voronezh. pp. 153–169. (In Russian).
8. Vekhov, V.B. (2008) *Kriminalisticheskoe uchenie o komp'yuternoy informatsii i sredstvakh ee obrabotki* [Criminalistic doctrine of computer information and means of its processing]. Abstract of Law Dr. Diss. Volgograd.
9. Selivanov, N.A. (1971) *Veshchestvennyye dokazatel'stva. Kriminalisticheskoe i ugolovno-protsessual'noe issledovanie* [Physical evidence. Forensic and criminal procedural investigation]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
10. Kukarnikova, T.E. (2003) *Elektronnyy dokument v ugolovnom protsesse i kriminalistike* [Electronic document in the criminal process and criminology]. Abstract of Law Cand. Diss. Voronezh: Voronezh State University.
11. Aleksandrov, A.S. & Bostanov, R.A. (2013) *Ispol'zovanie proizvodnykh dokazatel'stv v ugolovnom protsesse* [The use of derivative evidence in criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
12. Zuev, V.L. (1991) *Dokazyvanie po delam o prestupleniyakh s administrativnoy preuditsiey* [Proving in cases on crimes with administrative prejudice]. Law Cand. Diss. Moscow.
13. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa: Osnovnye polozheniya nauki sovetskogo ugolovnogo protsessa* [The course of the Soviet criminal trial: The main provisions of the Soviet science of criminal proceedings]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

Received: 17 June 2015

ЭКОНОМИКА

УДК 330.88::336.6:614.2

С.А. Банин, Е.Н. Акерман

МЕТОДОЛОГИЯ СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ В СИСТЕМЕ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НА ОСНОВЕ МАТРИЦЫ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Представлен методический инструментарий по согласованию интересов субъектов медицинской деятельности, в основе которого – построение матрицы предпочтений. Использование матрицы предпочтений в процессе стратегического планирования развития отечественной системы здравоохранения позволит выявить существенные характеристики аналитических параметров субъектов здравоохранительной деятельности, а также их соотношения (противоречия, согласованность). Практическая составляющая статьи представлена примерным фрагментом гомогенной матрицы предпочтений и всерным анализом возможности реализации предпочтений субъектов здравоохранительной деятельности.

Ключевые слова: субъекты медицинской деятельности; матрица предпочтений; баланс интересов.

В теории и практике российского здравоохранения применение методологии системного подхода, системного анализа, научно-теоретических и практических аспектов теории сложности и хаоса, теории мягких систем и многих других современных научных воззрений, оказавших прямое системообразующее влияние на развитие национальных систем здравоохранения наиболее развитых стран мира, не находят своего должного применения. Современная наука, на наш взгляд, во многом идет параллельно практике отечественной здравоохранительной деятельности (здравоохранительная деятельность – термин, введенный автором для обозначения системного представления о деятельности здравоохранения по предоставлению и медицинской помощи, и медицинских услуг в их неразрывном единстве), что является одной из причин отставания российского здравоохранения от результатов, которые имеют европейские страны в деле охраны здоровья населения.

Особую актуальность приобретают вопросы формирования методики согласования интересов участников системы медицинского обслуживания, поскольку именно они определяют в дальнейшем приоритеты развития всей системы здравоохранения.

Система здравоохранения является многофункциональной системой [1]. С точки зрения математики, деятельность по предоставлению медицинской помощи y (область задания), результат каждой переменной в которой зависит (является следствием) от деятельности множества других процессов, явлений – x (область значений), т.е. $y = f(x)$. Области заданий и значений имеют множество характеристик. Для упорядочивания происходящих в динамике процессов необходимо определить цель и, исходя из нее, ограничить степени свободы множества функций и множества аргументов.

На рис. 1 представлен общий вид матрицы, которая включает поле функций (на рисунке затемнено) и поле аргументов, а также цель, ради которой формируется данная матрица.

Поле функций матрицы предпочтений формируют субъекты медицинской деятельности; поле аргументов – интересы данных субъектов.

Главная цель создания матрицы предпочтений (цель первого порядка) – анализ возможности достижения баланса интересов всех субъектов здравоохранительной деятельности.

	Y_1	Y_2	Y_3	Y_4	...	Y_n
Y_1	a_{11}	a_{12}	a_{13}	a_{14}	...	a_{1n}
Y_2	a_{21}	a_{22}	a_{23}	a_{24}	...	a_{2n}
			ЦЕЛЬ			
Y_3	a_{31}	a_{32}	a_{33}	a_{34}	...	a_{3n}
Y_4	a_{41}	a_{42}	a_{43}	a_{44}	...	a_{4n}
...
Y_n	a_{n1}	a_{n2}	a_{n3}	a_{n4}	...	a_{nn}

Рис. 1. Общий вид матрицы предпочтений

Матрицу предпочтений можно создать и без формального установления главной цели, имея в виду, что в данном случае целью будет являться сам процесс создания матрицы – выявление функционала и всех возможных аргументов. После того как матрица будет сформирована, установление конкретной цели

(цели второго и последующих порядков) в соотношении их с главной целью позволяет ограничить степени свободы аргументов матрицы. Более того, это позволяет проводить более глубокий анализ реальной картины предоставления медицинских услуг не только на любом временном и пространственном отрезке реаль-

ности, но и в динамике, что принципиально важно для исследования функциональных систем.

Вторым важнейшим действием является выбор функционала матрицы с использованием метода ограничения степени свободы, т.е., по сути, установление необходимого для достижения поставленной цели перечня субъектов медицинской деятельности.

Субъектов, заинтересованных в предоставлении медицинской помощи и медицинских услуг, очень много. В специальной литературе описан классифицированный перечень различных субъектов, представленный в виде пирамиды, имеющей три уровня: верхний – собственно медицинский (многочисленные медицинские организации всех форм собственности); средний – поставщики сырья и материалов (предприятия, выпускающие медицинские препараты и оборудование и т.д.), прочие снабжающие отрасли (ВПК, промышленность, транспорт и связь и др.), поставщики специализированных услуг, смежные отрасли; нижний – обеспечивающий (финансовые институты, поставщики инфраструктуры, учебные и научно-исследовательские институты). Обращается внимание на такие структуры, как органы управления здравоохранением, общественные, а также на бизнес-окружение I уровня (страховые медицинские организации, фонд ОМС) и бизнес-окружение II уровня (финансовые институты, вузы и пр.). При этом указывается, что, например, общественные институты имеют интерес к реализации социально-значимых целей; бизнес-окружение I уровня – к обеспечению порядка предоставления медицинских услуг, эффективного и рационального использования финансовых ресурсов; бизнес-окружение II уровня – к расширению клиентской базы и ряд других специфических интересов и предпочтений [2].

Анализ нормативной правовой базы и научной литературы показал целесообразность ограничить круг основных субъектов взаимоотношений по формуле 4+3:

– «четыре» – это: 1) общественные институты; 2) человек (со стороны внешней среды здравоохранения); 3) медицинская организация; 4) медицинский работник (со стороны внутренней среды здравоохранения);

– «три» – это структуры, имеющие прямое влияние на характер принимаемых решений и достигнутый результат: 5) орган управления здравоохранением; 6) фонд ОМС; 7) СМО (представители системы медицинского страхования как ведущей финансовой системы здравоохранения России).

Каждый из указанных субъектов имеет свой интерес, ценности, приоритеты, свои предпочтения, которые могут динамично меняться.

При формировании аналитических параметров являются интересы и предпочтения субъектов здравоохранительной деятельности (по аналогии с методологией интерактивного планирования Р.Л. Акоффу «мессиво предпочтений»). Необходимо максимально учесть интересы и предпочтения субъектов для достижения поставленной конкретной цели. Окончательный этап выбора аргументов матрицы осуществляется методом ограничения степеней свободы аргументов в соответствии с аналитической целью, установленной при

формировании матрицы предпочтений, всегда имея в виду главную цель.

Следует отметить, что формирование методического инструментария для согласования интересов субъектов здравоохранительной деятельности целесообразно проводить в два этапа: для целей формирования матрицы и для целей анализа матрицы.

Матрица предпочтений представляет собой аналитическую таблицу, в которой представлен функционал, аналитические параметры и цели субъектов медицинской деятельности, а также связи между ними.

Главный функционал матрицы, с аналитическими параметрами которого соотносятся все другие параметры субъектов, является первичным приоритетом. При этом функционал матрицы, аналитические параметры которого соотносятся с параметрами главного функционала матрицы, является вторичным (обусловленным) приоритетом. Исходя из направленности приоритетов, выделяют гомогенную и гетерогенную матрицы. Так, для первой матрицы характерен равнозначный приоритет всех субъектов медицинской деятельности, для второй матрицы предварительно задано или определено самим исследователем наличие субъектов, имеющих различный приоритет предпочтений. Гетерогенная матрица может быть структурирована по значимости приоритетов.

Использование бинарного анализа при формировании методического инструментария для анализа матрицы позволяет выявить существенные характеристики аналитических параметров того или иного субъекта медицинской деятельности и соотнести их с характеристиками аналитических параметров других субъектов медицинской деятельности, находящихся на одной строке поля матрицы.

Бинарный анализ проводится в двух направлениях: по горизонтальным строкам матрицы – горизонтальный, по вертикальным – вертикальный бинарный анализ.

Совокупность горизонтальных и вертикальных связей аналитических параметров, отражающая множество возможных аналитических связей функционала матрицы при проведении бинарного анализа, формирует сетку матрицы.

На рис. 2 графически представлены связи и сетка матрицы. Связи матрицы отражают оценку влияния аналитических параметров одного субъекта на аналитические параметры другого субъекта. В матрице предпочтений связи матрицы отображаются в виде различного рода стрелок, так называемое перо матрицы. При этом прямые связи матрицы отражают оценку влияния аналитических параметров главного для данного исследования субъекта на аналитические параметры других субъектов, а обратные – оценку влияния аналитических параметров второстепенных (не приоритетных) для данного исследования субъектов на аналитические параметры главного субъекта.

Для выявления существенных характеристик аналитических параметров главного для данного исследования субъекта медицинской деятельности и их соотнесение с существенными характеристиками аналитических параметров других субъектов медицинской деятельности, находящихся на разных строках поля

матрицы, целесообразно использовать веерный анализ. Совокупность прямых и обратных связей аналитических параметров, отражающая множество воз-

можных связей функционала матрицы при проведении веерного анализа, называется паутиной матрицы и представлена на рис. 3.

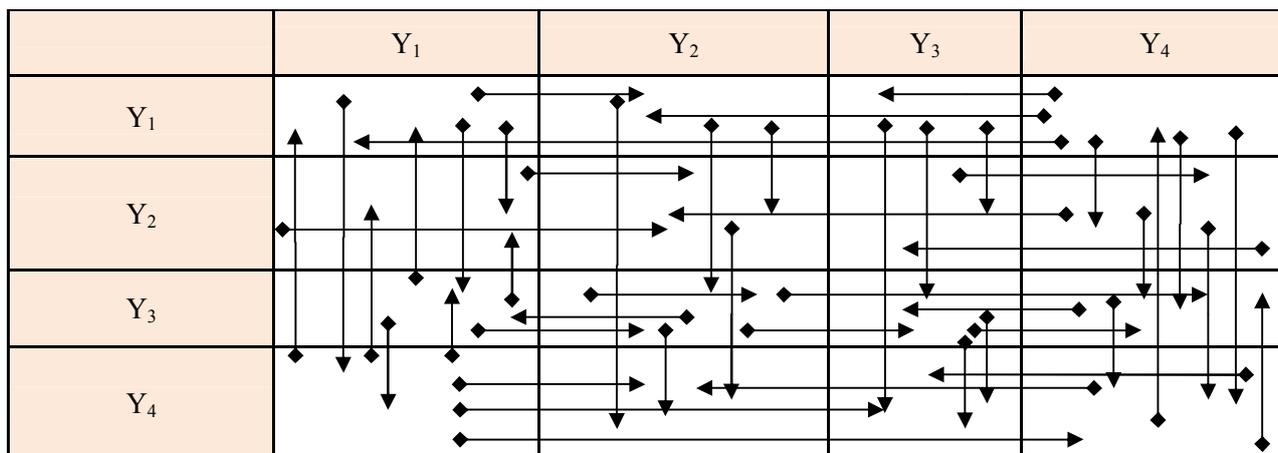

Рис. 2. Бинарный анализ, связи и сетка матрицы (фрагмент)

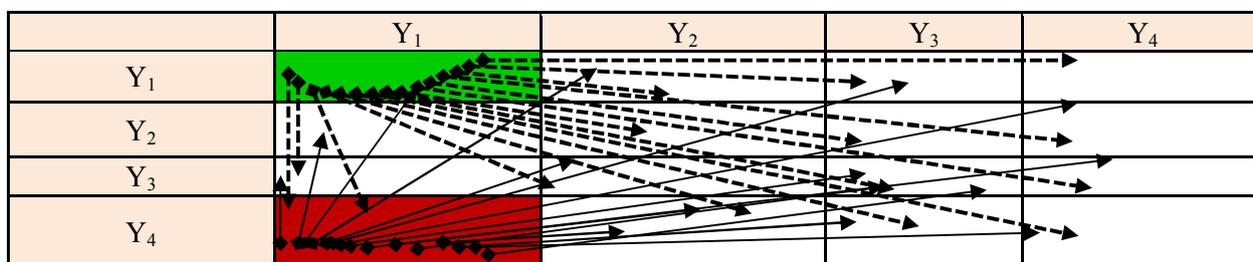

Рис. 3. Веерный анализ, прямой веер, паутина матрицы (фрагмент)

Взаимобусловленность аналитических параметров двух субъектов матрицы в отношении исследуемого субъекта формирует сложные связи, которые в свою очередь образуют сложные комплексные связи

(рис. 4), в которых представлена взаимобусловленность аналитических параметров нескольких субъектов матрицы в отношении одного или нескольких исследуемых субъектов.

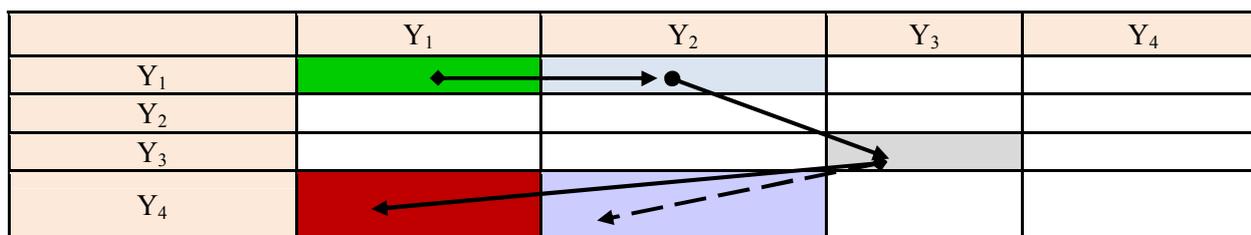

Рис. 4. Сложная комплексная связь в матрице предпочтений

Цель, помещенная в центр матрицы, и совокупность ее связей со всеми другими аналитическими параметрами ячеек матрицы образуют ядро матрицы.

Несовместимость одного или нескольких аналитических параметров одного субъекта матрицы с одним или несколькими аналитическими параметрами другого (или других) субъекта матрицы свидетельствует о конфликте интересов. В данном случае используется аналитический прием временного исключения из дальнейшего анализа одной или нескольких связей аналитических параметров (блокировка пера матрицы, рис. 5), что позволяет исключить явные противоречия до решения проблемы конфликта интересов и сконцентрироваться на взаимобусловленных аналитических параметрах.

Выпадение нескольких ячеек матрицы свидетельствует о системных проблемах в данной аналитической модели.

Формирование матрицы осуществляется бинарным (горизонтальным, вертикальным) или веерным методами. Все зависит от условий, целей и задач, в которых работает исследователь. Если исходить из идеологии гомогенности матрицы, то применяется метод бинарного анализа (по горизонтали или вертикали); а если исходить из идеологии гетерогенности матрицы (наличие приоритетов), то рациональнее формировать ее с использованием методов веерного анализа (прямых или обратных связей). Матрица может быть сформирована и другими, более сложными

методами с использованием инструментария сложных и сложных комплексных связей.

Итак, формирование матрицы включает: целеполагание, определение функционала и аргументов матрицы. При заданных параметрах исследуемой ячейки

матрицы, используя технологии работы с мягкими системами, необходимо сформировать предпочтения других субъектов таким образом, чтобы они способствовали достижению предпочтений, обозначенных в исследуемой ячейке матрицы (рис. 6).

	Y_1	Y_2	Y_3	Y_4
Y_1				
Y_2				
	X	ЦЕЛЬ		
Y_3				
Y_4			X	

Рис. 5. Ядро матрицы, приоритет матрицы (Y_4), выпадение ячейки ($Y_4 : Y_4$) и блокировка пера матрицы (помечено X) в соответствии с выбранными приоритетами; прямые и обратные связи

	Общество	Система здравоохранения	Гражданин	Медицинский работник
Общество	?	?	?	?
Система здравоохранения	?	?	?	?
Обеспечить доход организации при фондодержании				
Гражданин	?	?	?	?
Медицинский работник	?	?	?	?

Заработная плата 100 тыс. руб./мес.

Рис. 6. Формирование гетерогенной матрицы предпочтений с использованием метода прямого всеерного анализа

Деятельность по формированию матрицы – системная работа. В зависимости от сложности проблем она должна проводиться на различных уровнях принятия управленческих решений. По сути, эта работа заключается в обеспечении баланса интересов всех субъектов при заданных исходных параметрах.

Этот этап может иметь самостоятельный прикладной характер, т.е. исследование может ограничиться именно формированием корректной матрицы предпочтений при заданной цели и исходных параметрах. Уже сама по себе такая работа имеет важное значение для понимания проблем и характера решений, которые могут зависеть от всех выбранных субъектов матрицы.

Кроме того, при заданных исходных параметрах матрица предпочтений может быть разработана различными субъектами: отдельно общественными институтами, отдельно медицинской организацией или органом управления здравоохранением, гражданином или медицинским работником, фондом ОМС или страховой компанией.

В качестве примера в табл. 1 приводится фрагмент сформированной матрицы предпочтений, включающий интересы первых четырех субъектов медицинской деятельности.

Данная матрица была сформирована методом горизонтального бинарного анализа. Так, по строке «общество», в первой ячейке матрицы a_{11} заносится предпочтения самого общества, во второй a_{12} – ожидания, предпочтения, интересы общества от системы

здравоохранения, в третьей a_{13} – ожидания, предпочтения, интересы общества от граждан и в четвертой a_{14} – от медицинских работников. Каждая ячейка матрицы содержит от 1 до 3 аналитических параметров и автоматически предоставляет возможность проводить вертикальный бинарный и всеерный анализы.

Рассмотрим пример: ячейка матрицы «Медицинский работник». Нас интересует врач амбулаторно-поликлинического звена, конкретно – территориальной поликлиники – первичный приоритет.

Конкретизируем предпочтение «высокий социальный и профессиональный статус» через размер заработной платы в 100,0 тыс. руб./мес., т.е. именно этого медицинский работник ожидает от общества, от системы здравоохранения.

Врач работает в конкретной территориальной поликлинике, действующей в условиях одноканального финансирования с фондодержанием. Тогда в качестве цели выступает обеспечение дохода территориальной поликлиники при фондодержании как обязательное условие благополучия медицинского работника. Внешней средой является дефицит финансирования амбулаторно-поликлинической службы.

Необходимо провести анализ возможности реализации предпочтений врачей территориальной поликлиники при достижении поставленной цели и установленных предпочтений других субъектов системы, действующих в условиях дефицита финансирования. Другими словами, матрица уже сформирована, про-

чие характеристики заданы; возможно ли при таких условиях обеспечить заработную плату врачей поли-

клиники в размере 100 тыс. руб./мес.? Проведем анализ методом прямого веера (табл. 2).

Таблица 1

Гомогенная матрица предпочтений (фрагмент)

Показатель	Общество	Система здравоохранения	Гражданин	Медицинский работник
Общество	Выделение ресурсов на удовлетворение потребностей. Сокращение доли госфинансирования при сохранении социальных принципов предоставления медицинских услуг	Эффективное и рациональное использование ресурсов	Участие в софинансировании здравоохранения	Обеспечение достижения целей, функций и задач системы здравоохранения
Система здравоохранения	Выделение как можно больше ресурсов. Ответственность за работу национальной системы здравоохранения	Завышение требуемых ресурсов. Расширение возможности «внутренних инвестиций» (платные услуги и др.)	Заботы о собственном здоровье, с другой стороны, система заинтересована в наличии пациентов. Повышение платежеспособности населения	Исполнение главной функции системы: оказание медицинских услуг. Установление степени широты выбора «кого лечить, что лечить и как лечить»
Гражданин	Обеспечение социальной и финансовой защиты от расходов, связанных с нездоровьем. Госуправление на всех уровнях системы здравоохранения для достижения максимальных результатов	Высокое качество и доступность медицинской помощи (в идеале – неограниченный доступ к ресурсам здравоохранения). Понимание платности и бесплатности. Право выбора учреждения и врача	Минимум усилий для достижения собственного высокого уровня здоровья	Высокий профессионализм. Уважение, соблюдение достоинства человека как личности и гражданина
Медицинский работник	Высокий социальный и профессиональный статус	Медико-организационные и финансовые условия для профессиональной деятельности	«Достаточное» количество пациентов. Взаимное уважение. Соблюдение мед. рекомендаций	Разделение ответственности. Коллективное решение в случае необходимости

Таблица 2

Пример матрицы предпочтений (исходная база для анализа предпочтений врача поликлиники и общества)

Показатель	Общество	Система здравоохранения	Гражданин	Медицинский работник
Общество	Выделение ресурсов под потребности	Эффективное использование ресурсов	Участие в финансировании здравоохранения	Достижение целей, и задач системы здравоохранения
Система здравоохранения	Выделение как можно больше ресурсов	Завышение требуемых ресурсов	Повышение платежеспособности населения	«Кого лечить, что лечить и как лечить»
Обеспечить доход организации при фондодержании				
Гражданин	Социально-финансовая защита от расходов, связанных с нездоровьем	Четкое понимание платности и бесплатности	Минимум усилий для достижения высокого уровня здоровья	Высокий профессионализм
Медицинский работник (врач поликлиники)	Зарплата 100 тыс. руб./мес.	Медико-организационные и финансовые условия для профессиональной деятельности	«Достаточное» количество пациентов	Разделение ответственности

Используя ранее сформированные предпочтения субъектов матрицы (см. табл. 1), рассмотрим соотношение с заданными параметрами предпочтений общества. Для простоты восприятия набор предпочтений (степени свободы) ограничен в каждой ячейке матрицы одной характеристикой. Выбранные позиции представлены в виде аналитической таблицы (табл. 3).

Таким образом, можно провести анализ каждой ячейки матрицы при всех заданных или сформированных параметрах.

Итак, представленный методический инструмент построения матрицы предпочтений дает возможность для формирования массива аналитического материала в целях управления системой здравоохранения.

Матрица позволяет рассмотреть проблему с разных сторон, учесть интересы различных субъектов системы здравоохранения. Матрица предпочтений представляет действенную методологию для интерактивного (основанного на взаимодействии) и партисипативного (участие всех заинтересованных лиц, групп, сил) планирования (Р.Л. Акофф), особенно в первой, наиважнейшей его фазе – формирование «проблемного мессива» (в нашем случае – интересы, предпочтения), когда надо выявить реальные проблемы, перспективы, угрозы и возможности, стоящие перед организацией [3]. В дальнейшем возможно применение полученной информации и в других аналитических системах, например в SWOT анализе.

Анализ предпочтений субъектов медицинской помощи

Зарплата врача территориальной поликлиники в 100 тыс. руб./мес. как средство, способствующее достижению цели обеспечения дохода поликлиники в условиях дефицита финансирования при заданных предпочтениях других субъектов				
Общество	В выделении ресурсов под реально обоснованные потребности	В эффективном и рациональном использовании выделенных ресурсов	Участие в финансировании здравоохранения	Обеспечение достижения целей и задач системы здравоохранения
1. Общество предпочитает выделять ресурсы под реально обоснованные потребности				
Анализ		Результат анализа		
1.1. Кто оценивает потребность?		Орган исполнительной власти субъекта РФ, уполномоченный в сфере здравоохранения		
Вывод:		Адекватная оценка сомнительна, потребность должна определяться врачом		
1.2. Какова методика оценки потребности?		От норматива		
Вывод:		Адекватная оценка сомнительна		
1.3. Какова методика формирования финансовых ресурсов и доведения их до поликлиники?		Одноканальное финансирование в условиях фондодержания		
Вывод:		Методика соответствует цели		
1.4. Имеются ли предпосылки устранения дефицита финансирования?		Размер финансовых средств растет, но их использование носит нецелостный дробный характер		
Вывод:		Скорее нет		
Общий вывод:		Предпочтения общества скорее противоречат предпочтениям врача и вряд ли будут способствовать достижению поставленной цели (частичное выпадение ячейки матрицы)		
2. Общество ожидает от поликлиники эффективного и рационального использования выделенных ресурсов				
2.1. Как понимается эффективное использование выделенных ресурсов?		Отсутствие кредиторской задолженности		
Вывод:		Параметр, некорректный с точки зрения эффективности использования ресурсов конкретным врачом		
2.2. Как понимается рациональное использование выделенных ресурсов?		Соответствие стандартам обследования		
Вывод:		Стандарты отсутствуют, говорить о рациональности невозможно		
2.3. Каковы критерии эффективности и рациональности?		Выполнение нормативов деятельности и лимитов финансирования		
Вывод:		Критерии не соответствуют пониманию эффективности и рациональности использования выделенных ресурсов		
2.4. Достижимость критериев		Объемы деятельности завышены, лимиты финансирования занижены		
Вывод:		Критерии недостижимы		
2.5. Какова доля заработной платы в структуре дохода?		40%		
Вывод:		Низкая		
Общий вывод:		При заданных параметрах достигнуть ожиданий общества от деятельности данной поликлиники крайне сложно (выпадение ячейки матрицы)		
3. Общество ожидает от граждан участия в софинансировании расходов поликлиники				
3.1. Какова доля софинансирования в общем объеме финансовых средств?		Менее 10%		
Вывод:		Доля софинансирования незначительная, дополнительных ресурсов на повышение заработной платы практически нет		
3.2. Каковы условия софинансирования?		Официальные договорные через отдел маркетинга, в нерабочее время		
Вывод:		Рациональнее устроиться в частную организацию		
3.3. Какова доля врача?		Определяется администрацией поликлиники		
Вывод:		Рациональнее устроиться в частную организацию		
3.4. Каков механизм доведения финансовых средств до врача?		Учитывается в общем доходе врача		
Вывод:		Врач не мотивирован		
3.5. Как граждане оценивают необходимость софинансирования?		Негативно		
Вывод:		Предпочтения общества и граждан входят в противоречие		
Общий вывод:		Рациональнее устроиться в частную организацию (частичное выпадение ячейки матрицы)		
4. Общество ожидает от врачей данной поликлиники обеспечения достижения целей, функций и задач системы здравоохранения				
4.1. Как цели, функции и задачи, выдвигаемые обществом, соотносятся с выдвинутой реальной целью?		Не соотносятся		
Вывод:		Поставленная перед поликлиникой цель противоречит предпочтениям общества		
Общий вывод:		Деятельность поликлиники направлена по другому вектору, отличному от предпочтений общества (выпадение ячейки матрицы)		
ИТОГ:		Отрицательный: при заданных параметрах предпочтения врачей не достижимы (учитывая выпадение нескольких ячеек матрицы, – системная проблема)		

ЛИТЕРАТУРА

1. Венедиктов Д.Д. Первичная медико-санитарная помощь : системные и организационные аспекты // Персональный блог Д.Д. Венедиктова. Главмединфо : социальная сеть для врачей, 2012. URL: http://glavmedinfo.ru/page/blog/club/view_post.seam?userId=75352&postId=114097 (дата обращения: 31.07.2013).

2. Банин А.С. Совершенствование управления системой здравоохранения региона на основе кластерного подхода : автореф. дис. ... канд. эконом. наук. URL : <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000233803> (дата обращения: 03.01.2014).
3. Акофф Р. Планирование будущего корпорации / пер. с англ. ; общ. ред. и предисл. В.И. Данилова-Данильяна. М. : Прогресс, 1985. 327 с.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 23 мая 2015 г.

METHODOLOGY FOR RECONCILING THE INTERESTS IN THE HEALTH CARE SYSTEM BASED ON THE MATRIX OF PREFERENCE

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 154–160. DOI: 10.17223/15617793/396/28

Banin Sergey A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sbanin56@mail.ru

Akerman Elena N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation), Legislative Duma of Tomsk Oblast (Tomsk, Russian Federation). E-mail: aker@tomsk.gov.ru

Keywords: subjects of medical practice; matrix of preferences; balance of interests.

Currently, issues related to the formation of a technique of coordination of interests of participants of the system of health care are relevant because they determine priorities in the further development of the entire health care system. The article presents the methodological tools to harmonize the interests of medical activities; the basis of the construction is the matrix of preferences. The main objective of the matrix of preferences is the analysis of the possibility of achieving a balance of interests of all stakeholders of health care activities. Analysis of the regulatory framework and the scientific literature has shown the feasibility of a limited range of basic subjects of the relationship by the formula 4 + 3. Given the poly-subject provision of health care and medical services, the main subjects of analysis are determined as follows: public institutions; people (from the external environment of health care); medical organizations; health workers (from the internal environment of health care); health authorities; CHI Fund; medical insurance organizations (representatives of the health insurance system as a leading financial health care system of Russia). Using a binary analysis of the formation of methodological tools for the analysis of the matrix allowed revealing the essential characteristics of the analytical parameters of a subject's medical activities and correlating them with the characteristics of the analytical parameters of other subjects of medical activity. Presented methodological tools for constructing the matrix of preferences allows forming an array of analytical data for the management of the health system. Matrix allows us to consider the problem from different angles, to take into account the interests of the various actors of the health care system. In the future, it is possible to use the information in other assay systems, e.g., in a SWOT analysis. Using the matrix of preferences in the process of strategic planning of the national health care system will identify the essential characteristics of the analytical parameters of the subjects of health care activities as well as their ratio (contradiction, consistency). The practical component of the article is a sample from the homogeneous matrix of preferences and fan-analysis of the feasibility of preferences of the subjects of health care activities.

REFERENCES

1. Venediktov, D.D. (2012) *Pervichnaya mediko-sanitarnaya pomoshch': sistemnye i organizatsionnye aspekty* [Primary health care assistance, system and organizational aspects]. [Online]. Available from: http://glavmedinfo.ru/page/blog/club/view_post.seam?userId=75352&postId=114097. (Accessed: 31st July 2013).
2. Banin, A.S. (2007) *Sovershenstvovanie upravleniya sistemoy zdravookhraneniya regiona na osnove klasterного podkhoda* [Improving the management of the health care system of the region based on the cluster approach]. Abstract of Economics Cand. Diss. Tomsk [Online]. Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000233803>. (Accessed: 03rd January 2014).
3. Ackoff, R. (1985) *Planirovanie budushchego korporatsii* [Planning of the future of the corporation]. Moscow: Progress.

Received: 23 May 2015

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ СПРАВЕДЛИВОСТИ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Российская налоговая система характеризуется множеством проблем, которые препятствуют социально-экономическому развитию государства и общества; это и регрессивность многих налогов, и ориентация налоговой нагрузки на низкодоходные категории плательщиков, и слабая социальная направленность, и значительные масштабы уклонений от уплаты налогов. Одной из причин сложившейся ситуации является отсутствие справедливости налоговой системы. В связи с необходимостью поиска направлений решения налоговых проблем представляется актуальным исследовать критерии справедливости налоговой системы.

Ключевые слова: налоговая система; принципы налогообложения; справедливость налоговой системы.

Установление критериев справедливости налоговой системы должно способствовать эффективному ее реформированию и тем самым решению многих социально-экономических проблем.

Понятие «справедливость» довольно часто встречается в литературных источниках, посвященных исследованию сферы налогообложения, но единого подхода к его толкованию, и тем более законодательно-закрепленного определения данного термина, нет. Это еще более усиливает актуальность направления исследования критериев справедливой налоговой системы в современных условиях.

Установим значение терминов «критерий», «справедливость» и «налоговая система».

Так, критерий – это признак, основание, правило принятия решения по оценке чего-либо на соответствие предъявленным требованиям [1].

С.И. Ожегов дает следующее определение понятию «справедливый»:

1. Действующий беспристрастно; соответствующий истине.

2. Осуществляемый на законных и честных основаниях.

3. Истинный, правильный [2].

Философский словарь трактует понятие «справедливость» как «категорию морально-правового и социально-политического сознания, понятие о должном, связанное с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека» [3].

Итак, критерии справедливости – это признаки правильности, соответствующие современным представлениям о правах человека.

Налоговая система – это система законодательно закрепленных и функционирующих по определенным принципам налоговых отношений, включающая совокупность действующих на территории государства налогов и сборов; законодательные и нормативно-правовые документы, регулирующие сферу налогообложения; взаимодействующих субъектов налоговых отношений, имеющих различные экономические интересы, и обеспечивающая исполнение доходной части бюджета государства.

Таким образом, задачей настоящей статьи является установление признаков правильности налоговой системы, соответствующих современным представлениям о совершенном порядке налогообложения.

Вопросы справедливости налогов изучаются с момента появления первых налоговых теорий. И во все времена исследования справедливости остаются актуальными. Нет государства, в котором граждане были бы довольны своей налоговой системой, и в качестве основного ее недостатка чаще называют именно ее несправедливость. Справедливая система налогообложения – это идеальная мечта любого государства и общества [4]. Но четких правил построения такой системы до сих пор нет.

На каждом этапе человеческой истории под влиянием экономических, политических, социальных, культурных факторов развития общества происходило изменение понимания справедливости, но сама идея «справедливого» всегда остается тем идеалом, к которому стремится любое цивилизованное общество. «Ни одна культура и ни одна эпоха не желают отказываться от справедливости. С древних времен одной из главных целей человечества было то, чтобы в мире воцарилась справедливость» [5. С. 10].

В налоговой теории понятие справедливости эволюционировало от абсолютного равенства и всеобщности обложения к соразмерности, отразившейся в теориях пропорционального и прогрессивного налогообложения, к необлагаемому минимуму, равномерному распределению налогового бремени, переложению налогов.

В настоящее время происходит обобщение взглядов на понимание принципа справедливости налогообложения и утверждения следующих пунктов:

1. Принцип справедливости закрепляется в качестве главного при установлении налогов.

2. Принцип справедливости является общим, и для его реализации необходимо соблюдение следующих принципов:

2.1. Принцип всеобщности, который не следует абсолютизировать: налоговая нагрузка на различные категории плательщиков может различаться, и принцип не нарушается, а происходят перераспределение доходов и дифференциация налогов и сборов с учетом имущественного положения налогоплательщиков.

2.2. Принцип равенства, понимаемый как равномерное распределение налогового бремени между налогоплательщиками; недопустимость введения налогов и сборов, имеющие различные условия их исчисления и уплаты на основе дифференциации плательщиков по каким-либо признакам, отличным от тех, которые характеризуют их налоговую способ-

ность; единые ставки для налогоплательщиков, имеющих одинаковое имущественное положение; равенство правового положения государства и налогоплательщиков.

2.3. Принцип соразмерности предполагает учет материальных возможностей налогоплательщика.

2.4. Принцип экономической обоснованности означает то, что налогообложение должно учитывать экономическое положение плательщиков, исключает произвольное установление налогов и сборов и требует, чтобы налогообложение осуществлялось исключительно с учетом их налоговой способности плательщиков.

Понимание принципов равенства, всеобщности, соразмерности, экономической обоснованности может содержать элементы дифференциации, соответствующие современным представлениям о социальных нормах в обществе и правах человека.

3. Наличие адекватного современным условиям размера необлагаемого минимума дохода как необходимое условие соблюдения данного принципа.

4. Дифференцированность в части разновидности налогов, налоговых льгот, налоговых ставок.

5. Справедливость налоговой системы проявляется в достижении цели взимания налогов с минимальным воздействием на экономическую деятельность участников налоговых отношений.

Выделяются следующие подходы к определению признаков справедливости налоговой системы:

1. Установление соответствия государственных услуг сумме уплаченных налогов. «Чем больше соответствие между уплаченными налогами и полученными общественными благами, тем больше степень добровольности налогообложения и его гармонизации» [6. С. 28]. Проблемы этого подхода заключаются в следующем:

– невозможно установить эквивалент измерения некоторых государственных услуг;

– нереально определить соответствие полученных отдельным плательщиком общественных услуг и суммы уплаченной им налогов. Отчасти можно соизмерить в целом сумму, уплаченную по отдельному налогу, с объемом предоставленных государством услуг, если этот налог ориентирован на финансирование определенных государственных нужд, плательщиками которых выступают лица, больше других получающие определенные блага от государства;

– по сути поиск указанного соответствия некорректен, в связи с тем что всегда есть определенная категория населения, нуждающаяся с поддержке и защите государства, но не имеющая средств оплачивать налоги.

2. Рост благосостояния общества, которое, по данным источников литературы, понимается следующим образом:

– рост благополучия всех индивидов в отдельности. Абсолютное выполнение этого условия невозможно, так как если рассматривать, например, двух индивидов с противоположными интересами, то ни одна система не сможет обеспечить их одновременное удовлетворение;

– уменьшение количества бедных за счет перераспределения средств богатых, уплаченных в виде налогов;

– социально-экономическое развитие общества в целом, т.е. улучшение уровня жизни большинства населения, что приводит к росту экономики страны.

Содержание принципа справедливости обусловлено следующими современными представлениями о совершенной налоговой системе, такими как:

– выравнивание социального положения населения;

– необходимость помощи нуждающимся слоям населения (многодетные семьи, малообеспеченные, студенты, пенсионеры, инвалиды) за счет перераспределения доходов;

– нейтральность налогов в отношении влияния на принятие коммерческих решений;

– равенство государственной и частной собственности;

– равенство законов при защите прав;

– соблюдение права на труд, обеспечение занятости.

Как их нужно учитывать при построении налоговой системы:

1) налоги не должны ухудшать положения плательщика;

2) налоги не должны забирать все денежные средства плательщика;

3) не должно быть дискриминации частной собственности;

4) налоги не должны не вынуждать сокращать персонал на коммерческих предприятиях.

Сформулируем составляющие аспекты критерия справедливости налоговой системы:

1. Справедливость налоговой системы относительна и различается:

1.1) во времени. Понятие справедливости имеет различный смысл на разных стадиях развития человечества;

1.2) для отдельных участников налоговых отношений, таких как:

– налогоплательщики и налоговые органы;

– различные категории плательщиков и др.;

1.3) для отдельного человека (коммерческого предприятия) и для общества в целом.

Для отдельного налогоплательщика (человека или организации) справедливость налоговой системы будет пониматься по-своему и может быть никак не связана с необходимостью реализации своей главной фискальной цели. Да и неправильно рассматривать справедливость всей системы через позицию отдельного ее элемента.

Справедливость налоговой системы нужно рассматривать с точки зрения ее влияния на общество в целом;

1.4) политического устройства государства. По мнению отдельных современных авторов, проблема справедливости в налогообложении – это проблема в первую очередь политического характера [7. С. 12];

1.5) культуры народа, сложившихся норм и традиций.

2. Справедливость налоговой системы – сложная и многогранная категория.

3. Объективная оценка данного понятия невозможна. Понятие справедливости налоговой системы –

это совокупность субъективных представлений о совершенном порядке налогообложения.

4. Категория, которая не поддается расчету.

5. Характерен распределительный аспект – выравнивание доходов общества как необходимое условие обеспечения приемлемого уровня жизни всех членов общества.

6. Для достижения справедливости применение принципов, формы налогообложения, элементов налога и налоговой нагрузки зависит от социально-экономического развития государства.

Итак, стремясь к определению справедливости, оценка того или иного элемента, принципа построения налоговой системы в отдельности безосновательна. Должен быть применен системный подход с анализом влияния всей системы (и отдельных ее элементов, принципов) на социально-экономическое положение в государстве. К тому же в данном понятии много относительности и субъективности. Но в любом случае только в зависимости от социально-экономического уровня развития государства можно рассчитывать, какие меры будут справедливы: преобладание равенства или дифференциации (проявляющихся в пропорциональных или прогрессивных ставках), размер налогов: высокие или низкие; прямые или косвенные; дифференциация налоговой нагрузки: по категориям плательщиков; по отраслям экономики; видам объектов обложения; территориально-географическому расположению; по налогам (прямые / косвенные); налоговые льготы.

В каждой налоговой системе имеются элементы несправедливости:

1. По природе своей налоговые отношения носят принудительный характер по отчуждению части имущества, дохода в пользу государства.

2. Наличие налоговых льгот, различных налоговых ставок приводит к дифференциации налоговой нагрузки и нарушению принципа равенства налогоплательщиков.

3. Различие в мере ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах в зависимости от видов налогоплательщиков (организации и физические лица).

4. Поддержка определенных отраслей и видов деятельности на основе использования налоговых инструментов.

5. Нет возможности быть справедливой ко всем участникам отношений (так как их интересы разные).

Сформулируем критерии справедливости налоговой системы:

1. Основанное на соблюдении прав и интересов налогоплательщиков и общества законодательство о налогах и сборах;

2. Система налогов и сборов характеризуется:

– дифференцированностью по количеству и виду налогов;

– наличием налогов, ориентированных на финансирование определенных государственных нужд, плательщиками которых выступают лица, больше других получающие определенные блага от государства;

– отсутствием необоснованно установленных налогов и сборов;

– установлением налогов, основанным на исследовании общественных потребностей и анализе сумм возможных налоговых поступлений;

– справедливостью по видам налогообложения: доходов, имущества, сферы потребления, импорта и т.п.

3. Идея справедливости присутствует во всех элементах налоговой системы, установление которых имеет достаточное обоснование, позволяющее подтвердить его необходимость и четкое понимание, для каких целей государство его устанавливает.

Сгруппируем критерии справедливости по основным элементам налоговой системы:

3.1. Справедливость объектов налогообложения проявляется:

– в дифференциации условий налогообложения в зависимости от видов объектов (в налогообложении доходов – это различные налоговые ставки в зависимости от видов доходов: заработная плата, дивиденды, проценты, доход от перепродажи);

– возможности выбора налогоплательщиком метода расчета объекта (в налогообложении доходов – это доходы и доходы минус расходы);

– равенстве уровня налогообложения для одинаковых видов объектов при одинаковых уровнях состояния налогоплательщиков;

– учете расходных обязательств плательщиков при одинаковом уровне объекта обложения (люди с одинаковым доходом не являются равными по уровню благосостояния);

– наличии социально-значимых вычетов из объекта обложения (необлагаемый минимум);

– отсутствию необоснованных объектов налогообложения;

– отсутствию двойного налогообложения объектов.

3.2. Справедливость по отношению к налогоплательщикам проявляется:

– в равномерном обоснованном распределении налогового бремени между налогоплательщиками: физическими лицами, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями; распространение налоговых законов в равной степени на всех без какой-либо дискриминации;

– установлении налогов и сборов, не препятствующих реализации прав и свобод налогоплательщиков, не приобретающих запретительный или конфискационный характер. Налогоплательщики и налоговые органы должны иметь равные права и равные возможности при защите своих интересов;

– налогообложении, не носящем чрезмерно обременительного характера для налогоплательщиков, не создающем невыносимых условий жизни, не снижающем экономическую активность предпринимательства и бизнеса;

– отсутствию возможности использования «налоговых схем» с целью уклонения от уплаты налогов;

– льготных условиях налогообложения социально нуждающихся категорий налогоплательщиков;

– учете расходных обязательств (имущественного положения, уровня семейного дохода) налогоплательщика;

– равенстве налоговых обязательств для налогоплательщиков, имеющих одинаковое имущественное положение;

– налогообложении, не выходящем за пределы текущих доходов граждан и предприятий; недопустимо, чтобы для уплаты налогов граждане принуждались к продаже своего имущества, а предприятия – к выводу капиталов из своей производительной деятельности.

3.3. Справедливость в определении источника налога проявляется:

– в учете фактической способности плательщика к уплате налогов;

– сохранении налоговой способности в сочетании с минимально возможным ограничением имущественных прав.

3.4. Справедливые налоговые ставки, обоснованные соответствующими экономическими условиями.

3.5. Справедливые налоговые льготы предполагают:

– полное или частичное освобождение от налогов малообеспеченных групп населения, нуждающихся в социальной поддержке (инвалиды, пенсионеры, безработные, многодетные и т.п.);

– наличие льгот, способствующих росту уровня жизни и расширению производства.

3.6. Простые и понятные правила исчисления и порядок уплаты налога в разумные сроки. Объективные штрафы и другие санкции за неуплату налога. Возможные способы погашения налоговой задолженности.

4. Социально-справедливая дифференциация уровня налоговой нагрузки: между разными видами предпринимательской деятельности; юридическими и фи-

зическими лицами в зависимости от особенностей осуществления предпринимательской деятельности (территориально-географических, природно-климатических, экологической и природосберегающей направленности и т.п.).

5. Справедливое распределение налогов между уровнями государственного управления. Соответствие построения налогообложения на региональном уровне реальным потребностям и возможностям региона в целом.

6. Построение налоговой системы на основе соблюдения принципов налогообложения: всеобщности, равенства, соразмерности, экономической обоснованности.

Итак, справедливость в налоговой сфере с трудом поддается определению в связи с ее относительностью, многогранностью, субъективностью, но в любом случае определяется уровнем социально-экономического развития государства и общества.

Не существует идеально справедливой налоговой системы. Считая налоги весомым инструментом решения социально-экономических задач, стремясь не к недостижимому совершенству, при котором максимально учитывались бы все индивидуальные особенности налогоплательщиков, были нейтрализованы конфликты и противоречия системы налоговых отношений, соблюдены принципы налогообложения, придерживаясь сформулированных критериев, можно обеспечить элементарную справедливость, способствующую росту и развитию экономики и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Википедия*. Свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Критерий>
2. *Толковый словарь* Ожегова. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30213>
3. *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. М., 1991. С. 431. URL: <http://ponjatija.ru/node/1604>
4. *Кучеров И.И.* Справедливость налогообложения и ее составляющие // Теория налогов и сборов. М. : ЮрИнфоР, 2009. URL: <http://jurinfor.ru/elib/books/5903678020/ch06-par2-index.php>
5. *Хеффе Отфрид*. Справедливость: Философское введение. М. : Праксис, 2007. 191 с.
6. *Налоговые системы*. Методология развития / под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 463 с.
7. *Верещагин С.Г.* Принципы налогообложения и политические подходы к идее справедливости в налогообложении // Гражданин и право. 2007. № 9. С. 12–24.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 19 мая 2015 г.

DETERMINATION OF THE TAX SYSTEM FAIRNESS CRITERIA IN THE PRESENT CONDITIONS

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 161–165. DOI: 10.17223/15617793/396/29

Grigorieva Ksenia S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ksgrigoreva@mail.ru

Keywords: tax system; principles of taxation; fairness of tax system.

The Russian tax system is characterized by a multitude of problems that impede social and economic development of the state and society. The absence of fairness of the tax system is one reason for this situation. In connection with a necessity of searching directions of solving tax problems, the article explores ways to determine the criteria of fairness of the tax system. It has been established that the criteria of fairness of the tax system are signs of correctness of the tax system corresponding to modern concepts of the perfect order of taxation. The article summarizes current views on the understanding of the principle of fairness in taxation: its fixation as the main principle for establishing taxes; the need for a simultaneous realization of the principles of universality, equality, proportionality, economic feasibility in the modern meaning, the availability of nontaxable minimum income in the size adequate to modern conditions; differentiation in terms of the variety of taxes, tax exemptions, tax rates; achievement of the goal of taxation with a minimal impact on the economic activities of participants of tax relations. Approaches were found to determining the tax system fairness attributes, such as the establishment of government services to the sum of taxes paid; the welfare of society, which means improving the well-being of all individuals, reducing the number of the poor, socio-economic development of society as a whole. The content of the principle of justice is caused by the modern concept of a perfect tax system, namely, leveling of the social situation of the population; need to help needy people through the redistribution of revenues; tax neutrality in relation to the business decision-making; equality of public and private property; equality of laws in the protection of rights; right to work (employment). Aspects of the criteria of the tax system fairness are : relativity (in time, for different categories and individual participants of tax relations; for

the individual (commercial enterprise) and society as a whole; for different types of political systems, depending on the culture of the people, prevailing norms and traditions); complexity; subjectivity; distributional aspects; dependence on the level of the socio-economic development of the state. The tax system fairness criteria were structured depending on the components: tax legislation; charges and taxes; tax element fairness (object of taxation, taxpayers, tax sources, tax rates, tax incentives, rules for the calculation and payment); optimal level of tax burden; equitable distribution of taxes between the levels of the state budget; observance of the principles of taxation.

REFERENCES

1. *Vikipediya. Svobodnaya entsiklopediya* [Wikipedia. The Free Encyclopedia]. [Online]. Available from: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Kriteriy>.
2. Ozhegov, S. (n.d.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. [Online]. Available from: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30213>.
3. Frolov, I.T. (ed.) (1991) *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow: Politizdat. [Online]. Available from: <http://ponjatija.ru/node/1604>.
4. Kucherov, I.I. (2009) *Spravedlivost' nalogooblozheniya i ee sostavlyayushchie* [Fair taxation and its components]. In: Kucherov, I.I. *Teoriya nalogov i sborov* [Theory of taxes and fees]. Moscow: YurInfoR. [Online]. Available from: <http://jurinfor.ru/elib/books/5903678020/ch06-par2-index.php>.
5. Otfried, J. (2007) *Spravedlivost': Filosofskoe vvedenie* [Fairness: A philosophical introduction]. Moscow: Praxis.
6. Mayburov I.A. & Ivanov, Yu.B. (eds.) (2012) *Nalogovye sistemy. Metodologiya razvitiya* [Tax systems. Methodology of development]. Moscow: YUNITI-DANA.
7. Vereshchagin, S.G. (2007) *Printsipy nalogooblozheniya i politicheskie podkhody k idee spravedlivosti v nalogooblozhenii* [The principles of taxation and political approaches to the idea of fairness in taxation]. *Grazhdanin i pravo*. 9. pp. 12–24.

Received: 19 May 2015

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Всемерное развитие инноваций в последние десятилетия стало для ведущих западных стран одним из главных национальных приоритетов. Генерация новых идей, воплощаемых в высоких технологиях, инновациях сегодня во многом определяет качество социально-экономического развития стран и уровень благосостояния их граждан. От уровня инновационной активности, положения страны на мировом рынке наукоемкой продукции непосредственно зависит и её национальная безопасность. В статье исследованы проблемы формирования и реализации инновационной политики развития экономических систем в условиях модернизации экономики и предложены пути их решения.

Ключевые слова: инновационная политика; проблемы формирования и реализации; пути решения.

Мировая экономика претерпевает в настоящее время масштабные структурные изменения, обусловленные быстрым развитием науки и технологий. Особенно заметен этот процесс в развитых странах, где широкое применение технологических и управленческих инноваций в производстве и социальной сфере превратилось в одну из главных движущих сил экономического роста и повышения уровня жизни населения. В последние годы в развитых странах мира до 75% прироста ВВП образуется именно благодаря инновациям. За последние 15 лет численность работников инновационной сферы в США и Западной Европе увеличилась в два раза, в Юго-Восточной Азии – в четыре раза. В Европейском союзе доля инновационно-активных промышленных предприятий составляет более 50% [1]. Всемерное развитие инноваций в последние десятилетия стало для ведущих западных стран одним из главных национальных приоритетов. Об этом свидетельствует, прежде всего, быстрый рост объемов их инвестиций в инновационную сферу. Так, ежегодный объем внутренних затрат развитых государств на исследования и разработки, включая фундаментальную науку, увеличился за 1990–2009 гг. более чем в 2,5 раза – до 940 млрд долл. [2].

Инновационному подъему на Западе способствуют быстрый рост капиталовложений, прежде всего частных, в передовые технологии, а также наличие эффективных инновационных стратегий и механизмов финансирования исследований и разработок, обеспечивающих движение инвестиций в наиболее перспективные высокотехнологичные проекты и их высокую доступность для всех субъектов инновационной деятельности.

С целью активизации инновационных процессов в ряде стран, начиная с середины 1980-х гг., сформированы национальные инновационные системы, выступающие основой развития инновационной экономики. Инновационная система позволяет повысить интенсивность экономического развития страны за счет использования эффективных механизмов получения, передачи и использования в хозяйственной практике результатов научно-технической и инновационной деятельности [3].

В рамках инновационно-ориентированной модели развития экономический рост достигается за счет технологического фактора, обеспечивающего от 75–90% прироста ВВП. Этому способствуют высокий уровень

развития науки, технологии, индивидуальная свобода и развитая информационная инфраструктура. Развитые страны концентрируют у себя более 90% мирового научного потенциала и контролируют 80% глобального рынка высоких технологий. Ежегодно объемы экспорта наукоемкой продукции приносят США около 700 млрд долл., Германии – 530, Японии – 400 млрд долл. [4].

Высокие темпы экономического роста за счет активизации технологического фактора развития демонстрируют сегодня и страны Юго-Восточной Азии, Китай и Индия, совершившие значительный скачок в технологическом развитии в последние два десятилетия. Сегодня их доля в мировом экспорте наукоемких изделий составляет более 15%. Соответственно окреп их суверенитет и увеличился вес в международных делах.

В качестве ориентира Россия также выбирает инновационную модель развития. Об этом, в частности, говорилось в марте 2002 г. на совместном заседании Госсовета и Совбеза РФ по вопросам политики РФ в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу, неоднократно подчеркивалось в выступлениях Президента РФ. Однако процесс формирования инновационной экономики России идет крайне медленно [5].

Страна по-прежнему обеспечивает экономический рост за счет наращивания экспорта сырья, связанного с благоприятной конъюнктурой на мировых рынках энергоресурсов, позволяющей получать огромные доходы, накапливать золотовалютные резервы, наращивать объемы отчислений в Стабилизационный фонд.

Сложившаяся модель развития связана с реализацией текущих конкурентных преимуществ России, проявившихся в условиях открытого рынка. Однако с позиций долгосрочных интересов она не может удовлетворять социально-экономическим интересам страны, так как привязывает нас к мировому рынку в качестве сырьевого донора, делая крайне уязвимыми и, более того, зависимыми в технологическом плане. Нет сомнений, что экономика, потенциал которой в значительной степени направлен на обслуживание экспорта сырья на мировой рынок, не может длительное время находиться в состоянии устойчивого развития из-за резких колебаний конъюнктуры этого рынка и развития ресурсосберегающих технологий, а также из-за возможности исчерпания отдельных видов ре-

сурсов. К тому же это состояние стабилизирует и консервирует низкий научно-технический уровень остальной промышленности, поскольку инвестиционные потоки преимущественно направляются в сырьевые отрасли. На разнице в уровнях ренты на знания и сырьевые ресурсы Россия теряет 12–14 млрд долл. ежегодно.

Акцент на сырьевой модели развития отвлекает инвестиционные и человеческие ресурсы от решения задач модернизации российской промышленности, развития высоко- и среднетехнологичных отраслей, в результате чего технологический разрыв между Россией и развитыми странами постоянно возрастает.

Управление инновационной деятельностью должно основываться на активном воздействии на процесс создания патентоспособных технических решений с целью повышения их продуктивности как в количественном, так и в качественном отношении. Пока данная стратегия является недостижимой. В России доля используемых изобретений, по данным Федеральной службы по интеллектуальной собственности, около 2,5% от общего числа запатентованных [6]. По расчетам специалистов, в среднем творческая активность изобретателей России составляет 1/40, т.е. всего лишь один патент выдается на сорок специалистов, а инновационная эффективность в сфере НИОКР России составит 1/1600. Это означает одно используемое изобретение в год на 1 600 специалистов.

Начальной стадией построения экономики инновационного типа является создание национальной инновационной системы (НИС). По своему строению она представляет дифференцированную по ряду направлений, но целостную систему знаний об эффективной стратегии функционирования хозяйственной системы. Трудно не согласиться с утверждением о низком уровне эффективности национальной инновационной системы и ее составляющих, наличия ряда серьезных ограничений и проблем дальнейшего ее развития, что подтверждается следующими данными: доля принципиально новых разработок в затратах на технологичные инновации составляет примерно 18% (ОЭСР – 33%); из числа использованных передовых технологий всего 2,6% имеют патент на изобретения; более 90% машинотехнической продукции неконкурентоспособно по сравнению с иностранными аналогами; удельный вес инновационно активных организаций составляет менее 10%, а доля затрат на технологические инновации в общем объеме их отгруженной продукции – чуть более 4%; стоимость импорта технологий в 2,1 раза превышает стоимость их экспорта; отечественный экспорт машин и оборудования составляет лишь около 9% от общего объема, тогда как сырьевой экспорт – более 77%; на 60% расходы на НИОКР обеспечиваются за счет государственного бюджета, в развитых же странах 2/3 и более затрат покрывается частным сектором (таблица) [3].

Система базовых показателей экономики, основанной на знаниях

Показатель	США (последние данные) фактические / нормализованные	Россия (последние данные) фактические / нормализованные
Средний прирост ВВП, %	3,00/4,21	3,80/5,95
Индекс развития человеческого потенциала	0,94/9,33	0,78/5,67
Качество регулирования	1,51/3,60	–0,30/3,39
Сила закона	1,70/8,60	–0,78/1,82
Ученые в сфере НИОКР, млн чел.	4102,89/9,43	3479,35/8,98
Научные статьи, млн чел.	536,80/9,08	106,99/7,08
Количество патентов США, млн чел.	345,81/9,91	1,65/6,64
Грамотность взрослого населения (% возраста 15 лет и более)	100,00/8,18	99,60/7,52
Включенность в среднее образование	95,16/7,36	83,33/5,62
Включенность в высшее образование	72,62/9,75	64,09/9,42
Телефоны в расчете на 1 тыс. чел.	1147,00/7,60	362,70/5,29
Компьютеры в расчете на 1 тыс. чел.	625,00/9,91	98,70/6,09
Пользователи Интернета, на 10 тыс. чел.	5375,06/9,59	409,32/4,38

Безусловно, продолжение такого курса крайне опасно для страны с позиций дальнейшего экономического и технологического отставания России от зоны развитого мира, активно вступающего в стадию постиндустриального развития.

Вместе с тем, как видится, именно сегодня, когда в стране имеются благоприятные условия инвестиционного роста, необходимо осуществить шаги в сторону скорейшей модернизации промышленного производства, развития наукоемких производств, обеспечивающих более высокий уровень добавочной стоимости. Другими словами, необходимо в реальной действительности, а не на уровне деклараций осуществить переход к формированию инновационной экономики. И здесь, на наш взгляд, предстоит решить ряд стратегических проблем, которые существенно тормозят развитие этого процесса [5].

Прежде всего, в России до сих пор нет четкой стратегии социально-экономического и технологического развития страны, отсутствие которой делает практически несостоятельными любые варианты разработки инновационной политики и формирования национальной инновационной системы.

Формирование инновационно-ориентированной экономики требует, в первую очередь, определения долгосрочных стратегических ориентиров как для государственного сектора, так и для частного бизнеса, обеспечивая взаимосвязь их интересов, создания для этого соответствующих механизмов и стимулов. Таким образом, в стратегии и тактике реформ должна быть усилена направляющая и регулирующая роль государства. В условиях инновационной экономики оно должно выработать и реализовать соответствующую инновационную политику, которая опиралась бы

на имеющийся научно-технический и производственный потенциал и была бы направлена на содействие структурным преобразованиям в экономике в сторону преодоления экспортно-сырьевой зависимости и обеспечение стабильно высокой динамики и качества экономического роста [5].

Следует особо отметить, что необходимость усиления регулирующей и направляющей роли государства в решении задач инновационного развития российской экономики диктуется также и незавершенностью рыночных преобразований, выражающейся в отсутствии некоторых важнейших элементов рыночных механизмов, делающих экономическую систему неустойчивой. Поэтому задача государства, в первую очередь, сводится к стимулированию и поддержке тех стадий инновационного процесса, где рыночных механизмов недостаточно [6].

По сути дела речь идет о формировании механизма взаимной дополняемости государственного регулирования и рыночных механизмов, а не о противопоставлении одного другому. Следует исходить из того, что взвешенная и дальновидная политика государства увеличивает роль и эффективность рыночных сил в экономике, способствует развитию конкуренции и таким путем создает новые возможности для развития бизнеса. При этом нужно стремиться к более значительному вводу рыночных механизмов в общий процесс экономического регулирования с тем, чтобы помочь правительству достичь поставленных целей с наименьшими издержками.

Таким образом, переход к инновационной экономике требует обеспечения тесного союза всех участников инновационного процесса, и прежде всего государства и частного бизнеса, сплоченных общей инновационной политикой.

Отвечающая этому новому, современному уровню требований инновационная политика должна представлять собой комплексную систему мер по стимулированию, разработке, сопровождению, управлению, планированию и контролю процессов инновационной деятельности в сфере науки, техники и материального производства, увязанных с адекватными сопровождающими мерами в важнейших сферах жизнедеятельности общества, обеспечивающих в совокупности создание всех необходимых условий реализации текущих и перспективных целей социально-экономического развития государства [10]. Она становится неотъемлемой и во многом определяющей частью общей экономической политики, которая в условиях перехода к постиндустриальной экономике меняет свое содержание – ее главной целью становится повышение конкурентоспособности страны на основе развития высокотехнологичных и наукоемких производств.

Для активизации инновационной деятельности бизнеса необходима государственная поддержка разработки и внедрения конкурентоспособных продуктов, обязательно основанных на патентоспособных изобретениях. Важно разработать систему предоставления льгот и субсидий предприятиям, производящим подобные продукты, поскольку они несут большие расходы и риски, нежели сами изобретатели.

В настоящий момент в России нет четко сформулированного федерального проекта по формированию инновационной системы. В регионах нет четкого понимания разделения функций между федеральной и региональной властями относительно совместного стратегического развития региональной и национальной инновационных систем [9]. Именно поэтому при формировании инновационной политики существуют такие серьезные затруднения.

Существует еще одна важная проблема – отсутствие института экспертов в сфере создания инновационных систем. Это, в первую очередь, связано с тем, что в России отсутствуют апробированные модели национальной и региональных инновационных систем. С другой стороны, активно формирующиеся финансовые институты развития и банки проявляют интерес к коммерциализации системных проектов. Но для них важно видение стратегии развития отраслей промышленности, которое без участия государства вряд ли можно сформулировать [8].

В современных условиях каждый отдельный субъект не может обособленно обеспечить высокую динамику развития, а это приводит к необходимости концентрации ресурсов на уровне межрегиональных проектов. В настоящее время в развитии процессов производственной кооперации в регионах России имеется множество проблем: недостаток информации о производственных возможностях промышленных предприятий регионов и степени их участия в производственной кооперации; отсутствие механизмов стимулирования предприятий и организаций в процессах производственной кооперации, четко выраженных инициатив по формированию межрегиональных промышленных кластеров.

Вместе с тем подъем экономики немыслим без решения кадровых проблем. Развитие инновационной экономики столкнулось сегодня с недостатком квалифицированных работников. Это связано с наличием многих факторов, которые оказывают негативное влияние на общую ситуацию российского образования.

Наиболее важными и первостепенными шагами в сторону улучшения сложившейся ситуации, на наш взгляд, являются:

- 1) пересмотр законов об инновационной деятельности для устранения возможности использования их в преступных целях;
- 2) разработка федерального проекта по формированию промышленной и инновационной систем;
- 3) создание на его основе региональных инновационных систем;
- 4) изменение системы образования страны [12];
- 5) разработка комплекса совместных с бизнесом государственных действий, направленных на развитие и поддержку области наукоемких технологий;
- 6) образование и развитие института экспертов в сфере создания инновационных систем;
- 7) проведение широкой пропаганды среди всех слоёв населения страны о необходимости инновационного пути развития страны [7].

В настоящее время слабым звеном организационно-экономического механизма управления национальной экономикой является механизм управления

инновациями. В условиях рыночной экономики инновации должны способствовать интенсивному развитию экономики, обеспечивать ускорение внедрения последних достижений науки и техники в производство, полнее удовлетворять потребителей в разнообразной высококачественной продукции и услугах.

Проблема формирования, становления и инновационного развития в России заключается в том, что

данный процесс должен произойти в весьма сжатые исторические сроки при отсутствии многих условий для его развития.

Развитие инновационных технологий в России является ключевым фактором не только для выхода из экономического кризиса, но и вообще выживания и стратегического позиционирования нашей страны в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никонова Я.И., Казаков В.В. Механизм финансового обеспечения инновационной деятельности экономических систем // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 127–133.
2. *Main Science and Technology Indicators: Volume 2011/1*. OECD, 2011. P. 18.
3. Бекетов Н.В. Международная макроэкономика: интернационализация, глобализация и взаимозависимость хозяйства // Финансы и кредит: Научно-теоретический журнал. 2009. № 45. С. 25–28.
4. Никонова Я.И. Современные тенденции формирования стратегии инновационного развития экономических систем // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 117–122.
5. Ленчук Е.Б. Инновационная политика и проблемы развития национальной инновационной системы. URL: http://www.riep.ru/works/almanach/0001/almanach0001_154-168.pdf
6. Казаков В.В. Управление развитием муниципальных образований в условиях реформы местного самоуправления. Томск : Том. гос. ун-т, 2005.
7. Лукьянова А.Ю., Погосян Л.В. Проблемы инновационного развития России // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Москва, апрель 2011 г.) / под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. М. : РИОР, 2011. Т. 1. С. 36–38.
8. Казаков В.В. Организационно-финансовый механизм формирования и реализации инновационной политики экономических систем // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 157–164.
9. Никонова Я.И. Инновации как инструмент стратегического антикризисного управления. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2009. 424 с.
10. Ивасенко А.Г. Многоаспектность понятия «механизм» финансовой поддержки функционирования и развития сельскохозяйственных организаций в условиях модернизации // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3. Шифр Информрегистр: 0421000093/0033. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-3-2011/ekonomika/ivassenko.pdf>
11. Казаков В.В. Системный подход к исследованию инновационных процессов в региональных экономических системах // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 111–116.
12. Звонников В.И., Челышкова М.Б. Оценка компетентности менеджеров // Высшее образование сегодня. 2013. № 4. С. 14–19.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 12 марта 2015 г.

PROBLEMS OF FORMATION AND REALIZATION OF THE INNOVATION POLICY OF ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 166–170. DOI: 10.17223/15617793/396/30

Nikonova Yana I. Siberian State University of Railway Transport (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ya_shka@ngs.ru

Keywords: innovation policy; problems of formation and realization; solutions.

Full development of innovations in recent decades became one of the main national priorities in the leading Western countries. Generation of new ideas embodied in high technology innovation today largely determines the quality of the socio-economic development of countries and the welfare of their citizens. The level of innovative activity, the situation on the world market of high-technology products is directly related to its national security. To strengthen the innovation processes, a number of countries have been forming national innovation systems as the basis for the development of innovative economy since the mid-1980s. An innovative system allows increasing the intensity of the country's economic development through the use of effective mechanisms to receive, transfer and use scientific engineering and innovation activity in the business practices. Fast growth of investment, first of all, private one, into advanced technologies, effective innovation strategies and mechanisms of financing research and development which ensures investment in the most promising highly technological projects and their high accessibility for all subjects of innovation activity contribute to the innovation boom in the West. As a guideline, Russia also chooses the innovative model of development. In particular, it was stated in March 2002, at the joint meeting of the RF State Council and the RF Security Council on the policy of the Russian Federation in the field of science and technology development for the period up to the year 2010 and beyond; it was repeatedly stressed by the President of the Russian Federation. However, the process of innovation economy development in Russia is extremely slow. However, it is today with favorable conditions for the investment growth in the country that steps must be made towards fast modernization of industrial production, development of knowledge-intensive industries providing a high level of added value. In other words, in reality, rather than at the level of declarations, transition to an innovative economy must be made. With this new, modern level of innovation policy, there should be a comprehensive system of measures to promote, develop, support, manage, plan and monitor processes of innovation in science, technology and material production linked to adequate accompanying measures in key sectors of society to combine the creation of all necessary conditions of current and future socio-economic development of the state.

REFERENCES

1. Nikonova, Ya.I. & Kazakov, V.V. (2012) Mechanism of financial security of innovative activity of economic systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 364. pp. 127–133. (In Russian).
2. OECD. (2011) *Main Science and Technology Indicators: Volume 2011/1*.
3. Beketov, N.V. (2007) *Mezhdunarodnaya makroekonomika: internatsionalizatsiya, globalizatsiya i vzaimozavisimost' khozyaystva* [International macroeconomics: internationalization, globalization and interdependence of economy]. *Finansy i kredit – Finance and credit*. 45. pp. 25–28.

4. Nikonova, Ya.I. (2013) Modern tendencies of economic systems innovative development strategy formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 367. pp. 117–122. (In Russian).
5. Lenchuk, E.B. (2006) Innovatsionnaya politika i problemy razvitiya natsional'noy innovatsionnoy sistemy [Innovation policy and problems of development of national innovation system]. *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie*. 1. pp. 154–168.
6. Kazakov, V.V. (2005) *Upravlenie razvitiem munitsipal'nykh obrazovaniy v usloviyakh reformy mestnogo samoupravleniya* [Managing the development of municipalities in terms of local government reform]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Luk'yanova, A.Yu. & Pogosyan, L.V. (2011) [Problems of innovative development of Russia]. *Aktual'nye voprosy ekonomiki i upravleniya* [Current Issues in Economics and Management]. Proc. of the international distance scientific conference. Moscow, April 2011. Vol. 1. Moscow: RIOR. pp. 36–38. (In Russian).
8. Kazakov, V.V. (2012) Organizational-financial mechanism of formation and realization of innovation policy of economic systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 363. pp. 157–164. (In Russian).
9. Nikonova, Ya.I. (2009) *Innovatsii kak instrument strategicheskogo antikrizisnogo upravleniya* [innovation as a tool for strategic crisis management]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
10. Ivasenko, A.G. (2011) Multidimensionality of term “mechanism” of financial support of functioning and development of agricultural organizations in conditions of modernization. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 3. [Online]. Available from: <http://www.teoria-practica.ru/-3-2011/ekonomika/ivasenko.pdf>. (In Russian).
11. Kazakov, V.V. (2013) Systems approach to study of innovation processes in regional economic systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 367. pp. 111–116. (In Russian).
12. Zvonnikov, V.I. & Chelyshkova, M.B. (2013) Otsenka kompetentnosti menedzherov [Assessment of competence of managers]. *Iysshie obrazovanie segodnya*. 4. pp. 14–19.

Received: 12 March 2015

С.Н. Остапенко, А.П. Ковалев

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЕКТОВ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ ПЕРЕВООРУЖЕНИЮ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Уточняются понятие, цель и задачи технического перевооружения производства промышленных предприятий на современном этапе. Исследованы некоторые особенности оценки экономической эффективности проектов по изменению производства и имущественных комплексов, нацеленных на техническое перевооружение производства действующих предприятий. Предложен подход к определению экономической эффективности проектов по техническому перевооружению промышленных предприятий на основе оценки упущенного альтернативного дохода.

Ключевые слова: техническое перевооружение; технология; производительность; организация преобразований; эффективность.

В современных условиях, когда в центр экономической политики государства ставятся стратегия импортозамещения и модернизация производства, направленная на повышение конкурентоспособности отечественных предприятий, особое внимание приобретают вопросы обеспечения технического перевооружения предприятий, обеспечивающего повышение производительности труда и сокращение издержек производства.

Под техническим перевооружением предприятий принято понимать комплекс мероприятий по повышению технико-экономического уровня отдельных производств, цехов, участков на основе внедрения передовой техники и технологии, механизации и автоматизации производства, модернизации и замены устаревшего и физически изношенного оборудования новым, более производительным [1].

Целями технического перевооружения действующего промышленного предприятия являются повышение его экономического и производственно-технологического потенциалов, увеличение производственных мощностей и выпуска конкурентоспособной продукции при обеспечении требуемого качества, рост производительности труда, снижение материалоемкости и издержек производства продукции, улучшение других показателей деятельности предприятия.

Техническое перевооружение осуществляется по проектам и сметам на отдельные объекты или виды работ, разрабатываемым в рамках комплексной программы реструктуризации и развития и программы технического перевооружения предприятия, как правило, без расширения производственных площадей [1].

Техническое перевооружение промышленных предприятий, осуществляемое без расширения производственных площадей, является наименее капиталоемким процессом, позволяющим бережно использовать имеющиеся ресурсы предприятия, что особенно важно в условиях дефицита инвестиций. При техническом перевооружении обновляется, главным образом, активная часть основных фондов без существенных затрат на капитальное строительство.

При планировании технического перевооружения разрабатывается комплексная программа, в которой системно интегрированы инвестиционные проекты, решающие задачи технического перевооружения по отдельным производствам, цехам, участкам и пред-

приятию в целом, реализуемые как за счет федеральных средств, выделяемых в рамках федеральных целевых программ, так и за счет собственных средств интегрированной структуры, в состав которой входит предприятие.

В процессе технического перевооружения решаются пять групп задач:

1) обновление парка оборудования, при этом возможны варианты:

– простое (воспроизводственное), при котором модельный состав и производственная мощность парка оборудования практически не изменяются;

– экстенсивное, при котором модельный состав парка не изменяется, а производственная мощность увеличивается за счет количества оборудования;

– инновационное, при котором имеющееся оборудование заменяется на новое прогрессивное, при этом общее количество оборудования может уменьшиться, а производственная мощность увеличиться;

– смешанное, при котором для разных единиц парка оборудования выбирается наиболее целесообразный вид обновления: простое, экстенсивное или инновационное;

2) внедрение новых технологий, в том числе:

– изменение режимов работы оборудования, материалов, инструмента;

– внедрение принципиально новых прогрессивных технологий взамен используемых, отказ от каких-то процессов ввиду изменения требований к конструкторской документации;

3) совершенствование управления, организации производства, логистики, в том числе [2]:

– внедрение CALS-технологий (информационной поддержки процессов жизненного цикла продукции);

– улучшение организации труда;

– оптимизация материальных потоков в производстве, включая частичную перепланировку производственных участков;

– улучшение санитарных условий, охраны, безопасности и привлекательности труда;

– внедрение аутсорсинга внутривзаводского, внутрикорпоративного и межкорпоративного;

4) перепрофилирование участков, цехов и предприятий в интересах повышения показателей использования производственных мощностей [3];

5) оптимизация решений по кооперации и субконтракции [4].

В литературе по инвестиционному анализу достаточно подробно описана процедура определения экономической эффективности проектов по организации нового бизнеса, т.е. так называемых проектов «от нуля» [5, 6]. В то же время методические вопросы технико-экономического обоснования эффективности инвестиционных проектов (в особенности небольших по объему капитальных вложений) по внесению изменений в существующие производства на действующих предприятиях, так называемых проектов «на изменение», проработаны недостаточно.

Это связано:

– во-первых, с тем, что в базовой модели оценки эффективности доходный компонент проекта является довольно неопределенным, он обычно «растворен» в общей доходности предприятия в целом;

– во-вторых, вносимое частичное изменение на какой-то стадии производственного процесса – это «внутренний проект предприятия», приносящий эффект в виде экономии операционных затрат и поэтому малопривлекательный для внешнего инвестора.

Кроме того, если подобные проекты проводятся на крупном промышленном предприятии, особенности их реализации могут быть настолько специфичными, что их широкое освещение может показаться малоинтересным для других предприятий, даже в рамках той же отрасли. Такое положение вещей приводит к тому, что опыт по внедрению проектов «на изменение» на действующих предприятиях не накапливается, и в каждом отдельном случае предприятие действует на свой страх и риск.

Ниже рассмотрены некоторые особенности оценки экономической эффективности проектов по изменению производства и имущественных комплексов, нацеленных на техническое перевооружение производства действующих предприятий.

Для финансирования проектов «на изменение» используются в основном собственные денежные средства, а при их реализации – ресурсы (материальные, финансовые, трудовые) самого предприятия. Срок жизни проекта определяется условно. Так как его истечение означает не завершение работы предприятия (или подразделения), где внедряется проект, а необходимость в дальнейших технологических и организационных преобразованиях. Одной из особенностей таких проектов является осуществление изменений в производственном процессе, имеющих промежуточный характер, не реализуемых на рынке и, как следствие, не имеющих цены. Поэтому по такому проекту не может быть определен абсолютный чистый дисконтированный доход (ЧДД) как разность между дисконтированными доходами и затратами.

Для обоснования проектов по техническому перевооружению используется приростный подход, суть которого заключается в сопоставлении по выбранным критериям двух вариантов развития предприятия:

– основного варианта, предполагающего реализацию рассматриваемого инвестиционного проекта и,

как следствие, обеспечение повышенных темпов развития производства;

– исходного (фонового) варианта, при котором реализация рассматриваемого инвестиционного проекта не планируется. Приростный подход позволяет оценить экономическую эффективность проекта без расчета его полного финансового результата в виде выручки или валового дохода.

Основной и исходный варианты предполагают экономически устойчивое состояние (без дефолта) предприятия, где реализуется инвестиционный проект, в начальный момент и последующие годы расчетного периода.

Расчет затрат по основному и исходному вариантам выполняется при одинаковых исходных параметрах: расчетный период, расчетный шаг, ставка дисконтирования, темп инфляции, нормы амортизации, ставки налогов, цены и тарифы на одни и те же ресурсы, потребляемые в обоих вариантах.

Если по основному варианту происходит рост производственной мощности, объема выпуска продукции или объема выполняемых работ, то операционные затраты по исходному варианту подлежат корректировке с учетом роста производственной мощности. Мы полагаем, что метод корректировки по производственной мощности должен быть разным у переменных и постоянных операционных затрат. Если переменные затраты могут быть скорректированы прямо пропорционально росту производственной мощности, то постоянные затраты следует корректировать с учетом фактора изменения мощности только по измененным статьям. Подробно подходы к оценке затрат приведены далее [7]. (Указанный подход позволяет получить результаты, сопоставимые с результатами стандартных методов расчета экономической эффективности проекта).

При сравнении основного и исходного вариантов выявляют зону экономических последствий от проекта (сроки окупаемости проекта, внутренняя норма доходности и др.), она может охватывать:

– подвергаемый изменениям объект основных фондов или технологический комплекс (инвентарный объект);

– производственную единицу в виде цеха или производственного участка;

– предприятие или другую самостоятельную бизнес-единицу.

В рамках зоны экономических последствий выявляют факторы экономии затрат и дополнительных расходов по статьям операционных затрат.

Для выявления экономии и дополнительных расходов составляется таблица сопоставления экономических результатов базового и предлагаемого вариантов, в которой показывают:

– факторы, к которым относятся конкретные изменения в технологии (операции, режимы, используемые материалы, технологическое топливо, инструмент и др.), составе парка оборудования, производственных площадях, структуре персонала и т.д.;

– экономические последствия от каждого фактора изменений (например, изменение норм расхода мате-

риалов, топлива и электроэнергии, норм трудоемкости, норм потребления инструментов и др.);

– изменяемые статьи операционных затрат по каждому экономическому последствию.

Величина дополнительных расходов и экономии затрат определяется как разница результатов базового и предлагаемого вариантов.

Статьи затрат в вариантах подразделяются на переменные и постоянные. К переменным относятся затраты, которые напрямую зависят от объема выпускаемой продукции, т.е. прямые производственные затраты (основные материалы, технологические энергоресурсы (энергия, газ на технологические цели), расход инструмента, оплата труда основных рабочих), а также некоторые общепроизводственные расходы (силовая электроэнергия, сжатый воздух, упаковочные материалы). К постоянным относятся затраты, сумма которых за рассматриваемый период практически не зависит от объема выпуска продукции. К числу постоянных относятся затраты на техническое обслуживание и содержание оборудования и производственных помещений, арендные платежи, управление качеством и другие управленческие расходы.

Порядок расчета экономии (перерасхода) переменных затрат за год заключается в следующем. Вначале рассчитывают изменяемые переменные затраты на единицу продукции (в натуральных или условно-натуральных единицах по исходному и основному варианту). В качестве условно-натуральных единиц используются изделия-представители, занимающие наибольший вес в ассортименте выпускаемой продукции.

Экономия переменных затрат для t -го года определяется по формуле (1):

$$\Delta I_{\text{пер}} = (v_{\text{исх}} - v_{\text{осн}}) \cdot Q_{\text{осн}t}, \quad (1)$$

где $v_{\text{исх}}$, $v_{\text{осн}}$ – переменные затраты на единицу продукции по исходному и основному варианту соответственно; $Q_{\text{осн}t}$ – объем выпуска продукции в t -м году по основному варианту (когда проект реализуется) в натуральных (условно-натуральных) единицах (шт., м, кг).

Порядок расчета экономии (перерасхода) постоянных затрат заключается в следующем. С помощью действующих норм и процентных соотношений рассчитываются годовые постоянные затраты (без амортизации) по изменяемым статьям затрат по исходному и основному вариантам.

Если основной вариант отличается от исходного варианта ростом производственной мощности, а смежные производственные участки не сдерживают рост мощности на рассматриваемом участке и их загрузка практически не меняется, то постоянные затраты по исходному варианту корректируются на уровень производственной мощности основного варианта. Разность итоговых значений постоянных затрат по вариантам дает либо экономию (с плюсом), либо прирост (с минусом) по формуле (2):

$$\Delta F_t = F_{\text{исх}} K_{\text{мощн}t} - F_{\text{осн}}, \quad (2)$$

где $F_{\text{исх}}$, $F_{\text{осн}}$ – постоянные затраты по исходному и по основному варианту соответственно; $K_{\text{мощн}t}$ – коэффициент корректировки постоянных затрат исходного

варианта по производственной мощности (объему выпуска) в t -м году;

$$K_{\text{мощн}t} = (Q_{\text{осн}t} / Q_{\text{исх}})^b,$$

где $Q_{\text{исх}}$ – годовая производственная мощность по исходному варианту в натуральных (условно-натуральных) единицах (шт., м, кг); b – показатель, учитывающий интенсивность влияния производственной мощности на постоянные операционные затраты, обычно его значения лежат в диапазоне 0,4...0,5 [8].

Если производственные мощности в сравниваемых вариантах примерно равны или различаются несущественно, то $K_{\text{мощн}t} \approx 1$ и $\Delta F_t = F_{\text{исх}} - F_{\text{осн}}$.

В составе постоянных операционных затрат (без амортизации) учитываются две группы затрат:

– расходы на содержание и эксплуатацию оборудования (силовая энергия на привод оборудования, капитальный и текущий ремонт оборудования, прочие расходы);

– общепроизводственные и общехозяйственные расходы (содержание аппарата управления, заработная плата вспомогательных рабочих, аренда помещений (при необходимости), ремонт здания (помещения), оплата электроэнергии на освещение помещений, прочие косвенные расходы).

В некоторых проектах могут учитываться также постоянные коммерческие расходы (расходы на рекламу, услуги дилеров и др.).

Если рассматриваемый производственный участок организационно связан с другими участками в производственной цепочке и является ее «лимитирующим звеном», то рост мощности данного участка приводит к росту мощности всей производственной цепочки и появляется дополнительная экономия за счет повышения загрузки смежных участков. При этом необходимо проверить, не будет ли рост мощности рассматриваемого участка сдерживаться мощностью смежных участков. Расчет переменных и постоянных затрат, их экономия или перерасход в этом случае выполняется в рамках всей производственной цепочки.

Изменение операционных затрат (экономия – с плюсом, перерасход – с минусом) в t -м году складывается из изменений переменных и постоянных затрат:

$$\Delta I_t = \Delta I_{\text{пер}t} + \Delta F_t. \quad (3)$$

Выявленные изменения в операционных (переменных и постоянных) затратах подразделяются на денежные притоки и оттоки по операционной деятельности.

К денежным притокам относятся статьи операционных затрат, по которым имеет место их снижение (экономия). К денежным оттокам относятся статьи операционных затрат, по которым имеет место их прирост.

Если в результате реализации проекта требуются дополнительные площади из имеющихся на предприятии, то к числу оттоков от операционной деятельности относится также упущенный альтернативный доход (УАД) в виде арендного дохода с этой площади.

При реализации любого инвестиционного проекта формируется денежный поток, который принято раз-

делять на потоки по видам деятельности: операционной, инвестиционной и финансовой [6]. Выше мы рассмотрели особенности формирования денежного потока от операционной деятельности.

Особенности формирования денежного потока от инвестиционной деятельности заключаются в следующем.

Денежный приток формируется от продажи высвобождаемых имущественных объектов: машин, оборудования, инструментов и др.

Денежный отток включает инвестиции на реализацию проекта, включая стоимость приобретаемого нового оборудования, инструмента, оснастки, вычислительной и коммутационной техники, транспортных средств, объектов интеллектуальной собственности (патентов, лицензий, программ и др.), работ по перепланировке участков и рабочих мест, расходы на НИР, ОКР и т.д. Если имеет место прирост оборотных средств, то его также включают в денежные оттоки по инвестиционной деятельности [9].

Если для реализации инвестиционного проекта привлекается дополнительное оборудование, которое имеется на предприятии, то в денежные оттоки по инвестиционной деятельности включается также УАД, который мог бы быть получен от возможной продажи этого дополнительно привлекаемого оборудования. Порядок расчета УАД приведен ниже.

Денежный поток от финансовой деятельности рассчитывается в том случае, когда привлекаются внешние источники финансирования проекта. Если проект финансируется за счет собственных средств предприятия, то данный поток отсутствует. Если необходимо привлечение кредита, то денежные притоки по финансовой деятельности представляют собой получение кредита для реализации проекта, а денежные оттоки – погашение кредита и расходы по обслуживанию кредита.

Оценка упущенного альтернативного дохода применяется к ранее созданным и имеющимся на предприятии объектам основных фондов, используемым в проекте, при следующих условиях:

1) УАД обязательно определяется в отношении техники, которая дополнительно привлекается для реализации проекта по техническому перевооружению из имеющихся основных фондов предприятия;

2) УАД не рассчитывается в отношении специальной техники, которая уже используется в исходном варианте и будет дальше применяться;

3) УАД не рассчитывается в отношении тех помещений, которые уже используются в исходном варианте.

В качестве альтернативных вариантов (сценариев) распоряжения имеющимся имуществом рассматриваются следующие:

– для недвижимого имущества (здания, помещения с коммуникациями) рассматривается возможность сдачи его в аренду на срок, равный сроку функционирования проекта, с момента начала поступления от него доходов;

– для движимого имущества (машины, оборудование) рассматривается возможность продажи либо по рыночной стоимости (с учетом износа объекта), либо по ликвидационной стоимости на момент, соответ-

ствующий моменту начала поступления доходов от рассматриваемого инвестиционного проекта.

УАД от используемой недвижимости рассчитывается как возможный чистый доход от сдачи этой недвижимости в аренду [7].

Упущенный альтернативный чистый доход от сдачи недвижимости в аренду рассчитывается исходя из арендной ставки за 1 кв. м площади. Размер арендной ставки выбирается на основе анализа рынка арендных услуг для аналогичных объектов в рассматриваемом территориальном округе.

Для определения УАД используемых в проекте активов необходимо сравнение основного варианта (реализация проекта) с альтернативным, при котором недвижимое имущество (здание, помещение) сдается в аренду, а движимое (машины и оборудование) продается по рыночной или ликвидационной стоимости. При этом у обоих сравниваемых вариантов моменты начала поступления доходов должны совпадать, как показано на рис. 1.

Если стадия инвестирования в жизненном цикле проекта по основному варианту превышает стадию подготовки аренды недвижимости по альтернативному варианту, то УАД определяют исходя из годового чистого дохода от возможной сдачи недвижимости в аренду, рассчитываемому по рыночной арендной ставке. Если стадия инвестирования короче стадии подготовки аренды, то упущенный чистый доход от аренды считают по сниженной арендной ставке.

УАД от используемых в проекте имеющихся на предприятии машин и оборудования принимается как доход от возможной их продажи либо по рыночной стоимости, либо по ликвидационной стоимости этих объектов. Датой оценки служит момент начала поступления дохода в основном варианте. Если стадия инвестирования в жизненном цикле проекта короче стадии подготовки к продаже, то альтернативный доход от продажи машин и оборудования берется как ликвидационная стоимость.

Подробный динамический расчет эффективности инвестиционного проекта по техническому перевооружению производства применяется в том случае, когда на стадии инвестиционного предложения можно достоверно спрогнозировать динамику доходов и затрат по годам (расчетным шагам) на протяжении расчетного периода проекта [10]. Расчету подлежат следующие показатели экономической эффективности [6]:

– прирост чистого дисконтированного дохода (ΔЧДД);

– индекс доходности дисконтированных инвестиций (PI – profitability index);

– внутренняя норма доходности инвестиций (IRR – internal rate of return);

– дисконтированный срок окупаемости (DPP – discounted payback period).

Если на начальных стадиях разработки проекта невозможно спрогнозировать динамику доходов и затрат в течение расчетного периода, то применяют приближенный статический расчет показателей эффективности. При этом принимаются следующие допущения:

- расчетный шаг принимается равным одному году;
- все инвестиционные затраты осуществляются в нулевом году, в последующих годах их нет;
- УАД по используемым объектам действующего предприятия относят к началу проекта;
- текущие (операционные) затраты по годам в обоих вариантах – исходном и основном – поддерживаются на постоянном среднегодовом уровне;
- объем производства (работ) по годам в обоих вариантах поддерживается на постоянном уровне;
- доход от продаж высвобождающихся объектов имущества относят к началу проекта, а доход от продаж выбывающих фондов в конце расчетного периода считается незначительным и в расчетах не учитывается.

Упрощенная формула при статическом расчете прироста [8]:

$$\Delta\text{ЧДД} = \Delta\text{И} \cdot F_5(r, n) - K_d - \text{УАД} + D_b, \quad (4)$$

где $\Delta\text{И}$ – среднегодовая экономия операционных затрат без амортизации (прирост с минусом), руб.; $F_5(r, n)$ – табулированная функция стоимости единичного аннуитета, пятая функция денежной единицы; r – ставка дисконтирования, %; n – расчетный период проекта в годах; K_d – дополнительные инвестиционные затраты в начале проекта, необходимые для реализации проекта (на реконструкцию и подготовку помещения, приобретение нового оборудования, прирост оборотных средств и др.), руб.; D_b – доход от продажи высвободившихся в начале проекта имущественных объектов, руб.

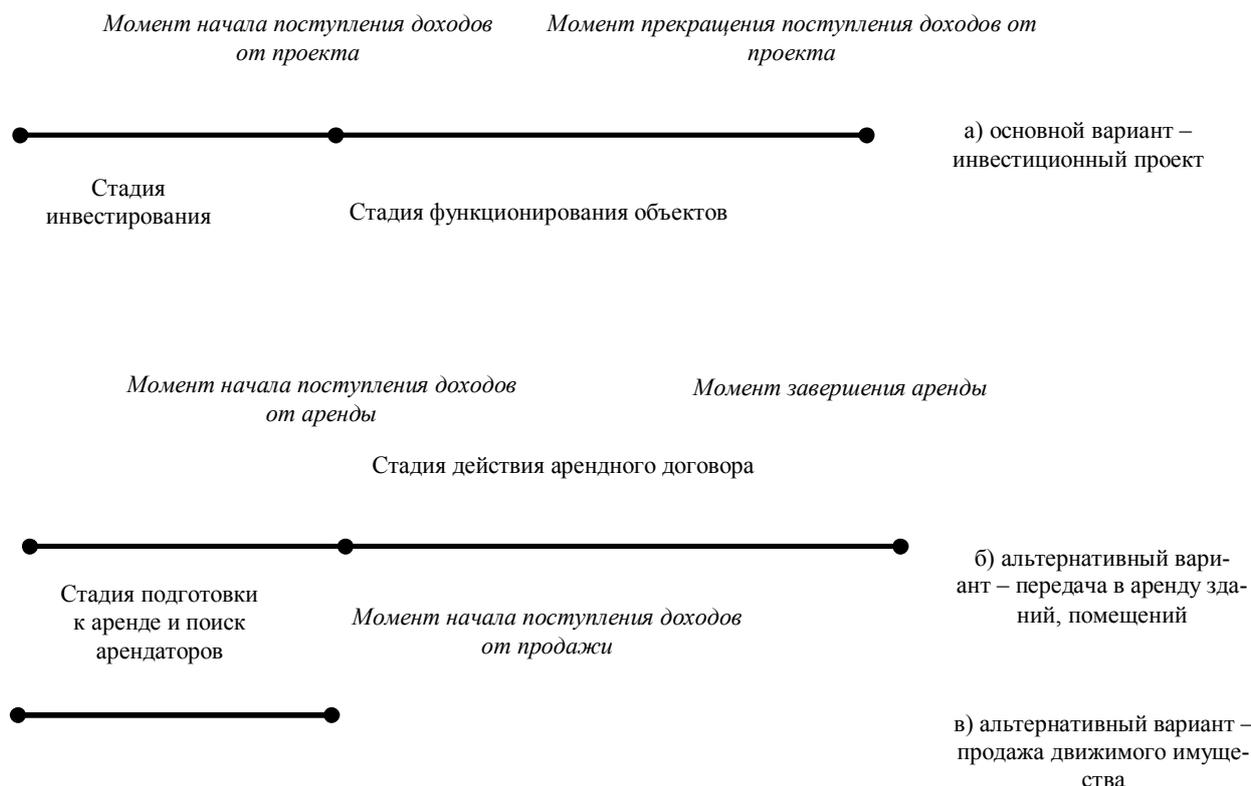

Рис. 1. Сопоставление вариантов использования имеющихся на предприятии объектов основных фондов при подготовке решения на инвестирование

Рассмотрим применение предложенного подхода на примере инвестиционного проекта по замене малопроизводительного оборудования на более производительное на участке механической обработки отверстий в крупногабаритных деталях из листовой легированной стали (теплообменники и холодильники). Масса обрабатываемых деталей – до 25 т. Количество обрабатываемых отверстий в одной детали – до 3 000 шт. Диаметр отверстий – от 16 до 60 мм с внутренними канавками размером $3 \times 0,5$ мм.

Предлагается заменить 7 эксплуатируемых, частично изношенных радиально-сверлильных станков модели 2А554 на новый высокопроизводительный специальный станок с числовым программным управлением. На новом станке может выполняться одновременно обработка нескольких деталей.

Расчет эффективности инвестиционного проекта представлен в таблице.

При этом важнейший показатель экономической эффективности проекта – внутренняя норма рентабельности – составит 24,8%.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Предложенная методика позволяет обеспечить оценку эффективности целого ряда инвестиционных проектов, в том числе реализуемых в рамках федеральной целевой программы по развитию производственных мощностей промышленных предприятий, которые не предполагают полномасштабной перестройки предприятий, а затрагивают частичную модернизацию производственных мощностей.

**Результат расчета показателей экономической эффективности инвестиционного проекта
по техническому перевооружению производства**

Показатель	Год (номер расчетного шага)							
	0	1	2	3	4	5	6	7
Объем выпуска, шт.	0	80	96	96	96	96	96	96
ОПЕРАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ								
Денежные притоки								
Экономия переменных затрат	0	15 744	18 892,8	18 892,8	18 892,8	18 892,8	18 892,8	18 892,8
Итого: притоки по операционной деятельности	0	15 744	18 892,8	18 892,8	18 892,8	18 892,8	18 892,8	18 892,8
Денежные оттоки								
Прирост постоянных затрат	0	74,3	74,3	74,3	74,3	74,3	74,3	74,3
<i>Справочно: Прирост амортизации оборудования</i>	0	2 527,1	2 527,1	2 527,1	2 527,1	2 527,1	2 527,1	2 527,1
Прирост налога на прибыль	0	2 628,5	3 258,3	3 258,3	3 258,3	3 258,3	3 258,3	3 258,3
Прирост налога на имущество	0	5 817,2	5 105,3	4 389,4	3 669,5	2 953,8	2 235,9	1 519,1
Итого оттоки по операционной деятельности	0	8 520,0	8 437,9	7 721,9	7 002,0	6 286,4	5 568,5	4 851,7
Денежный поток по операционной деятельности	0	7 223,9	10 454,9	11 170,8	11 890,7	12 606,4	13 324,3	14 041,1
ИНВЕСТИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ								
Денежные притоки								
10. Рыночная стоимость высвобождаемого оборудования	3 193,7	0	0	0	0	0	0	0
Денежные оттоки								
11. Капиталообразующие инвестиции	3 691,0	0	0	0	0	0	0	0
12. Денежный поток по инвестиционной деятельности	-33 716,3	0	0	0	0	0	0	0
ФИНАНСОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ								
13. Денежные притоки	0	0	0	0	0	0	0	0
14. Денежные оттоки	0	0	0	0	0	0	0	0
15. Денежный поток по финансовой деятельности	0	0	0	0	0	0	0	0
16. Суммарный денежный поток	-33 716,3	7 223,9	10 454,9	11 170,8	11 890,7	12 606,4	13 324,3	14 041,1
17. Коэффициент дисконтирования при ставке 13%	1,0000	0,8850	0,7820	0,6911	0,6107	0,5399	0,4771	0,4217
18. Суммарный дисконтированный денежный поток	-33 716,3	6 396,9	8 175,2	7 719,7	7 261,9	6 814,0	6 361,1	5 925,0
19. То же накопленным итогом	-33 716,3	-27 383,4	-19 208,2	-11 488,5	-4 226,6	2 587,4	8 948,5	14 873,6
20. Дисконтированный денежный поток по операционной деятельности	0,00	6 396,88	8 175,22	7 719,68	7 261,88	6 814,05	6 361,11	5 925,04
21. Дисконтированный денежный поток по инвестиционной деятельности	-33 716,3	0	0	0	0	0	0	0
ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЕКТА								
22. Прирост ЧДД по проекту	14 873,6							
23. Индекс доходности дисконтированных инвестиций (PI)	1,44							
24. Дисконтированный срок окупаемости, годы	4,6							
25. Внутренняя норма доходности (IRR)	24,8%							

Методика успешно применяется в практической деятельности Концерна и может представлять интерес для широкого круга предприятий и организаций машиностроительной отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Остапенко С.Н. Методический подход к оценке производственного потенциала промышленных предприятий ОАО «Концерн ПВО «Алмаз – Антей» // Вестник «Концерна ПВО «Алмаз – Антей». 2011. № 2. С. 19–30.
2. Звонников В.И., Нефедов В.А., Сафонов А.А. Современные модели разработки и совершенствования систем менеджмента. М. : ГУУ, 2010.
3. Никонова Я.И. Современные тенденции формирования стратегии инновационного развития экономических систем // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 117–122.
4. Казаков В.В., Сотников А.С. Управление развитием региональных комплексов и их финансовое обеспечение. Томск, 2006.
5. Виленский П.Л., Лившиц В.Н., Орлова Е.Р., Смоляк С.А. Оценка эффективности инвестиционных проектов. Теория и практика. М. : Дело, 1998. 248 с.
6. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (вторая редакция), утверждены Минэкономки РФ, Минфином России, Госстроем России 21.06.99 г. № ВК 477. М. : Экономика, 2000. 421 с.
7. Ковалев А.П. Управление имуществом на предприятии : учебник. М. : Финансы и статистика ; ИНФРА-М, 2009. 272 с.
8. Методический документ Система менеджмента качества. Методика оценки эффективности инвестиционных проектов обновления и развития основных производственных фондов на стадии формирования и обоснования инвестиционного предложения МД ИПВР 6.3–12–2012. М. : ОАО «Концерн ПВО «Алмаз – Антей», 2012.
9. Ивасенко А.Г., Никонова Я.И., Сизова А.О. Управление проектами : учеб. пособие. Новосибирск, 2007.
10. Гайнанов Д.А., Кантор О.Г., Казаков В.В. Оценка уровня социально-экономического развития территориальных систем на основе метрического анализа // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 138–144.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 23 мая 2015 г.

DETERMINING THE ECONOMIC EFFICIENCY OF PROJECTS ON TECHNICAL RE-EQUIPMENT OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 171–177. DOI: 10.17223/15617793/396/31

Ostapenko Sergey N. Joint-Stock Company Concern “Almaz – Antey” (Moscow, Russian Federation). E-mail: jula@ftf.tsu.ru

Kovalev Anatoliy P. Moscow State Technological University “Stankin” (Moscow, Russian Federation). E-mail: jula@ftf.tsu.ru

Keywords: modernization; technology; productivity; transformation organization; efficiency.

In today's conditions, when the import substitution strategy and modernization of production, aimed at strengthening the competitiveness of domestic enterprises, are in the centre of the economic policy of the state, special attention belongs to the issues of technical re-equipment of enterprises providing improved productivity and reduced production costs. Technical re-equipment of enterprises means a range of measures to improve the technical and economic level of individual industries, shops, through the introduction of advanced equipment and technology, mechanization and automation of production, upgrading and replacement of obsolete and worn-out equipment with new and more productive. The aim of technical upgrading of existing industrial enterprises is to enhance their economic, industrial and technological capacities, to increase production capacity and manufacture competitive products while ensuring required quality, increased productivity, reduced material and production costs, improving other indicators of activities of the enterprise. Technical re-equipment is done on projects and budgets for individual objects or activities developed in the framework of an integrated program of restructuring and development and technical re-equipment of enterprises, usually without the extension of the production area. When planning technical re-equipment, a comprehensive program is developed, in which investment projects are systemically integrated which solve the tasks of retooling in separate industries, shops, stations and the enterprise as a whole. The projects are implemented through federal funds allocated within the federal target program (FTP), and at the expense of the funds of the integrated structure which includes the enterprise. Literature on investment analysis describes in some detail the procedure for determining the economic viability of new business projects, i.e. the so-called “projects from a scratch”. At the same time, methodological questions of the feasibility of the investment projects' efficiency (especially small capital investments) to amend the existing production at existing enterprises, the so-called “change projects”, are not developed enough. The article examines some characteristics of estimation of economic efficiency of projects to change production and property complexes aimed at re-equipment of the production of existing enterprises.

REFERENCES

1. Ostapenko, S.N. (2011) Metodicheskiy podkhod k otsenke proizvodstvennogo potentsiala promyshlennykh predpriyatiy OAO “Kontsern PVO “Almaz – Antey” [The methodological approach to the assessment of the productive capacity of the industrial enterprises of JSC Concern PVO “Almaz – Antey”]. *Vestnik “Kontserna PVO “Almaz – Antey”*”. 2. pp. 19–30.
2. Zvonnikov, V.I., Nefedov, V.A., & Safonov, A.A. (2010) *Sovremennye modeli razrabotki i sovershenstvovaniya sistem menedzhmenta* [Current models of development and improvement of management systems]. Moscow: GUU.
3. Nikonova, Ya.I. (2013) Modern tendencies of economic systems innovative development strategy formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 367. pp. 117–122. (In Russian).
4. Kazakov, V.V. & Sotnikov, A.S. (2006) *Upravlenie razvitiem regional'nykh kompleksov i ikh finansovoe obespechenie* [Managing the development of regional systems and their financial security]. Tomsk: NTL.
5. Vilenskiy, P.L., Livshits, V.N., Orlova, E.R. & Smolyak, S.A. (1998) *Otsenka effektivnosti investitsionnykh proektov. Teoriya i praktika* [Evaluating the effectiveness of investment projects. Theory and practice]. Moscow: Delo.
6. Russian Federation. (2000) Guidelines for evaluating the effectiveness of investment projects (second edition), approved by the Ministry of Economy of the Russian Federation, the Russian Finance Ministry, the State Construction Committee of Russia on 21.06.99 No. VK 477. Moscow: Ekonomika. (In Russian).
7. Kovalev, A.P. (2009) *Upravlenie imushchestvom na predpriyatii* [Asset management in the enterprise]. Moscow: Finansy i statistika; INFRA-M.
8. Methodological document. (2012) Quality Management System. Methods of assessing the effectiveness of investment projects of renovation and development of fixed assets at the stage of studies and investment proposal MD IPVR 6.3-12-2012. Moscow: JSC Concern PVO “Almaz – Antey”. (In Russian).
9. Ivasenko, A.G., Nikonova, Ya.I. & Sizova, A.O. (2007) *Upravlenie proektami* [Project Management]. Novosibirsk: SGGA.
10. Gaynanov, D.A., Kantor, O.G., & Kazakov, V.V. (2009) Estimation of level of social and economic development of territorial systems based on metric analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 322. pp. 138–144. (In Russian).

Received: 23 May 2015

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 159.937.24

В.М. Бызова, Е.И. Перикова

ВЛИЯНИЕ ПОЛЕЗАВИСИМОСТИ-ПОЛЕНЕЗАВИСИМОСТИ НА ПРОЦЕСС ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ ВИЗУАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ

В эмпирическом исследовании приняли участие 282 студента факультетов биологии и психологии Санкт-Петербургского государственного университета. Выявлены и рассмотрены параметры теста Роршаха, проведен анализ психологического содержания комментариев респондентов в процессе выполнения исследования, описана специфика процесса преодоления визуальной неопределенности у респондентов с разной степенью выраженности полезависимого-полenezависимого стиля.

Ключевые слова: когнитивные стили; полезависимость-полenezависимость; визуальная неопределенность; тест Роршаха.

В любой сфере деятельности людям приходится сталкиваться с теми или иными проявлениями неопределенности. И.Х. Шиффман и С. Торрино и G.M. Long, анализируя взгляды разных авторов, делают вывод о том, что потенциальная возможность двоякого толкования – это характерная особенность многих визуальных событий, и для эффективной адаптации к среде организм должен регулярно решать эту неоднозначность (Andrews, Schluppeck, Homfray, Matthews, & Blakemore, 2002; Medin, Ross, & Markman, 2001; Rock, 1975) [1, 2].

Существуют два базовых подхода к анализу восприятия и обработки информации: восходящие (bottom-up) и нисходящие (top-down) процессы [1, 2]. Согласно восходящим процессам, конструирование и создание идентифицируемых паттернов и форм становятся результатом перцептивного объединения базовых элементов зрительной системы под воздействием автоматических, не контролируемых человеком мозговых механизмов и зрительной системы. Второй базовый подход (нисходящие процессы) объясняет процесс обработки информации и, соответственно, неопределенность с точки зрения процессов высшего когнитивного уровня, которые оказывают влияние сверху вниз на интерпретацию полученного на сетчатке изображения. Перцептивный процесс сверху вниз, обеспечивающий осмысленное восприятие, при недостаточной освещенности объекта или отсутствии его целостности обладает очевидной и значительной адаптивностью. Порой именно ожидание, основанное на предшествующем опыте человека, помогает ему восстановить события и выдвинуть верное предположение о том, какой предмет находится перед ним.

Преодоление ситуации неопределенности – субъективно целесообразное действие не только в процессе восприятия, но и в результате. Преодоление неопределенности может быть сопряжено с активизацией мышления или воображения. Е.А. Лустина, изучая вопрос преодоления ситуации неопределенности в процессах мышления и воображения, выяснила, что для процессов мышления характерно преодоление неопределенности с помощью «перцептивно-образных знаний», тогда как деятельность воображения в соответствующих обстоятельствах предполагает активизацию не только перцептивного, но и абстрактного опыта субъекта [3].

Когнитивные стили рассматриваются как индивидуальные особенности процессов приема и переработки информации человеком, устойчиво проявляющиеся при решении познавательных задач (Witkin et al., 1954; Ragan et al., 1979; Ford et al., 2002; Hough, 2005 и др.) [4]. Т.В. Корнилова и Г.В. Парамей подчеркивали, что особенности процессов оперирования информацией проявляются в ситуации неопределенности [5].

Как известно, когнитивный стиль полезависимость-полenezависимость (ПЗ-ПНЗ) был первым, открытым Виткиным, стилем и до сих пор остается самым изученным [3, 5]. Данный когнитивный стиль характеризует предрасположенность человека к определенной стратегии обработки информации: полenezависимые испытуемые склонны вычленять части организованного перцептивного поля в структуре другого поля, а полenezависимые испытуемые не склонны расчленять перцептивный материал и поэтому попадают в зависимость от целого поля. Наиболее яркие различия между полезависимыми и полenezависимыми субъектами проявляются в особенностях их восприятия. Для полenezависимых, в отличие от полезависимых, воспринимаемое изображение значительно более структурировано. Это проявляется в том, что для полenezависимых объект и его качества воспринимаются самостоятельно, отдельно от других объектов и качеств этих объектов. В связи с вышеизложенным целью нашего исследования заключалась в выявлении роли когнитивного полenezависимого стиля в преодолении визуальной неопределенности на примере пятен Роршаха.

Среди задач нашего исследования были следующие: выявить степень выраженности полезависимости и полenezависимости в общей выборке респондентов, а также в группах студентов – психологов и биологов; изучить параметры теста Роршаха в рассматриваемых выборках; соотнести показатели когнитивного стиля с параметрами теста Роршаха; проанализировать психологическое содержание комментариев юношей и девушек в процессе выполнения задания.

Мы предположили, что полenezависимость является одним из факторов преодоления визуальной неопределенности. Успешный процесс преодоления, вероятно, проявится в большем количестве целостных ответов, а также в ответах на движение и оригинальность.

В работе использовался тест Роршаха, который, по мнению многих авторов, дает большое количество значимой информации о ментальных способностях [7. С. 9]. А также с целью изучения когнитивного стиля полнезависимость-полнезависимость использовался тест АКТ-70 К.У. Эттриха в адаптации Шкуратовой [8, 9]. Математическая обработка данных осуществлялась с использованием метода Стьюдента, кластерного (метод Уорда) и корреляционного (метод Спирмена) анализа.

Выборку составили 282 студента факультетов биологии и психологии Санкт-Петербургского госуниверситета. Возраст респондентов 18–20 лет (средний возраст – 19,5 лет). В числе обследованных 90 девушек и 47 юношей биологического, 101 девушка и 44 юноши психологического факультетов.

До группового тестирования был установлен позитивный психологический контакт, затем объявлялась цель исследования и краткая инструкция к картам Роршаха: «На что это похоже? Что бы это могло быть?» [10, 12]. В ходе предъявления карт респондентам предлагалось записывать ответы в четырех положениях: прямом, обратном и двух боковых. По окончании предъявления карт предлагалось дать письменный комментарий об особенностях восприятия пятен. В дальнейшем проводился индивидуальный опрос с целью уточнения ответов, а также предлагался тест на определение когнитивного стиля. В качестве параметров теста Роршаха в нашем исследовании использовались: целостность ответов, крупные и мелкие детали, движение, цветовые ответы, оригинальность ответов и продуктивность. В каждом протоколе был проведен подсчет баллов параметров теста Роршаха, причем каждый параметр оценивался отдельно. Наличие в протоколе ответов на выраженность определенного параметра оценивалось в баллах: 0 баллов – отсутствие в ответах признаков параметра; 1–2 балла – признаки параметров в ответах присутствуют; 3 балла и более отражают яркую выраженность параметра.

Общее количество ответов отражает параметр продуктивности. Согласно Роршаху, для здоровых испытуемых характерно от 15 до 30 ответов. Средняя продуктивность в нашем исследовании оказалась более выражена: от 25 до 35 ответов в протоколе. По мнению исследователей, высокий уровень продуктивности может означать легкость воображения и вербализации; низкая продуктивность ответов может отражать усталость, нехватку средств выражения, тревожность [11, 13, 14].

Целостные ответы, по мнению исследователей, представляют собой обобщенное ментальное отношение при встрече с неопределенностью (неизвестностью). Данный параметр отражает когнитивный механизм и аффективную установку [11. С. 40–41]. Целостные ответы, по Роршаху, служат выражением как бессознательной установки, так и сознательного стремления к целостности [8]. Фактор целостности является одной из составляющих процесса мышления и представляет собой тенденцию воспринимать вещи в их комплексе, как группу элементов в целостном ансамбле. Таким образом, в целостных ответах проявляются конкретные, четко выделенные элементы.

Ответы на движение включали введение динамических взаимоотношений между персонажами. Согласно авторам новейших исследований, эти показатели отражают творческое воображение, зрелость и осознание собственной внутренней жизни [11. С. 80].

Показатель цвета характеризуется наличием в ответах респондентов параметров свето-тени и цвета в восприятии пятен. «Цветовые» ответы, согласно Роршаху, «показывают меру эмоциональной лабильности» [8. С. 55]. Их также считают индикатором впечатлительности и возбудимости, однако эти ответы не имеют однозначного аффективного значения и могут означать пассивность реакций, тенденцию следовать за внешней стимуляцией [11. С. 119–121].

Показатель деталей ответов состоял из двух параметров: опознавание крупных и мелких деталей в пятнах. Учитывалось количественное и качественное соотношение целостных ответов с выделением крупных деталей. Большинство исследователей рассматривают крупные детали как меру здравого смысла, рассудочности, поиска способов адаптации к требованиям внешнего мира. Выбор мелких деталей может отражать рациональный склад ума, педантичность [Там же. С. 55].

Оригинальный характер ответов, согласно Роршаху, «встречается не чаще, чем один раз на сто случаев у здоровых испытуемых» [8. С. 60]. Оценка оригинальности ответов в нашем исследовании основана на личном опыте продолжительной работы с тестом Роршаха в разных выборках [12]. Понятие оригинальности содержания ответа на интерпретационном уровне имеет свою ценность и может отражать высокую личную культуру или живое, творческое воображение, а также уровень ассимиляции воспринимаемых образов через собственный опыт и переживания.

В процессе анализа использовались данные опроса респондентов и психологическое содержание их письменных комментариев.

Результаты статистического анализа среднего значения показателя ПЗ-ПНЗ в общей выборке ($M = 2,23$; $MS = 0,54$) оказались несколько ниже, чем нормативное значение (2,5) методики АКТ-70 К.У. Эттриха в адаптации Шкуратовой [9]. Обнаружены значимые различия показателей ПЗ-ПНЗ в группах студентов-психологов и студентов-биологов (Кр. Ливиня = 0,264, $p = 0,608$; $t = 3,201$; $p = 0,002$). Показатели полнезависимости более выражены в выборке студентов-биологов ($M = 2,62$; $MS = 0,549$), по сравнению с выборкой студентов-психологов ($M = 2,42$; $MS = 0,521$). Согласно полученным результатам, образы восприятия студентов-биологов характеризуются большей структурой и организацией, респонденты данной группы могут точно и быстро выделять существенные и несущественные элементы в целостной структуре, в то время как студенты-психологи испытывают сложности в выделении деталей из целого.

Для более детального изучения полученных данных проведен кластерный анализ с учетом феномена квадриполярности когнитивных стилей [2, 15]. Кластерный анализ использовался с целью выделения в исходных многомерных данных таких однородных

подмножеств, чтобы объекты внутри групп были похожи друг на друга, а объекты из разных групп – не похожи. Исследователи когнитивных стилей пришли к выводу, что наиболее адекватным алгоритмом является метод Уорда (Wards method) [15, 16]. Для проведения кластерного анализа были использованы два показателя: среднее время обнаружения простой фигуры в сложной и коэффициент имплицитной обучаемости, который оценивался как мера прироста эффективности деятельности респондентов по ходу выполнения заданий. В результате кластерного анализа выделено две группы в общей выборке: полезависимые – 208 человек (73,9%) и полenezависимые – 74 человека (26,1%), феномена квадриполярности не обнаружено. В выделенных группах был проведен анализ средних значений и стандартных отклонений: полезависимые ($M = 2,28$; $MS = 0,33$) и полenezависимые ($M = 3,19$; $MS = 0,44$) респонденты.

Проведен анализ показателей восприятия пятен Роршаха в группах полезависимых и полenezависимых респондентов, результаты отражены в табл. 1.

Таблица 1
Показатели теста Роршаха в группах полезависимых и полenezависимых респондентов, баллы

Шкалы	Полезависимые (n = 208)		Полenezависимые (n = 74)		Значимость различий
	Среднее значение	Стандартные отклонения	Средние значения	Стандартные отклонения	
Целостность	4,09	0,77	4,23	0,69	0,261
Крупные детали	3,69	2,94	3,50	0,68	0,098
Мелкие детали	2,25	1,07	2,16	1,00	0,437
Движение	2,13	1,09	4,48	1,49	0,029*
Цвет	3,09	1,34	2,32	0,85	0,050*
Оригинальность	1,13	0,41	2,18	1,21	0,035*
Продуктивность	4,17	1,06	4,37	0,81	0,137

Примечание. Значимые различия * при $p < 0,05$.

В общей выборке полenezависимых респондентов значительно выше показатели, отражающие параметры движения и оригинальность ответов. Выборка полезависимых характеризуется большей выраженностью цветовых ответов (табл. 1).

Данные корреляционного анализа показателей ПЗ-ПНЗ с параметрами теста Роршаха в общей выборке респондентов представлены в табл. 2.

Таблица 2
Коэффициенты корреляций когнитивного стиля ПЗ-ПНЗ и параметров теста Роршаха

Параметры теста Роршаха	Целостность образа	Крупные детали	Мелкие детали	Движение	Цвета	Оригинальность	Продуктивность
ПЗ-ПНЗ	,239**	-,034	,055	,677**	-,207**	,556**	,217**

Примечание. Значимые различия * при $p < 0,05$, ** при $p < 0,01$.

Показатели корреляционного анализа отражают тесные взаимосвязи параметров теста Роршаха и ко-

гнитивного стиля полenezависимость. Выявлены взаимосвязи между показателями ПЗ-ПНЗ и следующими параметрами теста Роршаха: наиболее значимые связи полenezависимости обнаружены с параметрами движения ($r = 0,677$; $p < 0,01$) и оригинальностью ответов ($r = 0,556$; $p < 0,01$). Психологический смысл ответов с параметром движения включает разнообразные значения, в том числе внутренний динамизм, потребность самовыражения и творческий потенциал. Самосознание и самопринятие также могут быть выражены в показателях кинестезии. Оригинальные ответы указывают на продуктивное воображение, интеллектуальный потенциал и выраженность полenezависимого когнитивного стиля. Связь полenezависимости с параметром продуктивности ($r = 0,217$; $p < 0,01$) подтверждает вышесказанное. Что касается преодоления неопределенности, безусловно, творческий подход и самопринятие имеют определяющее значение в этом процессе [3].

Показатель полenezависимости определяет уровень целостности воспринятых образов ($r = 0,239$; $p < 0,01$), что дает возможность обобщенного ментального отношения при встрече с визуальной неопределенностью и её последующим принятием.

Обнаружена негативная связь ПЗ-ПНЗ стиля с цветовыми ответами ($r = -0,207$; $p < 0,01$). Полезависимые респонденты чаще используют цветовые стимулы в своих ответах, что показывает меру эмоциональной лабильности. Цвет структурирует и определяет фактурность пятен, что стимулирует полезависимых испытуемых чаще к нему обращаться для интерпретации предъявляемых карт. Таким образом, по нашему представлению, цвет помогает полезависимым респондентам успешней преодолевать визуальную неопределенность.

Представляют существенный интерес комментарии респондентов относительно специфики восприятия разных карт. Из комментариев ПЗ юношей: «черно-белые структуры ломают восприятие цвета»; «на цветных хуже складывается целостность в единый образ»; «пугает зеркальность рисунков»; «в процессе работы все лучше и лучше включалось воображение»; «цвет отвлекает, под конец стало невыносимо ломать свой мозг»; «в некоторых случаях испытывал затруднения в придумывании ассоциаций, удобнее было, когда фигура четко очерчена». По нашему мнению, вовлеченность, проявляющаяся в процессе работы, является характерной особенностью полезависимых юношей.

Из комментариев ПНЗ юношей: «испытывал легкое волнение, появилось удовлетворение, бодрость»; «в начале испытывал беспокойство, скорее всего, из-за серых красок, но по ходу работы эмоциональный фон преобразился»; «переход к цветным вызывает некое удивление, работа становится эмоциональней»; «с цветными пятнами ассоциаций больше, но легче – с черно-белыми»; «цветные: буйность, увядание, жизнь; черно-белые: вне времени, тишина». Сравнительный анализ комментариев показал, что полезависимые юноши больше уделяли внимание описанию процесса преодоления неопределенности; полenezависимые – описанию содержания образов.

висимые юноши чаще обращались к описанию эмоций в ходе процесса решения теста.

Из комментариев ПЗ девушек: «некоторые цветные больше пугали, а некоторые черно-белые были более позитивны»; «цветные – гораздо легче, но в них не удалось увидеть целостной картины»; «не понравилось сочетание черного и красного, но когда пошли цветные, стало сложнее и интереснее»; «образы появлялись с трудом, так как сложно оценить картину в общем – видно лишь детали»; «нечеткие линии утомляют и раздражают, мелкие детали отвлекают внимание от восприятия полноценной картинки»; «цветные картинку воспринимать сложнее, стала кружиться голова и настроение ухудшилось, усталость»; «легче возникали черные образы: сначала пыталась воспринять фигуру в целом, но если не получалось, вглядывалась в детали»; «на черном образы возникали легче, но цветные карты казались мрачнее». Девушки в ряде случаев подчеркивали неприятные переживания, гнетущее впечатление, утомление, раздражение в процессе восприятия цветных пятен, причем в ряде случаев проявлялись психофизиологические реакции на цвет в виде головокружения, тошноты.

Из комментариев ПНЗ девушек: «в цветных больше разнообразия, легкости, волшебства; труднее воспринимается как целостная картина; в черно-белых нет динамики, жизни, перспективы»; «от черных карт чувство безысходности»; «над цветными больше хочется думать, внимательно смотреть»; «цветные, несмотря на обилие цветов, дают негативное впечатление»; «темные картинку вызывали скорее тревогу»; «в картинках скрыто бесконечное число образов, все казалось динамичным»; «цветные вызывали подъем, хорошее настроение, интерес»; «цветные ассоциировались с будущим, ощущением счастья, а черно-белые – с негативными чувствами, с прошлым»; «цветные воспринимались, как сны»; «вначале все вызывало некий страх, отчуждение, недоверие, агрессию, но цветные вызвали сильную расположенность и подъем настроения». Сравнение комментариев в выборках девушек показало, что полезависимые характеризовались высказываниями о собственных переживаниях. Полнезависимые девушки чаще использовали образные высказывания для описания своего состояния.

Полезависимые юноши и девушки действительно чаще в своих комментариях обращались к описанию своих переживаний относительно цвета карт, чем полнезависимые. Полезависимые респонденты комментировали процесс преодоления неопределенности,

его трудности: «цвет и черно-белые структуры ломают восприятие цвета»; «на цветных хуже складывается целостность в единый образ»; «на черном образы возникали легче, но цветные карты казались мрачнее». Также полезависимые юноши и девушки отмечали у себя трудности в выделении целостных образов: «в некоторых случаях испытывал затруднения в придумывании ассоциаций, удобнее было, когда фигура четко очерчена»; «образы появлялись с трудом, так как сложно оценить картину в общем – видно лишь детали».

Полнезависимые респонденты в описании своих состояний использовали абстрактные высказывания: «цветные: буйность, увядание, жизнь; черно-белые: вне времени, тишина»; «в черно-белых нет динамики, жизни, перспективы».

Девушки, в отличие от юношей, в определенной мере были склонны к цветовому шоку, который выражался в резком сокращении ответов на цветные карты после ахроматических. Можно предположить, что цветные карты являлись фактором, затрудняющим процесс преодоления неопределенности.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Когнитивный стиль полезависимость-полнезависимость обнаружил тесную взаимосвязь с параметрами теста Роршаха. Полнезависимые респонденты демонстрируют более высокие результаты выполнения теста Роршаха в показателях целостности, продуктивности, оригинальности ответов, а также для них характерны описания динамических взаимоотношений между персонажами. Трудности преодоления неопределенных визуальных стимулов чаще проявлялись в группе полезависимых респондентов. Гипотеза исследования в целом подтвердилась: преодоление визуальной неопределенности нашло выражение в большем количестве ответов на движение и оригинальность. Комментарии респондентов о своих впечатлениях и переживаниях в ходе выполнения теста Роршаха согласуются со статистически полученными показателями и уточняют их. Проведенное исследование свидетельствует о специфике восприятия пятен Роршаха респондентами в зависимости от их когнитивного стиля (полезависимость-полнезависимость). Также выявлены качественные и количественные различия в преодолении неопределенности хроматических и ахроматических карт в выборках юношей и девушек в зависимости от когнитивного стиля. Полезависимые респонденты, в отличие от полнезависимых, склонны использовать дополнительный ресурс цвета для выделения смысловых частей изображения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Toppino T.C., Long G.M.* Top-Down and Bottom-Up Processes in the Perception of Reversible Figures: Toward a Hybrid Model Dynamic Cognitive Processes. 2005. P. 37–58.
2. *Шиффман Х.Р.* Ощущение и восприятие. 5-е изд. СПб.: Питер, 2003. 928 с.
3. *Лустина Е.А.* Преодоление ситуации неопределенности в процессах мышления и воображения // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 122–125.
4. *Холодная М.А.* Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004.
5. *Корнилова Т.В., Парамей Г.В.* Подходы к изучению когнитивных стилей: двадцать лет спустя // Вопросы психологии. 1989. № 6. С. 140–147.
6. *Sternberg R.J., Grigorenko E.L.* Are cognitive styles still in style? // American Psychologist. Jul 1997. Vol. 52(7). P. 700–712.
7. *Белый Б.И.* Тест Роршаха. Практика и теория. СПб., 1992.
8. *Роршах Г.* Психодиагностика. М., 2003.
9. *Шкуратова И.П.* Когнитивный стиль и общение. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. пед. ун-та, 1994. 156 с.

10. *Проективная психология*. М., 2000. С. 108–128.
11. Рауш де Траубенберг Н.К. Тест Роршаха: Практическое руководство : пер. с франц. М. : Когито-Центр, 2005. 255с.
12. Бызова В.М. О восприятии пятен Роршаха и типе переживания молодежи // *Современные проблемы психодиагностики : материалы межвуз. науч.-практ. конф.* Санкт-Петербург, 2012 г. / под общ. ред. д-ра психол. наук, проф. И.А. Воронова. СПб. : Санкт-Петербургский ин-т психологии и акмеологии, 2012. С. 107–110.
13. Бурлачу Л.Ф. Исследование личности в клинической психологии. Киев, 1979. 175 с.
14. Эткин А.М. Тест Роршаха и структура психического образа // *Вопросы психологии*. 1981. № 5. С. 106–115.
15. Холодная М.А. Феномен «расщепления» полюсов когнитивных стилей // *Интеллект и творчество*. М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 1999. С. 46–54.
16. Алексапольский А.А. Стилевые и уровневые свойства интеллекта как факторы совладающего поведения : дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 147 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 7 апреля 2015 г.

EFFECT OF FIELD DEPENDENCE-INDEPENDENCE ON OVERCOMING UNCERTAIN VISUAL STIMULI

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 178–182. DOI: 10.17223/15617793/396/32

Byzova Valentina M., Perikova Ekaterina I. Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: vbysova@mail.ru; chikurovaEI@gmail.com

Keywords: cognitive styles; field dependence-independence; visual uncertainty; Rorschach Test.

An empirical study investigated the role of the cognitive style of field independence in overcoming visual uncertainty. It was suggested that field independence is one of the factors to overcome visual uncertainty. A successful process of overcoming will manifest in more holistic responses, as well as in response to movement and originality. The study involved 282 students of Saint-Petersburg University, Faculties of Biology and Psychology. To reveal indicators of field dependence-field independence, test ACT-70 by K.U. Ettrih as adapted by Shkuratova was used; the Rorschach test was used to determine the parameters of overcoming of visual uncertainty. Data processing was carried out by Student method, cluster (Ward's method) and correlation (Spearman's method) analyses. Also, the parameters of the Rorschach test and psychological content of emotional comments of respondents to the process of the experiment were analyzed. The parameters of the Rorschach test in the study were: holism of the responses, large and small parts, movement, color responses original responses and productivity. Each protocol was conducted scoring Rorschach test parameters, each parameter was evaluated separately. According to the median criterion, two groups were detected in the total sample of the respondents: field dependence – 208 people (73.9 %) and field independence – 74 people (26.1 %). Cognitive style field dependence-field independence found a close relationship with the parameters of the Rorschach test. Statistical analysis showed that field independence respondents demonstrate higher results of the Rorschach test in terms of holism, productivity, original responses, and they are characterized by the description of the dynamic relationships between the characters. Difficulties of overcoming uncertainty of visual stimuli often were shown in the group of field dependence respondents. Comments by the respondents about their impressions and experiences in the implementation of the Rorschach test are consistent with the statistically derived indicators and clarify them. Field dependence young men and women in their comments pointed at the difficulties in allocating a holistic image. Also, qualitative and quantitative differences in overcoming the uncertainty of chromatic and achromatic cards in samples of young men and women depending on the cognitive style were revealed. Field dependence respondents, as opposed to field independence ones, tended to use the additional resource of color to highlight semantic parts of the picture. This study demonstrates the specificity of the Rorschach test perception by respondents according to their cognitive style (field dependence-field independence).

REFERENCES

1. Toppino, T.C. & Long, G.M. (2005) Top-Down and Bottom-Up Processes in the Perception of Reversible Figures: Toward a Hybrid Model. *Dynamic Cognitive Processes*. pp. 37–58. DOI: 10.1007/4-431-27431-6_3
2. Schiffman, X.R. (2003) *Oshchushchenie i vospriyatie* [Sensation and perception]. 5th ed. St. Petersburg: Piter.
3. Lustina, E.A. (1982) Preodolenie situatsii neopredelennosti v protsessakh myshleniya i voobrazheniya [Overcoming the uncertainty in the process of thinking and imagination]. *Voprosy psikhologii*, 5. pp. 122–125.
4. Kholodnaya, M.A. (2004) *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles. On the nature of the individual mind]. 2nd ed. St. Petersburg: Piter.
5. Kornilova, T.V. & Paramey, G.V. (1989) Podkhody k izucheniyu kognitivnykh stiley: dvadtsat' let spustya [Approaches to the study of cognitive styles: twenty years later]. *Voprosy psikhologii*. 6. pp. 140–147.
6. Sternberg, R.J. & Grigorenko, E.L. (1997) Are cognitive styles still in style? *American Psychologist*. Jul. 52(7). pp. 700–712. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/0003-066X.52.7.700>
7. Belyy, B.I. (1992) *Test Rorshakha. Praktika i teoriya* [Rorschach Test. The practice and theory]. St. Petersburg: Dorval'.
8. Rorschach, H. (2003) *Psikhodiagnostika* [Psychodiagnosis]. Moscow: Kogito-Tsentr.
9. Shkupatova, I.P. (1994) *Kognitivnyy stil' i obshchenie*. Rostov-on-Don: Rostov Pedagogical University.
10. Abt, L.E. & Bellak, L. (eds.) (2000) *Proektivnaya psikhologiya* [Projective Psychology]. Moscow: EKSMOPress.
11. Rausch de Traubenberg, N.K. (2005) *Test Rorshakha: Prakticheskoe rukovodstvo* [Rorschach Test: A Practical Guide]. Moscow: Kogito-Tsentr.
12. Byzova, V.M. (2012) [On the perception of Rorschach spots and type of experience of youth]. *Sovremennye problemy psikhodiagnostiki* [Modern problems of psycho-diagnostics]. Proc. of intercollege scientific and practical conference. St. Petersburg, 2012. St. Petersburg: St. Petersburg.: St. Petersburg Institute of Psychology and Acmeology. pp. 107–110. (In Russian).
13. Burlachuk, L.F. (1979) *Issledovanie lichnosti v klinicheskoy psikhologii* [The study of personality in clinical psychology]. Kiev: Zdorov'ya.
14. Etkin, A.M. (1981) Test Rorshakha i struktura psikhicheskogo obraza [Rorschach Test and structure of mental image]. *Voprosy psikhologii*. 5. pp. 106–115.
15. Kholodnaya, M.A. (1999) Fenomen "rasshepleniya" polyusov kognitivnykh stiley [The phenomenon of "splitting" of cognitive style poles]. In: *Intellekt i tvorchesvo* [Intelligence and creativity]. Moscow: Institute of Psychology of RAS.
16. Aleksapol'skiy, A.A. (2008) *Stil'evye i urovnevye svoystva intellekta kak faktory sovladayushchego povedeniya* [Style and level properties of intelligence as factors of coping behavior]. Psychology Cand. Diss. Moscow.

Received: 07 April 2015

СОПРОВОЖДЕНИЕ САМОРАЗВИТИЯ УЧАЩИХСЯ В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Рассматривается вопрос сопровождения саморазвития учащихся в организациях дополнительного образования детей. Материал является результатом теоретического поиска автора и опирается на опыт апробации модели сопровождения саморазвития учащихся в детско-юношеском центре космического образования «Галактика» г. Калуги. Подробно освещен вопрос реализации модели сопровождения саморазвития учащихся младшего школьного возраста в дополнительном образовании. Исследование опирается на разработки ученого-психолога В.И. Слободчикова о становлении процессов самопознания и саморазвития личности в ходе возрастного развития.

Ключевые слова: саморазвитие личности; сопровождение саморазвития учащегося; дополнительное образование детей; степень персонализации.

Характерной чертой современного этапа обновления образования становится ориентация на максимальную индивидуализацию сопровождения развития ребенка под руководством педагога, психолога. Реализация данного подхода осуществляется посредством разработки траекторий развития детей, создания индивидуальных образовательных маршрутов и образовательных программ. В этой связи в образовательных учреждениях всех типов и видов важное значение приобретает специально организованная деятельность по целенаправленному созданию развивающей среды, позволяющей достигать результатов и эффектов в личностном, социальном, интеллектуальном развитии современных детей и подростков. Принятая Правительством РФ Концепция модернизации российского образования определяет приоритетные задачи, решение которых требует построения адекватной системы психолого-педагогического сопровождения.

В последние годы проблема психолого-педагогической поддержки, сопровождения детей является достаточно актуальной, и поиски ее решения находят свое воплощение в образовательной практике. Идеи психолого-педагогического сопровождения детей сегодня особенно востребованны и по праву рассматриваются как приоритетные в свете модернизации образования (Е.А. Александрова, Г. Бардиер, М.Р. Битянова, О.С. Газман, И.Д. Демакова, В.Н. Колесников, Т.И. Чиркова, С.М. Юсфин и др.)

Особую актуальность реализация психолого-педагогического сопровождения саморазвития учащихся приобретает в аспекте идей саморазвития личности, ее самопрогнозирования и самосовершенствования (В.Г. Маралов, Б.М. Мастеров, В.С. Мухина, А.Б. Орлов, В.А. Петровский, Г.А. Цукерман). По словам отечественных психологов Г.А. Цукерман, Б.М. Мастерова, «проблема саморазвития буквально ворвалась в современное педагогическое сознание» [1. С. 6].

Взгляды отечественных психологов на проблему саморазвития личности едины в принципиальном утверждении, согласно которому в процессе саморазвития человек приобретает много новых качеств и способностей, которые ранее не были актуализированы, что демонстрирует большую широту смысла саморазвития (К.А. Абульханова-Славская, Б.С. Бра-

тусь, Д.А. Леонтьев, Н.Н. Михайлова, Н.А. Низовских, А.Б. Орлов, В.С. Мухина, Г.А. Цукерман, И.С. Якиманская и др.).

В психологии процесс полного раскрепощения личности, обеспечивающий свободное проявление «Я», является одним из механизмов саморазвития, ведущих к саморазвитию. Здесь речь идет о персонификации личности (Р. Ассаджиоли, П. Ферутто, Т. Йоуменс, Крэмpton и др.).

Изучив современное состояние проблемы психолого-педагогического сопровождения саморазвития учащихся, приходим к выводу о том, что, несмотря на ее актуальность и предзаданность личностно-ориентированной тенденции модернизации образования, не все образовательные учреждения на современном этапе развития оказываются готовыми реализовывать деятельность, направленную на сопровождение саморазвития детей. Актуальные сегодня идеи фасилитирующего обучения, находящие общие тенденции с психолого-педагогическим сопровождением саморазвития детей, предполагают роль учителя, состоящую в том, чтобы лишь стимулировать в ребенке изначально заложенное стремление к саморазвитию. Здесь уместно вспомнить высказывание Л.Н. Толстого о том, что важным условием, обеспечивающим гармоническое развитие личности, является сама образовательная система. В данном случае для полноценной реализации идей самовоспитания и саморазвития требуется отсутствие предусмотренных заранее программ, жестких учебных планов, сдерживающих свободное проявление «Я» ребенка; применение методов и средств с учетом интересов и желаний детей, их родителей и наличие соответствующих педагогов, любящих и хорошо знающих свой предмет [2]. Данные условия по понятным причинам не могут быть реализованы в общеобразовательных учебных заведениях, деятельность которых регламентирована учебными планами, программами, системой точного обучения.

Организации дополнительного образования детей сегодня имеют широкие возможности для реализации психолого-педагогического сопровождения саморазвития учащихся, обладая гибкостью и вариативностью построения образовательного процесса, предоставляя широкие возможности для проявления индивидуальности каждого ребенка в выборе видов дея-

тельности, творческого объединения, методов и средств обучения, педагога.

Как подчеркивает В.И. Слободчиков, «...образовательный процесс учреждений дополнительного образования детей характеризуется отсутствием универсальных, единых для всех стандартов содержания образования... наряду с этим налицо подчиненность природе ребенка, его “нормальному развитию”, естественному росту, культурному и личностному становлению» [3. С. 354–355].

Полагаем, что реализация индивидуализации обучения через проектирование и использование в образовательной практике индивидуальных маршрутов саморазвития учащихся имеет хорошие предпосылки для системной реализации.

В контексте современного образовательного пространства системе дополнительного образования детей и молодежи отведено особое место, её востребованность нашла отражение в основополагающих документах образовательной политики страны: Национальной доктрине образования в РФ, Федеральной программе развития образования, Федеральных государственных образовательных стандартах. В документах подчеркивается, что учреждениям дополнительного образования принадлежит особая роль в развитии способностей, социальном и профессиональном самоопределении учащихся.

Учреждения дополнительного образования детей (сегодня – организации) – это особый тип учреждений, имеющий свою специфику и задачи, основная из которых – создать условия, помогающие ребенку с раннего возраста активно развиваться в соответствии с его интересами и желаниями. В системе дополнительного образования присутствует та самая «ситуация успеха» (по Л.С. Выготскому), партнерские отношения между педагогом и учащимися, способствующие полноценному воспитанию личности, ее саморазвитию.

Для каждой возрастной ступени дополнительного образования сопровождение саморазвития учащихся способно предложить свой содержательный аспект исходя из особенностей целеполагания развития личности в условиях возрастного периода. Применительно к дошкольному возрасту это обеспечение самопознания себя и окружающего мира, поддержка эмоционального развития ребенка, актуализация индивидуальных психологических возможностей, определение предметных предпочтений.

Реализуя модель сопровождения саморазвития детей младшего школьного возраста в организации дополнительного образования детей, мы основываемся на следующих педагогических **принципах**:

Вариативность дополнительного образования как важнейшее условие, обеспечивающее возможность существования различных подходов к отбору содержания, средств, методов обучения и психолого-педагогического сопровождения учащихся, позволяющее реализовать построение индивидуальных маршрутов саморазвития, основанных на выборе отдельных предметных областей с учетом интересов и потребностей ребенка, определение темпов и времени

их усвоения, а также включение (по необходимости) в индивидуальный маршрут мероприятий психолого-педагогической поддержки, которые призваны обеспечить достижение самопринятия личности путем коррекции негативных психологических образований, снятия барьеров саморазвития.

1. *Совершенствование содержания профессионально-педагогической работы педагога с учетом реализации психолого-педагогического сопровождения саморазвития детей.* Содержание данного педагогического принципа конкретизируется в следующих постулатах:

– цель образования – направленность на самопознание и саморазвитие личности детей, предопределяющая переход к личностно-ориентированной педагогике, фасилитирующему обучению;

– включение в образовательный процесс приемов и методов самопознания и самопрогнозирования, технологий формирования положительной Я-концепции, обеспечивающих самопринятие и самопрогнозирование личности;

– осуществление психолого-педагогической поддержки в ходе образовательного процесса через использование тактик ненасильственного общения, диалога, совместной деятельности, применение рекомендаций психолога по работе с тревожными, агрессивными, застенчивыми, гиперактивными, одаренными детьми в процессе обучения;

– развитие ценностно-смысловой сферы учащихся, процессуальной мотивации деятельности, волевых качеств личности, творческой активности, стремления к творческому самовыражению и самосовершенствованию в деятельности [4].

Конструкция модели сопровождения саморазвития ребенка младшего школьного возраста в организации дополнительного образования опирается на исследование ученого-психолога В.И. Слободчикова о становлении процессов самопознания и саморазвития личности в ходе возрастного развития [3. С. 44–48]. Автор выделил пять базисных общностей, или ступеней развития субъектности человека (оживление, одушевление, персонализация, индивидуализация, универсализация), из которых нами рассмотрены те, которые традиционно соответствуют возрастному составу учащихся учреждений дополнительного образования – дети от 5 до 16 лет.

Для детей младшего школьного возраста характерна **ступень персонализации**.

Партнером растущего человека становится ответственный взрослый, воплощенный в системе социальных ролей: учитель, наставник, мастер и т.п., вместе с которым младший школьник, подросток осваивает правила, понятия, принципы деятельности во всех сферах социально-культурного бытия: в науке, религии, искусстве, морали, праве. Именно на этой ступени личность *впервые осознает себя потенциальным автором собственной биографии, принимает персональную ответственность за свое будущее*. Кульминационным моментом личностного развития здесь является *проявление способности к саморазвитию*, однако реализация ее ограничена тем, что

человек не достигает еще внутренней свободы, несмотря на выраженное стремление к взрослости, *не может освободиться от зависимости от других людей*. Эту ступень развития субъекта человеческих общностей В.И. Слободчиков назвал ступенью персонализации, не только акцентируя этим момент принятия персональной ответственности за свое будущее. С точки зрения психологии формирования механизмов саморазвития важно, что на этой ступени *появляется рефлексия* как механизм самопознания, но в силу влияния притязаний на признания, сформированных в результате идентификации (по В.С. Мухиной), его действие пока сдерживается, что приводит к персонализации личности (по А.Б. Орлову). Заметим, что ступень персонализации охватывает период становления со-бытийности, для которого характерен кризис рождения (кризис детства: 5,5–

7,5 лет) и стадия принятия (6,5–11,5 лет), а также период становления само-бытности, включающий в себя кризис отрочества (11–14 лет) и стадию освоения (13–18 лет). Со-бытийная общность, по В.И. Слободчикову, представляет собой способ существования связи человека с другими людьми, что подготавливает основу для саморазвития, при этом само-бытность – как бы выход из общности, индивидуализация, возможность проявить самостоятельность, творить новое. Это объясняет наличие идентификации в качестве ведущего механизма саморазвития в младшем школьном возрасте и рефлексии (отчуждения, по В.С. Мухиной) в подростковом и юношеском возрасте [5].

Представим схему саморазвития ребенка младшего школьного возраста, находящегося на ступени персонализации (рис. 1).

Рис. 1. Схема саморазвития ребенка младшего школьного возраста по адаптивному варианту [6. С. 168]

Представленная схема саморазвития характерна для детей младшего школьного возраста. Проживание этих процессов, с одной стороны, характеризуется механизмами и регуляторами поведения, сформированными на предыдущих стадиях: идентификацией со значимыми людьми, притязаниями на признание, сформированной системой соподчинения мотивов, первичных ценностно-смысловых ориентиров, а с другой стороны, появлением потребности в переменах, субъективностью самопознания и саморазвития, появлением учения как новообразования, являющегося регулятором и стимулом саморазвития.

Учение как ведущий вид деятельности определяет в качестве регулятора саморазвития одобрение успехов ребенка со стороны родителей и учителей, что выражается в уровне притязаний на признание. В качестве Ориентира здесь выступает сверстник, который вызывает одобрение со стороны значимых взрослых (родителя, педагогов). Как и на других ступенях, на ступени персонализации возможно саморазвитие в адаптивном и неадаптивном вариантах (рис. 2).

На рис. 2 представлены две линии саморазвития – адаптивная и неадаптивная, вторая выражена факто-

ром ложной идентификации и отсутствием самопринятия.

Адаптивная / неадаптивная линия саморазвития определяется самопринятием / отсутствием самопринятия личности. Самопринятие обеспечивает самопрогнозирование личности, опираясь на него как на конечный результат самопознания. Итоговый

результат по стратегиям саморазвития личности будет определяться своеобразием сочетания самопринятия и самопрогнозирования. Данные механизмы саморазвития взаимосвязаны, причем самопрогнозирование как основа стратегии саморазвития в большей степени определяется уровнем самопринятия личности.

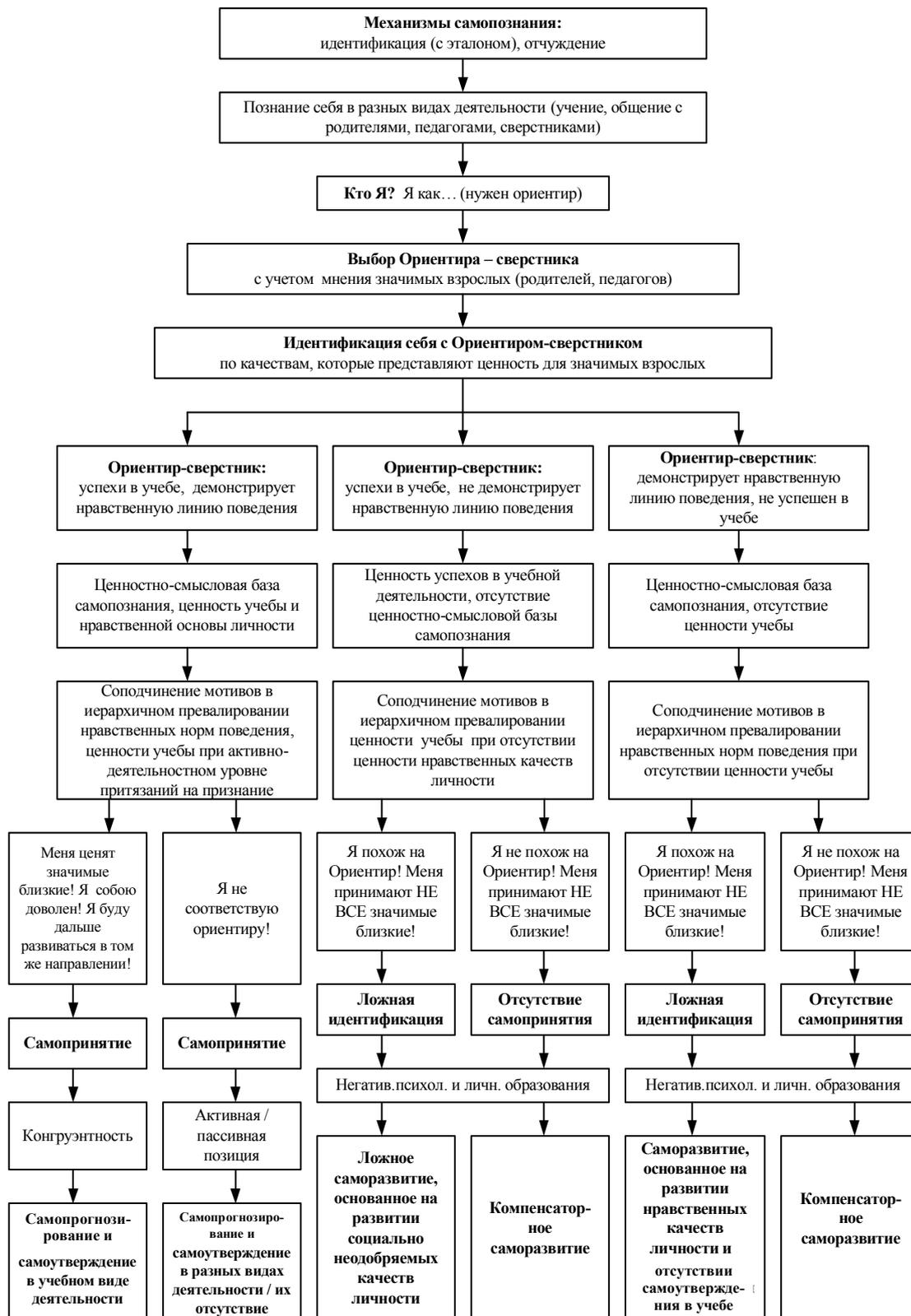

Рис. 2. Формирование вектора саморазвития личности ребенка младшего школьного возраста [6. С. 169]

Поскольку ведущим видом деятельности в младшем школьном возрасте является учебная деятельность, то самоутверждение, самопрогнозирование и самопринятие личности на ступени персонализации определяются успехами в данной области, причем их оценивание происходит в силу возраста не по объективным критериям (рефлексия еще не сформирована), а в соответствии с идентификацией себя с Образцом-сверстником, которого ставят в пример значимые взрослые, мнение которых так важно и является основополагающим в восприятии себя и окружающего мира.

В случае если в качестве Ориентира-сверстника значимыми взрослыми принят ребенок, демонстрирующий успехи в учебе, общении, нравственную линию поведения, в сознании ребенка происходит адекватное восприятие соподчинения мотивов в иерархичном превалировании нравственных норм поведения, закрепляется ценность учебы при активно-деятельностном уровне притязаний на признание, что в итоге предопределяет линию поведения, основанную на идентификации себя с Ориентиром-сверстником: ребенок стремится быть на него похожим (старается хорошо учиться и строить линию поведения в соответствии с нравственными ценностями, тем самым добивается признания со стороны значимых взрослых – родителей и педагогов). Поскольку поведение в данном случае ориентировано на систему правильных ценностных ориентиров, личность ребенка развивается конгруэнтно, нет предпосылок к возникновению негативных личностных и психологических негативных образований. Важно, чтобы в данный период закрепились та система ценностей, которая будет определять нравственную устойчивость к внешним воздействиям со стороны окружающих.

Сегодня нередко можно встретить такой вариант саморазвития младшего школьника, при котором значимые близкие в качестве Ориентира для ребенка выбирают младшего школьника, демонстрирующего успешность в учебе, при этом не подвергается глубокому анализу его личность, в частности нравственные качества и ценностные ориентиры, предопределяющие линию поведения и саморазвития. В результате ребенок сравнивает себя с тем, кого ставят в пример родители и учителя. Ребенок старается учиться лучше, чтобы быть похожим на признанный Ориентир, развить в себе такие качества, которые ему присущи (это не всегда могут быть нравственные качества: гордость, эгоизм, ложь и т.д.). В результате ребенок, развиваясь по линии подражания Ориентир-сверстнику, сталкивается с тем, что его принимают не все значимые близкие, в результате чего возникает внутриличностный конфликт, обусловленный проблемой: «Почему меня не принимают, я ведь стараюсь быть похожим на Ориентира-сверстника?» Возникает ложная идентификация с сопутствующими негативными личностными и психологическими негативными образованиями. Происходит ложное саморазвитие, основанное на развитии социально неодобряемых качеств личности.

Иногда можно встретить вариант саморазвития на стадии персонализации, при котором в качестве Ориентира-сверстника значимые близкие выбирают школьника, демонстрирующего нравственную линию

поведения, при этом данный ребенок не отличается успешностью в учебе. Данный вариант встречается довольно редко, поскольку для значимых взрослых – родителей и педагогов – как правило, успешность ребенка в учебе является важной ценностью. Однако важно заметить, что для саморазвития личности такой вариант, в отличие от предыдущего, является более ценностно-значимым, поскольку характеризуется ценностно-смысловой базой самопознания, соподчинением мотивов в иерархичном превалировании нравственных норм поведения. Ребенок, с одной стороны, старается быть похожим на Ориентир, развивая в себе нравственные качества личности, выстраивая поведение в соответствии с принципами культуры и нравственности, при этом он не получает одобрения со стороны всех значимых взрослых: родители могут стоять на позиции, что «важно быть хорошим человеком, а учиться по силам», а учителя желают видеть в ребенке прежде всего успешного ученика (в данном случае). Данное противоречие в восприятии себя со стороны значимых взрослых вызывает неконгруэнтность личности ребенка, что приводит к отсутствию самопринятия, предопределяет возникновение и закрепление негативных личностных и психологических образований, ведет к компенсаторному саморазвитию.

Два последних рассмотренных варианта саморазвития, характерных для стадии персонализации, могут развиваться по пути ложной идентификации и отсутствия самопринятия. Ложная идентификация зачастую бывает вызвана желанием соответствовать притязаниям на признание, которые, применительно к линии саморазвития, построенной на подражании Ориентир-сверстнику, успешному в учебе, но не имеющему развитых морально-нравственных качеств личности, не основаны на ценностно-смысловых ориентирах, в результате чего формируется неверная иерархия соподчинения мотивов с превалированием мотивов удовольствия и недооцениванием мотивов нравственных норм. В данном случае ребенок стремится в себе развить неодобряемые обществом качества, что ведет к возникновению негативных психологических и личностных образований (ложь, агрессия и т.д.). Когда Ориентиром-сверстником выступает школьник, отличающийся примерным поведением, ребенок, идентифицируясь с ним, обнаруживает, что он соответствует притязаниям на признание значимых взрослых, но не все его оценивают по достоинству (те, для кого превалирующими выступают успехи в учебных видах деятельности), в данном случае также возникает ложная идентификация. Саморазвитие в рассмотренных вариантах идет в первом случае – по пути ложного саморазвития, основанного на развитии социально неодобряемых качеств личности; во втором – на развитии нравственных качеств личности и самоутверждения в учебе.

Если же ребенок в результате идентификации с Образцом-сверстником обнаруживает отсутствие своего сходства с ним, это приводит к компенсаторному саморазвитию: в первом случае отсутствие самопринятия обеспечивается завышенными требованиями к достижениям в учебе и невозможностью им соответствовать, во втором случае самонепринятие пред-

определяется рассогласованностью притязаний на признание со стороны значимых взрослых по отношению к ценности учебы.

В случаях ложной идентификации и отсутствия самопринятия личность не ощущает собственной уникальности, развиваются негативные личностные и психологические образования (зависть, неуверенность в себе, тревожность, проявления агрессии по отношению к себе и окружающим, застенчивость и т.д.), что свидетельствует о неконгруэнтности личности и препятствует ее саморазвитию по пути самоутверждения, самопрогнозирования и личностного роста.

Описанные линии саморазвития являются достаточно условными, их нельзя выделить в чистом виде. При определенных обстоятельствах они могут переходить одна в другую. Естественно, тремя линиями саморазвития невозможно описать все многообразие процесса развития самости в младшем школьном возрасте, однако мы считаем предложенные варианты системообразующими, наиболее распространенными на ступени персонализации.

Исходя из того, что направленность движения саморазвития в сторону самопринятия на ступени персонализации в основном обеспечивается значимыми взрослыми людьми и, опосредованно, Ориентирами-сверстниками, выбранными ими, полагаем, что именно личность значимого взрослого предопределяет направленность саморазвития ребенка на ступени персонализации. От того, кого выбрали значимые взрослые в качестве ориентира для ребенка, какие качества в нем наиболее высоко оценены, будет зависеть наличие и результаты не только осуществления ребенком идентификации с Ориентиром-сверстником, но и выбор линии саморазвития.

Все рассмотренные варианты саморазвития нуждаются в психолого-педагогическом сопровождении, обеспечивающем придание саморазвитию субъективной направленности.

Применительно к различным вариантам саморазвития личности младшего школьника на стадии персонализации сопровождение саморазвития личности будет решать различные задачи:

1. Саморазвитие по линии истинной идентификации. Личность взрослого: а) находящаяся в согласии самим с собой, имеющая правильно сложившиеся ценностные ориентации, которые способствуют формированию у ребенка правильного соподчинения мотивов; б) имеющая активно-деятельностную позицию «принять ребенка таким, какой он есть и развивать его положительные качества», что выступает основой для формирования адекватной величины притязаний на признание, не требующих действия компенсаторных механизмов. В качестве Ориентира-сверстника в данном случае, как правило, выбирается школьник, отличающийся правильной линией поведения и, что важно заметить, имеющий успехи в обучении в степени, адекватной возможностям ребенка, – такой выбор защищает психику ребенка от действия компенсирующих механизмов и препятствует возникновению комплекса неполноценности. Здесь ребенок, сравнивая себя с Ориентиром-сверстником, пытается найти об-

щие нравственные качества и учебные достижения, оценить свои качества и поступки через призму нравственности, добра, честности. Ребенок получает одобрение со стороны значимых взрослых, закрепляет свое поведение, стремится к совершенствованию одобряемых качеств. Сопровождение здесь призвано решать задачу закрепления достигнутого понимания между ребенком и взрослым, а также способствовать выстраиванию саморазвития ребенка через самопрогнозирование в разных видах деятельности, включая учебную. В этом состоит особенность деятельности педагогов, реализующих задачи сопровождения саморазвития учащихся, находящихся на пути саморазвития, развивающемся по линии истинной идентификации.

2. Саморазвитие по линии ложной идентификации. Чтобы наметить деятельность по сопровождению саморазвития учащихся, которое идет по линии ложной идентификации, педагог должен уметь обнаружить данное явление. Сущность его понимания предопределяет особенности деятельности по сопровождению учащихся. В данном случае педагог должен исходить из следующих содержательных особенностей психологии саморазвития учащегося. Отдельного внимания здесь заслуживает личность значимого взрослого, обеспечивающая: а) формирование соподчинения мотивов в иерархичном превашировании ценности учебы при отсутствии ценности нравственных качеств личности или б) формирование соподчинения мотивов в иерархичном превашировании ценности нравственных качеств личности при отсутствии ценности учебы (второй вариант встречается реже). В данном случае, если мы говорим о ложной идентификации, ребенок принимает себя, его представления о себе соответствуют ожиданиям по отношению к нему со стороны значимых взрослых. Ложная идентификация в данном случае обусловлена тем, что ребенка не принимают все значимые близкие, поскольку имеются расхождения в иерархии нравственных качеств личности и ценности учебы. В результате при неодобрении поведения со стороны значимых взрослых (родителей, педагогов) у ребенка возникает фрустрация, вызванная непониманием того, почему его не принимают, ведь он так старается быть похожим на Ориентира-сверстника. Отсутствие конгруэнтности ведет к появлению и закреплению негативных личностных и психологических образований. Ведущей задачей сопровождения саморазвития является: в первом случае – создание условий для обеспечения придания притязаниям на признание ценностно-смысловой основы для формирования правильной системы мотивов с иерархическим превосходством мотивов следования нравственным нормам; во втором случае – создание условий для включения ценности учебы в иерархию ценностей значимого взрослого и, как следствие, ребенка. Это требует серьезной работы психолога и педагога со значимым взрослым, направленной на развитие его психологической компетентности, понимание ответственности за судьбу ребенка. Также актуальна психолого-педагогическая поддержка ребенка, корректирующая его негативные психологические и личностные образования. В этом заключается

особенность деятельности педагогов и психологов, реализующих задачи сопровождения саморазвития учащихся, находящихся на пути саморазвития, развивающемся по линии ложной идентификации.

3. Саморазвитие по компенсаторному типу.

Для такой линии саморазвития характерно отсутствие самопринятия личностью себя, своих качеств. Взрослый в качестве Ориентира-сверстника выбирает школьника, идентифицируясь с которым, ребенок понимает, что соответствовать его успехам и достижениям непомерно сложно. В данном случае притязания на признание носят разрушительный характер, препятствуют самопринятию ребенком себя в силу невозможности отвечать завышенным по отношению к его реальным возможностям требованиям. В такой ситуации у ребенка развиваются негативные психологические и личностные образования. Ребенок, не получая одобрения со стороны значимых взрослых, прибегает ко лжи, у него развивается зависть, чувство тревожности, агрессия по отношению к себе и другим и т.д. Исходя из этого, важной задачей сопровождения учащихся, имеющих элементы компенсаторного саморазвития, является создание условий, обеспечивающих регулирование уровня притязаний по отношению к ребенку со стороны значимых взрослых, развитие психологической компетентности родителей и педагогов. Также здесь весома роль психолого-педагогической поддержки, направленной на коррекцию негативных психологических и личностных образований ребенка. Стоит заметить, что психолого-педагогическая поддержка не принесет результатов, если взрослый не изменит своих взглядов, в противном случае поддержка может только усилить неконгруэнтность личности ребенка [6. С. 172–175].

Имея в виду, что основой саморазвития младшего школьника, находящегося на ступени персонализации, выступает личность значимого взрослого, логично предположить, что в данном случае процесс психолого-педагогического сопровождения саморазвития личности будет так или иначе связан с личностью взрослого и основополагающая работа по сопровождению будет проводиться в сотрудничестве ребенок – родитель – педагог.

На рис. 3 представлена конструкция модели сопровождения саморазвития детей младшего школьного возраста в организации дополнительного образования космической направленности (экспериментальная апробация модели сопровождения саморазвития учащихся на базе детско-юношеского центра космического образования «Галактика» города Калуги). Модель сопровождения продумана для адаптивного и неадаптивного варианта развития субъектности.

При проектировании содержания сопровождения саморазвития детей, находящихся на стадии персонализации, учтен тот факт, что в процессе саморазвития личности велика вероятность возникновения трудностей самопознания и саморазвития, что приводит к проблематичности самопринятия и может предопределить неадаптивную линию саморазвития. В качестве *барьеров самопринятия на стадии персонализации* определяем те, которые негативно влияют на

формирование самооценки личности ребенка младшего школьного возраста, ее идентификации:

- несформированность идентификации и рефлексии либо их несогласованное действие, преобладание одного механизма, что приводит к одностороннему познанию себя и окружающего мира. Помогая развивать эти способности, можно значительно повысить уровень адекватности и реалистичности самопознания и саморазвития;

- сформированные эталоны, не подкрепленные нравственной основой, в этом случае ребенок может искать в себе стороны и качества, близкие к «идеалу», развивать их;

- сформированные притязания на признание с завышенными требованиями (со стороны значимых взрослых), которым сложно соответствовать, в результате чего не реализуется потребность ребенка в любви, велика вероятность формирования негативных личностных образований (ложь, зависть) и негативных психологических образований в аффективной сфере (тревожность, агрессия, застенчивость и т.д.);

- сформированные притязания на признание (со стороны сверстников), которые «задают тон», формируют эталон личности, которому не каждый может соответствовать (завышенные требования по отдельным параметрам) или не должен соответствовать (отсутствии нравственной основы), что препятствует удовлетворению потребности в уважении, принятии со стороны сверстников, формирует негативные личностные и психологические образования;

- соподчинение мотивов в иерархичном преваливании мотивов удовольствия, а не общественных мотивов поведения, нравственных норм, что приводит к сложностям становления нравственной устойчивости, демонстративному поведению и мнимому превосходству над другими, ложной самоидентификации и, в результате, к саморазвитию по неадаптивной линии;

- несформированность мотивов самопознания и саморазвития, отсутствие желания заниматься самовоспитанием, что приводит к затруднениям постановки целей более глубокого познания себя, самосовершенствования. Это может привести к тому, что процессы самопознания и саморазвития приобретут стихийный характер, к подчиненности их лишь законам адаптации к социуму и деятельности, любое препятствие может восприниматься как трудность, обусловленная обстоятельствами или «кознями» других людей;

- несформированность способов и приемов самопознания и саморазвития, приводящая к смутному иллюзорному представлению о себе, своей Я-концепции, что переживается личностью как неуверенность или, наоборот, как самоуверенность и порождает функционирование многочисленных психологических защит и форм защитного поведения; следствиями этого являются заниженный или завышенный уровень самооценки, стремление к подчинительной либо к доминантной позиции (стремление к власти), пассивному или агрессивному способу взаимодействия с окружением, выбору неадекватных и социально неприемлемых способов самоутверждения и самореализации.

Рис. 3. Конструкция модели сопровождения саморазвития ребенка младшего школьного возраста в организации дополнительного образования детей космической направленности [6. С. 176–177]

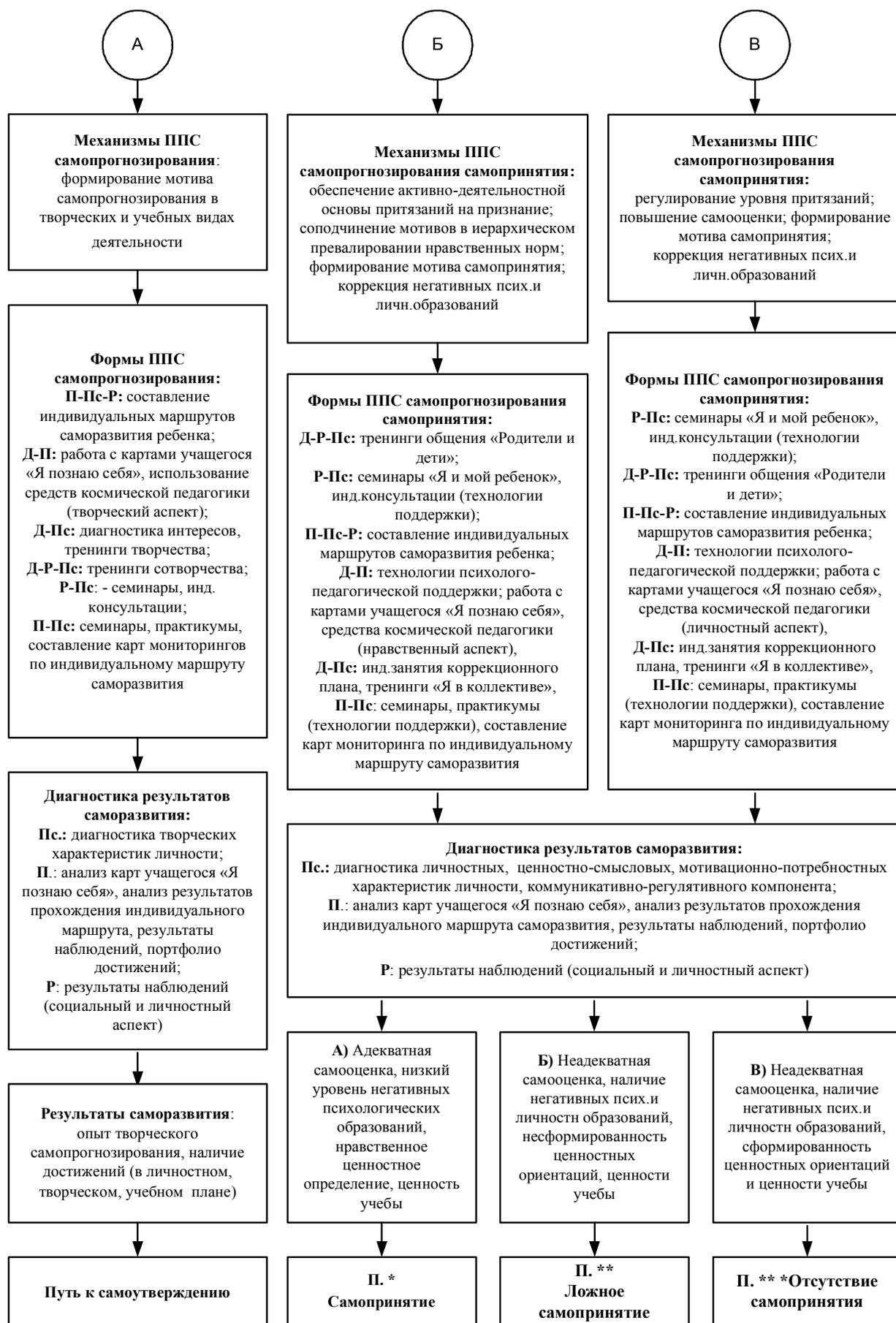

Рис. 3. Конструкция модели сопровождения саморазвития ребенка младшего школьного возраста в организации дополнительного образования детей космической направленности [6. С. 176–177]

Разработка и реализация модели сопровождения саморазвития детей в организации дополнительного образования детей *обеспечивается следующими общепсихологическими и общепедагогическими положениями:*

– позволяет реализовывать гуманистическую направленность образования, ориентированную на признание уникальности, неповторимости и целостности детской личности; создание условий для познания ребенком своего внутреннего мира и ценностей окружающей жизни; удовлетворение потребностей в творческом развитии личностного потенциала каждого ребенка; подразумевает уважение свобод, прав и достоинств ребенка и его семьи при выборе ими маршрута индивидуального саморазвития, образовательной организации, учебного плана;

– трактуется как определенная цель, программа психолого-педагогической деятельности, предполагающая саморазвитие личности с заранее заданными свойствами (позитивная «Я-концепция», уверенность в себе, активность, самостоятельность, готовность к присвоению социальных норм, сотрудничеству, сформированные ценностно-смысловые ориентации, развитые духовно-нравственные качества, потребности в самопознании и саморазвитии в деятельности, увлеченность делом, творческая направленность личности, конгруэнтность личности, обеспечивающаяся отсутствием негативных психологических образований, самопринятие);

– рассматривается как психолого-педагогический процесс, в основе которого лежит создание развивающей среды, которая имеет возможности для запуска механизмов саморазвития личности (самопринятие, самопрогнозирование);

– предполагает разработку механизмов психолого-педагогического сопровождения саморазвития личности;

– структурно рассматривается в единстве реализации общего, индивидуально-ориентированного уровня сопровождения саморазвития учащихся и уровня психолого-педагогической поддержки;

– обеспечивается интегрированным взаимодействием детей, педагогов, психолога и родителей, направленным на создание благоприятных условий для самопознания и самопрогнозирования учащихся;

– предполагает наличие готовности и высокого уровня психологической компетентности со стороны педагогов и родителей, что актуализирует проведение специально выстроенной психолого-педагогической работы [7];

– обеспечивается рефлексивно-оценочным уровнем реализации модели, представленным мониторингами саморазвития учащихся, диагностическим комплексом измерения уровня психологической компетентности педагогов и родителей [8, 9], что отвечает требованиям Постановления Правительства Российской Федерации «Об осуществлении мониторинга системы образования» от 5 августа 2013 г. № 662, которое вступило в силу с 1 сентября 2013 г. Материалы положений Постановления содержат указание на обеспечение систематического стандартизированного наблюдения за состоянием системы образования и динамикой изменений результатов её функционирования и развития путём сбора данных, обработки, систематизации и хранения полученных сведений, а также непрерывного системного анализа и оценки состояния и перспектив развития образования вне зависимости от вида, уровня и направленности образовательных программ, организационно-правовых форм и ведомственной принадлежности организаций, входящих в систему образования. Одна из функций мониторинга, согласно документу, состоит в обеспечении усиления результативности функционирования образовательной системы за счет повышения качества принимаемых для нее управленческих решений [10].

В заключение заметим, что предложенная модель сопровождения саморазвития младших школьников в организации дополнительного образования может быть широко использована в образовательной практике как неформального, так и формального образования после внесения необходимых корректив содержательного плана в соответствии с поставленными задачами сопровождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цукерман Г.А., Мастеров Б.М. Психология саморазвития. М. : Интерпракс, 2000. 288 с.
2. Толстой Л.Н. Педагогические сочинения. М. : Педагогика, 1989. 544 с.
3. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. М. : Школа Пресс, 1995. 466 с.
4. Иванова И.В. Психолого-педагогическое сопровождение саморазвития обучающихся в учреждении дополнительного образования детей: экзистенциальный подход // Дополнительное образование и воспитание. 2014. № 1. С. 24–29.
5. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. М. : Академия, 2003. 456 с.
6. Иванова И.В. Саморазвитие личности: психолого-педагогический аспект. Калуга : КГУ им. К.Э. Циолковского, 2013. 265 с.
7. Иванова И.В. Развитие психологической компетентности педагогов : учебно-методическое пособие. Калуга : КГУ им. К.Э. Циолковского, 2012. 150 с.
8. Иванова И.В., Логинова Л.Г. Мониторинг результатов и динамики развития личности воспитанников учреждения дополнительного образования детей // Образование личности. 2013. № 2. С. 40–54.
9. Иванова И.В. Составление технологии мониторинга саморазвития учащихся во внеурочной деятельности в условиях реализации ФГОС начального общего образования // Стандарты и мониторинг в образовании. 2014. № 6. С. 14–22.
10. Постановление Правительства Российской Федерации «Об осуществлении мониторинга системы образования» (Утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 5 августа 2013 г. N 662). п. 3-и.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 15 мая 2015 г.

SUPPORT OF SELF-EDUCATION OF STUDENTS IN ADDITIONAL EDUCATION

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 183–193. DOI: 10.17223/15617793/396/33

Ivanova Irina V. Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky (Kaluga, Russian Federation). E-mail: IvanovaDIV@yandex.ru

Keywords: self-development of the individual; self-learner support; additional education of children; level of personalization.

A characteristic feature of the present stage of education innovation is the orientation on the maximum individualization of child support under the guidance of a teacher, a psychologist. This approach is implemented by creating children's development trajectories, individual educational routes and educational programs. In this regard, educational institutions of all types and species pay special attention to the targeted creation of developing environments designed to achieve results and effects in the personal, social and intellectual development of today's children and adolescents. The Concept of Modernization of Russian Education, adopted by the Government of the Russian Federation, sets top targets; their reaching requires an adequate support system. In psychology, the process of complete emancipation of the individual, which provides the free manifestation of the "I", is one of the mechanisms of self-development. It is personification of the individual (R. Assagioli, P. Ferutto, T. Youmens, M. Crampton et al.). Today, additional education organizations have opportunities for supporting the self-development of children of different ages. Such institutions have flexibility and variability of the educational process arrangement and provide opportunities for the manifestation of the individuality of each child in the selection of activities, creative association, methods and means of instruction and a teacher. The article deals with the issue of supporting the self-development of children of primary school age in a children's additional education organization. The author's projects are presented: the scheme of self-development for a child of primary school age by an adaptive variant; the scheme of forming the self-development vector of a young schoolchild; the model of supporting a child of primary school age in an additional education organization. The latter is being tested on the basis of the Children and Youth Space Education Center "Galaxy" in the city of Kaluga. The study is based on the ideas of psychologist V.I. Slobodchikov about the formation of self-discovery and self-development with age. The proposed model of supporting a child of primary school age in an additional education organization can be widely used in educational practice of both non-formal and formal education, with the necessary adjustment of the content in accordance with the tasks of support.

REFERENCES

1. Tsukerman, G.A. & Masterov, B.M. (2000) *Psikhologiya samorazvitiya* [The psychology of self-development]. Moscow: Interpraks.
2. Tolstoy, L.N. (1989) *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical writings]. Moscow: Pedagogika.
3. Slobodchikov, V.I. & Isaev, E.I. (1995) *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of Human Development]. Moscow: Shkola Press.
4. Ivanova, I.V. (2014) Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie samorazvitiya obuchayushchikhsya v uchrezhdenii dopolnitel'nogo obrazovaniya detey: ekzistentsial'nyy podkhod [Psychological and educational support of self-development of children studying in additional education organizations: the existential approach]. *Dopolnitel'noe obrazovanie i vospitanie*. 1. pp. 24–29.
5. Mukhina, V.S. (2003) *Vozrastnaya psikhologiya: fenomenologiya razvitiya, detstvo, otrochestvo* [Age Psychology: phenomenology of development, childhood, adolescence]. Moscow: Akademiya.
6. Ivanova, I.V. (2013) *Samorazvitie lichnosti: psikhologo-pedagogicheskiy aspekt* [Self-development of a person: psychological and pedagogical aspect]. Kaluga: KSU n.a. K.E. Tsiolkovsky.
7. Ivanova, I.V. (2012) *Razvitie psikhologicheskoy kompetentnosti pedagogov* [Development of psychological competence of teachers]. Kaluga: KSU n.a. K.E. Tsiolkovsky.
8. Ivanova, I.V. & Loginova, L.G. (2013) Monitoring rezul'tatov i dinamiki razvitiya lichnosti vospitannikov uchrezhdeniya dopolnitel'nogo obrazovaniya detey [The monitoring of the results and dynamics of personality development of pupils of a children's additional education organization]. *Obrazovanie lichnosti*. 2. pp. 40–54.
9. Ivanova, I.V. (2014) Sostavlenie tekhnologii monitoringa samorazvitiya uchashchikhsya vo vneurochnoy deyatel'nosti v usloviyakh realizatsii FGOS nachal'nogo obshchego obrazovaniya [Monitoring technology of students' self-development in extracurricular activities under the FSES for primary education]. *Standarty i monitoring v obrazovanii*. 6. pp. 14–22.
10. The Government of the Russian Federation. (2013) Resolution of the Government of the Russian Federation "On the implementation of the monitoring of the education system" (Approved by the Government of the Russian Federation dated August 5, 2013 N 662). P. 3-i. (In Russian).

Received: 15 May 2015

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ КУРСОВОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ В РАМКАХ УЧЕБНОГО КУРСА «ЭКОНОМИКА ОРГАНИЗАЦИИ»

Акцентируется внимание на актуальности и значимости организации самостоятельной работы студентов (СРС) в ходе курсового проектирования, на изменении характера познавательной деятельности студентов в процессе их профессиональной подготовки в контексте реализации компетентностного подхода. Подчеркивается, что суть компетентностного подхода в образовании – ориентация на его результат, в качестве которого рассматривается готовность и способность человека действовать в различных профессиональных и нестандартных ситуациях. Определены этапы, условия повышения эффективности СРС, а также задачи преподавателей по планированию и контролю этого вида деятельности. В статье представлена модель проекта «Организация и руководство курсовым проектированием: цели, сопровождение СРС, порядок защиты проекта».

Ключевые слова: компетентностный подход; компетенции; самостоятельная работа студента; курсовое проектирование.

Важным завершающим звеном всего учебного процесса, итогом усилий по развитию самостоятельности, показателем степени усвоения знаний и умения использовать их при решении конкретной производственной задачи является **курсовое проектирование**.

Умению проектировать необходимо систематически учиться. За время учебы студент выполняет ряд курсовых проектов и работ, который завершается дипломным проектом.

Одна из важных задач при курсовом проектировании – целесообразное распределение времени между отдельными этапами работы, что осуществляется при составлении плана. Так как у студента еще нет достаточного опыта, ему предлагается **календарный график выполнения работы**.

Для курсового проектирования по экономике использована первая половина седьмого семестра как наиболее свободная. Однако очень часто студенты недооценивают трудоемкость последнего, завершающего этапа – **этапа оформления и составления пояснительной записки**. Между тем этот этап требует много времени и внимания.

Тематика курсового проектирования по дисциплине «Экономика организации» связана непосредственно с тематикой курсового проектирования по техническим профильным дисциплинам, что позволяет студенту системно подходить к изучению вопросов проектирования, а следовательно, вырабатывать тот формат логического мышления, который будет способствовать правильному формированию специфических компетенций в будущей профессии [1].

К примеру, тема КП «Модернизация САУ дожига технологических газов медного завода» по дисциплине «Автоматизация технологических процессов» определяет тему КП по дисциплине «Экономика организации» – «Технико-экономическое обоснование проекта модернизации САУ дожига технологических газов медного завода».

При этом задания по выполнению курсового проекта по экономике в значительной мере упрощены, так как их цель состоит в изучении и овладении методикой практического применения наработок фактического материала, собранного студентами в ходе технологической практики на предприятиях НПП (Норильский промышленный район), а также в развитии умения пользоваться нормативно-справочной доку-

ментацией (сборники, три вида) при выполнении локальных смет на монтажные, демонтажные и пусконаладочные работы.

Студент, как правило, сам проявляет инициативу при выборе темы. Роль преподавателя при курсовом проектировании заключается в том, чтобы помочь студенту оценить возможные варианты решений, но выбрать решение – это задача студента, ему придется защищать принятое решение. Задача преподавателя (консультанта) указать на допущенные студентом ошибки, вероятные недоработки, а при необходимости – скоординировать действия студента.

Глубокий анализ темы и условий работы проектируемого объекта, продуманный подход и самостоятельность при рассмотрении возможных вариантов, выбор оптимального решения на основе технико-экономического сравнения вариантов – таковы обязательные **условия создания полноценного проекта**.

Технико-экономический анализ является важным инструментом при проектировании. Инженер любой специальности должен хорошо разбираться в вопросах себестоимости, ценообразования, оборотных капитальных вложений, прибыли и других экономических категориях.

Самое, пожалуй, трудное в подготовке курсового проекта – это регулярно выполнять простейшие рекомендации, например ежедневно заниматься по плану, создать оптимальный режим труда и т.д.

Практическая значимость выполняемых курсовых работ, к примеру, для специальности 15.02.07 «Автоматизация технологических процессов и производств», выражается в решении следующих вопросов (проблем):

1. Анализ уровня автоматизации и влияние его на производительность труда.
2. Применение экономико-математической модели технических факторов роста производительности труда.
3. Разработка перспектив совершенствования организации производства.
4. Разработка структуры интегрированной автоматизированной системы управления (АСУ).
5. Расчет основных показателей эффективности АСУ.

В аудиторрии учащихся технического профиля одним из наиболее эффективных методов развития познавательной деятельности студентов, направленной

на выяснение качественных характеристик экономических категорий, является использование приемов элементарного математического анализа [1, 2].

В практике педагогической работы всегда следует исходить из того, что сегодняшние студенты – это завтрашние руководители производства, которые должны уметь квалифицированно решать инженерные задачи на основе противозатратных экономических рычагов. Поэтому одна из важнейших задач преподавателя экономики заключается в том, чтобы при изучении этой науки уже с первых тем *прививать студентам навыки элементарного экономического анализа*, что облегчит усвоение ими конкретной экономики и впоследствии поможет успешнее, экономически грамотнее руководить вверенными хозяйственными участками, обеспечивая наивысшие конечные результаты.

Очевидным остается тот факт, что формирование ответственного отношения студентов к самостоятельной работе, а также потребности к самоподготовке связано с *качеством контроля знаний*: их объема, уровня усвоения, умения применить на практике. Контроль и оценка знаний – факторы достаточно действенные и значимые при правильной их организации со стороны преподавателя – с учетом, разумеется, специфики дисциплины [3].

Критериями оценки знаний по экономическим дисциплинам в своей практике, считаю, должны быть:

– усвоение логики теоретического материала и его взаимосвязки с соответствующим фактическим материалом, предлагаемым студенту в прикладном его качестве;

– структура и стиль ответа студента (т.е. последовательность суждений, логическая направленность, форма выражения, которые определяют этот критерий);

– умение формулировать выводы и аргументировать их;

– общая эрудиция студента.

Таким образом, критерии для студента есть то, с чем он должен быть непременно ознакомлен детально, так как ему еще предстоит научиться вырабатывать все эти навыки, чтобы соответствовать предъявленным требованиям.

Качество контроля – в его четкой *содержательности*, в *адекватности* контрольных заданий заданному содержанию, в *объективности*.

Оценка и сопровождение курсовых работ. Курсовые работы являются важнейшими формами самостоятельной работы студентов в колледже, и это предопределяет особые требования к периодичности и глубине контроля за их написанием.

Текущий контроль (время консультаций) не сопровождается оценкой, но он формирует оценочное суждение о способностях студента, глубине понимания задач, о знании литературы, об умении обобщать, анализировать. **Итоговый контроль** включает в себя проверку курсовых работ и их защиту.

Технологическая практика (ТП) имеет целый ряд общих задач и вопросов – это, прежде всего, ознакомление со структурой предприятия, системой

планирования и отчетности, изучение технико-экономических показателей предприятия и подразделений. Постановка многих организационно-экономических задач в процессе технологической практики носит предварительный характер (иногда на уровне ознакомления) и будет в дальнейшем конкретизироваться и углубляться в период преддипломной практики.

На период прохождения технологической практики студент получает задание по сбору необходимого материала и методические рекомендации по его выполнению и оформлению.

Мотивация выполнения студентом данного задания и область его дальнейшего применения заключаются в следующем:

1) данное задание является составной частью отчета студента по ТП;

2) нормативно-справочный материал и текстовый материал, используемые в отчете, являются исходными данными для выполнения курсовой работы по дисциплине «Экономика организации», а затем – экономической части ДП.

Целью задания является формирование навыков работы с нормативно-справочными и текстовыми документами в области организации производства и технологического процесса в рамках отдельного цеха (участка).

Индивидуальное задание по экономике и организации производства представляет часть общего задания по практике и обычно включает два вопроса:

1. «Организация и управление труда на участке (цех)».

2. «Схема материальных потоков технологических операций (к примеру... – утилизации процесса дожигания отходящих газов после восстановления серы)».

По первому вопросу студент должен подготовить изложение в рамках вопросов, приведенных в МУ по выполнению данного задания.

По второму – студент приводит графическое изображение схемы материальных потоков технологических операций в рамках той технологической цепи, которая будет рассмотрена им в функциональной схеме по проекту автоматизации.

Индивидуальное задание по экономике является составляющей частью отчета по ТП и выдается до начала практики.

В процессе выполнения индивидуального задания студент должен научиться собирать необходимую для дипломного проектирования технико-экономическую информацию, развить свои организаторские навыки и углубить знания на основе изучения опыта производственно-хозяйственной деятельности данного предприятия.

Методические рекомендации по выполнению индивидуального задания ориентируют студента на определенный порядок его выполнения.

При этом предлагается работу над каждым из вопросов задания условно разделить на следующие **три этапа**:

1. Ознакомление с поставленными в задании вопросами по литературным источникам, конспектам и другим документам.

2. Сбор материалов, под которыми подразумевается не только информация из документов (положений, инструкций, нормативно-технической документации и т.п.), но и результаты наблюдений за ходом производственного процесса (работ), а также опроса работников предприятия.

3. Обобщение материалов, собранных по отдельным рабочим местам, участкам (лабораториям) и цехам (отделам), их анализ и представление конкретных выводов и рекомендаций по существу вопросов, обозначенных в задании.

Таким образом, **работа практиканта по сбору информации на предприятии** состоит из трех последовательных этапов: подготовка к сбору информации, сбор ее в производственных и управленческих подразделениях, систематизация и обобщение.

Первый этап – это предварительное ознакомление (в том числе с использованием соответствующей литературы) с функциями управления предприятием, связанными с изучаемым вопросом, с целью выявления звена управления (отдел, бюро, лаборатория), в котором обращается требуемая документация.

На **втором этапе** в процессе сбора информации, содержащейся в документах, необходимо соблюдать следующие основные условия:

1) периодически меняющаяся информация (цены, тарифы, ставки, нормы и др.) должна выбираться из нормативно-технической и плано-экономической документации, действующей на период практики;

2) показатели капитальных вложений при длительных сроках их освоения (несколько лет) необходимо приводить к сопоставимому виду с учетом фактора времени, влияющего на экономическую эффективность этих вложений;

3) собранная информация должна сопровождаться необходимыми пояснениями, образцами заполненной практикантом внутрипроизводственной документации, ссылками на источники полученной информации, и если информация, содержащаяся в документации, недостаточна, ее следует дополнять за счет экспертной информации.

Экспертная информация, являющаяся результатом укрупненной оценки, может быть получена от одного или нескольких экспертов-специалистов (начальник, мастер участка и пр.), формирующих ее на основе собственного опыта. Например, комплексная оценка технического уровня изделия, оценка длительности работ сетевого графика, величины эксплуатационных издержек по проектируемому звену.

На **третьем этапе** собранную информацию следует систематизировать (таблицы, графики, диаграммы, схемы и др.), не допуская простого переписывания документа в отчет по практике. При выполнении этой работы могут быть использованы методические рекомендации, которые изложены ранее.

Прежде чем приступить ко второму этапу, студентам рекомендуется составить его логическую схему, например, для специальности 15.02.07 «Автоматизация технологических процессов и производств (по отраслям)»:

1) вопросы задания (ТЭО проекта автоматизации);

2) объект изучения (участок производства элементарной серы, УПЭС);

3) основные параметры объекта изучения (состав группы технологического оборудования цеха; режим работы; номинальный фонд времени использования оборудования; простои оборудования из-за ремонтов; плановая трудоемкость ТО и ремонтов парка КИПиА; состав операций, выполняемых рабочими-технологами; нормы обслуживания технологического оборудования и пр.);

4) сущность вопросов задания (условия автоматизации, при которых возможна максимальная производительность оборудования, снижение трудозатрат эксплуатационного и обслуживающего персонала либо его высвобождение (полное; частичное), а следовательно, изменение графика работы персонала и его расстановки на рабочих местах);

5) задачи практического изучения (выявление причин непроизводительного использования оборудования, его внеплановых простоев; анализ мощности оборудования; составление пооперационной карты рабочего дня рабочих-технологов и дежурных слесарей КИПиА и пр.).

В случае затруднений при сборе нужной информации (что особенно характерно для начального периода практики, когда студент еще недостаточно знаком со структурой управления предприятием) рекомендуется пользоваться МУ, а также подборкой образцов производственно-технической документации, предварительно подготовленной для студентов, с тем чтобы в дальнейшем студент уже самостоятельно продолжал поиск фактического материала.

Типовой состав вопросов по экономике и организации производства включает:

1. Обоснование актуальности темы курсового проекта.

2. Анализ показателей технического уровня и качества существующей техники.

3. Техничко-экономическое обоснование частных технических решений.

4. Определение экономического эффекта от практического использования разработанной техники.

5. Вопросы организации производства (проектирования, эксплуатации) объекта проектирования.

После выбора базового варианта студенту необходимо выявить:

– состав его важнейших технико-эксплуатационных параметров и их количественные значения;

– состав затрат, связанных с его *проектированием, производством и эксплуатацией*.

Совокупность конкретных характеристик сравниваемых вариантов, необходимых для технико-экономического обоснования различных решений, определяется целью, **стадией** проектирования и **принятой методикой** технико-экономического обоснования.

Методы технико-экономического обоснования технических решений в курсовых проектах могут основываться:

– на прогнозировании годового экономического эффекта – при обосновании решений на ранних ста-

диях проектирования в условиях ограниченной технико-экономической информации;

– на сравнении показателей, предопределяющих экономическую эффективность (показатели технологичности конструкции, надежности и др.).

Недостаточный состав и приближенный характер экономической информации на ранних стадиях разработки приводят к необходимости укрупненного и вероятностного подхода как к исходным показателям затрат (капиталовложений и эксплуатационных издержек), так и к расчетным показателям эффективности.

Неопределенность многих важных расчетных данных объясняется следующими основными причинами:

– недостаточной достоверностью технического прогноза на различных стадиях разработок;

– чрезмерно укрупненным и усредненным характером нормативов трудоемкости и денежных затрат, нормативов эксплуатационного обслуживания, показателей надежности новых объектов и др.

Экономический анализ частных технических решений может осуществляться на основе системы показателей, определяющих себестоимость, приведенные затраты и эксплуатационные издержки, на базе которых рассчитывается экономический эффект.

К числу показателей, определяющих **эксплуатационные издержки**, относятся: состав и квалификация обслуживающего персонала, время обслуживания, показатели надежности, потребляемая мощность, размер сопутствующих капиталовложений и др.

Отчет должен содержать описание выбранного варианта базовой техники, включая его назначение и области использования, принцип действия и техническую характеристику (основные параметры, конструктивные особенности, условия и регламент эксплуатации и др.).

Задачи проектирования как базовый элемент СРС. В **сводные ТЭП** должны включаться:

1) показатели назначения (производительность, потребляемая мощность и др.);

2) показатели надежности (средний срок службы, средняя наработка и пр.);

3) показатели технологичности (трудоемкость обслуживания, изготовления, технологическая себестоимость и пр.);

4) показатели экономичности:

– *на стадии производства* – плановый объем выпуска в расчетном году, предпроизводственные затраты, себестоимость, удельные капитальные вложения в производственные фонды, приведенные затраты на единицу;

– *на стадии эксплуатации* – годовые издержки эксплуатации, сопутствующие капитальные вложения; годовой экономический эффект от использования новой техники и пр.

Предлагаемая методика ориентирована на организацию времени студентов и концентрацию их внимания на ключевых вопросах хозяйственной деятельности предприятия.

Таким образом, курсовое проектирование – важнейшая составляющая учебного процесса в техническом колледже, завершающая изучение целого ряда

общетехнических и специальных дисциплин, включая экономические.

Курсовой проект – это, в сущности, **универсальный показатель компетенций** студента, т.е. показатель сформированности знаний и умений студента [3, 4].

Курсовой проект как самостоятельная творческая работа студента отражает его умение практически использовать знания и навыки, полученные при изучении курса прикладной экономики, а **базовым элементом** работы студента является разработка технико-экономических показателей условного предприятия либо его структурного подразделения (цеха, участка) [1].

Экономическое обоснование проекта является обязательным элементом курсовой работы, поскольку определяет целесообразность реального использования проектных разработок на предприятии.

Основными **задачами проектирования** являются:

– обеспечение должной подготовки специалистов по вопросам экономики, организации и управления производством для самостоятельной работы на предприятии;

– формирование навыков работы с нормативно-справочной и правовой документацией;

– подтверждение экономическим расчетом технического обоснования предлагаемого варианта решения производственной задачи;

– формирование умения студента логически и аргументированно вести доклад и кратко излагать сущность проделанной работы.

Итогом работы студента над курсовым проектом является его **защита**. Представляя свою работу для оценки комиссии, студент должен продемонстрировать свои знания, умение кратко, в установленное время изложить сущность проделанной работы, четко сформулировать технико-экономические решения и рекомендации выполненного проекта, которые приведут к снижению материалоёмкости, энергоёмкости либо трудоёмкости после его внедрения. Наивысшей оценкой проекта служит рекомендация о его использовании в практической деятельности промышленных предприятий.

Таким образом, курсовое проектирование – это результат совместного труда студента и преподавателя, который и определяет уровень подготовленности и степень отдачи – как студента, так и преподавателя. Вполне очевидно, что итог этой работы может и должен служить своеобразной «рекомендацией» не только студенту, но и преподавателю (хотя бы на уровне самооценки).

И коль скоро проблемой педагогики обозначена проблема обратной связи от студента к преподавателю, то качество её решения несложно определить по уровню подготовленности студента к защите курсовой либо дипломной работы.

Организация и руководство курсовым проектированием: цели, сопровождение работы, порядок защиты проекта.

Предлагаю вашему вниманию модель проекта «Организация и руководство курсовым проектированием» в рамках учебного курса «Экономика организации» для

специальности 15.02.07 Автоматизация технологических процессов и производств (по отраслям).

Цели курсового проектирования как этапа в подготовке выпускной квалификационной работы студента содержат:

1) образовательные задачи:

- приобретение опыта аналитической и расчетной работы, формирование соответствующих умений;
- формирование умений применять знания для решения нестандартных задач;
- формирование умений работы с программным инструментарием;
- развитие умений работы со специальной литературой и иными информационными источниками;
- приобретение опыта научно-исследовательской работы;
- формирование умений формулировать логически обоснованные выводы, предложения и рекомендации по результатам выполненной работы;
- формирование умений выступать перед аудиторией с докладом при защите работы, компетентно отвечать на вопросы, вести профессиональную дискуссию, убеждать оппонентов в правильности принятых решений;

2) воспитательные задачи:

- привить студентам стремление к самоорганизации во время работы и концентрации внимания при работе с исходным материалом и расчетными показателями;
- воспитать уверенность в своих творческих и коммуникационных возможностях;
- привить самостоятельность и ответственность за принимаемые проектные решения;
- привить навыки планомерной регулярной работы над решением поставленной задачи;

3) развивающие задачи:

- развить познавательный интерес к выбранной теме и способность применить полученные навыки в ходе самостоятельной подготовки к дипломному проектированию;
- развить способность студентов к системному мышлению и способности принимать решения;
- развить навыки профессиональной письменной и устной речи.

Ресурсное обеспечение процедуры защиты курсовых работ:

1. Пояснительные записки курсовых работ.
2. Календарный график выполнения курсовой работы.
3. Распоряжение цикловой комиссии о графике защиты курсовых работ.
4. Протокол защиты курсовых работ (прил. 1).
5. Шкала критериев оценки курсовой работы (прил. 1, табл. П 1).

Организация и руководство курсовым проектированием. Данный вид учебной деятельности предусматривает учебные занятия в виде самостоятельной работы студента, консультаций и защиты выполненной работы.

Курсовое проектирование является обязательным элементом процесса подготовки специалистов. Си-

стема курсовых проектов (работ) помогает студенту подготовиться к выполнению выпускной квалификационной работы.

Целью курсового проектирования является формирование у обучающихся опыта комплексного решения конкретных задач профессиональной деятельности.

Тематика курсового проектирования отвечает **учебным задачам** дисциплины «Экономика организации» и наряду с этим **соответствует реальным задачам** предприятий ЗФ ОАО «ГМК «Норильский Никель».

Тематика работ основывается на **фактическом материале предприятий**, собранном студентами в ходе **производственной практики**.

Исходные материалы по выполнению курсовой работы, как правило, содержат данные, достаточные для постановки задач проектирования и **формулировки проблемной ситуации**: экономических, экологических аспектов, аспектов безопасности труда применительно к проектируемому объекту.

Однако одним из **основных требований** к теме курсовой работы является ее **комплексность**, т.е. рассматривая вопросы модернизации существующих систем автоматизации, студенту следует затрагивать вопросы восстановления либо замены технологического оборудования, вопросы высвобождения трудоемких операций на многих стадиях производственного процесса.

Порядок организации работ по курсовому проектированию:

1. После выдачи заданий на проектирование и проведения вводной лекции руководителем курсовой работы были организованы консультации студентов (групповые и индивидуальные).

2. В ходе подготовки к защите курсовой работы студентом подготавливалась презентация доклада. Презентация доклада в ходе консультаций согласована с руководителем проектирования.

3. По завершении работы студент подписывает пояснительную записку и передает ее (а также электронную копию пояснительной записки) на рассмотрение руководителю курсового проектирования.

4. Если работа, по мнению руководителя, удовлетворяет предъявляемым требованиям, в процессе проектирования удовлетворительно решены все поставленные задачи, то руководитель подписывает пояснительную записку и составляет рецензию.

5. В **рецензии** преподаватель – руководитель курсовой оценивает работу студента с указанием возможной (предварительной) оценки по пятибалльной системе.

6. Выполнение студентом курсовой работы осуществляется **поэтапно**:

1. Выбор темы и получение задания для выполнения курсовой.

2. Составление личного рабочего плана-графика работы студента над курсовой (составляется на базе календарного графика выполнения курсовой работы, разработанного руководителем КР).

3. Сбор, анализ и обобщение материала по выбранной теме курсовой.

4. Проведение практического исследования и расчетов.

5. Изложение (собственно – написание) курсовой с описанием рассматриваемых вопросов. Формулирование выводов, рекомендаций (или заключения).

6. Представление курсовой работы руководителю для проверки.

7. Допуск студента к защите работы.

8. Публичная защита курсовой работы в присутствии комиссии.

Порядок представления и защиты курсовой работы:

1. Защита является обязательной формой проверки **качества курсовой работы**, степени достижения цели и успешности решения задач проектирования.

2. **Комиссия состоит из трех человек:** зав. отделением ЭиУ и двух преподавателей цикловой комиссии, одним из которых является руководитель проектирования, а второй член комиссии является ее председателем.

3. **Заседание комиссии ведет ее председатель.**

4. На защиту представляется пояснительная записка с подписями студента, руководителя проектирования и рецензией руководителя. **Рецензия** представляет собой **предварительную оценку** курсовой работы **руководителем** (как средняя арифметическая оценка по шести критериям в рамках пятибалльной шкалы – табл. П1, прил. 1). Озвучивается рецензия руководителем на защите.

5. Предварительная оценка (в рецензии) и итоговая оценка студента за курсовую работу могут не совпадать по баллам, если студент демонстрирует плохое знание собственного текста или сути рассматриваемых вопросов.

6. **Защита состоит** из доклада, просмотра слайдовой презентации и ответов на вопросы членов комиссии и присутствующих.

7. **Регламент защиты одной работы** – 0,3 академических часа.

8. Ответственность за результаты проектирования при их защите полностью несет студент.

9. По **результатам защиты** курсовых работ выставляется зачет с дифференцированной оценкой по пятибалльной системе как средняя арифметическая оценка по шести критериям (**прил. 1**).

10. **Итоговая оценка** определяется по результатам **голосования** членов комиссии. Критерии оценки находятся также в свободном доступе для студентов.

11. Результаты защиты проставляются членами комиссии в **Протокол защиты** (**прил. 1**).

12. В **зачетную ведомость** и в **зачетную книжку** студента оценки проставляются руководителем курсовой работы.

13. Неудовлетворительные оценки проставляются только в зачетную ведомость и протокол зачета.

14. В случае **неявки студента на защиту** в определенное графиком время в зачетную ведомость и протокол зачета проставляется запись «не явился».

15. **Повторная защита** курсовой работы по одной и той же учебной дисциплине допускается не более двух раз. График повторных защит утверждается на заседании цикловой комиссии.

16. После защиты всех проектов будет проведена заключительная беседа руководителя со студентами с анализом лучших и худших работ, с указанием на типичные ошибки и недостатки, обнаруженные в работах, на недостатки организационного характера.

Заключение. Выбор приоритетов и технологий обучения должен удовлетворять требованию их соответствия скорости процессов, связанных с обновлением знаний.

Разумеется, этот выбор обусловлен представлениями о соотношении в содержании учебного процесса *фундаментального, теоретического и прикладного знания*.

Особый смысл здесь приобретает мотивационный фактор, выступающий в качестве базовой доминанты, определяющей и готовность к образованию, и траекторию возможного развития личности (ее последовательного самоутверждения в качестве субъекта не только познания, но и других видов деятельности).

Мотивация, обуславливая направление и типы активности личности, задает смыслы познавательной деятельности. При этом два типа мотивов определяют два типа целей и, соответственно, специфику проявления психологических закономерностей развития: адаптивную (приспособленческую) и продуктивную (креативную).

Адаптивная мотивация, ориентирующая на достижение успеха, требуя постоянного подкрепления, приводит к адаптивным формам поведения и в профессиональной деятельности. *Продуктивная* же стимулирует самообразование: поиск, обнаружение (открытие), создание нового, результатом чего и является новое знание. Проявление личности в статусе субъекта этих процессов интенсифицирует ее становление.

Таким образом, нам, преподавателям, важно конструировать свою педагогическую деятельность так, чтобы познавательные действия студента были насыщены задачами и проблемами, требующими самостоятельного поиска ответов.

Образовательный процесс реализуется только в том случае, если содержание изучаемого лежит в поле индивидуальной проблемности человека [3].

Высказывается предположение, что в современных условиях язык компетенций более адекватен для оценки результатов образования. При этом сами *компетенции* интерпретируются как знание и понимание (теоретическое знание, способность знать и понимать), знание *как действовать* (практическое и оперативное применение знаний к конкретным ситуациям), знание *как быть* (ценности как неотъемлемая часть способа восприятия и жизни с другими в социальном контексте) [4].

Как следует из сказанного, компетенции представляют собой сочетание характеристик (относящихся к знанию и его применению, к позициям, навыкам и ответственности), которые описывают уровень или степень, в какой человек способен эти компетенции реализовать [3].

Реализация **компетентностного подхода** предполагает поиск ответа на достаточно сложные вопросы, связанные с переориентацией результатов образования на перечень тех компетенций, которые востребо-

ваны работодателями и за формирование которых отвечает учебное заведение:

– *инструментальные* (способность к анализу и синтезу; к организации и планированию; базовые знания в различных областях; подготовка по основам профессиональных знаний; навыки управления информацией, принятие решений и пр.);

– *межличностные* (способность к критике и самокритике; умение работать в команде; навыки межличностных отношений; способность общаться со специалистами из других областей; приверженность этическим принципам);

– *системные* (способность применять знания на практике, учиться, адаптироваться к новым ситуациям, порождать новые идеи (креативность); навыки лидерства; исследовательские навыки; способность работать самостоятельно; разработка и управление проектами; инициативность и предпринимательский дух; забота о качестве; стремление к успеху).

Со времен Гумбольдта основной задачей преподавателя считается не изложение основ той или иной дисциплины (для этого есть учебники, пособия и т.д.), а демонстрация своего личного пути к тем результатам, которые он предлагает вниманию студентов. Иными словами, свое личное прочтение и понимание ключевых проблем излагаемой дисциплины.

Естественно, задача, связанная с демонстрацией своего личного опыта, по силам только тем, у кого такой опыт есть, кто прошел свой путь.

Таким образом, работая с преподавателем, студенты изучают не только материал, но и прежде всего – преподавателя, которого в будущем они и идентифицируют с той или иной дисциплиной как системой открытых утверждений.

Процесс познания – бесконечный процесс, и чем законченнее и завершеннее представляемое содержание, тем ниже к нему интерес.

Приложение 1

Образец протокола защиты курсовой работы

ПРОТОКОЛ №

от « » 2015

1 Защита курсовой работы на тему:

2 Студента:

3 Специальность: 15.02.07 Автоматизация технологических процессов и производств (по отраслям)

4 Дисциплина: Экономика организации

5 Группа: АП - 10

6 Курс: 4

Критерии итоговой оценки КР	Баллы (по 5-балльной шкале)
1 Соответствие содержания курсовой работы утвержденной теме	
2 Выполнение поставленных целей и задач	
3 Практическая значимость	
4 Оформление работы	
5 Презентация курсовой работы	
6 Защита курсовой работы	
Итоговая оценка:	

Итоговая оценка выставляется как средняя арифметическая оценка по шести критериям оценки курсовой работы

Председатель аттестационной комиссии:

Е.А. Колупаева

Члены аттестационной комиссии:

И.М. Проценко

П.А. Киреева

Образец шкалы критериев предварительной оценки курсовой работы

Т а б л и ц а П I I

Критерии предварительной оценки курсовой работы

Критерии предварительной оценки КР (для рецензии на курсовую работу)	Баллы (по 5-балльной шкале)
1 Соответствие содержания курсовой работы утвержденной теме	
2 Выполнение поставленных целей и задач	
3 Практическая значимость	
4 Самостоятельность при работе над курсовой работой	
5 Выполнение студентом графика и сроков предоставления курсовой работы	
6 Оформление работы	
Рекомендуемая оценка:	

ЛИТЕРАТУРА

1. Сыманюк Э.Э., Шемятихина Л.Ю., Синякова М.Г. Компетентностный подход в подготовке отраслевых специалистов // Фундаментальные исследования. 2009. № 5. URL: <http://www.rae.ru>

2. Зеер Э.Ф., Сьманюк Э.Э., Павлова А.М. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход : учеб. пособие. М. : Изд-во МПСИ, 2009.
3. Байденко В.И. Базовые навыки (ключевые компетенции) как интегрирующий фактор образовательного процесса // Профессиональное образование и личность специалиста. М., 2008. С. 14–32.
4. Шишов С.Е. Понятие компетенции в контексте качества образования // Стандарты и мониторинг в образовании. 2009. № 2.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 15 мая 2015 г.

COMPETENCY-BASED APPROACH TO COURSE DESIGNING OF THE TRAINING COURSE “ECONOMICS OF ORGANIZATIONS”

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 194–201. DOI: 10.17223/15617793/396/34

Kireeva Polina A. Polytechnic College of Norilsk Industrial Institute (Norilsk, Russian Federation). E-mail: Polinna.K@gmail.com

Keywords: competency-based approach; competence; independent work of students; course designing.

An important final link in the whole educational process, the result of independence, the degree of mastery of knowledge and skills to use them in solving specific production problems is course designing. Course designing is a type of self-educational activity of students which is a creative solution to real educational or professional goals. This kind of learning activities provides training sessions in the form of independent work of students, counseling and the defense of the work performed. Course designing is a mandatory element of the training process. The system of course projects (papers) prepares students to perform a final qualification work. The topics of papers base on the factual material of businesses that students collect during practical training. The starting materials for the implementation of the course work usually contain sufficient data for setting tasks for designing and wording a problem situation: economic, environmental aspects, safety issues in relation to the designed object. However, one of the main requirements to the topic of the course work is its comprehensiveness, that is, considering the modernization of existing automation systems, students should address the issues of restoration or replacement of process equipment, reduction of labor-intensive operations in many stages of the production process. Guidelines for the organization of students' independent work which allow them to prepare for classes and organize their self-study to perform individual tasks are important for the improvement of the planning and organization of this type of educational activities. The subjects of course designing in the discipline Economics of Organizations is directly related to the subjects of course designing for the discipline Automation of Technological Processes and Production, which allows students to systematically study designing issues and, therefore, to develop the format of logical thinking which will contribute to the proper formation of specific competencies in a future profession. As a rule, students take the initiative in the choice of topics. A professor traditionally supervises students in their study designing. Students have an opportunity to be more independent. An important tool in designing is a feasibility study. An engineer in any field should have a good understanding of the issues of cost, pricing, working capital investments, profits and other economic categories. A course project is a universal indicator of the competence of students, it is an indicator of their knowledge and skills. Supervising students' self-study during course designing includes: guidelines for the implementation of course papers; normative and reference books; schedule of works; coordination of students' work; consulting; schedule of course paper defense; organization of project defense; preliminary assessment of the work by the project supervisor; assessment of the course paper defense; making of a protocol of work defenses. The implementation of the competency-based approach involves the search for answers to quite complex issues related to the reorientation of educational outcomes to the list of competencies that are in demand by employers and are formed under responsibility of an educational institution. Thus, a competency is a combination of characteristics (referring to knowledge and its application, to positions, skills and responsibilities) that describe the level or degree to which a person is able to implement it.

REFERENCES

1. Symanyuk, E.E., Shemyatikhina, L.Yu. & Sinyakova, M.G. (2009) Kompetentnostnyy podkhod v podgotovke otraslevykh spetsialistov [Competency-based approach in the preparation of industry specialists]. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 5. pp. 141–146. [Online]. Available from: http://www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7782133.
2. Zeer, E.F., Symanyuk, E.E. & Pavlova, A.M. (2009) *Modernizatsiya professional'nogo obrazovaniya: kompetentnostnyy podkhod* [The modernization of vocational education: competency-based approach]. Moscow: Izdatel'stvo MPSI.
3. Baydenko, V.I. (2008) Bazovye navyki (klyuchevye kompetentsii) kak integriruyushchiy faktor obrazovatel'nogo protsessa [Basic skills (core competencies) as the integrating factor of the educational process]. In: *Professional'noe obrazovanie i formirovaniye lichnosti spetsialista* [Professional education and professional's personality formation]. Moscow: Akademiya.
4. Shishov, S.E. (2009) Ponyatie kompetentsii v kontekste kachestva obrazovaniya [The concept of competency in the context of the quality of education]. *Standarty i monitoring v obrazovanii*. 2.

Received: 15 May 2015

ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ КИНЕЗИОЛОГИИ В ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ СТУДЕНТОВ

Рассматривается понятие «кинезиология», в котором двигательной функции организма человека отводится одно из ведущих мест. Большое внимание уделяется истории возникновения кинезиологии как интегративной области научного знания. Исследуются различные подходы к интерпретации данного понятия, выделяются прикладное, образовательное, спортивное направления кинезиологии, которые развиваются в настоящее время. Представлены результаты анализа различных направлений кинезиологии и правомерность их применения в здоровьесохранении различных групп населения. Показано, что существенными оздоровительными возможностями обладает прикладная кинезиология, которая может применяться в физическом воспитании студентов с целью профилактики функциональных нарушений и заболеваний позвоночника.

Ключевые слова: кинезиология; двигательная функция; здоровье; физическое воспитание; студенты.

Научное понятие предполагает завершенность чего-либо и законченность, но в то же время заключает в себе возможность дальнейшего исследования и на определенных этапах развития науки позволяет изменять его содержание. Переход от одного уровня знания к другому свидетельствует о качественном изменении его, т.е. выявлении более глубокой сущности мыслимых в понятии предметов и явлений. Будучи отражением объективной реальности, понятия столь же пластичны, как и сама действительность, обобщением которой они являются. Поэтому они «должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях дабы обнять мир» [1. С. 13].

Выражая существенные связи развивающейся действительности, законы движения природы, общества и мышления должны быть такими же подвижными, гибкими, как и отражаемые ими явления. В связи с развитием деятельности человека, в процессе которой он преобразует мир и познает его, число категорий растет и содержание их обогащается. Несмотря на то что категориальная структура мышления сравнительно устойчива, следует отметить также ее изменчивость и историчность. Особенно это касается содержания самого понятия «категория». Это связано с тем, что происходит углубление и обогащение уже имеющихся понятий.

В исследовании генезиса понятия «кинезиология» мы опирались на фундаментальные труды как мыслителей – философов древнего мира, так и современных ученых: физиологов, биологов, специалистов в области медицины, психологов, педагогов физического воспитания и спорта. Обоснованием для исследования является общеисторическое и концептуальное основание, связанное с эволюцией этого понятия по различным векторам в зависимости от направленности воздействия двигательной активности на организм.

Анализ литературных данных свидетельствует, что корни кинезиологической теории кроются в Античности. Так, древнекитайская философская система Конфуция (около 2700 г. до н.э.) показывала роль определенных положений тела в достижении профилактических и лечебных целей. Похожие элементы рассматривала и древнеиндийская йога, целью которой явилось приобретение высших психофизических способностей с помощью соблюдения морально-этических принципов, использования определенной

техники выполнения гимнастических и дыхательных упражнений.

Термин «кинезиология» происходит от греческих слов «кинезис» – движение и «логос» – наука. Впервые описал действие мышц и осуществил их геометрический анализ один из основателей науки о движении человека – Аристотель (384–322 гг. до н.э.). Продолжение этих исследований находим в работах философов и ученых Галена (132–201), Галилея (1564–1643), Ньютона (1642–1727) и Борели (1608–1679). Они рассматривали движение человека как последовательность мышечных взаимодействий и внешних сил окружающей среды.

Это послужило толчком к использованию мышечного тестирования для диагностики психофизического состояния человека. Врачами, супругами Кендалл, в 30-е гг. XX в. было отмечено, что при некоторых воздействиях на организм или психику человека меняется тонус его мышц: мышца становится слабой либо более сильной. Авторы ссылаются на упоминание об этом в традиционных практиках коренных жителей Южной Америки при лечении тех или иных отклонений в состоянии здоровья.

Основателем современной кинезиологии считается мануальный терапевт Джордж Гудхарт (1962), который создал и разработал ее теорию, взяв за основу древнейший метод индейцев – мышечный тест, считающийся в науке о движениях тончайшим и эффективным инструментом, поскольку, используя обратную связь и воздействуя определенным образом на тело, можно улучшить работу организма в целом.

Кинезиологическая федерация Великобритании рассматривает кинезиологию как науку, изучающую движения тела на основе холистического подхода к достижению сбалансированного состояния индивида [2].

В настоящее время кинезиология – это область исследования, представляющая одно из самых интересных и современных направлений в науке, поскольку охватывает полный спектр методов помощи здоровью человека, способствуя снятию напряжения – не только мышечного, но и психического [3].

Кинезиология приобретает различные формы и способствует использованию их в сохранении, коррекции здоровья, а также для профилактики его нарушений, так как дает возможность определить, от чего движение оказалось нарушенным и что нужно сделать, чтобы его восстановить.

Видимо, поэтому, по мнению С.Н. Никитина (2006), дословный перевод термина «кинезиология» как наука о движениях, сам по себе не раскрывает сути этого направления, в основе которого лежит избавление от стрессов, болезней, недугов. Следовательно, это наука о психологических, педагогических и биомеханических аспектах двигательной функции человека [4].

Период первоначального накопления знаний в этой области дает начало победному шествию кинезиологии по всему миру в различных областях исследований жизнедеятельности человека.

Общеизвестно, что любая новая теория в какой-то мере содержит элементы старой, что является «требованием» преемственности в развитии любых процессов, в том числе и в теоретических исследованиях. При этом новая теория более высокого уровня объясняет какие-то прежние посредством их корректирования – с целью убедительного подтверждения того, что новая теория проникла в проблему глубже, чем прежние.

В основе кинезиологической теории лежат фундаментальные труды И.М. Сеченова (1952) о взаимосвязи физиологических процессов и психических явлений [5]. Основные положения теории функциональных систем П.К. Анохина (1968) позволяют раскрыть содержание механизмов взаимосвязи умственной и двигательной деятельности в процессе выполнения движения [6].

В 1930–1940-е гг. Н.А. Бернштейн опубликовал несколько статей, способствующих формированию современной теории управления движениями. Анализ проведенных исследований позволил ему создать модель управления движениями человека, в основе которой лежит выделение ведущей роли афферентных систем [7].

Вышеизложенные труды позволили в дальнейшем определить три направления, которые изучает кинезиология: прикладное, спортивное и образовательное.

Нам представляется, что полезное в теории основателей кинезиологии Джорджа Гудхарда, Дэниела Палмера, Дэниела Уайтсайда и Кэндис Каллэуэй заключается в переложении известных истин, идей предыдущих открытий в области медицины, психологии, биологии, физиологии физической культуры в языковую оболочку новых терминов, не всегда корректно сочетаемых [8, 9].

Главным является то, что определяемое понятие должно точно отражать непротиворечивую реальность, т.е. связанность с другими сопредельными науками (С.Н. Никитин, 2006). По мнению автора, происходит столкновение в данном случае с инвертированной обратной стороной определения понятия в понимании его многими исследователями по-разному, что чаще всего случается в науках о человеке и обществе. При этом любые понятия – это всегда итог взаимной договоренности об употреблении слова-термина [4].

М. Мерло-Понти (1992) отмечает, что построение кинезиологии как науки о двигательном действии человека предполагает полномасштабный акт человеческого поведения, человеческий поступок, которым данное действие, несомненно, является. Исходя из сказанного, следует отметить, что перед кинезиологией встает вопрос о природе человеческого поступка и выражении его в деятельно-практических проявлениях.

Автор подчеркивает, что научное знание необходимо для того, чтобы человек при построении собственного двигательного действия мог пользоваться им исходя из его философского феноменологического уточнения и исправления. Интересно мнение автора о том, что при изучении моторики и перцепции (восприятие действительности) наиболее впечатляющие результаты были получены в тех случаях, когда исследователи отвлеклись от морфофизиологических процессов [10].

В связи с изложенным Н.Н. Визитей (2010) задает вопрос, что следует поставить во главу угла, создавая теорию спортивной кинезиологии, – концепцию философской антропологии; философии спорта или психологии? Автор считает, что мировоззренческое (социально-культурное), морально-этическое содержание двигательного действия не представлено в достаточной мере ни в философской антропологии, ни в социальной философии спорта. При этом в психологии интерес к двигательному действию имеет давние традиции и является нередко основным предметом психологического анализа. Вот почему необходимо опираться на модель человеческого существования, которая строится в соответствии с принципом триады [11]. Х. Плеснер (1988) считает, что человек живет и как душа, и как тело, и как психофизиологическое нейтральное единство этих сфер [12].

В модели поведенческого акта, предлагаемой Р. Эноком (2000), на входе системы ставится мысль, которая проецируется на сенсорно-двигательную кору головного мозга, мозжечок, базальные ядра и соответствующие подкорковые ядра для разработки программы управления движением [13]. При этом двигательная активность человека направлена на его собственное совершенство, осуществляется она в формах, принятых в физической культуре или спорте. В то же время основным специфическим средством физического воспитания является физическое упражнение, которое реализуется «посредством двигательных действий». Наряду с этим весьма значительное место занимает кинезиология спорта, которая еще не стала определенной и общепризнанной областью знания.

Спортивная кинезиология – это наука, изучающая спортивную, двигательную активность человека (В.Б. Коренберг, 2005). В.К. Бальсевич рассматривает кинезиологию как интегративную область научного знания о двигательной активности человека и обеспечивающих ее морфологических, функциональных и биомеханических системах и методах их развития и совершенствования» [14].

В.Б. Коренберг отмечает, что теоретический аспект спортивной кинезиологии как науки включает в себя: спортивную биомеханику, психологию, педагогику. Дополнительно могут быть использованы знания отдельных разделов медицины, нейрофизиологии, биохимии, гигиены, кибернетики и т.д. Представленный системный объем знаний различных отраслей наук позволил спортивной кинезиологии очень органично «вписаться» в спортивную практику и решить те задачи, которые не удавалось решить спортивной биомеханике. Эффективность использования опыта спортивной кинезиологии, по мнению автора, зависит

от интеграции различных, но взаимодополняющих отраслей наук. Понятийный аппарат спортивной кинезиологии в настоящее время отражает упрощенные представления трех базовых научных дисциплин (спортивная биомеханика, психология и педагогика) и требует серьезной ревизии [9].

Основные положения организации движений в действии (отдельные суставные движения, элементарные группы движений, фазы движений всего тела), не имеющие вначале общей цели и создающие из блоков общую цель в системе движений, легли в основу педагогической кинезиологии Х.Х. Гросса [8]. Автор доказал, что в методологии овладения основой техники лежит ее оптимизация, т.е. теория структурности.

По мнению Д.Д. Донского (1991), структура, как способ связи и взаимодействий в подсистемах всей системы в целом для ее взаимодействия со «средой», т.е. окружением, является решающим фактором в образовании блоков ее построения и их согласовании [15]. Обязательна и связь с психологическим восприятием действий, так как в основе адаптивной приспособляемости человека всегда находятся опознавание и осмысление целей постановки частных задач и самозаданий, самоконтроля, что, по мнению С.В. Дмитриева (1988) и В.Б. Коренберга (2005) лежит в основе кинезиологии спорта [9, 16]. При этом более значимым становится обращение к философии, что согласуется с гуманизацией человечества в целом, и к учению о движении человека, его специфических особенностях.

Важность философских и социологических исследований спорта для спортивной кинезиологии в том, что направленность совершаемого одним субъектом действия на другого субъекта представлена с определенностью и открытостью. Так как спорт является единственной сферой профессиональной деятельности, где правила «честного соперничества» всегда на виду, актуализация способности спортсмена к предельным волевым усилиям всегда нацелена на максимальный результат, что возможно лишь при условии высокоавтоматизированного действия и интегрального переживания [11]. По мнению Н.Н. Визитея (2010), поскольку спорт – это и соревнование, и сотрудничество, противостояние соперников создает такую ситуацию, в рамках которой внешняя среда (соперник) в принципе проявляет себя по отношению к другому жестко агрессивно. При этом стремление одного соперника к преодолению другого предполагает особого рода единение с ним, т.е. контакт, в котором обеспечивается взаимное проникновение, уступчивость к движениям друг друга. То же следует отметить и при взаимодействии спортсмена со снарядом (штанга, метание) [Там же].

Кинезиология как научная и учебная дисциплина лечебной и профилактической практики возникла на стыке спортивной медицины, физиологии, морфологии, биомеханики, биоэргономики, теории спортивной подготовки и оздоровительной физической активности человека (В.К. Бальсевич, 2000). Вполне логичным представляется продолжение этой методологической линии творческого наследия Н.А. Бернштейна (1947), впервые обратившего внимание на возрастные преобразования систем движений челове-

ка и эволюцию двигательной функции в филогенезе животных. Изучение возрастного развития двигательной деятельности человека позволило разработать непротиворечивые, природо- и социообразные технологии ее совершенствования на разных этапах онтогенеза человека в разнообразных формах его физической активности, имеющей право, по мнению В.К. Бальсевича, быть названной возрастной кинезиологией или онтокинезиологией. Кинезиологический смысл понятия «физическая активность» заключается в том, что оно интегрирует в себе эндо- и экзогенные объекты, изучаемые этой наукой, их социальные и социопсихологические, биологические и биофизические детерминанты, являющиеся предметом исследований. В.К. Бальсевич (2000) вводит новое понятие «кинезиологический потенциал», вкладывая более широкий смысл в ранее использованное им, но близкое в контексте понятие «физический потенциал человека».

Это связано с тем, что само понятие «физическая активность человека» в большей степени отражает социально мотивированные изменения отношения современного человека к физической культуре, а именно придание ей более значимого смысла.

М.М. Ковылин и А.А. Передельский (2012) в дополнение к научному определению онтокинезиологии В.К. Бальсевича считают необходимым обоснование концепции системы всеобщего и непрерывного физического воспитания в России, так как без обширного междисциплинарного научного исследования невозможно его развитие [18].

При этом А.А. Передельский (2008) четко разделяет спорт высших достижений и спорт для всех, считая, что задачи массового спорта реально направлены на рекреацию, воссоздание, оздоровление и воспроизводство личности. По мнению автора, именно такой спорт позволяет «лепить» свое тело, исправлять психику, насыщать жизнь духовностью и открывать для себя новые пути социализации [19].

Беря на вооружение данное направление, авторы по-своему интерпретируют его подход, считая, что педагогическая технология воспитания и спорта является основой многих взаимосвязанных научных дисциплин: физиологии, медицины, биомеханики, социологии, психологии, истории, философии, без которых невозможно создать педагогическую технологию и теорию физического воспитания. По мнению авторов, эти методологические установки и направления научно-педагогических исследований перебрасывают мостик связи и преемственности между онтокинезиологией (закономерности возрастного развития двигательной деятельности человека) В.К. Бальсевича и собственной концепцией системы всеобщего непрерывного физического воспитания в России [20].

Не менее важное место, как уже указывалось, занимает прикладная кинезиология. Л.В. Васильева (2006) считает метод прикладной кинезиологии мультидисциплинарным подходом к здоровью и «трамплином» для лечебной физкультуры. Основной сутью его является восстановление функции нервной системы посредством механического воздействия: массаж, мануальная и энергетическая терапия (физиотерапия,

акупунктура), помимо медицинских препаратов, биологических добавок, психокоррекции [3].

В основе эффекта воздействия массажа и мануальной терапии лежит улучшение функции нервной системы, которое отражается на мышечной возбудимости независимо от того, откуда пришел раздражитель в нервную систему: от мышцы, сустава или внутреннего органа.

Рассматривая роль прикладной кинезиологии в свете европейской политики охраны здоровья, можно говорить о ее органическом вхождении в существующую структуру здравоохранения, так как она является индикатором определения функционального состояния мышечного тонуса под влиянием различных методов реабилитации. Определяющую роль в программах медицинской реабилитации играют средства лечебной физкультуры. По данным различных авторов, у 2/3 всех больных, прошедших курс медицинской реабилитации, применялась лечебная физкультура (лечебная гимнастика, механотерапия, гидрокинезитерапия, трудотерапия) и массаж [20].

Основным средством лечебной физкультуры (ЛФК), как известно, являются физические упражнения, а тестирование функционального состояния мышц для определения характера двигательной реабилитации является важным компонентом деятельности врача ЛФК. С другой стороны, одной из общепризнанных теоретических основ ЛФК является учение М.Р. Могендовича (1963) о моторно-висцеральных и висцеромоторных рефлексах [19]. Если учесть, что прикладная кинезиология также основана на системе мышечного тестирования с целью комплексной оценки функционального состояния здоровья человека и коррекции его нарушений, то можно считать, что прикладная кинезиология является методом, тесно связанным с ЛФК, а врач ЛФК, применяя прикладную кинезиологию, может получить больше диагностических и терапевтических возможностей в процессе медицинской реабилитации.

При этом следует отметить, что проведение курса лечебной физической культуры в стационаре, санаторно-курортных условиях и даже на поликлиническом этапе не избавляет от различных нарушений состояния здоровья, так как в период ремиссии многие испытывают ощущение боли и дискомфорта в опорно-двигательном аппарате, остаётся и некоторое снижение работоспособности [20]. Данное положение связывают не только с недостаточностью конкретных рекомендаций по физической реабилитации, но также и с плохой информированностью населения о некоторых превентивных мерах. На основе опыта собственной научно-практической деятельности по снижению болевых ощущений позвоночника у субъектов образовательного процесса с полным основанием утверждаем о возможности использования кинезиологического подхода в самосохранении здоровья и коррекции его нарушений [23, 24].

Специфический метод направленного регулирования гравитационных взаимодействий организма человека и среды, целью которого является профилактика и лечение заболеваний, является одним из направлений прикладной кинезиологии – кинезиотерапии. При

этом кинезиологические средства подразделяются на пассивную кинезиотерапию (непроизвольные движения) и активную – физическое упражнение с целью увеличения мышечной силы и создания мышечного корсета, что позволяет в процессе обучения и тренировочных воздействий восстанавливать временно утраченные свойства двигательной функции средствами физического воспитания.

В.Ф. Сазонов (2012) предлагает разделить кинезиологию на «биомеханическую» и «коррекционную», последнюю – на «психо-ориентированную» и «телесно-ориентированную». К первой автор относит психокоррекционную кинезиологию (концепция «Три в одном», метод «Единый мозг»), а к телесно-ориентированной – прикладную кинезиологию. Отличие коррекционной кинезиологии в использовании метода мышечного тестирования в качестве основного диагностического средства, а также разнообразных физических, психологических, «энергетических» и символических техник, позволяющих в комплексе получить оздоровительный эффект. В основе коррекционной кинезиологии лежит механизм идеомоторных реакций, обеспечивающий непроизвольные, неконтролируемые мышечные реакции, сопровождающиеся подсознательными психическими процессами в виде вегетативных и соматических, телесных проявлений. Исследования автора направлены на коррекцию психоэмоционального состояния посредством регуляции мышечного тонуса, который тесно связан с телесно-ориентированным направлением, т.е. физическим состоянием организма. В целом двигательное действие человека осознанно и всегда направлено на решение конкретной двигательной задачи в процессе его активности [25].

А.Н. Лапутин (2003) связывает это с передачей энергии путем направленного регулирования гравитационных взаимодействий организма человека и среды в целях реабилитации временно утраченных свойств двигательной функции [26].

Первый способ передачи энергии, по мнению автора, называется работой, переданной с изменением его внешних параметров. Второй способ – теплообмен, переданный системе без изменений ее внешних параметров (т.е. определенное количество теплоты). Эти способы передачи энергии не являются равноценными, и ученый их связывает с появлением в последнее время современной термодинамики, прилагая ее к новейшим исследованиям в области кинезиологии.

В основе ее находится связь между движениями, приводящими к возможности возникновения спонтанно упорядоченных структур в неравновесных скрытых системах, т.е. к процессу их самоорганизации. Так возникает принципиально новый философский вывод о возможности самоорганизации в природе в целом. Процессы самоорганизации сложных систем, с точки зрения ученого, приложимы ко многим ранее открытым биофизическим и дидактическим закономерностям, что дает новые стимулы для развития перспективных исследований в области обучения двигательным умениям и навыкам, формируемым в процессе постоянно повторяющихся педагогических воздействий, например в ходе спортивной тренировки.

При этом человек сознательно не может «включить» мышцу, так как ее тонус осуществляется бессознательной частью нервной системы. Информация из внутренней и внешней среды организма поступает в подкорковые узлы, и в зависимости от силы ее воздействия происходит ответная реакция. Это открытие было сделано И.П. Павловым (1952). М.Р. Могендовичем (1971) были продолжены исследования И.П. Павлова об изменении тонуса мышц в ответ на информацию, поступающую из внутренних органов [27, 28].

Одна из фаз мышечного сокращения была описана в 1937 г. Н.А. Бернштейном, доказавшим, что даже стоя неподвижно, человек совершает микродвижения (смещение тела немного назад, вперед и в сторону). В связи с этим равновесие восстанавливается за счет реакции мышц, реагирующих сокращением на растяжение, т.е. напряжением.

При жалобах человека на боли врач выясняет степень напряженности мышц, деформирующих его ста-

тику. Чаще всего для снятия напряжения вводят обезболивающий препарат. Однако после очередной перегрузки другой мышцы появляется болевой синдром вновь, но в другом месте. Для того чтобы устранить боль, необходимо искать причину напряженной и болезненной мышцы, что и является основой прикладной кинезиологии, объединяющей различные отрасли медицины в единое целое.

На передовые позиции выходит проблема внедрения кинезиологического подхода в здоровьесохранение различных групп населения, в том числе и в процессе физического воспитания студентов.

В заключение отметим, что новая теория дополняет, развивает старую и базируется на системе взглядов, по-прежнему имеющих право быть образцом для органичного введения в новые знания фактов разрабатываемой теории. Истина, не требующая доказательств, в том, что каждый мыслитель и исследователь опирается на достижения предшественников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Философские тетради // Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1977. Т. 29. С. 13.
2. La Tourelle M., Courtenay A. Thorsons Introductory Guide to Kinesiology. London : Thorsons An Imprint of Harper Collins Publishers, 1992. 176 p.
3. Васильева Л.Ф. Новые подходы к патогенезу формирования дисфункции мышечно-скелетной системы с позиции прикладной кинезиологии // Прикладная кинезиология. 2006. № 1. С. 15–19.
4. Никитин С.Н. Управление двигательными действиями в спорте с учетом функционирования анализаторных систем (на примере спортивной борьбы) : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2006. 431 с.
5. Сеченов И.М. Избранные произведения. Т. 1. АН СССР, 1952. С. 60.
6. Анохин П.К. Очерки о физиологии функциональных систем. М. : Медицина, 1975. 448 с.
7. Бернштейн Н.А. О построении движений. М. : Медгиз, 1947. 254 с.
8. Гросс Х.Х. Педагогическая кинезиология – новое направление в спортивной подготовке и биомеханике // Теория и практика физической культуры. 1977. № 9. С. 7–10.
9. Коренберг В.Б. Основы спортивной кинезиологии : учеб. пособие. М. : Советский спорт, 2005. 323 с.
10. Мерло-Понти М. Око и дух. М. : Искусство, 1992. 62 с.
11. Визтей Н.Н. О концептуальных основах спортивной кинезиологии // Спортивный психолог. 2010. № 1 (19). С. 18–24.
12. Плеснер Х. Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию // Проблема человека в западной философии. М. : Прогресс, 1988. 96 с.
13. Энока Р.М. Основы кинезиологии. Киев : Олимпийская литература, 2000. 199 с.
14. Бальсевич В.К. Очерки по возрастной кинезиологии человека. М. : Советский спорт, 2009. 220 с.
15. Донской Д.Д. Место теории строения действий в обосновании физического упражнения как средства физического воспитания // Принципиальные вопросы кинезиологии спорта : сб. науч. тр. Малаховка, 1991. С. 14–22.
16. Дмитриев С.В. Основы теории решения двигательных задач. Л. : Изд-во ЛГШ, 1988. 85 с.
17. Майнберг Э. Основные проблемы педагогики спорта: вводный курс / под ред. М.Я. Виленского, О.С. Метлушко. М. : Аспект Пресс, 1995. 318 с.
18. Ковылин А.А., Передельский А.А. Философские и педагогические аспекты онтокинезиологии человека // Теория и практика физической культуры. 2012. № 12. С. 21–25.
19. Передельский А.А. Кадровая политика в спорте // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2008. № 5. С. 44–47.
20. Юнусов Ф.А. Реабилитационная помощь населению Российской Федерации: медико-правовые аспекты // Медицинское право. 2003. № 4. С. 18–20.
21. Могендович М.Р. О взаимоотношениях моторно-висцеральных и висцеромоторных рефлексов // Моторно-висцеральные и висцеромоторные рефлексы. Пермь, 1963. С. 7–9.
22. Бурмистров Д.А., Степанов В.С. Программа устранения болевого синдрома в спине // Теория и практика физической культуры. 2005. № 1. С. 20–24.
23. Колтошова Т.В. Резистивная гимнастика – одно из средств физической культуры для самостоятельного снижения болевых ощущений в позвоночнике // Омский научный вестник. 2009. № 1 (75). С. 165–167.
24. Колтошова Т.В. Спортивно-оздоровительная культура субъектов образовательного пространства вуза. Омск : Изд-во ОмГТУ, 2012. 128 с.
25. Сазонов В.Ф. Особенности использования коррекционной кинезиологии для оздоровления путем психокоррекции психоэмоционального состояния // Научно-образовательный бюллетень «Здоровье и образования тысячелетия». 2012. № 6 (14Т). С. 1–8.
26. Лапутин А.Н. Кинезиология – учение о двигательной функции организма человека // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. 2007. № 10. С. 4–6.
27. Павлов И.П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга // Полное собрание сочинений. М. ; Л., 1952. Т. 4. 327 с.
28. Могендович М.Р., Темкин И.Б. Анализаторы и внутренние органы. М. : Высшая школа, 1971. 224 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 12 января 2015 г.

PREMISES OF THE THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE CONCEPT OF KINESIOLOGY IN PHYSICAL EDUCATION OF STUDENTS

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 202–207. DOI: 10.17223/15617793/396/35

Koltorshova Tatiana V. Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: koltorshova@rambler.ru

Keywords: kinesiology; motor function; health; physical education; students.

In the study of the genesis of the concept “kinesiology”, the author relied on the fundamental works of philosophers of the ancient world and modern scientists, physiologists, biologists, specialists in the field of medicine, psychologists, teachers of physical education and sports and their theoretical views. The kinesiological theory is based on the fundamental works of I.M. Sechenov (1866), N.A. Bernstein and Erich von Holsta (1966), P.K. Anokhin (1975) on the relationship of physiological processes, psychic phenomena and motor functions of the body. The use of the theory was considered for the conservation and correction of students' health. Kinesiology is considered as a science of psychological, pedagogical, biomechanical aspects of motor activity and there are three areas: applied, sports and pedagogical. Sports kinesiology is the study of sport, physical activity of the person in sports. The basis of pedagogical kinesiology is the optimal technique of motor actions. Applied kinesiology is a multidisciplinary approach to health. Its main essence is to restore the function of the nervous system by mechanical impact: massage, manual and energetic (physical therapy, acupuncture) therapies, in addition to drugs, biological additives, psychocorrection. The basis of the effect of massage and manual therapy focuses on improving the function of the nervous system that affects muscle irritability, regardless of the source of the stimulus in the nervous system: muscles, joints or internal organs. From the complaints of a person about pain, the doctor finds out the degree of tension of the muscles deforming their statics. Most often to relieve tension an anesthetic is injected. However, after another overload of a different muscle, a person is in pain again, but in a different place. In order to eliminate pain, the doctor must seek the cause of the tense and painful muscle, which is the basis of applied kinesiology which unites various branches of medicine. The specific method for directional control of the gravitational interactions of the human body and environment, the purpose of which is the prevention and treatment of diseases, is one of the areas of applied kinesiology – kinesiotherapy. Kinesiological means are divided into passive kinesiotherapy (involuntary movements) and active: physical exercise to increase muscle strength and create the muscular system that in the process of learning and training will help to restore the temporarily lost properties of the motor function by means of physical education. Thus, the leading position belongs to the problem of implementing the kinesiological approach in health preservation of different population groups, including in the process of physical education of students.

REFERENCES

1. Lenin, V.I. (1977) *Filosofskie tetradi* [Philosophical Notebooks]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 29. Moscow: Politizdat.
2. La Tourelle, M. & Courtenay, A. (1992) *Thorsons Introductory Guide to Kinesiology*. London: Thorsons An Imprint of Harper Collins Publishers.
3. Vasil'eva, L.F. (2006) *Novye podkhody k patogenezu formirovaniya disfunktsii myshechno-skeletnoy sistemy s pozitsii prikladnoy kineziologii* [New approaches to the pathogenesis of the formation of musculoskeletal system dysfunction from the perspective of applied kinesiology]. *Prikladnaya kineziologiya*. 1. pp. 15–19.
4. Nikitin, S.N. (2006) *Upravlenie dvigatel'nyimi deystviyami v sporte s uchetom funktsionirovaniya analizatornykh sistem (na primere sportivnoy bor'by)* [Control of motor actions in the sport with the operation of the analyzer systems (by example of wrestling)]. Pedagogy Dr. Diss. St. Petersburg.
5. Sechenov, I.M. (1952) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Vol. 1. Moscow: AN SSSR.
6. Anokhin, P.K. (1975) *Ocherki o fiziologii funktsional'nykh sistem* [Essays on the physiology of functional systems]. Moscow: Meditsina.
7. Bernshteyn, N.A. (1947) *O postroenii dvizheniy* [On construction of movements]. Moscow: Medgiz.
8. Gross, Kh.Kh. (1977) *Pedagogicheskaya kineziologiya – novoe napravlenie v sportivnoy podgotovke i biomekhanike* [Pedagogical kinesiology as a new trend in sports training and biomechanics]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 9. pp. 7–10.
9. Korenberg, V.B. (2005) *Osnovy sportivnoy kineziologii* [Basics of sports kinesiology]. Moscow: Sovetskiy sport.
10. Merleau-Ponty, M. (1992) *Oko i dukh* [The eye and spirit]. Moscow: Iskusstvo.
11. Vizitey, N.N. (2010) *O kontseptual'nykh osnovakh sportivnoy kineziologii* [On the framework for sports kinesiology]. *Sportivnyy psikholog*. 1 (19). pp. 18–24.
12. Plesner, H. (1988) *Stupeni organicheskogo i chelovek: vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [Steps of the organic and man: An introduction to philosophical anthropology]. In: Popov, Yu.N. (ed.) *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [The problem of man in Western philosophy]. Moscow: Progress.
13. Enoka, R.M. (2000) *Osnovy kineziologii* [Basics of kinesiology]. Kiev: Olimpiyskaya literatura.
14. Bal'sevich, V.K. (2009) *Ocherki po vozrastnoy kineziologii cheloveka* [Essays on human age kinesiology]. Moscow: Sovetskiy sport.
15. Donskoy, D.D. (1991) *Mesto teorii stroeniya deystviy v obosnovanii fizicheskogo uprazhneniya kak sredstva fizicheskogo vospitaniya* [Place of the theory of the structure of action in the justification of physical exercise as a means of physical training]. In: *Printsipial'nye voprosy kineziologii sporta* [The principal questions of sports kinesiology]. Malakhovka.
16. Dmitriev, S.V. (1988) *Osnovy teorii resheniya dvigatel'nykh zadach* [Basics of the theory of motor task solution]. Leningrad: Izdatel'stvo LGSh.
17. Meinberg, E. (1995) *Osnovnye problemy pedagogiki sporta: vvodnyy kurs* [Main problems of sports pedagogy: an introduction]. Moscow: Aspekt Press.
18. Kovylin, A.A. & Peredel'skiy, A.A. (2012) *Filosofskie i pedagogicheskie aspekty ontokineziologii cheloveka* [Philosophical and pedagogical aspects of human ontokinesiology]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 12. pp. 21–25.
19. Peredel'skiy, A.A. (2008) *Kadrovaya politika v sporte* [Personnel policy in sport]. *Kadrovik. Trudovoe pravo dlya kadrovika*. 5. pp. 44–47.
20. Yunusov, F.A. (2003) *Reabilitatsionnaya pomoshch' naseleniyu Rossiyskoy Federatsii: mediko-pravovye aspekty* [Rehabilitation assistance to the population of the Russian Federation: Medical and Legal Aspects]. *Meditsinskoe pravo*. 4. pp. 18–20.
21. Mogendovich, M.R. (1963) *O vzaimootnosheniyakh motorno-vistseral'nykh i vistsero-motornykh refleksov* [On the relationship between motor-visceral and viscero-motor reflexes]. In: Mogendovich, M.R. (ed.) *Motorno-vistseral'nye i vistsero-motornye refleksy* [Motor-visceral and viscero-motor reflexes]. Perm.
22. Burmistrov, D.A. & Stepanov, V.S. (2005) *Programma ustraneniya bolevoogo sindroma v spine* [The program to eliminate pain in the back]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 1. pp. 20–24.
23. Koltoshova, T.V. (2009) *Resistive gymnastics as one of the means of physical culture for relief of pain in spine*. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 1 (75). pp. 165–167. (In Russian).
24. Koltoshova, T.V. (2012) *Sportivno-ozdorovitel'naya kul'tura sub"ektiv obrazovatel'nogo prostranstva vuzov* [Sport and health culture of subjects of educational space of a higher school]. Omsk: Omsk State Technical University.
25. Sazonov, V.F. (2012) *Features of using of correctional kinesiology for recovery by dint of psychocorrection of psychoemotional condition*. *Zdorov'e i obrazovaniye v XXI veke*. 1 (14). pp. 1–8.
26. Laputin, A.N. (2007) *Kineziologiya – uchenie o dvigatel'noy funktsii organizma cheloveka* [Kinesiology, the doctrine of the motor function of the human body]. *Pedagogika, psikhologiya i mediko-biologicheskie problemy fizicheskogo vospitaniya i sporta*. 10. pp. 4–6.
27. Pavlov, I.P. (1952) *Lektsii o rabote bol'shikh polushariy golovnoy mozga* [Lectures on the work of the cerebral hemispheres]. In: Pavlov, I.P. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 4. Moscow: Leningrad: AN SSSR.
28. Mogendovich, M.R. & Temkin, I.B. (1971) *Analizatory i vnutrennie organy* [Analyzers and internal organs]. Moscow: Vysshaya shkola.

Received: 12 January 2015

ВЛИЯНИЕ БИОМЕХАНИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ УДАРНОГО ДЕЙСТВИЯ НА КАЧЕСТВО ФУНКЦИИ РАВНОВЕСИЯ И АЭРОБНОЙ ВЫНОСЛИВОСТИ У НАЧИНАЮЩИХ СПОРТСМЕНОВ

Исследовались показатели статического равновесия у начинающих боксеров и волейболистов. Отмечено, что специфика ударных действий начинающих волейболистов не обеспечивает спортсменов оптимальными характеристиками динамического равновесия. Это выражается в минимальных величинах их статического равновесия при сопоставлении с начинающими боксерами. Данный факт связан со спецификой ударных действий в волейболе, выполняемых в прыжке. Отмечено, что разнонаправленное воздействие на совершенствование ударных движений оказывает различное влияние на показатели аэробной выносливости.

Ключевые слова: бокс; волейбол; статическое равновесие; МПК; начинающие спортсмены; аэробная выносливость; спортивная подготовка.

Анализ научно-методической литературы по боксу позволяет отметить, что при совершенствовании ударных действий одним из основных факторов координационных способностей является завершение движения в определенной стойке [1, 2]. Оптимальное, адекватно обозначенное положение звеньев тела в заключительной фазе ударного действия должно быть строго соблюдено исходя из его биомеханической характеристики [3]. При совершенствовании прямых ударов в голову правой рукой ряд авторов уделяет большое внимание заключительной фазе движения, которая заключается в перераспределении 65–70% веса тела на переднюю ногу и определенному положению рук и туловища. Все это формирует оптимальные условия для динамического равновесия и позволяет без потери времени заниматься совершенствованием ударных действий в процессе спортивной подготовки начинающих боксеров [4].

При изучении литературных источников нами было выявлено, что ударные движения в волейболе не привязываются к строго регламентированному положению ног и туловища после выполнения атакующих ударных действий [5]. Само ударное действие в волейболе в исключительном большинстве случаев совершается в отрыве от точки опоры. Спортсмены выполняют атакующий прыжок с дальнейшим нанесением удара по мячу [6].

Ссылаясь на мнение ряда авторов, нами было отмечено, что различная специфика ударных действий предполагает использование различных форм совершенствования двигательного-координационных возможностей начинающих спортсменов, занимающихся спортивными играми и единоборствами [7].

Цель исследования – анализ качества функции статического равновесия и аэробной выносливости в связи с биомеханической характеристикой ударных действий у начинающих боксеров и волейболистов.

Методы исследования. Аэробную выносливость определяли по показателю МПК_{12 мин} теста Купера [8]. $МПК_{12 мин} = (Длина\ дистанции\ (м) - 505) : 45$. Должную величину МПК находили по формуле $ДМПК = 52 - (0,25 \times \text{возраст})$. Фактическую величину МПК сопоставляли с должной величиной по формуле $(МПК_{12 мин} : ДМПК) \times 100\%$. Величины статического равновесия определяли с помощью пробы Ромберга

№ 3 (поза Журавля), проводимой через 30 с отдыха после тестирующего кросса. Исследование проводилось на базе кафедры физического воспитания Национального исследовательского Томского государственного университета и Томского государственного архитектурно-строительного университета.

Полученные данные были представлены в виде «среднее ± ошибка среднего» ($X \pm m$). Полученные результаты обрабатывались методами вариационной статистики, достоверность оценивалась с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни.

Объект исследования. Экспериментальная группа была разделена на две подгруппы. *Первая подгруппа:* исследование боксеров выполнялось на базе спортивной секции по боксу ТГАСУ, были обследованы 20 начинающих спортсменов в возрасте 18–19 лет. *Вторая подгруппа:* исследование волейболистов осуществлялось на базе специализации волейбол ТГУ, были обследованы 20 начинающих спортсменов в возрасте 18–19 лет. Контрольная группа была сформирована из 15 человек в возрасте 18–19 лет, занимающихся по специализации ОФП Томского государственного университета. Все спортсмены имели основную группу здоровья и входили в весовую категорию до 69 кг.

Спортсменам было предложено с максимальной скоростью пробежать 12 мин по стадиону. Преодоленная дистанция фиксировалась в метрах. Через 30 с отдыха все спортсмены выполняли пробу Ромберга № 3.

Результаты исследования. Сопоставляя преодоленный отрезок дистанции за 12 мин кросса у начинающих спортсменов, занимающихся боксом и волейболом, нами зафиксировано преобладание на 21% величин боксеров относительно контроля, а у волейболистов нам не удалось наблюдать аналогичных результатов. При исследовании аэробной выносливости нами наблюдались следующие факты. При сопоставлении значений $МПК_{12 мин}$ нами наблюдалось превосходство величин начинающих боксеров на 26,5% относительно контроля. У начинающих волейболистов нам не удалось отметить достоверной значимости различий относительно контрольных значений. Учитывая тот факт, что спортсмены всех экспериментальных групп были в возрасте 18–19 лет, величины ДМПК у всех исследуемых групп были равнозначными. Сравнивая процентное соотношение фактическо-

го МПК, отмеченного после 12 мин аэробной нагрузки к должному, нами наблюдалось преобладание величин боксеров на 26,6% над контрольными значениями.

Аналогичные величины волейболистов превышали результаты контроля, но не были отмечены достоверно значимыми различиями (табл. 1, 2).

Таблица 1

Показатели аэробной выносливости у начинающих спортсменов после выполнения 12-минутного теста Купера X±m

Показатель	Начинающие боксеры (n = 20)		Начинающие волейболисты (n = 20)	
	Эксперимент	Контроль	Эксперимент	Контроль
МПК _{12 мин} , мл/мин/кг	53±4,21*	41,9±3,31	46,9±3,74	41,9±3,31
ДМПК, мл/мин/кг	47,4±1,41	47,4±1,23	47,4±1,33	47,4±1,23
ДМПК, %	111,8±3,44*	88,3±4,13	98,9±4,02	88,3±4,13
Расстояние, м	2890±63,1*	2388±71,3	2615,5±84,12	2388±71,3

* Сравнение полученных данных с соответствующими значениями у контрольной группы спортсменов, P < 0,05.

Таблица 2

Показатели функции равновесия у начинающих спортсменов X±m

Вид спорта	Время удержания статического равновесия, с			
	Начинающие боксеры (n = 20)		Начинающие волейболисты (n = 20)	
	Эксперимент	Контроль	Эксперимент	Контроль
	7,3±1,02*#	3,2±0,32	4,4±0,21 *	3,2±0,32

* Сравнение полученных данных с соответствующими значениями у контрольной группы спортсменов, P < 0,05.

Сравнение полученных данных экспериментальной подгруппы № 1 относительно экспериментальной подгруппы № 2, P < 0,05.

Вышесказанное свидетельствует о том, что начинающие волейболисты не обладают необходимыми скоростно-силовыми возможностями, что качественно сказывается на величинах аэробной выносливости. На наш взгляд, это происходит вследствие того, что начинающие волейболисты не получают должной функциональной нагрузки, исходя из групповой специфики вида спорта, где атакующие спортсмены занимают определенную позицию. В то же время атакующие действия в волейболе имеют значительный временной интервал, так как осуществляются после защитных действий, выполняемых спортсменами после приема мяча. Наоборот, начинающие боксеры получают адекватный уровень функциональной нагрузки, исходящий из специфики единоборств. Спортсменам приходится выполнять атакующие и защитные действия, постоянно перемещаясь по площадке боксерского ринга. Учитывая значительное количество ударных действий, выполняемых боксерами за поединок, можно предположить, что данный факт положительно сказывается на показателях специфической выносливости, что качественно отражается на величинах аэробной выносливости спортсменов данной спортивной квалификации.

При сравнении показателей, отражающих статическое равновесие, нами были отмечены следующие факты. Величины начинающих боксеров, зафиксиро-

ванные в пробе Ромберга, на 128,1% превосходили значения контроля, на 65,9% превысив величины спортсменов-волейболистов. Величины спортсменов, занимающихся волейболом, на 37,5% были выше значений группы контроля.

Таким образом, нами было сделано предположение, что специфика соревновательной деятельности в общем объеме и специфика выполнения ударных действий в частности обеспечивают начинающих боксеров оптимальными величинами динамического равновесия, что качественно сказывается на результатах, отражающих функцию статического равновесия в пробе Ромберга. Значения начинающих волейболистов, наоборот, не обеспечивают спортсменов устойчивостью в позе Журавля. При специфике ударных движений в волейболе не происходит переноса тренированности динамического равновесия у волейболистов, либо это происходит в минимальных величинах.

Выводы:

1. Средства, направленные на развитие функциональных возможностей у начинающих волейболистов, являются недостаточными и требуют увеличения и существенной коррекции.

2. Ударные движения, имеющие различную двигательную специфику, разнонаправленно влияют на функциональное развитие организма, о чем свидетельствуют различные физиологические индикаторы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хусяйнов З.М. Биодинамика ударных движений в боксе : метод. рекомендации. М. : Изд-во МГПУ им. Н.Э. Баумана, 1990. 24 с.
2. Санников В.А., Воропаев В.В. Теория и методика бокса : учеб. пособие. М. : Физ. культура, 2006. 272 с.
3. Ширяев А.Г., Филимонов В.И. Бокс и кикбоксинг. М. : Академия, 2007. 256 с.
4. Кулиев О.А. Устойчивость тела боксера и кинематика движений при нанесении двух ударной серии в ближнем бою // Теория и практика физической культуры. 1978. № 10. С. 9–11.
5. Железняк Ю.Д. Волейбол : учеб. М. : Физкультура и спорт, 1991. 239 с.
6. Волейбол : учебник / под ред. А.В. Беляева, М.В. Савина. М. : Физкультура, образование, наука, 2000. 368 с.
7. Колесник И.С. Управление развитием ведущих двигательных координаций в боксе. М. : Теория и практика физ. культуры, 2005. 173 с.
8. Макарова Г.А. Спортивная медицина : учеб. М. : Сов. спорт, 2004. 480 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 11 апреля 2015 г.

INFLUENCE OF BIOMECHANICAL CHARACTERISTICS OF HITTING ON THE BALANCE FUNCTION QUALITY AND AEROBIC CAPACITY OF BEGINNING ATHLETES

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 208–210. DOI: 10.17223/15617793/396/36

Krupitskaya Olga N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Olgakrupickaya@mail.ru

Kapilevich Leonid V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kapil@yandex.ru

Loson Elena V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: evl@sibmail.com

Neupokoev Sergey N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: repaov@mail.ru

Pavlov Nikolay Z. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sportqasu@yandex.ru

Keywords: boxing; volleyball; static balance; maximal oxygen consumption (VO₂ max); beginning athlete; aerobic capacity; sports training.

In the analysis of the scientific and methodological literature on boxing, it was noted that during the improvement of hitting, one of the main factors of coordination abilities is the completion of a movement in a particular position. An optimal, adequately indicated position of parts of the body in the final phase of a punch must be strictly observed in terms of its biomechanical characteristics. In the study of literature the authors highlighted that hits in volleyball are not connected with the strictly regulated position of the legs and body after attacking hits. The hit in volleyball is made separately from the point of support in most cases. Referring to the opinion of some researchers, the authors noted that the different specificity of hitting involves the use of various forms of motor-coordination capabilities improvement of beginning athletes who practice sport games and martial arts. Comparing the covered distance in 12 minutes of cross-country running, the authors recorded the prevalence of beginning boxers and volleyball players, the results of the boxers were 21 % better than the control values, but there were no similar results with the volleyball players. In the study of aerobic capacity, the authors observed the following facts. When comparing the values of VO₂ max for 12 min., the results of the boxers were 26.5 % better than the control values. The beginning volleyball players showed no reliable significant differences with the control values. Considering the fact that the athletes of all the experimental groups were aged 18–19, the value of an adequate VO₂ max in all the test groups were equivalent. Comparing the percentage of actual VO₂ max after 12 min. of aerobic exercise to the adequate VO₂ max, the authors noted the results of the boxers were 26.6 % better than the control values. Similar values of the volleyball players exceeded the control results, yet there were no reliable significant differences with the control values. All of the above suggests that the beginning volleyball players do not have the necessary speed and power capabilities that qualitatively affect the values of aerobic capacity. Comparing the indicators that reflect the static balance, the authors noted the following facts. The beginning boxers' values in Romberg's Test were 128.1 % higher than the control values, 65.9 % higher than the values of the volleyball players. The values of the volleyball players were 37.5 % higher than the control values. Thus, the authors have made an assumption that the specificity of the competitive activity in the total and the specificity of hitting in particular provide the beginning boxers with an optimal value of dynamic balance, which qualitatively affects the results that reflect the function of static balance in Romberg's Test. Values of the beginning volleyball players, on the contrary, do not provide stability in the Crow pose (Bakasana). Conclusions. 1. The resources aimed at developing functional abilities of the beginning volleyball players are not enough; they require substantial correction and must be increased. 2. Hitting actions with different motor specificity affect the functional development of the organism in different directions, as evidenced from a variety of physiological indicators.

REFERENCES

1. Khusayynov, Z.M. (1990) *Biodinamika udarnykh dvizheniy v bokse: metodicheskie rekomendatsii* [Biodynamics of punches in boxing: methodological recommendations]. Moscow: Moscow State Pedagogical University n.a. N.E. Bauman.
2. Sannikov, V.A. & Voropaev V.V. (2006) *Teoriya i metodika boksa* [Theory and Methods of Boxing]. Moscow: Fizicheskaya kul'tura.
3. Shiryaev, A.G. & Filimonov, V.I. (2007) *Boks i kikkboxing* [Boxing and Kickboxing]. Moscow: Akademiya.
4. Kuliev, O.A. (1978) Ustoychivost' tela boksera i kinematika dvizheniy pri nanesenii dvukh udarnoy serii v blizhnem boyu [Resistance of a boxer's body and kinematics of movements in a double punch in close fight]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 10. pp. 9–11.
5. Zheleznyak, Yu.D. (1991) *Voleybol* [Volleyball]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
6. Belyaev, A.V. & Savin, M.V. (eds.) (2000) *Voleybol* [Volleyball]. Moscow: Fizkul'tura, obrazovanie, nauka.
7. Kolesnik, I.S. (2005) *Upravlenie razvitiem vedushchikh dvigatel'nykh koordinatsiy v bokse* [Managing the development of leading motor coordination in boxing]. Moscow: Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury.
8. Makarova, G.A. (2004) *Sportivnaya meditsina* [Sports Medicine]. Moscow: Sovetskiy sport.

Received: 11 April 2015

ЗНАЧЕНИЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ В ВУЗЕ

Статья основана на концепции творческого саморазвития академика В.И. Андреева (Казанская научная школа). Описана готовность студентов к овладению навыками самостоятельной работы и к самообразовательной деятельности, рассмотрены этапы формирования творческой самостоятельности студентов, мотивация к деятельности, ее функции и критерии, представлены преимущества и недостатки использования информационно-коммуникативных технологий в процессе обучения, показано значение творческого саморазвития личности преподавателя.

Ключевые слова: самореализация; самообразование; самостоятельная деятельность; самостоятельная работа; мотивация; творческое развитие личности; информационно-коммуникативные технологии; образовательное пространство; интерактивная образовательная среда.

В настоящее время в первую очередь востребован специалист мыслящий, знающий, способный самостоятельно не только приобретать, но и применять полученные знания. Подготовка именно таких специалистов и является первоочередной задачей высшей школы. Для решения данной задачи постоянно осуществляется поиск форм, методов и средств обучения, которые предоставляют широкие возможности саморазвития и самореализации личности. Соответственно, актуальным становится овладение студентами навыками самостоятельной работы, готовность к самообразовательной деятельности. Важно, чтобы студенты, приобретая в период обучения новые знания и способы их получения, понимали, что только знания, полученные в результате собственной познавательной активности, могут считаться подлинным достоянием личности [1].

Важнейшим компонентом современной системы подготовки в вузе является самообразовательная деятельность студентов. Знание и понимание законов творческого саморазвития человека для самосовершенствования трудно переоценить. В понятиях современной педагогики были сформулированы базовые законы творческого саморазвития личности (учащихся, студентов, педагогов) в условиях субъектно-ориентированного образования:

1. Закон системной взаимосвязи элементов (базовых компонентов) творческого саморазвития личности. Суть этого закона: если один из базовых элементов творческого саморазвития личности начинает активно развиваться, это оказывает позитивное влияние на развитие всех остальных элементов «самости». Например, если повышается эффективность самоуправления личности в различных ситуациях учебно-исследовательской деятельности, то это с неизбежностью влияет на творческую самореализацию и другие элементы «самости» учащегося, студента.

2. Закон эффективности самоактуализации целей, задач и проблем для творческого саморазвития личности. Чем более самостоятельно личность актуализирует соответствующие ее силам и способностям цели, задачи и проблемы и добивается их решения, тем выше ее эффективность в творческом саморазвитии. Следует заметить, что закон эффективности самоактуализации целей, задач и проблем для творческого саморазвития личности был обоснован и сфор-

мулирован не только с опорой на наши собственные исследования, но он вытекает и, по крайней мере, не противоречит результатам исследований Абрахама Маслоу, содержательно раскрытых в его монографии «Мотивация и личность».

3. Закон эффективности самопознания для творческого саморазвития личности. Чем более глубоко и всесторонне личность познает себя и учитывает в своей жизнедеятельности свои сильные и слабые качества, в том числе и в образовательной деятельности, тем большей эффективности личность достигает в своем творческом саморазвитии. Роль и значение самопознания личности для творческого саморазвития исключительно важны и эффективны для любой деятельности, в том числе и в образовательной.

4. Закон эффективности самоопределения для творческого саморазвития личности. Чем более самостоятельно, мотивированно и осознанно осуществляется личностное и профессиональное самоопределение в различных ситуациях жизнедеятельности, в том числе в образовательной деятельности личности, тем большая эффективность достигается в ее творческом саморазвитии. Исключительно велика роль самоопределения не только на стадии выбора профессии, но и в самом процессе вузовского образования.

5. Закон эффективности самомотивации в различных ситуациях образовательной деятельности личности для ее творческого саморазвития. Чем чаще возникает и ярче проявляется самомотивация, направленная на достижение успеха в условиях глубоко осознанной, лично значимой и приоритетной цели в процессе решения все более сложных задач и проблем, в различных ситуациях жизнедеятельности, в том числе и в образовательной деятельности, тем выше эффективность творческого саморазвития личности. Для стимулирования и самомотивации учащихся и студентов в образовательной деятельности очень эффективна методика коучинга.

6. Закон самоусложнения целей, задач и проблем для творческого саморазвития личности. Когда учащийся, студент систематически в различных ситуациях жизнедеятельности, в том числе и в образовательной деятельности, разумно и оптимально, с учетом своих сил и способностей усложняет себе цели, задачи и проблемы и при этом добивается успеха в их решении, это создает благоприятные условия для его

творческого саморазвития. Суть этой закономерности заключается в том, что самоусложнение целей, задач и проблем создает необходимое эмоциональное и интеллектуальное напряжение сил и творческих способностей учащихся, студентов, что позволяет вывести их познавательную и разнообразную творческую деятельность в зону ближайшего творческого саморазвития личности.

7. Закон эффективности овладения приемами и методами самоуправления для творческого саморазвития личности. Чем более целенаправленно учащийся, студент овладевает и систематически совершенствует применение разнообразных приемов и методов самоуправления в различных ситуациях жизнедеятельности, в том числе и в образовательной деятельности, тем большей эффективности он достигает в своем творческом саморазвитии.

8. Закон эффективности самосовершенствования своих личностных и профессиональных качеств для творческого саморазвития личности. Чем более целенаправленно и осознанно личность опирается на свои сильные качества и совершенствует слабые качества в различных ситуациях жизнедеятельности, в том числе и в образовательной деятельности, тем большая эффективность достигается в ее творческом саморазвитии.

9. Закон эффективности периодической мобилизации и релаксации для творческого саморазвития личности. Если в решении особо сложных и трудных задач и проблем периодически используются приемы и методы мобилизации и релаксации, это приводит к повышению эффективности творческого саморазвития личности.

10. Закон эффективности резонанса внутренних сил и способностей с внешними условиями для творческого саморазвития личности. Чем чаще достигается своеобразный резонанс между внутренними силами, способностями и личностными качествами, с одной стороны, и внешними условиями, требованиями, трудностями и сложностями творческой задачи – проблемы, с другой стороны, тем выше эффективность творческого саморазвития личности.

11. Закон эффективности влияния неравномерности развития интуитивного и логического, эмоционального и рационального и других качеств и способностей для творческого саморазвития личности. Чем более проявляется, а главное учитывается в различных ситуациях жизнедеятельности, в решении творческих задач и проблем неравномерность развития интуитивного и логического мышления, эмоционального и рационального и других качеств и способностей, тем большая эффективность достигается для творческого саморазвития личности.

12. Закон эффективности сотрудничества и сотворчества для творческого саморазвития личности. Чем большая продуктивность достигается в процессе сотрудничества и сотворчества, как с отдельной личностью, так и в групповой учебной, профессиональной, разнообразной творческой деятельности, тем в большей степени это способствует повышению эффективности творческого саморазвития личности в образовательной деятельности.

13. Закон эффективности конкуренции и самоконкуренции для творческого саморазвития личности. Чем большая результативность достигается в процессе конкуренции и самоконкуренции (в стремлении превзойти свой прежний результат), в различных ситуациях соревновательной деятельности, в том числе и в образовательной деятельности личности, тем большая эффективность достигается в ее творческом саморазвитии.

14. Закон фазового перехода образования в самообразование, воспитания в самовоспитание, развития – в творческое саморазвитие личности. Образование в том случае достигает гарантированного качества, если образование переходит в самообразование, воспитание в самовоспитание, а развитие – в творческое саморазвитие личности [2].

Подчеркнем, что сформулированный выше закон не отвечает в деталях на вопрос, как осуществить фазовый переход от образования к самообразованию, от воспитания к самовоспитанию, от развития к творческому саморазвитию личности. Этот закон лишь указывает на то, что фазовый переход – это одновременно и цель, и наиважнейшее педагогическое условие гарантированности качества образования. Таким образом, педагог-мастер отличается от неэффективного педагога тем, что создает такие условия, которые оказывают стимулирующее действие для перехода обучения в самообучение, воспитания – в самовоспитание, развития – в творческое саморазвитие личности.

В современных условиях жизни актуальным становится развитие такой личности, которая способна к самоорганизации, самосознанию, самореализации и самоконтролю. Проблема самореализации студентов вуза сегодня приобретает особенно актуальное звучание. В центре внимания находится личность обучающегося, его индивидуальность, его возможности самовыражения и саморазвития. Усиление внимания к проблеме самореализации сопряжено с пониманием ее определяющей роли в развитии личности, что диктует необходимость создания условий, позволяющих студенту раскрыть и реализовать внутренний потенциал. Процесс самореализации индивидуален и может осуществляться различными путями и в разных сферах деятельности, однако именно учебная деятельность играет значительную роль в жизни студента и служит важной сферой его самовыражения. С точки зрения психологов и педагогов, внутренней причиной разочарований, неудач в учебе зачастую служит отсутствие возможности для самореализации студентов. Изучение современной практики обучения позволило выявить ряд противоречий между требованиями к современному образованию, где в центре внимания находится личность, и направленностью процесса обучения на освоение обучающимися определенной суммы знаний; потребностью в самостоятельной творческой деятельности и преобладанием репродуктивных методов обучения; осознанием важности и необходимости процессов саморазвития и самореализации со стороны студентов и педагогов и отсутствием в практике необходимых для них педагогических условий; необходимостью использования активных

форм работы, способствующих развитию творчества и их самореализации.

При анализе литературы по педагогике можно встретить ряд понятий, используемых для обозначения близких по значению явлений, таких как самостоятельная работа, самостоятельная деятельность, самообразовательная деятельность, самовоспитание, самообразование, самоорганизация.

Наиболее часто встречается термин «самостоятельная работа». Определения, представленные в литературе, следующие:

– работа, выполняемая по заданию преподавателя в указанные сроки, но без его участия (Б.П. Есипов);

– деятельность обучающихся по усвоению информации без посторонней помощи, способность рефлексии и трансформации усвоенного материала (Ю.Г. Юшко);

– деятельность личности, которая выступает категорией и психологии, и педагогики (Т.Д. Речкина);

– учение, определяемое способностью учащихся ставить перед собой задачи, осуществлять их и рефлексировать (Е.В. Змиевская);

– определенная обязательность, стимулируемая преподавателем (Л.И. Наумченко, О.А. Зуева);

– целенаправленная, внутренне мотивированная и корригируемая деятельность личности (И.А. Зимняя);

– деятельность обучаемого, направленная на применение опыта и знаний для решения новых задач (О.А. Карамина);

– средство закрепления изученного материала (К.Н. Корнилов, А.Г. Ковалев);

– разнообразная индивидуальная и коллективная деятельность учащихся, выполняемая как на занятии, так и дома (А.Д. Климентенко, А.А. Миролюбов) [3].

Проанализировав этот ряд определений, можно отметить, что понятие «самостоятельная работа» соотносится с понятием «самостоятельная деятельность», они рассматриваются как синонимичные и, соответственно, составляют базовый этап в формировании творческой самостоятельности студентов.

Первый этап обучения в вузе направлен на развитие техник изучения учебного материала. Работа с учебно-методической и научной литературой, умение составлять план, конспектировать полученные знания, строить структурно-логические темы – основные составляющие данного этапа. Навыки самоконтроля и взаимоконтроля, полученные на данном этапе, формируют минимальную познавательную самостоятельность.

Второй этап предполагает овладение методикой изучения профилирующих предметов. Это дает возможность целенаправленно сформировать методические знания и умения студентов. Данный этап позволяет студентам достигнуть уровня познавательной самостоятельности.

На третьем этапе достигается такой уровень самостоятельности, когда лишь в исключительных случаях студенты обращаются за помощью к преподавателю, т.е. данный этап позволяет добиться полной познавательной самостоятельности [4].

Самообразование способствует развитию интеллектуальной, волевой, эмоциональной сферы и других качеств личности, т.е. выступает средством самосовершенствования молодого человека. Создание необходимого образовательного пространства для реализации самообразовательной деятельности будущего обучающегося является важнейшей задачей высшей школы.

В работе И.В. Ребро [5] выделяются три вида организации самостоятельной работы студентов. Первый вид – традиционный. Он позволяет закрепить и осознать знания и умения, полученные в ходе лекционных и практических занятий. Работа выполняется к определенному заранее времени самостоятельно студентом. Также данный вид получил название «домашняя самостоятельная работа студентов». Целью такой работы выступает самостоятельное рассмотрение изучаемого материала для более глубокого запоминания. К ней относят подготовку к занятиям, выполнение рефератов, докладов и курсовых работ.

Второй вид – аудиторный. Он позволяет преподавателю контролировать уровень осознанности изучаемого материала в назначенное время и в определенном месте. Аудиторный вид – контролирующей самостоятельную работу студентов. Цель – более основательное рассмотрение изученного материала. К ним относятся зачеты, экзамены, коллоквиумы и консультации.

Третий вид – индивидуальный. Он предполагает использование поисковых и исследовательских способностей студента. Другое название этого вида работы – исследовательская самостоятельная работа. Цель – развитие поисковой и исследовательской деятельности, формирование способности к самообразованию и самореализации. К данному виду работы относят рассмотрение материала, выходящего за рамки образовательного стандарта, представление результатов работы на лекции или конференции [5].

В университетском образовании существует тенденция к созданию условий для автономной самостоятельной деятельности студентов, когда преподаватель выступает не как компонент подготовки, а как одна из форм обучения студентов, зачастую ориентируясь лишь на выполнение студентами отдельных самостоятельных заданий [6]. Таким образом самостоятельная работа заменяется эпизодической самостоятельной деятельностью. Преподавателю целесообразно не только качественно передать студентам знания и умения по учебной дисциплине, но и систематически развивать готовность к самообразованию у будущих специалистов. Отсюда возникает необходимость обучения студентов основам научной организации умственного труда, планирования, организации и контроля самообразовательной деятельности.

Одним из многообразных средств, которые позволяют стимулировать интерес студентов к самообразованию, выступает интеграция аудиторной и внеаудиторной деятельности [7]. Она дает возможность расширить и углубить содержание, формы и методы учебной деятельности, сохранить ядро учебных занятий, а также заниматься научной работой и самообразованием вне вуза.

Аудиторные виды деятельности – это лекционные и семинарские занятия и часть практических занятий. Внеаудиторная деятельность представляет собой практические занятия, а также различные виды практик (производственные, педагогические и т.д.). Отдельно рассматриваются научно-исследовательская деятельность и различные виды самостоятельных творческих занятий. Особое место в интеграции аудиторной и внеаудиторной деятельности занимают авторские курсы преподавателей, которые позволяют студентам получить новейшие знания в изучаемых областях науки [8].

Систематическое консультирование преподавателем студентов позволяет обеспечить будущих специалистов реальными знаниями и методами работы в библиотеках, в интернет-пространстве. Интегрирование образовательной деятельности с самообразовательной дает возможность студенту вне стен вуза не только заниматься самообразованием, но и применять и оценивать его результаты в практической деятельности [9].

С точки зрения И.В. Ребро, можно выделить следующие функции мотивации, направленной на самостоятельную деятельность студентов:

1. Побуждающая. Потребности, мотивы и интересы вызывают необходимость в реализации себя, что в свою очередь пробуждает эту функцию. Она представляет собой основу деятельности и создает мотивационное содержание личности. Побуждение возникает из внутренних импульсов личности или под воздействием внешней среды. Внешние побуждения отражаются на внутренних посредством осмысления и анализа личностных потребностей. Побуждение может возникнуть из-за любопытства, познавательного интереса, реакции на новизну, возможности реализовать способности и т.д.

2. Стимулирующая. Поддержка и продолжение побуждения к реализации потребностей, мотивов и интересов формируют данную функцию. Основу составляет стимул, т.е. внешнее воздействие на личность, которое активизирует его мотивационную сферу, а через нее и определенную деятельность [10]. Назначение этой функции – образование и поддержка нового побуждения к деятельности до достижения определенной цели, самореализации.

3. Контролирующая. Осуществление контроля и оценка соответствия предстоящей деятельности и возможностей для реализации личностных потребностей, контроль процесса самостоятельной работы, возможное изменение направленности деятельности составляют данную функцию. Контроль в первую очередь осуществляется самой личностью либо под воздействием внешних факторов [5].

Компонентами успешной образовательной деятельности выступают:

- поэтапное движение к достижению поставленных целей, контроль и оценка каждого этапа;
- совершенствование образовательной среды;
- создание индивидуальной образовательной траектории студента в рамках общей образовательной среды [11].

И.В. Ребро с учетом особенностей мотивационной сферы в юношеском периоде выделяет следующие

критерии мотивации самостоятельной деятельности студентов (под критерием понимается признак, на основе которого производится оценка, определение или классификация чего-нибудь (от греч. *kriterion* – средство для суждения) [12]):

- стремление к самоопределению (желание определить и критически оценить свои способности, возможности, отношения через призму своих убеждений);
- стремление в самостоятельной деятельности (желание осуществлять деятельность без посторонней помощи, чтобы самому оценить свои знания и умения при достижении поставленной цели, утвердиться в своих возможностях и способностях);
- стремление к свободе выбора пути достижения цели (желание проявить свои убеждения и способности без помощи и давления извне и готовность нести ответственность за свои действия);
- стремление к творческой деятельности (желание проявить, показать свой неповторимый, оригинальный способ деятельности или нестандартное, отличное от других суждение);
- стремление к состязательности (желание утвердиться и показать другим свои способности, возможности, знания и умения).

Выделенные критерии мотивации являются взаимосвязанными и могут проявляться одновременно, но не обязательно все сразу, в зависимости от мотива, цели. Стремление рассматривается как динамическое свойство всего процесса формирования мотивации [5].

Усиление рефлексивной составляющей – еще одна из целей, которую преследует организация учебного процесса. Студенты испытывают удовлетворение от созерцания результатов собственного творческого опыта, подтверждения собственной «состоятельности». Данный факт может служить мотивом к самообучению.

Рефлексия личностно-ориентированного обучения помогает не только закрепить навыки и по-настоящему понять механизмы и проблемы проделанной работы, но также и спроектировать свою будущую деятельность. А.В. Хуторский [13] рекомендует методику организации рефлексии учащихся, которая включает следующие этапы.

1. Остановка предметной (математической, физической, художественной, спортивной и иной) деятельности для анализа предшествующей деятельности.
2. Восстановление последовательности выполненных действий.
3. Изучение последовательности действий с точки зрения ее эффективности, продуктивности, соответствия поставленным задачам.
4. Выявление и формулирование результатов рефлексии, оценка способов их достижения, выдвижение гипотез по отношению к будущей деятельности.
5. Проверка гипотез в последующей предметной деятельности [14].

Развитию образовательного процесса способствует применение информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Их использование позволяет повысить интерес к дисциплине, углубить знания и мотивировать

к обучению. Объединение в одном электронном образовательном продукте красочных изображений технологических процессов, готовых образцов и сопровождение их текстовой информацией и музыкальными фрагментами оказывает эмоциональное воздействие и даёт возможность студентам получать знания в области технологий как современных, так и традиционных [15]. Новые технологии обучения на основе использования ИКТ позволяют интенсифицировать процесс образования, увеличить скорость восприятия, понимания и глубины усвоения новых знаний студентами.

Сегодня с помощью компьютера в рамках учебного процесса можно создавать целостную обучающую среду. Использование мультимедиа позволяет усилить наглядность изучаемого материала, сформировать красочный, объемный образ, активизировать креативный подход к обучению, сочетать разнообразные средства обучения, насытить занятие информацией [16]. Интеллектуальные обучающие системы адаптируются к знаниям и особенностям студента, помогают выбрать оптимальное учебное воздействие, сформировать подходящий процесс обучения, определить ошибки студента. Для создания такой системы широко используются система мультимедиа, гипертексты, программы деловых игр. Также становится весьма популярной новая технология информационного взаимодействия – виртуальная реальность. Она дает возможность реализовать иллюзию присутствия в «экранном мире». Гипертексты и мультимедиа позволяют преподавателю:

- идентифицировать проблему обучения или ограничить область информационных потребностей студента;
- отобрать из гипертекста подмножество конкретных узлов, содержание которых соответствует информационным потребностям студента либо является полезным при поиске решения какой-либо задачи;
- во множестве узлов выделить основные и вспомогательные, детализирующие несколько уровней, и решать проблему их оформления;
- снабдить отобранные узлы необходимыми связями, отсекая ненужные в данном контексте [17].

В то же время средства мультимедиа имеют некоторые недостатки. Применение и создание средств мультимедиа в настоящее время не имеют единой методологии. С одной стороны, данный аспект помогает развитию креативности. С другой стороны, требуется выполнить огромную работу, чтобы определить, как наилучшим образом организовать учебный процесс при взаимодействии с большой информационной системой [18].

Создание средств мультимедиа требует много времени. Грамотное использование готовых мультимедийных разработок также является проблемой для многих преподавателей. Некоторые обучаемые, а также и преподаватели, особенно в зрелом возрасте, не имеют навыков работы с различными средствами мультимедиа [19].

Обилие материала может вызвать рассеивание внимания: не все обладают умением сконцентрировать внимание на главном. Материал, основанный на гипертексте, способен увести обучаемого от нужного поис-

ка, отвлечь внимание на ссылочные материалы. Часто представление материалы бывает запутанным и сложным, что может сочетаться с низким уровнем интерактивного взаимодействия пользователя с программой.

Одной из проблем обучения с использованием средств мультимедиа является отсутствие необходимых аппаратных и программных ресурсов. Мультимедийные средства обучения предъявляют с каждым последующим шагом в своем развитии все более высокие требования к качеству используемых ИКТ [18].

Информатизация образования изменила роль преподавателя. Он уже не единственный источник знания. Преподаватель становится помощником в образовательном процессе. Ему необходимо разрабатывать индивидуальные стратегии обучения, которые позволяют обучающемуся выступать активным участником учебного процесса. Таким образом, одной из важнейших проблем становится подготовка педагогических кадров, готовых к работе с эффективным использованием мультимедийных средств обучения. Пока что чаще всего мультимедиа используется как простое переложение с помощью компьютерных средств стандартной программы обучения.

Педагог отвечает за содержание, организацию и направление процесса формирования творческой личности студентов. Таким образом, профессиональными характеристиками педагога становятся готовность к созданию, развитию и реализации собственного творческого потенциала. Преподаватель должен обладать креативными и инновационными компетентностями, обеспечивающими нестандартное мышление, адаптацию к изменениям средств, методов и условий деятельности [20]. Творческое самосовершенствование и саморазвитие педагога в процессе профессиональной деятельности делают его профессию актуальной в новых условиях развития общества. Творческое саморазвитие личности – это особый вид творческой деятельности субъект-субъектной ориентации, направленной на интенсификацию и повышение эффективности «самости», т.е. самопроцессов и самоспособностей, среди которых системообразующими являются самопознание, самоопределение, самоуправление, самосовершенствование и творческая самореализация личности [21]. Анализ педагогической практики высшей школы позволяет выявить ряд причин, препятствующих профессиональному становлению педагога как саморазвивающейся творческой личности:

- ориентация педагога на репродуктивные методы обучения;
- несформированность навыков творческого саморазвития и самореализации в научно-образовательной деятельности;
- отсутствие в вузах необходимой среды и системы стимулирования непрерывного повышения уровня творческого развития научно-педагогических кадров;
- активизация процесса стандартизации образовательной деятельности вузов в связи с введением системы менеджмента качества подготовки специалистов и обязательной ориентацией на образовательные стандарты, зачастую несовершенные в части требова-

ний к компетенциям обучающегося и предполагающие доминанту воспроизводящей деятельности преподавателя, деятельности по шаблону, стандартному набору правил и требований.

Важнейшей составляющей творческого саморазвития являются способности человека к творческой деятельности, т.е. творческие способности, которые формируются постепенно, в процессе деятельности, характеризуются как сложные общие способности личности и включают в себя «память; гибкое мышление; творческое воображение и интуицию; способность быстро схватывать суть проблемной ситуации, выдвигать проблему, видеть взаимосвязи, присущие проблеме; способность обнаружить возможность реорганизовать элементы деятельности для нового функционирования, для решения новых проблем; способность ясно видеть несколько способов решения проблемы и выбрать из них наиболее рациональный; способность распознавать, перегруппировывать, изолировать и комбинировать элементы деятельности и распределять их в последовательности; способность к быстрому и широкому обобщению объектов, отношений, действий; способность выдвигать новые гипотезы решения проблемы и видеть альтернативу известному способу решения творческой задачи; способность видеть новые функции объекта; способность действовать в “уме”» [22] и др.

Структура творческих способностей предопределяет вывод, что профессиональный рост педагога зависит не только от психолого-педагогической осведомленности о творческом процессе, от усвоения неких эталонов, стандартов как основы воспроизводящей деятельности, а от мобильности и гибкости мышления при принятии оптимальных творческих решений в условиях многогранного педагогического процесса. Педагог, решая бесчисленные образовательные задачи, работает в постоянно меняющихся обстоятельствах, требующих поиска и реализации нестандартных подходов, опосредованных особенностями «объективно-субъективного созидания» в процессе педагогического взаимодействия со студентами [23].

Личностно-процессуальные аспекты творчества предполагают также наличие у личности и определенных качеств: соответствующего уровня интеллекта, притязаний и смыслов, творческой направленности, ее ориентации на саморазвитие, которая выражается в выборе преимущественно продуктивных средств и методов разных видов деятельности, осуществлении рефлексии в процессе деятельности, развитии способности к самоуправлению. В эмоционально-волевой сфере личности становятся важными способность концентрировать творческие усилия, упорство, смелость и независимость суждений, импровизационность, диалектичность, интегративность, мобильность, оригинальность, продуктивность, конструктивность, склонность к разумному риску и игре, оптимизм, юмор, достаточно высокий уровень самооценки личности, позитивное в целом самовосприятие и другие.

Таким образом, тенденции высшего профессионального образования, формирующие необходимые условия для воспитания личности, создающей будущее: ориентация вузов на создание развивающей образовательной среды; изменение целевой ориентации системы профессионального образования на формирование компетенций; переход от массовых, коллективных форм обучения студентов к индивидуальным, к развитию творческих способностей на основе самообразования, саморазвития, самосовершенствования; выдвигание в качестве приоритетной гуманистической направленности современного профессионального образования; обращение к научным стратегиям креативной психологии и инновационной педагогики. Отметим, что если большинство из сформулированных законов творческого саморазвития личности целенаправленно и систематически применять в субъектно-ориентированном образовательном процессе, то удастся достигнуть устойчиво высокой эффективности творческого саморазвития личности, с тем чтобы в результате образования она состоялась именно как творчески саморазвивающаяся личность. А творчески саморазвивающаяся личность – это, несомненно, одна из приоритетных целей гарантированного качества образования XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайруллина Э.Р. Системная ориентация проектно-творческой деятельности на саморазвитие конкурентоспособности студентов инженеров-технологов : дис. ... д-ра пед. наук Казань, 2007. 420 с.
2. Андреев В.И. Законы творческого саморазвития как основания концепции субъектно-ориентированного образования // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16, № 16. С. 13–16.
3. Ларченко Н.В., Тарановская Е.А. Самообразовательная деятельность студента как средство развития познавательной самостоятельности // V Международная научно-техническая конференция «Информационные технологии в науке, образовании и производстве». Орел, 2012. С. 1660–1663.
4. Вяткина И.В. Основные направления формирования творческой компетентности студентов в современном техническом вузе // Вестник Казанского технологического университета. 2008. № 1. С. 170–174.
5. Ребро И.В. Мотивирование самостоятельной деятельности студентов как один из важнейших приоритетов при организации самостоятельной работы // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2009. № 6. С. 133–135.
6. Хайруллина Э.Р. Интеграция личностно-ориентированного и акмеологического подходов с ориентацией студентов на саморазвитие конкурентоспособности // Педагогическое образование и наука. 2007. № 6. С. 18–23.
7. Вяткина И.В. Роль интеграции учебной и внеаудиторной деятельности в профессиональном воспитании студентов в техническом вузе // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 3. С. 261–268.
8. Хайруллина Э.Р., Низамудинова Г.Ф., Вяткина И.В. Дополнительная профессиональная подготовка бакалавров по направлению «Туризм» в области информационных технологий. Казань : ООО «Центр инновационных технологий», 2014. 188 с.
9. Sakhiyeva R.S., Khairullina E.R., Khisamiyeva L.G., Valeyeva N.S., Masalimova A.R., Zakirova V.G. Designing a structure of the modular competence based curriculum and technologies for its implementation into higher vocational institutions // Asian Social Science. 2014. Vol. 11, № 2. P. 246–251.
10. Психолого-педагогический словарь для учителей и руководителей общеобразовательных учреждений. Ростов н/Д : Феникс, 1998.

11. Третьяков Д.В. Информационные технологии как инструмент развития самообразовательной деятельности студентов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 15, № 39. С. 365–368.
12. Большая Советская энциклопедия. М., 1973. Т. 3.
13. Хуторский А.В. Современная дидактика. СПб. : Питер, 2001.
14. Тарбокова Т.В. Технология активизации самостоятельной познавательной деятельности студентов в процессе их математической подготовки // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 136. С. 117–124.
15. Вяткина И.В., Курзякова А.А. Влияние интерактивной образовательной среды на интенсивность учебного процесса на уроках «Технология» // Педагогика, психология и обществознание – 2014 : сб. стат. междунар. науч.-техн. конф. Брянск, 2014. С. 15–19.
16. Курзякова А.А. Преимущества применения информационно-коммуникативных технологий в современной методике обучения // Актуальные вопросы образования и науки : сб. стат. междунар. науч.-практ. конф. Тамбов, 2014. Ч. 10. С. 115–116.
17. Корвяков В.А. Информационные технологии в развитии умений самообразовательной деятельности студентов // Научные исследования в образовании. 2008. № 4.
18. Курзякова А.А. К вопросу о проблеме использования мультимедиа в образовательном процессе // Современное состояние и перспективы развития психологии и педагогики : сб. стат. междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2014. С. 80–82.
19. Колобаева Н.А., Вяткина И.В., Гарифуллина Н.К., Хайруллина Э.Р. Информационно-коммуникативные технологии как способ интенсификации образовательного процесса бакалавров в технологическом университете // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17, № 11. С. 224–228.
20. Khairullina E.R., Valeev A.S., Valeeva G.K., Valeeva N.S., Leifa A.V., Burdukovskaya E.A., Shaidullina A.R. Features of the programs applied bachelor degree in secondary and higher vocational education // Asian Social Science. 2015. Vol. 11, № 4. P. 213–217.
21. Андреев В.И. Ретроспективный и прогностический подходы к разработке концепций субъектно-ориентированного педагогического образования для творческого саморазвития студентов – будущих педагогов // Образование и саморазвитие. Т. 5, № 33. 2012. С. 10–15.
22. Залуцкая С.Ю., Панина С.В. Профессиональное становление преподавателя вуза в контексте творческого саморазвития личности // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 8. С. 213–219.
23. Масалимова А.Р. Корпоративное образование и внутрифирменная подготовка: особенности формальной, неформальной и информальной моделей // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. С. 210.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 7 мая 2015 г.

VALUE OF SELF-REALIZATION IN UNIVERSITY STUDENT'S FORMATION

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 211–218. DOI: 10.17223/15617793/396/37

Kurzyakova Anastasiya A., Vyatkinina Irina V., Khayrullina Elmira R. Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation). E-mail: naffoo@mail.ru; Wjatkinina@mail.ru; elm.khair@list.ru

Keywords: self-realization; self-education; independent activity; independent work; motivation; creative development of personality; information and communicative technologies; educational space; interactive educational environment.

Students' mastering of independent work skills, their readiness for self-educational activity are topical now. The personality of students, their individuality, implementation of the possibilities of self-expression and self-development are in the center of attention. It is difficult to overestimate the knowledge and understanding of laws of creative self-development of the person for improvement. Modern pedagogy has essentially formulated the basic laws of creative self-development (of pupils, students, teachers) in terms of subject-oriented education. From the point of view of psychologists and teachers, the internal reason of disappointments, failures is often a lack of opportunity for self-realization of students in their study. When analyzing the literature on pedagogy, it can be noted that the concept of individual work corresponds to the notion of self-activity, they are treated as synonymous, and, accordingly, they are the basic stages in the formation of creative independence of students. Self-education promotes the development of intellect, strong will, emotions and other qualities of the personality, that is it acts as a means of self-improvement of a young person. One of the diverse tools that allow stimulating the interest of students to educate themselves is the integration of classroom and extracurricular activities. The reflection of the subject-oriented education helps not only to fix the carried-out actions and to really understand the mechanisms and problems of the completed work, but also to design the future activity. New educational technologies based on ICT use allow intensifying the educational process, increasing the speed of perception, understanding and depth of assimilation of new knowledge by students. Today, by means of the computer within the educational process, it is possible to create a complete educational environment. Intellectual training systems adapt to the knowledge and features of the student, help to choose the optimal educational influence, to create a suitable process of training, to find the student's mistakes. Informatization of education changed the role of the teacher who becomes an assistant in the educational process. Teachers are not the only source of knowledge. They have to develop individual educational strategies. Thus, one of the most important problems is the training of teachers, willing to work with an effective use of multimedia learning tools. The professional growth of the teacher depends not only on psychological and pedagogical knowledge of the creative process, on assimilation of certain standards as bases of the reproducing activity, but also on the mobility and flexibility of thinking in creative decision-making in the conditions of the multifaceted pedagogical process. A creatively self-developing personality is, undoubtedly, one of the priorities of the guaranteed quality of education in the 21st century.

REFERENCES

1. Khayrullina, E.R. (2007) *Sistemnaya orientatsiya proektno-tvorcheskoy deyatel'nosti na samorazvitie konkurentosposobnosti studentov inzhenerov-tekhnologov* [System orientation of project and creative activity on of engineer students' competitiveness self-development]. Pedagogy Dr. Diss. Kazan.
2. Andreev, V.I. (2013) *Zakony tvorcheskogo samorazvitiya kak osnovaniya kontseptsii sub"ektno-orientirovannogo obrazovaniya* [Laws of creative self-development as the basis of the concept of subject-oriented education]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*. 16 (16). pp. 13–16.
3. Larchenko, N.V. & Taranovskaya, E.A. (2012) [The student's self-educational activity as means of development of cognitive independence]. *V Mezhdunarodnaya nauchno-tekhnicheskaya konferentsiya "Informatsionnye tekhnologii v nauke, obrazovanii i proizvodstve"* [V International Scientific Conference "Information Technologies in science, education and production"]. Orel. pp. 1660–1663.
4. Vyatkinina, I.V. (2008) *Osnovnye napravleniya formirovaniya tvorcheskoy kompetentnosti studentov v sovremennom tekhnicheskom vuze* [The main directions of formation of the creative competence of students of a technical college in the modern technical college]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*. 1. pp. 170–174.

5. Rebro, I.V. (2009) Motivirovanie samostoyatel'noy deyatel'nosti studentov kak odin iz vazhneyshikh prioritetov pri organizatsii samostoyatel'noy raboty [Motivating independent activity of students as one of the most important priorities of the organization of independent work]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 6. pp. 133–135.
6. Khayrullina, E.R. (2007) Integratsiya lichnostno-orientirovannogo i akmeologicheskogo podkhodov s orientatsiyey studentov na samorazvitie konkurentosposobnosti [The integration of student-centered and akmeology approaches with students' orientation to competitiveness self-development]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka – Pedagogical education and science*. 6. pp. 18–23.
7. Vyatkina, I.V. (2011) Rol' integratsii uchebnoy i vneauditornoy deyatel'nosti v professional'nom vospitanii studentov v tekhnicheskoy vuzze [The role of the integration of academic and extracurricular activities in the professional training of students in technical colleges]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*. 3. pp. 261–268.
8. Khayrullina, E.R., Nizamutdinova, G.F. & Vyatkina, I.V. (2014) *Dopolnitel'naya professional'naya podgotovka bakalavrov po napravleniyu "Turizm" v oblasti informatsionnykh tekhnologiy* [Additional training of bachelors in Tourism in the field of information technology]. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy.
9. Sakhieva, R.S., Khairullina, E.R., Khisamiyeva, L.G., Valeyeva, N.S., Masalimova, A.R. & Zakirova, V.G. (2015) Designing a structure of the modular competence based curriculum and technologies for its implementation into higher vocational institutions. *Asian Social Science*. 11 (2). pp. 246–251. DOI: 10.5539/ass.v11n2p246
10. Mizherikov, V.A. (1998) *Psikhologo-pedagogicheskiy slovar' dlya uchiteley i rukovoditeley obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Psychological and Pedagogical Dictionary for teachers and heads of educational institutions]. Rostov-on-Don: Feniks.
11. Tret'yakov, D.V. (2007) Informatsionnye tekhnologii kak instrument razvitiya samoobrazovatel'noy deyatel'nosti studentov [Information technology as a tool of students' self-educational activity development]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – IZVESTIA: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. 15 (39). pp. 365–368.
12. Prokhorov, A.M. (ed.) (1973) *Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 3. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
13. Khutorskiy, A.V. (2001) *Sovremennaya didaktika* [Modern didactics]. St. Petersburg: Piter.
14. Tarbokova, T.V. (2010) Tekhnologiya aktivizatsii samostoyatel'noy poznavatel'noy deyatel'nosti studentov v protsesse ikh matematicheskoy podgotovki [Technology of activization of independent informative activity of students in their mathematical training]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – IZVESTIA: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. 136. pp. 117–124.
15. Vyatkina, I.V. & Kurzyakova, A.A. (2014) [Influence of interactive educational environment on the intensity of the learning process in the classes of Technology]. *Pedagogika, psikhologiya i obshchestvoznaniye – 2014* [Pedagogy, Psychology and Social Studies – 2014]. Proc. of the International scientific and engineering conference. Bryansk. pp. 15–19. (In Russian).
16. Kurzyakova, A.A. (2014) [The advantages of using information and communication technologies in modern teaching methods]. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki* [Topical Issues of Education and Science]. Proc. of the International scientific and practical conference. Pt. 10. Tambov. pp. 115–116. (In Russian).
17. Korvyakov, V.A. (2008) Informatsionnye tekhnologii v razvitiy umeniy samoobrazovatel'noy deyatel'nosti studentov [Information technology in the development of skills of self-educational activity of students]. *Nauchnye issledovaniya v obrazovanii*. 4.
18. Kurzyakova, A.A. (2014) [On the use of multimedia in the educational process]. *Sovremennoe sostoyaniye i perspektivy razvitiya psikhologii i pedagogiki* [The current state and prospects of development of psychology and pedagogy]. Proc. of the International scientific and practical conference. Ufa. pp. 80–82. (In Russian).
19. Kolobaeva, N.A., Vyatkina, I.V., Garifullina, N.K. & Khayrullina, E.R. (2014) Informatsionno-kommunikativnye tekhnologii kak sposob intensivizatsii obrazovatel'nogo protsessa bakalavrov v tekhnologicheskoy universitete [Information and communication technologies as a way to intensify the educational process of Bachelors in a technology college]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*. 17(11). pp. 224–228.
20. Khairullina, E.R., Valeyev, A.S., Valeyeva, G.K., Valeyeva, N.S., Leifa, A.V., Burdukovskaya, E.A. & Shaidullina, A.R. (2015) Features of the programs applied bachelor degree in secondary and higher vocational education. *Asian Social Science*. 11 (4). pp. 213–217. DOI: 10.5539/ass.v11n4p213
21. Andreev, V.I. (2012) Retrospektivnyy i prognosticheskiy podkhody k razrabotke kontseptsiy sub'ektno-orientirovannogo pedagogicheskogo obrazovaniya dlya tvorcheskogo samorazvitiya studentov – budushchikh pedagogov [Retrospective and predictive approaches to the development of concepts of the subject-oriented teacher education for creative self-development of students – future teachers]. *Obrazovanie i samorazvitie*. 5 (33). pp. 10–15.
22. Zalutskaya, S.Yu. & Panina, S.V. (2010) Professional'noe stanovlenie prepodavatelya vuzza v kontekste tvorcheskogo samorazvitiya lichnosti [Professional formation of the teacher of a higher school in the context of creative self-development of personality]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 8. pp. 213–219.
23. Masalimova, A.R. (2012) Corporative education and in-house training: formal, informal and non-formal model peculiarities. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*. 3. (In Russian).

Received: 07 May 2015

ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ВОЗРАСТНОГО РАЗВИТИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ГЕТЕРОХРОННОСТИ ДИНАМИКИ ДВИГАТЕЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ И ИНТЕЛЛЕКТА

Приводятся результаты экспериментального исследования динамики развития двигательных способностей и интеллекта учащихся (юношей) 6-, 8- и 10-х классов. Результаты исследования свидетельствуют, что направленность связей динамики двигательных способностей и интеллекта изменяется в процессе взросления. У шестиклассников большая динамика интеллекта проявляется на фоне сравнительно низкой динамики общего физического развития. Напротив, у восьми- и десятиклассников при высокой динамике интеллекта отмечается и более высокая динамика общего физического развития.

Ключевые слова: двигательные способности; интеллект; возрастное развитие; индивидуально-типологические варианты.

Одним из важнейших условий реализации инновационных образовательных технологий является ориентация учебных программ не на абстрактного учащегося, находящегося на определенном этапе развития, а на субъекта обучения в совокупности его индивидуальных и возрастных особенностей. Этапность возрастного развития, являясь основополагающим свойством онтогенеза, в реальном процессе взросления конкретного индивида проявляется не иначе как в индивидуальных форме и темпе. Следовательно, в образовательной практике при групповом методе обучения педагог сталкивается с тем, что учащиеся одного календарного возраста, класса, группы фактически имеют разный биологический, двигательный, психологический возраст; как следствие, они в неодинаковой степени готовы к усвоению учебного материала, различаются обучаемостью.

Еще С.Л. Рубинштейн [1] подчеркивал, что реальный процесс психического развития человека является конкретным индивидуальным процессом. Чрезвычайная сложность соотношения обучения и развития обусловлена фактором индивидуальности, в результате чего наблюдается, по словам Н.С. Лейтеса [2], «неравномерность темпа и ритма приближения к зрелости функций». Автор утверждал, что дети существенно различаются по срокам наступления, выраженности и длительности сенситивных периодов. Нередко опережение в темпах психического и физического развития воспринимается как проявление одаренности, в то время как это может являться только лишь следствием более раннего на фоне сверстников созревания. Есть основания полагать, что особенно ярко это проявляется в подростковом возрасте. Как отмечал Н.С. Лейтес, «именно в средних классах, когда ученики вступают в полосу быстрого возрастного развития, “разброс” по возрастным особенностям выступает с наибольшей отчетливостью» [2. С. 181]. В этой связи индивидуальные особенности возрастного развития на данном этапе наиболее значимы для педагогической практики.

Нельзя не согласиться с Г.В. Бурменской [3], подчеркивающей необходимость разработки дифференциального аспекта возрастного развития с целью изучения колоссальной вариативности, многообразия и специфичности форм индивидуального развития в онтогенезе. Если оставлять без внимания индивидуальные прояв-

ления на различных этапах онтогенеза, теряется содержательное значение понятия «возрастная норма», так как оно перестает отражать реальную специфику развития в определенные возрастные периоды [4].

Факт наличия в одной возрастной группе (по хронологическому признаку) детей, находящихся на разных уровнях физического и психического развития, есть не только результат влияния социальной среды, но и следствие реализации индивидуальной генетической программы. В связи с отмеченным вполне логичны суждения о необходимости комплектования школьных классов в соответствии со степенью физической зрелости, а не в соответствии с хронологическим возрастом [5]. Несовпадение биологического и хронологического возрастов – одна сторона проблемы. Вторая заключается в том, что при одинаковом биологическом возрасте могут наблюдаться существенные различия в динамике развития различных функций и систем в связи с явлением гетерохронности, обуславливающим протекание возрастного развития по индивидуально-типологическим вариантам.

Гетерохронность развития отражает разновременность прохождения стадий и внутреннюю противоречивость соматического, полового и нервно-психического развития человека [6]. Данная особенность проявляется в том, что интенсивное развитие одной функции наблюдается на фоне стабилизации или даже регресса другой.

Явление гетерохронности тесно связано с сенситивными периодами, обуславливающими чувствительность функциональных систем к формирующим воздействиям и их повышенный темп развития. Как замечает Т.В. Карсаевская, «создание оптимальных условий физического и психического развития ребенка требует изучения границ морфологической готовности различных систем организма к определенному характеру деятельности и зависимости развития той или иной системы от характера и своевременности ее функционирования, а также требует выяснения взаимодействия, взаимовлияния сенситивных периодов разных систем для формирования организма как целого» [7. С. 121].

Последнее имеет большое значение не только для создания оптимальных условий развития какой-либо отдельно взятой функции, но и для целостного гармоничного развития личности. В частности, в работе

Е.А. Бурзуновой [8] показано, что среди одаренных школьников большая часть лиц дисгармоничного типа, при котором интенсивное познавательное развитие реализуется за счет недоразвития других сфер (психомоторной и эмоциональной). У таких детей заметны проблемы, связанные с отставанием в физическом развитии, неравномерностью, дисгармоничностью развития эмоциональной сферы, что в совокупности приводит к развитию замкнутости, депрессий и даже психосоматическим заболеваниям. Подобные проблемы свойственны не только одаренным детям. Сегодня на фоне глобальной интенсификации процесса обучения существует риск дисгармоничного развития и для так называемых обычных детей. Интенсификация мыслительной деятельности на фоне оставления без внимания развития остальных сфер личности может не только наносить ущерб последним, но и не дает ожидаемого эффекта даже в развитии собственно умственной сферы.

Фундаментальная работа Н.С. Лейтеса, направленная на выявление индивидуальных особенностей возрастного развития детей, позволила автору установить, что младшие подростки характеризуются повышенной активностью, «неугомонной подвижностью», «избытком энергии», стремлением «избегать покоя». Отмеченное проявляется на фоне некоторого «равнодушия учеников к занятиям», что нередко отражается в снижении успешности занятий [2. С. 105]. Очевидно, в этом случае речь идет о тех детях, у которых в подростковом возрасте доминирует интенсивное двигательное развитие. Вместе с тем Н.С. Лейтес замечает, что «очень велики индивидуальные различия между учащимися», которые в определенной степени связаны с возрастными особенностями развития. У многих подростков заметны достоинства детского возраста: восприимчивость, любопытство, также наблюдаются неустанная умственная активность, любознательность, стремление к умственному напряжению [Там же. С. 104]. Данные факты свидетельствуют в пользу выраженной тенденции к доминированию развития познавательной сферы подростков.

В этой связи сформулирована гипотеза о существовании двух полярных индивидуально-типологических вариантов возрастного развития, являющихся следствием гетерохронности развития двигательных и умственных способностей. Задача исследования состояла в изучении соотношения динамики двигательных и умственных способностей.

Организация и методы исследования. В исследовании участвовали школьники (юноши) МОУ «Лицей № 149» г. Омска 6-, 8- и 10-х классов (30, 32 и 48 человек соответственно), всего 110 человек. Сбор экспериментальных данных осуществлялся в 2008 / 2009 учебном году и состоял из двух этапов. На первом этапе, в сентябре 2008 г., исследовался исходный уровень изучаемых способностей школьников. На втором этапе исследования, в мае 2009 г., проводилось повторное тестирование, на основании результатов которого исследовалась динамика способностей.

Двигательные проявления школьников изучались на основе измерения *силы* (кистевая и становая дина-

мометрия), *силовой выносливости* (подтягивание на перекладине, сгибание и разгибание рук в упоре на полу), *скоростно-силовых способностей* (поднимание туловища из положения лежа на спине за 30 с, прыжки со скакалкой за 30 с, прыжок в длину с места), а также *быстроты* (челночный бег и бег на 30 м), *аэробной выносливости* (бег на 1 000 м). Показатели общего физического развития (ОФР) каждого учащегося рассчитывались путем перевода абсолютных значений вышеперечисленных тестов в баллы по программе «Президентские состязания» [9], среднее арифметическое значение которых принималось нами за показатель ОФР. Динамика общего физического развития (ДОФР) рассчитывалась путем сопоставления показателей ОФР в начале и конце учебного года.

Изучение интеллекта школьников 8-х и 10-х классов осуществлялось посредством теста Р. Амтхауэра в адаптации Л.А. Ясюковой [10], а школьников 6-х классов – с помощью интеллектуального теста (ГИТ) [11]. Динамика изучаемых показателей рассчитывалась по формуле О. Brodi [12]. Достоверность среднегрупповых различий определялась с использованием *t*-критерия Стьюдента.

Результаты исследования и их обсуждение. Результаты исследований, проведенных нами на различных возрастных группах [13–16], свидетельствуют о расхождении во времени динамики развития двигательных и умственных способностей. Выраженные различия в структурах корреляционных связей динамики двигательных и умственных способностей наблюдаются между учащимися 6-х и более старших (8-х и 10-х) классов. Так, на рис. 1 видно, что у шестиклассников уровень интеллекта как в начале, так и в конце учебного года положительно связан с ОФР, выявленным в начале учебного года ($r = 0,308$ и $r = 0,316$ соответственно), но отрицательно – с ДОФР ($r = -0,463$ и $r = -0,52$ соответственно). Динамика интеллекта за год отрицательно коррелирует с ДОФР за этот же период ($r = -0,467$). При этом уровень проявления интеллекта в начале учебного года у шестиклассников положительно связан с его динамикой в течение учебного года ($r = 0,321$).

У восьми- и десятиклассников структура и направленность корреляционных связей кардинально меняются. В частности, у восьмиклассников уровни общего интеллекта в начале и в конце учебного года отрицательно связаны с ОФР на начало года ($r = -0,389$ и $r = -0,338$ соответственно), а также отрицательно связаны с ДОФР ($r = -0,55$ и $r = -0,458$ соответственно) (рис. 2). Динамика общего уровня интеллекта за год положительно коррелирует с ДОФР за этот же период ($r = 0,579$). В отличие от шестиклассников, у восьмиклассников уровень интеллекта в начале эксперимента отрицательно коррелирует с его годовой динамикой ($r = -0,93$). Иными словами, если у шестиклассников при изначально более высоком уровне интеллекта наблюдается более выраженная его динамика на фоне сниженных темпов физического развития, то в старших классах, наоборот, при более высоком уровне интеллекта в начале исследования наблюдается низкая его динамика на фоне низкой ДОФР.

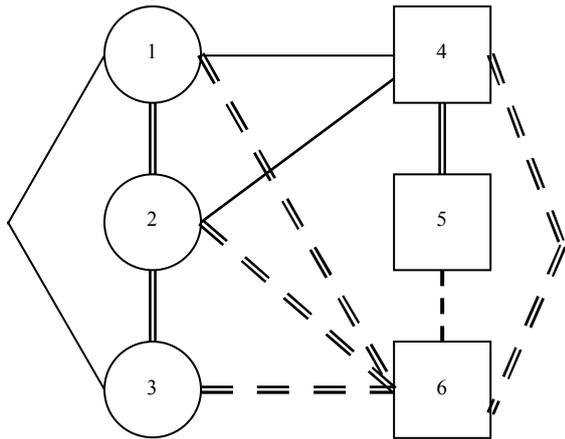

Рис. 1. Корреляционные связи показателей физического и интеллектуального развития шестиклассников

Примечание. Здесь и далее на рисунках любая одинарная линия – связь на уровне значимости $p \leq 0,05$; двойная линия – связь на уровне $p \leq 0,01$. Сплошная линия – связь положительная, пунктирная – отрицательная. Обозначения в кружках и квадратах:

- 1 – общий уровень интеллекта в начале учебного года;
- 2 – общий уровень интеллекта в конце учебного года;
- 3 – динамика общего уровня интеллекта за учебный год;
- 4 – ОФР в начале учебного года; 5 – ОФР в конце учебного года;
- 6 – ДОФР за учебный год

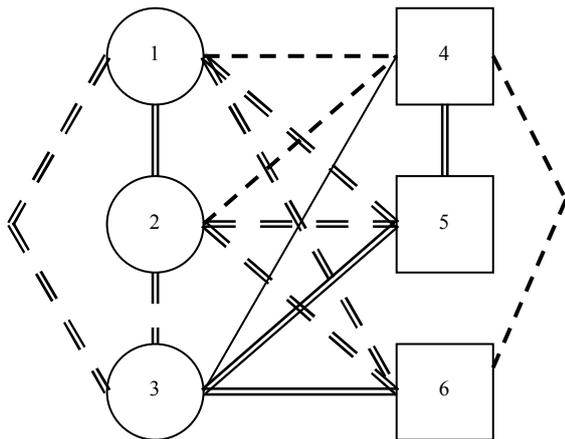

Рис. 2. Корреляционные связи показателей физического и интеллектуального развития восьмиклассников

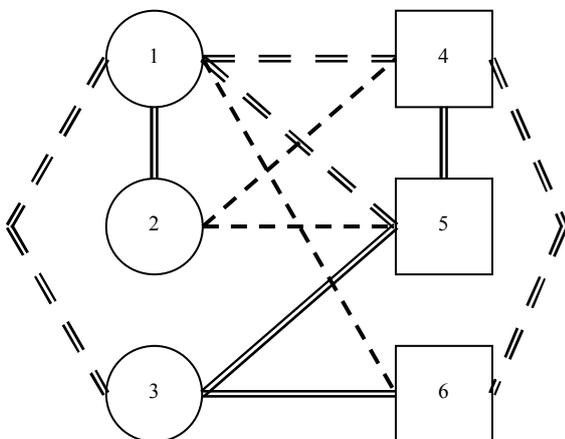

Рис. 3. Корреляционные связи показателей физического и интеллектуального развития десятиклассников

Во многом схожая картина наблюдается у учащихся десятых классов (рис. 3). Так, уровни общего интеллекта в начале и в конце учебного года отрицательно связаны с ОФР на начало года ($r = -0,362$ и $r = -0,291$ соответственно). Уровень общего интеллекта в начале учебного года отрицательно коррелирует с ДОФР ($r = -0,314$). Динамика общего уровня интеллекта за год у десятиклассников положительно коррелирует с ДОФР за этот же период ($r = 0,516$).

Сравнение корреляционных плеяд рис. 1–3 позволяет отметить очевидные различия в связях динамики рассматриваемых способностей. Во-первых, если у шестиклассников уровень общего интеллекта положительно связан с его годовой динамикой, то у восьми- и десятиклассников, напротив, этот показатель отрицательно коррелирует с годовой динамикой интеллекта. Во-вторых, уровень общего интеллекта в начале и в конце учебного года у шестиклассников положительно коррелирует с ОФР, в свою очередь в обеих выборках более старших классов показатели общего уровня интеллекта отрицательно связаны с ОФР. В-третьих, у шестиклассников динамика общего уровня интеллекта отрицательно коррелирует с ДОФР, а у восьми- и десятиклассников, напротив, годовая динамика общего интеллекта положительно связана с ДОФР.

Далее приводится анализ изучаемых показателей в каждом классе в зависимости от динамики интеллекта. Для этого в каждой выборке (6-, 8- и 10-х классов) были выделены две группы учащихся – с большей и меньшей динамикой интеллекта. В результате установлено, что при сравнительно раннем повышении динамики развития двигательных способностей наблюдается замедление развития умственных, и наоборот. Так, у шестиклассников на начало эксперимента интегральный показатель ОФР был несколько выше у школьников с высокими уровнем и динамикой интеллекта (табл. 1, 2). Вместе с тем на конец учебного года динамика ОФР была достоверно выше ($p \leq 0,01$) у учащихся с низкой динамикой развития интеллекта, из чего явствует, что в возрасте 12–13 лет высокие темпы развития двигательных способностей реализуются на фоне замедления в развитии умственных способностей, и наоборот.

Совсем иная картина наблюдается у школьников 8-х и 10-х классов. В частности, у них как на первом, так и на втором этапе исследования юноши с более высоким уровнем, но низкой динамикой развития интеллекта характеризуются сравнительно меньшим уровнем ОФР. Напротив, школьники с меньшим уровнем, но большей динамикой развития интеллекта характеризуются и достоверно более высокой ДОФР (табл. 1, 2).

При этом важно принять во внимание, что у шестиклассников высокая динамика развития интеллекта наблюдалась у учащихся, имевших как в начале, так и в конце эксперимента более высокие уровни его проявления (см. табл. 2). У восьми- и десятиклассников, напротив, высокая динамика развития интеллекта наблюдалась у учащихся, имевших в начале и в конце эксперимента сравнительно меньший уровень его проявления. Только у десятиклассников, различаю-

щихся динамикой развития интеллекта, на конец учебного года было выявлено выравнивание в уровне его проявления.

Таблица 1

Показатели общего физического развития у школьников 6-, 8- и 10-х классов, различающихся динамикой интеллекта (баллы)

Учащиеся	Динамика интеллекта	Показатели ОФР		
		Начало уч. года	Конец уч. года	Темп прироста
6-х классов	Низкая (M_1)	20,55 ± 6,15	27,58 ± 5,18	31,41 ± 11,93
	Высокая (M_2)	23,03 ± 4,29	27,24 ± 4,94	16,84 ± 5,46
	M_1-M_2	1,23	0,18	4,16**
8-х классов	Низкая (M_3)	23,17 ± 6,73	29,34 ± 8,20	23,93 ± 7,35
	Высокая (M_4)	27,35 ± 5,88	37,26 ± 5,72	31,64 ± 6,84
	M_3-M_4	1,81	3,07**	2,98**
10-х классов	Низкая (M_5)	27,77 ± 6,04	32,99 ± 6,32	17,68 ± 6,74
	Высокая (M_6)	32,56 ± 6,34	40,48 ± 6,12	22,37 ± 6,07
	M_5-M_6	2,61*	4,08**	2,48*

Примечание. * достоверность различий на уровне значимости $p < 0,05$, ** $p < 0,01$.

Таблица 2

Уровни проявления общего интеллекта у школьников, различающихся динамикой его развития

Испытуемые	Тестирование	Уровни проявления общего интеллекта	
		у школьников с высокой динамикой интеллекта ($M_1 \pm m$)	у школьников с низкой динамикой интеллекта ($M_2 \pm m$)
6-е классы*	Начало учебного года	104,67 ± 19,19	75,93 ± 22,36
	Конец учебного года	130,27 ± 22,57	86,20 ± 23,71
8-е классы	Начало учебного года	71,75 ± 9,03	93,50 ± 7,72
	Конец учебного года	97,63 ± 8,24	111,31 ± 6,81
10-е классы	Начало учебного года	103,00 ± 8,65	115,85 ± 7,56
	Конец учебного года	130,41 ± 8,30	130,04 ± 7,84

Примечание. * у учащихся 6-х классов для определения интеллектуального развития использовался тест ГИТ [11], а у учащихся 8- и 10-х классов – тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра (IST) [10].

Анализ данных табл. 1 и 2 показывает, что темпы прироста двигательных способностей и интеллекта совпадают в юношеском возрасте, тогда как в подростковом наблюдается ярко выраженное несовпадение в темпах их развития. Так, если у одних подростков отмечена сравнительно более ранняя и интенсивная динамика умственного развития, то чаще это проявляется на фоне отставания в развитии двигательных способностей. И, напротив, интенсивная динамика развития двигательных способностей в подростковом возрасте протекает на фоне отставания в динамике развития интеллекта. Очевидно, отставание в умственном развитии в подростковом возрасте одних и опережение других учащихся есть следствие гетерохронности развития двигательной и умственной сфер, которая обуславливает индивидуально-типологические варианты возрастного развития. У одних в подростковом возрасте доминирует развитие двигательных способностей, у других – умственных. Следовательно, различия в уровне интеллекта в подростковом возрасте отчасти есть след-

ствие более раннего интенсивного умственного развития одних и несколько более позднего – других. Выявленные факты свидетельствуют о наличии двух выраженных тенденций. В то же время среди тестируемых школьников встречаются те, у кого наблюдается одновременно высокий уровень развития как двигательных, так и умственных способностей. Данные исключения не так часты и достаточны, чтобы повлиять на общую картину, выявленную в целом по выборке.

Очевидно, что темпы как двигательного, так и интеллектуального развития в определенный возрастной период имеют существенные индивидуальные различия, обусловленные сроками наступления сенситивных периодов, степенью их выраженности и длительностью протекания. Подростковый возраст является сенситивным для развития двигательной сферы, но выраженность этой сенситивности и соответственно темпов развития двигательных способностей имеет существенные индивидуальные различия [17], которые, в свою очередь, не могут не отражаться на других сферах развития личности.

Таким образом, комплекс исследований, проведенных нами [13–16], позволяет заключить, что пики динамики развития двигательной и умственной сфер личности не совпадают, это наиболее рельефно проявляется в подростковом возрасте. При этом отчетливо выделяются две полярные группы: подростки с ускоренным двигательным развитием на фоне сниженной динамики развития интеллекта и, наоборот, подростки с высокой динамикой интеллектуального развития на фоне замедленного развития двигательных способностей. Следовательно, во всем многообразии индивидуальных траекторий развития вырисовываются выраженные полярные группы – подростков с интенсивным развитием двигательных способностей на фоне снижения динамики интеллектуального развития и, наоборот, – повышения умственных возможностей на фоне сравнительно менее выраженных темпов прироста двигательных способностей.

Очевидно, что подростковый возраст, характеризующийся яркими противоречиями, перестройками в развитии различных систем, протекающими на фоне существенного повышения темпа двигательного развития, требует особого внимания с целью создания оптимальных условий как двигательного, так и интеллектуального развития. Вполне вероятно, что роль физической культуры в этом вопросе еще до конца не раскрыта. Индивидуальные особенности как предпосылки развития накладывают отпечаток на межсистемные связи в развитии различных способностей, знание и учет которых позволит более целенаправленно планировать занятия по физическому воспитанию, с тем чтобы был максимальный эффект в отношении как двигательного развития, так и развития других сфер личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2000. 720 с.
2. Лейтес Н.С. Возрастная одаренность и индивидуальные различия. Москва ; Воронеж, 1997. 448 с.

3. Бурменская Г.В. Типологический анализ онтогенеза индивидуальных различий // Вопросы психологии. 2002. № 2. С. 5–13.
4. Сальников В.А. Соотношение возрастного и индивидуального в структуре сенситивных и критических периодов развития // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 1997. № 4. С. 8–12.
5. Сальников В.А. Индивидуальные особенности возрастного развития. Омск : СибАДИ, 2013. 411 с.
6. Ананьев Б.Г. Избранные труды по психологии. Т. 2 : Развитие и воспитание личности / под ред. Н.А. Логиновой. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 549 с.
7. Карсаевская Т.В. Социальная и биологическая обусловленность изменений в физическом развитии человека. Л. : Медицина, 1970. 269 с.
8. Бурзунова Е.А. Изменение личностного потенциала одаренных подростков в условиях повышенной учебной нагрузки // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 166–169.
9. Письмо Министерства образования и науки РФ и Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ от 18, 19 мая 2011 г. № МД-603/19, № ПК-02-09/2691 «О методических рекомендациях о проведении в 2011–2012 годах школьного и муниципального этапов Всероссийских спортивных соревнований школьников “Президентские состязания” и Всероссийских спортивных игр школьников “Президентские спортивные игры”».
10. Ясюкова Л.А. Тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра (IST): методическое руководство. СПб. : ГП «ИМАТОН», 2002. 80 с.
11. Акимова М.К., Борисова Е.М., Гуревич К.М., Козлова В.Т., Логинова Г.П. Руководство к применению группового интеллектуального теста (ГИТ) для младших подростков. Обнинск : Принтер, 1993. 40 с.
12. Гублер Е.В., Генкин А.А. Применение непараметрических критериев статистики в медико-биологических исследованиях. Л., 1973. 140 с.
13. Зелова Т.Ф., Ревенко Е.М., Сальников В.А. Возрастные особенности соотношения развития двигательных и умственных способностей школьников // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2010. № 3. С. 11–16.
14. Ревенко Е.М., Сальников В.А. Соотношение динамики двигательных и умственных способностей у студентов // Теория и практика физической культуры. 2008. № 11. С. 24–30.
15. Ревенко Е.М., Никитина Н.В., Сальников В.А. Соотношение развития двигательных и умственных способностей у школьников 5–6-х классов // Образование и наука. Известия Уральского отделения РАН. 2011. № 3. С. 59–70.
16. Ревенко Е.М., Сальников В.А. Сравнение микровозрастной динамики двигательных и умственных способностей студентов 17–20 лет // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2009. № 6. С. 54–61.
17. Сальников В.А. Особенности межпризнаковых и межвозрастных связей показателей морфофункционального развития // Индивидуальные и возрастные особенности развития двигательных и умственных способностей : сб. науч. тр. Омск : СибАДИ, 2010. 196 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 8 мая 2015 г.

INDIVIDUALLY-TYOLOGICAL VARIANTS OF AGE DEVELOPMENT AS A MANIFESTATION OF HETEROCHRONY IN THE DYNAMICS OF MOTOR ABILITIES AND INTELLIGENCE

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 219–224. DOI: 10.17223/15617793/396/38

Revenko Evgeniy M. Siberian Automobile and Highway Academy (Omsk, Russian Federation). E-mail: revenko.76@mail.ru

Keywords: motor abilities; intelligence; age development; individually-typological variants.

The article presents the results of experimental studies of the development of the dynamics of motor abilities and intelligence on three samples of schoolboys: sixth-, eighth- and tenth-graders. The author investigated the motor abilities (strength, high-speed capabilities and endurance) and intelligence: sixth-graders by the intellectual test (GIT) (M.K Akimova et al.), eighth- and tenth-graders by P. Amthauer’s Test (in the adaptation of L.A. Yasyukova). The results show that the orientation of relations of the dynamics of motor abilities and intelligence changes in the process of growing. Comparison of the correlations shows that, firstly, the sixth-graders’ level of general intelligence, revealed at the beginning of the school year, is positively correlated with the annual dynamics of intelligence, while for the eighth- and tenth-graders, on the contrary, these figures correlate negatively. Secondly, the level of general intelligence at the beginning and at the end of the academic year of the sixth-graders positively correlates with the general physical development. In turn, older boys’ indicators of general intelligence are negatively correlated with this indicator. Thirdly, the sixth-graders’ general intelligence negatively correlates with the dynamics of the general physical development; on the contrary, the eighth- and tenth-graders’ annual dynamics of general intelligence is positively correlated with the dynamics of general physical development. The division of students into two groups depending on the dynamics of intelligence revealed that the sixth-graders’ high dynamics of intelligence manifests itself against the background of relatively low dynamics of physical development. On the contrary, the eighth and tenth-graders show high dynamics of intelligence and higher dynamics of physical development. Therefore, the growth rate of motor and mental abilities are the same in young adulthood, whereas in adolescence there is a pronounced discrepancy in the rates of their development. These facts and the results of previous studies allow concluding that there are individually-typological variants of age development, strikingly manifested in adolescence and reflected in the fact that some schoolchildren with more intensive development of motor abilities have relatively low dynamics of intellectual development, while others, on the contrary, with low dynamics of general physical development have high dynamics of intelligence development. Differences in the level of intelligence in adolescence is partly a consequence of an early or late intensive mental development. It is obvious that the contradictions of adolescence, while increasing the rate of physical development, require special attention in order to create optimal conditions for development of motor abilities and intelligence.

REFERENCES

1. Rubinshteyn, S.L. (2000) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg: Piter.
2. Leytes, N.S. (1997) *Vozrastnaya odarennost’ i individual’nye razlichiya* [Age talent and individual differences]. Moscow; Voronezh: MODEK.
3. Burmenskaya, G.V. (2002) Tipologicheskii analiz ontogeneza individual’nykh razlichiy [Typological analysis of the ontogenesis of individual differences]. *Voprosy psikhologii*. 2. pp. 5–13.
4. Sal’nikov, V.A. (1997) Sootnoshenie vuzrastnogo i individual’nogo v strukture sensitivnykh i kriticheskikh periodov razvitiya [The ratio of the age and the individual in the structure of sensitive and critical periods of development]. *Fizicheskaya kul’tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 4. pp. 8–12.
5. Sal’nikov, V.A. (2013) *Individual’nye osobennosti vuzrastnogo razvitiya* [Individual features of age development]. Omsk: SibADI.
6. Anan’ev, B.G. (2007) *Izbrannye trudy po psikhologii* [Selected works on psychology]. Vol. 2: *Razvitie i vospitanie lichnosti* [The development and education of the individual]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
7. Karsaevskaya, T.V. (1970) *Sotsial’naya i biologicheskaya obuslovlennost’ izmeneniy v fizicheskoy razvitiy cheloveka* [Social and biological conditioning of changes in the physical development of man]. Leningrad: Meditsina.

8. Burzunova, E.A. (2011) Qualitative changes of gifted youth personality potential in intensive education conditions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 166–169. (In Russian).
9. The Ministry of Education and Science, the Ministry of Sport, Tourism and Youth Policy of the Russian Federation. (2011) Letter of the Ministry of Education and Science and the Ministry of Sport, Tourism and Youth Policy of the Russian Federation on 18 May 19, 2011 No. MD-603/19, No. PP-02-09 / 2691 “On methodological recommendations on carrying out of the school and municipal stages of All-Russian school sports competitions “Presidential Contests” and the All-Russian sports school “Presidential Sports Games” in 2011–2012”. (In Russian).
10. Yasyukova, L.A. (2002) *Test struktury intellekta R. Amthauera (IST): metodicheskoe rukovodstvo* [R. Amthauer’s intelligence structure test (IST): methodological guide]. St. Petersburg: IMATON.
11. Akimova, M.K., Borisova, E.M., Gurevich, K.M., Kozlova, V.T. & Loginova, G.P. (1993) *Rukovodstvo k primeniyu gruppovogo intellektual'nogo testa (GIT) dlya mladshikh podrostkov* [Guide to the use of the group intelligence test (GIT) for younger teens]. Obninsk: Printer.
12. Gubler, E.V. & Genkin, A.A. (1973) *Primenenie neparametricheskikh kriteriev statistiki v mediko-biologicheskikh issledovaniyakh* [Application of nonparametric statistics in biomedical research]. Leningrad: Meditsina.
13. Zelova, T.F., Revenko, E.M. & Sal'nikov, V.A. (2010) Vozrastnye osobennosti sootnosheniya razvitiya dvigatel'nykh i umstvennykh sposobnostey shkol'nikov [Age characteristics of the ratio of motor and mental abilities of schoolchildren]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 3. pp. 11–16.
14. Revenko, E.M. & Sal'nikov, V.A. (2008) Sootnoshenie dinamiki dvigatel'nykh i umstvennykh sposobnostey u studentov [The ratio of the dynamics of motor and mental abilities of students]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 11. pp. 24–30.
15. Revenko, E.M., Nikitina, N.V. & Sal'nikov, V.A. (2011) Correlation of Development of Motor and Intellectual Abilities of Teenagers. *Obrazovanie i nauka. Izvestiya Ural'skogo otdeleniya RAO – Education and Science*. 3. pp. 59–70. (In Russian).
16. Revenko, E.M. & Sal'nikov, V.A. (2009) Sravnenie mikrovozzrastnoy dinamiki dvigatel'nykh i umstvennykh sposobnostey studentov 17–20 let [Comparison of micro-age dynamics of motor and mental abilities of students aged 17–20]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 6. pp. 54–61.
17. Sal'nikov, V.A. (2010) Osobennosti mezhpriznakovykh i mezhvozzrastnykh svyazey pokazatelya morfofunktsional'nogo razvitiya [Specifics of inter-feature and inter-age links of morpho-functional development indicators]. In: Sal'nikov, V.A., Revenko, E.M. & Sukhostav, O.A. (eds.) *Individual'nye i vozzrastnye osobennosti razvitiya dvigatel'nykh i umstvennykh sposobnostey* [Individual and age features of development of motor and mental abilities]. Omsk: SibADI.

Received: 08 May 2015

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 556.551.4

Л.И. Дубровская, Н.С. Дмитриева

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДОВ РАСЧЕТА ФОНОВЫХ КОНЦЕНТРАЦИЙ ГЛАВНЫХ ИОНОВ В ВОДАХ ЛЕВОБЕРЕЖНЫХ ПРИТОКОВ СРЕДНЕЙ ОБИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (№ 13-05-41116 РГО-а).

Оценены средние многолетние концентрации макроэлементов в реках, стекающих с северо-восточного макросклона (периферии) Большого Васюганского болота. Проведен сравнительный анализ расчетов фоновых концентраций разными методами: средним арифметическим, средним взвешенным арифметическим, средним геометрическим. В качестве весов в методе средневзвешенного арифметического использованы объемы сезонного стока, что объясняется генетической разнородностью источников питания рек в разные фазы водного режима. Анализируются различия количественных показателей концентраций главных ионов в зависимости от фазы водного режима, в разных по заболоченности речных бассейнах.

Ключевые слова: фоновые концентрации; ионно-солевой состав; речные воды; заболоченный водосбор; Западная Сибирь.

Оценка величин, анализ соотношений и закономерностей пространственного распределения основных гидрохимических показателей вод местного стока в разных частях бассейна и в разные гидрологические сезоны представляют собой важную проблему, так как, помимо первоочередной задачи оценки качества вод, изучение преобразования гидрохимических показателей позволяет идентифицировать условия и процессы трансформации водных экосистем.

Изучение химического состава речных вод в бассейне Средней Оби берет начало с работ О.А. Алекина (1949), В.П. Казаринова с соавторами (1965), А.Э. Конторовича (1971) и др. В последнее десятилетие активизировались работы по изучению геохимического воздействия болот на состав речных и подземных вод и формирование гидрохимического стока с водосборов Обь-Иртышского междуречья [1–9]. Однако многофакторность процесса формирования гидрохимического стока с заболоченных водосборов, немногочисленность измерений, расхождения в количественных оценках ионно-солевого состава речных вод района разными авторами свидетельствуют о недостаточной изученности закономерностей формирования качества речных вод в бассейне Средней Оби.

Решение многих задач, связанных с анализом внутригодовой и многолетней динамики концентраций отдельных химических элементов в речных водах, выявлением природных и антропогенных аномалий, эколого-геохимическим районированием, оценкой допустимого воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду и т.д., возможно лишь на основе показателей, осредненных за те или иные интервалы времени. Сложившуюся геохимическую обстановку и происходящие в ней процессы характеризует, в первую очередь, ионно-солевой состав природных вод, поэтому в работе предметом исследований были концентрации главных ионов, или макрокомпонентов.

В связи с вышесказанным целью данных исследований являлись:

1. Сравнительный анализ различных методов определения фоновых концентраций главных ионов.

2. Изучение пространственно-временных изменений концентраций главных ионов в речных водах с заболоченных водосборов левобережных притоков Оби.

Исходными материалами для исследований послужили аналитические данные гидрохимических анализов Росгидромета на 12 реках и стоквые данные по 4 гидрологическим постам за период 1997–2009 гг. (табл. 1). Отбор проб воды осуществлялся на глубине 0,3 м, определение концентраций химических элементов проводилось по стандартным методикам.

Таблица 1
Количество и сроки гидрохимических наблюдений

№ п/п	Река-створ	Количество проб*	Период наблюдений
1	р. Шегарка – с. Бабарыкино	82/55	1997–2009 гг.
2	р. Чая – с. Подгорное	38/32	1999, 2000, 2005–2009 гг.
3	р. Бакчар – с. Гореловка	41/29	1997–1999, 2005–2009 гг.
4	р. Парбиг – п. Веселый	12/0	1997–1999 гг.
5	р. Андарма – с. Панычево	50/30	1997–2002, 2004–2009 гг.
6	р. Икса – с. Плотниково	65/44	1997–2009 гг.
7	р. Икса – с. Ермиловка	12/12	2008, 2009 гг.
8	р. Парабель – с. Новиково	55/42	1997, 2000–2009 гг.
9	р. Чузык – с. Пудино	11/11	2008, 2009 гг.
10	р. Васюган – с. Новый Васюган	12/12	2008, 2009 гг.
11	р. Васюган – с. Средний Васюган	22/22	2004, 2006–2009 гг.
12	р. Васюган – д. Наунак	8/2	1997, 2004 гг.

*В знаменателе указано число проб для иона $\text{Na}^+ + \text{K}^+$, в числителе – число проб для остальных ионов.

Методика исследований. Существует много уточнений понятия «фоновая концентрация» химического элемента для разных сред. В данной работе под этим термином понимается наиболее типичное содержание элемента – среднее многолетнее значение

его концентрации, определенное по репрезентативному ряду наблюдений.

Определение среднееголетних концентраций химических элементов представляет объективные трудности, связанные с неравномерностью отбора проб по времени (рис. 1). Общеизвестно, что простые средние характеристики временных рядов (арифметическое, геометрическое) дают близкие к реальным значения при условии постоянства шага наблюдения и количественно выстраиваются в цепочку:

$$X_{\text{геом}} < X_{\text{арифм}}. \quad (1)$$

В имеющихся данных, как правило, на 1–2 пробы с высокой концентрацией (в подавляющем числе наблюдений в зимнюю и осеннюю межени) приходится 3–6 проб с низкими значениями (фаза половодья). Поэтому при простом осреднении (арифметическом или геометрическом) среднее годовое или среднее многолетнее значения концентрации будут зависеть от соотношения между количеством проб с низкими и высокими значениями концентраций. Например, если увеличить число проб в весеннее время, то среднегодовая концентрация уменьшится. Этот же эффект «работает» и при расчете средней многолетней концентрации, искусственно занижая ее.

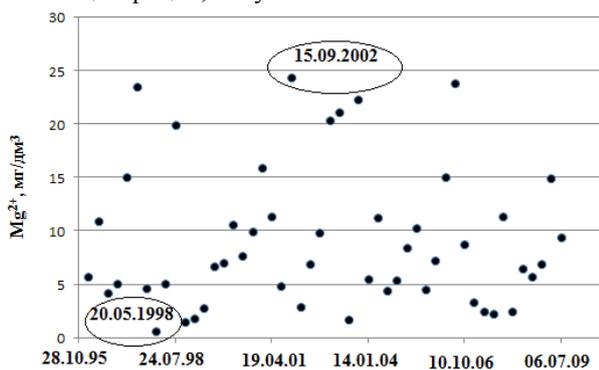

Рис. 1. Распределение проб с концентрациями ионов магния в водах р. Андарма – с. Панычево (в хронологическом порядке)

Для сравнения фоновые концентрации были рассчитаны четырьмя методами: 1) методом среднего арифметического как наиболее часто используемым; 2) методом взвешенного среднего арифметического, учитывающего водность периодов осреднения; 3) методом среднего геометрического как характеристики равновесного состояния системы «речные воды – донные отложения – речные наносы – атмосферный воздух» согласно [10]; 4) одним из методов, предложенных в [11].

Обоснованием применения метода среднего арифметического взвешенного являются высказанные в работах [1, 12] положения о единстве формирования водного и химического стока рек и связи высокой изменчивостью показателей качества вод по сезонам с генетической разнородностью источников питания рек в разные фазы водного режима. При таком подходе доля вклада той или иной концентрации в рассчитываемые средние годовые или средние многолетние значения будет пропорциональна объему стока фазы водного режима, в которую она была зафиксирована. Расчет ведется по формуле

$$\bar{C} = \sum_{i=1}^n C_i W_i / \sum_{i=1}^n W_i, \quad (2)$$

где C_i – концентрация химического элемента в i -ю фазу водного режима при расчете среднегодовых значений или среднегодовая концентрация i -го года при расчете среднего многолетнего значения; W_i – объем водного стока с концентрацией C_i ; n – количество фаз водного режима при расчете среднегодовых значений или количество лет наблюдений при расчете среднего многолетнего значения.

Подробное обоснование использования метода среднего геометрического для количественной оценки гидрохимического фона имеется в работе [10]. Там же под термином «фоновый» понимается условно равновесное состояние водного объекта, сформировавшегося под влиянием природных и антропогенных факторов за предшествующий статистически однородный период. Среднее значение концентрации главного иона ($C_{\text{ср}}$) в этом случае рассчитывается по формуле

$$C_{\text{ср}} = \left(\prod_{i=1}^n C_i \right)^{1/n},$$

где C_i – i -е значение концентрации главного иона; n – число значений C_i , взятых для определения $C_{\text{ср}}$.

Результаты исследований. Для сравнительного анализа средних многолетних концентраций макрокомпонентов, рассчитанных разными методами, были выбраны рр. Шегарка, Андарма, Икса и Парабель, так как только по ним имелись наиболее полные (без пропусков) данные по водному стоку, необходимому для расчета концентраций методом среднего взвешенного арифметического. Водность рек в рассматриваемый временной интервал (1997–2009 гг.) характеризуется на разностно-интегральной кривой четным числом подъёмов и спадов, т.е. выбранный отрезок времени является репрезентативным. По рассчитанным средним многолетним концентрациям можно проследить следующие закономерности (табл. 2):

- для всех ионов на всех постах выполняется соотношение (1), т.е. средние многолетние концентрации, рассчитанные методом среднего геометрического ($C_{\text{ср. геом}}$), меньше осредненных по методам средних арифметических ($C_{\text{ср. арифм}}$);

- для катиона Mg^{2+} , аниона HCO_3^- и суммы всех ионов характерно соотношение $C_{\text{ср. арифм}} > C_{\text{ср. взв. арифм}}$;

- концентрации суммы ионов $\text{Na}^+ + \text{K}^+$ (за исключением р. Шегарка – с. Бабарькино) выстраиваются в цепочку: $C_{\text{ср. взв. арифм}} > C_{\text{ср. арифм}}$.

По остальным ионам сложно сделать какой-либо вывод о характерной последовательности во взаимном расположении среднееголетних концентраций, единой для всех четырех рек.

Обратим внимание, что при осреднении сезонных концентраций по методу среднего взвешенного в качестве весов использовались объемы водного стока за сезоны, определенные генетическим методом выделения половодья на гидрографах стока, а сроков начала зимней межени – по датам установления ледостава. При осреднении концентраций за многолетний период весовыми коэффициентами служили объемы водного стока за отдельные годы.

Количественные различия между концентрациями, рассчитанными разными методами, будем анализировать, сравнивая с наиболее часто используемым методом – средним арифметическим:

– наименьшие расхождения получились методом среднего взвешенного арифметического (δ_2) и составили для ионов Mg^{2+} от 6 до 27%, для $Na^+ + K^+$ – от 7 до 21% и для суммы ионов ($\Sigma_{и}$) – 8–13%;

– для иона Ca^{2+} наиболее близкие значения фиксируются методом среднего геометрического (7–17%);

– для анионов Cl^- , SO_4^{2-} , HCO_3^- результаты получились неоднозначными (т.е. для половины рек лучшее приближение методом среднего геометрического, а для другой половины – методом среднего взвешенного арифметического).

Таблица 2

Сравнение средних многолетних концентраций главных ионов, рассчитанных разными методами (по данным за 1997–2009 гг.), мг/дм³

Река-пост	Метод среднего арифметического		Метод среднего геометрического		Метод среднего арифметического взвешенного		δ_3 , %
	С		С	δ_1 , %	С	δ_2 , %	
Mg^{2+}							
р. Шегарка – с. Бабарыкино	14,3		11,5	19,6	13,5	5,6	14,8
р. Андарма – с. Паньчево	9,1		6,8	25,3	8,2	9,9	17,1
р. Икса – с. Плотниково	11,5		8,27	28,1	8,4	27,0	1,5
р. Парабель – с. Новиково	7,91		6,49	18,0	7,23	8,6	10,2
Ca^{2+}							
р. Шегарка – с. Бабарыкино	65,1		60,7	6,8	78,6	20,7	22,8
р. Андарма – с. Паньчево	50,3		43,1	14,0	43,6	13,3	1,1
р. Икса – с. Плотниково	40,4		33,8	16,0	26,8	33,7	26,1
р. Парабель – с. Новиково	36,1		29,8	17,0	30,9	14,4	3,6
$Na^+ + K^+$							
р. Шегарка – с. Бабарыкино	29,9		14,8	50,5	23,7	20,7	37,6
р. Андарма – с. Паньчево	31		16,8	45,8	35	12,9	52,0
р. Икса – с. Плотниково	24,6		14,3	41,9	26,2	6,5	45,4
р. Парабель – с. Новиково	19,2		11,9	38,0	23	19,8	48,3
Cl^-							
р. Шегарка – с. Бабарыкино	8,9		8,1	9,0	8,2	7,9	1,2
р. Андарма – с. Паньчево	4,7		4,2	10,6	4,3	8,5	2,3
р. Икса – с. Плотниково	7,4		6	18,9	6,8	8,1	11,8
р. Парабель – с. Новиково	3,9		2,6	33,3	4,1	5,1	36,6
SO_4^{2-}							
р. Шегарка – с. Бабарыкино	46,2		38,8	16,0	49,6	7,4	21,8
р. Андарма – с. Паньчево	53,5		39,4	26,4	66,1	23,6	40,4
р. Икса – с. Плотниково	54,3		41,6	23,4	68	25,2	38,8
р. Парабель – с. Новиково	48,9		33,3	31,9	52,7	7,8	36,8
HCO_3^-							
р. Шегарка – с. Бабарыкино	264		238	9,8	240	9,1	0,8
р. Андарма – с. Паньчево	195		145	25,6	152	22,1	4,6
р. Икса – с. Плотниково	163		110	32,5	125	23,3	12,0
р. Парабель – с. Новиково	131		100	23,7	109	16,8	8,3
Сумма ионов							
р. Шегарка – с. Бабарыкино	428		372	13,1	399	6,8	6,8
р. Андарма – с. Паньчево	344		255	25,9	322	6,4	20,8
р. Икса – с. Плотниково	301		214	28,9	234	22,3	8,5
р. Парабель – с. Новиково	247		184	25,5	226	8,5	18,6

Примечание. С – средняя многолетняя концентрация главных ионов; δ_1 – процентное расхождение между методом среднего арифметического и среднего геометрического; δ_2 – процентное расхождение между методом среднего арифметического и среднего взвешенного арифметического; δ_3 – процентное расхождение между методом среднего взвешенного арифметического и среднего геометрического.

В среднем концентрации ионов, рассчитанные по методу среднего геометрического, оказались заниженными, по сравнению с методом среднего арифметического, на 24% при минимальном расхождении в 7% (Ca^{2+}), максимальном – 51% ($Na^+ + K^+$).

Расчет фоновых концентраций макрокомпонентов для р. Шегарка – с. Бабарыкино по методу, предложенному в [11], показал завышение величин концентраций в 1,5–3 раза по сравнению с методами среднего арифметического, среднего геометрического и среднего взвешенного арифметического.

Такие завышенные значения концентраций объясняются тем, что в [11] за фоновую концентрацию вещества принимается статистически обоснованная верхняя доверительная граница возможных средних значений концентраций этого вещества, рассчитанная

по результатам гидрохимических наблюдений для наиболее неблагоприятных гидрологических условий или наиболее неблагоприятного в отношении качества воды периода (сезона) в годовом цикле.

Сезонная динамика главных ионов. Изменение концентраций макрокомпонентов, их суммы и значений рН внутри года носит выраженный сезонный характер, примерно соответствующий внутригодовому изменению водности рек. Наиболее тесная связь имеется между минерализацией ($\Sigma_{и}$) и нормой модуля стока (M_Q). Наилучшая оценка качества аппроксимации ($S/\sigma = 0,66$) была получена при использовании линейного уравнения $\Sigma_{и} = -70,25 \cdot M_Q + 580,17$ (рис. 2). Однако для отдельных ионов такой четкой зависимости концентрации от модуля водного стока нет.

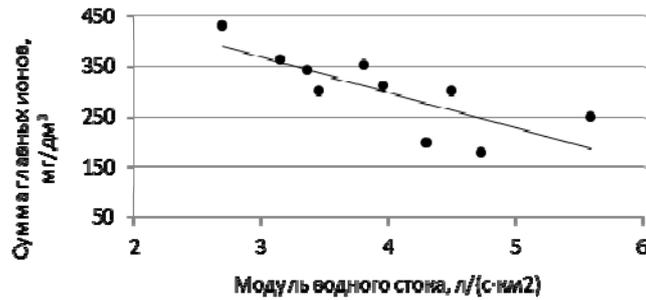

Рис. 2. Зависимость средних многолетних значений минерализации от нормы модулей водного стока исследуемых рек

Для анализа внутригодовой динамики целесообразнее рассматривать год с наибольшим количеством проб, таким оказался 2008 г. Содержание ионов Ca^{2+} , Mg^{2+} , Cl^- и HCO_3^- в водах исследуемых рек было подвержено заметным колебаниям в течение этого года. Максимальные концентрации этих ионов наблюдались в меженный период (зимняя межень и летне-осенний сезон), минимальные – в период половодья.

Внутригодовой ход концентраций катиона Ca^{2+} имеет такое же очертание, как и аниона HCO_3^- : в период зимней межени ионы кальция и гидрокарбоната достигают максимальных значений за счет грунтового питания реки, в половодье концентрации их резко снижаются; в летне-осенний сезон концентрации начинают увеличиваться за счет выпадения ионов с атмосферными осадками и за счет увеличения грунтового питания.

Иной характер распределения внутри года имеют концентрации сульфат-аниона, что является прямым следствием влияния болот на состав речных вод. Как правило, для него характерны максимальные концентрации в вегетационный период, связанные с процессами окисления наземных, водных веществ растительного и животного происхождения и выносом продуктов окисления с поверхностными водами. Например, для р. Андарма – с. Панычево из 7 лет наблюдений, за которые имеются анализы для всех сезонов, максимальные концентрации сульфат-аниона наблюдались 5 лет в половодье.

Нет однозначности в сроках наблюдения максимальных концентраций суммы ионов $\text{Na}^+ + \text{K}^+$. Например, на р. Икса – с. Плотниково максимальная концентрация $\text{Na}^+ + \text{K}^+$ наблюдалась зимой 2004 г. ($40,8 \text{ мг/дм}^3$), в 2005 г. – в сентябре ($53,8 \text{ мг/дм}^3$), а в 2006 г. – в половодье ($69,2 \text{ мг/дм}^3$).

Различия сезонных средних многолетних концентраций могут достигать больших величин, например в 1,5–4 раза – для ионов Ca^{2+} и HCO_3^- ; в 1,2–2,0 раза – для Mg^{2+} и Cl^- ; менее всего – для аниона $\text{Na}^+ + \text{K}^+$ – в среднем в 1,5 раза (табл. 3).

Концентрации за межень в табл. 3 рассчитаны по соответствующим значениям летне-осеннего сезона и зимней межени по формуле (2). Среднегодовая минерализация также является средневзвешенной величиной минерализаций половодья, летне-осеннего сезона и зимней межени.

Таблица 3

Сезонные концентрации, рассчитанные с учетом объемов водного стока за сезоны и годы (метод среднего арифметического взвешенного), за период наблюдений 1997–2009 гг., мг/дм^3

Ион	Сезон	р. Шегарка – с. Бабарыкино	р. Икса – с. Плотниково	р. ПарABELЬ – с. Новиково	р. Андарма – с. Панычево
Mg^{2+}	Половодье	12,0	6,6	5,1	5,8
	Межень	15,9	11,8	9,8	12,0
Ca^{2+}	Половодье	39,6	21,2	16,9	24,3
	Межень	80,1	36,9	46,9	63,2
$\text{Na}^+ + \text{K}^+$	Половодье	22,5	25,0	21,7	27,4
	Межень	26,0	30,0	25,9	41,1
Cl	Половодье	6,8	5,6	2,0	3,6
	Межень	11,3	7,0	5,7	4,7
SO_4^{2-}	Половодье	58,6	69,9	56,6	62,9
	Межень	36,9	67,5	43,8	65,0
HCO_3^-	Половодье	152	68,6	62,6	63,0
	Межень	307	142	166	263
Минерализация	Половодье	291	200	169	197
	Межень	473	296	288	457
	Средняя годовая	399	234	226	322

Примечание. Полу жирным курсивом выделены концентрации, которые можно считать фоновыми в силу репрезентативности ряда наблюдений.

Репрезентативность гидрохимических данных определялась относительной средней квадратической ошибкой (σ_c) среднего значения ряда наблюдений, показывающей, насколько она отличается от нормы. Длина ряда считается достаточной для определения средней концентрации (C_{cp}) и коэффициента вариации (C_v), если $\sigma_c < 10\%$ и $\sigma_{cv} < 10\%$.

Межгодовая динамика макрокомпонентов. Исследование рядов концентраций химических элементов на тренд производилось отдельно для сезонов и средних годовых значений методом анализа показателя трендовых изменений [13]. Анализируются средние концентрации, рассчитанные методом среднего взвешенного. Для временного ряда вычислялся показатель трендовых изменений Y по формуле

$$Y = \frac{\sum_{i=1}^n C_i - C_0}{C_0},$$

где C_i – число последующих членов ряда, превышающих предыдущие; n – число наблюдений; $C_0 = n(n-1)/4$.

При $Y = -1$ – ряд убывающий, $Y = 1$ – ряд возрастающий, $Y = 0$ – тренд отсутствует.

Статистическая значимость показателя Y оценивается переходом от переменной Y к Z по формуле

$$Z = 3Y \sqrt{\frac{C_0}{n+0.25}}.$$

Если $|Z| > 1,96$, то с вероятностью ошибки 0,05 (т.е. на уровне значимости 0,05) можно утверждать, что наличие тренда достоверно.

Наличие статистически достоверных тенденций на увеличение выявлено для среднегодовых концентраций ионов $\text{Na}^+ + \text{K}^+$, а также на уменьшение аниона HCO_3^- в водах рр. Икса и Парабель (рис. 3).

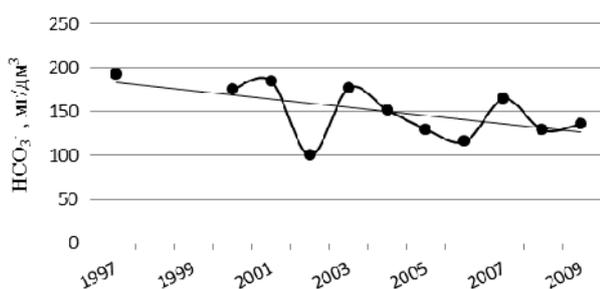

Рис. 3. Динамика среднегодовых концентраций иона HCO_3^- в водах р. Икса – с. Плотниково

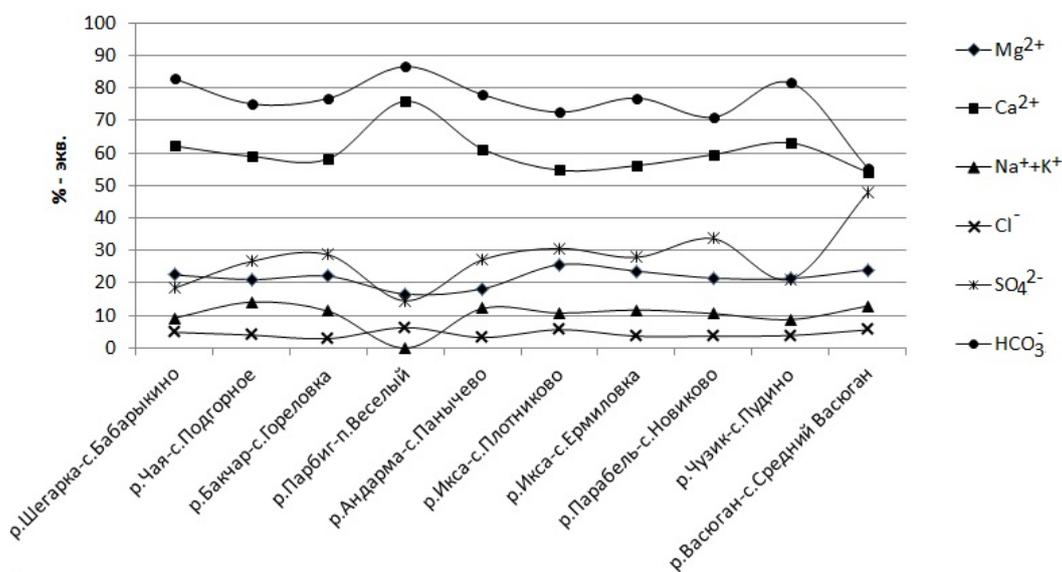

Рис. 4. Пространственное распределение концентраций главных ионов, %-эquiv.

Нарушение характерного для района соотношения между ионами в водах р. Парбиг – п. Веселый, скорее всего, объясняется малым числом проб.

Следует отметить довольно высокие концентрации сульфат-аниона в водах исследуемых рек. В ряде работ, например [3, 6, 10], концентрации иона SO_4^{2-} в

Статистически незначимые тенденции различной направленности зафиксированы также для ионов:

- катиона магния в летне-осенний сезон и зимнюю межень на р. Парабель – с. Новиково;
- ионов Ca^{2+} и Cl^- в половодье на р. Парабель – с. Новиково;
- иона SO_4^{2-} в межень и в средних годовых концентрациях на р. Шегарка – с. Бабарыкино;
- аниона HCO_3^- на уменьшение в межень на р. Икса – с. Плотниково и на увеличение в средних годовых концентрациях на р. Шегарка – с. Бабарыкино.

Для каждого макрокомпонента построена картограмма изолиний пространственного распределения концентраций по исследуемой территории. Для макрокомпонентов Mg^{2+} , Ca^{2+} , Cl^- и HCO_3^- эти оценки хорошо согласуются с полученными менее затратным методом – простым геометрическим средним (табл. 2). Для левобережных притоков Средней Оби прослеживается тенденция уменьшения концентраций главных ионов и их суммарного содержания с юго-запада на северо-восток, за исключением аниона SO_4^{2-} .

Для установления степени сходства (или различий) ионно-солевого состава речных вод рассматриваемого района использовалась процент-мольная (%-эquiv.) форма выражения средних многолетних концентраций макрокомпонентов, рассчитанных методом среднего арифметического. Эта форма позволяет оценивать относительную долю, занимаемую разными ионами во всей ионно-солевой массе. Как видно из рис. 4, ионно-солевой состав (соотношение между ионами) речных вод рассматриваемого района различается незначительно.

речных водах этого района существенно ниже. В то же время в процент-мольном выражении (%-эquiv.), являющемся одним из методов контроля точности химического анализа нейтральных сред, соотношение между содержанием катионов и анионов имеет приемлемую точность (95 на 100%).

Выводы. Распределение средних содержаний главных ионов в речных водах в целом является вполне объяснимым и коррелирует с интенсивностью водообмена.

В среднем концентрации ионов, рассчитанные по методу среднего геометрического, оказались заниженными, по сравнению с методом среднего арифметического, на 24%. Для макрокомпонентов Mg^{2+} , HCO_3^- и минерализации оценки многолетних концентраций методом среднего арифметического взвешенного достаточно хорошо согласуются с полученными менее затратным методом – простым геометрическим средним.

Хотя получение фоновых оценок концентраций с учетом объемов стока в разные фазы водного режима трудоемко, однако позволяет получать более надежные, генетически обоснованные результаты.

Анализ колебаний среднегодовых концентраций макрокомпонентов с 1997 по 2009 г. позволил установить, что выраженных изменений в рассматриваемых пунктах за вышеобозначенный период не произошло: зафиксированы лишь статистически значимые тенденции на уменьшение средних годовых концентраций аниона HCO_3^- в водах р. Парабель – с. Новиково и суммы катионов Na^++K^+ на увеличение в водах рр. Икса и Парабель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земцов В.А., Крутовский А.О., Хасанов В.В., Кривошапко А.И. Экорегionalный подход к исследованию качества речных вод // Фундаментальные проблемы воды и водных ресурсов на рубеже третьего тысячелетия : материалы междунар. науч. конф. Томск : Изд-во НТЛ, 2000. С. 114–118.
2. Воиштинова Е.С., Парфенова Г.К. Изучение ионно-солевого состава поверхностных вод как составляющая оценки экологического состояния территории // Проблемы региональной экологии. 2012. № 6. С. 33–37.
3. Савичев О.Г., Базанов В.А., Скугарев А.А., Харанжевская Ю.А., Шмаков А.В. Водный и гидрохимический режим восточной части Васюганского болота (Западная Сибирь, Россия) // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316, № 1. С. 119–124.
4. Инишева Л.И., Инишев Н.Г. Элементы водного баланса и гидрохимическая характеристика олиготрофных болот южно-таежной подзоны Западной Сибири // Водные ресурсы. 2001. Т. 28, № 4. С. 410–417.
5. Дубровская Л.И., Дроздова Д.В., Кураков С.А. Оценка элементов водного баланса и их динамика на заболоченных водосборах Васюганского болота // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 5. С. 112–116.
6. Харанжевская Ю.А. Ионный сток рек заболоченных территорий Западной Сибири // Вода: химия и экология. 2014. № 11 (77). С. 18–26.
7. Дубровская Л.И., Брежнева Е.С. Состав и многолетняя динамика гидрохимического стока заболоченных водосборов с олиготрофно сопряженными ландшафтами // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 3. С. 108–113.
8. Савичев О.Г. Условия формирования ионного стока в бассейне средней Оби // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308, № 2. С. 54–58.
9. Лыготин В.А., Макушин Ю.В., Савичев О.Г., Кириленко Т.Д. Особенности и факторы формирования гидрохимического состояния поверхностных водных объектов на территории Томской области // География и природные ресурсы. 2005. № 1. С. 39–46.
10. Савичев О.Г. Фоновые концентрации веществ в речных водах таежной зоны Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 169–175.
11. Методические указания. Проведение расчетов фоновых концентраций химических веществ в воде водотоков: РД 52.24.622-2001. М. : Росгидрометслужба, 2001. 83 с.
12. Земцов В.А. Экорегions бассейна Верхней и Средней Оби и определение целевых гидрохимических показателей качества вод местного стока // Доклады VI Всероссийского гидрологического съезда (28 сент. – 1 окт. 2004 г., Санкт-Петербург). Секция 4. Часть 2. СПб. : Метеоагентство Росгидромета, 2006. С. 67–71.
13. Кобзарь А.И. Прикладная математическая статистика: для инженеров и научных работников М. : ФИЗМАТЛИТ, 2006. 816 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 12 мая 2015 г.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CALCULATION METHODS OF THE BACKGROUND CONCENTRATIONS OF MAJOR IONS IN THE LEFT TRIBUTARIES OF THE MIDDLE OB RIVER

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 225–231. DOI: 10.17223/15617793/396/39

Dubrovskaya Larisa I., Dmitreva Natalya S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dubrli@sibmai.com; hydro@ggf.tsu.ru

Keywords: background concentrations; ion-salt structure; river water; wetland catchment; Western Siberia.

The average seasonal and multi-year concentration of macro-nutrients of river water and their spatial and temporal changes in wetland watersheds of the northeastern the Great Vasyugan Mire is calculated in this paper. The change of the ion-salt structure of the surface water is considered based on data of the Federal Service for Hydrometeorology and Environmental Monitoring (12 hydrological stations for 13 years (1997–2009)). A comparative analysis of the calculations of the background concentrations by various methods – the arithmetic mean, the weighted average arithmetic, the geometric mean – is presented. The calculation of the background concentrations of major ions by the weighted average arithmetic based on the idea of the unity of the formation of the water and the chemical runoffs of a river due to the genetic heterogeneity of the nourishment sources of the rivers in the different phases of the water regime [1; 12]. The weights that were used are: when calculating the mean concentration per year the volume shares of water runoff in hydrological phases; when calculating the average long-term concentrations the volume shares of the annual runoff in the total for a long-term period. With this approach, it is easy to single out background concentrations of warm and cold periods of the year. For each macro-component a map of the spatial distribution of concentrations for the studied area was built. For Mg^{2+} , Ca^{2+} , Cl^- , and HCO_3^- macro-components, these estimates comply with those obtained by a less costly method – the simple geometric mean. The quantitative differences of the concentrations of macro-components depending on the phase of the water regime in the river basins of different swampiness are analyzed. The distribution of the average content of the main ions in river waters as a whole is quite understandable and well correlated with the intensity of water exchange. A linear dependence was determined between the long-term average sum of major ions and the runoff rate of the left bank tributaries of the Middle Ob during the observation period of 1997–2009 with the quality of the approximation of $S/\sigma=0.6$. The analysis of the trends in the row of concentrations revealed statistically

significant ones for some of them. The long-term dynamics of the anion HCO_3^- has a statistically significant trend for the Ikksa River. The concentration of ions $\text{Na}^+ + \text{K}^+$ during the observation period from 2002 to 2009 are characterized by a significant trend for an increase in the Ikksa and the Parabel rivers. It is concluded that although obtaining estimates of background concentrations and mineralization based on the volume of the runoff in different phases of the water regime is time-consuming and complex, yet it yields more reliable, genetically-based results.

REFERENCES

1. Zemtsov, V.A., Krutovskiy, A.O., Khasanov, V.V. & Krivoschapko, A.I. (2000) [Ecoregional approach to the study of river water quality]. *Fundamental'nye problemy vody i vodnykh resursov na rubezhe tret'ego tysyacheletiya* [Fundamental problems of water and water resources at the turn of the third millennium]. Proc. of the international scientific conference. Tomsk: NTL. pp. 114–118. (In Russian).
2. Voistinova, E.S. & Parfenova, G.K. (2012) Izuchenie ionno-solevogo sostava poverkhnostnykh vod kak sostavlyayushchaya otsenki ekologicheskogo sostoyaniya territorii [The study of ion-salt composition of surface water as a component of evaluation of the ecological state of the territory]. *Problemy regional'noy ekologii*. 6. pp. 33–37.
3. Savichev, O.G., Bazanov, V.A., Skugarev, A.A., Kharanzhevskaya, Yu.A. & Shmakov, A.V. (2010) Vodnyy i gidrokhimicheskiy rezhim vostochnoy chasti Vasyuganskogo bolota (Zapadnaya Sibir', Rossiya) [Water and hydrochemical regime of the eastern part of the Vasyugan Mire (Western Siberia, Russia)]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. 316 (1). pp. 119–124.
4. Inisheva, L.I. & Inishev, N.G. (2001) Elements of Water Balance and Hydrochemical Characteristic of Oligotrophic Bogs in the Southern Taiga Subzone of Western Siberia. *Vodnye resursy – Water Resources*. 28 (4). pp. 410–417. (In Russian).
5. Dubrovskaya, L.I., Drozdova, D.V. & Kurakov, S.A. (2011) Estimation of Water Balance Elements and Their Times Dynamics on Marshland Waterpool with Big Vasyugan Mire. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 5. pp. 112–116. (In Russian).
6. Kharanzhevskaya, Yu.A. (2014) Ion flow of wetlands rivers in Western Siberia. *Voda: khimiya i ekologiya – Water: Chemistry and Ecology*. 11 (77). pp. 18–26. (In Russian).
7. Dubrovskaya, L.I. & Brezhneva, E.S. (2010) Composition and times dynamics of hydrohimichal flow with river-water from oligotrophic associate landscape. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 3. pp. 108–113. (In Russian).
8. Savichev, O.G. (2005) Usloviya formirovaniya ionnogo stoka v basseynе sredney Obi [Terms of ion runoff formation in the basin of the Middle Ob]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. 308 (2). pp. 54–58.
9. L'gotin, V.A., Makushin, Yu.V., Savichev, O.G. & Kirilenko, T.D. (2005) Peculiarities and factors of the formation of the hydrochemical state of surface waters in the Tomsk Region. *Geografiya i prirodnye resursy – Geography and Natural Resources*. 1. pp. 39–46. (In Russian).
10. Savichev, O.G. (2010) Background concentration of substances in river waters of the taiga zone of Western Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 334. pp. 169–175. (In Russian).
11. RD 52.24.622-2001. (2001) *Metodicheskie ukazaniya. Provedenie raschetov fonovykh kontsentratsiy khimicheskikh veshchestv v vode vodotokov* [Guidelines. Calculations of background concentrations of chemicals in water streams]. Moscow: Rosgidrometsluzhba.
12. Zemtsov, V.A. (2006) [Ecoregions of the basin of the Upper and Middle Ob and the definition of target hydrochemical indices of local runoff water quality]. *Doklady VI Vserossiyskogo gidrologicheskogo s"ezda* [Reports of the VI All-Russian Hydrological Congress]. St. Petersburg. 28th September to 1st October 2004. Section 4. Pt. 2. St. Petersburg: Meteoagentstvo Rosgidrometa. pp. 67–71. (In Russian).
13. Kobzar', A.I. (2006) *Prikladnaya matematicheskaya statistika: dlya inzhenerov i nauchnykh rabotnikov* [Applied mathematical statistics: for engineers and scientists]. Moscow: FIZMATLIT.

Received: 12 May 2015

РЕДКОЗЕМЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПОВЕРХНОСТНЫХ ВОДАХ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ. ОСОБЕННОСТИ НАКОПЛЕНИЯ И ФРАКЦИОНИРОВАНИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 14-17-00415).

Исследована распространенность редкоземельных элементов в поверхностных водах Амурской области. Установлены уровни содержаний РЗЭ в природных водотоках с разной антропогенной нагрузкой и изучены их корреляционные связи с основными ионами, а также алюминием, железом и марганцем. Показано, что при взаимодействии природных вод с водовмещающими породами происходит фракционирование РЗЭ в ряду от легких к тяжелым, что приводит к накоплению гадолиния и тербия. Расчет основных форм миграции РЗЭ показал, что основной неорганической формой миграции растворенных РЗЭ в поверхностных водах региона являются РЗЭ³⁺.

Ключевые слова: редкоземельные элементы; формы миграции; состав поверхностных вод.

Введение. Вот уже более четверти века геохимия и распространенность редкоземельных элементов (РЗЭ) в поверхностных природных водах являются объектом детального исследования [1], поскольку РЗЭ могут быть использованы в качестве трассеров геохимических процессов, протекающих при взаимодействии природных вод с водовмещающими породами [2]. Возможность использования РЗЭ в качестве маркеров определяется тремя их главными качествами, а именно: абсолютными концентрациями, способностью к фракционированию и аномальным поведением отдельных РЗЭ.

Общеизвестно, что РЗЭ представляют собой группу элементов, которые обладают сходными химическими свойствами, однако их концентрации в геологических объектах различны. В свободном состоянии РЗЭ являются типичными металлами, которые, как правило, трехвалентны (+3), хотя церий, празеодим, тербий могут изменять валентность до +4, а неодим, самарий, европий, туллий, иттербий – до +2. В гипергенных условиях только церий может окисляться до четырехвалентного состояния, всем же остальным РЗЭ присуща валентность +3. Своеобразие РЗЭ состоит в том, что близость химических свойств определяет, на первый взгляд, совершенно одинаковое поведение их в природных процессах [3]. С одной стороны, слабое изменение составов РЗЭ позволяет им сохранять содержание РЗЭ источников исходного вещества, с другой стороны, отличия в химических свойствах РЗЭ постепенно возрастают вместе с ростом заряда ядра [4]. Максимальные различия проявляются у лантана и лютеция, поэтому часто в геологических процессах происходит заметное разделение (фракционирование) легких и тяжелых РЗЭ. Поскольку в ряду РЗЭ два элемента – церий и европий, могут менять свои степени окисления и отделяться от других РЗЭ в зависимости от обстановки (в окислительных или восстановительных условиях) [5], то часто данные о распространенности и поведении РЗЭ на объекте используют для реконструкции окислительно-восстановительных условий среды [6].

В настоящее время опубликовано достаточно много работ, касающихся геохимии и распределения РЗЭ в природных водах по всему земному шару [7]. Исследование речного переноса РЗЭ [8, 9] позволило

установить, что взвешенная форма преобладает во время водной миграции РЗЭ, а также выявило существенные различия в накоплении РЗЭ в различных реках Земли и показало, что содержание РЗЭ во взвеси отдельных рек весьма значительно различается и находится в зависимости от ряда факторов (величины рН, присутствие коллоидных частиц и др.).

В последние годы была проведена большая работа по изучению распространенности и фракционирования РЗЭ в природных водах Дальнего Востока [10], однако все они были выполнены на объектах, расположенных в южной части территории – в Приморском крае [11]. Данных о содержании и поведении РЗЭ в природных поверхностных водах Амурской области практически нет.

Основной целью данной работы являлось исследование распространенности РЗЭ в поверхностных водах Амурской области, выяснение возможности использования РЗЭ для геохимической типизации этих вод, а также их применения при определении областей их питания. Кроме того, в работе приводятся сведения по микроэлементному составу поверхностных вод Амурской области, полученные за последние три года с применением современных аналитических методов.

Объект и методы исследования. В основу работы положены результаты детальных гидрохимических исследований поверхностных водотоков бассейнов трех рек – Амура, Лены и Уды. Всего было изучено более 15 водотоков (рис. 1), период опробования составлял 3 года (2011–2013 гг.). Для исключения процессов разубоживания поверхностных вод атмосферными водами отбор проб производился в наиболее засушливый сезон. Полевое исследование включало в себя описание источника, отбор проб воды на различные виды анализа. Географические координаты определялись GPS-приемником, измерения проводились в системе WGS-84. При проведении полевых исследований и отборе проб нестабильные параметры измерялись непосредственно на месте отбора воды. Проводился сокращенный полевой анализ воды, включающий определения рН, Cl^- , SO_4^{2-} , NO_3^- , HCO_3^- , CO_2^- , Ca^{2+} , $\text{Fe}_{\text{общ}}$, CO_3^{2-} , H_2SiO_3 , NH_4^+ , NO_2^- , окисляемости, сухого остатка и физических свойств (температуры, цвета, запаха). Для определения рН, растворенного

кислорода, электропроводности, карбонат-иона и окислительно-восстановительного потенциала ис-

пользовались переносные тест-комплекты (фирмы HANNA).

Рис. 1. Схема района исследования поверхностных вод Амурской области. Жирными точками отмечены места отбора проб

Пробы для анализа катионов и сульфатов отфильтровывались через целлюлозный фильтр (0,45 мкм) на месте отбора для удаления взвеси и были подкислены азотной кислотой. Пробы для анализа анионов также фильтровались и собирались в полиэтиленовые пузырьки (без подкисления).

Для определения химических элементов и компонентов в водах использовались различные аналитические методы. Основные катионы и анионы определялись методом жидкостной ионной хроматографии (HPLC-10AVp, SHIMADZU), а микро- и рассеянные элементы (70 элементов) анализировались с использованием плазменно-оптической эмиссионной спектрометрии (ICP-AES, Plasmaquant-110) и индуктивной плазменной масс-спектрометрии (ICP-MS, Agilent 7500с) в аналитическом центре ЦКП (ПЦЛЭИА) ДВГИ ДВО РАН. Анализ выполнен согласно нормативным документа [12, 13]. Контроль стабильности результатов измерения осуществлялся согласно ГОСТ Р ИСО 5725-6 [14]. Точность определения РЗЭ составляла не менее 5% RSD.

Для расчета неорганических форм миграции РЗЭ был использован подход, детально описанный в работе Джоханессона с соавторами [15]. Важно отметить, что предложенный подход не требует специального

ввода концентраций РЗЭ, поскольку комплексообразование РЗЭ в природных водах происходит точно так же, как комплексообразование у металлов с соответствующими константами устойчивости [16]. Свободные неорганические концентрации лигандов, используемых при моделировании форм миграции (например, $[CO_3^{2-}]$, $[SO_4^{2-}]$), были вычислены из основного состава раствора воды с использованием компьютерной программы PHREEQE [17].

Для проверки правильности полученных результатов применялся программный комплекс Селектор-Windows [18], в котором использовалась база термодинамических данных SUPCRT 2007, содержащая термодинамические параметры для всех РЗЭ. Для удобства сопоставления наших данных с уже опубликованными [19] и упрощения подачи результатов моделирования, для характеристики легких РЗЭ был использован лантан, средних РЗЭ – гадолиний и тяжелых РЗЭ – иттербий.

Результаты исследования. По анионному составу почти все исследованные водотоки гидрокарбонатные, а по катионному – смешанные (рис. 2). Наблюдается отчетливое смещение катионного состава поверхностных вод региона в сторону кальциево-

магниевого составляющей, в то время как атмосферные осадки преимущественно натриево-калиевые. По кислотно-щелочным условиям водотоки около нейтральные, рН раствора варьирует незначительно и

составляет 6,15–6,75. Минерализация изученных рек, за исключением рр. Хайкта (минерализация 434 мг/л) и Талдан (минерализация 274 мг/л), низкая и не превышает 144,7 мг/л (табл. 1).

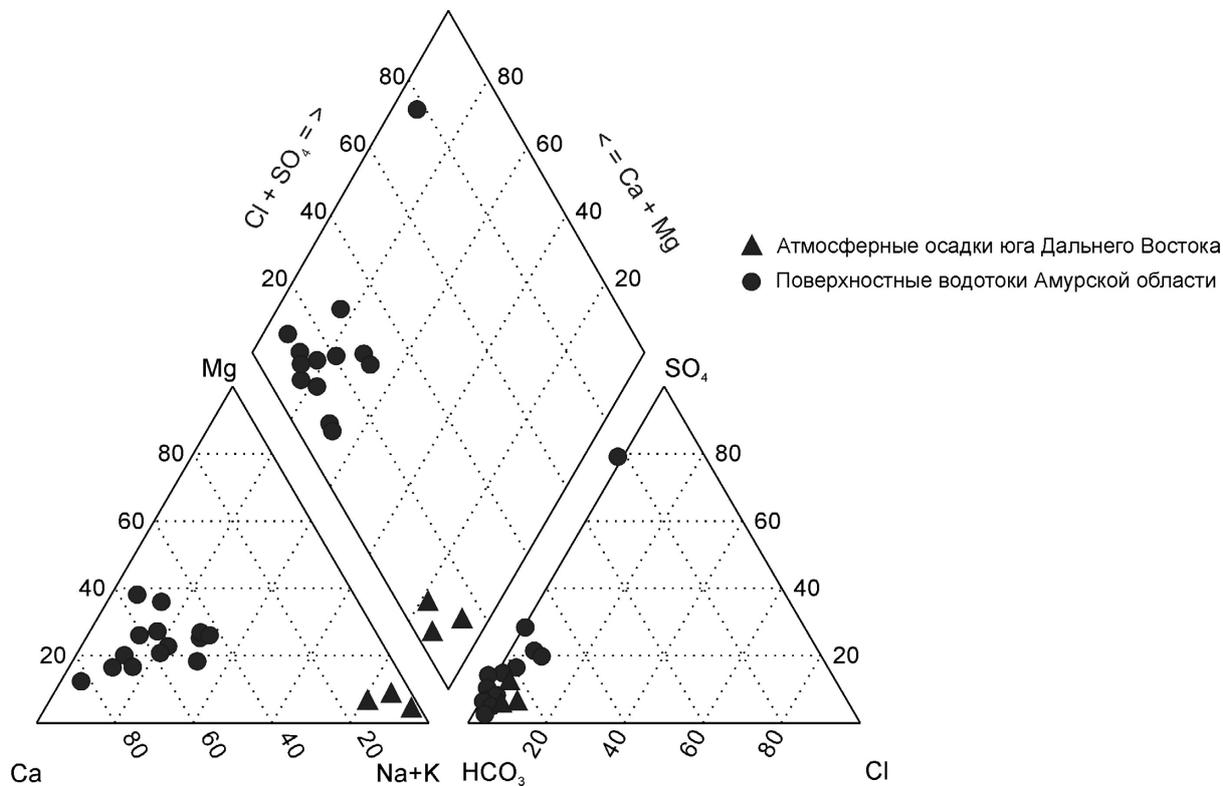

Рис. 2. Соотношение основных ионов в атмосферных осадках и поверхностных водах Амурской области

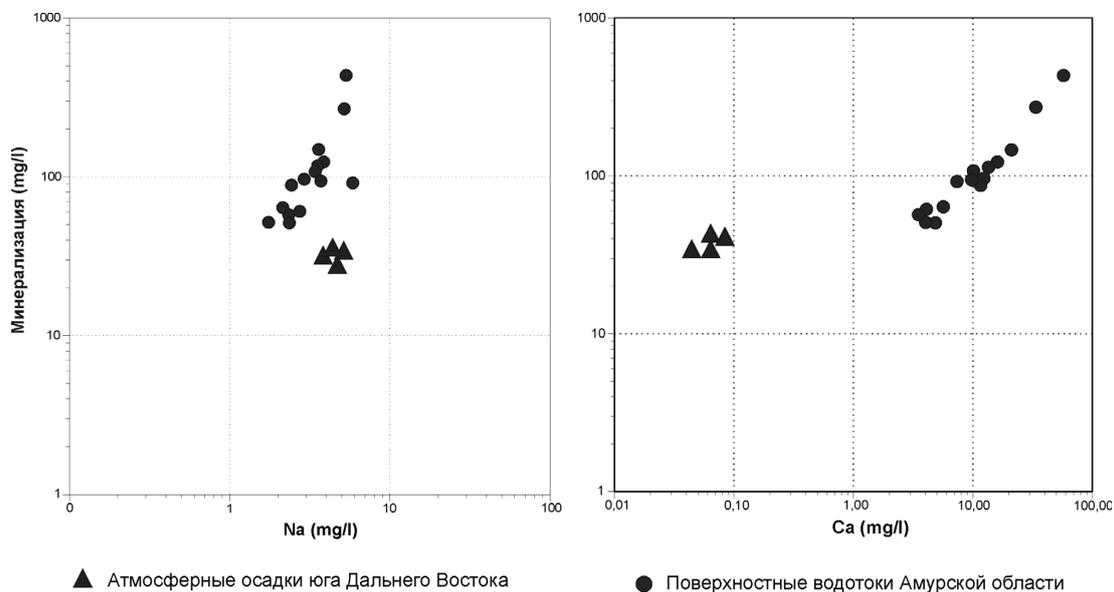

Рис. 3. Зависимость минерализации атмосферных осадков и поверхностных вод Амурской области от содержания в водах катионов натрия и кальция

С увеличением минерализации катионный состав вод не меняется. Содержание сульфат-иона в исследованных водотоках различно, в водах с малой антропогенной нагрузкой концентрации SO_4^{2-} не превышают 8,8 мг/л. В трех водотоках с высокой антропогенной составляющей – в рр. Хайкта и Талдан, а также в

руч. Колбачий – отмечены повышенные содержания сульфат-иона: 172; 17,8 и 13,2 мг/л соответственно. Столь высокое содержание сульфат-иона вызвано активным окислением сульфидных руд, которые непосредственно находятся в контакте с атмосферой, на участках техногенно-нарушенного ландшафта.

Химический состав поверхностных вод Амурской области

Название реки	pH	Минерализация, мг/л	Катионы, мг/л							Анионы, мг/л										
			Li	Na ⁺	NH ₄ ⁺	K ⁺	Ca ²⁺	Mg ²⁺	F ⁻	Cl ⁻	NO ₂ ⁻	NO ₃ ⁻	SO ₄ ²⁻	HCO ₃ ⁻						
Хайкта	6,15	434,00	0	5,5	3,3	1,2	59,8	5,7	0,006	0,7	0,03	89,6	172,3	58						
Руч. Колбачи	6,15	95,07	0,002	3	0,2	1,4	12,6	2	0	0,8	0	117,1	13,2	42,1						
Б. Мадалан	6,20	144,70	0,004	3,7	0,2	1,3	21,8	3,2	0,05	0,9	0	3,3	8,8	84,1						
Ольдой	6,22	114,60	0,004	3,6	0,2	2,1	13,8	3,1	0	1	0	23,8	4,1	66,4						
Невер	6,24	122,90	0,004	3,9	0,1	0,8	15,8	4,3	0	0,8	0	12,1	7,1	71,8						
Керак	6,05	87,90	0,006	2,5	0,1	0,8	11,9	2,3	0,03	0,1	0	2,6	5,3	47,3						
Талдан	6,20	274,00	0,006	5,3	0,3	1,5	35,5	15,5	0,1	2,4	0,1	41,6	17,8	174,1						
Ольга	6,10	107,10	0,003	3,5	0,1	1	10,9	4,86	0,06	0,7	0	2,2	4,5	60,3						
Амур	6,15	93,11	0,005	3,8	0,1	0,7	9,9	2,9	0,1	0,9	0	3,3	6	44,8						
Урка	6,53	56,48	0	2,4	0,2	0,9	3,6	1,3	0,07	0,9	0	8,1	3,2	13,6						
Зея	6,75	63,80	0	2,2	0,1	1,3	5,8	1,5	0,1	0,9	0	2,9	4,1	24,3						
Томь	6,35	60,55	0,002	2,8	0,1	1,1	4,1	1,4	0,08	0,8	0,02	1,8	1,2	27,08						
Завятая	6,51	90,50	0,005	6	0,1	1,6	7,5	2,8	0,09	1,5	0	2,9	2,2	47,8						
Буряя	6,57	50,80	0,002	1,8	0,1	0,8	4,8	1,1	0,07	0,5	0	0,7	2	22,6						
Архара	6,15	51,00	0,002	2,4	0,3	1,5	4,1	0,9	0,1	1,5	0	2,1	3,9	17,7						

Название реки	Микрокомпоненты, мкг/л																				
	Al	B	Va	Cd	Co	Cr	Cu	Fe	Mn	Ni	Pb	Sr	Zn	Be	Sc	V	As	Rb	Cs	Th	U
Хайкта	949	0,19	21,8	96,8	19	0,175	83,2	40,3	3470	13,6	22,6	225	13300*	0,527	0,042	0,078	0,342	7,370	0,206	0,034	1,520
Руч. Колбачи	35,6	0,21	12,8	0,313	0,078	0,11	1,15	57,2	8,98	0,347	1,55	73	360	0,005	0,016	0,151	0,257	0,271	<0,002	0,008	0,117
Б. Мадалан	81,1	0,19	17,3	0,164	0,134	0,257	2,34	42,1	23,4	1,43	1,64	125	639	0,011	0,024	0,356	0,523	0,661	0,011	0,011	0,229
Ольдой	441	0,28	35,5	0,182	0,45	1,01	2,71	694	75,2	1,13	1,08	110	622	0,032	0,084	1,700	1,310	1,590	0,066	0,166	0,418
Невер	18,8	0,09	11	0,069	0,107	0,21	0,878	232	52,6	0,685	0,767	108	689	0,007	0,012	0,158	0,501	0,366	0,021	0,005	0,056
Керак	19,8	0,17	19,2	0,042	0,156	0,323	0,756	149	139	0,589	1,51	175	53,4	0,008	0,019	0,217	1,580	0,526	0,014	0,009	0,081
Талдан	9,55	0,11	21,7	0,060	0,464	0,301	0,526	593	425	1,03	0,331	326	201	0,007	0,016	0,440	1,110	1,130	0,079	0,007	1,180
Ольга	27,8	0,10	16,1	0,023	0,241	0,285	1,77	627	65,7	2,53	0,469	113	114	0,009	0,018	0,333	1,590	0,915	0,025	0,009	0,098
Амур	126	0,13	19,7	0,015	0,135	0,816	1,26	231	11,8	0,979	0,315	104	113	0,012	0,019	0,815	1,330	0,727	<0,002	0,010	0,348
Урка	16,9	0,16	25,8	0,041	0,347	0,301	1,57	1480	58	1,36	0,668	64,6	583	0,005	0,024	0,122	1,370	0,506	0,006	0,013	0,013
Зея	68	0,09	12,3	0,015	0,077	0,288	1,47	340	15,6	0,784	0,37	40,2	126	0,012	0,031	0,307	0,460	0,605	0,013	0,035	0,089
Томь	21,9	0,07	11,6	0,059	0,149	0,192	1,98	530	18,8	1,35	0,489	27,4	1470	0,011	0,020	0,338	0,420	0,880	0,014	0,016	0,042
Завятая	43,3	0,03	12,6	0,014	0,724	0,608	1,42	1760	47,3	1,5	0,31	44,7	74,9	0,028	0,031	0,679	1,230	0,721	0,004	0,021	0,030
Буряя	43,8	0,09	6,41	0,003	0,04	0,168	0,411	197	21,1	0,243	0,0669	19,3	17,3	0,012	0,021	0,096	0,252	0,547	<0,002	0,045	0,138
Архара	121	0,03	7,81	0,044	0,129	0,428	1,43	287	11,6	1,01	0,626	19,6	1060	0,048	0,050	0,435	0,354	0,451	0,009	0,131	0,289

Примечание: Определение содержания основных компонентов в водных пробах выполнено методом масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой на спектрометре Agilent 7500 и ионной хроматографии в ЦКП (ПЦЛЭИА) ДВГИ ДВО РАН (аналитик Е.В. Еловский).

Наши данные практически полностью идентичны результатам, полученным ранее [20]. Содержания хлор- и фтор-ионов в поверхностных водах Амурской области невысокие и не превышают 2,4 мг/л. Максимальные значения Ca^{2+} и HCO_3^- отмечаются в рр. Хайкта, Большой Маладан и Талдан, а максимальные значения Na^+ – K^+ – в рр. Хайкта, Талдан и Завятая.

Анализ корреляционных связей отдельных компонентов показал, что как и в поверхностных водотоках Приморского края [21], минерализация поверхностных вод Амурской области напрямую коррелирует с концентрациями в водах катионов натрия и кальция (рис. 3).

Содержание микрокомпонентного состава исследованных рек приведено в табл. 1. Отчетливо видно, что колебания значений микроэлементов в поверхностных водах территории значительны. Тем не менее можно выделить одну общую закономерность – повышенные концентрации практически всех микрокомпонентов (Al, Ba, Cd, Co, Cu, Fe, Mn, Ni, Pb, Sr, Zn, Be, Rb, Cs, U) характерны для рек с высокой антропогенной нагрузкой: Хайкта, Ольдой, Архара, Б. Маладан, Талдан. В пробах воды, отобранной из р. Талдан, обнаружены очень высокие концентрации стронция (до 326 мкг/л) и урана (до 1,18 мкг/л) и повышенные бария (до 21,7 мкг/л), кобальта (0,464 мкг/л), железа (593 мкг/л), марганца (425 мкг/л), цинка (201 мкг/л) и рубидия (1,13 мкг/л). Столь высокие содержания вышеперечисленных элементов вызваны сбросом сточных вод пос. Талдан.

Содержания V, As, Be, Sc, Cs находятся в пределах фоновых значений. Содержание алюминия в водах невелико и лежит в пределах 10–80 мкг/л, только в четырех реках уровень концентрации этого элемента превышает 100 мкг/л, максимальные значения 949 мкг/л зафиксированы в р. Хайкта, что совпадает со значениями, опубликованными ранее [20].

Содержание общего растворенного железа в водах достаточно велико и составляет сотни микрограммов на литр (табл. 1), только в двух водотоках – на р. Хайкта и руч. Колбачи – концентрация $\text{Fe}_{\text{общ}}$ невысокая и составляет первые десятки мкг/л. В пробах воды, отобранных из рр. Урга и Завятая, были определены очень высокие концентрации железа – 1 480 и 1760 мкг/л соответственно. Повышенная железистость данных вод связана не с антропогенным воздействием, а с влиянием природных факторов (растворением железосодержащих минералов почв и горных пород таежных территорий либо подтоком болотных вод и т.д.). Выщелачивание железа из минералов и миграция этого элемента в воде происходит в составе тонкодисперсных фракций почв и осадочных пород и в виде суспензий. Сравнение содержания железа в р. Амур на участке возле г. Благовещенска с данными опробования реки возле г. Хабаровск, а также на других участках показало их полное соответствие. По данным В.А. Чудаевой [21], большая роль в миграции $\text{Fe}_{\text{раств}}$ в р. Амур принадлежит органической форме (органоминеральные комплексы), которая часто превышает половину его суммарного содержания. Высокая подвижность элемента в водах р. Амур обусловлена торфообразова-

нием и формированием фульватного (кислого) гумуса в горно-таежных почвах.

Миграция марганца в поверхностных водах Амурской области происходит в основном во взвешенной форме и может составлять до 80% суммарного содержания элемента в водотоке. В растворенной форме содержание марганца в исследованных реках соответствует десяткам микрограммов на литр (см. табл. 1). Максимальные значения 3 470 мкг/л отмечены в р. Хайкта и вызваны техногенным загрязнением. Роль органического вещества в миграции растворенной формы марганца не установлена, однако она, видимо, незначительна [8].

Общее содержание всех растворенных форм РЗЭ в исследованных водотоках невелико и находится в диапазоне 0,4–1,1 мкг/л. Исключение составляют три реки: Архара, Ольдой и Хайкта, где содержание всех $\text{РЗЭ}_{\text{раств}}$ многократно увеличено и составляет 4,18; 5,78 и 77,92 микрограммов на литр соответственно. Столь высокие концентрации РЗЭ в трех реках, несомненно, являются результатом активного антропогенного влияния на природные поверхностные воды. Сравнение содержания РЗЭ в водотоках Амурской области с кларками гидросферы и данными по содержанию РЗЭ в природных водах Хакасии [22] и Приморского края [11, 23, 24] показало их соответствие кларку речной воды и содержанию в водотоках Приморского края, и значительному превышению над концентрациями РЗЭ в водах Хакасии. Сопоставление минерализации природных вод и суммарного содержания РЗЭ в воде показывает, что чем более минерализованные воды, тем выше в них сумма РЗЭ. Однако, поскольку общее количество РЗЭ в воде зависит также (и даже в большей степени) от ряда факторов (рН–Еh раствора, содержания в нем ряда химических компонентов и т.д.), отчетливой корреляционной зависимости минерализации исследованных вод и содержания в ней РЗЭ выявлено не было. Кроме того, не удалось установить корреляционных связей между содержаниями в воде $\text{Fe}_{\text{раств}}$ и $\text{Mn}_{\text{раств}}$.

Опубликованные ранее работы [23, 24] показали, что основной формой миграции РЗЭ является взвешенная форма (80% – взвешенные РЗЭ), в то время как на долю растворенной формы приходится не более 20% суммарного количества РЗЭ. Наши исследования в целом подтверждают эти данные и позволяют говорить о том, что основную роль в миграции РЗЭ (прежде всего легких редкоземельных элементов) в поверхностных водах региона играют тонкие фракции глинистых частиц, а также органическое вещество, на которых происходит перенос РЗЭ.

В отличие от данных, представленных в работе Н.В. Гусевой с соавт. [22], в исследованных реках наблюдается увеличение концентрации РЗЭ от истока к устью. Например, сумма РЗЭ в пробах воды, отобранных возле г. Благовещенск, составляла 0,86 мкг/л, в то время как пробы, отобранные в реке возле г. Хабаровска, показали значения 1,5 мкг/л. Столь высокое увеличение концентраций РЗЭ вызвано условиями формирования стока р. Амур – основная часть водного стока реки формируется в его среднем течении.

Содержание редкоземельных элементов (мкг/л) в поверхностных водах Амурской области

Название реки	Редкоземельные элементы, мкг/л														Y	LREE	HREE	Сумма
	La	Ce	Pr	Nd	Sm	Eu	Gd	Tb	Dy	Ho	Er	Tm	Yb	Lu				
Р. Хайкта	21,1	35	3,32	11,1	1,55	0,306	2,2	0,29	1,52	0,283	0,707	0,077	0,406	0,06	8,79	72,38	5,543	77,92
Руч. Колбачи	0,28	0,48	0,07	0,251	0,042	0,01	0,044	0,006	0,03	0,005	0,015	0,002	0,012	0,002	0,141	1,124	0,116	1,24
Б. Маладан	0,23	0,44	0,05	0,209	0,04	0,01	0,041	0,006	0,031	0,006	0,018	0,002	0,017	0,003	0,151	0,972	0,124	1,10
Ольдой	1,29	2,48	0,28	1,05	0,179	0,039	0,17	0,021	0,11	0,022	0,064	0,009	0,057	0,009	0,531	5,321	0,462	5,78
Невер	0,09	0,15	0,02	0,093	0,02	0,005	0,021	0,003	0,018	0,004	0,011	0,002	0,009	0,002	0,093	0,377	0,068	0,44
Керак	0,09	0,16	0,02	0,097	0,022	0,007	0,023	0,004	0,022	0,004	0,013	0,002	0,012	0,002	0,111	0,401	0,082	0,48
Талдан	0,1	0,19	0,03	0,11	0,021	0,006	0,023	0,003	0,017	0,003	0,011	0,001	0,009	0,001	0,092	0,461	0,068	0,53
Ольга	0,11	0,21	0,03	0,112	0,023	0,006	0,023	0,003	0,019	0,004	0,012	0,002	0,012	0,002	0,099	0,48	0,077	0,56
Амур	0,19	0,3	0,04	0,181	0,035	0,008	0,034	0,005	0,026	0,005	0,015	0,002	0,014	0,002	0,127	0,755	0,103	0,86
Урга	0,06	0,14	0,02	0,069	0,015	0,005	0,015	0,002	0,012	0,003	0,009	0,001	0,009	0,002	0,067	0,305	0,052	0,36
Зея	0,36	0,54	0,09	0,383	0,073	0,017	0,072	0,01	0,058	0,012	0,034	0,005	0,030	0,005	0,285	1,464	0,224	1,69
Томь	0,18	0,33	0,05	0,197	0,038	0,008	0,039	0,005	0,03	0,006	0,019	0,003	0,018	0,003	0,151	0,797	0,123	0,92
Завятая	0,23	0,47	0,06	0,271	0,057	0,013	0,061	0,009	0,053	0,011	0,035	0,005	0,035	0,006	0,268	1,102	0,213	1,31
Бурая	0,23	0,29	0,07	0,265	0,057	0,009	0,056	0,008	0,05	0,01	0,031	0,004	0,031	0,005	0,258	0,921	0,196	1,12
Архара	0,79	1,45	0,21	0,861	0,188	0,027	0,193	0,028	0,167	0,034	0,106	0,015	0,104	0,017	0,845	3,52	0,665	4,18
Атмосферные осадки	0,01	0,02	0,002	0,007	0,003	0,0003	0,002	0,0003	0,001	0,0003	0,0007	0,0001	0,0007	0,0001	0,008	0,035	0,005	0,049

Примечание. Определение содержания основных компонентов в водных пробах выполнено методом масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой на спектрометре Agilent 7500 в ЦКП (ПЦЭИА) ДВГИ ДВО РАН (аналитик Е.В. Еловский).

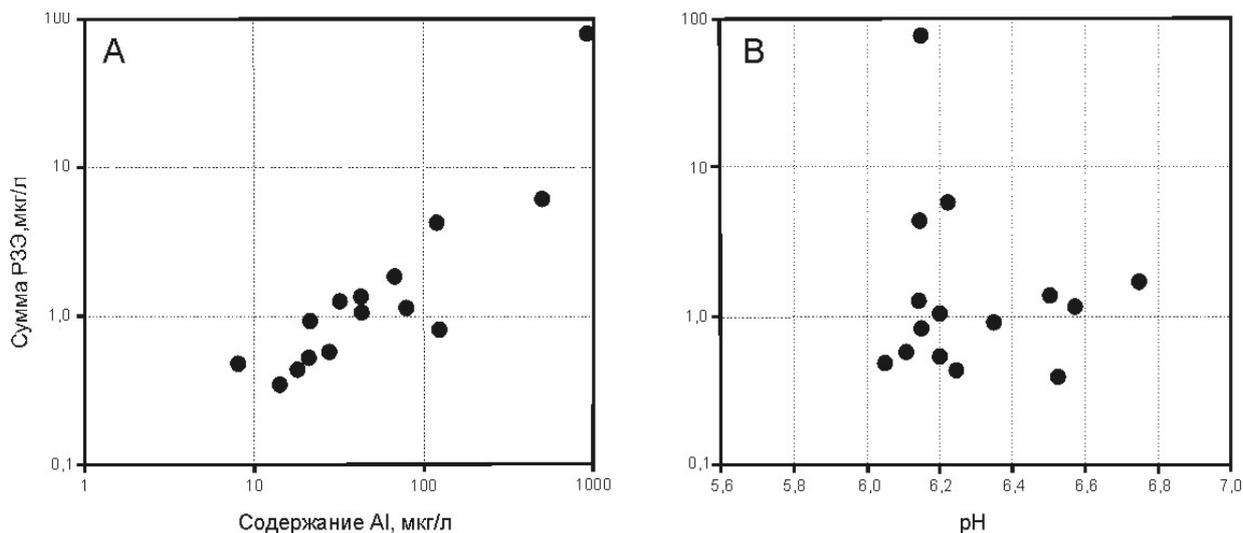

Рис. 4. Соотношение концентраций РЗЭ в поверхностных водах Амурской области с рН и содержанием в них алюминия

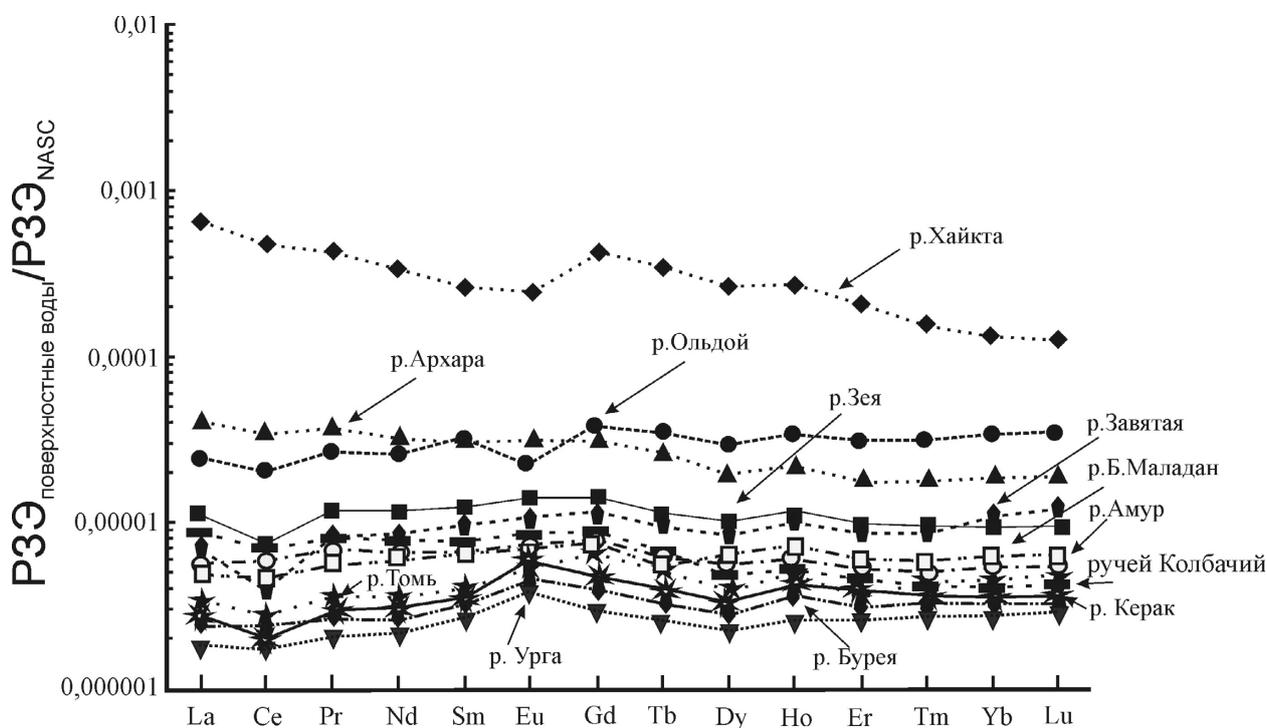

Рис. 5. Спектры распределения концентраций редкоземельных элементов в поверхностных водах Амурской области, нормализованные по отношению к северо-американскому сланцу (NASC)

На этом участке, на протяжении около 1 000 км, в Амур впадают наиболее крупные притоки (Зея, Буря и т.д.), дающие в сумме около 65% амурского стока. Поскольку содержания РЗЭ в водах рр. Зея и Буря выше, чем в истоке Амура (см. табл. 2), следовательно, концентрации РЗЭ увеличиваются вниз по течению.

Во всех исследуемых водах фиксируется слабая отрицательная корреляция редкоземельных элементов и рН (рис. 4, А), что в определенной мере согласуется с литературными источниками [7], демонстрирующими данные о связи содержаний РЗЭ от рН, однако помимо рН (при его безусловном влиянии) на миграцию редкоземельных элементов оказывают влияние и другие факторы (Еh раствора, процессы сорбции / десорбции и т.д.).

Установленная (рис. 4, В) отчетливая корреляция алюминия и РЗЭ свидетельствует о преимущественном переносе РЗЭ в составе глинистых частиц с размером, близким к коллоидным, т.е. меньше 0,45 мкм.

Для всех исследованных водотоков характерно преобладание легких РЗЭ (от лантана до самария) над тяжелыми РЗЭ (от европия до лютеция): доля легких РЗЭ в общем количестве РЗЭ составляет 82–92%.

Профили распределения РЗЭ в водах водотоков Амурской области, нормированные по отношению к северо-американскому сланцу (NASC), относительно однотипны и характеризуются резким преобладанием легких РЗЭ над тяжелыми (рис. 5). Стоит отметить, что нормирование к NASC используется в данной работе по двум причинам: во-первых, содержание

РЗЭ в NASC в среднем отражает их содержание в земной коре, т.е. является кларком элементов, а во-вторых, для удобства сравнения – в огромном количестве опубликованных работ, представляющих результаты изучения РЗЭ в природных водах, данные традиционно нормируются к NASC. Кроме того, Н.В. Гусева с соавторами [22] показала, что профиль распределения РЗЭ при нормировке на другие значения (кларк пресных вод, морских вод и т.д.) видоизменяется не сильно, однако значительно меняются абсолютные значения, что затрудняет сопоставление данных.

Показатель соотношений La/Yb_{NASC} изменяется в весьма значительных пределах – от 0,56 до 2,20, что отражает весьма неравномерный характер обогащения вод тяжелыми и легкими РЗЭ.

Важной особенностью спектра распределения РЗЭ в этих водах является наличие четко выраженной отрицательной европиевой аномалии ($Eu/Eu_{NASC} = -0,014 \div -0,188$) и положительных аномалий по гадолинию ($Gd/Gd_{NASC} = 0,002-0,124$) и гольмию ($Ho/Ho_{NASC} = 0,029-0,084$).

Как уже отмечалось выше, отчетливой зависимости между содержанием РЗЭ в изученных водах и pH раствора не прослеживается, однако наблюдается прямая корреляционная зависимость от содержания алюминия (рис. 4), что свидетельствует как о поступлении РЗЭ в воды в процессе выщелачивания алюмосиликатов водовмещающих пород, так и о переносе РЗЭ в составе глинистой взвеси.

Хорошо известно, что РЗЭ мигрируют в основном в подвижном, слабосвязанном состоянии [25], причем роль подвижной формы больше для легких и меньше для тяжелых РЗЭ. Ограничения по миграции РЗЭ в природных водах могут быть связаны с образованием труднорастворимых соединений, таких как основные карбонаты, фториды и фосфаты РЗЭ.

Данные по неорганическим формам миграции РЗЭ в природных водах Дальнего Востока России приведены в табл. 3. Для наглядного сопоставления возможного изменения форм миграции РЗЭ в различных природных водотоках при расчете использовались данные по содержанию РЗЭ в атмосферных осадках региона, а также в поверхностных водотоках Приморского края, Амурской области и Камчатского края.

Анализ полученных результатов показывает, что основной неорганической формой миграции РЗЭ в атмосферных осадках является форма металла (REE^{3+}) – содержание данной формы находится в диапазоне значений 85,5–96,6% от всех форм (рис. 6). Второй по распространенности является сульфатная форма ($REE[SO_4]^+$) у лантана и гадолиния, карбонатная $REE[CO_3]^+$ – у иттербия. Отмечается тенденция к увеличению содержания комплексов с карбонат-ионом при движении в сторону от легких РЗЭ к более тяжелым. Стоит отметить, что оба способа расчета форм миграции РЗЭ показали сходные результаты.

В поверхностных водах Амурской области для расчета форм миграции были выбраны три реки: Амур, Бурея и Архара. Во всех трех водотоках формы миграции близки (табл. 3). Наиболее распространен-

ной формой, так же как и в атмосферных осадках, является бескомплексная форма (REE^{3+}) – 46,7% для Yb^{3+} , 69,63% для Gd^{3+} и 80,76 для La^{3+} . Во всех водотоках второй по распространенности формой является $Gd[CO_3]^+$ и $Yb[CO_3]^+$, однако в рр. Амур и Архара преобладает $La[SO_4]^+$, а в р. Бурея – $La[HCO_3]^{2+}$. Количественные соотношения рассчитанных форм представлены на рис. 6.

При сравнении полученных данных с данными по поверхностным водотокам других регионов Дальнего Востока оказалось, что в реках Приморского края (табл. 3) самой распространенной формой миграции является форма карбонат иона $REE[CO_3]^+$, ее содержание колеблется от 89 до 99,15%. Причем, происходит увеличение в процентном содержании при движении в сторону более тяжелых РЗЭ: у лантана форма $LaCO_3^+$ составляет 89%, у гадолиния – 96%, а у иттербия – 99%. Второй по распространенности формой миграции является форма металла REE^{3+} – 0,5–7,9%. Третьей формой – сульфатная форма $REE[SO_4]^+$ у легких и средних РЗЭ, и в виде комплекса с фтором – для тяжелых РЗЭ. Для поверхностных вод Камчатки формы миграции легких РЗЭ отличаются от водотока к водотоку. Так, на р. Водопадная наиболее распространенной формой миграции является La^{3+} (76%), а в р. Ближняя и руч. Медвежьем – $La[CO_3]^+$ (85 и 91% соответственно).

Выявленные различия в комплексообразовании неорганических форм РЗЭ в отдельных водотоках вызваны двумя основными факторами: в первую очередь различием pH поверхностных вод, а во вторых – геохимическим типом воды. Увеличение комплексобразования РЗЭ в пределах одного геохимического типа воды и сходного pH в сторону более тяжелых РЗЭ вызвано, видимо, химическими свойствами группы: тяжелые РЗЭ более легко формируют сильные комплексы и удерживаются в растворе, в то время как легкие РЗЭ легко удаляются из воды, адсорбируясь на взвешенных частицах, т.е. формируют коллоиды. Экспериментально установлено, что способность к сорбированию РЗЭ понижается в ряду: легкие – средние – тяжелые [2].

Хорошо известно, что источником РЗЭ в природных водах могут являться три объекта: либо атмосферные осадки, либо почвенно-растительный слой, либо водовмещающие породы. Вклад атмосферных осадков в общую картину распределения РЗЭ в поверхностных водотоках Амурской области невелик (см. табл. 2), поэтому остается только два источника РЗЭ – почвы или водовмещающие породы. Согласно опубликованным работам [26–28], главными факторами, контролирующими характер распределения и уровень концентраций РЗЭ в донных отложениях и поверхностных водотоках, являются состав пород в области водосбора, а также процессы их выветривания. Соответственно, профиль распределения РЗЭ в воде должен быть подобен профилю распределения РЗЭ в горных породах, где химический состав вод формируется, однако часто этого не происходит вследствие процессов фракционирования РЗЭ [29].

Рассчитанные неорганические формы миграции РЗЭ в поверхностных водах Дальнего Востока России

Атмосферные осадки	$\text{La}^{3+} \gg \text{La}[\text{SO}_4]^+ > \text{La}[\text{CO}_3]^+ > \text{La}[\text{HCO}_3]^{2+} > \text{La}[\text{OH}]^{2+}$
	$\text{Gd}^{3+} \gg \text{Gd}[\text{SO}_4]^+ > \text{Gd}[\text{CO}_3]^+ > \text{Gd}[\text{HCO}_3]^{2+} > \text{Gd}[\text{OH}]^{2+}$
	$\text{Yb}^{3+} \gg \text{Yb}[\text{CO}_3]^+ > \text{Yb}[\text{SO}_4]^+ > \text{Yb}[\text{HCO}_3]^{2+} > \text{Yb}[\text{OH}]^{2+}$
<i>Поверхностные водотоки</i>	
Амурская область	
Река Амур (возле г. Благовещенск)	$\text{La}^{3+} \gg \text{La}[\text{SO}_4]^+ > \text{La}[\text{CO}_3]^+ > \text{La}[\text{F}]^{2+} > \text{La}[\text{HCO}_3]^{2+} > \text{La}[\text{OH}]^{2+}$
	$\text{Gd}^{3+} \gg \text{Gd}[\text{CO}_3]^+ > \text{Gd}[\text{SO}_4]^+ > \text{Gd}[\text{F}]^{2+} > \text{Gd}[\text{HCO}_3]^{2+} > \text{Gd}[\text{OH}]^{2+}$
	$\text{Yb}^{3+} \gg \text{Yb}[\text{CO}_3]^+ > \text{Yb}[\text{F}]^{2+} > \text{Yb}[\text{SO}_4]^+ > \text{Yb}[\text{OH}]^{2+} > \text{Yb}[\text{HCO}_3]^{2+}$
Река Архара	$\text{La}^{3+} \gg \text{La}[\text{SO}_4]^+ > \text{La}[\text{CO}_3]^+ > \text{La}[\text{F}]^{2+} > \text{La}[\text{HCO}_3]^{2+} > \text{La}[\text{OH}]^{2+}$
	$\text{Gd}^{3+} \gg \text{Gd}[\text{CO}_3]^+ > \text{Gd}[\text{SO}_4]^+ > \text{Gd}[\text{F}]^{2+} > \text{Gd}[\text{HCO}_3]^{2+} > \text{Gd}[\text{OH}]^{2+}$
	$\text{Yb}^{3+} \gg \text{Yb}[\text{CO}_3]^+ > \text{Yb}[\text{F}]^{2+} > \text{Yb}[\text{SO}_4]^+ > \text{Yb}[\text{OH}]^{2+} > \text{Yb}[\text{HCO}_3]^{2+}$
Река Буряя	$\text{La}^{3+} \gg \text{La}[\text{HCO}_3]^{2+} > \text{La}[\text{SO}_4]^+ > \text{La}[\text{F}]^{2+} > \text{La}[\text{OH}]^{2+}$
	$\text{Gd}^{3+} \gg \text{Gd}[\text{CO}_3]^+ > \text{Gd}[\text{SO}_4]^+ > \text{Gd}[\text{F}]^{2+} > \text{Gd}[\text{HCO}_3]^{2+} > \text{Gd}[\text{OH}]^{2+}$
	$\text{Yb}^{3+} \gg \text{Yb}[\text{CO}_3]^+ > \text{Yb}[\text{F}]^{2+} > \text{Yb}[\text{SO}_4]^+ > \text{Yb}[\text{OH}]^{2+} > \text{Yb}[\text{HCO}_3]^{2+}$
Приморский край	
Река Абрамовка	$\text{La}[\text{CO}_3]^+ \gg \text{La}^{3+} > \text{La}[\text{SO}_4]^+ > \text{La}[\text{HCO}_3]^{2+} > \text{LaF}^{2+} > \text{La}[\text{OH}]^{2+}$
	$\text{Gd}[\text{CO}_3]^+ \gg \text{Gd}^{3+} > \text{Gd}[\text{SO}_4]^+ > \text{GdF}^{2+} > \text{Gd}[\text{HCO}_3]^{2+} > \text{Gd}[\text{OH}]^{2+}$
	$\text{Yb}[\text{CO}_3]^+ \gg \text{Yb}^{3+} > \text{YbF}^{2+} > \text{Yb}[\text{SO}_4]^+ > \text{Yb}[\text{OH}]^{2+} > \text{Yb}[\text{HCO}_3]^{2+}$
Камчатский край	
Река Водопадная	$\text{La}^{3+} \gg \text{La}[\text{SO}_4]^+ > \text{La}[\text{CO}_3]^+ > \text{La}[\text{F}]^{2+} > \text{La}[\text{HCO}_3]^{2+} > \text{La}[\text{OH}]^{2+}$
Река Ближняя	$\text{La}[\text{CO}_3]^+ \gg \text{La}^{3+} > \text{La}[\text{SO}_4]^+ > \text{La}[\text{HCO}_3]^{2+} > \text{LaF}^{2+} > \text{La}[\text{OH}]^{2+}$
Ручей Медвежий	$\text{La}[\text{CO}_3]^+ \gg \text{La}^{3+} > \text{La}[\text{SO}_4]^+ > \text{La}[\text{HCO}_3]^{2+} > \text{LaF}^{2+} > \text{La}[\text{OH}]^{2+}$

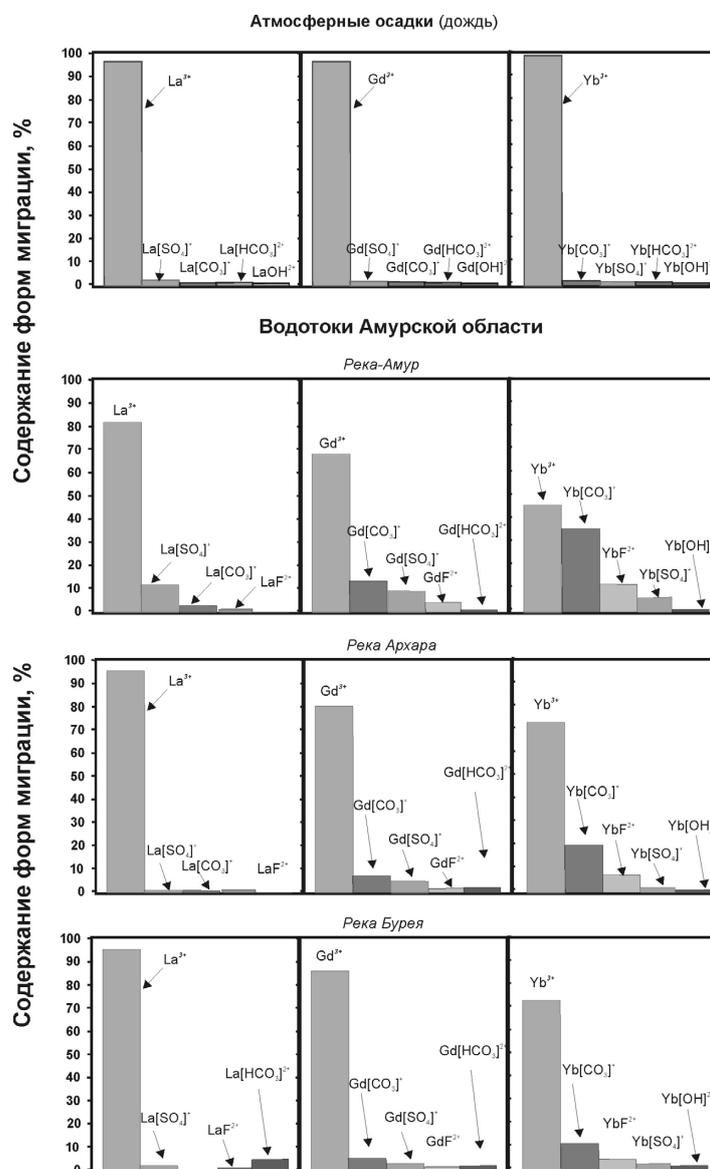

Рис. 6. Формы миграции редкоземельных элементов в атмосферных осадках и поверхностных водотоках Амурской области

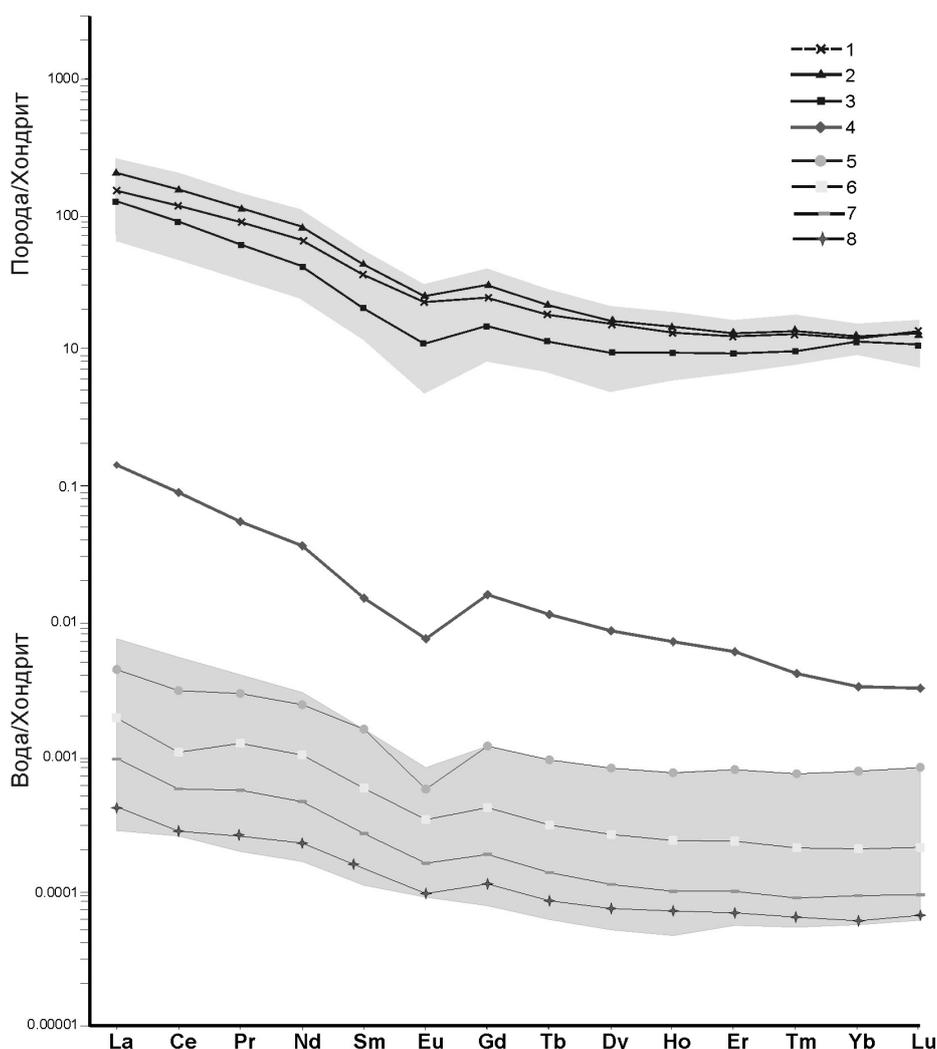

Рис. 7. Спектры распределения концентраций редкоземельных элементов в породах и водных средах Амурской области. Основные типы пород: 1 – порфириновые биотит-роговообманковые граниты Хайкинско-Орогжанского массива (среднее из трех анализов); 2 – метасоматиты турмалин-гранат-мусковит-биотит-ортоклаз-анортит-кварцевого состава, окаймляющие рудоносную зону (среднее из трех анализов); 3 – рудоносные турмалин-гранат-мусковит-кварцевые метасоматиты с золотосодержащей сульфидной минерализацией (среднее из четырех анализов). Поверхностные воды: 4 – р. Хайкта; 5 – р. Архара; 6 – р. Зея; 7 – р. Амур; 8 – р. Невер. Цветом выделено поле изменения концентраций редкоземельных элементов породах

Сравнительный анализ графиков (рис. 7) распределения РЗЭ в поверхностных водах и водовмещающих породах Амурской области свидетельствует о практически полной тождественности, единственное различие заключается только в содержаниях РЗЭ. В целом воды содержат на 5–7 порядков более низкие концентрации РЗЭ, чем водовмещающие породы. Сопоставление наших данных по распределению РЗЭ в водах и водовмещающих породах с данными о концентрациях РЗЭ в почвах и донных отложениях р. Уркан (бассейн р. Амур) [28] показывает идентичность практически по всем компонентам, за исключением европия и церия. Во всех изученных водах наблюдается дефицит церия (Se/Se_{NASC} составляет $-0,5 \div -0,3$), причем в некоторых реках (Невер, Керак, Амур, Зея, Томь, Буряя) отрицательная цериевая аномалия проявлена очень отчетливо. Хорошо известно, что главными факторами, обуславливающими распределение церия между твердой и жидкой фазами, являются рН–Еh условия системы [30]. В случае околонейтральных и слабощелочных растворов (рН 5–7)

наличие отрицательной цериевой аномалии в водах указывает на частичное окисление Se^{3+} до Se^{4+} , который является малорастворимым и, соответственно, активно удаляется из водных растворов совместно с коллоидами (гидрооксидами железа и марганца).

Для водовмещающих пород профиль распределения РЗЭ – более сглаженный, и только европий проявляет слабую отрицательную аномалию. Отсутствие в водах отрицательной европиевой аномалии, в то время как породы проявляют такую аномалию, свидетельствует о дополнительном источнике Eu^{3+} в водном растворе, т.е. Eu^{3+} поступает в воды не только при растворении алюмосиликатов в водовмещающих породах, но и из других источников. Дополнительным источником европия, возможно, являются карбонатные минералы.

Низкое содержание РЗЭ в водах, в сравнении с горными породами и почвами, обусловлено временем циркуляции вод и интенсивностью взаимодействия вода – порода. В случае более агрессивных растворов, как на р. Хайкта (рис. 7), происходит очень интенсивно

ное выветривание водовмещающих пород и концентрации РЗЭ увеличиваются.

Заключение. Таким образом, полученные результаты показывают, что содержание растворенных РЗЭ в природных поверхностных водах Амурской области невелико (до 1,1 мкг/л), однако в водотоках, испытавших сильное антропогенное воздействие, концентрации РЗЭ резко возрастают (до 77,92 мкг/л). Отчетливая корреляция содержаний алюминия и РЗЭ свидетельствует о преимущественном переносе РЗЭ в составе глинистых частиц с размером, близким к коллоидным. Поверхностные воды Амурской области содержат значительно больше легких РЗЭ, чем тяжелых, причем в

общем количестве РЗЭ доля легких РЗЭ составляет 82–92%. Согласно анализу профилей распределения РЗЭ в изученных водах происходит избирательное накопление средних РЗЭ, преимущественно гадолиния и тербия. Характер распределения РЗЭ в природных поверхностных водах Амурской области наследует распределение РЗЭ в породах зоны их питания, в то время как абсолютные содержания РЗЭ в водах обусловлены тремя факторами: временем циркуляции вод, интенсивностью их взаимодействия с вмещающими породами и минеральными формами нахождения РЗЭ в породах (минералах). Основной формой нахождения РЗЭ во всех поверхностных водотоках является РЗЭ³⁺.

ЛИТЕРАТУРА

1. Goldstein S.J., Jacobsen S.B. Rare earth elements in river waters // *Earth Planet. Sci. Lett.* 1988. Vol. 89. P. 35–47.
2. Duddy I.R. Redistribution and fractionation of the rare-earth and other elements in a weathering profile // *Chemical Geology.* 1980. Vol. 30. P. 363–381.
3. Челюков Г.А., Харитонова Н.А. Углекислые минеральные воды юга Дальнего Востока России / отв. ред. д.г.-м.н. В.В. Кулаков. Владивосток : Дальнаука, 2008. 165 с.
4. Балашов Ю.А. Геохимия редкоземельных элементов. М. : Наука, 1976. 268 с.
5. Duncan T., Shaw T.J. The mobility of rare earth elements and redox sensitive elements in the groundwater/seawater mixing zone of shallow coastal aquifer // *Aquatic Geochemistry.* 2003. Vol. 9. P. 233–255.
6. Дубинин А.В. Геохимия редкоземельных элементов в океане. М. : Наука, 2006. 360 с.
7. Sholkovitz E.R. The aquatic chemistry of rare earth elements in river and estuaries // *Aquatic geochemistry.* 1995. Vol. 1. P. 1–34.
8. Чудаева В.А. Миграция химических элементов в водах Дальнего Востока. Владивосток : Дальнаука, 2002. С. 11–132.
9. Савенко В.С. Химический состав взвешенных наносов рек мира. М. : ГЕОС, 2006. 176 с.
10. Вах Е.А., Харитонова Н.А., Вах А.С. Поведение редкоземельных элементов при формировании углекислых гидрокарбонатных минеральных вод Приморья // *Известия высших учебных заведений. Геология и разведка.* 2013. № 4. С. 48–57.
11. Вах Е.А., Харитонова Н.А., Вах А.С. Основные закономерности поведения редкоземельных элементов в поверхностных водах Приморья // *Вестник ДВО РАН.* 2013. № 2. С. 90–97.
12. ГОСТ Р 51309-99. Вода питьевая. Определение содержания элементов методами атомной спектроскопии. Стандартинформ. 2006. 20 с.
13. ПНД Ф 14.1:2.1-95. Методика выполнения измерений массовой концентрации ионов аммония в природных и сточных водах фотометрическим методом с реактивом Несслера (ФР.1.31.2007.03763). ФБУ «ФЦАО». 2004. 20 с.
14. ГОСТ Р ИСО 5725-6-2002 «Точность (правильность и прецизионность) методов и результатов измерений. Часть 6. Использование значений точности на практике».
15. Millero F.J. Stability constant for the formation of rare earth inorganic complexes as a function of ionic strength // *Geochemica et Cosmochimica Acta.* 1992. Vol. 56. P. 3123–3132.
16. Bruno J. Trace element modeling // *Modeling In Aquatic Chemistry* / eds. by I. Grenthe and I. Puidomenech. 1997. P. 593–621.
17. Parkhurst D.L., Appelo C.A.J. User's guide to PHREEQC (version 2) – a computer program for speciation, batch-reaction, one-dimensional transport, and inverse geochemical calculations. U.S. Dept. of the Interior, U.S. Geological Survey, Techniques of Water-Resources Investigation, Report. 2000. P. 99–4259.
18. Чудненко К.В., Карпов И.К. Селектор – Windows Программное средство расчета химических равновесий минимизацией термодинамических потенциалов. Краткая инструкция. Иркутск, 2003. 90 с.
19. Kharitonova N.A., Chelnokov G.A., Vakh E.A. Rare earth elements in high pressure CO₂ groundwater from volcanic-sedimentary bedrocks of Sikhote-Alin ridge, Russia // *Global Groundwater Resources and Management* / ed. by B.S. Paliwal. Jodhpur : Scientific Publishers (India), 2010. P. 311–329.
20. Вах Е.А., Вах А.С., Харитонова Н.А. Содержание редкоземельных элементов в водах зоны гипергенеза сульфидных руд Березитового месторождения // *Тихоокеанская геология.* 2013. Т. 32, № 1. С. 105–115.
21. Чудаева В.А., Чудаев О.В. Особенности химического состава и взвесей рек Приморья // *Тихоокеанская геология.* 2011. Т. 30, № 2. С. 104–122.
22. Гусева Н.В., Копылова Ю.Г., Леушина С.К. Распространенность редкоземельных элементов в природных водах Хакасии // *Известия Томского политехнического университета.* 2013. Т. 322, № 1. С. 141–146.
23. Чудаева В.А., Чудаев О.В. Особенности накопления и фракционирования редкоземельных элементов в поверхностных водах Дальнего Востока в условиях природных и антропогенных аномалий // *Геохимия.* 2011. № 5. С. 523–549.
24. Чудаева В.А., Чудаев О.В. Поведение редкоземельных элементов в условиях смешения вод разных типов (о. Кунашир, Курильские о-ва) // *Тихоокеанская геология.* 2010. Т. 29, № 2. С. 97–111.
25. Martin J.M., Högdahl O.T., Philippot J.C. Rare elements supply to the ocean // *J. Geophys. Res.* 1976. Vol. 81. P. 3119–3124.
26. Viers J., Dupre B., Gaillardet J. Chemical composition of suspended sediments in World Rivers: new insights from a new database // *Science of the Total Environment.* 2009. Vol. 407. P. 853–868.
27. Martin J.M., Meybeck M. Elemental mass balance of material carried by world major rivers // *Marine Chemistry.* 1979. Vol. 7, № 3. P. 173–206.
28. Сорокина О.А., Зарубина Н.В. Содержание химических элементов в аллювиальных почвах и донных отложениях реки Уркан (бассейн реки Амур) // *Почвоведение.* 2013. № 6. С. 681–690.
29. Kharitonova N.A., Chelnokov G.A., Karabitsov A.A., Kiselev V.I. Geochemistry of Na-HCO₃ groundwater and sedimentary bedrocks from the central part of Sikhote-Alin mountain region (Far East of Russia) // *Applied geochemistry.* 2007. № 22. P. 1764–1776.
30. DeBaar H.J.W., Bacon M.P., Brewer P.G. and Bruland K.W. Rare earth elements in the Pacific and Atlantic Oceans // *Geochim. Cosmochim. Acta.* 1985. Vol. 49. P. 1943–1959.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 14 апреля 2015 г.

RARE EARTH ELEMENTS IN SURFACE WATERS OF PRIAMURYE. FEATURES OF ACCUMULATION AND FRACTIONATION

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 232–244. DOI: 10.17223/15617793/396/40

Kharitonova Natalia A., Vakh Elena A. Far East Geological Institute FEB RAS (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: tchenat@mail.ru; Adasea@mail.ru

Keywords: rare earth elements (REE); migration forms; fractionation; surface waters.

In the last few decades the geochemistry and distribution of rare earth elements (REEs) in natural surface waters have become increasingly important so REEs are often used as geochemical tracers of the geochemical processes in water-bedrock interaction. The ability to use REEs as a marker is determined by their three main features: absolute content, diffraction manner and abnormal behaviour of some REEs. In the present time there are numerous studies where the REEs geochemistry and distribution in natural waters of the Earth are investigated. This helped establish that the suspended form of REEs prevails during the water migration, however their amount depends on a number of factors (value of pH, occurrence of colloids, etc.). The main goal of this study is to investigate the distribution of REEs in the surface waters of Priamurye, to test REEs applicability for geochemical typification of these waters and for allocating the sources of aqua. In addition, new data about trace elements content in the surface water of the region is presented in this study. The detailed hydrochemical data obtained for the surface streams from three rivers basin (the Amur, the Lena and the Uda) is the framework of this study. More than 15 watercourses were investigated during three years (2011–2013). Main ions were determined by ion-chromatographic methods (HPLC-10AVp, SHIMADZU), minor and trace elements were identified using ICP-AES (Plasmaquant-110) and ICP-MS (Agilent 7500c) methods in the analytical centre of the Far East Geological Institute FEB RAS (Vladivostok). The analytical precision for all REEs was better than 5 % of the relative standard deviation (RSD). The speciation of the REEs was resolved by the approaches outlined in Johannesson et al. (1996). This does not require the input of REE concentration so trace element complexation in solution is controlled by the free concentrations of complexing ligands in the natural aqua along with the corresponding stability constants for the metal-ligand complexes. Free inorganic ligand contents used in the simulation of migration forms were calculated from the main solute composition by the computer program PHREEQE (Parkhurst et al., 1980). For the result verification the computer program SELECTOR-WINDOWS (Chudnenko, Karpov, 2003) was used. The obtained results indicate that the natural surface waters of Priamurye have only a slight content of dissolved REEs (up to 1.1 µg/l), whereas the streams with strong man-made pollution REE concentration increases considerably (up to 77.92 µg/l). A distinct correlation between the content of aluminum and REEs testifies about the preferential water migration of REEs as clay particles sized to colloids. The surface waters of Priamurye have remarkably more light REEs in comparison with heavy REEs, the amount of LREEs makes up 82–92 %. According to REE patterns in the studied waters, there is selective enrichment of middle REEs, mainly gadolinium and terbium. The distribution of REEs in the natural surface waters of Priamurye reflects the REE pattern of bedrocks; however, the absolute values of the REE content differ and depend strongly on the following factors: the residence time, the rate of the water-bedrock interaction and REE-bearing minerals located in the bedrock. The principal dissolved form of REEs in all the studied surface streams is REE³⁺.

REFERENCES

1. Goldstein, S.J. & Jacobsen, S.B. (1988) Rare earth elements in river waters. *Earth Planet. Sci. Lett.* 89. pp. 35–47. DOI: 10.1016/0012-821X(88)90031-3
2. Duddy, I.R. (1980) Redistribution and fractionation of the rare-earth and other elements in a weathering profile. *Chemical Geology*. 30. pp. 363–381. DOI: 10.1180/claymin.2007.042.3.07
3. Chelnokov, G.A. & Kharitonova, N.A. (2008) *Uglekislye mineral'nye vody yuga Dal'nego Vostoka Rossii* [Carbonic mineral waters of the south of the Far East of Russia]. Vladivostok: Dal'nauka.
4. Balashov, Yu.A. (1976) *Geokhimiya redkozemel'nykh elementov* [Geochemistry of rare earth elements]. Moscow: Nauka.
5. Duncan, T. & Shaw, T.J. (2003) The mobility of rare earth elements and redox sensitive elements in the groundwater/seawater mixing zone of shallow coastal aquifer. *Aquatic Geochemistry*. 9. pp. 233–255. DOI: 10.1023/B:AQUA.0000022956.20338.26
6. Dubinin, A.V. (2006) *Geokhimiya redkozemel'nykh elementov v okeane* [Geochemistry of rare earth elements in the ocean]. Moscow: Nauka.
7. Sholkovitz, E.R. (1995) The aquatic chemistry of rare earth elements in river and estuaries. *Aquatic Geochemistry*. 1. pp. 1–34. DOI: 10.1007/BF01025229
8. Chudaeva, V.A. (2002) *Migratsiya khimicheskikh elementov v vodakh Dal'nego Vostoka* [The migration of chemical elements in the waters of the Far East]. Vladivostok: Dal'nauka.
9. Savenko, V.S. (2006) *Khimicheskii sostav vzheshennykh nanosov rek mira* [The chemical composition of suspended sediment of rivers of the world]. Moscow: GEOS.
10. Vakh, E.A., Kharitonova, N.A. & Vakh, A.S. (2013) Povedenie redkozemel'nykh elementov pri formirovani uglekislykh gidrokarbonatnykh mineral'nykh vod Primor'ya [The behavior of rare earth elements in the formation of carbonic hydrocarbonate mineral water of Primorye]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Geologiya i razvedka*. 4. pp. 48–57.
11. Vakh, E.A., Kharitonova, N.A. & Vakh, A.S. (2013) The principal regularities of behaviour of rare-earth elements in the surface water of Primorye. *Vestnik DVO RAN – Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2. pp. 90–97. (In Russian).
12. GOST [State Standard] R 51309-99. (2006) *Drinking water. Determination of elements content by atomic spectrometry methods*. Moscow: Standartinform. (In Russian).
13. PND [Nature Protection Standard] F 14.1:2.1-95. (2004) *Metodika vypolneniya izmereniy massovoy kontsentratsii ionov ammoniya v prirodnykh i stochnykh vodakh fotometricheskim metodom s reaktivom Nesslera* [Methods of measurement of the mass concentration of ammonium ions in natural and waste waters by a photometric method with Nessler reagent] (FR.1.31.2007.03763). Moscow: FtsAO.
14. GOST [State Standard] R ISO 5725-6-2002 “*Tochnost' (pravil'nost' i pretsizionnost') metodov i rezul'tatov izmereniy*” [“Accuracy (correctness and precision) of measurement methods and results”]. Pt. 6. *Ispol'zovanie znacheniy tochnosti na praktike* [Use of accuracy values in practice]. Moscow: Gosstandart Rossii.
15. Millero, F.J. (1992) Stability constant for the formation of rare earth inorganic complexes as a function of ionic strength. *Geochemica et Cosmochimica Acta*. 56. pp. 3123–3132. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/0016-7037\(92\)90293-R](http://dx.doi.org/10.1016/0016-7037(92)90293-R)
16. Bruno, J. (1997) Trace element modeling. In: Grenthe, I. & Puidomenech, I. (eds.) *Modeling In Aquatic Chemistry*. OECD Publications.
17. Parkhurst, D.L. & Appelo, C.A.J. (2000) *User's guide to PHREEQC (Version 2) – a computer program for speciation, batch-reaction, one-dimensional transport, and inverse geochemical calculations*. U.S. Dept. of the Interior, U.S. Geological Survey, Techniques of Water-Resources Investigation, Report.

18. Chudnenko, K.V. & Karpov, I.K. (2004) *Selektor – Windows Programmnoe sredstvo rascheta khimicheskikh ravnovesiy minimizatsiy termodinamicheskikh potentsialov. Kratkaya instruktsiya* [Selector – Windows. A software tool for calculating chemical equilibria minimizing the thermodynamic potentials. Brief instruction]. Irkutsk.
19. Kharitonova, N.A., Chelnokov, G.A. & Vakh, E.A. (2010) Rare earth elements in high pressure CO₂ groundwater from volcanic-sedimentary bedrocks of Sikhote-Alin ridge, Russia. In: Paliwal, B.S. (ed.) *Global Groundwater Resources and Management*. Jodhpur: Scientific Publishers (India).
20. Vakh, E.A., Vakh, A.S. & Kharitonova, N.A. (2013) The presence of REE in the waters of the hypergenetic zone of the sulfide ores, the Beresitovy deposit (Upper Priamurie). *Tikhookeanskaya geologiya*. 32 (1). pp. 105–115. (In Russian).
21. Chudaeva, V.A. & Chudaev, O.V. (2011) Specific features of chemical composition of the water and suspended matter of Primorye rivers (Far East Russia). *Tikhookeanskaya geologiya*. 30 (2). pp. 104–122. (In Russian).
22. Guseva, N.V., Kopylova, Yu.G. & Leushina, S.K. (2013) Abundance of rare earth elements in natural waters of Khakassia. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. 322 (1). pp. 141–146. (In Russian).
23. Chudaeva, V.A. & Chudaev, O.V. (2011) Accumulation and fractionation of rare earth elements in surface waters of the Russian Far East under the conditions of natural and anthropogenic anomalies. *Geochemistry International*. 49. (5). pp. 498–524.
24. Chudaeva, V.A. & Chudaev, O.V. (2010) Behavior of rare earth elements during mixing of different types of water (Kunashir, the Kurile Islands). *Russian Journal of Pacific Geology*. 4 (2). pp. 171–186.
25. Martin, J.M., Högdahl, O.T. & Philippot, J.C. (1976) Rare elements supply to the ocean. *J. Geophys. Res.* 81. pp. 3119–3124.
26. Viers, J., Dupre, B. & Gaillardet, J. (2009) Chemical composition of suspended sediments in World Rivers: new insights from a new database. *Science of the Total Environment*. 407. pp. 853–868. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2008.09.053
27. Martin, J.M. & Meybeck, M. (1979) Elemental mass balance of material carried by world major rivers. *Marine Chemistry*. 7 (3). pp. 173–206.
28. Sorokina, O.A. & Zarubina, N.V. (2013) The content of chemical elements in alluvial soils and bottom sediments of the Urkan River (the Amur River basin). *Eurasian Soil Science*. 46 (6). pp. 644–653.
29. Kharitonova, N.A., Chelnokov, G.A., Karabtsov, A.A. & Kiselev, V.I. (2007) Geochemistry of Na-HCO₃ groundwater and sedimentary bedrocks from the central part of Sikhote-Alin mountain region (Far East of Russia). *Applied Geochemistry*. 22. pp. 1764–1776.
30. DeBaar, H.J.W., Bacon, M.P., Brewer, P.G. & Bruland, K.W. (1985) Rare earth elements in the Pacific and Atlantic Oceans. *Geochim. Cosmochim. Acta*. 49. pp. 1943–1959.

Received: 14 April 2015

НОВЫЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЧЕТВЕРТИЧНЫХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ В МЕЖДУРЕЧЬЕ РЕК БЕЛЫЙ И ЧЁРНЫЙ ИЮС, РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ

Приводятся краткое описание и характеристика двух новых местонахождений териофауны позднего неоплейстоцена. Местонахождения располагаются на территории Республики Хакасия около с. Кожухово и приурочены к устьевым участкам рр. Белый и Чёрный Июс, являющихся истоками р. Чулым. В работе приведены схема разреза четвертичных отложений одного из местонахождений, характеристика и описание имеющегося остеологического материала. Для местонахождений установлен следующий видовой состав млекопитающих: *Spermophilus undulatus*, *Marmota* sp. *Alces* cf. *alces*, *Procapra* cf. *gutturosa*, *Ovis ammon*, *Bison priscus*, *Coelodonta antiquitatis* и *Equus* sp. (отнесенные к двум видам – *Equus gallicus* и *Equus ovodovi*).

Ключевые слова: мамонтовая фауна; поздний плейстоцен; Республика Хакасия; рр. Белый и Чёрный Июс.

Введение

Территория Республики Хакасия богата остатками плейстоценовой фауны, история изучения которой насчитывает не одно столетие [1], особенно активно исследования в этом направлении велись в 70–90-е гг. XX в. [2, 3]. Однако хорошо изученными на этой территории можно считать лишь пещерные тафоценозы, приуроченные к восточному макросклону Кузнецкого Алатау и предгорьям Восточного Саяна [4]. Несмотря на то что материалы из пещерных местонахождений и дают довольно полные и стратиграфически достоверные данные, они не могут отразить картины распространения фауны на больших территориях, потому что характеризуют лишь не-

большую площадь вокруг пещеры, являющуюся охотничьими угодьями населяющих её хищников, таких как пещерная гиена. Поиск и изучение новых местонахождений, в особенности приуроченных к открытым территориям, может способствовать решению этого вопроса.

Геолого-географическая характеристика местонахождений

В Палеонтологическом музее Томского государственного университета (ПМ ТГУ) хранятся остеологические материалы из аллювиальных местонахождений, расположенных в окрестностях с. Кожухово, Республика Хакасия (рис. 1).

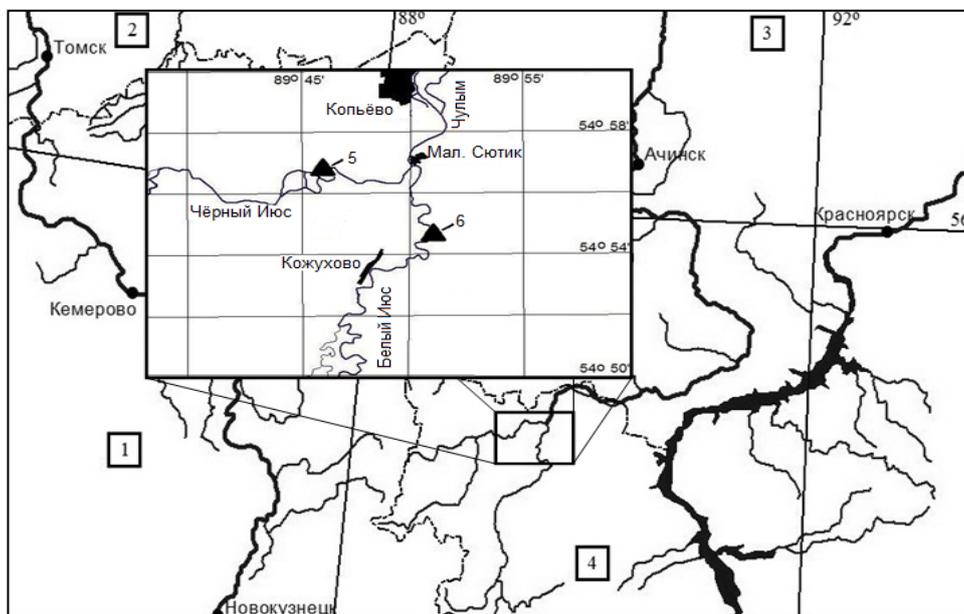

Рис. 1. Схема расположения местонахождений у с. Кожухово: 1 – Кемеровская область; 2 – Томская область; 3 – Красноярский край; 4 – Республика Хакасия; местонахождения: 5 – Кожухово I; 6 – Кожухово II

Описываемые местонахождения приурочены к отложениям рр. Чёрный и Белый Июс, являющихся истоками р. Чулым. В январе 2010 г. в ПМ ТГУ были переданы остеологические остатки из местонахождения Кожухово I (54°56'с.ш., 89°46'в.д.). Сбор материалов проводился не специалистом, по этой причине не име-

ет стратиграфической привязки и точных данных по характеристике местонахождения. Однако большая часть остатков происходит из обнажения террасы р. Чёрный Июс и небольших осыпей.

Местонахождение Кожухово II (54°54'с.ш., 89°51'в.д.) было обнаружено и изучено А.В. Шпан-

ским летом 2010 г. Оно располагается на правом берегу р. Белый Июс близ с. Кожухово (Орджоникидзевский район, Республика Хакасия) в отложениях этой реки [5]. Наиболее вероятно, что обнажающиеся здесь отложения формируют I надпойменную террасу, её высота, выше по течению реки (у пос. Малая Сья, 60 км к югу), составляет 2,5–3 м [6]. Этот уровень вполнину меньше, чем в исследованном местонахождении. Для этих обнажений отмечается сходный литологический состав (песчанно-галечниковый аллювий), что позволяет отнести их к общему циклу формирования речной долины и предполагает сартанский возраст отложений. Подтверждение этого возраста нами получено при радиоуглеродном датировании AMS методом черепа *Ovis ammon* ПМ ТГУ 56/1 из Кожухово I, он показал $17\ 888 \pm 110$ лет UBA-28341 (20015 калиброванных лет). Уровень второй надпойменной террасы Н.И. Дроздовым и др. [Там же] оценивается в 13–15 м, что значительно превышает высоту обнажения у Кожухово. Литологический состав II надпойменной террасы также резко отличен – в ней обнажается мощная (до 10–12 м) толща валунно-галечниковых отложений каргинского возраста.

Местонахождение Кожухово II представлено двумя обнажениями I надпойменной террасы р. Белый Июс общей протяжённостью около 600 м. Обнажения разделены размывом террасы длиной около 150 м. В пределах обнажения террасы кости распределены неравномерно и приурочены к слою горизонтально-слоистых песков и

щебня. В слое кости встречаются единично, часто бывают расколоты и окатаны. В 2014 г. в осыпи были обнаружены два повреждённых позвонка носорога в анатомическом сочленении. Рядом с ними обнаружен фрагмент лопатки. Предположительно, все три кости могут принадлежать одному животному.

Описание разреза террасы (сверху вниз):

		Мощность, м
1	Почвенный слой	0,4–0,6
2	Суглинки, трещиноватые, светло-коричневого цвета, в глубину террасы мощность увеличивается. Включают мелкие угловатые обломки карбонатных пород до 5 мм. Нижняя граница не выдержанная, неровная	0,3–2
3	Русловой аллювий, представленный переслаиванием горизонтально-слоистых песков (до 3 м) и линз грубообломочного, плохо окатанного и слабо сортированного щебнистого материала. Нижняя часть слоя представлена только щебнистым и глыбовым материалом. Слой имеет хорошую слойчатость, плоские обломки залегают горизонтально, имеются линзовидные пропластки более крупных обломков размером 15–20 см (иногда больше), преимущественно карбонатного состава. Основной размер обломков до 5–7 см	0,5–5

Общая высота террасы в наиболее высокой части достигает 7,5 м (рис. 2).

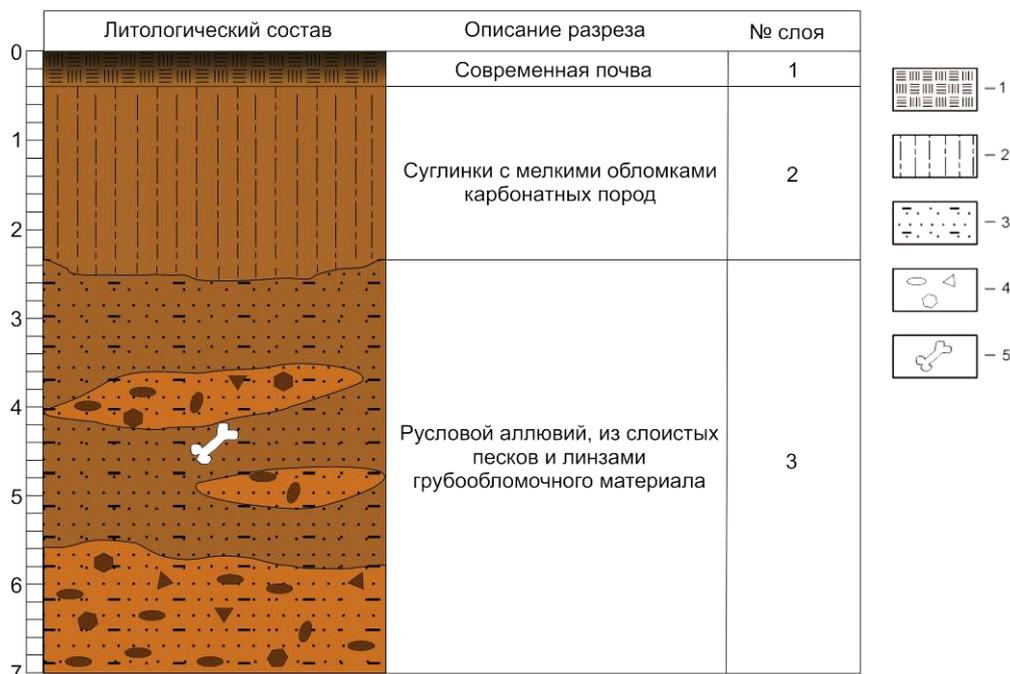

Рис. 2. Разрез четвертичных отложений I надпойменной террасы р. Белый Июс у местонахождения Кожухово II: 1 – почвенный слой; 2 – светло-коричневые суглинки; 3 – горизонтально-слоистые пески; 4 – горизонтально-слоистый щебень; 5 – остатки млекопитающих

В 2010 г. было отобрано 8 костей млекопитающих, часть из которых получена непосредственно из разреза. В южной части местонахождения, в песках, были найдены фрагмент верхней челюсти ювенильной особи лошади, со сменой зубов, и нижняя челюсть суслика. Ниже по тече-

нию, в северной части местонахождения, в песках отобраны большая берцовая кость взрослой лошади, третья метакарпальная кость шерстистого носорога, дистальный отдел плеча барана (рис. 3, А), дистальный отдел бедра бизона, фрагмент ребра лошади.

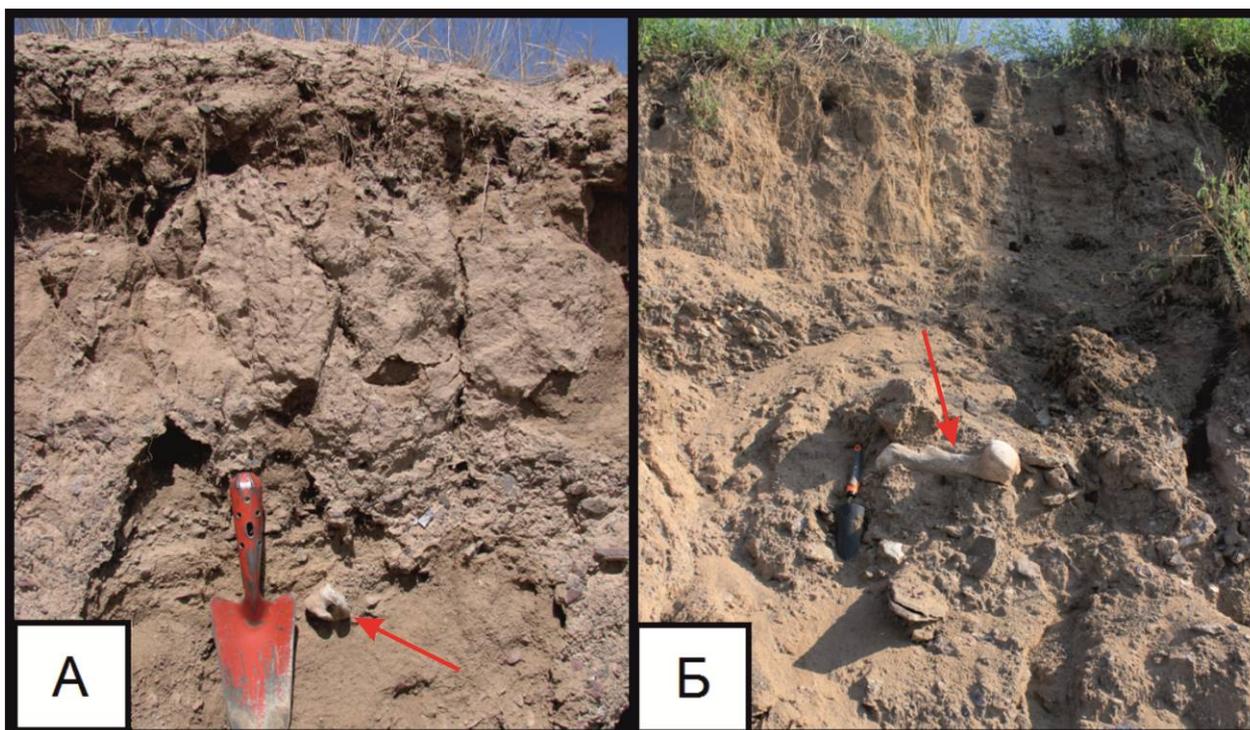

Рис. 3. Костные остатки млекопитающих в разрезе I надпойменной террасы в местонахождении Кожухово II: А – фрагмент плечевой кости барана (фото А.В. Шпанского); Б – плечевая кость шерстистого носорога (фото Д.Г. Маликова)

В 2014 г. был проведен повторный сбор материала. На южном участке местонахождения было получено четыре образца, из них три в осыпи (фрагмент плюсневой кости бизона, фрагмент плечевой кости и зуб лошади), а в слое песков – диафиз большой берцовой кости лошади. На северном участке обнаружено 8 костей. Три образца обнаружены в костеносном слое – плечевая кость носорога (рис. 3, Б), плюсневая кость лошади и позвонок сурка. Остальные пять образцов (вторая фаланга и пястная кости лошади, два шейных позвонка в анатомическом сочленении и лопатка носорога) обнаружены в осыпи.

Результаты исследования

Материал из Кожухово I и II описывается совместно, поскольку близкое расположение местонахождений, приуроченность их к сходным условиям захоронения – аллювиальные комплексы I надпой-

менных террас рек общей речной системы р. Чулым, а также схожая сохранность образцов дают основание предполагать относительную одновозрастность этих местонахождений. Материалы в обоих местонахождениях представлены остатками животных мамонтового фаунистического комплекса (табл. 1). По литолого-геоморфологическим, палеонтологическим и радиоуглеродным данным геологический возраст этих местонахождений нами определяется как сартанский криохрон позднего неоплейстоцена.

Нумерация образцов в музейном каталоге сплошная для обоих местонахождений. К местонахождению Кожухово I относятся образцы с номерами: ПМ ТГУ 56/1, 56/3, 56/4, 56/6-11, 56/13-20, 56/22-24, 56/26, 56/28, 56/30-35. Из Кожухово II происходят образцы: ПМ ТГУ 56/2, 56/5, 56/12, 56/16, 56/21, 56/25, 56/27, 56/29, 56/36-47. Символ «С» перед некоторыми цифровыми значениями промеров обозначает повреждение кости.

Т а б л и ц а 1

Остатки плейстоценовой фауны местонахождений у с. Кожухово

Вид	Количество образцов	
	Кожухово I	Кожухово II
<i>Spermophilus cf. undulatus</i>	–	1
<i>Marmota</i> sp.	–	1
<i>Alces alces</i>	1	–
<i>Procapra cf. gutturosa</i>	1	–
<i>Bison priscus</i>	8	3
<i>Ovis ammon</i>	1	–
<i>Ovis</i> sp.	3	1
<i>Equus</i> sp.*	9	8
<i>Coelodonta antiquitatis</i>	1	5
Не определены	3	1

* Анализ метаподиальных костей из имеющейся выборки позволяет разделить их на два вида: *Equus gallicus* и *Equus ovodovi*.

Описание остатков

Spermophilus (=Citellus) undulatus Pallas, 1778 – Суслик длиннохвостый

Левая ветвь нижней челюсти экз. ПМ ТГУ 56/5. Кость бежевого цвета, без повреждений. Челюсть принадлежит половозрелой особи, но не слишком старой, о чём свидетельствует отсутствие стёртости бугров на постоянных зубах.

Сравнение челюсти суслика проводилось с тремя подвидами двух видов сусликов Забайкалья [7]: *Spermophilus undulatus undulatus* Pallas, 1778, *S. undulatus gromovi* Erbajeva, 1966, *S. itancinicus bazarovi* Erbajeva, 1966, как наиболее сопоставимых по размеру с сусликом из Кожухово (табл. 2). Основные пропорции челюсти из Кожухово II позволяют отнести ее к подвиду *S. undulatus undulatus*, который вполне соответствует по размерам небольшим сусликам Забайкалья.

Т а б л и ц а 2

Размеры нижней челюсти сусликов Центральной Сибири

Промеры (мм) и индексы (%)	Кожухово II (Хакасия)	Ербаева (1970)		
		<i>S. undulatus gromovi</i>	<i>S. undulatus undulates</i>	<i>S. itancinicus bazarovi</i>
Альвеолярная длина зубного ряда	9,7	10,5–10,9–11,3	9,6–10,5–12,6	9,0–10,8–12,0
Индексы				
Отношение длины диастемы к альвеолярной длине зубного ряда	72,1	65,0–68,2–78,6	63,7–76,7–96,5	54,0–69,0–76,0
Отношение передней коронарной ширины P ₄ к задней	95,4	75,0–80,6–83,5	78,5–89,1–102,2	74,0–84,2–90,0
Отношение задней коронарной ширины P ₄ к его длине	90,9	90,0–100,0–109,0	90,9–105,2–119,5	91,0–100,0–119,0
Отношение коронарной длины M ₁ к его ширине	76,9	81,0–92,0–107,0	60,0–71,0–81,6	84,0–94,5–113,0
То же для M ₂	75,8	86,0–97,7–108,0	62,5–72,7–84,3	80,0–100,0–117,0
То же для M ₃	103,3	100,0–104,0–114,0	91,4–102,8–108,6	100,0–113,0–136,0
Высота резцового отдела к длине диастемы	58,3	54,0–60,0–68,5	51,6–59,7–69,5	50,0–57,5–67,5
Отношение высоты горизонтальной ветви на уровне M ₁ к альвеолярной длине зубного ряда	72,1	66,6–69,8–74,0	66,0–71,9–81,3	63,1–71,2–78,0

Marmota sp. – Сурок

Alces cf. *alces* Linnaeus, 1758 – Лось

Поясничный позвонок сурка экз. ПМ ТГУ 56/39. Позвонок песочного цвета, без повреждений. На поверхности видны неглубокие следы травления корнями растений. Краниально-каудальная длина (по отросткам) 22 мм, наибольшая высота (включая остистый отросток) с 20 мм, ширина в поперечных отростках 21 мм.

Сильно повреждённая плюсневая кость экз. ПМ ТГУ 56/14. Фрагмент диафиза левой плюсной кости общей длиной 200–210 мм, диафиз обломан почти у основания дистального эпифиза. Ширина и поперечник диафиза составляют 36 и 39 мм соответственно (табл. 3). Цвет кости белёсо-желтый, имеются небольшие вкрапления окислов марганца.

Т а б л и ц а 3

Размеры плюсневых костей лосей Западной Сибири

Промеры, мм	Кожухово (Хакасия)	Красный Яр (Томская область)		Новосибирская область (Васильев, 2011)		
		Шпанский, 2001	Алексеева, 1980	Красный Яр	Тараданово	Современность
1. Ширина диафиза	36,0	31,0; 31,0	30,0–32,0–34,0	30,0–32,6–34,8	34,5	30,0–32,4–34,3
2. Поперечник диафиза	39,0	28,0; 31,0	36,0–38,3–40,0	39,0–40,5–43,5	43,5	35,3–38,3–40,5
Индекс диафиза (1/2)	0,92	1,10; 1,00	0,83	0,80	0,79	0,84

Плюсневая кость лося из Кожухово несколько массивнее, чем у лосей из Западной Сибири [8, 9], и имеет почти квадратное сечение диафиза. Лось из Кожухово занимает своего рода промежуточное положение между лосями, описанными С.К. Васильевым и Э.В. Алексеевой, против лосей, описанных А.В. Шпанским [10]. Это может быть обусловлено высокой нагрузкой на кость при ходьбе животного, однако сильная повреждённость кости не позволяет говорить об этом однозначно.

Procrapra cf. *gutturosa* Pallas, 1777 – Монгольский дзерен

Левая пястная кость экз. ПМ ТГУ 56/15, тёмно-коричневого цвета со следами травления корнями

растений и небольшими вкраплениями окислов марганца или железа. Кость имеет большой удельный вес, довольно длинная и изящная (табл. 1, фиг. 2). При сравнении этого образца с костями дзерана из позднеллейстоценовых местонахождений Забайкалья [11], и современными [12, 13], сразу замечен более крупный размер экземпляра из Кожухово (табл. 4). Данный экземпляр примерно на 1/4 крупнее рецентных животных и примерно на 1/3 крупнее дзерана из Забайкалья.

Возможно, аномально крупные размеры пястной кости дзерана из местонахождения Кожухово I связаны с приспособлением к обитанию в условиях с пере-сечённым рельефом или в высокой траве. Однако, поскольку в настоящее время это единственная находка такого рода делать какие-то выводы преждевременно.

Размерные характеристики пястных костей дзерена

Промеры, мм	Кожухово (Хакасия) ПМ ТГУ 56/15	Клементьев, 2005		Вангенгейм, 1966*; Сутула, 1990** современные
		lim	M	
Длина кости	225,0	149,8–160,8	154,8	172,0**
Ширина проксимального эпифиза	37,0	20,4–23,4	21,9	23,4*
Его поперечник	22,0	15,3–17,6	16,4	22,0*
Ширина диафиза	23,1	12,0–14,5	13,2	–
Его поперечник	19,9	10,8–12,3	11,3	–
Ширина дистального эпифиза	39,0	20,0–23,4	21,4	–
Его поперечник	26,0	14,5–17,1	15,7	–

Таблица I

Остатки представителей мамонтовой фауны местонахождений Кожухово I и II:

Фиг. 1. Экз. ПМ ТГУ 56/2; фрагмент верхней челюсти жеребёнка *Equus* sp.

Фиг. 2. Экз. ПМ ТГУ 56/15; левая пястная кость *Rangifer tarandus*.

Фиг. 3. Экз. ПМ ТГУ 56/16; 3 пястная кость правой ноги *Coelodonta antiquitatis*.

Фиг. 4. Экз. ПМ ТГУ 56/32; левая плюсневая кость *Equus ovodovi*.

Фиг. 5. Экз. ПМ ТГУ 56/33; левая плюсневая кость *Equus gallicus*.

Фиг. 6. Экз. ПМ ТГУ 56/1; фрагмент черепа архара *Ovis ammon*.

Bison priscus Vojanus, 1827 –
Степной (первобытный) бизон

Остатки бизонов имеют плохую сохранность и представлены фрагментами различными костями скелета. Среди всего материала хорошо диагностируемыми и подходящими для сравнения с бизонами других территорий являются 7 костей – 3 лопатки (экз. ПМ ТГУ 56/7, 56/8, 56/40), две тазовых кости (экз. ПМ ТГУ 56/22, 56/23), один астрагал (экз. ПМ

ТГУ 56/31), проксимальный эпифиз плюсневой кости (экз. ПМ ТГУ 56/47).

По размерам лопаток (табл. 5) можно предполагать, что бизоны из Кожухово немного мельче, чем особи, обитавшие на берегах реки Енисей [15]. Интересно и то, что бизоны из Кожухово мельче, чем их «соседи» из грота Проскуракова, расположенного в 60 км южнее. По своим размерным характеристикам эти бизоны были ближе всего к бизонам из Красного Яра Новосибирской области.

Таблица 5

Размерные характеристики костей бизонов Южной Сибири

Промеры*, мм	Кожухово (Хакасия)	Васильев, Оводов, 2009			Шпанский, 2000
		грот Проскуракова	Куртак	Красный Яр (Новосибирская обл.)	Красный яр (Томская обл.)
Scapula					
1	83,0; –; C78,0	80,3–98,5	65,2–98,6	70,5–105,5	80,0–104,0
2	71,0; C64,0; C65,0	85,0–90,0	77,5–104,0	76,3–96,5	86,0–98,0
3	58,0; 63,0; 67,0	66,4–74,6	60,0–79,5	56,0–81,8	67,0–79,0
Pelvis					
4	80,0; 82,0	–	–	–	75,0–90,0
5	65,0; C53,0	–	–	–	68,0–80,0
Astragalus					
6	90,5	82,8–97,0	83,2–99,0	82,0–102,0	82,4–105,0
7	53,0	49,3–55,7	47,5–58,0	53,2–72,8	53,2–70,0
Metatarsale					
8	59,0	67,2–71,5	55,5–76,0	56,8–75,4	53,1–78,0
9	59,0	65,0–69,3	56,0–73,2	55,5–70,5	53,0–75,0

* Промеры: 1 – ширина в шейке лопатки; 2 – передне-задний диаметр суставной ямки; 3 – боковой диаметр суставной ямки; 4 – горизонтальный диаметр вертлужной впадины таза; 5 – ее вертикальный диаметр; 6 – наибольшая длина; 7 – наибольшая ширина; 8 – боковой диаметр проксимального эпифиза; 9 – передне-задний диаметр проксимального эпифиза.

При сравнении тазовых и метатарзальных костей выяснилось, что они также несколько мельче, чем у бизонов из Красного Яра (Томская обл.) [16]. В то же время астрагал из Кожухово (ПМ ТГУ 56/31) оказался вполне сопоставим по размерам с астрагалами животных соседних территорий.

Из-за малого количества материала говорить о степени достоверности различий Кожуховских бизонов с бизонами других территорий не приходится. Также можно отметить, что одна из погибших особей была молодой, но достаточно крупной, это подтверждается находкой крупного не приросшего дистального эпифиза бедренной кости.

Ovis sp. – Баран

Две ветви левых нижних челюстей экз. ПМ ТГУ 56/3, 56/4, принадлежащие молодым особям (на челю-

стях наблюдается смена молочных зубов на постоянные). Поврежденный атлант экз. ПМ ТГУ 56/6 принадлежит взрослому животному. Из костей конечностей имеется дистальный отдел левой плечевой кости экз. ПМ ТГУ 56/12 светло-песочного цвета со следами травления кости корнями растений. Диафиз сломан чуть ближе к проксимальному концу кости.

Ovis ammon Linnaeus, 1758 – Архар

Фрагмент черепа взрослой особи экз. ПМ ТГУ 56/1 (табл. I, фиг. 6) с отсутствующей лицевой частью. У черепа сохранилась только лобно-затылочная область и основания роговых стержней. Череп имеет светло-серый цвет. Сравнение черепа архар с данными Э.В. Алексеевой [8] показало, что череп барана из Кожухово немного мельче, чем череп с Михайловского прииска (табл. 6).

Таблица 6

Размеры черепов *Ovis ammon* Минусинской котловины

Промеры, мм	Кожухово I ПМ ТГУ № 56/1	Михайловский прииск ТПУ № 89 [8]
1. Наибольшая ширина между основаниями рогов снаружи	167,0	176,0
2. Наименьшая ширина между основаниями рогов внутри	37,0	33,0
3. Обхват стержней у основания	356,0	385,0/375,0
4. Передне-задний диаметр рога	124,0	136,0
5. Боковой диаметр рога	96,0	107,0
6. Угол расхождения роговых стержней	113	105*
7. Ширина затылочного отверстия	26,8	26,0
8. Высота затылочного отверстия	21,0	20,5
9. Длина зароговой части от наивысшей точки лба до нижнего края затылочного отверстия	196,0	199,0
10. Наибольшая ширина затылка	129,0	120,0

* Угол расхождения рогов брался по срединным линиям роговых стержней, для данных Э.В. Алексеевой измерения проведены по изображению (табл. XXXI, фиг. 3), поэтому могут быть не точными.

Если брать размеры черепа с Михайловского прииска за 100%, то архар из Кожухово получится значительно мельче (усреднённое значение промеров составляет 99% размеров первого). Рога у этого архара меньше, чем у описываемого Э.В. Алексеевой (промеры: 3 – 92%, 4 – 91%, 5 – 89%), но более широко поставлены (промеры: 2 – 112%, 6 – 107%), при этом затылок более массивный у черепа из Кожухово. По своим размерам архар из Кожухово, в целом, соответствует современным алтайским баранам [17] и практически по всем параметрам лежит в границах изменчивости алтайской популяции *Ovis ammon*.

Equus sp. – Лошадь

В исследованной коллекции представлен один зуб взрослой лошади (экз. ПМ ТГУ 56/36). Поэтому для определения видовой принадлежности остатков лошадей привлечены метаподиальные кости (М/с III – экз. ПМ ТГУ 56/17, 56/18, 56/43; М/т III – экз. ПМ ТГУ 56/32, 56/33, 56/34 и 56/46) как наиболее диагностичные из костей посткраниального скелета.

Левый m3 принадлежит некрупной лошади. Двойная петля удлинённая, асимметричная, с очень широкой выемкой. Метастилид округлый, а метоконид имеет субтреугольную форму, энтоконид овальный. Наружная долинка широкая с четко оформленной шпорой, глубоко заходит в шейку двойной петли и лишь немного не доходит до выемки двойной петли. Гипо- и протоконид с прямыми наружными стенками. Постфлексид короткий, со слабоизогнутой стенкой. Эмаль средней толщины, без складок.

Зуб имеет сходство с зубами *Equus gallicus* Prat 1968 из Кузнецкой котловины [18], однако последние в целом крупнее (экз. ПМ ТГУ 56/36: длина 30,5 мм; ширина 13,0 мм; постфлексид: 7,0 мм; *E. gallicus* соответственно: 27,5–31,0 мм; 15,0–18,0 мм; 11,5–13,0 мм). Кроме того, наружная долинка у «нашего» экземпляра гораздо глубже входит в шейку двойной петли и практически соприкасается с выемкой двойной петли. Этим зуб схож с недавно описанной *E. (Sussemionus) ovodovi* Eisenmann et Vasiliev 2011 из грота Проскуракова (грот расположен в 60 км выше по течению р. Белый Июс от Кожухово), размеры «нашего» экземпляра так же близки к *E. ovodovi* (длина 28,2–31,7; ширина 11,0–14,5; постфлексид 7,3–12,0) [19, 20]. Длина постфлексиды у зуба из Кожухово (22,9% от длины зуба) так же больше соответствует зубам *E. ovodovi* (24,5–37,9% [19]), чем *E. gallicus* (39,7–41,6% [18]). На основании этого мы относим данный экземпляр к *E. ovodovi*, хотя у зуба из Кожухово эмаль менее складчатая, чем у типовых экземпляров лошади Оводова.

Изучение метаподиальных костей проводилось в соответствии с методикой В. Айзенманн [21], для сравнения использовались данные И.В. Фороновой [18] по ископаемым лошадям Кузнецкой котловины. Абсолютные и относительные размеры метаподий (табл. 7) и графическое сравнение (рис. 4, 5) позволили предположительно соотнести метакарпальные и метатарсальные кости из изучаемых местонахождений с двумя видами ископаемых лошадей.

Видовая идентификация лошадей из Кожухово по метаподиальным костям оказалась сложной, что связано с ограниченностью серий изученного материала и различными пропорциями имеющихся в нашем распоряжении костей. Полученные по методике В. Айзенманн графики пропорций этих костей имеют отличия между собой, что позволило установить две группы лошадей.

При построении графиков по пястным костям (рис. 4) пропорции первой лошади (экз. ПМ ТГУ 56/17) оказались схожи с графиком, полученным для позднеплейстоценовых *E. gallicus* из Кузнецкой котловины [18]. Поэтому данный экземпляр был отнесён к некрупной форме *E. gallicus*, но относительная величина ширины проксимального эпифиза этой кости меньше, чем у лошадей, описанных из Кузбасса.

Пястные кости второй формы лошади (экз. ПМ ТГУ 56/18 и 56/43) оказались менее массивными (табл. 7), поэтому она сравнивалась с наиболее легко сложенным представителем лошадей – *E. ovodovi*. Также для сравнения использованы данные по *E. aff. hydruntinus* Regalia 1907 из Кузнецкой котловины [18], как лошади того же размерного класса.

При сравнении размеров костей второй лошади с указанными видами было выявлено, что лошадь из Кожухово меньше, чем любая из мелких лошадей Кузнецкой котловины, и мельче, чем известные метакарпальные кости лошади Оводова, которые в настоящее время являются самыми «грацильными» для юго-востока Западной Сибири. Однако, несмотря на некоторые отличия в размерах и пропорциях, мы считаем возможным отнести этого экземпляра к *E. ovodovi*, поскольку размеры костей (табл. 7) и их пропорции (рис. 4) наиболее близки к лошадям из грота Проскуракова.

Метатарсальные кости лошадей из местонахождений Кожухово принадлежат мелким лошадям, имеют различия в пропорциях и так же, как и метакарпальные кости, образуют две группы. Это позволило нам соотнести эти образцы с двумя ископаемыми видами: *E. gallicus* и *E. ovodovi*.

К *E. gallicus* могут быть отнесены экземпляры ПМ ТГУ 56/33 и 56/46, хотя пропорции этих костей, отраженные на графике (рис. 5), имеют сходство не только с галльской лошадью, но и с *E. aff. hydruntinus*. Так, экземпляр ПМ ТГУ 56/33 заметно крупнее, чем *E. gallicus*, известные из Кузнецкой котловины (табл. 7), и по этому и некоторым другим параметрам ближе к *E. aff. hydruntinus* из Кузнецкой котловины [18]. Однако, если построить усреднённую кривую пропорций для обоих рассматриваемых экземпляров, она окажется ближе к галльской лошади. Экземпляры ПМ ТГУ 56/32 и 56/34, несмотря на некоторые отличия в размерах и пропорциях, оказались пропорционально близки к *E. ovodovi*.

На основе методики В.О. Витта [22] нами был рассчитан примерный рост лошадей из Кожухово. Оба вида можно отнести к категории малорослых лошадей с высотой в холке 128–136 см, что соответствует росту и галльской лошади, и лошади Оводова.

Размеры метаподиальных костей различных представителей *Equus*

Metacarpale III													
Промеры*, мм	Кожухово (Хакасия)			<i>Equus ovodovi</i> **			<i>Equus gallicus</i> ***			<i>Equus aff. hydruntinus</i> ***			
	ПМ ТГУ			Min	Max	M	Min	Max	M	Min	Max	M	
	56/17	56/18	56/43										
1	215,0	220,0	218,5	–	–	С230,00	211,0	240,0	225,50	214,7	231,5	223,10	
3	34,0	29,0	28,4	29,1	30,5	29,83	35,2	40,3	37,70	35,0	38,0	36,50	
4	24,0	24,0	23,0	23,3	23,8	23,55	24,0	29,3	27,20	28,0	30,4	29,57	
5	49,0	41,0	47,0	44,8	46,0	45,40	49,1	57,8	53,80	50,3	55,5	52,67	
6	30,0	27,0	32,0	28,8	31,2	30,00	32,0	36,7	33,90	33,3	35,0	34,00	
7	38,0	33,0	36,0	37,5	38,5	38,00	33,0	48,6	42,90	41,2	44,0	42,33	
8	15,5	12,0	13,0	13,7	14,5	14,1	15,0	20,0	17,00	15,0	17,3	15,93	
10	48,0	41,0	40,0	–	–	42,00	46,1	55,0	50,60	49,0	53,3	51,15	
11	47,5	40,0	41,0	–	–	41,50	47,7	56,2	52,20	50,8	52,7	51,75	
12	36,5	29,0	31,9	–	–	–	35,6	41,8	38,50	37,4	38,8	38,10	
13	29,0	24,0	25,1	–	–	–	28,0	33,6	30,30	29,6	31,3	30,45	
14	30,0	27,0	27,5	–	–	–	28,8	35,2	31,90	30,5	32,0	31,25	
Индексы, %													
5:1	22,79	18,63	21,51	–	–	19,73	23,27	24,08	23,85	22,55	23,43	22,99	
3:1	15,81	13,18	12,99	–	–	12,96	16,68	16,79	16,71	16,30	16,41	16,36	
10 или 11:1	22,20	18,40	18,53	–	–	18,15	22,23	23,16	22,79	23,02	23,66	23,34	
14:12	82,19	93,10	86,2	–	–	–	80,89	84,21	82,85	81,55	82,47	82,01	
Metatarsale III													
Промеры*, мм	Кожухово (Хакасия)				<i>E. ovodovi</i> **			<i>Equus gallicus</i> ***			<i>Equus aff. hydruntinus</i> ***		
	ПМ ТГУ				Min	Max	M	Min	Max	M	Min	Max	M
	56/32	56/33	56/34	56/46									
1	270,5	271,5	271,5	263,0	257,2	276,8	276,20	246,00	264,00	257,13	269,0	282,2	274,73
3	29,5	34,0	30,0	35,0	28,2	31,7	29,32	32,00	38,60	34,99	34,0	37,0	35,25
4	30,0	33,0	28,0	32,0	27,5	30,7	29,42	30,50	33,60	32,04	33,7	37,9	35,47
5	41,0	53,0	45,0	51,0	41,5	48,3	43,80	48,80	54,30	51,84	52,0	57,6	54,27
6	36,0	47,0	37,0	42,0	36,5	43,0	38,76	41,30	45,50	43,14	43,1	48,2	45,62
7	38,0	47,5	42,0	46,0	38,2	44,6	40,04	44,10	50,50	46,54	46,1	50,0	48,12
8	10,5	11,9	11,0	11,9	9,4	11,2	10,12	8,40	13,00	11,73	11,0	17,0	12,92
10	40,5	50,0	44,5	49,0	37,8	46,8	41,87	47,70	54,20	50,81	47,3	54,0	51,49
11	40,0	52,0	44,5	50,0	37,5	44,5	40,85	48,40	54,70	51,52	50,8	55,7	53,20
12	32,6	39,0	35,0	38,0	32,0	38,0	33,20	35,10	40,50	38,08	36,3	40,6	38,78
13	25,0	29,0	27,0	28,2	25,0	28,5	25,90	26,40	30,00	28,14	26,5	31,3	28,57
14	27,8	35,0	30,0	31,0	25,5	31,1	28,19	28,00	33,50	31,29	29,3	34,7	32,20
Индексы, %													
5:1	15,15	19,52	16,57	19,39	16,00	17,50	16,39	19,83	20,56	20,16	18,95	21,08	19,76
3:1	10,90	12,52	11,04	13,31	10,50	11,50	10,97	12,39	12,72	12,46	12,55	13,11	12,83
10 или 11:1	14,87	18,78	16,39	18,82	14,40	16,90	15,67	19,53	20,62	19,89	19,02	20,38	19,56
14:12	85,27	89,74	85,71	81,57	81,80	88,20	84,91	79,77	82,71	82,16	79,90	86,75	82,96

* Промеры: 1 – наибольшая длина кости; 3 – ширина диафиза по середине; 4 – поперечник его там же; 5 – наибольшая ширина проксимального эпифиза; 6 – его поперечник; 7 – диаметр фасетки для os carpalе/tarsale III; 8 – диаметр фасетки для os carpalе/tarsale IV; 10 – ширина дистального эпифиза в надсуставных буграх; 11 – ширина в суставном блоке; 12 – поперечник сагитального гребня; 13 – наименьший поперечник медиального мыщелка; 14 – наибольший поперечник медиального мыщелка.

** Грот Проскурякова [19, 20].

*** Кузнецкая котловина [18].

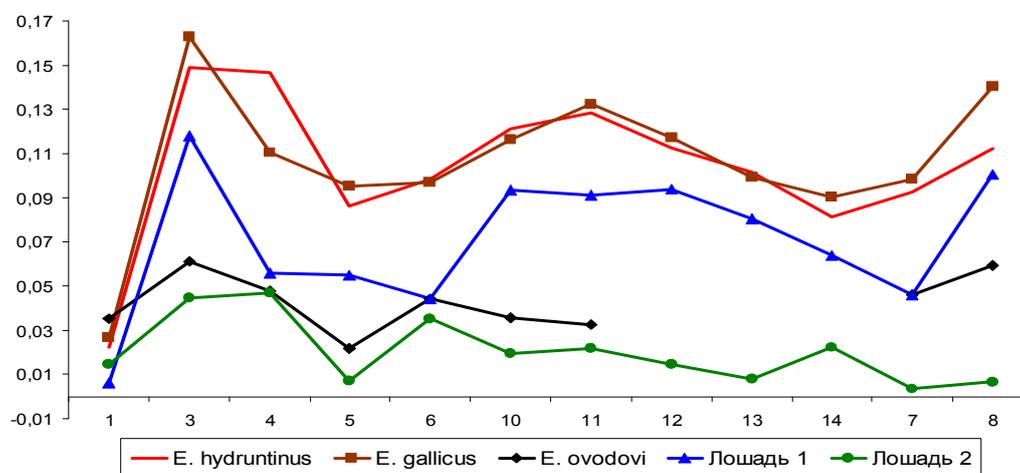

Рис. 4. Пропорции метакарпальных костей: *Equus hydruntinus*; *E. gallicus* – Кузнецкая котловина [18]; *E. ovodovi* – грот Проскурякова [19, 20]; Лошадь 1 (экз. ПМ ТГУ 56/17) – *E. gallicus*; Лошадь 2 (экз. ПМ ТГУ 56/18, 56/43) – *E. cf. ovodovi*

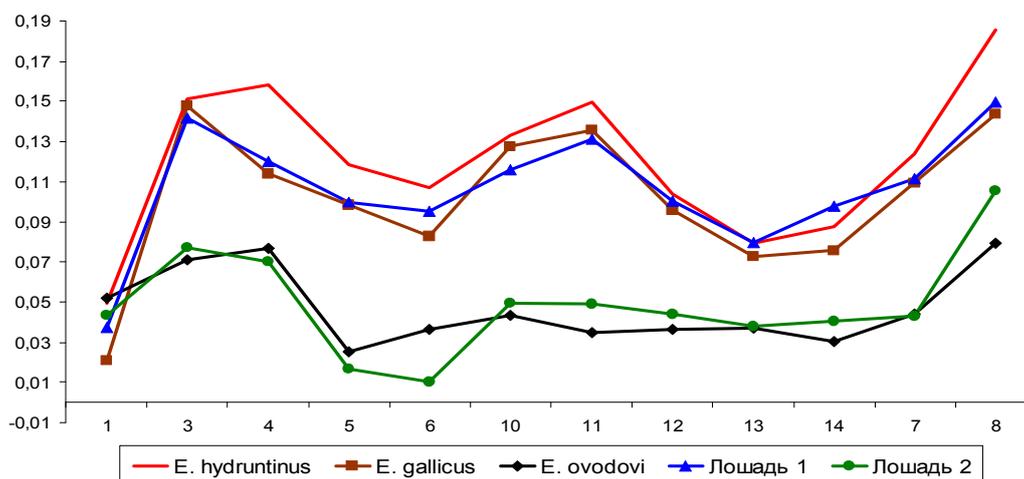

Рис. 5. Пропорции метатарзальных костей: *Equus hydruntinus*; *E. gallicus* – Кузнецкая котловина [18]; *E. ovodovi* – грот Проскуракова [19, 20]; Лошадь 1 (экз. ПМ ТГУ 56/33, 56/46) – *E. gallicus*; Лошадь 2 (экз. ПМ ТГУ 56/32, 56/34) – *E. cf. ovodovi*

На основании приведённых данных можно предположить, что на территории Кожуховских местонахождений одновременно могли обитать два вида лошадей. Первая, немного более массивная, схожая с галльской лошадью (*E. gallicus*) Кузнецкой котловины. Другим представителем лошадей является *E. ovodovi*, которая близка к лошадям, известным из типового местонахождения (грота Проскуракова) [19, 20]. Тем не менее отсутствие краниального материала и хороших серий метаподиальных костей не позволяет нам провести однозначное видовое определение остатков лошадей. Также вызывает затруднение сопоставление метаподиальных костей с остальными скелетными остатками и разделением их на отдельные виды.

Coelodonta antiquitatis Blumenbach 1799 – Шерстистый носорог

Остатки шерстистого носорога представлены шестью образцами: левой плечевой костью ПМ ТГУ 56/41, третьей пястной костью правой ноги, ПМ ТГУ 56/16, фрагментом левой тазовой кости ПМ ТГУ 56/24, двумя шейными позвонками (ПМ ТГУ 56/37, 38) и фрагментом лопатки (ПМ ТГУ 56/40).

У плечевой кости отсутствует большой бугорок. Пястная кость не повреждена (Табл. I, фиг. 3). В костях таза отсутствует лобковая кость, в результате чего повреждена часть вертлужной впадины, седалищная и подвздошная кости обломаны на небольшом расстоянии от вертлужной впадины. Лопатка сильно повреждена, что не позволяет проводить сравнение. Позвонки, предположительно 5-й и 6-й, повреждены, на первом есть небольшие трещины, от второго сохранилась только суставная головка. Все образцы светло-коричневого цвета, на поверхности многочисленны следы от травления корнями растений.

Шерстистый носорог из Кожухово оказался мельче, чем носороги Западной Сибири. Так, максимальная длина плечевой кости носорога из Кожухово составляет 381 мм (для Томского Приобья: 376–452 мм [23]) передне-задний диаметр головки кости 100 мм (112 мм), наименьшая ширина диафиза 83 мм (77–

88 мм), передне-задний диаметр диафиза там же 80 мм (82–88 мм), наибольшая ширина дистального эпифиза 133 мм (153–190 мм), ширина блока 104 мм (112–117 мм). Не исключена принадлежность ее самке.

Наибольший горизонтальный диаметр суставной впадины тазовой кости ПМ ТГУ 56/24 составил 100 мм, неполный вертикальный диаметр 90 мм против соответственно 123×115 мм Красного Яра (Том. обл.). Metacarpale III оказалась также мельче: длина 163 мм (164–198 мм [24]), ширина проксимальная 58 мм (58–79 мм), поперечник проксимальный 44 мм (42–58 мм), ширина дистальная 54 мм (55–71 мм), поперечник дистальный 46,8 мм (41,8–55 мм), ширина диафиза 43 мм (48–58 мм), поперечник 22 мм (26–28 мм). Меньшие размеры, в сравнении с равнинными носорогами Западной Сибири, могут свидетельствовать об обитании этого носорога в условиях лесостепи [25, 26].

Систематическую принадлежность 4 образцов выяснить не удалось, это 3 фрагмента ребер (ПМ ТГУ 56/19, 56/20 и 56/21), все кости белёсо-желтого цвета с небольшими вкраплениями окислов марганца или железа; фрагмент трубчатой кости (ПМ ТГУ 56/35), вероятно, метакарпальная кость крупного парнопалого.

Обсуждение

Анализ фауны местонахождений Кожухово I и II намечил основные направления в дальнейших исследованиях этой территории. В этих местонахождениях установлено несколько видов животных, чьи остатки встречаются редко. Так в обоих местонахождениях обнаружены остатки мало изученного вида лошади *E. ovodovi*, а в местонахождении Кожухово I остатки дзерена. Дзерен типичный представитель засушливых степей центральной Азии, поэтому его находка однозначно указывает на аридные условия обитания. Кроме этого следует отметить аномально крупные размеры пястной кости (экз. ПМ ТГУ 56/15) этого животного, что возможно связано со специфическими (ландшафтно-климатическими) условиями обитания животных. Возможно, удлиненность пястной кости может быть связана с обитанием в условиях рассе-

чёрного рельефа, подобное удлинение дистальных элементов конечностей характерно для лесного подвид северного оленя [13]. В то же время, это может быть приспособлением к обитанию в условиях высокого и густого травостоя, однако недостаточность материала не позволяет делать однозначные выводы.

В исследованных местонахождениях обнаружены остатки двух видов ископаемых лошадей: *E. gallicus* и *E. ovodovi*. Сходная ситуация отмечается во многих местонахождениях позднелайстоценовой фауны [4, 12]. Однако лошади – стадные животные, живут большими группами, потребляют большое количество растительных кормов, следовательно, на небольшой территории выживание нескольких видов с близкими требованиями к условиям среды затруднительно. Результаты радиоуглеродного датирования по метаподиальной кости ПМ ТГУ 56/32 *E. ovodovi* дали предельное для метода значения (UBA-28340), что позволяет предполагать одновременное существование этих видов лошадей в верховьях Чулыма. Экология *E. ovodovi* в настоящее время слабо изучена. В. Айзенманн и С.К. Васильев [20] отмечают, что лошадь Оводова была теплолюбивым видом, обитавшим в условиях степи, и лишь изредка проникала в лесостепные территории. Однако строение метаподиальных костей не подтверждает её высоких скоростных качеств. По соотношению длины m/c III к m/t III лошадь Оводова (80,9% против 87,7% у *E. gallicus*) больше соответствует животным, приспособленным к обитанию в предгорьях. Места находок, по которым было сделано первоописание этого вида (грот

Проскурякова и пещера Логово гиены), также дают основания рассматривать *E. ovodovi* как вид, обитающий в условиях со слаборасчленённым рельефом, схожим с современными «каменистыми степями» Южно-Минусинской котловины.

В верховьях пра-Чулыма, по-видимому, в саранское время увлажнение было достаточным и преобладала мозаичная структура ландшафта с чередованием открытых степных и полужакрытых лесостепных участков, с речными террасами и зарастающей поймой [6], на что могут указывать остатки лося. *E. gallicus* с её массивными, широкими копытами [18] была хорошо приспособлена к обитанию в лесостепи и на топких грунтах. На неоднородность ландшафтов и наличие значительных возвышенностей с участками скального рельефа указывают остатки архаров.

Заключение

Видовая дифференциация материалов с местонахождений Кожухово I и II относительно велика, в то время как количество образцов незначительно (некоторые виды представлены единичными остатками). Ввиду малости количества материала проведение какой-либо статистической обработки нецелесообразно, и имеет смысл говорить лишь о непосредственном присутствии тех или иных видов. В целом видовой состав Кожухово I и II близок к таковым из других позднелайстоценовых местонахождений Хакасии (Малая Сья, грот Проскурякова и пещера Археологическая), расположенных выше по течению р. Белый Июс (табл. 8).

Таблица 8

Фауна позднего неоплейстоцена верховий р. Чулым (Республика Хакасия)

Вид	Кожухово I и II	Оводов (2009 г.)		
		Малая Сья	Грот Проскурякова	Пещера Археологическая
<i>Lepus timidus</i>			+	
<i>Lepus tolai</i>			+	
<i>Lepus sp.</i>		+	+	
<i>Spermophilus undulatus</i>	+	+	+	
<i>Marmota sp.</i>	+	+	+	
<i>Castor fiber</i>			+	
<i>Canis lupus</i>			+	+
<i>Vulpes vulpes</i>			+	+
<i>Alopex lagopus</i>			+	
<i>Ursus arctos</i>		+	+	+
<i>Gulo gulo</i>			+	+
<i>Meles meles</i>			+	
<i>Crocota spelaea</i>			+	+
<i>Panthera spelaea</i>			+	
<i>Uncia uncia</i>			+	
<i>Lynx lynx</i>			+	
<i>Mammuthus primigenius</i>		+	+	
<i>Equus sp.</i> :	+	+	+	+
<i>Equus gallicus</i>	+			
<i>Equus ovodovi</i>	+		+	
<i>Coelodonta antiquitatis</i>	+	+	+	+
<i>Cervus elaphus</i>		+	+	+
<i>Alces alces</i>	+		+	
<i>Rangifer tarandus</i>	+	+		
<i>Bos baikalensis</i>			+	
<i>Bison priscus</i>	+	+	+	+
<i>Ovis ammon</i>	+	+	+	
<i>Ovis sp.</i>	+	+	+	
<i>Capra sibirica</i>		+	+	+
<i>Saiga tatarica</i>			+	
<i>Procapra cf. gutturosa</i>		+		

* Лошадь Оводова описана из грота Проскурякова В. Айзенманн и С.К. Васильевым [19, 20].

Таким образом, в сартанский криохрон истоки реки Чулым населяли типичные представители мамонтовой фауны. Размерные характеристики остатков отражают мелкие размеры животных, особенно в сравнении с экземплярами из Западной Сибири и среднего течения Енисея. Среди описанного материала особый интерес вызывает пястная кость дзерена. Длина кости этого животного аномально большая, что возможно связано с приспособлением к обитанию в условиях рассечённого рельефа или в высокой траве. При этом, наличие остатков лося и не крупной формы шерстистого носорога

может указывать на присутствие участков лесостепных ландшафтов. Наличие в сборах костей молодых животных позволяет предполагать, что эта территория являлась местом летних пастбищ. Более древний возраст остатков *E. ovodovi* указывает на их переотложение. Результаты радиоуглеродного анализа по нашим материалам не подтвердили данные С.К. Васильева [26, письменное сообщение], что этот вид дожил до конца каргинского термохрона. Вероятно, данные С.К. Васильева (24–26 тыс. лет) отражают наличие рефугиума этой лошади в Новосибирском Приобье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черский И.Д. Описание коллекции послетретичных млекопитающих животных, собранных новосибирской экспедицией в 1885–1886 гг. // Приложение к тому записок Императорской Академии наук № 1. СПб., 1891. 706 с.
2. Оводов Н.Д. Млекопитающие позднего антропогена юга Сибири и Дальнего Востока по материалам пещерных местонахождений : автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 1979. 23 с.
3. Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Новые данные по млекопитающим и птицам грота Двуглазка в Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. Красноярск, 1992. С. 78–83.
4. Оводов Н.Д. Древние звери Хакасии // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. Красноярск, 2009. С. 189–199.
5. Маликов Д.Г., Шпанский А.В. Предварительные данные по местонахождениям Мамонтовой фауны в истоках реки Чулым, Республика Хакасия // Труды VIII Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований». ЮНЦ РАН. Ростов н/Д, 2013. С. 418–420.
6. Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян): Путеводитель экскурсии международной конференции «Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке» / отв. ред. А.П. Деревянко, Н.И. Дроздов, В.П. Чеха. Красноярск, 1992. 130 с.
7. Ербаева М.А. История антропогенной фауны зайцеобразных и грызунов Селенгинского среднегорья. М. : Наука, 1970. 132 с.
8. Алексеева Э.В. Млекопитающие плейстоцена юго-востока Западной Сибири (хищные, хоботные, копытные). М. : Наука, 1980. 188 с.
9. Васильев С.К. Морфологические и экологические особенности лосей юго-востока Западной Сибири в позднем неоплейстоцене и голоцене // Зоологический журнал. 2011. Т. 90, № 1. С. 97–108.
10. Шпанский А.В. Новые находки остатков ископаемого лося *Alces alces* L. (Mammalia, Artiodactyla) в Томском Приобье // Материалы II Международного симпозиума «Эволюция жизни на Земле». Томск : НТЛ, 2001. С. 543–546.
11. Клементьев А.М. Копытные млекопитающие и мамонт в палеолите Западного Забайкалья // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые факты, методы, гипотезы). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 126–133.
12. Вангенгейм Э.А., Беляева Е.И., Гарутт В.Е., Дмитриева Е.Л., Зажигин В.С. Млекопитающие эоплейстоцена западного Забайкалья // Труды ГИН. 1966. Вып. 152. 162 с.
13. Кузьмина И.Е. Формирование териофауны северного Урала в позднем антропогене // Материалы по фауне антропогена СССР : Труды ЗИН АН СССР. Л. : Наука, 1971. Т. 49. С. 44–122.
14. Сутула В.А. Адаптивное значение пропорций опорно-двигательного аппарата копытных // Морфология млекопитающих и проблемы локомоции : Труды ЗИН АН СССР. Л. : Наука, 1990. Т. 215. С. 137–151.
15. Васильев С.К., Оводов Н.Д. Бизоны (*Bison priscus* Vojanus, 1827) позднего плейстоцена Алтая и юга Средней Сибири // Енисейская провинция. Красноярск : Краснояр. краевой краевед. музей, 2009. Вып. 4. С. 77–90.
16. Шпанский А.В. Копытные среднего-позднего неоплейстоцена юго-востока Западно-Сибирской равнины (стратиграфическое значение, палеоэкология и палеоэогеография) : дис. ... канд. геол.-минерал. наук. Томск, 2000. 216 с.
17. Боескоров Г.Г. К систематике и распространению баранов рода *Ovis* (Artiodactyla, Bovidae) в плейстоцене и голоцене Сибири и Дальнего Востока // Зоологический журнал. 2001. Т. 80, № 2. С. 243–256.
18. Форонova И.В. Ископаемые лошади кузнецкой котловины. Новосибирск : ИГиГ СО АН СССР, 1990. 131 с.
19. Eisenmann V., Vasiliev S.K. Unexpected finding of a new *Equus* species (Mammalia, Perissodactyla) belonging to a supposedly extinct sub-genus in late Pleistocene deposits of Khakassia (southwestern Siberia) // Geodiversitas. 2011. Vol. 33 (3). P. 519–530.
20. Айзенманн В., Васильев С.К. *Equus* (*Sussemionus*) *ovodovi* – новый вид лошади в позднем плейстоцене Юга Западной Сибири // Енисейская провинция. Красноярск : Краснояр. краевой краевед. музей, 2009. Вып. 4. С. 63–67.
21. Eisenmann V., Beckouche S. Identification and discrimination of metapodials from Pleistocene and Modern *Equus*, wild and domestic // Meadow, H.P. Uermann. Equids in the ancient world, Beihefte zum Tubinger Atlas des Vorderen Orients, Reihe A. Wiesbaden, 1986. P. 116–163.
22. Вумм. В.О. Лошади Пазарыкских курганов // Советская археология. 1952. № 16. С. 163–205.
23. Shpansky A.V. Juvenile remains of the «woolly rhinoceros» *Coelodonta antiquitatis* (Blumenbach 1799) from the Tomsk Priob'e area (Southeast Western Siberia) // Quaternary International. 2014. Vol. 333. P. 86–99.
24. Shpansky A.V., Billia A.E.A. Records of *Stephanorhinus kirchbergensis* (Jager, 1839) (Mammalia, Rhinocerotidae) from the Ob' River at Krasniy Yar (Tomsk region, southeast of Western Siberia) // Russian Journal of Theriology. 2012. Vol. 11 (1). P. 47–55.
25. Гарутт Н.В. К истории изучения шерстистого носорога *Coelodonta antiquitatis* (Blumenbach, 1799) // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. М. : ГЕОС, 2001. С. 22–33.
26. Гарутт Н.В., Боескоров Г.Г. Шерстистые носороги: к истории рода // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. М. : ГЕОС, 2001. С. 157–167.
27. Васильев С.К., Лобачёв Ю.В., Лобачёв А.Ю. Новые данные по местонахождениям позднплейстоценовой мегафауны на реках Чумыш и Чик (Алтайский край и Новосибирская область) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2014. Т. XX. С. 15–18.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 30 апреля 2015 г.

THE NEW SITES OF MAMMOTH FAUNA IN THE CHULYM RIVER HEAD, THE KHAKASS REPUBLIC

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 245–257. DOI: 10.17223/15617793/396/41

Shpansky Andrei V., Malikov Dmitry G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shpansky@ggf.tsu.ru; knight_1991@mail.ru

Keywords: mammoth fauna; Pleistocene; the Khakass Republic; the Chulyum River; the White Iyus River; the Black Iyus River.

In this article two new sites of mammoth fauna are described; these sites are located on the territory of Ordzhonikidze district of the Khakass Republic, near the village Kozhukhovo. These sites refer to deposits of the first floodplain terraces in the estuaries of the Black Iyus river: the Kozhukhovo I site (lat. 54°56' N, long. 89°46' E), and the White Iyus River: the Kozhukhovo II site (lat. 54°54' N, long. 89°52' E). The headwaters of the Chulyum River is formed by the confluence of these rivers. This article contains a description of the geological structure of one of the sites, where deposits of the first floodplain terraces consist of loess loam and channel alluvium. Also a description of osteological remains discovered in these sites is given. Its geologic age was found to be the second half of the Late Pleistocene by lithology, geomorphology and paleontology data. The materials obtained introduce typical representatives of the mammoth fauna assemblage from the both sites. The materials are mainly represented by fragments of the largest and most dense bones, as in most alluvial sites. On the basis of osteological remains, the fauna composition of these sites was found, the mammals are represented by the following species: *Spermophilus undulatus*, *Alces cf. alces*, *Rangifer tarandus*, *Ovis ammon*, *Bison priscus*, *Coelodonta antiquitatis*, *Equus ex gr. ovodovi*, *Equus ex gr. hydruntinus*, *Equus gallicus* and *Equus* sp. In the late Pleistocene, usual representatives of mammoth fauna inhabited the Chulyum River head, though they were slightly smaller than animals that lived in the Western Siberia, and on the banks of the Yenisei River at the same time. It was revealed by a comparison of the osteological material with the literature data. Based on the characteristics of the species, the composition of these sites was similar to the sites located in the upstream of the White Iyus River (Malaya Syia, Proskuryakova Grotto, Archaeological Cave). A new species of horses (*Equus (Sussemionus) ovodovi*) was identified in the same manner. To the authors' knowledge, this species has not been carefully studied yet, so the further study of these sites can help in getting new information on this species as well as on the ontogeny of these horses. On basis of preliminary analysis the authors conclude that in the late Pleistocene in the Chulyum River head, forest-steppe landscapes of hilly type predominated, which is proved by the remains of the gopher, the donkey, the Gallic horse, the Ovodov horse, a small form of the woolly rhinoceros and the reindeer with specific features in the structure. This area could have been summer pastures, which is proved by bones of young animals. However, the data is insufficient to carry out a comprehensive analysis, so further study is essential.

REFERENCES

1. Cherskiy, I.D. (1891) *Opisanie kolleksii posletretichnykh mlekopitayushchikh zhivotnykh, sobrannykh novosibirskoy ekspeditsiy v 1885–1886 gg.* [Description of the collection of post-Tertiary mammals collected by the Novosibirsk expedition of 1885–1886]. In: *Prilozhenie k tomu zapisok Imperatorskoy Akademii nauk № 1* [Supplement to the Notes of the Imperial Academy of Sciences No. 1]. St. Petersburg.
2. Ovodov, N.D. (1979) *Mlekopitayushchie pozdnego antropogena yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka po materialam peshchernykh mestonakhzhdeniy* [Late Quaternary mammals of southern Siberia and the Far East based on cave site material]. Abstract of Biology Cand. Diss. Novosibirsk.
3. Ovodov, N.D. & Martynovich, N.V. (1992) *Novye dannye po mlekopitayushchim i ptitsam grota Dvuglazka v Khakasii* [New data on mammals and birds Dvuglazka Grotto in Khakassia]. In: Burovskiy, A.M. (ed.) *Problemy arkheologii, etnografii, istorii i kraevedeniya Prieniseyskogo kraya* [Problems of archeology, ethnography, history and local history of Yenisei region]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University; Krasnoyarsk Regional Museum.
4. Ovodov, N.D. (2009) *Drevnie zveri Khakasii* [Ancient animals of Khakassia]. In: Larichev, V.E. (ed.) *Astroarkheologiya – estestvenno-nauchnyy instrument poznaniya protonauk i astral'nykh religiy zhrechestva drevnikh kul'tur Khakasii* [Astroarcheology as a natural-scientific instrument of knowledge of protoscience and astral religions of priests of ancient cultures of Khakassia]. Krasnoyarsk: Gorod.
5. Malikov, D.G. & Shpanskiy, A.V. (2013) [Preliminary data on the location of the mammoth fauna in the headwaters of the Chulyum River, Republic of Khakassia]. *Trudy VIII Vserossiyskogo soveshchaniya po izucheniyu chetvertichnogo perioda "Fundamental'nye problemy kvartera, itogi izucheniya i osnovnyye napravleniya dal'neyshikh issledovaniy"* [Proc. of VIII All-Russian Conference on Quaternary Research "Fundamental Problems of the Quarter, the results of the study and the main directions for further research"]. Rostov-on-Don: YuNTs RAN. pp. 418–420. (In Russian).
6. Derevyanko, A.P., Drozdov, N.I. & Chekha, V.P. (eds.) (1992) *Arkheologiya, geologiya i paleogeografiya paleoliticheskikh pamyatnikov yuga Sredney Sibiri (Severo-Minusinskaya vpadina, Kuznetskiy Alatau i Vostochnyy Sayan): Putevoditel' ekskursii mezhdunarodnoy konferentsii "Paleoekologiya i rasselenie drevnego cheloveka v Severnoy Azii i Amerike"* [Archeology, geology and paleogeography of Paleolithic sites in the south of Central Siberia (North Minusinsk Basin, Kuznetsky Alatau and Eastern Sayan): Guide tour of the international conference "Paleoecology and settlement of ancient people in Asia and North America"]. Krasnoyarsk: Zodiak. (In Russian).
7. Erbaeva, M.A. (1970) *Istoriya antropogenovoy fauny zaytseobraznykh i gryzunov Selenginskogo srednegor'ya* [History of anthropogenic fauna of lagomorphs and rodents of Selenginsky midlands]. Moscow: Nauka.
8. Alekseeva, E.V. (1980) *Mlekopitayushchie pleystotsena yugo-vostoka Zapadnoy Sibiri (khishchnye, khobotnye, kopytnye)* [Pleistocene mammals of the southeast of Western Siberia (predators, proboscidiens, ungulates)]. Moscow: Nauka.
9. Vasil'ev, S.K. (2011) *Morfologicheskie i ekologicheskie osobennosti losey yugo-vostoka Zapadnoy Sibiri v pozdnem neopleystotsene i goltsene* [Morphological and ecological features of the elk in the southeast of Western Siberia in the late Pleistocene and Holocene]. *Zoologicheskyy zhurnal*. 90 (1). pp. 97–108.
10. Shpanskiy, A.V. (2001) [New finds of fossil remains of a moose *Alces alces* L. (Mammalia, Artiodactyla) in Tomsk Ob region]. *Materialy II Mezhdunarodnogo simpoziuma "Evolyutsiya zhizni na Zemle"* [Proc. of the II International Symposium "The evolution of life on Earth"]. Tomsk: NTL. pp. 543–546. (In Russian).
11. Klement'ev, A.M. (2005) *Kopytnye mlekopitayushchie i mamont v paleolite Zapadnogo Zabaykal'ya* [Ungulate mammals and the mammoth in the Paleolithic of West Transbaikalia]. In: *Paleoliticheskie kul'tury Zabaykal'ya i Mongolii (novye fakty, metody, gipotezy)* [Paleolithic cultures of Transbaikalia and Mongolia (new facts, methods, hypotheses)]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS.
12. Vangengeym, E.A., Belyaeva, E.I., Garutt, V.E., Dmitrieva, E.L. & Zazhigin, V.S. (1966) *Mlekopitayushchie eopleystotsena zapadnogo Zabaykal'ya* [Mammals of the Eopleistocene in Western Transbaikalia]. *Trudy GIN*. 152.
13. Kuz'mina, I.E. (1971) *Formirovaniye teriofauny severnogo Urala v pozdnem antropogene* [Formation of theriofauna of the northern Urals in the late Anthropogene]. In: *Materialy po faunam antropogena SSSR: Trudy ZIN AN SSSR* [Materials on the fauna of the Quaternary of the USSR: Proc. of the Zoological Institute USSR AS]. Vol. 49. Leningrad: Nauka.
14. Sutula, V.A. (1990) *Adaptivnoye znachenie proporsiy oporno-dvigatel'nogo apparata kopytnykh* [Adaptive value of proportions of the musculoskeletal system of ungulate mammals]. In: *Morfologiya mlekopitayushchikh i problemy lokomotsii: Trudy ZIN AN SSSR* [Morphology and locomotion problems: Proc. of the Zoological Institute USSR AS]. Vol. 215. Leningrad: Nauka.

15. Vasil'ev, S.K. & Ovodov, N.D. (2009) Bizony (Bison priscus Bojanus, 1827) pozdnego pleystotsena Altaya i yuga Sredney Sibiri [The bison (Bison priscus Bojanus, 1827) of the Late Pleistocene of the Altai and south of Central Siberia]. *Eniseyskaya provintsiya*. 4. pp. 77–90.
16. Shpanskiy, A.V. (2000) *Kopytnye srednego-pozdnego neopleystotsena yugo-vostoka Zapadno-Sibirskoy ravniny (stratigraficheskoe znachenie, paleoekologiya i paleozoogeografiya)* [Ungulates of the Middle and Late Pleistocene of the southeast of the West Siberian Plain (stratum value, paleoecology and paleozoogeography)]. Geology and Mineralogy Cand. Diss. Tomsk.
17. Boeskorov, G.G. (2001) K sistematike i rasprostraneniyu baranov roda Ovis (Artiodactyla, Bovidae) v pleystotsene i golotsene Sibiri i Dal'nego Vostoka [On the taxonomy and distribution of sheep g. Ovis (Artiodactyla, Bovidae) in the Pleistocene and Holocene of Siberia and the Far East]. *Zoologicheskii zhurnal*. 80 (2). pp. 243–256.
18. Foronova, I.V. (1990) *Iskopaemye loshadi kuznetskoy kotloviny* [Fossil horse of the Kuznetsk basin]. Novosibirsk: IGiG SO AN SSSR.
19. Eisenmann, V. & Vasiliev, S.K. (2011) Unexpected finding of a new Equus species (Mammalia, Perissodactyla) belonging to a supposedly extinct sub-genus in late Pleistocene deposits of Khakassia (southwestern Siberia). *Geodiversitas*. 33 (3). pp. 519–530. DOI: <http://dx.doi.org/10.5252/g2011n3a5>
20. Ayzemmann, V. & Vasil'ev, S.K. (2009) Equus (Sussemionus) ovodovi – novyy vid loshadi v pozdnem pleystotsene Yuga Zapadnoy Sibiri [Equus (Sussemionus) ovodovi – a new kind of horse in the Late Pleistocene of South Western Siberia]. *Eniseyskaya provintsiya*. 4. pp. 63–67.
21. Eisenmann, V. & Beckouche, S. (1986) Identification and discrimination of metapodials from Pleistocene and Modern Equus, wild and domestic. In: Meadow, R.H. & Uerpmann, H.-P. (eds.) *Equids in the ancient world. Beihefte zum Tubinger Atlas des Vorderen Orients*. Wiesbaden: Reihert.
22. Vitt, V.O. (1952) Loshadi Pazarykskikh kurganov [Horses of the Pazaryk mounds]. *Sovetskaya arkheologiya*. 16. pp. 163–205.
23. Shpansky, A.V. (2014) Juvenile remains of the “woolly rhinoceros” *Coelodonta antiquitatis* (Blumenbach 1799) from the Tomsk Priob'ye area (Southeast Western Siberia). *Quaternary International*. 333. pp. 86–99. DOI: 10.1016/j.quaint.2014.01.047
24. Shpansky, A.V. & Billia, A.E.A. (2012) Records of *Stephanorhinus kirchbergensis* (Jager, 1839) (Mammalia, Rhinocerotidae) from the Ob' River at Krasniy Yar (Tomsk region, southeast of Western Siberia). *Russian Journal of Theriology*. 11 (1). pp. 47–55.
25. Garutt, N.V. (2001) K istorii izucheniya sherstistogo nosoroga *Coelodonta antiquitatis* (Blumenbach, 1799) [Studying the history of the woolly rhinoceros *Coelodonta antiquitatis* (Blumenbach, 1799)]. In: Rozanov, A.Yu. (ed.) *Mamont i ego okruzhenie: 200 let izucheniya* [Mammoth and its environment: 200 years of the study]. Moscow: GEOS.
26. Garutt, N.V. & Boeskorov, G.G. Sherstistye nosorogi: k istorii roda [Woolly rhinoceros: a genus history]. In: Rozanov, A.Yu. (ed.) *Mamont i ego okruzhenie: 200 let izucheniya* [Mammoth and its environment: 200 years of the study]. Moscow: GEOS.
27. Vasil'ev, S.K., Lobachev, Yu.V. & Lobachev, A.Yu. (2014) New Data of Late Pleistocene Occurrences with Megafauna in the Chumysh (Altai region) and Chick Rivers (Novosibirsk region). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy – The Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Cross-Border Regions*. XX. pp. 15–18. (In Russian).

Received: 30 April 2015

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКЕРМАН Елена Николаевна – д-р экон. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Томского государственного университета; профессор кафедры менеджмента Томского политехнического университета; начальник контрольно-аналитического отдела Законодательной Думы Томской области. E-mail: aker@tomsk.gov.ru

АЛТУХОВА Светлана Алексеевна – аспирант кафедры всеобщей истории Томского государственного педагогического университета. E-mail: lana.asol@mail.ru

БАЁВА Елена Анатольевна – канд. филос. наук, социолог-аналитик ООО «Эй Джи Партнерс Пи Ар» (г. Москва). E-mail: bhelelena@gmail.com

БАЙКАЛОВ Николай Сергеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ). E-mail: baikalov@bsu.ru

БАЛАКЛЕЕЦ Наталья Александровна – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Ульяновского государственного технического университета. E-mail: bnatalja@mail.ru

БАНИН Сергей Анатольевич – канд. экон. наук, руководитель курса повышения квалификации работников здравоохранения Высшей школы бизнеса Томского государственного университета. E-mail: sbanin56@mail.ru

БОРОВКОВА Анастасия Вячеславовна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: nastya-borovkova@mail.ru

БЫЗОВА Валентина Михайловна – д-р психол. наук, профессор кафедры общей психологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: vbysova@mail.ru

ВАХ Елена Александровна – канд. геол.-минерал. наук, ст. науч. сотр. лаборатории гидрогеохимии и океанического литогенеза Дальневосточного геологического института Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток). E-mail: Adasea@mail.ru

ВОЛОДИНА Наталья Николаевна – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета. E-mail: VNN.tmn@mail.ru

ВЯТКИНА Ирина Вячеславовна – канд. пед. наук, доцент кафедры обучения на двуязычной основе Казанского технологического университета. E-mail: Wjatkina@mail.ru

ГОНЧАРУК Екатерина Юрьевна – ст. преподаватель кафедры русского языка Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. E-mail: Ekaterina.goncharuk@vvsu.ru / Shopotom2@mail.ru

ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна – соискатель кафедры мировой экономики и налогообложения Томского государственного университета. E-mail: ksgrigoreva@mail.ru

ДМИТРЕВА Наталья Сергеевна – магистрант кафедры гидрологии Томского государственного университета. E-mail: hydro@ggf.tsu.ru

ДМИТРИЕВА Анна Александровна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: annadm@bk.ru

ДУБРОВСКАЯ Лариса Ивановна – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры гидрологии Томского государственного университета. E-mail: dubrli@sibmai.com

ДУТЧАК Елена Ерофеевна – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: dee010@mail.ru

ЖЕЛЕВА Ольга Викторовна – аспирант кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: zheleva.olga@gmail.com

ИВАНОВ Дмитрий Игоревич – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. кафедры практического русского языка Ивановского государственного университета. E-mail: Ivan610@yandex.ru

ИВАНОВА Ирина Викторовна – канд. психол. наук, доцент кафедры социальной адаптации и организации работы с молодежью Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: IvanovaDIV@yandex.ru

КАМНЕВ Александр Сергеевич – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: aleksandr-kamnev@mail.ru

КАПИЛЕВИЧ Леонид Владимирович – д-р мед. наук, зав. кафедрой спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета; профессор кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: kapil@yandex.ru

КИРЕЕВА Полина Алексеевна – преподаватель высшей квалификационной категории Политехнического колледжа Норильского индустриального института. E-mail: Polinna.K@gmail.com

КОВАЛЕВ Анатолий Павлович – д-р экон. наук, зав. кафедрой Московского государственного технологического университета «Станкин». E-mail: jula@ftf.tsu.ru

КОЗЛОВ Алексей Евгеньевич – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русской литературы и теории литературы Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

КОЗЛОВА Анастасия Евгеньевна – аспирант кафедры теории культуры Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

КОЛТОШОВА Татьяна Владимировна – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания и спорта Омского государственного технического университета. E-mail: koltoshova@rambler.ru

КРУПИЦКАЯ Ольга Николаевна – ст. преподаватель кафедры физического воспитания Томского государственного университета. E-mail: Olgakrupickaya@mail.ru

КУРЗЯКОВА Анастасия Андреевна – магистрант кафедры информатики и прикладной математики Казанского технологического университета. E-mail: naffoo@mail.ru

ЛОЗИНСКИЙ Игорь Владиславович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: lozin@mail.tsu.ru

ЛОСОН Елена Васильевна – ст. преподаватель кафедры физического воспитания Томского государственного университета. E-mail: evl@sibmail.com

ЛУКИНА Надежда Васильевна – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. научно-исследовательской лаборатории «Музей и культурное наследие» Томского государственного университета. E-mail: lunv@mail.ru

МАЛИКОВ Дмитрий Геннадьевич – аспирант кафедры палеонтологии и исторической геологии Томского государственного университета. E-mail: knight_1991@mail.ru

МАСЛОВ Вилли Андреевич – адъюнкт кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург). E-mail: villi@e1.ru

МАШОВЕЦ Асия Океановна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург). E-mail: okeanovna@me.com

НЕУПОКОЕВ Сергей Николаевич – ст. преподаватель кафедры физического воспитания Томского государственного университета. E-mail: geraov@mail.ru

НИКОНОВА Яна Игоревна – канд. экон. наук, доцент кафедры мировой экономики и туризма Сибирского государственного университета путей сообщения (г. Новосибирск). E-mail: ya_shka@ngs.ru

НУРКИНА Кымбат Кайсаровна – аспирант кафедры отечественной истории и архивоведения Омского государственного технического университета. E-mail: kuba_1716@mail.ru

ОБЕРНИХИНА Олеся Валерьевна – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк). E-mail: Olesia.Obernihina@yandex.ru

ОРОПАЙ Ирина Петровна – аспирант кафедры отечественной истории и архивоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: editor.irenn@mail.ru

ОСТАПЕНКО Сергей Николаевич – д-р техн. наук, профессор, заместитель генерального директора ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей» (г. Москва). E-mail: jula@ftf.tsu.ru

ПАВЛОВ Николай Захарович – ст. преподаватель кафедры физического воспитания Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: sport-tqasu@yandex.ru

ПАСТУХОВ Павел Сыроевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного университета. E-mail: pps64@mail.ru

ПЕРИКОВА Екатерина Игоревна – аспирант кафедры общей психологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: chikurovaE1@gmail.com

ПЕСТЕРЕВ Станислав Константинович – аспирант кафедры истории русской литературы XX века Томского государственного университета; преподаватель кафедры иностранных языков Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: angmar@sibmail.com

ПОПОВА Алена Владимировна – аспирант кафедры философии Томского политехнического университета. E-mail: 3niti@sibmail.com

РАШЕВСКИЙ Василий Викторович – зав. Мемориальным комплексом геологов-первопроходцев «Дом Ф.К. Салманова» Сургутского краеведческого музея. E-mail: vasilij_bfmv87@mail.ru

РЕВЕНКО Евгений Михайлович – канд. пед. наук, зав. кафедрой физического воспитания Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии (г. Омск). E-mail: revenko.76@mail.ru

СИЛИНСКАЯ Анна Сергеевна – аспирант кафедры истории философии и логики Томского государственного университета. E-mail: Gella5@yandex.ru

ТИК Наталья Александровна – аспирант кафедры истории русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: tiknataly@yandex.ru

ХАЙРУЛЛИНА Эльмира Робертовна – д-р пед. наук, профессор кафедры моды и технологии Казанского технологического университета. E-mail: elm.khair@list.ru

ХАРИТОНОВА Наталья Александровна – д-р геол.-минерал. наук, зав. лабораторией гидрогеохимии и океанического литогенеза Дальневосточного геологического института Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток). E-mail: tchenat@mail.ru

ЧЕРЁМУШНИКОВА Ирина Кабдрахимовна – д-р филос. наук, доцент кафедры истории и культурологии Волгоградского государственного медицинского университета. E-mail: inhabitus@mail.ru

ШЕМЕТОВА Тамара Алексеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: ist-vi@uni-altai.ru

ШПАНСКИЙ Андрей Валерьевич – канд. геол.-минерал. наук, доцент кафедры палеонтологии и исторической геологии Томского государственного университета. E-mail: shpansky@ggf.tsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2015 № 396 Июль

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)
Э.В. Галажинский
Ответственный редактор выпуска
Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ.
ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА. НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Печатная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).
Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу
[http:// www.journals.tsu.ru/vestnik](http://www.journals.tsu.ru/vestnik)

Адрес редакционного совета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»
Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 20 июля 2015 г.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 30,2. Тираж 250 экз. Заказ № 1180.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина
Корректоры: А.Н. Воробьёва, Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки – Л.Д. Кривцова
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2015 г. было выпущено 389 номеров. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/ vestnik>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет, редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)–52-96-67

Факс 8(382-2)–52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from the authors or authors' institution.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Editorial Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050

Tel: 8(382-2)–52-96-67

Fax: 8(382-2)–52-98-46

Executive Editor: Dmitry Katunin

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru